

Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.

Российско-
болгарские
научные
дискуссии

inslav

Неизвестен автор. Руски войници в български дом. Гравюра. 1878.

Российская академия наук
Институт славяноведения

Комиссия историков России и Болгарии

Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII – XXI вв.

Российско-болгарские
научные дискуссии

Москва
2010

Редакционная коллегия:

д.и.н. Р.П. Гришина
(отв. редактор), *к.и.н. Е.Л. Валева,*
д.и.н. Т.В. Волокитина

Рецензенты:

д.и.н. Ар.А. Улуян, к.и.н. А.В. Карасев

Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII – XXI вв. – М.: Институт славяноведения РАН, 2010. – 636 с.

ISBN 978-5-7576-0219-8

Основу сборника составили доклады российских и болгарских ученых – историков, политологов, культурологов, литературоведов – на конференции, состоявшейся в апреле 2009 г. в Москве и приуроченной к проведению Года Болгарии в России. В конференции приняли участие ученые Российской и Болгарской академий наук, сотрудники и преподаватели университетов и вузов России и Болгарии. Тематически сборник состоит из двух разделов. Первый включает статьи, отражающие представления и стереотипы восприятия болгар и русских на протяжении длительного периода времени и динамику этих процессов в контексте истории обеих стран. Второй раздел освещает различные аспекты взаимоотношений между Болгарией и Россией на протяжении нескольких столетий. На основе новой источниковой базы – рассекреченных документов из архивов России и Болгарии – и новых подходов к оценкам событий прошлого авторы предлагают их оригинальную интерпретацию, сосредотачиваются, главным образом, на недостаточно изученных и дискуссионных проблемах истории двух стран, отношений между ними, в том числе и в контексте общеевропейского развития.

Для исследователей, преподавателей, студентов и всех интересующихся политической историей с XVIII столетия до наших дней.

ISBN 978-5-7576-0219-8

© Институт славяноведения РАН, 2010

К читателю

27–28 апреля 2009 г. в Москве в Российской академии наук была проведена международная научная конференция «Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.». Ее организаторами выступили Институт славяноведения РАН и Комиссия историков России и Болгарии. В работе конференции приняли участие более 30 российских ученых из Института славяноведения, Института российской истории, МГУ, РГГУ, Саратовского и Дагестанского государственных университетов, Института военной истории РФ, ГБИЛ, Министерства юстиции РФ. Болгарскую сторону представляли также около 30 коллег. Это был мощный «десант» профессиональных научных работников из Института истории БАН, Софийского и Пловдивского университетов, Центра военной истории, Центрального государственного архива (София), неправительственной организации Форум «Болгария-Россия».

Проведение столь крупного научного мероприятия стало возможно благодаря научной и финансовой поддержке со стороны Форума «Болгария-Россия», кураторства его представителя г-жи С. Шаренковой, конструктивной позиции и оперативной помощи Отделения историко-филологических наук Президиума РАН и лично А.Е. Петрова. В «Год Болгарии в России», каким был объявлен 2009 г., такая поддержка и понимание важности развития двусторонних научных контактов явились особенно актуальными.

В настоящем сборнике публикуются материалы конференции. Они сосредоточены в двух тематических разделах:

I. Русские и болгары: представления и стереотипы восприятия друг друга.

II. Развитие двусторонних отношений. Историческая ретроспектива.

В обоих случаях хронологические рамки охватывают большой период – с XVIII по XXI век.

Открывают публикацию приветствия, с которыми 28 апреля 2009 г. обратились к участникам конференции председатель Российской части Комиссии историков России и Болгарии академик Г.Г. Литаврин и заместитель директора Института истории БАН В. Стоянов. Г-н Стоянов также передал собравшимся пожелания успешной творческой работы от имени академика Г. Маркова – председателя Болгарской части Комиссии.

Это выступление Г.Г. Литаврина стало одним из его последних публичных проявлений – 6 ноября 2009 г. жизнь академика неожиданно оборвалась. Как

председатель Российской части Комиссии Геннадий Григорьевич внес огромный личный вклад, содействуя ее нормальной работе, налаживанию контактов с болгарской стороной; прекрасно зная состояние болгарской исторической науки и ее кадры, он профессионально консультировал выбор тем и сюжетов, имея в виду совместные российско-болгарские исследования, встречался с болгарскими коллегами, приезжавшими в Москву, не избегал рецензирования отдельных работ, давал советы и конкретные поручения по работе Комиссии. Уже неважно себя чувствуя, он не раз раньше времени выписывался из больницы, чтобы обязательно присутствовать на очередной российско-болгарской встрече или научной конференции.

Болгария была для него родной, он гордился тем, что первая его книга была посвящена истории борьбы болгар против византийского гнета, что он одним из первых русских историков-болгаристов удостоился звания иностранного члена Болгарской академии наук. И, сверх того, – что один из его сородичей, служивший в Тамбовском гвардейском полку, отдал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. жизнь за свободу болгар.

Многочисленные телеграммы с выражением скорби по поводу кончины академика РАН и иностранного члена БАН Геннадия Григорьевича Литаврина пришли в Москву от болгарских коллег в ноябрьские дни 2009 г.

Выражая пожелания российских и болгарских друзей Г.Г. Литаврина и свои собственные, редколлегия посвящает настоящий сборник его светлой памяти.

* * *

28 апреля 2010 г. на заседании Отделения историко-филологических наук РАН рассматривался вопрос о составах двусторонних исторических комиссий при Национальном комитете историков России. В докладе председателя Комитета академика А.О. Чубарьяна был поставлен вопрос о повышении научного статуса и значения деятельности двусторонних комиссий, актуализации их проблематики.

Российская часть Комиссии историков России и Болгарии утверждена в составе 19 чел., ее Председателем – член-корреспондент РАН В.П. Козлов.

Владимир Петрович Козлов (род. 1949 г.), доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, закончил Московский государственный историко-архивный институт по специальности «историк-архивист». В 1972–1985 гг. – научный сотрудник ВНИИ документоведения и архивного дела, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР; в 1985–1991 гг. – ученый секретарь Отделения истории АН СССР; в 1991–1992 гг. – директор Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории; в 1992–1994 гг. – заместитель руководителя, а с 1996 по

2009 г. – руководитель Федеральной архивной службы (с 2004 г. Федерального архивного агентства).

В.П. Козлов – автор более 300 научных трудов, в том числе девяти монографий: «Колумбы российских древностей» (1961), «Кружок А.И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”» (1988), «“История государства Российского” Н.М. Карамзина в оценках современников» (1989), «Тайны фальсификации» (1995), «Российская археография XVIII – начала XIX вв.» (1999), «Российское архивное дело» (1999), «Обманутая, но торжествующая Клио» (2001), «Основы теоретической и прикладной археографии» (2008), «Бог сохранял архивы России» (2009). Под его руководством подготовлено несколько документальных публикаций по истории российско-болгарских отношений.

Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

Приветствие академика РАН Г.Г. Литаврина

Дорогие коллеги и друзья!

Приветствую Вас от имени Российской части Комиссии историков Болгарии и России, в рамках которой, в соответствии с планом ее работы, созвана настоящая конференция. Выражаем нашу признательность, прежде всего, болгарским коллегам и болгарским правительственным и научным инстанциям, обеспечившим представительное участие болгарских ученых в данном научном форуме.

Российские болгаристы воспринимают данную конференцию как настоящий праздник: в многолетней истории Комиссии – это самое крупное событие со времени ее создания. Она проводится в «Год Болгарии в России» и представляет собой реализацию одного из предусмотренных планом мероприятий межгосударственной общественно-культурной программы. Конференции в связи с этим оказано чрезвычайное внимание официальных и руководящих научных кругов обеих стран.

В прошлом году исполнилось 40 лет со времени образования двусторонней Комиссии историков. Уже через несколько лет, выполняя свои научно-организационные и координационные функции, Комиссия стала играть роль своего рода постоянно действующего научного семинара, к которому обе стороны готовились, исследуя проблемы по заранее согласованной программе, чтобы затем поделиться своими соображениями и выводами на совместных конференциях, организуемых поочередно в каждой из стран (при этом принимающая сторона вскоре, как правило, обеспечивала и публикацию тематических сборников, составляемых из прочитанных на конференции докладов). С учетом независимых от Комиссии вынужденных перерывов в ее работе, в целом она более четверти века являлась важнейшим звеном в процессе развития и упрочения двусторонних научных контактов болгарских и российских историков.

Несмотря на глобальный кризис, Комиссия снова работает в нормальном ритме. Свой кризис она пережила раньше, на рубеже 1980-х – 1990-х годов, и связан он с дезорганизацией и резким снижением финансирования. Однако даже в это тяжелое время не прервались полностью ни сотрудничество, ни взаимный обмен информацией между историками двух стран. Спас положение так называемый человеческий фактор, сыгравший в данном случае самую положительную роль. Длительный период тесного сотрудничества обусловил появление с обеих сторон потребности в непрерывном научном общении. Болгарские и российские исследователи успели за это время стать не только заинтересованными сотрудниками в решении общих исторических проблем – они стали друзьями. Энтузиасты с обеих сторон не прекращали переписку, обмен научной информацией и литературой и старались использовать каждый благоприятный случай для посещения друг друга с научными докладами.

В прошлом году Комиссия, благодаря инициативе и организационным усилиям ее Болгарской части и лично ее председателя академика БАН Георгия Маркова, провела в Софии представительную научную конференцию, посвященную 130-летию Освобождения Болгарии от османского ига. Значение военных действий российских войск на болгарской земле и роль совместной борьбы русских воинов и болгарских ополченцев нашли на конференции глубокое и убедительное освещение.

На данной конференции внимательному анализу будет подвергнут опыт взаимоотношений болгарского и русского народов во всем их сложном комплексе на протяжении целой исторической эпохи. Несмотря на предстоящие неизбежные дискуссии, можно надеяться на то, что и на этот раз ученые России и Болгарии найдут принципиальный, решающий вектор взаимопонимания позиций друг друга. Залогом этого, помимо научных аргументов, являются еще два фактора: болгары с детства знают, что свобода и независимость Болгарии оплачена совместно пролитой кровью болгар и русских. Иначе болгары вообще – на неведомые исторические сроки – лишились бы возможности свободно вести какие бы то ни было научные дискуссии. Русские же со школьной скамьи усвоили, что именно Болгария была их первой незабвенной учительницей, научившей русских читать и писать. Иначе они надолго или навсегда не получили бы возможности учиться на родном языке. Так что близость в понимании крупнейших событий прошлого характерна не только для ученых обеих стран. Взаимопонимание между нашими народами обусловлено ходом самой многовековой истории России и Болгарии.

За минувшие полвека я сохранил память о беседах и встречах (в том числе не всегда научных), по крайней мере, с представителями трех поколений выдающихся болгарских ученых. Мне посчастливилось две недели работать в кабинете-библиотеке академика Ивана Дуйчева; в Варне мне дал урок методики чтения древних надписей на камне ученый с мировым именем Веселин Бешевлиев; неоднократно я злоупотреблял любезностью профессора Василки Тыпковой-Займовой, правившей мои доклады на несовершенном французском перед моими выступлениями на международных научных форумах; не одна научная проблема была обсуждена мной с большой пользой для меня с академиком Димитром Ангеловым, которому, кстати говоря, я проиграл на Витоше партию в шахматы. Некоторых из здравствующих ныне видных болгарских ученых я видел лежащими в пеленках в детских колясках или восседающими на трехколесных велосипедах...

В заключение разрешите мне выразить полную уверенность в том, что представленные на конференцию доклады болгарских и российских коллег ознаменуются новыми достижениями в оценках трехвекового опыта государственно-политического и социокультурного взаимодействия народов Болгарии и России.

Желаю всем участникам конференции больших успехов! Благодарю за внимание.

Приветствие заместителя директора Института истории БАН профессора В. Стоянова

Уважаемые дамы и господа!

Разрешите мне от имени председателя Болгарской части Комиссии историков России и Болгарии академика Георгия Маркова и от своего имени приветствовать Вас и пожелать плодотворной работы на столь представительном научном форуме.

Знаменательно, что он проводится в «Год Болгарии в России» и включен в Национальную программу чествования 130-летия Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и восстановления болгарской государственности. В 2008 г. наш Институт провел в Софии конференцию, посвященную проблемам болгаро-российских отношений, под названием «Между признательностью и прагматизмом». Результат этой творческой встречи ученых – объемистый сборник – перед Вами. И конференция, и издание ее материалов стали возможны благодаря поддержке и оперативности Форума «Болгария – Россия» и, в первую очередь, госпожи Светланы Шаренковой. Позвольте еще раз выразить нашу признательность и благодарность за эти усилия, ибо, как сказали бы в древности, – *Verba volant, scripta manent* – «Слова улетают, написанное остается». Именно в этом в значительной степени заключается смысл нашей работы как историков. Мне кажется, что подобные публикации являются важным итогом наших научных встреч, потому что именно в проблемно-тематических сборниках выявляются и общность исследовательских интересов, и дискуссионные вопросы, и различия в подходах, и, наконец, то новое, что каждый автор и каждая национальная историческая школа открывают в дошедших до наших дней источниках. В эти дни в Москве, в «Год Болгарии в России», коллеги из Института славяноведения РАН встречают нас на очередной научной конференции под названием «Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.» И эта новая встреча стала возможной опять-таки благодаря Форуму «Болгария–Россия».

Мне особенно приятно отметить, что наша конференция, привлекая внимание наиболее авторитетных российских и болгарских центров по изучению истории, не носит показного юбилейного или кампанийского характера. Она является очередной совместной научной встречей в рамках нашего многолетнего сотрудничества, которое, вопреки всем превратностям последнего двадцатилетия, не прерывалось. Этому мы в немалой степени обязаны Комиссии болгарских и российских историков и вниманию, которое оказывают ее рабо-

те Российская и Болгарская академии наук. Много душевных и физических сил отдают Комиссии ее председатели, выдающиеся ученые – академик РАН Геннадий Григорьевич Литаврин и академик БАН Георгий Марков. К нашему большому сожалению, академик Марков не смог принять участие в нынешней встрече по состоянию здоровья.

Считаю необходимым отметить, что в основе нашего сотрудничества лежит взаимный интерес российских и болгарских ученых к научным исследованиям друг друга, обмен публикациями, возможность работать в архивах и библиотеках обеих стран. Мы выражаем надежду, что доступ к первоисточникам, раскрывающим непреходяще-актуальные темы взаимовосприятия русских и болгар на протяжении столетий, историю непростых взаимоотношений наших стран, будет и впредь расширяться. В этом – гарантия высокого уровня научных исследований, призванных осветить крупные и сложные вопросы в области имагологии и болгаро-российских политических, экономических и культурных отношений и связей в новое и новейшее время.

Эти проблемы будет рассматривать и наша конференция. Она явится первым этапом нового совместного проекта Института истории БАН и Института славяноведения РАН, одобренного и включенного в План двустороннего сотрудничества между нашими академиями на 2009–2011 гг. Этот проект предусматривает проведение аналогичной встречи в Софии, где, надеюсь, буду иметь удовольствие снова приветствовать вас. Надеюсь также, что реализация указанного проекта будет сопровождаться изданием новых сборников статей и материалов, которые явятся нашим вкладом в разработку проблем истории болгаро-российских отношений и станут стимулом для молодых исследователей обеих стран, сформируют у них стойкий научный интерес к этой важной проблематике. В этом залог того, что наши научные связи будут развиваться и впредь.

С этими словами надежды и пожеланиями плодотворной работы позвольте еще раз от имени академика Георгия Маркова и своего имени приветствовать всех участников. Давайте вместе поблагодарим наших хозяев за хорошую организацию встречи и предоставленные нам прекрасные условия. Хочется отметить самоотверженную работу заместителя председателя Российской части Комиссии историков России и Болгарии д.и.н. Ритты Гришиной, ответственного секретаря Комиссии д.и.н. Татьяны Волокитиной, директора Института славяноведения РАН профессора Константина Никифорова, а также работу моих коллег из Института истории БАН – оперативного руководителя проекта профессора Витки Тошковой, ученого секретаря Комиссии – д-ра Илияны Марчевой, всех, кто участвовал в подготовке и проведении этой конференции. В очередной раз приносим благодарность и нашим спонсорам в лице Форума «Болгария –

Россия», обеспечившего столь мощное научное болгарское присутствие в Москве. По старому славянскому обычаю передаем хозяевам скромные подарки – икону святых братьев Кирилла и Мефодия и новые работы, вышедшие из-под пера историков нашего Института и других научных центров Болгарии.

В добрый час, коллеги! Успешной работы!

**Русские и болгары:
представления и стереотипы
восприятия друг друга**

Представления и стереотипы – это центральные понятия сравнительно молодой отрасли науки, получившей название имагология. Предметом ее изучения являются образы, картины мира, складывающиеся в национальной культуре другого народа, а также его национальные мифы, национальные стереотипы, выяснение их происхождения, структуры, функций. Таким образом, перед исследователями открывается весьма широкое поле деятельности. Образы «другого» изучались в разных гуманитарных науках: в социальной психологии, культурной географии, в структурных исследованиях «картины мира» и других, пока, наконец, не стали предметом специального исследования в синтетической субдисциплине – имагологии. Согласно одной точке зрения, она берет начало из сравнительной истории литератур.

Есть и другая точка зрения (впрочем, она не противостоит первой – скорее, одна дополняет другую), связывающая происхождение новой науки с эпохой «этнографических открытий» середины XIX в. Важным звеном в этом процессе явилось основание в 1845 г. Отделения этнографии Русского этнографического общества. Первыми источниками служили материалы этнографического и парэтнографического характера, помещавшиеся в географических, статистических и военно-статистических описаниях, в курсах географии, литературе путешествий и т.п. Сюда же следует отнести народную культуру, фольклор, различные виды искусства, религиозную мысль и письменность, а также общественно-политические тексты, историко-философские концепции, дневники, письма и пр.

Методология изучения «чужого» складывалась не сразу – первыми авторами «литературы путешествий» становились ученые-любители или вообще случайные люди. Они удовлетворялись чисто визуальными наблюдениями, работали без какой-либо программы. Но, приезжая в новые для себя земли, уже обладали некими предварительными суждениями. Так, русские наблюдатели, будучи часто выходцами из дворянской элиты, демонстрировали, например, в отношении «балканцев» патерналистский взгляд – взгляд из мира цивилизации.

Помимо цивилизационного подхода распространение имел и иной, исходивший из признания важности «кровнородственных связей», из принадлежности к одному славянскому корню. В последнем случае как бы уже изначально закладывался достаточно мифический стереотип родственной близости. Кто-то делает акцент в нем на силе притяжения, кто-то, наоборот, – на силе отталкивания. В целом для русской путевой прозы и деловой переписки XIX в. были характерны два основных варианта восприятия балканских реалий, а именно: сентиментализм и неоклассицистское обращение к «славянской антике». По большому счету, путешественник видит

то, что хочет видеть. Не случайно отмечается, что разные социальные слои, группы, организации создают свои мифы и свои стереотипы, и все они очень часто не совпадают с реальностью.

Собственно имагология своим рождением обязана «антропологическим» и «лингвистическим» поворотам в гуманитарных науках середины XX в., на почве которых произошла «перекодификация» прежних форм и методов научного анализа, а в качестве одного из первичных инструментов самоидентификации признание получило описание себя через «другого» («иного»). Через чужую культуру человек познает собственную культуру, через «другого» – самого себя.

Сегодня мнения и суждения о разных народах анализируются в рамках теории коммуникации, в этой системе образы и стереотипы другого получают иную трактовку: ведь позиция наблюдателя-путешественника, доминировавшего в качестве «дознавателя» при зарождении этнографии в середине XIX в. (когда внешнее наблюдение считалось верным и единственным гарантом объективности), и роль ученого-исследователя в XX в. подчиняются разным установкам и предубеждениям.

Характерны современные определения учеными понятия «стереотип» как «застывшей», постоянной модели, не существующей в реальном мире, или как «оценивающих суждений», обладающих исключительной силой убеждения и инерции из-за удобства и легкости их восприятия и использования. Важно отметить, что представления и стереотипы, сложившиеся в традиционном обществе, значительно отличаются от тех, что «работают» в сознании интеллигенции и элиты, особенно в период формирования национальной идентичности, когда происходит конструирование этнокультурных стереотипов, а внедрение их осуществляется с использованием средств просвещения и пропаганды.

Впечатляющи некоторые заключения представителей имагологической науки. Например, о «страстном патриотизме», который делает людей, с одной стороны, романтиками и мечтателями, а с другой стороны, – консерваторами, несколько узкими и исключительными. Или о необходимости выявлять истинные и ложные представления о жизни других народов, как и комплексы («врага», например, или «освободителя»), отражающиеся на психике народа, его менталитете.

Ученые отмечают также удивительный феномен: глобализация не привела к стиранию различий между народами, что казалось бы естественным. Напротив, она способствует поиску и утверждению ими своей идентичности, противостоянию тенденции к «размыванию» собственной культуры.

Г.К. Венедиктов

(Институт славяноведения РАН)

Особенности условий общения болгар и русских в Бессарабии в 1820-е годы

В начале XIX в. в истории Болгарии и России произошли два важные события, которые впервые в новое время привели к непосредственному контакту больших масс населения этих стран. Эти события – русско-турецкая война 1806–1812 гг. и переселение большого числа болгарских семей в пределы Российской империи, именно в Бессарабию, которая вошла в нее согласно Бухарестскому договору 1812 г. Оба эти события тесно взаимосвязаны. Что же касается взаимопознания русского и болгарского народов, то, как это само собой очевидно, в рамках названных событий он проходил в экстремальных условиях для обеих сторон – сначала во время войны на болгарских землях, а потом, по окончании войны, в сложных условиях послевоенного времени на территории Бессарабии, только что присоединенной к России. С началом военных действий русские (точнее – российские) воинские части оказались в городах и селах Болгарии, где в необычных условиях общались с жившими у себя дома, на родной земле крестьянами, ремесленниками, торговцами, для которых русские были не равные им по социальному положению землепашцы или сапожники, скорняки и прочие ремесленники, а пришедшие из далекой Московии люди в военной форме. В Бессарабии было иначе и сложнее. Там болгары в качестве задунайских переселенцев оказались на чужой для них земле, на которой в новой для себя повседневной жизни они сталкивались уже не столько с русскими военными – солдатами и офицерами (хотя русские воинские части в Бессарабии находились), сколько с русскими чиновниками, в прямом или заочном общении с которыми им предстояло заново устраивать свою жизнь. Но не только в этом заключалась особенность условий общения болгар и русских в Бессарабии во втором десятилетии XIX в. Особенностью было и то, что в эти годы сама русская (российская) администрация в Бессарабии только отлаживала или налаживала деятельность властных структур по управлению новой территорией, которая в силу неизбежных не всегда до конца продуманных решений и обычной чиновничьей бестолковщины и

забиюрократизированности создавала переселенцам дополнительные трудности в реализации ими установленных для них законом прав и привилегий. Ситуация осложнялась и тем обстоятельством, что переселенцы сталкивались и с сохранявшими здесь силу молдавскими боярами и помещиками, которые имели свои виды на переселенцев. Другими словами, болгарские переселенцы, хотя и оказались в России (Российской империи), в Бессарабии имели общение преимущественно с русскими чиновниками. Общение же с симметричными им по социальному положению русскими крестьянами или ремесленниками здесь во втором десятилетии XIX в. было, надо полагать, минимальным. Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, отметим только, что в силу указанных экстремальных обстоятельств и вытекавших из них последствий отношение болгар к русским определялось в те годы личным опытом общения с ними в тех именно обстоятельствах. Общего, единого – благоприятного или неблагоприятного – отношения, как нам кажется, тогда не было и не могло быть, потому что мотивация и того и другого отношения в конечном счете определялась тем, как в итоге сложилась судьба болгар вследствие этих обстоятельств. Нужно при этом иметь в виду, что речь здесь идет не о всем болгарском населении, а о той его части, которая этими обстоятельствами была непосредственно охвачена. Понятно, что и в то время, без нынешних средств массовой информации, известия о судьбах болгар, захваченных русско-турецкой войной 1806–1812 гг. и переселившихся в Бессарабию, быстро распространялись по стране и способствовали тому или иному представлению о России и русских и их отношению к болгарам.

К осени 1818 г., через несколько лет по окончании войны, в Бессарабии оказалось около 27 тысяч задунайских переселенцев – болгар и гагаузов. Для их расселения в Буджаке, южной части Бессарабии, были выделены казенные земли площадью в 557 тысяч десятин. На них планировалось построить 60 новых сел. Закреплению этих переселенцев и освоению ими новых земель Россия придавала большое значение, о чем свидетельствуют принятые высшей властью меры, обеспечивавшие решение этих задач. Специальным указом императора Александра I от 29 декабря 1819 г. были установлены права и привилегии прибывших в Бессарабию задунайских переселенцев. На них распространялись права и привилегии, дарованные иностранным колонистам манифестом Екатерины II от 22 июля 1763 г. и указом Александра I от 20 февраля 1804 г. Переселенцы из Болгарии, таким образом, уравнивались в правах и привилегиях с другими колонистами в Российской империи. Важнейшие из них – безденежное наделение каждой семьи 60 десятинами земли из казенных земель в постоянное пользование без права собственности на нее (60 десятин – это 65 гектаров или 650 декаров), свобода от воинской и гражданской службы, свобода от уплаты казенных податей и других повинностей

в льготные годы, право покупки помещичьих земель в собственность, право на владение фабриками, занятие торговлей и ремеслами, запись в гильдии и цехи. Это – общие положения, устанавливавшие правовой статус и имущественные отношения колонистов в Бессарабии.

Нужно отметить, что в подготовке положения о статусе задунайских переселенцев в Бессарабии большую роль сыграл главный попечитель колоний в Южной России и полномочный наместник в Бессарабии с 1818 г. генерал-лейтенант от инфантерии Иван Никитич Инзов. Он воспользовался тем обстоятельством, что Александр I в мае 1818 года посетил Новороссийский край «с главною целию личного осмотра и устройства Бессарабии, представлявшейся тогда еще чужестранной провинциею на ее севере и безбрежной пустынею на юге»¹. Инзов составил доклад Александру I, в котором были «подробно изложены и причины переселения, и настоящая участь задунайских болгар, их права на покровительство Русского двора и те несправедливые притязания, которым подверглись они со стороны молдавских бояр и помещиков»². Направленный 19 марта 1819 г. этот доклад Александру I о покровительстве болгарам тех же прав, которыми пользовались уже другие иностранные колонисты, даже и не православные, «имел полный успех»³.

Относительно управления болгарскими переселенцами в Бессарабии специально в указе Александра I от 29 декабря 1819 г. сказано следующее: «Управление сих переселенцев учредить на общих правилах колонистского управления, подчиня их Бессарабской конторе иностранных поселенцев»⁴. В соответствии с этим в данной конторе вводился «один чиновник в звании товарища старшего члена, обязанность коего состоять будет, под руководством конторы, иметь ближайший над поселенцами надзор и должное о них попечение»⁵. По предложению Инзова и, как пишет Скальковский, «всеобщему выбору самих болгар», первым непосредственным попечителем болгарских переселенцев в Бессарабии был «высочайше назначен» ротмистр Ватикиоти, но тот вскоре умер, и на его место 13 марта 1820 г. был «по просьбе самих болгар, высочайше определен» майор Камчатского пехотного полка Малевинский, «которому, следственно, – как пишет Скальковский, – и поручено было приведение в действие всех предположений правительства по водворению болгар»⁶. Во исполнение воли Александра I об обеспечении «ближайшего над поселенцами надзора и должного о них попечения» была разработана и в 1821 г. отпечатана специальная «Инструкция о обязанностях сельских приказов», которой должны были руководствоваться местные органы власти и следовать все переселенцы из Болгарии. Прежде чем перейти к содержанию «Инструкции», следует остановиться на самом издании этого документа.

То, что «Инструкция» была издана в 1821 г., в историографии впервые стало известно, по-видимому, из предисловия С. Радулова к опубликованному в 1864 г. в болгарском переводе сборника законов об основании болгарских колоний и управлении. В этом предисловии С. Радулов писал, что «для руководства сельских приказов собственно болгарских колоний в 1821 г. были изданы инструкции, напечатанные в виде особых книжек на русском, молдавском и болгарском языках, и разосланы по всем приказам в колонии»⁷. С. Радулов названия «Инструкции» здесь не указывает, а самого ее текста в этом сборнике, включающем «высочайшие указы», нет. Очевидно, этим отчасти объясняется то, что интересующая нас здесь «Инструкция» практически оказалась известна лишь библиографам, сообщавшим в описаниях болгарских печатных изданий эпохи Возрождения сведения о ней со слов своих предшественников. Впервые она была отмечена К. Иречком в вышедшем из печати в 1872 г. его известном библиографическом труде «Книгопис на новобългарската книжнина. 1806–1870» (1872), где о ней под № 226 сказано: «Инструкция об обязанностях сельских приказов, на болгарском и русском языках. Печ. в Кишиневе 1821, по распоряжению генерала И. Инзова»⁸. В изданной несколькими годами позднее «Истории болгар» К. Иречек отметил, что «Инструкция для колонистов была, по приказанию Инзова, напечатана в 1821 г. в Кишиневе, главном городе новоприобретенных владений: это было одно из первых произведений новоболгарской печати»⁹. Трудно сказать, держал ли К. Иречек это издание в руках или же приведенные здесь сведения о ней он почерпнул из какого-то другого источника. Тот факт, однако, что в своем описании этого издания он не указывает число страниц в нем, а также то, что, как стало ясно позднее, он приводит не полное название, а только его начальные слова и только на русском языке, без параллельного названия на языке болгарском, заставляет думать, что К. Иречек, первым включивший «Инструкцию» в библиографический перечень болгарских возрожденческих изданий, описывал ее, видимо, все же не *de visu*, а на основании каких-то других известных ему сведений.

После К. Иречка эта «Инструкция» – с прямой отсылкой на труд чешского историографа в одних и с незначительными различиями в описании в других – указывается в авторитетных библиографических справочниках А. Теодорова-Балана (1893; 1909), Н. Начова (1921), В. Погорелова (1923), М. Стоянова (1957–1959). Точное (полное) название «Инструкции» оставалось неизвестным до выхода в свет в 1901 г. 1-го тома «Каталога Одесской городской публичной библиотеки», в 3-м разделе которого под № 1140 оно впервые в литературе было приведено на русском языке – без указания, впрочем, количества страниц, но с важным добавлением (в скобках) составителей «Каталога»: «С переводом на болгарский язык»¹⁰. Данное добавление, одна-

ко, оставляло без ответа два вопроса: 1) каков именно болгарский перевод названия «Инструкции» и 2) как и где был напечатан болгарский перевод всей «Инструкции». Без ответа остались эти вопросы и в опубликованной через три года, в 1904 г., работе С. Потоцкого о генерале И.Н. Инзове, в которой перепечатан полный русский текст «Инструкции». Название документа здесь воспроизведено точно, но в сам текст его внесено множество редакционных (по словам автора – стилистических) поправок¹¹. Был ли у Потоцкого свой экземпляр «Инструкции» или же для работы над биографическим очерком об Инзове он воспользовался экземпляром Одесской библиотеки или каким-то другим, нам ничего не известно. Важно же то, что одесский экземпляр «Инструкции» и сейчас существует и, по всей вероятности, это единственный ее экземпляр, сохранившийся до наших дней.

Руководствуясь опубликованными данными «Каталога» Одесской библиотеки, в конце 70-х годов и вторично в 1986 г. мы обратились в библиотеку с просьбой прислать по межбиблиотечному абонементу заинтересовавшую нас «Инструкцию о обязанностях сельских приказов». Оказалось, что книжица эта хранится в Одессе в музейном отделе Государственной научной библиотеки им. А.М.Горького, и, надо полагать, ввиду ее особой библиографической ценности как музейного экспоната Библиотека в просьбе нам резонно отказала и вместо оригинала любезно прислала микрофильмированные его страницы. Сделав с микрофильма фотоотпечатки, автор этих строк получил, наконец, в руки достоверные сведения о двуязычном – русско-болгарском – издании «Инструкции о сельских приказах», составленной в 1821 г. для управления и благоустройства болгарских поселений в Бессарабии.

«Инструкция» представляет собой небольшую книжицу (брошюру), напечатанную старой (церковной) кириллицей с параллельным текстом на русском и болгарском языках: русский текст (оригинал) – на левых страницах, болгарский (перевод) – на правых страницах разворота. Вот ее название, переданное средствами современных график о русского и болгарского литературных языков (знаки ударения опущены):

Инструкция	Инструкция
О обязанностях Сельских Приказовъ,	Заради долгата на Приказете селски
съ пояснениемъ порядка, какъ должны	сая явениятъ ретъ, какъ трябова да
оуправляться, и наблюдая за поселяна-	са оуправя и да варди за своите селяни,
ми своей деревни, чего отъ нихъ требо-	какво отъ тяхъ трябува да ище, сая
вать, съ симъ вместе изложены для	това заедно е показано правило, какъ
жителей правила, какъ вести себя, и	да оуправя себе си и защо да са държи
чего придерживаться, для достижения	да може да достигне добро оустроение
благоустройства и покойной жизни.	и спокойний животъ.

Обе страницы имеют одну и ту же пагинацию с буквенными их обозначениями от 1 до 18 (последняя страница болгарского текста пронумерована ошибочно – 19 вместо 18). Объем текста на каждом из языков – около одного печатного листа (примерно 37000 – 38000 знаков). Самому тексту «Инструкции» предшествует подробное оглавление ее статей и параграфов, напечатанное в две колонки на русском и болгарском языках на трех страницах первого и второго не нумерованных разворотов. На правой странице последнего разворота под болгарским текстом и чертой напечатаны следующие важные сведения о времени и месте издания «Инструкции»: «Печатано в Кишиневской Духовной Типографии, в октябре 1821 года». На двух последних страницах внизу вдоль всего разворота, вероятно, рукою писаря (или самого Инзова?) сделана следующая запись: «Киш[инев] Октября 30-го 1821 года. Подленную [так!] подписал Главный Попечитель Колонистов южного края России Генерал Лейтенант Инзов. С подленным верно: Попечитель Задунайских Переселенцев Подполковник Малевинский». Запись скреплена овальной гербовой (с двуглавым орлом) печатью в левом и правом углах разворота. Вторая половина названия города Кишинева оказалось под печатью. Первая цифра даты – 30 октября – на фотоотпечатке просматривается очень слабо: не 20-е ли октября? Очевидно, что такую запись имели все экземпляры «Инструкции», рассылавшиеся в болгарские села, а также, может быть, и те, которые оставались в канцелярии (конторе) иностранных поселенцев.

Для истории книгопечатания у болгар немалый интерес представляет вопрос о том, кто был автором болгарского перевода «Инструкции». Понятно, что в самом ее издании фамилия болгарина, первым сделавшего на родной язык перевод трудного русского административно-канцелярского документа, не могла быть указана и ее там нет. В одной из статей, еще до открытия сохранившегося экземпляра «Инструкции», нами было высказано предположение, что этим болгарин, возможно, был Михаил Кифалов (род. в Тетевене в 1783 г.), служивший в 20-е годы XIX в. «переводчиком Верховного совета в Кишиневе»¹². Никаких аргументов в пользу такого предположения у нас не было 30 лет назад, нет их и сейчас. Можно, однако, с уверенностью утверждать, что перевел «Инструкцию» уроженец Восточной Болгарии или потомок уроженцев этой части Болгарии. Об этом убедительно свидетельствуют широко отраженные в языке перевода характерные особенности восточноболгарского наречия, в частности: редукция безударных гласных – *млѡгу, начѣлству, буклѹкъ, мижѡдѡвичи, иднѡ, силѡ, сѡлѡнитѡ* и др.

Рассказанные выше историко-библиографические подробности, касающиеся интересующей нас «Инструкции», можно было бы здесь опустить.

если бы не три обстоятельства, которые ставят ее в особое положение в истории болгарского книгопечатания и русско-болгарских связей в начале XIX в.

Во-первых, «Инструкция» 1821 г. – одно из первых изданий с болгарским печатным текстом, увидевшее свет всего лишь через 15 лет после выхода в 1806 г. «Кириакодромиона» («Недельника») Софония Врачанского и «Молитвенного крина» неизвестного автора-составителя, положивших начало книгопечатанию у болгар в эпоху Возрождения. Но более важно, пожалуй, то, что в «Инструкции» впервые напечатан значительный по объему текст на народном болгарском языке (с неизбежными – в силу содержания самого документа – иноязычными лексическими заимствованиями и синтаксическими конструкциями). До сих пор в болгарской историографии считается, что первой печатной книгой, написанной на народном болгарском языке, является изданный в 1824 г. «Букварь с различными поучениями» (издавна более известный в литературе как «Рыбный букварь»).

Во-вторых, рассматриваемая «Инструкция» – первая изданная в России книжка, содержащая текст на болгарском языке. После нее в последующие десятилетия эпохи Болгарского возрождения книги на болгарском языке печатались и в других городах России – Петербурге, Одессе, Москве, Киеве. Примечательно также, что, обязанная своим появлением на свет необходимости решения неотложных чисто практических административных, хозяйственных и других мер по благоустройству жизни болгарских переселенцев на новых землях Российской империи, «Инструкция» своим содержанием и назначениям резко отличается от изданных до нее болгарских книг, посвященных религиозным и церковно-богослужебным вопросам.

В-третьих, болгарский текст «Инструкции» – это первый текст, переведенный с русского литературного языка начала XIX в., представленного здесь канцелярским вариантом бытовавшего в то время его делового стиля. Неизвестный автор этого перевода положил, таким образом, начало одному из важнейших процессов в истории русско-болгарских культурных связей в эпоху Болгарского возрождения, каким стали быстро расширявшиеся переводы русской литературы на болгарский язык.

Обсуждаемая здесь «Инструкция» представляет большой интерес и в лингвистическом отношении. Ее болгарский перевод заставляет внести коррективы в сложившиеся в литературе представления о двух важных процессах в истории современного болгарского литературного языка – начале влияния собственно русского (не церковнославянского) литературного языка и начале становления делового стиля.

Обнаруженный нами печатный экземпляр «Инструкция о обязанностях сельских приказов» ценен также и тем, что дает теперь в руки исследователям подлинный русский текст оригинала этого документа. Став библиографической редкостью, «затерянный» в фондах Одесской библиотеки единственный экземпляр его оказался вне поля зрения исследователей нашего времени и потому ими не востребованным. В редких, известных нам, случаях обращения к «Инструкции» они опираются на ее текст, переизданный С. Потоцким¹³, который опубликовал его со множеством редакционных (по его словам – стилистических) поправок. Сам С. Потоцкий необходимость публикации текста оригинала с его правкой объяснял так: «Ввиду неудовлетворительности языка Инзовской “Инструкции” я нашел нужным подвергнуть ее подлинный текст стилистической выправке, заменяя в некоторых случаях неудачные слова более подходящими к смыслу речи словами и переделывая неправильно построенные и чрезвычайно громоздкие обороты речи синтаксически простыми и грамотнее составленными выражениями. Но, излагая “Инструкцию” во многих местах более простым, чем она написана, языком, я тем не менее оберегался нарушить ее общий тон и вместе с тем не решался далеко отступать от свойственного ей стиля»¹⁴. Потоцкий правильно характеризует особенности «инзовского» языка «Инструкции», однако в некоторых случаях, вопреки своему стремлению не отступать далеко от стиля подлинного текста, он допускает ощутимые отклонения не только стилистического, но и собственно содержательного характера. Один пример. Параграф «Правила о разделе земли в селении» в оригинале начинается словами: «Полями друг друга не обижать, а делить безобидно одному против другого»¹⁵. Это важное положение «Инструкции», довольно туманно устанавливающее порядок распределения земли между поселенцами, С. Потоцкий передает так: «Распределением полей друг друга не обижать, а делить землю равномерно и добросовестно»¹⁶. Предложенная им версия, хотя она как будто и более вразумительна, все же заметно отличается от текста оригинала; срв.: «делить [землю] безобидно одному против другого» в оригинале и «делить землю равномерно и добросовестно» у Потоцкого. В такой версии – со ссылкой на публикацию С. Потоцкого – она и вошла в цитируемую монографию И. И. Мещеряка¹⁷.

Обсуждаемая здесь «Инструкция» была подготовлена, надо полагать в Бессарабской конторе иностранных поселенцев, которой, как уже отмечено выше, согласно указу Александра I от 29 декабря 1819 г. «на общи: правилах колонистского управления» было поручено управление и болгарскими переселенцами. Очевидно, что идея составления «Инструкции» исходила от генерала И. Н. Инзова – главного попечителя колонисто

Южного края России. Однако непосредственная роль его в появлении этого документа в существующей литературе представляется по-разному. Согласно К. Иречку «Инструкция» была напечатана «по распоряжению»¹⁸, «по приказанию» Инзова¹⁹. Естественно, что такой документ не мог быть напечатан без распоряжения (приказания) главного попечителя колонистов, но был ли он и составителем (одним из составителей) текста этого документа, из слов К. Иречка не ясно. Совершенно определенно об авторстве Инзова впервые, насколько нам известно, сообщил С. Потоцкий. В краткой «Заметке», предвещающей публикуемый им текст «Инструкции», он дважды называет ее «составленную Инзовым», а в другом месте, приведя ее полное название, он указывает: «Составлена И.Н. Инзовым»²⁰. Автором (составителем) ее считает и П.Д. Драганов, который в справочно-библиографической статье об Инзове в перечне его работ и писем приводит и это издание: «Инструкция для болгарских колонистов, водворяемых в Бессарабии (1821), переведенная на языки молдавский и болгарский. Кишинев»²¹. Таково же мнение и И.И. Мещерюка, который в работе начала 70-х годов прошлого века говорит о «специальной инструкции, составленной им (Инзовым. — Г.В.) в 1821 г.», указывает, что инструкция эта «составлена И. Инзовым», называет ее «инструкцией Инзова», «особой инструкцией Инзова»²². Таково же мнение и автора этих строк, высказанное в конце 70-х годов²³. Строго говоря, такая точка зрения не имеет документального подтверждения, она базируется скорее на простой посылке, что столь ответственный документ мог составить только главный попечитель колонистов Южного края России, т. е. генерал Инзов. Нет, однако, никаких сомнений в том, что без его личного участия в самом составлении «Инструкции» этот документ не мог быть подготовлен. «Инструкция» составлялась под его руководством и наблюдением; наверное, он был по крайней мере соавтором ее текста и, называя вещи современным языком, ее ответственным редактором. Как высокопоставленный чиновник, призванный организовать и обеспечить устройство жизни задунайских переселенцев на новых землях Российской империи, и как человек, принявший близко к сердцу нелегкую судьбу православных братьев, покинувших родные земли, генерал Инзов не мог целиком доверить другому лицу или другим лицам составление столь важного документа. В самой «Инструкции» указание на авторство Инзова, подтвердившего, как сказано выше, ее подлинность в записи на обеих страницах последнего разворота, можно увидеть, наверное, в цитируемом ниже его обращении к жителям болгарских сел, в котором сказано, что он «объяснил» им в «Инструкции» их правила и распорядился послать в каждое село по одному ее экземпляру.

Обратимся теперь к содержанию «Инструкции».

В преамбуле «Инструкции» подписавший ее генерал Инзов, обращаясь к задунайским переселенцам, пишет: «Вы получили все, чего желали, а затем долг ваш ныне состоит в том паче всего, чтоб, принося ежеминутно благодарение всещедрому Богу и Великому Государю, стараться сколь можете более искоренять всякое зло и приучать себя безупорно принимать тот порядок, который требуется ныне от вас, дабы вы, вникнув в оной, могли навсегда утвердить между собою согласие и тишину как в обществах, так и семействах ваших и радением ко всему доброму, не на словах, на деле показать себя достойными Царских милостей» (с. 1; здесь и ниже фрагменты «Инструкции» передаются средствами современной русской графики с сохранением грамматических и лексических особенностей текста). И далее следует объяснение необходимости в изложенных в ней правилах, руководствуясь которыми переселенцы смогут благоустроить свою жизнь на обретенных ими в Бессарабии землях. «Как же многие среди вас, — продолжает Инзов, — не знают еще настоящего пути к достижению до благоустройства и того порядка, каковой должен быть в кругу вашем, то для руководства Сельского Приказа и собственно каждого из Колонистов Задунайских переселенцев, сим (т. е. «Инструкцией». — Г.В.) поясняются все правила» (с. 1). Очень любопытно более пространное разъяснение необходимости этого документа, которое Инзов дает в другом месте после изложения правил, которым должны следовать сельские приказы и жители сел. «Объяснив вам здесь, — пишет Инзов, — многие правила, чрез кои наиболее обрящете спокойствие в кругу вашем и дойдете до цели настоящего благоустройства, естли приметесь во всем оным следовать неукоснительно, я предписал вместе с сим Попечителю вашему Господину Майору Малевинскому роздать Инструкции сии каждому селению по одному экземпляру, с тем, чтобы она была сколь можно чаще читана в громаде, дабы всяк из поселян, худой или доброй, узнав сам лично о правилах, что от каждого требуется, не мог отговорится неведением, благоразумнейшие же, познав настоящую из того пользу, на каждом шагу могли научить слабейшего в понятиях от себя, остаюсь в надежде, что вы, как народ доброй, честной и пещийся о благе своем, и вместе с тем желающий оправдать благодать Монарха (т. е. Александра I. — Г.В.), вам оказанную, будете покорны правилам и исполните все в возможной точности» (с. 15).

Приведенные фрагменты «Инструкции» ясно показывают, что генерал Инзов, главный попечитель колоний в Южной России и полномочный наместник в Бессарабии, составитель (один из составителей) этого документа, с одной стороны, проявляет подлинную заботу о переселенцах, благо-

устройстве их жизни в новых условиях, с другой же стороны, довольно жестко требует неукоснительного соблюдения ими правил «Инструкции» как залога их благополучия.

Правила, которым должны были следовать в своей деятельности сельские приказы (органы местной власти) и жители болгарских сел, сформулированы в «Инструкции» в 16 статьях (главах). Вот перечень их заглавий, который дает общее представление о ее структуре и основных проблемах административного управления и благоустройства сел, которые, по мнению Инзова, должны были они решать совместными усилиями: «Обязанность поселян, яко христиан, ко храму Божию», «О правилах, относящихся к благонравию поселян», «О выборе сельских старшин и о обязанностях поселян к оным», «О сельском приказе и его обязанностях», «О разборе дел между поселянами и о запрещении самоуправий», «О наблюдении сельскими старшинами за поведением поселян и их хозяйственными занятиями», «О присмотре за чистотою в селениях и опрятностью в домах», «О нетерпении в селении вредных толкователей и подговорщиков», «О искоренении бродяжества и отлучек без письменных видов», «От кого получать письменные виды», «Как нанимать и отпускать наемных работников», «О займах, контрактах и прочих письменных сделках, как заключать оные», «О долгах и долговых расчетах», «Правила о разделе земель в селении», «О штрафах, каким подвергать провинившихся», «О внутренних устройствах в селениях, каковые имеют быть введены».

Остановимся теперь кратко на сельских приказах, на которые «Инструкцией» возлагался широкий круг полномочий и обязанностей по административному управлению, поддержанию в селах порядка, организации хозяйственной жизни поселян.

Как сказано в начале статьи, главным попечителем колоний в Южной России и полномочным наместником в Бессарабии с 1818 г. был генерал-лейтенант от инфантерии Н.И. Инзов. Высшим органом управления всеми болгарскими поселениями в Бессарабии, согласно указу Александра I, была Бессарабская контора иностранных поселенцев. В рамках этого учреждения назначался один чиновник, обязанностью которого было осуществление под руководством конторы «ближайшего надзора» над болгарскими поселенцами и должного о них попечения. Первым попечителем болгарских переселенцев был (очень короткое время) ротмистр Ватикюти, а после него с 13 марта 1820 г. их попечителем стал майор Камчатского пехотного полка Малевинский, заверивший в конце октября 1821 г. подлинность напечатанной «Инструкции» уже в чине подполковника. Это было верхнее звено в трехзвенной структуре административного управления болгарскими поселениями. Сложная и ответственная работа этого зве-

на по организации управления и практической реализации предписаний «Инструкции» по благоустройству создаваемых болгарских поселений выпала на долю их попечителя Малевинского.

Среднее звено управления болгарскими поселениями составляли окружные приказы, которых было четыре – по числу административных округов в Буджаке (в Южной Бессарабии), где создавались болгарские поселения. Во главе этих приказов стояли сельские старшины. Функции и полномочия окружных приказов в «Инструкции» отдельно не прописаны, а из того, что в ней об этом говорится, можно заключить, что они надзирали за деятельностью местных сельских приказов, решали более важные вопросы, не входившие в компетенцию сельских приказов, и др.

Нижнее звено административного управления – сельские приказы – были тем органом власти, на которые возлагались обеспечение общественного порядка в селах и их благоустройство, жесткий надзор за соблюдением всеми жителями сел предписанных «Инструкцией» правил в семейных и общественных отношениях, в хозяйственной деятельности. Можно сказать, что сельский приказ назначался ответственным за все, что происходило в селе. Согласно «Инструкции», он представлял собой выборный орган местной власти. Состоял он из четырех должностных лиц – одного выборного (так называлась должность), который был главным среди них, и двух старост, которые (все трое) избирались жителями села, и сельского писаря. Обращаясь к поселянам, «Инструкция» провозглашает: «Вам предоставлено по узаконениям право избирать себя в сельские начальники, выборного и двух старост, с предварением, дабы выбор сей учинили из честнейших и благоразумнейших людей, отличнейших в хозяйстве и особенно сведущих во всех хозяйственных упражнениях и обзаведениях, как то: в хлебопашестве, скотоводстве, садоводстве и прочих заведениях, дабы могли они несмыслящему подать доброй совет и научить в том, чего таковые не знают, ибо в то время, в которое они будут занимать места сии, будут составлять начальство над вами в селении» (с. 4). Сельский писарь не избирался, а назначался по найму из числа грамотных жителей села. Он был «исполнитель токмо дел, производимых по распоряжению сих избранных (т. е. выборного и двух старост. – Г.В.), но за исправность предписанного порядка и выполнение в сходство предписаний начальства отвечает яко грамотный» (Там же). Выборный, старосты и писарь «обязаны выслушивать все происходящие дела и споры, ссоры между жителями происходящие, разбирать их и по мере справедливости решить, мирить добровольными сделками, определяя обиженным вознаграждение от стороны виновных, или с определением наказаний и оштрафований, каковые должны определяться приказом вместе с согласием громады» (Там же).

«Инструкция» представляет собой своего рода свод разнообразных правил, нацеленных на достижение благоустройства и обеспечение спокойной жизни болгарских поселенцев, и сельским приказам надлежало следить за их исполнением поселенцами и этому способствовать. Правила эти, как видно и из приведенного выше перечня статей «Инструкции», относятся к разным сферам жизни: хозяйственная деятельность, семья, отношения с односельчанами и др.

Иллюстрацией стремления властей обеспечить справедливое – в интересах поселенцев – решение стоявших перед властями задач могут служить многие правила и советы «Инструкции», касающиеся организации и ведения хозяйственной деятельности в болгарских селах. Таковы устанавливаемые ею правила раздела земель в селах, правила заключения поселенцами сделок о займах и контрактах, о долгах и долговых расчетах, правила найма и отпуска наемных работников и др.. Понятно, что поселенцам важно было знать, как им следует поступать в этих и других случаях, чтобы не оказаться обманутыми, не понести имущественный и иной урон. В «Инструкции» даются и совсем конкретные советы, например, не запродавать весной на корню ожидаемый осенью урожай, чтобы не оказаться в убытке; «Инструкция» призывает поселенцев искоренять пьянство, не творить саморасправ и не устраивать драк; не отбирать насильно имущество у других лиц и др.; она дает много конкретных советов, какими полезными делами следует поселенцам заниматься, например, непременно сажать деревья возле домов, на заливаемых половодьем землях сажать быстро растущие ракитник и тополь, блюсти чистоту и опрятность в доме. Есть и советы уважать престарелых, быть уважительным к священникам, слушать советы благоразумнейших старцев. «Инструкция» призывает богатых быть снисходительными к бедным и к тем, кто оказался в долгах. И многое другое. Это – с одной стороны.

С другой стороны, в «Инструкции» содержится много жестких правил и требований, которые все поселенцы должны были неукоснительно соблюдать и за нарушение которых они должны были нести ответственность в виде разного рода наказаний. Так, поселенцам строго запрещалось покидать свои села без специального на то разрешения сельских приказов и без обязательного в таких случаях билета – документа на право передвижения по территории данного округа и за его пределами; преследовалось бродяжничество; категорически запрещалось выделение или отделение кого-либо из родственников (например, сыновей или братьев) из семьи; поселенцы не имели права заключать какие-либо письменные сделки без ведома начальства; не допускалось создание в селах каких-либо «партий», которые считались «главными нарушителями внутреннего спокойствия, порядка и

благоустройства»; не допускалось проживание в селах «толкователей» и «подговорщиков», т. е. разного рода смутьянов, которые бы действовали «в противную сторону правил или узаконений», чинили бы «какие-либо незаконные поступки или вредные предприятия»; осуждались «буйственные и прочие проступки» молодых людей, равно как и неблагопристойное их поведение «относительно не позволительных связей с женщинами и девицами»; порицается несоблюдение поселенцами обязанностей к церкви, неуважительное отношение к священникам; и многое другое, что, с точки зрения властей, считалось помехой в благоустройстве болгарских поселенцев в Бессарабии.

За несоблюдение предписываемых «Инструкцией» правил и требований нарушители подвергались различным наказаниям. Этой стороне жизни поселенцев в ней уделяется большое внимание. Специальную статью «О штрафах, каким подвергать провинившихся» (с. 15–17) Н.И. Инзов начинает с априорного положения о непременном наличии в селах незаконопослушных жителей: «Но как среди вас, как обыкновенно бывает в многочисленном сословии народа, найдутся люди беспокойные и упрямые в выполнении правил и, следовательно, будут подлежать наказанию и оштрафованию, а потому нужным считаю пояснить о штрафах и наказаниях, каковые должны быть введены для укрощения виновных и порочных, то есть тех, кои налагать предоставляется сельскому приказу обще с ведома громады и разрешения окружных старшин» (с. 15–16). Следить за соблюдением поселенцами правил и карать нарушителей этих правил было, согласно «Инструкции», первейшей обязанностью сельских приказов. Они должны были вести подробнейший учет всех совершенных в селах нарушений и с подробным их описанием доносить по начальству – в окружные приказы и выше – попечителю. В случае легких нарушений сельский приказ ограничивался увещанием провинившихся. Более серьезные нарушения карались денежными штрафами, а при повторном нарушении – денежными штрафами и общественными работами в селе от двух до десяти дней. Провинившиеся в третий раз подвергались телесному наказанию, «мера коего определяется сельским приказом купно с громадою и с утверждения старшины округа; наказание таковым производится в виду собранной громады» (с. 16). Очевидно, трижды нарушившие правила подвергались публичной порке с назначенной «мерой», т. е. числом ударов розгами (плетью?). Но самым тяжелым для провинившихся поселенцев наказанием было, видимо, лишение их колониетского звания, влекущее за собой лишение ими прав и привилегий, установленных законом для колонистов Южного края России.

Из сказанного видно, что реализация болгарскими переселенцами в Бессарабии дарованных Александром I прав и привилегий обеспечивалась «Инструкцией о обязанностях сельских приказов». Как эта «Инструкция» была встречена жителями болгарских сел, как она реально прилагалась в административном управлении этими селами и их благоустройстве, насколько эффективными и результативными оказались ее предписания, это – тема отдельного специального исследования. Можно, очевидно, предположить, что жесткий надзор властей, включая и местной власти в лице избираемых сельских приказов, за жизнью поселенцев и требования неукоснительного соблюдения ими правил «Инструкции» могли стать одной из причин того, что немалое число переселенцев вскоре покинуло Бессарабию: одни вернулись в родные края, в Болгарию, другие через Прут ушли в Молдову, а оттуда в Валахию, в том числе и в Бухарест. Настоящей статьей мы хотим привлечь внимание исследователей, прежде всего историков и языковедов, на сохранившийся редчайший (может быть, единственный) экземпляр изданной в 1821 г. в Кишиневе русско-болгарской «Инструкции о обязанностях сельских приказов», которая, как нам кажется, дает интересный материал для изучения первого в истории Болгарии и России непосредственного контакта значительных масс болгарского и русского (российского) народов в экстремальных условиях.

В заключение отметим, что рассматриваемая здесь «Инструкция о обязанностях сельских приказов» была переведена не только на болгарский язык, но и на молдавский. О том, что был и молдавский перевод «Инструкции», отметил еще С. Радулов в 1864 г., а в начале XX в. П.Д. Драганов. С. Потоцкий писал, что она была переведена «на болгарский язык для болгарских переселенцев и на молдавский язык для молдавских поселенцев»²⁴. Из слов Потоцкого следует, что «Инструкция», специально составленная для управления болгарскими селами, которую должны были знать болгарские переселенцы и ею руководствоваться, была переведена и на молдавский язык «для молдавских поселенцев». Если это действительно так, то смысл перевода *этой* «Инструкции» для последних заключался, видимо, в том, чтобы местное население, молдаване, и местные молдавские власти были осведомлены об указанных в ней правах и обязанностях болгарских переселенцев в Бессарабии и административной деятельности их сельских приказов. Экземпляр «Инструкции» с текстом на молдавском языке отмечен в упоминаемом в начале статьи «Каталоге Одесской городской публичной библиотеки», где он предшествует описанию рассмотренного здесь экземпляра с русским и болгарским текстами²⁵.

Примечания

- ¹ Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, с. 18.
- ² Там же. С. 18–19.
- ³ Там же.
- ⁴ Цит. по: Скальковский А. Указ. соч. С. 24.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 25.
- ⁷ Радулов С. Предисловие // Постановления за българските колонии в височайши хрисовули за тяхното основание и потвърждение. Болград, 1864. С. III.
- ⁸ Иречек К. Книгопис на новобългарската книжнина. 1806–1870. Виена, 1872. С. 25.
- ⁹ Иречек К. История болгар. Одесса, 1878. С. 677, сноска 2.
- ¹⁰ Каталог Одесской городской публичной библиотеки. Т. 1. Одесса, 1901. С. 111. № 1140.
- ¹¹ Потоцкий С. Инзов Иван Никитич, генерал от инфантерии, главный попечитель и председатель попечительного комитета об иностранных поселениях южного края России. Биографический очерк. Бендеры, 1904. С. 98–122.
- ¹² Венедиктов Г.К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в. // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 253.
- ¹³ Показателна в этом отношении монография И.И. Мещерюка «Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808–1856)» (Кишинев, 1971), в которой «Инструкция» упоминается и цитируется со ссылкой на работу С. Потоцкого.
- ¹⁴ Потоцкий С. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁵ Там же. С. 14.
- ¹⁶ Там же. С. 115.
- ¹⁷ Мещерюк И.И. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁸ Иречек К. Книгопис на новобългарската книжнина... С. 26.
- ¹⁹ Иречек К. История болгар... С. 677.
- ²⁰ Потоцкий С. Указ. соч. С. 98, 122.
- ²¹ Драганов П.Д. Bessarabiana. Кишинев, 1911. С. 26.
- ²² Мещерюк И.И. Указ. соч. С. 307, 315, 318.
- ²³ Венедиктов Г.К. Указ. соч. С. 254.
- ²⁴ Потоцкий С. Указ. соч. С. 98.
- ²⁵ Каталог Одесской городской публичной библиотеки... С. 111. № 1139.

Б. Даскалова

(Московский государственный университет)

Научное значение книги Ю. Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам»*

Современным историкам хорошо известно, что когда известный славист профессор Московского университета Михаил Погодин решил опубликовать «записки» Юрия Венелина в книге «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам»¹, в российской исторической науке того времени сведения о прошлом болгарского народа были крайне скудными. Теория происхождения болгар, изложенная Венелиным в данной книге, впервые в европейской историографии эмоционально и однозначно обосновывала славянский характер болгарского народа. На суждения автора о кровном одноплеменном родстве русских и болгар сильное влияние оказало стремление явить обществу свою убежденность в славном прошлом славянских народов и их заметном месте в политической и культурной истории Европы.

Горячая защита Венелиным болгарского народа как творца классической древности славянской культуры и смелые идеи о его славянском происхождении не были встречены однозначно доброжелательно в российской науке. Известна полемика Полевого и Качановского с Погодиным по этому поводу². Но все же после появления публикации Венелина представление о болгарях как о славянах мало-помалу начало распространяться в русском обществе, что, в свою очередь, позднее подтолкнуло многих журналистов, университетских преподавателей и общественных деятелей к более активному изучению южного славянства и конкретно болгар. Российское славяноведение проявило значительный научный интерес к

* Перевела Т.В. Волокитина

исследованию болгарской истории, фольклора, грамматики болгарского языка. В этом плане показательна научная деятельность П. Кэппена, М. Погодина, О. Бодянского, Н. Мурзакевича, В. Григоровича и многих других авторитетных русских общественных деятелей и ученых³.

Но теория Венелина о «братском славянском» болгарском народе сыграла огромную роль и в истории болгарского Возрождения. Книга Венелина о древних и современных ему болгарх вдохновила многих болгар-возрожденцев Влахии, Молдовы и России на работу по духовному пробуждению и просвещению своих соотечественников в Османской империи. Болгарские купцы из Одессы Васил Априлов и Никола Палаузов, растроганные сочинением Венелина, выразили свою благодарность автору в теплых письмах к нему⁴. О впечатлении, произведенном книгой на болгар в Бухаресте, свидетельствует письмо одного из деятелей просвещения Атанаса Кипиловского от 30 июня 1831 г. Автор пишет, что «шесть раз с ненасытностью прочитал» сию замечательную книгу, наполнившую душу его восторгом, что «весь болгарский народ должен направить благодарственное послание этому бессмертному возобновителю болгарского существования»⁵.

Разумеется, безоговорочное восприятие болгарскими возрожденцами теории Венелина обуславливалось еще и тем, что усиливало их веру в скорейшее вмешательство России в «турецкие дела» с целью освобождения болгар и восстановления независимого государства. Воодушевление, с которым деятели национального Возрождения восприняли идеи Венелина о том, что болгары и русские – «единоплеменные», «единокровные» и «единоверные» братья, объяснялось надеждой, что могучая Российская империя не оставит болгарский «братский» славянский народ страдать под гнетом иноверного Османского государства. Молодая болгарская историческая наука в лице Марина Дринова и Гавриила Крыстевича пыталась защитить доброе имя болгар, отрицая европейские теории о «татарском», «гунском», «утро-финском» или ином «неславянском» происхождении древних славян, предполагавшие их бескультурье, варварство и кочевой образ жизни. Дринов и Крыстевич обосновывали идею о праболгарах как «малочисленной дружине», которая быстро ассимилировалась в славянской среде и оставила след о себе только в названии. Крыстевич полностью воспринял утверждение Венелина о том, что названия «гунны» и «славяне» суть синонимы.

Таким образом, политические пристрастия и предубеждения XIX века положили начало болгарской истории, которая сегодня лишена многих конкретных исторических фактов, но была полностью понятной в условиях тогдашнего существования болгар. Наиболее вероятная причина, по которой Дринов представил болгар как незначительную по численности

«дружину», заключалась в популярности в то время теории Н.М. Карамзина о «татарском племени» болгар, что мешало пробудить сочувствие русского общества к делу освобождения Болгарии. Стремясь преодолеть негативное отношение части дворцовых кругов к болгарским проблемам, Дринов поддержал теорию, согласно которой болгары времен хана Аспаруха якобы не имели ничего общего с нынешним болгарским народом. Сложная историческая реальность, в которой он создал свою теорию, охарактеризована П. Коледаровым следующим образом: «Истоки и объяснение заблуждения Дринова следует отнести ко времени, когда славянофилы в России начали, наконец, свою кампанию в защиту "братьев-болгар", страдавших под властью султана. Поначалу среди русской общественности поднялось негодование с связи с определением болгар как "братьев", поскольку в дунайских болгарях они видели болгар волжских, выступавших против славян на стороне татар. Своим авторитетом Дринов рассеял возникшее недоразумение, утверждая, что болгары Аспаруха были всего лишь незначительной "ордой"»⁶.

Несколькими годами позднее теория о «славянском характере» болгарского народа нашла отражение и в труде чешского историка Константина Иречека, который, полностью соглашаясь с Дриновым, утверждал, что болгары были малочисленным народом. По мнению Иречека, при переселении болгары обосновались на небольшой территории между Дунаем и Черным морем, и это якобы было явным доказательством их малочисленности. Иречек критиковал как немецких историков XVIII в., так и их оппонентов Йована Раича и Юрия Венелина за чрезмерную переоценку численности и силы древних болгар: «Оба течения забыли об одном важном обстоятельстве. Болгары Испериха и его преемников занимали не более четверти территории, которую сегодня занимает говорящий на славянском языке болгарский народ... Лишь спустя два века болгарское владычество расширилось за пределами Балканского хребта во Фракии и Македонии, которые к 679 г. уже давно были славянизированы. Уже только по одной этой причине болгары, которые в 679 г. обитали в Мизии, не могут считаться предками всего нынешнего болгарского народа»⁷.

В заключении главы «Приход болгар» Иречек вновь акцентирует внимание на славянском происхождении болгар: «Итак, предками нынешних болгар была не горсточка болгар Испериха, завладевших в 679 г. частью Придунайской Мизии, а славяне, которые гораздо раньше заселили Мизию и Фракию, Македонию и Эпир и даже районы всего полуострова. Кровь финских болгар, которая текла преимущественно в жилах дворянских родов именно той болгарской страны – между Дунаем и Балканскими горами, как видно, давно испарилась»⁸.

Так введенная Марином Дриновым в научный обиход по политическим соображениям теория о чисто славянском характере болгарского народа, с помощью которой он хотел содействовать скорейшему освобождению Болгарии, нашла отражение в исторической науке через производные от его взглядов теории.

Еще один исторический источник – история византийского патриарха Михаила Сирийского, в которой сообщалось о *заселении* 10 тысячами болгар обоих берегов Дуная при императоре Маврикии (582–602 гг.), – был ошибочно интерпретирован авторитетным болгарским историком Василем Златарским⁹. Он полагал, что Михаил Сирийский сообщил о *переселении* болгар, и в силу этого в болгарскую историю надолго вошла эта мифическая цифра – 10 тысяч человек как общая численность болгар Аспаруха. Тот факт, что такие известнейшие болгарские историки периода после Освобождения, как Марин Дринов, Константин Иречек и Васил Златарски, единодушно поддерживали тезис о малочисленности древнего болгарского племени, оказал сильное и длительное влияние на нашу историческую науку.

Теория «славянизации» как фундамента болгарской идентичности, которую сформулировал Юрий Венелин и которая пустила глубокие корни в период Возрождения по причине стремлений болгар к политическому освобождению с помощью России, пережила новый виток популярности в 1944–1989 гг. В это время болгарская историческая наука находилась под сильным влиянием советских идеологов. Современное поколение болгарских историков предлагает более объективные оценки значения и последствий этой «славянизации»¹⁰. Новые исследования древнего прошлого болгар и их политической и культурной роли в создании болгарской народности более правдоподобно и аргументировано трактуют государственно-творческое начало болгар, с одной стороны¹¹, и сильное влияние славян при формировании староболгарского языка и культуры, с другой. В этом отношении дело Юрия Венелина навсегда останется в европейской историографии, благодаря его значению для реабилитации болгарской культуры и литературы Средневековья.

Примечания

¹ Данное сочинение опубликовано в Москве в 1829 г.

² Златарски В.Н. Юрий Иванович Венелин и значението му за българите. София, 1903. С. 11.

³ Анчев А. Руската общественост и Българското национално възраждане през 30-те и 40-те години на XIX век // Одринският мир от 1829 г. и балканските народи. София, 1981. С. 163–184.

- ⁴ *Априлов В.* Съчинения. София, 1968.
- ⁵ *Златарски В.Н.* Указ. соч. С. 39.
- ⁶ *Коледаров П.* Горко на победените // История, разпъната на кръст. София, 1998. С. 8 (статя П. Добрева).
- ⁷ *Иречек К.* История на българите. София, 1979. С. 153.
- ⁸ Там же. С. 154.
- ⁹ *Златарски В.* Известieto на Михаил Сирийски за преселението на българите // *Златарски В.* Избрани произведения. Т. 1. С. 57.
- ¹⁰ *Митев П.* За «славянизацията» на възрожденските българи // История на българите: потребност от нов подход, преоценки. София, 1998. С. 155–172.
- ¹¹ *Степанов Цв.* Средновековните българи – нови факти, интерпретации, хипотези. София, 2000; *Алексиев-Хофарт А.* Изгубените кодове на древните българи. София, 2002.

О.В. Медведева

(Институт славяноведения РАН)

Первый российский консул в болгарских землях Г.В. Ващенко о местном населении. 1830-е годы

Дипломатические документы имеют важное значение для изучения стран и народов. Среди них особое место занимают материалы иностранных консульств, находившихся в данной стране. Ведь донесения консулов подробно передают обстановку в стране пребывания, быт и нравы его народа. Что касается истории болгарских земель до 30-х годов XIX в., то исследователи такими материалами не располагают, так как консульств здесь не было. Исключение составляло российское консульство в Сливене, открытое в 1830 г. Но на протяжении длительного времени – более 150 лет – его материалы не были известны исследователям, как и история его учреждения и деятельность первого российского консула в болгарских землях Герасима Васильевича Ващенко. В литературе о существовании этого консульства были только упоминания¹. Несколько подробнее писал о сливенском консульстве С. Табаков. Он отмечал, что по окончании русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Россия прислала в Сливен своего консула для защиты болгарского населения от мести турок. Однако болгарский историк полагал, что никаких других дипломатических поручений консул не имел, и поэтому считал бесполезным искать в архивах его донесения².

Однако обнаруженные нами в Архиве внешней политики Российской империи материалы первого российского консульства в болгарских землях оказались необыкновенно богаты новыми данными об этом слабо изученном периоде болгарской истории.

Как известно, российское консульство было открыто по многочисленным просьбам болгар после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Об истории учреждения консульства, документах, содержащихся в его материалах, о деятельности консула Герасима Васильевича Ващенко уже были опубликованы статьи³. Нами была опубликована статья и большая подборка документов, посвященная главной задаче, ради выполнения которой и

был направлен в Сливен российский консул, – предотвращение массовой эмиграции болгарского населения после только что окончившейся войны, покровительство болгарскому населению, защита его от турок ⁴.

Первое донесение Г.В. Ващенко отправил из Селимно (так назывался в то время Сливен) 18 апреля 1830 г. Последнее – 9 декабря 1833 г. За неполные четыре года пребывания в Сливене он собрал ценную информацию о болгарях, полученную в результате как собственных наблюдений, так и посылки агентов в различные места. Донесения российского консула, регулярные и подробные, его записки о состоянии хозяйства, развитии торговли и ремесел в эти годы в болгарских землях, входивших в состав Силистрийского и Видинского пашалыков Османской империи, передают реальную обстановку начала 30-х годов XIX в. Консульские материалы содержат статистические и демографические данные, сведения о социально-экономическом и политическом положении болгарского населения, о его национально-освободительной борьбе. Документы позволяют воссоздать довольно полную картину положения болгар в 1830–1833 гг. Эта проблема мало изучена в исторической науке в силу слабого обеспечения источниками. Поэтому мы полагаем, что найденные нами материалы первого российского консульства в Сливене представляют интерес для исследователей.

Из материалов сливенского консульства прежде всего выявляется экономическое состояние края как итог завершившейся разорительной войны и происходившей массовой эмиграции. Это исторический срез на 1830 г. Но не только. Необходимо отметить, что перечисляя опустошенные районы и разоренные отрасли хозяйства, разорванные экономические связи, Г.В. Ващенко вместе с тем дает богатый материал по экономике довоенной, ибо постоянно сопоставляет собранные им сведения с тем, что производилось в том или ином округе до войны 1828–1829 гг., показывает социально-экономическую специфику каждого из округов. Он приводит цены, объемы производства и продаж основных видов сельскохозяйственной продукции по местностям до войны и после нее.

Картина опустошения, вызванная войной и массовой эмиграцией, всесторонне представлена в подробном обзоре «Замечания о промыслах и торговле Селимно и близлежащих мест». В документе перечислены основные виды занятий местного населения до войны, налоги, им уплачиваемые, а также современное состояние этих ремесел в условиях, когда значительная часть трудоспособного населения покинула этот край, а та, которая осталась, была еще «недостаточно спокойна, чтобы оправиться от ударов, нанесенных ей войной и эмиграцией» ⁵.

Ващенко сообщал, что до войны основным ремеслом жителей Сливена, Башкьоя (совр. Жеравна), Казана (совр. Котел), Градеца было про-

изводство шерстяных тканей – абы, ярмулука, – которых до войны здесь изготовляли до 500 тыс. штук в год, от 7 до 10 аршин каждый, и все эти ткани «продавали купцам оптом и в розницу на месте тем, которые приезжали сюда из Константинополя, Адрианополя, Филиппополя (совр. Пловдив), Софии, Салоник, Синопа и даже из Алеппо». Говоря о нынешнем состоянии этого ремесла, консул отмечал, что «сейчас отсутствие шерсти и рабочих рук чрезвычайно уменьшили эту отрасль производства»⁶.

Говоря о других занятиях местных жителей, он писал: «Прежде здесь, особенно в Селимно и Ахиоло (Анхиало, совр. Поморие), было развито виноградарство... Ныне виноградники остались невозделанными вследствие эмиграции большинства собственников». А «солеварни Анхиало, принадлежащие фиску, на которых до войны добывалось до 250 тыс. киле соли, снабжавшей всю Румелию, сейчас также находятся в запустении»⁷.

Далее консул писал, что «перед войной в этих краях были многочисленные стада овец... Они насчитывали более 700 тыс. овец и баранов только в Селимно, Казане, Башкьой, Градце, Ени-Зааре (Ени-Загра, совр. Нова-Загора), Ямболе, Карнобате, Айдосе (Айтос) с близлежащими деревнями; сейчас все эти места располагают едва ли 50 тыс. овец в совокупности, остальные были истреблены или погибли во время войны, а значительная часть была перегнана за Дунай эмигрировавшими... Что же касается сельского хозяйства вообще, которым занимались в дистрикте Ени-Заара, Новой, Карнобата и Айдоса, то сеют и собирают зерно только в малом количестве, которого едва может хватить для ежегодного потребления края, за исключением дистрикта Карнобата, откуда вывозят зерно в Константинополь и Бургас. Однако почти все поля остались в этом году под паром, так как эмиграция болгар остановила все работы»⁸.

Разруха в Силистрийском пашалыке, который недавно был главным театром военных действий, была столь велика, что даже в 1833 г. Г. Ващенко отмечал: «эта провинция не оправилась полностью от той нищеты, в которой она оказалась во время заключения мира, а ее население, особенно христианское, уменьшилось до того, что прошедшим летом не хватало рук, чтобы собрать то, что посеяли»⁹.

Необычайно ценным, на наш взгляд, является статистический обзор, составленный консулом в 1833 г. Он дает довольно целостное представление о демографическом состоянии Силистрийского и Видинского пашалыков в 1830-е годы. Насколько нам известно, документа, содержащего информацию подобного рода, относящуюся к болгарским землям этого периода, не имеется, а данных о населении в болгарских землях в этот период крайне мало. Те же отрывочные сведения, которые встречаются в литературе¹⁰, дают основания говорить, что консул в этом отчете при-

водит довольно точные цифры численности того или иного населенного пункта.

Из документа следует, что «на территории той части, которая находится между Балканами и Дунаем, от Черного моря до Видина, и входящая в два санджака: Силистрийский и Видинский (кроме Ниша и Софии), находятся 30 городов и 31 дистрикт, включая 3 крепости: Русчук, Никополь, Видин – 1 972 деревни и городков. Все население этого края насчитывает 103 190 семей турецких и 94 840 христианских, всего 198 030 семей, которые, считая по 6 человек в каждой, представляют население 1 188 180 душ»¹¹. Далее идет подробное описание 18 городов Силистрийского санджака и 12 – Видинского с указанием числа деревень, относящихся к каждому городу, и численности населения, турецкого и христианского, в каждом городе. Из документа видна неравномерность распределения христианского и турецкого населения в целом по этим двум санджакам, а внутри их – по городам и округам. Конечно, необходимо принимать во внимание, что цифры, приводимые в отчете, носят приблизительный характер, но все же на основании этих данных можно судить, сколь малочисленно христианское население в Силистрийском санджаке, в первую очередь, из-за массовой эмиграции, которая охватила именно эти районы. В другом донесении консул уточняет: «В Силистрийском санджаке турецких семей 60 190 семей, христианских – 13 080, в Видинском – 43 000 турецких семей и 81 460 христианских семей»¹².

Отчеты и донесения консула позволяют увидеть не только хозяйственное и демографическое состояние болгарских земель после минувшей войны, но и довольно хорошо показывают условия жизни болгар в тот период.

Восстанавливать разрушенную экономику пришлось в крайне трудных условиях. Главная трудность для болгарского населения состояла в национально угнетенном положении христиан в Османской империи. Хотя еще до войны султанское правительство предприняло первые шаги по смягчению национальных противоречий в империи¹³, на деле положение христиан не изменилось. Болгары не верили обещаниям султана, данным после войны, и свидетельством этому была их массовая эмиграция после ухода русских войск за Дунай. Опустошение земель, упадок «этой житницы государственной казны в Константинополе»¹⁴ вследствие войны и эмиграции, необходимость остановить массовый отток болгар и вернуть уехавших, восстановить порядок, без которого невозможно функционирование хозяйственного организма, явились толчком к дальнейшему развитию реформаторской деятельности правительства Махмуда II в области национальных отношений. Был принят дополнительно ряд мер по улуч-

шению положения немусульманского населения в империи, явившихся предтечей реформ 30–50-х годов XIX в.

Вслед за общим фирманом об амнистии Махмуд II издал особый фирман, по которому вернувшимся гарантировались возврат имущества, земли и личная безопасность. В нем говорилось «об оказании им впредь всякой справедливости, не касаясь отнюдь разыскания о делах, происшедших во время войны»¹⁵. В Дунайские княжества были направлены эмиссары Порты, которые убеждали осевших там болгар вернуться на родину¹⁶. Населению пострадавших от войны районов, как туркам, так и христианам, направлялась денежная помощь от султана и великого визира. В Ямбол великий визир прислал 20 тыс. пиастров для беднейших болгар и турок с обязательством возврата через 15 месяцев. По распоряжению главы османской администрации края Гюссейн-паши Адрианопольского в Казанлыке и Ески-Загре (Стара-Загора) были учреждены общественные кассы под надзором двух христиан и одного турка. Причем их деятельность была ограждена от вмешательства аянов этих городов. Султан выделил на строительство новой православной церкви в Сливене 2 тыс. пиастров¹⁷.

В марте 1831 г. султан «направил во многие места Силистрийского санджака деньги туркам и христианам в уплату за прокорм турецких войск до и во время войны», а также фирманом предписал Гюссейн-паше ссудить местным болгарам на 4 года 25 тыс. пиастров «за продажу винограда, собранного в виноградниках, покинутых эмигрировавшими болгарями». Местным властям были разосланы указания «знать все беды, которые толкают их (болгар. – *О.М.*) на этот чрезвычайный отъезд, чтобы предотвратить его и помочь тем, кто остается». Порта обратилась за помощью к Константинопольскому патриарху. Последний направил циркулярное письмо всем священнослужителям, в котором обязал их сообщать ему обо всех фактах несправедливого обращения с христианами для передачи султанскому правительству¹⁸.

Требования интересоваться реальным положением христианских подданных были новым, невиданным ранее явлением в системе управления Османской империи. Г.В. Ващенко находил эти меры правильными и считал, что «если все отданные приказы будут выполняться, то христиане жаловались бы напрасно». Однако, отмечает он далее, чиновники и местные власти «не придают этому большого значения и предоставляют делам идти, как прежде»¹⁹.

Да и политика центрального правительства в отношении болгар была непоследовательной и противоречивой, о чем свидетельствуют многие донесения русского консула. Так фирманом, опубликованным в июне 1830 г., войскам и всем чиновникам без исключения запрещалось требовать с райи

постоя и кормления, а уже в декабре того же года был издан другой фирман «об обязательном устройстве на ночлег и кормлении всех регулярных воинских частей при прохождении через города и селения»²⁰.

Непоследовательность наблюдалась и в действиях правительства при сборе налогов, которые были одним из основных компонентов государственного прессы в Османской империи. Этот вопрос особенно обострился в условиях крайней нищеты данных районов в описываемый период. Султанское правительство, не желая мириться с потерей доходов с этих территорий, часто вопреки своим же постановлениям и обещаниям послаблений в пользу райи, продолжало взимать чрезвычайные налоги военного времени. По словам Ващенко, это были «такие налоги, что не только христиане, но даже турки говорят, что больше не могут терпеть». Причем турки старались переложить на оставшихся болгар и уплату тех налогов, которые должны были платить сами²¹.

К числу многочисленных иллюстраций этого относится одно из донесений консула: «Несмотря на то, что по повелению Порты или рушукского паши (имеется ввиду Гюссейн-паша. — О.М.) местные христиане были освобождены от всяческих поборов, кроме харача, недавно здесь получен фирман, коим повелевается, чтобы болгары снова были подвергнуты платежу земских повинностей, но поелику повеление сие не определяет времени, с которого они должны платить подати сии, то общество турецкое воспользовалось сиим обстоятельством, чтобы принудить болгар к участию с ними в таковом платеже и за прошедшее время половиною суммы, как сие бывало до войны, несмотря на выезд отсель почти всех христиан, из коих часть только досель возвратилась». Часто только обращение болгар к Гюссейн-паше или в Константинополь давало положительный результат. Так в 1831 г. дело было решено в пользу христиан. Турки должны были уплатить на этот раз 2/3 всей суммы, причем для христиан были снижены недоимки по акцизу за виноделие за 1831 г. с 70 тыс. до 25 тыс. пиастров²².

Для упорядочения сбора налогов в империи осенью 1831 г. была проведена перепись населения, которая, по донесениям консула, впоследствии проводилась каждые 6 месяцев. Н. Тодоров пишет, что это была первая всеобщая перепись населения в Османской империи. Учитывались только лица мужского пола с 12 до 60 лет, кроме увечных. Как сообщал Ващенко, проведение переписи имело целью учет мужчин турок для службы в армии, а христиан — для единообразного распределения взимаемых с них податей²³.

Для того, чтобы решить окончательно вопрос о равномерном сборе податей, султанское правительство в конце 1831 г. издало фирман, зачи-

танный в городах империи, «об уравниении всех земских повинностей, платимых как турками, так и христианами, освобождая их от произвольных налогов, коими они, особливо христиане, часто бывали в подобных случаях подвергаемы от местных начальников». Отныне устанавливались 4 разряда, в соответствии с которыми, в зависимости от материального положения, полагалось выплачивать соответственно 10, 20, 30 и 40 пиастров, а с болгар – лишь с октября 1831 г., а не за все время, как хотело турецкое население²⁴.

Однако и при проведении переписи по новому порядку турецкие власти на местах старались переложить на болгар большую часть налогов. От христиан Силистрийского и Адрианопольского пашалыков к консулу стали поступать многочисленные жалобы на значительное увеличение харача после очередной переписи в 1832 г., достигавшееся тем, что «при упомянутой переписи большая часть людей, состоявших в низших разрядах и, следовательно, плативших меньшую сумму, перемещена ныне в высшую и весьма часто не по состоянию человека». Ващенко отмечал, что аян проделал это в сговоре с представителями богатых болгар. Консул вступился «за беззащитных» перед аяном Сливена, и тот вынужден был «переменить до пятидесяти билетов высшего разряда, взявши таковые от беднейших и вручив их людям зажиточным»²⁵.

Одной из форм злоупотреблений при взимании налогов была передача владельцами селений своих прав сбора налогов на откуп другим лицам. Так в одном из донесений Ващенко писал, что владелец Жеравны Хаджи Мустафа, проживавший в Константинополе, передал свои права в аренду некоему Реджиб-аге за плату в 900 пиастров в год, а тот собирал с жителей 1200 пиастров и, располагая юридическими правами, имел дополнительную возможность для вымогательства. В других местах, например, в Градце, субаши (чиновник, исполнявший обязанности начальника местной полиции. – *О.М.*) произвольно увеличил налоги, платимые болгарами, вопреки тому, что они были строго регламентированы султанскими фирманами. Его угрозы взыскать с жителей отмененные центральной властью налоги явились причиной новой волны эмиграции болгар из Градца²⁶.

Как видно из документов, слабость политики султанского правительства усугублялась игнорированием его распоряжений властями на местах. Из донесений Ващенко явствует, что турки мало считались с постановлениями верховной власти и продолжали всячески притеснять болгар, стараясь отыграться на них за свои страхи и потери во время войны.

Несмотря на то, что Порта издала хатти-шериф и особый фирман, его подтверждающий, «о предании забвению всех дел, происшедших между турками и райа во время бывшей с Россией войны», турецкое население

и власти на местах зачастую игнорировали эти постановления правительства. В августе 1830 г. консул писал о том, что местные власти отбирают скот у болгар в пользу турок, вернувшихся после ухода русских войск. Он обратился к Гюссейн-паше с требованием прекратить это самоуправство, нарушающее постановления Адрианопольского мирного договора. Вследствие этих представлений глава администрации края наказал аянов ряда городов за злоупотребления в отношении христиан. Но, как отмечал Ващенко, «теперь турки... питают намерение испытать другие средства, представляя такие дела под другими видами», и продолжают творить беззакония²⁷.

Например, кади Нова-Загоры уже в 1833 г. «объявил тамошним жителям о том, что он намерен войти в розыскание дел, последовавших во время занятия его округа российскими войсками, и что, если кто имеет какое-либо требование к болгарам, то он готов удовлетворить каждого судебным порядком»²⁸.

В притеснениях болгар особенно отличился тырновский воевода (военно-административный управитель в Тырново до Танзимата²⁹). На него были поданы столь многочисленные жалобы, что он был заменен. Однако ему удалось оправдаться и избежать наказания, а «христиане из бессметных сумм, у них вынужденных, не получили ничего. На жалобы последовало только повеление взимать от них натурою некоторые повинности, которые они выплачивали деньгами в десять крат больше»³⁰.

Факты, приводимые российским консулом, свидетельствуют, насколько сложными были условия жизни болгарского населения. В одном из своих донесений Ващенко констатировал, что помимо крайней нищеты этого края для болгар были невыносимы «лихоимство, чрезмерные налоги, несправедливость и произвол судебных властей с целью вымогательства денег, несметное количество притесняющих злоупотреблений и даже убийства, — все это приводит болгарское население к эмиграции; угнетателями были турки, сограждане угнетенных; они занимаются разбоем в полной безопасности, поскольку аяны и кадии, будучи с ними заодно, не желают слышать жалоб райи и все свои усилия направляют на то, чтобы помешать им достичь верховных властей»³¹.

В донесениях Ващенко содержатся многочисленные сведения о том, что болгары, не желая мириться с самоуправством местных властей, посылали свои депутации к верховным властям края и даже в столицу империи, чтобы довести до их внимания свои жалобы и требования. Подробные донесения почти о каждой такой акции позволяют увидеть материальное положение болгар их глазами, узнать о специфике многих болгарских населенных пунктов с учетом их привилегий, а также о тех

уступках христианам, на которые пошло правительство в тех чрезвычайных обстоятельствах. Конкретные факты, описываемые консулом в каждом отдельном случае, позволяют лучше понять причины и направление реформаторской деятельности Махмуда II в 20–30-е гг. XIX в. Вот, например, пожелания болгарских жителей г. Казана и сел Жеравна, Башкию, Градец, Катуница, Папаскию (Papaskioyu), Ичера, которые их делегации представили великому визиру весной 1830 г. Котленцы просили: 1) запретить представителям власти на местах – аяну и кади – требовать денег на их содержание, так как согласно последним фирманам они должны жить за свой счет; 2) запретить воеводе (здесь: сборщик налогов. – *О.М.*) при исполнении своих обязанностей в городе притеснять болгар; 3) освободить болгарское население от бесплатной поставки фуража для почтовых лошадей, следующих через город; 4) запретить взыскание денег с лиц, освобожденных от харача (подушной подати); 5) запретить кади брать с христиан налог за наследство сверх установленного; 6) предписать аяну требовать исполнения любых повинностей соразмерно возможностям населения; 7) отсрочка уплаты десятины на овец вследствие истощения стад.

Жители Жеравны просили: 1) соблюдать указ об освобождении их как войнуков (войнуки или войнуганы – рядовые вспомогательных войск из болгар-христиан. – *О.В.*) от налога на содержание администрации, подвергать обложению налогами только на военные нужды; 2) запретить аге (старейшине), приезжающему для набора войнуков, требовать у жителей средств на его содержание; 3) не взимать харач за отсутствующих жителей; 4) налог за разрешение хоронить мертвых соразмерять с материальным состоянием умершего; 5) отменить противозаконный обычай взимать налог на виноградники там, где их нет.

Таковыми же были требования жителей сел Градец, Катуница, Папаскию, Ичера, но дополнительно они просили: 1) запретить аяну использовать местных жителей для работы в его собственных селах; 2) не допускать вымогательства вознаграждения (800 пиастров) во избежание домашнего обыска, который производится под надуманными предлогами; 3) прекратить продажу общественных пастбищ; 4) не разрешать войскам постоя и питание в домах жителей ³².

Решение великого визира по этим петициям болгар были таковы: для жителей Казана – были удовлетворены все их требования, за исключением отсрочки на уплату десятины с овец, поскольку «на этот год султан помиловал всех владельцев Силистрийского пашалыка, куда входит и Казан, и следовательно, они могут вновь представить эту просьбу»; для сел Жеравна, Башкию, Градец, Катуница, Папаскию, жителей которые

пользовались определенными налоговыми льготами и ограниченными правами автономии, – предписывалась уплата только военных налогов, составлявших 1/8 всех военных расходов, но на них не распространялись административные налоги, как практиковалось местными властями. Аге (старшине) войнуков, а также забитам (турецким военачальникам городов или сел. – *О.М.*) запрещалось требовать с жителей средства на свое содержание. Аянам этих селений запрещалось использовать жителей на барщине в своих поместьях. Христиане, жители перечисленных селений, по новому распоряжению великого визира, освобождались от налога, который они платили до того времени, чтобы избежать домашних визитов турок под предлогом розыска укрывающихся. Были разосланы письма с этими повелениями великого визира аянам этих населенных пунктов. Однако болгары, по словам Ващенко, хотят в отношении десятины с овец иметь фирман и высказывают намерение направить делегацию прямо в Константинополь, поскольку считают полученные приказы великого визира недостаточными ³³.

Действительно, как мы видели из приводимых выше документов, постановления верховной власти на местах зачастую не выполнялись, и это вызывало недовольство болгарского населения.

Но и турки были недовольны новыми мерами центральной власти. Это недовольство, помимо противостояния местным властям приказам правительства, проявлялось и в открытой форме, как только какие-либо внешние факторы давали им надежду на возвращение старых порядков. Так было во время мятежа паши Шкодера весной 1831 г. и восстания египетского паши Мухаммеда-Али в 1832–1833 гг. Консул писал, что турки находятся в ожидании новой войны с Россией с целью возвращения старых порядков и «готовы подняться по сигналу, который им будет дан». Боясь восстания райи в связи с предполагавшимся вступлением русских войск в Болгарию, «в войводалке Тырново местные власти разоружили всех христиан, хотя правительство не отдавало подобного приказа» ³⁴.

После окончания военных действий появилось много солдат, в массе своей беглых низамов (солдаты регулярной султанской армии), которые, по словам Ващенко, совершали грабежи и убийства ³⁵.

Нестабильности положения в крае способствовали и эпидемии болезней. С июня по сентябрь 1830 г. здесь свирепствовала чума, а с мая 1831 г. в течение нескольких месяцев холера, принеся страшные опустошения: в Шумле, по словам консула, она ежедневно уносила по 50–60 человек; почти все жители-христиане городов Осман-базар, Тырново, Габрово ушли, спасаясь от болезни в горы; наиболее сильно холера проявилась в Филиппополе ³⁶.

Но донесения консула не ограничивались описанием разорения хозяйства и тяжелого положения населения. Значительное место в них занимают позитивные факторы и намечавшиеся положительные процессы. К числу последних относится начавшееся уже с сентября 1830 г. возвращение эмигрировавших болгар. Трудности, с которыми им пришлось столкнуться в пути и на чужбине, пропаганда эмиссарами Порты в Дунайских княжествах мер, предпринятых султанским правительством по улучшению положения христиан, заверения властей в сохранности оставленного уехавшими имущества в ответ на письма эмигрировавших, присутствие российского консула в Сливене, его активная деятельность в защиту болгар способствовали этому возвращению³⁷. Так, сливенцы, поселившиеся в Старом Крыму, писали в сентябре 1831 г., «что слыша о возвращении своих соотечественников из Валахии и что в отечестве их существует ныне лучший порядок и больше против прежнего спокойствия, они также имеют мысль возвратиться в Селимно»³⁸. В своих донесениях консул постоянно приводит подробные данные о том, сколько болгарских семей, когда, откуда и в какие населенные пункты вернулось в 1830–1833 гг. Ващенко сообщал также, что возвратившиеся, по повелению Гюссейн-паши, освобождались от налогов на 2 года³⁹.

Конечно, точно установить число вернувшихся в болгарские земли переселенцев на основании этих данных невозможно, но они позволяют проследить тенденцию возвращения болгар на родину в первой трети 30-х гг. XIX в.

Большой интерес представляют и донесения консула в 1833 г., свидетельствующие о том, что несмотря на разруху и опустошения, доставшиеся Видинскому и Силистрийскому пашалыкам в наследство от последней войны, на трудные условия жизни населения, хозяйство постепенно восстанавливалось. Если в донесениях первого года своего пребывания в Сливене он писал о потрясшем его упадке экономики этих районов Османской империи, то в 1833 г. экономическая ситуация в крае, как видно из его сообщений, стала более благоприятной. Ващенко писал: «Тырново изобилует зерном... Дистрикты Рушук, Разград, Джума и Осман-базар до Чалака, будучи совершенно сельскохозяйственными, гораздо богаче Тырново зерновыми», а также отмечал низкие цены на пшеницу, ячмень, рис. Говоря о занятиях жителей этих районов, Ващенко отмечал, что «во всех означенных округах жители суть земледельцы, занимающиеся также виноделием, шелковичными червями, немного скотоводством и значительно овцеводством, особенно в Силистрийском пашалыке», «виноделием занимаются в основном по берегам Дуная, а округ Тырново кормит шерстью-сырцом себя и санджак Силистрию». О быстром развитии овцеводства

свидетельствует такое замечание: «везде многочисленные стада овец»⁴⁰.

Показателем уровня развития экономики является торговля. Ващенко уделял в своих донесениях этому вопросу большое внимание. Каждый год он представлял в российское Министерство иностранных дел подробные отчеты о ярмарке, ежегодно проходившей в Сливене в мае и «считавшейся в прежние времена первою во всей Турции по великому стечению торговцев и по количеству привозимых сюда товаров»⁴¹. Деятельность этой ярмарки являлась важным показателем экономического состояния болгарских земель. Консульские отчеты об этой ярмарке отражают не только постепенное оживление хозяйственной жизни этих районов, но и торговые связи болгарских земель и особенности конъюнктуры османского рынка в указанный период.

В 1830 г. ярмарка в Сливене не состоялась, как доносил Ващенко, «из-за отсутствия порядка, который полностью еще не восстановлен». Она не состоялась и в 1831 г. из-за беспорядков, вызванных восстанием шкодринского паши, и эпидемии холеры. Однако в своем отчете консул отмечал, что купцы все-таки приехали в город, но были вынуждены все продавать в убыток. Сведения, приводимые в этом отчете о товарах, дают некоторое представление о торговых связях болгарских земель в то время: «Были купцы австрийскоподданные из Бухареста, заметна большая часть произведений австрийских, выделяваемых нарочито для Турции, как-то: сукно, холст, ситцы, выбойки, платки, сенокосные косы, стекло и другие мелочи в незначительном количестве. Из российских изделий привезено из Бухареста одним из тех же австрийцев: чемоданов, седел, узд, сабель, зеркал, подносов, замков, славянских церковных книг, церковных медных или серебряных сосудов...»⁴².

В этом отчете интересен такой факт: «два болгарина из числа переселившихся в Россию привезли сюда абу (сукно) и шерсть, выделанные там». Это Добро Железникович (так Ващенко называет, по-видимому, основателя первой текстильной фабрики в Болгарии) и Александр Димитров. Они сообщили о намерении болгар, переселившихся в Старый Крым, заняться производством абы и кап (покрывал-ковров) и торговать с Османской империей⁴³.

Некоторое оживление ярмарки наблюдалось в 1832 и 1833 гг. и хотя, по мнению консула, значение этой ярмарки, «кажется, упало безвозвратно», данные, приводимые им, позволяют проследить некоторую динамику. Он писал, что товаров было привезено в 1832 г. значительно больше: из различных мест Румелии, Анатолии, Венгрии, из Бухареста на сумму 700 тыс. пиастров. Из них реализована была примерно одна пятая, хотя, в основном, в кредит, или, как сказано в донесении, «на срок»⁴⁴.

Среди приехавших в этот года на ярмарку консул вновь отмечал купца 2-й гильдии болгарина из Феодосии Александра Дмитриевича (Дмитриева), который привез из Крыма овечью шерсть-сырец, крашеную шерсть, абу и капы. В шерсти, необходимой для изготовления сукна, также была постоянная нужда. Он продал весь свой товар быстро, «так как в Турции существует постоянный спрос на сукно аба и ярмулук. Аба поставляется в казну и поэтому продается на сторону тайно и в малом количестве». Г.Ващенко считал, что болгары, поселившиеся в Таврической губернии и занявшиеся выработкой абы и кап, могут успешно торговать своим товаром в Турции, и это будет выгодно и для российской торговли⁴⁵.

На сливенскую ярмарку 1833 г., как сообщал консул, «прибыло довольно много купцов, в том числе и российскоподданных», и было привезено товаров на 4 421 тыс. пиастров, из которых была продана примерно четверть, преимущественно сукна. Консул считал, что эта ярмарка была неудачной, и причиной этого называл бедность местного населения, как турок, так и христиан⁴⁶. Однако, если сравнить данные за предыдущие годы и за 1833 г., можно говорить об оживлении торговли.

Об этом свидетельствует и документ, приложенный к отчету за 1833 г. Он называется «Роспись товарам, привезенным на селимскую ярмарку 1833 г. с показанием капитала по числу открытых лавок». Этот документ представляет интерес для исследователей, так как показывает конъюнктуру и торговые связи болгарских земель в этот период. Консул подробно перечисляет количество лавок, открытых на ярмарке, откуда прибыли купцы, какой товар они привезли⁴⁷. В своих донесениях Ващенко уделял большое внимание основному ремеслу местных жителей – изготовлению абы, ярмулука и кап, стараясь привлечь внимание российского правительства к этим изделиям с целью установления постоянных торговых связей, выгодных для России. Он сообщал, что сукна всегда пользовались и пользуются большим спросом на турецком рынке и «требуется на эту продукцию постоянно, так как ими снабжается вся Турция, особенно Азия. Богатые купцы имеют своих комиссионеров из Трапезунда, Синопа, Самсона, Смирны, Константинополя». В связи с реорганизацией турецкой армии казне требовалось все больше сукна. Лучшее сукно и лучшие ковры, как отмечал он, вырабатывались только в Сливене, Казане и нескольких близлежащих селениях. Однако «недостача шерсти и рук, вырабатывающих оное сукно, со времени переселения отсель многих болгарских семейств, не удовлетворяет сему требованию, и по сей причине цена на сие изделие очень возвысилась»⁴⁸.

Высокая оценка качества вырабатываемого в этих местах сукна заинтересовала российское министерство финансов. Консулу было поручено

закупить и переслать в Россию образцы этих изделий, что Ващенко исполнил в октябре 1831 г., приложив подробную «Записку об образе и способах выделывания в Селимно сукна, называемого аба, и ковров, известных под названием капа». Это интереснейший документ, в котором подробно описывается способ производства этих изделий, на каких станках, цены на эту продукцию. «Записка» представляет, на наш взгляд, интерес для изучения традиционного болгарского ремесла⁴⁹.

К началу 30-х гг. XIX в. относятся первые проявления заботы государства о промышленном развитии империи, элементы политики покровительства промышленности. Это было связано с военными реформами Порты, а фабрики, построенные на средства государства в конце 20-х – 30-е гг., работали почти исключительно на нужды армии.

Население Сливенского округа было тесно связано с государственными заказами на абу и капы для армии и флота, которые начались здесь с 1831 г. Консульские донесения о ходе выполнения этих заказов содержат ценные сведения о положении болгар в связи с военными поставками.

Государственные заказы стимулировали развитие абаджийства (сукноделия), а Сливен и ближайшие к нему селения приобрели большое значение в текстильном производстве.

Чрезвычайно интересны сообщения Ващенко о ходе выполнения этих поставок, поскольку они содержат информацию о ранней стадии и механизме социального расслоения болгарского общества. Государственный заказ на сукно был выполнен и в 1831 г. (40 тыс. кусков), и в 1832 г. (60 тыс. кусков), и в 1833 г. (50 тыс. кусков). Эти поставки, как писал консул, были не затруднительны для населения, так как только в Сливене производилось более 100 тыс. кусков абы в год. И вместе с тем они поставили жителей в тяжелое положение. Консул видел причину в том, что нет порядка и справедливости в распределении поставок среди населения. Наиболее зажиточные люди, болгарские старейшины, чорбаджи, подкупом и обманом получавшие специальные фирманы, монополизировали покупку шерсти (сырья) и скупку готовой абы. Это поставило жителей в полную зависимость от узкого круга лиц. Так, в 1832 г. в Сливене сбор производили два человека, известные своим «лукавством». Для бедных продажа сукна оказалась даже в убыток, а монополисты «чувствительно выгадали»⁵⁰. Массовое недовольство населения таким порядком было известно властям. В 1833 г. был издан фирман о праве жителей свободно покупать шерсть в соседних округах «по вольным ценам». Однако в ход пошли взятки, и соответствующие документы на покупку шерсти вновь оказались у нескольких лиц, а жители по-прежнему вынуждены были покупать у них сырье по высоким ценам⁵¹. По наблюдениям Ващенко, в

Котеле было больше согласия среди населения, там поступили благоразумнее, распределив поставку сукна среди многих сограждан и ослабив таким образом возможную монополию. Но скупщики шерсти все равно перепродавали ее жителям с выгодой для себя⁵².

Судя по донесениям консула, социальное расслоение болгарского общества в этот период проявилось достаточно отчетливо. Сообщая о жалобах бедных болгар, Ващенко отмечал, что жалобы эти «весьма справедливы, потому что старейшины их (болгар. – *О.М.*) мало заботятся о пользе общества, а смотрят единственно на свои собственные выгоды», притеснения со стороны местных турецких властей часто совершаются «по согласию с болгарскими старейшинами и при деятельном содействии их», что богатые болгары Сливена «в силу личных интересов более турки, чем христиане»⁵³. Консул располагал сведениями о «раздорах» между старейшинами, между различными слоями болгарского населения Сливена, Котела, Рушука, Стара-Загоры.

Беззакония, творимые аяном, воеводой и зажиточными болгарями, вызывали недовольство как болгарского, так и турецкого населения края и их совместные действия против притеснителей – против них была направлена общая жалоба болгар и турок Гюссейн-паше, что само по себе было явлением невиданным и свидетельствует о крайней степени накала страстей⁵⁴.

В донесениях Ващенко имеются сведения и о национально-освободительной борьбе болгарского народа в описываемый период. В материалах сливенского консульства отложились документы о подготовке восстания в болгарских землях в начале 30-х гг. XIX в. В некоторых исследованиях по истории освободительного движения в Болгарии в той или иной степени затрагивался вопрос о планах радикально настроенных участников вооруженной борьбы 1828–1829 гг. поднять восстание сразу после заключения Адрианопольского мира. Авторы связывают эти замыслы с деятельностью известного борца за свободу Г. Мамарчева и его единомышленников⁵⁵. В материалах сливенского консульства отложилась группа документов о Трифоне Неделевиче Давицком как об одном из организаторов восстания против турок в рассматриваемый период. Насколько нам известно, в литературе имеются только три упоминания о нем⁵⁶. Много дополнительной информации содержат новые документы: это копия допроса Давицкого; копии его писем консулу Г.В. Ващенко и чиновнику А. Белову, посланному в поездку по болгарским землям для проверки достоверности сведений о подготовке восстания; переписка консула с русской миссией в Константинополе о настроениях населения и его отношении к возможному восстанию⁵⁷.

Как следует из документов, 20 марта (1 апреля) 1831 г. русскими военными властями в Бухаресте был задержан уроженец села Стрелча Филиппопольского (Пловдивского) округа Трифон Неделевич Давицкий, служивший в отряде болгарских волонтеров. Во время допроса он сообщил о готовящемся в болгарских землях восстании и указал места, «в коих заговорщики рассеяны»: Филиппополь, Татар-Пазарджик, Нова-Загора, Плевен, Стара-Загора, Казанлык, Габрово, Свиштов, Враца. Имен их Давицкий не назвал. Согласно его показаниям, в октябре 1830 г. заговорщики собрались в Вознесенском монастыре близ Карлово и дали клятву бороться за «ниспровержение власти оттоманов», а на 25 марта 1831 г. назначили новый сбор, чтобы определить день восстания. По словам задержанного, к подготовке восстания его самого и его единомышленников привело то, что «Македония и Болгария остались по-прежнему под тяжким игом оттоманским... и что участь соотечественников нимало не улучшилась, что они по-прежнему во всем терпят угнетение и гораздо более озлоблены». В момент задержания, по словам Давицкого, заговорщиков было уже 600 человек. Сам Давицкий прибыл в Бухарест для покупки продовольствия и лошадей, имея при себе 25 тыс. левов, собранных заговорщиками специально для этой цели. Своим опорным пунктом они избрали Силистрию, чтобы в случае преследования со стороны турок иметь надежное убежище под покровительством России. Давицкий рассказал задержавшим его русским о заговоре, потому что считал, что «Россия будет покровительствовать их намерению в справедливом деле и доставит средство к избавлению их от угнетения иноверцами»⁵⁸.

Однако к этому времени русско-турецкие отношения нормализовались, обе стороны были заинтересованы в установлении дружественных отношений, в мире⁵⁹. Генерал П.Д. Киселев немедленно отправил чиновника А. Белова в поездку по указанным Давицким населенным пунктам. И хотя, согласно дальнейшим донесениям Ващенко, расследование не подтвердило показания Давицкого, заслуживают внимания слова проверяющего, что там он видел «много болгар, которые от бедности готовы на все, только, по их собственным словам, недостает им вождя, оружия, денег»⁶⁰.

Другие материалы, относящиеся уже к 1833 г., о восстании в ряде пограничных с Сербией нахиях, позволяют усомниться в «успокоительных» результатах проверки Белова. В мае 1833 г. консул сообщил, что по сведениям, полученным им от своего агента, «посланного для сбора статистических данных в Видинский санджак, болгары, живущие между Видином и Софией, включая дистрикты Видина, Кюприли, Ниша, Пирота (в то время Ниш и Пирот входили в состав Видинского санджака. — О.М.), а также дистрикт Софии, готовы свергнуть турок с оружием в руках, которое они хранят,

и ждут только сигнала... Их цель – присоединение их края к Сербии». Главную роль, по донесению агента, в этом заговоре играет некий Коста Кантарджи, имеющий полное доверие у своих соотечественников. Сообщалось, что и болгарский епископ Ниша также состоит в этом заговоре. Восстание жителей трех деревень, вспыхнувшее весной 1833 г., было, по мнению консула, «только началом хорошо организованной революции от Видина до Софии». Оно произошло в одной из пограничных с Сербией нахий, о возвращении которых Сербии шел спор между последней и Портой. Безусловно, факт существования по соседству автономного сербского княжества являлся серьезным стимулятором вооруженной борьбы болгарского народа. Ващенко справедливо указывал в качестве основной причины восстания османское иго. «Турки, – писал он, – своим варварским отношением к христианам довели положение вещей до того, что последние восстали». Видинский паша посредством нескольких православных священников пытался мирными средствами привести восставших к повиновению властям. Но это не имело успеха. Тогда он направил к месту событий войска, которые навязали восставшим открытый бой, в котором были убиты 517 болгар и разрушены три деревни. Далее Ващенко писал, что князь Милош, узнав об этом, повелел занять эти места своим войскам, и дело было отложено до решения Дивана. По мнению агента российского консула, «это восстание инспирировано Милошем, который обещал им (болгарам. – О.М.) не только помощь и содействие своей армией, но еще и поддержку России, вот почему болгары решились поднять оружие против турецкого правительства»⁶¹.

Точность донесений Ващенко о восстании болгарских крестьян весной 1833 г. во многом подтверждает существующая в современной исторической литературе оценка этих событий⁶².

Такими увидел и описал в своих подробных донесениях условия жизни болгар первый российский консул в болгарских землях Г.В. Ващенко. Его донесения и записки отражают сложные условия жизни болгарского народа после русско-турецкой войны 1828–1829 гг., те изменения, которые происходили в начале 30-х годов в болгарском обществе, вызванные изменениями в Османской империи в целом, явившимися следствием окончившейся войны и постановлений Адрианопольского мира. Донесения первого российского консула в болгарских землях касаются практически всех сторон жизни болгар в тот период: воздействия начальных шагов реформаторской деятельности Махмуда II в области экономики и национальных отношений, приведшей к административным реформам 1834–1839 гг., механизма формирования торгово-ростовщического капитала в болгарских землях и неразрывно связанного с ним ускорения процесса социального расслоения в обществе.

Эти документы значительно пополняют источниковую базу, расширяя наше представление о положении болгарских земель и жизнедеятельности болгарского этнического элемента в составе Османской империи в 30-е годы XIX века.

Примечания

- ¹ Раковски Георги С. Горски пътник. Нови Сад. 1857; Иречек К. История болгар. Одеса, 1878; Табаков С. Опыт за история на град Сливен. Т. 2. София. 1924; Арnaudов М. Селимински. Живот – дело – идеи (1799–1867). София, 1938; Конобеев В.Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М.–Л., 1960. Т. 20; Шеремет В.И. Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975; Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И. Доктор Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София, 1962; Велики К. Емигрирането на българите от Сливен във Влахия през 1830 година // Страници от миналото на българския народ. София, 1987; Матеева М. Чуждите консулства в българските земи преди Освобождението // Международни отношения. 1976. № 1; Матеева М. Консулските отношения на България 1876–1988; Стоилова Т. Първи опит за откриване на руското консулство в българските земи // Военноисторически сборник. София, 1983. № 2.
- ² Табаков С. Указ. соч. Т. 2. С. 142
- ³ Медведева О.В. Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4; Степанова Л.И. Первое российское консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830–1833) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989; Медведева О.В. Материалы российского консульства в Сливене как источник для изучения положения болгарского населения в 30-е годы XIX века // Славяноведение. 1995. № 3; Медведева О.В. Деятельность российского консула в Сливене Г.В. Ващенко (1830–1833 годы) // Славяноведение. 1999. № 4; Медведева О.В. Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в. (По донесениям первого российского консула в Сливене Г.В. Ващенко) // Вестник Приднестровского университета. 2005. № 1; Медведева О.В. Когда говорят документы // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008.
- ⁴ Медведева О.В. Проблемът за българска емиграция в Русия в дейността на руската дипломатия // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Фонд Посольство в Константинополе. (Далее указывается только год, № дела, листы). 1830. Д. 813. Л. 60.
- ⁶ АВПРИ. 1830. Д. 813. Л. 60 об.
- ⁷ Там же. Л. 61.

- ⁸ Там же. Л. 61–61 об.
- ⁹ Там же. 1833. Д. 820. Л. 23–23 об.
- ¹⁰ *Михов Н.* Населението на Турция и България. Т. III. София, 1929; Т. IV. София, 1935; Т. V. София, 1968; *Тодоров Н.* Руски документи за демографското състояние на част от Източна България през 30-те години на XIX в. // Известия на държавните архиви. Т. II. София, 1967. С. 423–424.
- ¹¹ АВПРИ. 1833. Д. 820. Л. 36–40.
- ¹² Там же. 1833. Д. 819. Л. 93. Подробный перечень городов, указанных в документе, см.: *Медведева О.В.* Положение болгарских земель... С. 112–113.
- ¹³ *Тодорова М.* Англия, Россия и Танзимат. М., 1983. С. 27.
- ¹⁴ АВПРИ. 1833. Д. 820. Л. 23 об.
- ¹⁵ Там же. 1831. Д. 817. Л. 67; *Пастухов С.* Българска история. София, 1942. Т. II. С. 654.
- ¹⁶ *Липранди И.П.* България. М., 1877. С. 42; *Пастухов С.* Указ. соч. С. 656
- ¹⁷ АВПРИ. 1830. Д. 813. Л. 47 об.; 1831. Д. 817. Л. 79, 247.
- ¹⁸ Там же. 1831. Д. 817. Л. 1 об.; 1830. Д. 813. Л. 27 об., 47 об.
- ¹⁹ Там же. 1830. Д. 813. Л. 47 об.
- ²⁰ Там же. Л. 47, 92.
- ²¹ Там же. 1830. Д. 813. Л. 66, 75 об.
- ²² Там же. 1832. Д. 818. Л. 23 и др.
- ²³ Там же. 1831. Д. 817. Л. 82; 1832. Д. 818. Л. 48; *Тодоров Н.* Балканский город XV–XVIII вв. М., 1976. С. 282.
- ²⁴ Там же. 1831. Д. 817. Л. 82.
- ²⁵ Там же. 1833. Д. 820. Л. 76–77.
- ²⁶ Там же. 1830. Д. 813. Л. 28–29, 34 об., 36–36 об.
- ²⁷ Там же. 1830. Д. 813. Л. 43, 65–66; 1831. Д. 817. Л. 5 об.; 1832. Д. 818. Л. 23, 41.
- ²⁸ Там же. 1833. Д. 820. Л. 41 об.
- ²⁹ *Христов Хр.* Българските общини през Възраждане. София, 1973. С. 62.
- ³⁰ АВПРИ. 1832. Д. 818. Л. 59–60; 1833. Д. 819. Л. 5–5 об.
- ³¹ Там же. 1830. Д. 813. Л. 27 об.
- ³² Там же. 1830. Д. 813. Л. 27 об.–29 об.
- ³³ Там же. Л. 40–42 об.
- ³⁴ Там же. 1831. Д. 817. Л. 42 об.; 1833. Д. 820. Л. 1, 2, 6, 11, 12.
- ³⁵ Там же. 1833. Д. 820. Л. 43 об.
- ³⁶ Там же. 1830. Д. 813. Л. 50; 1831. Д. 817. Л. 78–78 об., 80–80 об.
- ³⁷ Там же. 1830. Д. 813. Л. 50; *Velichi C.N.* Emigrarea bulgarilor din Sliven în Tara Românească în anul 1830 // *Romanoslavica*. V. X. București, 1965. P. 289–314; *Мещеряков И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828–1834. Кишинев, 1965. С. 180–193; 1831. Д. 817. Л. 1–2; *Медведева О.В.* Когда говорят документы. С. 217–223.

- ³⁸ АВПРИ. 1831. Д. 817. Л. 81.
- ³⁹ Там же. 1830. Д. 813. Л. 76, 87; 1831. Д. 817. Л. 59 об., 61, 78–78 об., 8 об., 96; 1833. Д. 820. Л. 56, 76, 101, 122.
- ⁴⁰ Там же. 1833. Д. 820. Л. 19 об.–20, 14; 1833. Д. 819. Л. 92.
- ⁴¹ Там же. 1833. Д. 820. Л. 74–74 об.
- ⁴² Там же. 1830. Д. 813. Л. 61 об.–62; 1831. Д. 817. Л. 55–55 об.
- ⁴³ Там же. Л. 56.
- ⁴⁴ Там же. 1830. Д. 820. Л. 74–74 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 74 об.–75.
- ⁴⁶ Там же. 1833. Д. 819. Л. 141 об.; 1833. Д. 820. Л. 80–81. Донесение датировано 1832 г., но по содержанию самого документа, по дате приложения, а также по входящим номерам нами установлена неточность датировки.
- ⁴⁷ Там же. 1833. Д. 820. Л. 81 об.
- ⁴⁸ Там же. 1831. Д. 817. 55 об., 91; 1833. Д. 820. Л. 82–83.
- ⁴⁹ Там же. 1831. Д. 817. Л. 131, 91–95.
- ⁵⁰ Там же. 1832. Д. 818. Л. 85–85 об.; 1833. Д. 819. Л. 106–108 об.
- ⁵¹ Там же. 1833. Д. 819. Л. 148 об.–149.
- ⁵² Там же. 1832. Д. 818. Л. 49.
- ⁵³ Там же. Л. 68; 1833. Д. 819. 148 об.
- ⁵⁴ *Медведева О.В.* Когда говорят документы. С. 220–222.
- ⁵⁵ *Конобеев В.Д.* Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828–182 гг. // Ученые записки Института славяноведения. Т. 20. 1960. С. 268–270; *Жечев Н.* Велчовата завера. 1835. София, 1985. С. 35–38; *Възвъзова-Каратеодорова К.* Капитан Георги Мамарчев. 1786–1846. София, 1986.
- ⁵⁶ *Мецерьук И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию С. 36; *Грек И.Ф., Червенков Н.Н.* Към историята на въоръженото въстание в България през първата половина на 30-те години на XIX в. // Векове. 1985. Кн. 1. С. 40–41; *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1999. С. 89.
- ⁵⁷ АВПРИ. 1831. Д. 817. Л. 13–53.
- ⁵⁸ Там же. 1831. Д. 817. Л. 13, 17–17 об., 20–20 об.
- ⁵⁹ *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 168–182.
- ⁶⁰ АВПРИ. 1831. Д. 817. Л. 40–41.
- ⁶¹ Там же. 1833. Д. 820. Л. 52–53 об.
- ⁶² *Димитров Стр.* Сербия и восстание в Западной Болгарии в 30–40-е годы XIX в. // *Studia balcanica.* София, 1970. С. 250–252.

Т.Е. Строковская

(Международный университет природы, общества и человека «Дубна». г. Дубна)

К истории издания произведений болгарского книжника Климента Охридского в России в XI в.

К концу XVIII в. имя и дело Климента Охридского, болгарского епископа и книжника, ученика и последователя равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия оказалось забыто. Произведения славянского книжника продолжали включаться в сборники, например, они вошли в печатные Златоусты 1795, 1798 гг., но без упоминания автора. К середине XIX в. даже для библиографов, историков и филологов имя св. Климента, скончавшегося в 916 г., не имело никакой связи с многочисленными произведениями славянской письменности.

Лишь с открытием В.М. Ундольским трех произведений св. Климента начался новый этап распространения и изучения наследия болгарского книжника, позволивший переоценить масштабы и качество славянской культуры Средневековья.

Первая попытка издания произведений Климента Охридского в России также была предпринята В.М. Ундольским. Уже в статье Ундольского о Клименте, подготовленной в 1843 г., – «Климент, епископ Словенский», – содержится краткий план издания произведений автора. В статье 14 тетрадных листов с подробным описанием открытия.

Начинается она эпиграфом-цитатой К.Ф. Калайдовича: «После всех опустошений, каким подвергались наши книгохранилища, в России преимущественно перед всеми словенскими землями трудолюбие еще долго может собирать обильную жатву»¹. Далее следует краткое рассуждение о создании славянской азбуки и о списках собственных сочинений св. Кирилла, причем Ундольский уверен: «Что они были, в том нет никакого сомнения, даже и в том, что они уцелели доселе или без имени сочинителя или под другим именем...»² За вступлением следовал подробный рассказ о том, как произошло открытие произведений Климента и какой анализ провел Ундольский, чтобы его проверить и подтвердить. Первоначально, в

статье 1843 г. было указано 10 Слов Климента, известных к тому времени. Поучения перечислены с начальными и конечными частями. Тут же Ундольский делает предположение еще о двух неизвестных произведениях Климента: «Так, в Архивском Торжественнике № 919 Поучение пред Просвещением Господним, по нашему мнению, должно принадлежать также Клименту Болгарскому. В том же Торжественнике Слово на Рождество Иоанна Предтечи». Позже, просматривая эту статью при подготовке к докладу, Ундольский вычеркивает последние два слова и мелким шрифтом после названия 10-го Похвального слова Климента вносит одиннадцатое: «Похвала св. Кириллу, учителю словенску языку (в списке XVII-го века, принадлежащему Ундольскому с 28 апреля 1845 г.)»³.

Завершается статья 1843 г. планом издания произведений Климента: «Все Слова Климента, а равно и те, которые вновь откроются при розысканиях, предполагается издать славянскими буквами, со всеми сокращениями, знаками и вышедшими из употребления буквами древних подлинников. Текст будет предшествовать известию о Клименте, его жизни и трудах, затем подробно опишется древняя рукопись, содержащая три первых Слова и рассмотрена в графическом, грамматическом и лексикографическом отношении, будет сделано несколько приложений, среди них тексты, встречающиеся в словах Климента по порядку Библейских книг в сличении с известными списками библиотек общественных и частных»⁴.

Издание должно было выглядеть так:

Первая часть: описание жизни и деятельности Климента.

Вторая часть: описание рукописи, содержащей три первооткрытые произведения Климента, а именно: Заповедание о праздниках, Поучение на память апостола или мученика и Поучение на св. Воскресение.

Третья часть: сами тексты Слов (первоначально 10, затем 11), изданные славянским шрифтом с сохранением всех знаков оригиналов.

Четвертая часть: приложение, содержащее варианты текстов по известным спискам, расположенные в соответствии с порядком Библейских книг.

Статья 1843 г. не была обнародована во-время. Лишь через два года 24 ноября 1845 г. на специальном заседании Общества истории и древностей Российских состоялся доклад Ундольского о Клименте под названием «Об издании творений Климента, епископа Словенска»⁵. В результате было принято решение напечатать сочинения Климента и подготовку издания поручить В.М. Ундольскому. Однако опубликован доклад был лишь в 1867 г., уже после смерти автора в журнале «Беседы Общества любителей российской словесности» в сокращенном виде⁶.

Готовясь к выступлению в 1845 г., Ундольский использовал часть статьи 1843 г. Беловой вариант этого доклада содержит 14 полных больших

листов, без эпиграфа. На беловом варианте видны следы простого и синего карандашей⁷. Отрывки, зачеркнутые синим карандашом (одна линия справа налево), вошли в напечатанный вариант 1867 г. и потом в предисловие к собранию сочинений Климента Охридского, изданному в Софии в 1970 г. Отрывки же, зачеркнутые двумя тонкими линиями простого карандаша слева направо (местами затертые), не были напечатаны в 1867 и 1970 гг., но вошли в книгу «Климент, еп. Словенский, сочинение В.М. Ундольского», изданную в 1895 г. с предисловием П.А. Лаврова. Один из этих отрывков – вступление об изобретении славянской азбуки – помещен в текст предисловия, а второй – сожаление о несостоявшемся выступлении 1843 г. – в подстрочные примечания.

Отличает эту статью новый, расширенный план издания творений Климента. Ундольский хотел издать творения Климента «славянскими буквами по требованиям ученой критики»⁸.

Новый план выглядел следующим образом.

Перед текстом вступления предполагалось поместить изложение судьбы славянской письменности во времена первоучителей и жизнеописание Климента (преимущественно на основании биографии на греческом языке 1802 г.)⁹.

Далее должно было помещаться житие Кирилла и Мефодия по списку Ундольского в сравнении с другими списками, известными автору (Лаврским, Синодальным списком и списками Успенского собора Московского Кремля, М.П. Погодина и О.М. Бодянского).

Перед описанием рукописей творений Климента предполагалось разместить сведения о том, давно ли и кому они были известны. «При этом будет решено, почему творений Климентовых нет в известном списке книг истинных и ложных, тогда как там есть Кирилл Словенский и Петр Русский»¹⁰. По записям в черновике к статье 1845 г. ясно, что Ундольский считал этот факт «неудивительным, потому что поучения Климента раскиданы по сборникам, а особой книги не составляли, поэтому и могли быть опущены в списке книг истинных и ложных»¹¹. Данному вопросу Ундольский планировал посвятить отдельную статью, ссылаясь на желание Шафарика. «По этому желанию достопочтенного славянофила, – пишет Ундольский в черновике к докладу 1845 г., – эта статья будет издана в приложениях по нескольким спискам, или лучше редакциям, открытым мною, кроме Калайдовичевой и Розенкамповой, и при ней в алфавитном порядке разобраны будут все книги и статьи, в ней упоминаемые, с обозначением года, когда она сочинена или переведена»¹².

Разбор сочинений Климента в отношении богословском и художественном должен был стать последней частью вступления.

Основную часть издания должно было занимать описание рукописей в хронологическом порядке с решением следующих вопросов: все ли буквы славянской азбуки употреблялись во времена Кирилла и Мефодия; следует ли употребление некоторых букв считать признаком древности списков; рассмотрение о титлах, знаках строчных и ударениях, а также разбор «грамматических и лексикографических особенностей рукописи, с приложением нескольких словарей, в том числе словаря половецкого языка»¹³. После самих Слов следовало Приложение с указателем лексики и ее грамматическим разбором.

По плану Ундольского издание заключалось алфавитным указателем имен и предметов с несколькими снимками рукописей¹⁴.

Среди бумаг Ундольского, относящихся к подготовке издания, есть списки рукописей, употребляемых при издании¹⁵, варианты к изданию творений Климента Словенского, занимающие 21 лист¹⁶, 60 листов палеографических описаний рукописей, содержащих творения Климента¹⁷, обе статьи о Клименте, епископе Словенском 1843 и 1845 годов. В издании П.А. Лаврова и предисловии к собранию сочинений Климента, изданных в Софии в 1970 г., указано, что А.Е. Викторов, изучая архив Ундольского, обнаружил там и перевод трех Слов Климента на русский язык. Однако при просмотре бумаг Ундольского в ОР РГБ этого перевода не обнаружено. Отметим еще, что черновик статьи 1845 г. значительно отличается от белого варианта, напечатанного в отрывках в 1867 г. В черновике содержится обширная часть о славянской письменности во времена свв. Кирилла и Мефодия.

Вероятно, при подготовке к изданию творений Климента В.М. Ундольский хотел, переработав статьи 1843 и 1845 годов, на их основе написать пространное вступление, поместив его перед описанием рукописей, как и указано в его плане издания. Поскольку этот отрывок нигде не публиковался, считаем возможным привести его здесь.

«...Немало стоило труда мимолетные звуки уст человеческих связать, утвердить и упрочить. Выражение понятий посредством ваяния, лепления, литья, живописи и иероглифов было ненадежным хранилищем плодов человеческих мыслей и слова. Все это не могло обойтись без устного объяснения, подлежащего многим неисправностям, заблуждениям и забвению. Но иероглифический образ выражения мыслей был первой ступенью к начертанию оных посредством букв. С изобретением письмен быстро и легко передаются познания и опыты предшественников потомкам, и просвещение, подобно дому премудрости, зиждется то усердно и успешно, то за недостатком делателей косо и медленно, но все вперед. Зиждители храма подобно муравьям сносят со всех сторон свои плоды на

общее дело, изумляющее и хладнокровного наблюдателя, кладут камень на камень, доколе не изнемогут. Одни сменяют других, но здание высится над костями их, на краеугольных камнях и стенах которого изваяны имена зиждителей благодарным потомством. Они телом перестали быть, но их духовные нетленные мощи хранятся в книжных киотах, против пагубнейшего зла человечества, источника всех бед – невежества»¹⁸. Весь этот отрывок в черновике статьи 1845 г. зачеркнут. Далее следует рассуждение об азбуке Кирилла и Мефодия. «Нельзя сказать, чтобы просвещенные Кириллом славяне были равнодушны к просветителю. Нет, еще современники Кирилла благоговели к его памяти. Ученик Мефодия ексарх Болгарский называет его святым Божиим человеком, а по Остромирову Евангелию 1056 г. видно, что его память вместе с прочими святыми праздновали 14 февраля»¹⁹. Здесь же приводятся слова черноризца Храбра: «Аще вопросим глаголя: кто вы письмена сотворил есть или книги преложил? То вси ведят и отвещающе рекут: св. Константин Философ, нарицаемый Кирилл... и Мефодий брат его. При таком благоговении нельзя никак допустить, чтобы его сочинения никем не были списываемы и сохраняемы для потомства»²⁰. За этими словами вставлен фрагмент статьи 1843 г. о возможности существования трудов св. Кирилла и переход к рассказу об открытии Слов св. Климента: «А о трудах Климента, епископа Болгарского, скончавшегося в 916 году, мы до сих пор ничего не знали, но быть не могло, чтобы помощник Мефодия ничего не оставил после себя письменного»²¹.

Кроме приведенных отрывков, не вошедших в печатные варианты статей, есть еще замечание Ундольского, свидетельствующее о том, что он хотел переработать обе статьи для готовящегося издания. В плане издания говорится об уже открытых 15-ти Словах, между тем, как в печатном варианте перечислено только 11²². К тому же после плана издания есть добавление Ундольского, в котором он высказал мысль о существовании неподписанных произведений Климента: «Кроме этих Слов, есть Слова Климента (до 15-ти Слов) без подписи его имени, но так сходных с приписанными ему поучениями, что нет никакой возможности считать это сходство случайным, тем более, что списки этих Слов восходят к временам самым отдаленным, к XIV и даже к XIII векам. В особенности Прологи изобилуют этими Словами»²³.

Решение издать открытые Ундольским сочинения Климента было принято 26 января 1846 г. на заседании ОИДР. Издание должно было называться «Климент, епископ Словенский». Согласно записке Ундольского, представленной Обществу 22 декабря 1845 г., планировалось осуществить издание в типографии Московского университета на средства Общества,

под наблюдением Вукола Михайловича²⁴. «Вознаграждения, за труды от Общества, издатель не требовал никакого, кроме нескольких экземпляров этой книги»²⁵. Ундольскому хотелось «...более древние списки напечатать средним словенским шрифтом, а по спискам менее древним – т. н. библейским шрифтом – для отличия»²⁶. Тираж должен был составить 600 экземпляров. Ундольский особенно заботился о качестве издания, входя во все подробности типографской работы: «Удобство чтения и красота издания будет зависеть от чистоты оттиска и качества бумаги, поэтому надо употребить бумагу лучшую той, которая употреблялась в прежних изданиях Общества. Это не составит большой разницы в издании при настоящей дешевизне бумаги»²⁷. В работе над публикацией Ундольскому помогал секретарь Общества О.М. Бодянский. Сначала дело пошло быстро, и уже 4 января 1846 г. Бодянский направил в типографию Московского университета просьбу набрать образец будущего издания (1 лист)²⁸ для представления на заседании Общества 26 января. Параллельно с работой над изданием уже известных произведений Климента Ундольский разыскивал новые, выбирая лучшие и древнейшие списки. Занимаясь этими поисками, он сделал весьма интересное наблюдение: «Примерно с XVI века в списках св. Климент называется не просто епископом, но святым отцем нашим Климентом или мучеником Климентом»²⁹, в то время как «в списке XVII века, как и в древнейших, Климент назван просто епископом, а не святым и не мучеником, следовательно этот список сделан со списка ближайшего ко времени сочинителя»³⁰. Таким образом, изучение сочинений Климента все углублялось, а издание затягивалось.

П.А. Лавров определил причины медлительности: 1. Объем материала не мог быть вполне точно определен (открывались новые произведения или принадлежащие Клименту, или составленные из его.) 2. Разыскание лучших и старейших списков, содержащих творения Климента, также затягивало публикацию³¹.

Наконец, издание совсем остановилось, и 25 марта 1848 г. В.М. Ундольский в письме к О.М. Бодянскому констатирует: «Несмотря на все мои усилия, чтобы напечатать мой труд, мне не удалось ничего сделать»³². В этом же письме приведены все 15 Слов Климента, предназначавшихся к изданию. Кроме названных в статье 1845 г., в письме есть: 1. В навечерие Богоявления похвальное слово Иоанну Крестителю в списке XVI в. (найденное Ундольским в рукописях, принадлежавших Строеву, в 1847 г.). 2. Житие и жизнь и подвиги, иже во святых отца нашего Константина Философа, первого наставника и учителя славянскому языку (в списке XVI в.). 3. Память и житие блаженного отца нашего и учителя Мефодия, архиепископа Моравска (в пергаменном списке XI в. Московского Ус-

пенского Собора). 4. Слово похвальное на память святых и преславных учителей словенску языку... блаж. Кириллу и архиепископу панонскому Мефодию (тот же список XII в.)³³.

Издать произведения Климента по своему плану В.М. Ундольскому не удалось до конца своей жизни. Между тем, отдельные поучения по частям были изданы разными лицами. В 1863 г. И.И. Срезневский опубликовал «Заповедание о праздниках» с той же рукописи, которой пользовался Ундольский³⁴. В 1880 г. А.Н. Попов открыл Слова на Богоявление, на Рождество Христово, на Зачатие св. Иоанна Крестителя. Он же издал Похвальное слово св. архангелам Михаилу и Гавриилу и подготовил к печати Похвальное слово Клименту, папе Римскому, изданное Щепкиным³⁵. Отдавая дань уважения Ундольскому, в 1895 г. П.А. Лавров попытался издать материалы о Клименте, собранные В.М. Ундольским под именем первооткрывателя. Книга называлась «Климент, епископ Словенский, сочинение В.М. Ундольского». Однако из всего, что принадлежит Ундольскому, напечатаны только отрывки из статьи 1845 г., опущенные в публикации 1867 г., а также подготовленные самим Ундольским к печати три с половиной листа рукописи, содержащей «Заповедание о праздниках», начало Поучения на Преображение Господне и Поучение на св. Воскресение. Вторая часть книги, а именно: конец Поучения на Преображение, Похвала четверодневному Лазарю, Слово на Память блаж. Захарии и о рождестве Иоанна Крестителя (начало), статья о литературной деятельности, источниках и характере поучений Климента Болгарского – печатались под наблюдением П.А. Лаврова. И, наконец, заключение Поучения на память блаж. Захарии, Похвала св. Кириллу Философу и большая часть именного указателя изданы под наблюдением А.В. Михайлова, которому принадлежит и вступительная статья «Об издании творений Климента Словенского, епископа Величского».

Таким образом, из задуманного Ундольским плана издания творений Климента практически ничего не осуществилось. Тем не менее, в плане Ундольского были заложены перспективы изучения памятников славянской письменности, поставлены основные задачи. Впоследствии Н.Л. Туницкий в исследовании о Клименте отмечал, что «во многих аспектах мнения и констатации более поздних исследователей совпадают с мнением Ундольского»³⁶.

В заключение считаю возможным остановиться на судьбе по-своему уникальной библиотеки, собранной Ундольским. Он начал создавать библиотеку в 1840–1842 гг. К 1845 г. в ней было свыше 200 рукописей, к 1852 г. – около 1000, а к 1864 г., т. е. к моменту смерти собирателя, – более 1350. «Рукописное собрание Ундольского было составлено систематичес-

ки, по заранее обдуманному плану. Он старался совместить в своем собрании необходимые материалы по всем отраслям древнерусской письменности, и при этом почти в каждой из них ему удалось приобрести много памятников новых, прежде не известных науке»³⁷. Библиотека рукописей была составлена так, чтобы по отдельным темам предоставлять исследователю все необходимые материалы, причем «один отдел не давит других, не затрудняет работы исследователя массой лишних, ничего не дающих в научном отношении списков». В.О. Ключевский отмечал, что Ундольским впервые был «введен в рукописную библиографию систематический порядок (заглавие, начальные слова, замечания об авторе, о прежнем владельце рукописи, об отношении к другим памятникам литературы)»³⁸. Вся библиотека делилась на части: I – группа книг Священного Писания; II – Памятники церковного права; III – Богослужебные и обрядовые книги; IV – Оригинальная Богословская литература Древней Руси; V – Отдел раскольниковых сочинений; VI – Общая церковная история; VII – История Русской церкви, в т.ч. коллекция житий русских святых, отдельные из них уникальны; VIII – Памятники светской литературы. Особый раздел составляют сборники – отрасль письменности, наименее изученная и поэтому представлявшая для Ундольского большой интерес.

Еще при жизни историка в марте 1864 г. начались его переговоры с Московским публичным музеем о передаче рукописной коллекции в музей. Инициатором переговоров была дирекция музея. С согласия Ундольского была назначена комиссия для просмотра и оценки научной и материальной стоимости собрания. В комиссию вошли: О.М. Бодянский (председатель), С.М. Соловьев, Д.А. Ровинский, К.Н. Тихонравов, И.Е. Забелин, А.Е. Виктор и книгопродавец И.Г. Большаков. Стоимость была определена в 47814 руб.³⁹ Но дирекции музея она показалась слишком высокой. Была назначена вторая комиссия для подтверждения результатов первой. Тем временем, в 1864 г. директор музея вступил в личную переписку с Вуколом Михайловичем. Последний выразил согласие продать свое собрание за 50000 руб. с тем, чтобы 1/5 часть была выплачена сразу, а остальная сумма в течение 10 лет; на всю сумму ежегодно должны были начисляться 6% годовых, а сам Ундольский просил назначить его на должность библиотекаря музея⁴⁰. При том, что цены на древние рукописи поднялись в четыре раза с момента их покупки, что к коллекции прилагалась опись примерно трети материалов и самая ценная часть – сборники – вообще не была описана и, следовательно, не была объективно оценена, условия Ундольского выглядят вполне справедливо. К тому же и комиссия подтвердила выводы первой оценки. (Комиссия проводилась в отсутствие Ундольского. В нее входили: кн. В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин, С.А. Со-

болевский, гр. А.С. Уваров, А.И. Кошелев, А.И. Хлудов, К.Е. Солдатенков⁴¹). Тем не менее, музей не принял условия Ундольского.

Уникальную библиотеку уже после смерти ученого приобрел Московский публичный музей в 1866 г. за 25 тыс. рублей. Оказалось, что собрание Ундольского «одно без помощи и независимо от других наших собраний, может предоставить отличное пособие для науки отечественной истории и литературы, почти по всем их отраслям»⁴². В собственность музея поступили также научные работы, кабинетные бумаги и личные записи В.М. Ундольского.

Примечания

¹ ОР РГБ. Ф. 704. К. 1. Ед. 5. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Климент Охридски. Събрани съчинения. София. 1970. Т. I. С. 14.

⁶ Беседы Общества любителей российской словесности. М., 1862 г. Вып. I. С. 31–38.

⁷ ОР РГБ. Ф. 704. К. 1 Ед. 6.

⁸ Климент Охридски. Указ. соч. С. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 704. К. 1. Ед. 6. Л. 40.

¹² Там же.

¹³ Климент Охридски. Указ. соч. С. 22.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 704. К. 1. Ед. 4. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ед. 4.

¹⁷ Там же. Ед. 2.

¹⁸ Там же. Ед. 6. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 2об.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 2об.

²² См. Климент Охридски. Указ. соч. С. 18–19.

²³ ОР РГБ. Ф. 704. К. 1. Ед. 6. Л. 12–12об.

²⁴ Там же. Ед. 7. Л. 1–3.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Там же. Ед. 5. Л. 40.

³⁰ Там же. Ед. 6. Л. 11.

³¹ Климент, епископ Словенский (В.М. Ундольский). Предисловие П. Лаврова. М., 1895. С. IX.

³² *Климент Охридски*. Указ. соч. С. 25.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ *Климент, еп. Словенский*. Указ. соч. С. XIII.

³⁶ *Климент Охридски*. Указ. соч. С. 39.

³⁷ *Ключевский В.О.* Рукописная библиотека В.М. Ундольского // Православное обозрение. 1870. № 5. С. 879.

³⁸ Там же. С. 774.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 704. К. 30. Ед. 24.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Брокгауз и Эфрон, XXXIV, СПб., 1902.

М.М. Фролова

(Институт славяноведения РАН)

Повесть А.Ф. Вельтмана «Райна, королевна болгарская» (1843 г.) в контексте русско-болгарских отношений в конце X в.

Повесть Александра Фомича Вельтмана «Райна, королевна болгарская», изданная в 1843 г., пользовалась огромной популярностью в среде болгарской эмиграции и в самой Болгарии во второй половине XIX в. В 1852 г. болгарский читатель увидел ее даже в двух переводах на болгарский язык, один принадлежал Елене Мутевой, а другой – Йоакиму Груеву. Добри Войников создал на ее основе драму «Райна-княгиня», и она многие годы с огромным успехом шла на профессиональных и любительских сценах Болгарии и Валахии. Иллюстрации к «Райне» художника Николая Павловича стали классикой болгарского изобразительного искусства. Повесть Вельтмана, отмечал болгарский литературовед Д. Леков, оказала «воздействие на формирование художественных критериев и вкуса» болгар второй половины XIX в. и «присутствует» в творческом мире литераторов и писателей¹ Болгарии. Она открыла путь исторического романа в болгарской литературе². Не удивительно поэтому, что «Райна, королевна болгарская» стала одним из «самых исследованных произведений» переводной литературы периода болгарского Возрождения³. И, тем не менее, все еще остается не выясненным вопрос, который поставил болгарский ученый Г. Германов: «Как возник у А.Ф. Вельтмана интерес к болгарской теме?»⁴. Историки литературы подчеркивают, что эта повесть «необычна для творчества» писателя⁵. Закономерен поэтому и следующий вопрос, как родился ее замысел. Ответы на эти вопросы помогут точнее понять концепцию автора, раскрыть его отношение к Болгарии и к ее историческим судьбам, а также внести коррективы в новое прочтение повести Вельтмана, которое на рубеже XX–XXI вв. предложил болгарский филолог Н. Аретов.

Исследователи творчества А.Ф. Вельтмана (1800–1870) единодушны в том, что годы службы в военно-топографической комиссии во 2-й армии в Бессарабии (1818–1827) явились для писателя невероятно плодотворными

в плане накопления разносторонних впечатлений, разнообразного жизненного материала, из которого он черпал сюжеты для произведений в течение всей своей жизни. Но это также были годы, когда благодаря русской политике покровительства христианским подданным Османской империи были созданы благоприятные условия для возникновения в 1814 г. в Одессе тайной греческой организации Филики Этерия⁶, и ее деятельность, принявшая в 1818–1819 гг. общевосточный размах, привела в 1821 г. к восстаниям А. Ипсиланти и Т. Владимиреску в Дунайских княжествах, жестоко подавленных султанскими войсками, а также к греческой революции. Вопрос о судьбе христианских народов, подвластных Порте, стал тогда одним из животрепещущих не только в дипломатических кругах, но и в среде русских офицеров. В Южном обществе декабристов и Обществе соединенных славян обсуждались планы создания славянских федераций. Вельтман не принадлежал к декабристам, хотя был со многими коротко знаком, но он «горячо сочувствовал этерии»⁷, в составе которой были и греки, и сербы, и валахи, и болгары. С болгарскими переселенцами Вельтман мог встречаться во время своих топографических съемок Бессарабии. В Кишиневе были болгарские кварталы, и Вельтман, как человек наблюдательный и любознательный, не мог не обратить на них внимания.

Но именно русско-турецкая война 1828–1829 гг. «приблизила в прямом и в переносном смысле русскую общественность к болгарской земле и к ее проблемам»⁸, – подчеркивала Л. Минкова. Историки литературы, указывая на участие Вельтмана в русско-турецкой войне, утверждали, что она дала ему много впечатлений о Болгарии и болгарях⁹, однако не шли далее констатации этого факта. А какой предстала перед Вельтманом Болгария? Некоторые сведения о болгарских впечатлениях писателя можно почерпнуть из его романа «Странник», печатавшегося в течение 1830–1832 гг. Многие его страницы посвящены военной кампании 1828 г., но эти замечания достаточно кратки, поскольку «Странник» не мемуарное, а художественное произведение. Рассказ Вельтмана в «Страннике», сохранившиеся в его архиве копии нескольких реляций могут быть вполне дополнены опубликованными воспоминаниями и записками офицеров-участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг., что создает объективную картину увиденного русскими офицерами во время походов в Болгарию.

Штабс-капитан Вельтман провел кампанию 1828 г. в качестве старшего адъютанта и начальника исторического отделения Главной квартиры 2-й армии. Помимо ведения штабных дел в его обязанности входило составление реляций и заполнение дневника боевых действий 2-й армии. Из дневника Вельтман делал специальные выписки непосредственно для Николая I, который находился при действующей армии. Но штабная рабо-

та не помешала Вельтману принять участие в осаде крепости Браилов, о которой он рассказал и в «Страннике».

Разнообразие ландшафта и богатство природы в Болгарии восхищало Вельтмана с самой первой минуты, когда он, перейдя Дунай по понтонному мосту, взобрался на расположенный у крепости Исакча «Визирский страшный курган» и огляделся. Просторы, открывавшиеся взору, были чудесны и очаровательны. Цветущий май, ясное небо, душистый воздух, вид гор, покрытых лесом, «и путь, пролегающий в столицу султана», – все это настраивало на «заманчивую будущность». «Поход от Исакчи до Бабадага казался прогулкою, а область Бабадагская – эдемом, но – без гурий»¹⁰. Вельтман следовал за императорской квартирой до местечка Кара-су (Черная вода), где «основалась походная столица императора во всем блеске. Город шатров с золотыми маковками был обнесен живыми оградами. Чисто было небо, облака боялись помешать солнцу играть на светлых орудиях и штыках русских»¹¹. Ночью же «лагерные и бивачные огни» «простираются до самого неба, и звезды на горизонте кажутся продолжением огней русского лагеря»¹².

Вельтман не писал о палящем солнце Болгарии, о трудностях похода по знойной и безводной Добрудже, где дефицит с водой приобрел невероятную остроту от того еще, что фонтаны были испорчены турками, а редкие колодцы были заброшены «мертвыми телами, мылом, кожами и другими нечистотами»¹³. Нехватка воды, из-за которой начался огромный падеж лошадей и скота, продиктовала перемещение Главной квартиры от Кара-су к Базарджику. По свидетельству офицера Генерального штаба Ф.П. Фонтана, служившего в дипломатической канцелярии при Главной квартире, Кара-су – «место некрасивое, но зато весьма нездоровое... Вода соленая, вино кислое, мутное, а что пуще всего солнце горькое и для нас и для бедных лошадей, ибо подножного корма и след исчез»¹⁴.

Тяготы бивачной жизни не снизили романтическую приподнятость чувств Вельтмана и его повествования о «торжественном шествии к Балканам» русских войск от Базарджика к Шумле через густой лес, мрачную Ушеплийскую долину, хребты гор, сады Козлуджи... Вельтман не устал восторгаться видами. «Шумлинскую гору» он сравнил со «старой турчанкой, сидящей, свернув под себя ноги, на роскошном ковре болгарской природы»¹⁵. Однако упоение природой постепенно убывало. Известный впоследствии христианский писатель А.Н. Муравьев, состоявший в 1828 г. в дипломатической канцелярии при Главной квартире писал, что живописные долины Шумлы становились однообразными «для того, кто три месяца видел те же пред собою виды и переносил весь жар и всю суровость климата, беспрестанно меняющегося по различным направлениям горных ветров»¹⁶.

Вельтман также не мог не признаться, что «нет ничего грустнее стоянки под крепостью, особенно, друзья мои, в пустынной Болгарии»¹⁷.

Русское войско стало таять от эпидемий лихорадки и тифа. «Отчего задунайский воздух был так ядовит для нас? Какого жизненного элемента недоставало в нем?», – размышлял Вельтман. «Никто не решит вопроса»¹⁸. Развитию болезней способствовал не только климат, но и перебои в снабжении продовольствием и фуражом, что вызвало массовый падеж лошадей, неготовность лазаретов принять огромное количество больных, появившееся угнетенное настроение в войсках. Фонтон отмечал «уныние и усталость духа и тела от принужденной праздности»¹⁹. По определению Муравьева, «первая блестящая половина кампании была уже окончена, оставалась другая – мрачная!»²⁰. «Напрасно военная музыка хотела развеселить душу, играя то русскую песню, то арии из *La dame blanche*, из *Freischütz*, то мазурку, то *cadrille française*. Все это увеличивало тоску...»²¹, – замечал Вельтман.

И все же автор «Странника» не утратил свой «молодеческий» настрой. Палатки в лагере под Шумлой опустели из-за повальных болезней, а также потому, что большая часть русского войска вместе с императорской квартирой скрытно ушла к Варне. «Гусейн-паша хотел пересчитать нас двумя решительными ночными вылазками, но в оба раза встретил русскую единицу, которая, подобно палице богатыря, укладывала турецкие толпы во чистом поле на вечный сон»²². За отвагу в сражении под Шумлой Вельтман был награжден орденом Владимира IV степени. 20 сентября он участвовал в бою при Кадикой. Во время осады Вельтман блестяще выполнил особое задание – составил план турецких укреплений и позиций²³. Как офицер Генерального штаба он производил разведку дорог и разводил войска на позиции, что также дало прекрасное знание окрестностей Шумлы. После падения Варны (29 сентября 1828 г.), которым завершилась кампания 1828 г., русские войска отступили от Шумлы (2 октября). Вельтман в составе Главной квартиры главнокомандующего графа Витгенштейна прибыл в Варну, а затем «вслед за историческими лицами 1828 г. скакал на почтовых» через Мангалию, Кюстенджи, Гирсово в Яссы на зимние квартиры.

Новая кампания 1829 г. открылась операциями под Силистрией. В осаде принимал участие и Вельтман. Вместе с новым главнокомандующим графом Дибичем он выступил по Шумлинской дороге для удара во фланг 40-тысячной армии визиря Решид-паши, которая шла к Варне. Упорный 5-тичасовой бой под Кулевчей (30 мая 1829 г.) завершился полным поражением Решид-паши. За мужество Вельтману было присвоен чин капитана. В июне он получил отпуск и отправился в Яссы на лечение²⁴, война для него была завершена.

Болгарские страницы «Странника» закончились, болгарские земли остались за Дунаем, но мы практически ни разу не встретили болгар. В романе чаще всего звучала молдавская речь, действующие лица говорили также на немецком, французском, новогреческом, турецком, арабском языках, на идише. А на болгарском нет ни одной фразы! Если обратиться к воспоминаниям и запискам офицеров о военной кампании 1828 г., то и там повторяется та же странность: в описаниях природы, климата, городов Болгарии отсутствуют сведения о болгарском населении. И этому имеются объяснения. Генерал-майор П.Я. Купреянов, шедший в авангарде русской армии, сообщал, что «селения, лежащие по пути следования при приближении наших войск были оставляемы жителями, потому что турки угоняли всех с собой, понуждая к этому даже пушечными выстрелами»²⁵. Фонтон в письме от 8/20 июня констатировал: «селения теперь все пусты, турецкое войско, уходя, разграбило и согнало булгар. Единственными обитателями остались славные гуси»²⁶. Вельтман прекрасно передал чувства, которые охватывали при вступлении в «пустой город» – Базарджик. «Мне кажется, не только люди и животные, но и все насекомые скрылись из него. Какая пустота! какая мрачность! точно как в сердце, оставленном надеждою». «Фонتانь не лютуют, они иссохли. В некоторых вода еще слезит, но она уже горька, как слезы... отравлена»²⁷.

При описании Базарджика, а также позднее и Кюстенджи Вельтман не стал сообщать, что русские офицеры, как правило, испытывали глубокое разочарование, когда посещали турецкие города, поскольку издали они привлекали взор живописностью расположения, а внутри оказывалось, что улицы были «чрезвычайно узки и нечисты», вымощены неровно, дома «всегда обращены окнами на двор, и вместо забора обыкновенно обнесены каменною стеною, что много способствует к обороне даже внутри самого города; оконницы вместо стекол заклеены пузырем или бумагой, напитанной деревянным маслом...»²⁸. Кроме того, начитавшись перед походом «разных разностей о восточной пышности», офицеры представляли себе Болгарию «ни более, ни менее райским садом с мраморными фонтанами и с разноцветными сквозными домиками» «с раззолоченными узорчатыми решетками», в которых скрывались черноокие девы. «Но где же восточная роскошь, где богатства? В целой Болгарии мы не видали ни одного даже порядочного ковра; а пустые, неопрятные строения свидетельствовали только о безвкусице и бедности турак»²⁹, – писал прапорщик 7-й артиллерийской бригады П.Н. Глебов.

В продолжение войны каждая покоренная крепость обращалась в госпиталь, поэтому во время похода русские войска не останавливались в городах и селениях, а разбивали палаточный лагерь рядом. Поселения

в Добрудже и в Приморском санджаке были бедны. Но русские офицеры умели отличать турецкие села от болгарских, хотя в них не оставалось жителей. «Чисто, и домового нет!»³⁰, – восклицал Вельтман. Глебов писал: «Булгарские селения, попадавшиеся на большой дороге, были грязны и отвратительны: они состояли из кишт, бедных и полуразвалившихся с голыми стенами, в которых вместо окон деревянные решетки, а вместо лавок низенькое возвышение из земли вроде широкого дивана»³¹. Офицер 2-го пехотного корпуса А. Макавеев сравнивал уцелевшие в селении Черноводы болгарские дома с мазанками³². Вельтман по дороге в Гирсово ночевал в одном из разоренных войной селений в уцелевшей «булгарской землянке», «над нею была крыша, внутри ее был еще очаг»³³.

Но жесткие меры турок по принудительному выселению мусульманского и христианского населения из Добруджи и Приморского санджака не привели к полному исчезновению болгар. Генерал-майор Л.А. Симанский, шедший в авангарде к Шумле, записал 9 июля 1828 г.: «здесь проходили обозы болгар, которые все были турками захвачены из Мачина и деревень, но во вчерашней сшибке были нашими казаками отбиты»³⁴. Видел ли этих болгар Вельтман? В «Страннике» Болгария пустынна.

Известно, что осведомленность в русских войсках относительно сил, расположения и намерений турок зиждилась на опросах перебежчиков и пленных, нередко это были болгары. Генерал-майор Л.А. Симанский свидетельствовал, что 27 августа 1828 г. турки атаковали тремя колоннами пехоты наши расположения у Шумлы, но неудачно, т. к. «бдительность была удвоена на эту ночь. Пленный булгар, бежавший вчера, известил наших, что турки собираются сегодня напасть из 6 тыс. человек. Ему главнокомандующий дал 20 червонцев и еще обещал за оставленное им в Шумле стадо овец 250 шт.»³⁵. Но в 1828 г. подобные перебежчики были редки, с трудом можно было отыскать и проводника. В «Страннике» (гл. CCLXXVI, CCLXXVII) Вельтман описывал запомнившийся ему допрос пленного, но это был молодой и прекрасный собой турок.

Военная кампания 1829 г. также не обогатила познания Вельтмана в отношении болгар. Дорога от Силистрии до Шумлы была опустошена еще в 1828 г. В знаменитом Забалканском походе русской армии Вельтман не участвовал, поэтому он не мог помнить, как полагала Л. Минкова, как болгары встречали русские войска в 1829 г. в городах и селах Румелии: «Поселяне с крестами, со хлебом и с солью, со священниками в ризах и с колокольчиками толпами навстречу выходят»³⁶. После пустынных и разоренных районов Добруджи и Приморского санджака цветущая Румелия «с пышными, богатыми селениями», откуда турки не успели выселить жителей, производила на русских неизгладимое впечатление. Доктор

К.К. Зейдлиц восхищался болгарками: «Женщины замечательно красивы: темно-каштановые волосы, огненные черные глаза и благородные очертания носа свидетельствуют об их римском происхождении»³⁷. Фонтон описывал болгар как «славных плотных и стройных молодцов».

Подробности о переходе русских войск через Балканы, сражениях, торжественном вступлении в Адрианополь и заключении Адрианопольского мира Вельтман узнавал от возвращавшихся домой сослуживцев и из прессы, в которой стали появляться воспоминания и записки о русско-турецкой войне. Весной 1830 г. Вельтман вернулся на службу в Главную квартиру. Новое назначение в Отдельный Оренбургский корпус, подписанное 26 сентября 1830 г., заставило его подать в отставку по болезни. 22 января 1831 г. он был уволен в чине подполковника и поселился в Москве³⁸.

Публикация первого романа «Странник» принесла Вельтману завидную популярность. Историки литературы указывают, что 7 ноября 1833 г. он был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности (1811–1930), главной целью которого являлось исследование истории литературы и языка. Однако при этом забывают сообщить, что с начала 30-х гг. XIX в. деятельность Общества неуклонно затухала. Если в 1833 г. его секретарю М.П. Погодину удалось провести 3 заседания, то в 1835 г. Общество совсем не собиралось по «совершенному недостатку капитала». Попытки его нового секретаря С.П. Шевырева восстановить работу ни к чему не привели, а с 1849 г. деятельность Общества замерла на целых 20 лет³⁹.

Напротив, Общество истории и древностей российских (ОИДР), одно из старейших в России исторических обществ (1804–1929), с начала 1830-х годов активизировало свою деятельность и стало превращаться в серьезный научный исторический центр. Вельтман поэтому сначала пожелал стать членом именно ОИДР, а не ОЛРС. Согласно протоколам заседаний ОИДР Вельтман представил в Общество книги «Начертание древней истории Бессарабии» (М., 1828) и «Песнь ополчению Игоря Святославича» (М., 1833), перевод «Слова о полку Игореве», и по предложению председателя ОИДР А.Ф. Малиновского был единогласно принят в его действительные члены 30 сентября 1833 г.⁴⁰, а не в 1836 г.⁴¹, как полагал исследователь творчества Вельтмана Ю. Акутин, составивший на основании архивных данных самую полную биографию писателя. Участие Вельтмана в работе ОИДР является важной составляющей в понимании сохранения и углубления его интереса к болгарской тематике, что, к сожалению, не стало предметом специального изучения ни одного труда, посвященного исследованию его творчества.

Как известно, в 30-е гг. XIX в. славянская проблематика в заседаниях и изданиях Общества заметно упрочила свои позиции⁴². 28 ноября 1834 г.

Вельтман представил свою работу «О язычестве славяно-русов», которая вызвала интерес у собравшихся действительных членов Общества, поскольку автор «обещал продолжение сего ученого и любопытнейшего исследования»⁴³. На заседании 28 марта 1842 г. Вельтман читал статью «О первобытной религии славяно-русов»⁴⁴. Он дарил свои труды в библиотеку ОИДР: в сентябре 1840 г. поступила его книга «Древние собственные славянские имена» (М., 1840). Вообще деятельность Вельтмана в ОИДР была интенсивна и разнообразна, но это тема другой работы. В это же время Вельтман продолжал сохранять дружеские отношения с И.П. Липранди, который собирал материалы для энциклопедии Оттоманской империи, где Болгарии принадлежало особое место. Правда, московского литератора тогда более привлекал не болгарский, а сербский материал, сообщаемый ему Липранди⁴⁵.

Внимание к прошлому и настоящему Болгарии поддерживалось в ОИДР Ю.И. Венелиным. Он был избран действительным членом ОИДР 5 ноября 1832 г. Переписка ученого с В. Априловым и Н. Палаузовым обнаружила острую потребность болгар в исследовании истории их страны, которое они ожидали от Венелина. В свою очередь Венелин просил радетелей болгарского просвещения о собирании болгарских песен и этнографического материала. После смерти ученого просьба о написании болгарской истории была переадресована Н.В. Савельеву-Ростиславичу, который ее так и не выполнил.

В начале осени 1839 г. из зарубежной поездки в Москву возвратился вице-президент ОИДР А.Д. Чертков (1789–1858), участник осады Силистрии в 1828 г. В Ватиканской библиотеке он изучал знаменитую рукопись болгарского перевода византийской хроники Константина Манассии (XII в.), в которой болгарский переводчик XIV в. на полях киноварью дописал сведения о прошлом своей страны (гlossы). Ватиканский список был украшен 69 миниатюрами. Чертков переписал все 26 гloss, а также заказал цветные копии миниатюр, которые относились к русской истории: крещение руссов, вступление Святослава в Дристр (Доростол), сражение русских с болгарами, вступление Цимисхия в Преслав, сражение русских и византийцев под Дристром. Копии гloss и миниатюр Чертков представил на заседании ОИДР 20 октября 1839 г. и принял на себя «объяснение картин Ватиканской летописи». «Общество просило позволение приложить эти важные памятники к III тому Русского исторического сборника и получило согласие вице-президента»⁴⁶.

Обнаружение в Синодальной (Патриаршей) библиотеке другого, Московского списка 1345 г. болгарского перевода хроники Константина Манассии возбудило среди действительных членов ОИДР огромный интерес

к прошлому Болгарии, о чем свидетельствовали неоднократные доклады Черткова Обществу о своих исследованиях болгарского перевода, а также решение ОИДР издать текст болгарского перевода по Московскому списку. За этот труд, «полезный для славянской истории и словесности», взялся сначала С.П. Шевырев⁴⁷, а затем О.М. Бодянский, возвратившийся в сентябре 1842 г. из командировки по землям зарубежных славян в Австрийской империи и Пруссии. Знаменитый Шафарик всецело одобрил намерение Бодянского, которое, к сожалению, не было претворено в жизнь.

Миниатюрами заинтересовался президент Академии художеств А.Н. Оленин, а о них ему рассказал художник Ф.Г. Солнцев. Оленин просил Черткова «о дозволении срисовать для будущего издания Древностей Российского государства изображения великого нашего князя Святослава Игоревича». Дело было поручено Солнцеву. Любопытно, что после первого посещения Москвы Солнцев на получение звания академика в 1835 г. представил в акварели свидание князя Святослава с византийским императором Цимисхием на Дунае, отклонив устоявшуюся в Академии художеств «античную» программу⁴⁸. Чертков послал в Петербург копии миниатюр Ватиканского списка. В ответ (в октябре 1840 г.) он получил вместе с изъявлением благодарности сведения о замечательной находке, попавшей в рыбачий невод на Днепровских порогах в начале XIX в. Это был серебряный сосуд, наполненный монетами императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, и медный складной ключ с греческой надписью «Глас Господень на водах вопиет, глаголя»⁴⁹.

Работа Черткова с рукописью Московского списка вылилась в две монографии – «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (М., 1842) и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (М., 1843). Чертков опубликовал образцы почерков Московского и Ватиканского списков, а также репродукции с рисунков, сделанных с миниатюр Ватиканского списка, причем в подарочных экземплярах они были раскрашены. Книги были сразу замечены, журнальная критика («Журнал Министерства народного просвещения», «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Маяк») незамедлительно дала на них благожелательные отзывы. 30 декабря 1842 г. Чертков был единодушно избран в число членов-корреспондентов Академии наук. Автору было объявлено Высочайшее благоволение Его Императорского Величества. Н.Н. Мурзакевич, преподаватель Ришельевского лицея, передавая Черткову отзывы болгар на его книги, писал, что после Венелина они признают Черткова «двигателем своего просвещения и национальности»⁵⁰. Успех сочинений Черткова

поставил проблемы, связанные с историей Болгарии, в центр внимания научного мира и читающей публики.

В монографии «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» Чертков предложил и обосновал свою концепцию походов Святослава на Балканы. Как известно, в русской историографии длительное время господствовало мнение, что Святослав, «образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага, и характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка»⁵¹. Данное высказывание Н.М. Карамзина легло в основу последовавших вариаций на тему «Святослав – вождь бродячей дружины, последний варяжский князь, но не строитель русского государства». В таком ключе предстал киевский князь и в работах М.П. Погодина, С.М. Соловьева, А.Ф. Гильфердинга, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина, Н.А. Полевого, С.В. Бахрушина, А.Е. Преснякова и др. Точка зрения Черткова на первый поход Святослава в Болгарию фактически повторяла общепринятую: по приглашению Византийской империи Святослав предпринял обыкновенный набег для получения добычи, поэтому в его войске, согласно летописи, было только 10 тыс. воинов, а не 60 тыс., как сообщал Лев Диакон. Но после поселения в Переяславце произошли значительные перемены в помыслах киевского князя. Чертков доказывал, что «обыкновенный набег на Болгарию для получения добычи» превратился в великое предприятие Святослава, имевшее целью «перенести владычество русских с хладного севера на берега Черного моря и на плодородные равнины Болгарии, Фракии и Македонии», что «могло иметь важные следствия для исторической судьбы славян». В исследовании Черткова Святослав в конечном итоге выступал мудрым, дальновидным правителем. Для русской исторической науки такой взгляд на походы киевского князя на Балканы был нов и неожидан.

Чертков также обратил особое внимание на сообщения византийских авторов о том, что в неравной схватке с превосходящими по силе византийцами вместе с русскими воинами пали и болгарские. Закономерно вставал вопрос о взаимоотношениях Святослава с болгарами во время его походов. Сравнительно долгое время преобладало мнение, что киевский князь огнем и мечом прошел по всей Болгарии, преодолел силой оружия сопротивление населения, кровавым террором навязал болгарам не только свою власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией. Считалось, что Святослав захватил в плен болгарского царя Бориса II (970–971), а византийский император Цимисхий в освобожденном от русских Преславе «ласково принял» последнего. Так писали М.М. Щербатов, И. Стриттер, позднее А.Ф. Гильфердинг, М.П. Погодин,

С.М. Соловьев, К. Иречек, М. Дринов, Д.И. Иловайский, Ф.И. Успенский, В.Н. Златарский и др.

Чертков впервые в русской исторической науке выделил факты, говорившие о дружеских, союзнических отношениях болгар и русских. Он считал, что болгарское войско составляло половину его ратников⁵². Болгарские воины вместе с русскими сражались под Аркадиополем и Преславом. Когда болгарского царя Бориса захватили византийские воины и привели к Цимисхию, он носил знаки царского достоинства и «не был заключен Святославом в оковы». Руссы, писал историк, не тронули царских сокровищ, что сделали потом византийцы. Эти данные навели Черткова на мысль не только о дружественных отношениях болгар и русских, но и вероятном союзе между ними. Впрочем, это свое наблюдение Чертков не развил. Из современников Черткова только Вельтман принял данную версию. Почти целое столетие спустя, в 30-е гг. XX в. болгарский историк П. Мутафчиев также сделал положительный вывод о русско-болгарском союзе в период походов Святослава на Балканы⁵³. В работах советских ученых М.Н. Тихомирова, М.В. Левченко, П.О. Карышковского, А.Н. Сахарова была затем представлена развернутая картина лояльных взаимоотношений обеих сторон и выдвинуты предположения о характере и форме русско-болгарского союза⁵⁴.

В ходе работы над книгами, как уже указывалось, Чертков делал доклады на заседаниях ОИДР, обсуждалось его видение балканских походов Святослава и на литературных вечерах как в доме у историка по субботам, так и по четвергам у Вельтмана. Следует подчеркнуть, что Чертков пользовался заслуженным уважением среди коллег: его каталог русских монет XIV–XV вв. заложил основы русской научной нумизматики, он был удостоен Академией наук в 1834 г. половинной Демидовской премией. А каталогом его уникальной библиотеки, в которой он стремился собрать «все пособия для изучения нашего отечества в самом широком смысле» на всех языках, было «положено твердое основание русской ученой библиографии». В монографии «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» Чертков, применяя метод критического сопоставления источников, скрупулезно проанализировал сведения византийских хронистов Льва Диякона (X в.), Скилицы-Кедрина (XI в.), Зонары (XII в.), «Повести временных лет», а также исследования И. Раича, Л. Гебгарди, И. Стриттера, М. Орбини, Ш. Лебо, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина. Фундаментальность изысканий Черткова и логика выводов обратила Вельтмана в его единомышленника. Он воспринял версию Черткова событий конца X в.: первого похода киевского князя – как завоевания части Болгарии по приглашению византийского императора Никифора II Фоки, второго – как войны руссов и болгар против Византии. Романтическая и

пылкая натура Вельтмана не могла не увлечься яркостью, динамичностью и трагичностью картин походов русского воинства Святослава в Болгарию. Ожили воспоминания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда «тень Святослава», как писали русские офицеры, незримо сопровождала русские войска в Болгарию. Удивительный талант Вельтмана облек научные изыскания и летописные сведения в литературные одежды, дополнив их неожиданным вымыслом о необыкновенной романтической любви Святослава и Райны, дочери болгарского царя Петра, чудный образ которой также явился плодом фантазии писателя. Вельтман смог позволить себе значительные отступления от исторического текста, поскольку уже существовало серьезное научное исследование балканских походов Святослава.

Историки литературы ошибаются, когда пишут, что трактовка Вельтмана балканских походов Святослава совпадала с точкой зрения Венелина⁵⁵, что подразумевало определенное влияние идей Венелина на замысел повести. Книга Венелина «Критические исследования об истории болгар» увидела свет в 1849 г., а прежде все рукописи после смерти ученого находились у его двоюродного брата И.И. Молнара. Действительно, Венелин был единственным историком, который иначе охарактеризовал первое появление киевского князя на Балканах. Он считал, что недовольные провизантийским правлением царя Петра болгары подняли восстание и обратили «в свою пользу такой характер, какой имел Святослав, одно уже воспоминание о неудачном походе его родителя могло в нем возбудить ненависть к Петру I и желание отомстить ему». Князь Святослав пришел в Болгарию как союзник, о чем убедительно свидетельствовало наличие в его войске болгар. К тому же «легкое завоевание в короткое время целой Болгарии неоспоримо доказывает, что россиянам в сем деле везде способствовала болгарская инсurreкция»⁵⁶. Жалко, что нам не узнать, какие выводы о войнах конца X в. сделал Венелин с его неординарным видением событий, поскольку его сочинение обрывается на успешном окончании первого похода Святослава. Сходное с Венелиным объяснение причин прихода на Балканы русского войска обнаруживается не в повести Вельтмана, а в работах Г.С. Раковского. Раковский также полагал, что восставшее болгарское народное войско начало борьбу с грекоманской партией Петра, используя Святослава как «наемного помощника»⁵⁷.

К сожалению, приходится также опровергать предположение Е. Георгиева о том, что в качестве одного из источников Вельтман мог использовать «Историю славяно-болгарскую» Паисия Хилендарского⁵⁸. С этим сочинением московские ученые могли познакомиться благодаря копии, которую в июле 1844 г. Н.Н. Мурзакевич специально заказал снять для Черткова «со старинного списка», имевшегося у В. Априлова (Жеравнен-

ский список)⁵⁹. Мурзакевич невысоко оценивал «Историю славяно-болгарскую», отмечая, что она «неважная в ученом отношении». Подобного мнения о труде Паисия Хилендарского держался и сам обладатель рукописи В. Априлов. Чертков же, оценив ее патриотический пафос, решил ее опубликовать как первую работу по истории Болгарии, написанную болгариним. Однако «заботы по должности московского губернского предводителя дворянства в Крымской войне, преклонные лета...» не позволили осуществить этот замысел⁶⁰.

Но Е. Георгиев совершенно справедливо обратил внимание на антигреческую тенденцию в повести Вельмана, а также на стремление автора к возвеличиванию Болгарии, что было характерно для «Истории славяно-болгарской». Истоки возникновения антигреческого настроения в повести «Райна, королева болгарская» следует искать во впечатлениях, полученных во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Русские офицеры с удивлением и горечью отмечали невежество и корыстолюбие греческих священников, многие из которых «предавались жизни крайне соблазнительной для паствы». Штабс-капитан П. Должников писал в 1829 г., что «патриарх часто делает злоупотребления своей власти в особенности против безответных болгар, поставляя им епископов таких, которые предпочитают греческий язык болгарскому, и литургии отправляют на первом, которого болгары не понимают, равномерно и священников ставят им, предпочитающих греческий язык, в намерении сблизить их и подчинить совершенно власти своего духовенства»⁶¹. О противодействии греков пробуждению у болгар национального чувства, развитию просвещения, о вытеснении славянского языка греческим сообщали Венелин, Мурзакевич, Априлов. Со страниц авторитетного «Журнала министерства народного просвещения» Мурзакевич в 1838 г. призвал соотечественников к содействию в распространении просвещения в болгарском народе⁶², чему сам всегда горячо способствовал.

Чертков в аннотации к книге «Денница новоболгарского образования», подаренной ему В. Априловым 2 февраля 1842 г., записал: «Словене, живущие под игом Оттоманской Порты, кажется, несчастнее наших германских собратий. Если эти последние были в таком множестве онемечены и олатынены, то задунайские теперь еще часто принимают мухаммедановскую веру, делаются турками, волохами и греками, и, что всего хуже, стыдятся называть себя болгарами...». Отмечая появление в Болгарии 12 училищ и издание «нужных для них книг», Чертков продолжал: «Можно теперь надеяться, что болгары просветятся и вспомнят, что в IX, X и последующих столетиях они составляли великое южно-словенское царство, простиравшееся от Черного до Адриатического моря и от Карпат до Адрианополя... Не подвержено ни малейшему сомнению, что

великое племя южных словен, именно болгары, занимает с незапамятных времен все обширное пространство от Дуная до Егейского моря и Мореи; а если где живут греки и турки, то это пришельцы, водворившиеся тут уже в исторические времена между туземцами славянами»⁶³. Это отношение Черткова к болгарам разделял Вельтман.

Е. Георгиев, отмечая интонации Паисия Хилендарского в повести Вельтмана, указывал, в частности, на ответ посланника Райны, когда тот гордо заявил Святославу: «Не платила Болгария дани грекам и даров не носила, а принимала дани и дары от них»⁶⁴. Эта убежденность героев повести Вельтмана зиждилась на основательных результатах научных изысканий Черткова. Существовавшая историография (Раич, Гебгарди, Стриттер, М. Орбини, Лебо, Шлепер, Карамзин, Шафарик, Полевой), излагая причины конфликта между Болгарией и Византией, сводила их к тому, что греки были раздражены пассивностью болгар, не воспрепятствовавших проходу венгров по территории Болгарии к византийским границам. Чертков внимательно отнесся к сведениям Льва Диакона об отказе Никифора II Фоки платить в 966 г. ранее вносимую дань болгарам. Ученый обосновал реальность существовавших даннических отношений империи с Болгарией, проследив историю их взаимоотношений с прихода на Балканы орды хана Аспаруха и до X в. В подкрепление своих доводов Чертков также вспомнил хорошо известные случаи уплаты Константинополем дани другим соседним народам⁶⁵. Научная обоснованность мнения Черткова относительно дани была взята на вооружение Вельтманом и замечательно претворена в повести «Райна, королевна болгарская».

Чертков писал о средневековой Болгарии как о «могущественном царстве словен южных», подобному «нашей Руси, которая составляла и составляет огромное царство северных словен»⁶⁶. Сходное сопоставление прослеживается и в повести Вельтмана, автор не скупился, описывая красоты и богатства Болгарии, роскошные и нарядные одежды и драгоценные украшения Райны. Королевские дворцы в Преславе и Доростоле – это великолепные палаты, откуда открывался чудесный вид на город. Хотя память воспроизводила иную картину, увиденную в Болгарии в 1828 г.: «неказистость домов даже турецких пашей, напоминавших украинские мазанки»⁶⁷ неприятно удивляла русских офицеров.

Вельтману необходимо было внести на страницы повести, посвященные Болгарии, ее неповторимый дух. Сведениями о материальной культуре средневековой Болгарии ученые в то время не обладали, болгарских летописей не было. Впрочем, как замечал Чертков о характере записей в русской летописи, «из сухих сказаний мы не можем узнать ни нравов, ни обычаев, ни ежедневных занятий наших предков»⁶⁸. Но в распоряжении

Вельтмана были и сокровища Оружейной палаты, и обильные данные археографических экспедиций. С 1830 г. по Высочайшему повелению художник Ф.Г. Солнцев срисовывал старинные предметы в Москве и в других древних русских городах, и на основе его рисунков было предпринято великолепное многотомное издание «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (1846–1853), на которое Николай I пожертвовал из собственных средств колоссальную сумму в 100000 руб. В издательский комитет под председательством графа С.Г. Строганова вошел и Вельтман вместе с директором Оружейной палаты М.И. Загоскиным, археографом П.М. Строевым, Погодиным, Шевыревым и Солнцевым во время его нахождения в Москве. За болгарским этнографическим материалом Вельтман обратился в начале 1840-х гг. к своему старинному приятелю Липранди, прося его посылать «детальное описание болгарских народных обрядов», обычаев, записи песен. Но Вельтману, по мнению В.Э. Вацура, «не удалось решить проблему национального колорита»⁶⁹.

Обращает внимание решение Вельтманом образа великого киевского князя. В его изображении князь Святослав, став победителем, ничуть не умалял достоинство представителей правящей династии Болгарии: как брата, т. е. как равного себе, он встречал Бориса, с почтением и восхищением он искал любви у Райны, внимал советам Вояна. Для Болгарии он стал не завоевателем, а избавителем ее от внутренней смуты, защитником ее от Византии, восстановителем ее государственности. Е. Георгиев писал, что Вельтман «создал образ Святослава так, что он воплощал любовь к небольшому славянскому народу», что «великодушие Святослава по отношению к Болгарии было равно подвигу»⁷⁰. Л. Минкова подчеркнула, что Вельтман проявил глубокий такт по отношению к национальному чувству болгарского читателя, поскольку он отступил от присущей ему шутиливой манеры повествования, с легкой иронией и сарказмом. Напротив, повесть выдержана «в серьезном, местами драматическом тоне»⁷¹. Историки литературы обращают особенное внимание на сцену встречи болгарским народом Святослава, которая овеяна мистическим предзнаменованием: «Народ со всей Болгарии стекался в Преслав на великий праздник, на благодатную погоду после бури. Взоры всех слезились от радости, и на народе, как на облаке, отражалась радуга мира, знамение между Русью и Болгарией»⁷². Звучавшая в повести идея исторического предопределения освобождения Болгарии Россией воспринималась болгарским читателем второй половины XIX в., как подчеркивали все исследователи «Райны, королевны болгарской», с большим воодушевлением и надеждой.

Однако современный болгарский филолог Н. Аретов считает, что за патристическим пафосом повести и изображением русско-болгарской дружбы

ученые проглядели то обстоятельство, что Вельтман «использовал болгар как фон, на котором проявлялись необыкновенные достоинства великого князя Святослава и его воинов», что Болгария была изображена как место, где «власть зла может быть отброшена только благодаря чужой помощи, где предатели делают карьеру, а доблестные люди преследуются»⁷³ и т. п. Подобное прочтение повести приводит Аретова к общему заключению о «снисходительном отношении Вельтмана к Болгарии». Но в рассуждениях Аретова имеются такие претензии к творению писателя, которые не только не корректны, но, на наш взгляд, достаточно странны, поскольку исходят от историка литературы. Болгарский филолог высказывает свое несогласие с тем, что Вельтман положил в основу своей повести походы Святослава на Балканы, а не раскрыл «величавую эпоху Симеона», «титаническую борьбу Самуила за сохранение независимости болгарского царства», что Вельтмана не интересовали богомилы и Иван Рылский, да и «вообще все значительное в этот период, что превратилось в национальную гордость, эмблему болгарщины, было пропущено русским писателем»⁷⁴.

В другой работе Н. Аретов, повторяя и развивая эти идеи, пишет, что хотя Вельтман и принадлежал к славянофильским кругам, но он в повести высказал имперские амбиции России, которые были достаточно ясны для непредубежденного читателя, а рецепция повести раскрывала готовность болгар периода возрождения воспринимать подобные иностранные устремления. Причем болгарский филолог оговаривает, что «Райна», естественно, не была «прямо инспирирована учреждениями, которые выражали имперские амбиции России, проводимые и через каналы культурного общения». Однако повесть Вельтмана, утверждает Н. Аретов, «в известном смысле попадает в один ряд с политикой массового переселения болгар в Россию, с усилиями притупить борьбу за церковную независимость и разгромить униатов и протестантские религиозные миссии и т. п.»⁷⁵. Именно эти направления в русской политике XIX в. по отношению к болгарам особо выделил болгарский ученый.

Следует сразу оговориться относительно смысловой нагрузки термина «славянофильство», под которым надо понимать, как совершенно справедливо подчеркивали советские историки С.Б. Берштейн, Е.А. Дудзинская, Н.И. Цимбаев, течение русской мысли, представленное И.В. и П.В. Киреевскими, А.С. Хомяковым, К.С. и И.С. Аксаковыми и др. Членом известного кружка «славянофилов» Вельтман не был и не участвовал в знаменитых словесных баталиях 1840-х гг. между славянофилами и западниками, где выкристаллизовывались взгляды новой генерации общественных деятелей России. Необходимо также уточнить, что «важные моменты славянофильского учения и особенные политические воззрения

были впервые высказаны и четко сформулированы под впечатлением революционных событий 1848 г.»⁷⁶, а не в 1843 г., когда была написана «Райна, королевна болгарская».

Однако в первой половине XIX в. терминологическое разграничение не проводилось, и славянофилами называли также последователей А.С. Шишкова, сотрудников журналов «Маяк» и «Москвитянин», авторов, писавших о славянстве и его истории (Ю.И. Венелина, Савельева-Ростиславича, И.П. Сахарова, Ф.Л. Морошкина и др.). Цимбаев причислял Вельтмана к «москвофилам» – М.Н. Загоскину, В.И. Далю, Ф.Н. Глинке и др., которых объединял «интерес к широко понимаемым вопросам славянского прошлого, к будущей судьбе славян»⁷⁷. Это не истинные славянофилы (Хомяков, Киреевские, Аксаковы и др.), а ученые-славянолюбы.

Что же касается так называемых имперских амбиций повести «Райна, королевна болгарская», то скорее можно в них обвинить не Вельтмана, а Черткова. Именно Чертков предположил, что последствия «от счастливого исполнения великого подвига киевских руссов» «могли быть столь неисчислимы для Руси и в особенности для всех южных словен», и представил, что славяне впоследствии смогли бы избежать онемечивания, турецкого завоевания и смогли бы образовать огромную славянскую империю: «от устьев Эльбы, границ Баварии, Тироля, Италии, Адриатики, Мореи, Егейского моря, Боспора до Камчатки, Америки, Монгольских и Киргизских степей...»; и славяне «не принадлежали бы, как теперь, 14 разным властям, из которых 8 смотрят на них как на неприятелей»⁷⁸. Подобные заключения вызвали незамедлительную критику. С.М. Соловьев по этому поводу заметил, что «историк не имеет права рассуждать о том, что могло быть», хотя соглашался с тем, что «утверждение Святослава в Болгарии, успехи его в войне с греками могли иметь важные следствия для новорожденной Руси»⁷⁹. Но были и последователи. А.В. Александров, сотрудник «Маяка», высоко оценил концепцию Черткова относительно возможных политических последствий исторической ситуации, которая сложилась бы, если бы Святославу удалось победить византийского императора Цимисхия и «объединить Россию и Болгарию в одно государство»⁸⁰. И «злополучный „восточный вопрос“ не давил бы страшным кошмаром на всю Европу»⁸¹, – добавлял в 1888 г. В.З. Завитневич, соглашаясь с точкой зрения Черткова. В повести Вельтмана нет и намека на подобную трактовку событий конца X в. Впрочем, Чертковым (который был известен как скрупулезный ученый, но здесь позволивший себе таковые «мечтания») двигали исключительно только симпатии ко всем славянам и сочувствие к их нелегкой исторической судьбе, а не имперские мотивы. И панславистом он также никогда не был.

К сожалению, Н. Аретов, стремящийся развенчивать мифы в истории,

на которые был особенно плодovit XX в., начал сам их создавать, поскольку предал забвению обязанность историка предельно внимательно следовать фактам и не изменять строго историческому подходу к их интерпретации. Идею о predetermined роли России в освобождении Болгарии, которая звучала в повести Вельтмана, болгарский ученый необоснованно заменил броским обвинением в имперских амбициях России. (Между прочим, известно, что России, как и Англия, в XIX в. была империей, и ее политика, как и ее амбиции, не могли не быть имперскими). Мысль об освободительной миссии России для Вельтмана была органична, поскольку она явилась плодом давних раздумий о судьбах славян.

В «Райне, королевне болгарской» писатель озвучил мысли, которые появились у русских офицеров, прошедших русско-турецкую войну 1828–1829 гг. С самого начала кампании 1828 г. главной темой многих писем Фонтонна, как и его бесед в кругу офицеров Генерального штаба являлось устройство будущего болгар: «Россия может заступиться за поработенных турками единовѣрных и едиnorodных народов, не давая поводу к подозрению в ея намерениях... Пора эти народы освободить от уничижительного положения, в котором они находятся»⁸². Однако он служил по дипломатической части и знал, что «Россия в 1828 г. начинала войну с Турцией “с готовым трактатом”»⁸³, где специальных статей о болгарях не было, как и не было притязаний на территориальные приобретения в Европейской Турции. Эта осведомленность умеряла его ответную радость при виде веселья, царившего в греческом и болгарском квартале после падения Варны: «...Бедные, они думают, что для них настала година свободы и независимости от презренного ига. Они спокойно и твердо уповают на нас, а у нас руки связаны просвещенной Европой»⁸⁴.

В дни, когда в Адрианополь торжественно вступили русские войска, у всех, по свидетельству Фонтонна, «господствует убеждение, что при нынешних обстоятельствах» «возможно одним усилием» «раз и навсегда покончить с турецким владычеством в Европе. К этому желанию ведет не идея расширить пределы России завоеваниями, но необходимость для ее славы и величества исполнить священный и судьбою ей предназначенный долг и освободить соплеменные и единовѣрные народы от гнусного ига, и этим положить конец периодически возвращающимся славным, но бесполезным и климатом, и болезнями губительным войнам»⁸⁵.

Адрианополюский мир не разрешил положительно болгарский вопрос, но участники войны, познав непростую действительность болгарского населения, размышляли над его дальнейшей судьбой. «Благодаря русским в болгарях начинает пробуждаться сознание, что турки не полубоги, а такие же люди, и если эта мысль, подкреплѣнная примерами, укоренится в них, то для

турок могут возникнуть многие и многие затруднения; но этим самым только что возникающим сознанием болгарского народа могут легко воспользоваться наши завистники и враги ради собственной наживы. Уже и теперь многие болгары и греки, имеющие сношения с известными купцами, говорят, что новые условия мира обманули их надежды, что мы их бросили на произвол судьбы, тогда как они были готовы нас встретить с распростертыми объятьями. На будущий раз они уже не будут так доверчивы! На будущий раз?! Глас народа – глас Божий; я тоже думаю, что наступит и “будущий раз!” Искра будет всегда тлеться под пеплом: ей не дадут потухнуть недовольные нами участники борьбы на Балканском полуострове; и други и недруги будут одинаково поддерживать огонек»⁸⁶, – прозорливо заявлял доктор К.К. Зейдлиц.

Идея подобной предначертанности для России исходила от известной статьи в Кючук-Кайнарджийском договоре от 1774 г., когда Петербург взял на себя роль защитника интересов православного населения Турции. При этом он следовал принципу «капитуляций», заключенных Францией с Портой, которые предусматривали покровительство последней католикам, проживавшим в Османской империи⁸⁷. Общее положение о покровительстве России христианским народам Османской империи благодаря русско-турецким войнам претворялось в статьи мирных договоров, предоставлявших льготы и привилегии тем или иным народам Юго-Восточной Европы. Война 1828–1829 гг. дала «самостоятельность Греции», восстановила и «утвердила права и выгоды Сербии, Валахии и Молдавии», а также поставила вопрос о будущем болгар. И важно, что эта задача России в ходе войны была четко сформулирована в письмах Фонтона, француза по происхождению, и записках Зейдлица, ревельского немца, т. е. людей не единоплеменных и не единоверных болгарам, что в свою очередь является ярким показателем господствовавших настроений и умозаключений офицеров и врачей в русских войсках. Работа Вельтмана над повестью, участие в деятельности ОИДР, как и общая атмосфера интереса и сочувствия к славянским народам, царившая в 1830–1840-х гг. в Москве, укрепили и развили эти раздумья. И непредубежденный болгарский читатель второй половины XIX в. поэтому и принял повесть Вельтмана, поскольку не чувствовал так называемых «имперских устремлений» «Райны, королевны болгарской» и следовательно покушения на его самоидентичность.

Популярность повести Вельтмана у болгар объясняется еще и следующим обстоятельством, которое не принимали во внимание литературоведы. В 1855 г. вышел труд А.Ф. Гильфердинга «Письма об истории сербов и болгар», который был столь высоко оценен современниками, что последовали переводы на немецкий и сербский языки. Следует отметить, что Гильфердинг так же, как и историческая наука того времени, смотрел

на процессы образования государства в средние века, исходя из теории завоевания французских историков О. Тьери и Ф. Гизо. Эта теория в применении к истории российского государства позволяла противопоставлять Россию Западу. Утверждалось, что такие западноевропейские государства, как Франция и Германия, начинались с завоевания, т. е. с насилия, их поэтому и сотрясали революции. А русское государство, отмечали такие историки, как М.П. Погодин, родилось из мирного, добровольного и всенародного призвания варяжских князей, и якобы поэтому на Руси отсутствовали исторические причины социальных потрясений.

В своих книгах Чертков устанавливал тождество государственнообразовательных процессов в России и Болгарии. В отличие от предшествующей историографии в лице И. Стриттера, Й. Раича, а также Шафарика, которые представляли протоболгар давними врагами славян, Чертков выявил, что протоболгары хана Аспаруха установили мирные, союзнические отношения со славянами, которые, по мнению ученого, являлись автохтонными жителями Балкан⁸⁸. Чертков полагал, что в Киевской Руси исторические процессы формирования и развития государства были аналогичны тем, которые имели место в Болгарии. «На соединение болгар с южными славянами должно смотреть с той же точки, как на варяг, призванных к северным славянам. То, что случилось в VII в. на Дунае, было повторено в IX в. у Финского залива, и в обоих местах возникли великие славянские державы. Ничтожное число болгар, прибывших в Мисию, в сравнении с огромным народонаселением славенским, скоро совершенно соединилось с туземным»⁸⁹. Такая точка зрения возвеличивала Болгарское царство.

Взгляд на историю Болгарии через призму теории французских историков, предложенный Чертковым, был взят на вооружение и А.Ф. Гильфердингом. Но какую диаметрально противоположную интерпретацию получило это сопоставление в сочетании с иным истолкованием взаимоотношений славян и протоболгар хана Аспаруха! Разделяя взгляд Шафарика на то, что мисийские славяне были силой покорены протоболгарской ордой, Гильфердинг подчеркивал, что «Болгария была единственная из славянских держав, основанная на завоевании». Именно оно предопределило судьбу «несчастливого государства Болгарского с его неестественно скорым и неровным возрастанiem, с его падением, которое совершилось с такою страшною быстротою, с таким явным отпечатком роковой необходимости, единственно действия внутренних причин». Киевского князя Святослава Гильфердинг изобразил как «орудие низвержения Болгарии», «но не случайному, кажется, избранию судьбы». Святослав, считал историк, прошел по Болгарии «как божья кара»⁹⁰. Книга Гильфердинга, таким образом, обосновывала закономерность уничтожения Болгарии как государства.

Как могли восприниматься подобные сочинения болгарскими читателями, жаждущими прочесть о прошлом своего отечества такие слова, которые аргументировано поддерживали бы их в желании обрести церковную и государственную самостоятельность? Известны негативные отзывы некоторых видных деятелей болгарского возрождения, таких как Л. Каравелов, Хр. Ботев на сочинения Шафарика и Гильфердинга. В такой ситуации повесть Вельтмана «Райна, королевна болгарская» получила широкое распространение, поскольку она, по нашему мнению, не только «ласкала национальное самолюбие болгар той эпохи», как писал И. Шишманов, но и вселяла уверенность и надежду, что Болгария – страна со славным прошлым, и она будет свободна от турецкого подданства.

Отказывая массовому болгарскому читателю второй половины XIX в. в политическом чутье, как прежде ученые отмечали у него неразвитость эстетического чувства и вкуса, Н. Аретов подвергает сомнению наличие этих качеств у лучших представителей творческой элиты болгарского Возрождения. Историками литературы выявлено, что повесть Вельтмана оказала значительное влияние на творчество Г. Раковского, Л. Каравелова Д. Войникова, В. Друмева, Ст. Михайловского и др. Как известно, Раковский и Каравелов имели весьма непростые отношения с Россией, однако и их увлекла искренность Вельтмана, в которой они не заметили подвоха для верного развития болгарского национального чувства.

Примечания

- ¹ Леков Д. Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. София, 1988. Т. 1. С. 110.
- ² Георгиев Е. Български образи в славянските литератури. София, 1969. С. 144.
- ³ Аретов Н. Преводната белетристика от първата половина на XIX в. София, 1990. С. 198.
- ⁴ Германов Г. Окървавено навечерие. Варна, 1976. С. 70.
- ⁵ Богданов А.П. Александр Вельтман – писатель-историк // Вельтман А.Ф. Романы. М., 1985. С. 476.
- ⁶ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 109–110.
- ⁷ Акутин Ю. Александр Вельтман и его роман «Странник» // Вельтман А.Ф. Странник. М., 1977. С. 257.
- ⁸ Минкова Л. Повестта на А.Ф. Велтман «Райна, королевна Болгарская» в преводната литература на българското възрождане и в историята на превода в България // Литературна мисъл. 1989. № 1. С. 102.
- ⁹ Германов Г. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁰ Вельтман А.Ф. Странник. М., 1977. С. 88, 92.
- ¹¹ Там же. С. 92.

- ¹² Там же. С. 94.
- ¹³ Лукьянович Н.А. Три месяца за Дунаем в 1828 году // Сын отечества и Северный Архив (далее: СОСА). 1833. Т. 33. № 2. С. 109.
- ¹⁴ Фонтон Ф.П. Воспоминания Фонтоня. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии. 1828–1829. Лейпциг, 1862. Т. 1. С. 77–78.
- ¹⁵ Вельтман А.Ф. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁶ Муравьев А.Н. Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 69.
- ¹⁷ Вельтман А.Ф. Указ. соч. С. 138.
- ¹⁸ Там же. С. 138.
- ¹⁹ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 145.
- ²⁰ Муравьев А.Н. Указ. соч. С. 68.
- ²¹ Вельтман А.Ф. Указ. соч. С. 138.
- ²² Там же. С. 138.
- ²³ Акутин Ю. Указ. соч. С. 257.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Куприянов П.Я. Действия Праводского отряда в 1828–1829 гг. Посмертные записки генерала Куприянова с планом // Военный сборник. 1875. Т. 101. № 2. С. 162.
- ²⁶ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 71.
- ²⁷ Вельтман А.Ф. Указ. соч. С. 102.
- ²⁸ Лукьянович Н.А. Указ. соч. С. 114.
- ²⁹ Глебов П.Н. Воспоминания. Письмо 1 // СОСА. 1834. Ч. 168. Т. 46. № 52. С. 587.
- ³⁰ Вельтман А.Ф. Указ. соч. С. 156.
- ³¹ Глебов П.Н. Воспоминания армейского офицера // Отечественные записки. 1839. Т. 4. № 7. С. 235.
- ³² Макаев А. Извлечение из походных записок русского офицера, веденных во время войны с турками в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1860. Т. 11. № 2. С. 443.
- ³³ Вельтман А.Ф. Указ. соч. С. 156.
- ³⁴ Симанский Л.А. Походные записки за 1828 г. от 29 мая, т. е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде ген-лейт. кн. Мадатова, ген-лейт. Ридигера и ген-майора Акинфиева // Журнал Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 40.
- ³⁵ Там же. С. 63.
- ³⁶ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 2. С. 65.
- ³⁷ Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 г. М., 1878. С. 36–37.
- ³⁸ Акутин Ю. Указ. соч. С. 257.
- ³⁹ Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002. С. 81–87.

- ⁴⁰ Труды и летописи Общества истории и древностей российских (далее: ОИДР). М., 1837. Ч. VIII. С. 211.
- ⁴¹ Акутин Ю. Указ. соч. С. 265.
- ⁴² См.: Ишутин В.В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XI в. (1804–1848 гг.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 97–115.
- ⁴³ Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. VIII. С. 296.
- ⁴⁴ Русский исторический сборник. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 39.
- ⁴⁵ Вацура В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов. (Этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 234, 237.
- ⁴⁶ Труды и летописи ОИДР. Ч. VIII. С. 411.
- ⁴⁷ Русский исторический сборник. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 16.
- ⁴⁸ Белозерская Н.А. Ф.Г. Солнцев // Русская старина. 1887. № 6. С. 726–728.
- ⁴⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее: ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 305. Л. 149. (16 окт. 1840 г. СПб.)
- ⁵⁰ Там же. Л. 267.
- ⁵¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 139.
- ⁵² Чертков А.Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 228.
- ⁵³ Там же. С. 33, 169, 218; Мутафчиев П. Руско-български отношения при Святослава / / Seminarium Kondakovianum. Prague. IV. 1931. С. 78–92.
- ⁵⁴ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 266–272; Карышковский П.О. Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 103–105; Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 171, 173, 179.
- ⁵⁵ Минкова Л. Указ. соч. С. 104.
- ⁵⁶ Венелин Ю.И. Критические исследования об истории болгар Ю.И. Венелина от прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 г., или покорение Болгарии великим князем русским Святославом. М., 1849. С. 335.
- ⁵⁷ Раковски Г.С. Съчинения. София, 1984. Т. 3. С. 80.
- ⁵⁸ Георгиев Е. Указ. соч. С. 142.
- ⁵⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 266.
- ⁶⁰ Мурзакевич Н.Н. Чертков А.Д. (некролог) // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1858. № 4. С. 422.
- ⁶¹ Должников П. Наблюдения русского офицера в Варне // Отечественные записки. 1829. Ч. 39. № 113. С. 437, 455.
- ⁶² Мурзакевич Н.Н. Нынешнее состояние просвещения у болгар // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 18. № 4. С. 123.

- ⁶³ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. М., 1845. С. 118–119.
- ⁶⁴ *Вельтман А.Ф.* Райна, королевна болгарская // *Вельтман А.Ф.* Романы. М., 1985. С. 416.
- ⁶⁵ *Чертков А.Д.* Описание... С. 139–148.
- ⁶⁶ Там же. С. 45.
- ⁶⁷ Там же. С. 224–225.
- ⁶⁸ Там же. С. 178.
- ⁶⁹ *Вацуро В.Э.* Указ. соч. С. 238.
- ⁷⁰ *Георгиев Е.* Указ. соч. С. 142.
- ⁷¹ *Минкова Л.* Указ. соч. С. 105.
- ⁷² *Вельтман А.Ф.* Райна, королевна болгарская. С. 428.
- ⁷³ *Аретов Н.* Указ. соч. С. 203.
- ⁷⁴ Там же. С. 202–203.
- ⁷⁵ *Аретов Н.* Прославянска тенденция // Българското възраждане и Европа. 1995 // www.slovo.bg/showwork.php3?...
- ⁷⁶ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 59.
- ⁷⁷ Там же. С. 17, 21, 26.
- ⁷⁸ *Чертков А.Д.* Описание... С. 245–250.
- ⁷⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. Кн. 1. С. 169.
- ⁸⁰ *Александров А.В.* Современные исторические труды в России. СПб., 1845. С. 85–87.
- ⁸¹ *Завитневич В.З.* Великий князь киевский Святослав Игоревич и историческое значение его богатырских подвигов // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1888. № 3. С. 390–391.
- ⁸² *Фонтон Ф.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 38.
- ⁸³ Международные отношения на Балканах... С. 241.
- ⁸⁴ Там же. С. 177.
- ⁸⁵ *Фонтон Ф.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 129.
- ⁸⁶ *Зейдлиц К.К.* Указ. соч. С. 80–81.
- ⁸⁷ Международные отношения на Балканах... С. 22.
- ⁸⁸ *Чертков А.Д.* О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар. М., 1842. С. 63.
- ⁸⁹ Там же. С. 63.
- ⁹⁰ *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855. С. 176, 178, 210.

И.Ф. Макарова

(Институт славяноведения РАН)

Очевидцы о русском расколе в Нижнем Подунавье (середина XIX в.)

С первой половины XVIII в. территории, расположенные вдоль нижнего течения Дуная, в том числе и современной Болгарии, постепенно начали превращаться в центр притяжения для первой массовой волны русской эмиграции¹. По оперативной информации российского Министерства внутренних дел, в середине XIX в. переселенцев из России можно было встретить в большинстве городов Добруджи, Молдавии, Валахии, Бессарабии и черноморского побережья². Российская диаспора во владениях турецкого султана (как на землях самой Османской империи, так и вассальных по отношению к ней Дунайских княжеств) представляла собой довольно пестрое зрелище. Здесь можно было встретить беглых крепостных, бродяг, дезертиров, запорожцев, украинцев из недавно присоединенных к России областей, польских политических эмигрантов и т. д. Однако ядро составляли не они, а многочисленные общины русских духовных диссидентов. В документах российского Министерства внутренних дел, курировавшего дела подобного рода, все они (вне зависимости от религиозных течений) фигурировали под единым названием – раскольники, а для самого движения использовался собирательный термин – раскол.

Согласно принятой в МВД внутриведомственной классификации, чиновники считали возможным установление градаций раскола в соответствии с потенциальной степенью опасности его адептов для «государства, общества и господствующей церкви»³. К первой категории были отнесены приверженцы учений, отвергающие «всякую законную власть» и полагающие, что на Руси изначально была принята не «истинная вера, а ересь богопротивная». К ней чиновники причисляли молокан, духоборов, а также «секты пророчествующие» (в первую очередь, хлыстов и скопцов). Ко второй – всех, стоящих на позиции, что со времен царя Алексея Михайловича на Руси антихрист царствует зримо, найдя воплощение в органах государственной власти, завлекающей народ «в сети дьявола» (филиппов-

цы, бегуны, федосьевцы и др.). К третьей – сектантов, считающих зримым воплощением антихриста саму господствующую никонианскую церковь (поморцы, спасово согласие и др.). Все эти три категории подлежали суровому преследованию. В данном списке собственно староверы (так называемые поповцы – приверженцы дониконовской формы церковной обрядности, относящие приход антихриста не к зримой, а к духовной сфере) значились наименее опасной группой. Однако в связи с инициативой буковинских старообрядцев по учреждению на землях Австрийской империи самостоятельной церковной иерархии – Белокриницкой архиепископии (середина 40-х гг. XIX в.) это довольно снисходительное отношение перестало распространяться на поповцев Австрии и Османской империи.

По мнению российских властей, причастность к организации Буковинской церкви князя Меттерниха, униатского митрополита Галиции Михаила Левицкого и польских политических эmissаров являлась достаточным доказательством политического подтекста этой потенциально опасной для интересов Российской империи акции⁴. В Петербурге не без оснований полагали, что в перспективе Белая Криница может превратиться в объединяющий центр для всех признающих священство старообрядцев (причем, не только зарубежных) и использоваться во вред России.

В связи с событиями вокруг Белой Криницы уже в 1845 г. по линии российского Министерства внутренних дел на Буковину и в Подунавье был командирован статский советник, чиновник по особым поручениям Н.И. Надеждин. В его задачу входил сбор информации, касающейся состояния русского раскола в этом регионе. В мае 1847 г. не без влияния представленных им материалов (обширного доклада и пояснительных записок) появилось правительственное распоряжение «О наблюдении за сношениями наших раскольников с заграничными». Этот документ обязывал министра внутренних дел (при содействии шефа жандармов) принять безотлагательные меры для пресечения контактов между двумя общинами и продолжить тайные наблюдения. С миссией подобного рода осенью 1848 г. на Дунай был командирован И.С. Аксаков – в будущем известный славянофил, а на тот момент чиновник того же ведомства.

Подробные отчеты, составленные Н.И. Надеждиным⁵ и И.С. Аксаковым⁶, содержат сведения, касающиеся состояния не только старообрядческих общин Подунавья (Молдавии, Валахии, Бессарабии и Добруджи), но и сектантских сообществ. Большой объем фактического материала на эту же тему был собран бывшим выпускником Киевской духовной академии румынским епископом Мелхиседеком (М. Стефанеску)⁷. Судя по ведомственной переписке МВД, он, по всей вероятности, сотрудничал с этим министерством и именно по его заданию собирал информацию⁸.

Другой агент, но на этот раз центра польской политической эмиграции в Париже, М. Чайковский, исполнявший в 40-е гг. XIX в. обязанности главного агента князя А. Чарторыйского в Стамбуле, смог наладить тесные контакты с некрасовцами (потомками донских казаков-старообрядцев). Его воспоминания о посещении в начале 40-х гг. их крайне закрытых для внешнего мира станиц являются уникальным источником по истории турецких староверов⁹. Большой интерес представляют также зарисовки русского писателя-эмигранта революционной направленности В.И. Кельсиева, жившего в середине 60-х гг. в Подунавье и непосредственно контактировавшего с различными ветвями местной русской диаспоры¹⁰.

Как видно уже из перечня, авторы данных материалов изначально смотрели на русских эмигрантов с разных позиций. Тем не менее, и это хотелось бы отметить особо, в представленной ими информации практически отсутствуют противоречия. Скорее наоборот, сведения органично дополняют друг друга, позволяя составить в целом довольно обстоятельную картину состояния русского раскола в нижнем Подунавье.

Судя по имеющимся материалам, наиболее многочисленными были общины поповцев – приверженцев дониконовской формы церковной обрядности. Беспоповцев также было немало, однако в силу их большей скрытности представить детальную стратификацию этой ветви раскола (в соответствии с различными толками и соглашениями) ни Н.И. Надеждин, ни И.С. Аксаков так и не смогли. Впрочем, судя по тому, что коренное население упорно называло всех русских староверов «липованами», «пилопонами» или «филипонами» (по-видимому, искаженное от «филипповцы»), можно с высокой степенью вероятности предполагать, что среди первой волны переселенцев из России приверженцы филипповского согласия определенно присутствовали. Кроме поповцев и беспоповцев в Подунавье нашли себе приют также последователи наиболее преследуемых в России сект – молокане, духоборы и скопцы.

По классификации российского МВД, молокане и духоборы – представители так называемых духовных христиан (толкующих христианское учение «в духе» и отвергающих все, что исповедуется «в виде») относились к числу наиболее опасных религиозных сект, отличавшихся полным отрицанием существующей церковной иерархии. Они были принципиальными, последовательными иконоборцами и находились с православными в непримиримой вражде. Одним из внешних признаков обращения к этой секте являлся демонстративный отказ от икон. Материалы, собранные епископом Мелхиседеком, указывают на существовавший в Дунайских княжествах обычай выбрасывать их на улицу (предварительно выскоблив глаза) или сжигать в огне (разрубив на части)¹¹. Руководили общинами старцы-пре-

свитеры, которые и проводили моления, в ходе которых читались проповеди и исполнялись песнопения на библейские тексты. Из материалов И.С. Аксакова следует, что для сообществ духовных христиан была характерна столь высокая степень замкнутости, что православные не могли предоставить о них практически никакой информации (за исключением того, что молокане не крестятся, за что и прозваны в народе «немоляками») ¹².

Сохранились предания, что в Подунавье первые молокане обосновались в Бессарабии. Это были выходцы из Таврической губернии, переселенные туда на основании Манифеста Александра I (1802), а также беженцы из центральных губерний России ¹³. После присоединения Бессарабии к России (по Бухарестскому мирному договору 1812 г.), а затем перехода к ней и дельты Дуная (по Адрианопольскому договору 1829 г.) главным центром духовных христиан стала турецкая Добруджа. Здесь их общины имели легальный, официально зарегистрированный статус (обычно в них записывали и духоборов) и вели открытую пропаганду своего учения. ¹⁴ Противодействия со стороны османских властей молокане не встречали. Мусульманам импонировала, по всей видимости, активная иконоборческая позиция духовных христиан (находившая соответствующие параллели в исламе), а также аскетизм обрядовой практики и глубокая набожность.

Обратный переход в 1856 г. всей левобережной придунайской зоны под юрисдикцию Молдавского княжества и заключение им с Портой конвенции о полной свободе вероисповедания (1858) стимулировал приток в этот регион новой волны сектантов. Так, например, если в 1827 г. в Аккермане числилось 38 молокан, то в 1861 г. их община увеличилась до 233 человек. В Бендерах же, согласно ревизской сказке молочанской секты, ее численность составляла в 1859 г. 290 душ (73 семьи и 6 одиноких бурлаков) ¹⁵.

В Подунавье нашли себе последователи и других, не менее опасных с точки зрения российского МВД сект – хлысты и скопцы. Однако их отношения с местными властями не были столь же безоблачны.

В современной историографии становление этих генетически связанных между собой течений принято соотносить с мистико-аскетическими и эсхатологическими движениями внутри русского раскола ¹⁶. В качестве самостоятельного религиозного сообщества хлысты оформились в России на рубеже XVII–XVIII вв., а скопцы отделились от них в последней четверти XVIII в. Судя по материалам приводимым В.И. Кельсиевым ¹⁷, для приверженцев этого учения в Подунавье были типичны те же черты, что и для их собратьев в европейской части России. В отличие от молокан и духоборов для хлыстов и скопцов не был характерен демонстративный разрыв с традиционными формами православной обрядности. Не афишируя свой фактический отход от ортодоксального христианства, они культи-

вировали тайную ритуальную практику – «радения», включавшие в себя экстатические «хождения», песнопения и пророчества. Возглавляли секты лидеры, почитаемые их последователями «христами», «богородицами» и «святыми». На бытовом уровне отличительной особенностью хлыстов и скопцов являлась специфическая аскетика, включавшая в себя полный отказ от мясной пищи, алкоголя, запрет на матерную брань и любые формы сексуальных отношений. К этому необходимо добавить практикуемую скопцами ритуальную ампутацию частей тела, указывающих на половую принадлежность. Сохранилась информация, что кроме обычных скопцов в Дунайских княжествах имелись общины и так называемых шалопутов – духовных скопцов, отрицающих ритуал телесного оскотления. Из материалов епископа Мелхиседека следует, что появляться они здесь начали еще до 1856 г., однако установить их количество (даже приблизительное) ему не удалось¹⁸.

Существовавший у российских властей обычай сдавать проходивших по хлыстовским и скопческим процессам сектантов в солдаты привел к распространению этого учения в армии, а многочисленные русско-турецкие войны конца XVIII – первой половины XIX вв. позволили ему благополучно распространиться вместе с дезертирами в местах временной дислокации русских войск. В Добрудже этому в немалой степени могла способствовать и обстановка феодальной анархии, царившая в этом регионе на рубеже XVIII–XIX вв. По сведениям середины 40-х гг., последнее крупное пополнение скопческих общин Добруджи произошло именно после пребывания здесь русских войск в период войны 1828–1829 гг.¹⁹

Если в первые десятилетия XIX в. отношение к скопцам со стороны турецкой администрации было достаточно индифферентным, то затем ситуация начала меняться. По мере укрепления позиций центральной власти и продвижения Турции по пути реформ стало все более явственно обнаруживаться неприязненное отношение Порты к этой экстремальной форме христианского подвижничества. Информацию на этот счет Н.И. Надеждин имел возможность получить непосредственно из первых рук – от своего гида-скопца Савелия Лебеда, вынужденного в связи с начавшимися гонениями переселиться из Добруджи в Бухарест. Именно с его слов Надеждин записал, что «в Добрудже скопцов раньше было много», но поскольку турки их «ненавидят ... и терпят только для употребления в гаремах», то пришлось перебираться на левобережье, в Тулче же к настоящему времени скопцов «осталось только 3–4 человека»²⁰.

Яркие художественные зарисовки, описывающие кровавые ритуалы скопческих общин Подунавья, опубликовал в конце 60-х гг. В.И. Кельсиев²¹. По его утверждению, в качестве первоисточника им был использован

рассказ «богородицы» Авдотьи, якобы услышанный летом 1864 г. в одном из придунайских городов. В своей публикации Кельсиев представил абсолютно полный набор страшилок, которыми обычно пугали русских обывателей в XIX столетии. Ссылаясь на Авдотью, В.И. Кельсиев смачно обрисовал наиболее интересные для читателей подробности сектантских ужасов: свальный грех на «беседах», ритуальное убийство рожденного от этого греха «христосика», причащение сначала горячей кровью убиенного младенца, а затем щепоткой его высушенного тельца и т. д. Историческая достоверность сведений В.И. Кельсиева весьма сомнительна. А.А. Панченко в своем фундаментальном труде по хлыстовству и скопчеству справедливо отмечал, что В.И. Кельсиев воспроизвел, скорее всего, вымышленный сюжет, основанный на подборке российских материалов пропагандистского толка²². Однако вне зависимости от степени правдивости подобных «свидетельств очевидцев», периодическое появление в прессе аналогичных сообщений не могло не влиять на репутацию скопцов. Это обстоятельство вряд ли способствовало и благосклонности к ним турецких властей, стремившихся позиционировать себя в середине XIX в. поборниками реформ и прогресса.

В Дунайских княжествах, как выяснил Н.И. Надеждин, скопцы, пользуясь полным «равнодушием местных властей», продолжали «действовать открыто», хотя старались держаться скромно, и жили в «трудолюбии»²³. Наиболее крупные скопческие общины были им обнаружены в Яссах и Бухаресте. Позднее, в 70-х гг. лидерство в этом отношении перешло к Галацу. Если община в Яссах насчитывала к этому времени около 150 человек (включая женщин и усыновленных детей), а в Бухаресте 135, то в Галаце 205 человек. Кроме того, к этому времени возникли новые (или не выявленные Надеждиным) очаги скопчества в нескольких селах низовья Дуная – в Николаевке (40 человек), в Новотроицке (18 человек), в Васильевке (16 человек)²⁴. Все они поддерживали постоянные сношения со своими единомышленниками в России.

Основным занятием придунайских скопцов были пчеловодство и извоз, обеспечивавшие им достаточно высокий уровень благосостояния. Формально все они числились православными и внешне от церковной жизни не дистанцировались.²⁵ Например, в Яссах на свои средства скопцы приобрели одну из местных церквей, содержали в ней собственного священника, у которого исповедовались и причащались. Однако параллельно в качестве молельни использовали дом скопческого старейшины Ермолая. Сходная ситуация наблюдалась и в Бухаресте, где общину возглавлял беглый русский солдат Максим Силин. В городе открыто функционировала скопческая молельня. В Галаце скопцы также исправно посещали право-

славную церковь, хотя количество осклоплений в этом городе во второй половине XIX в. неуклонно росло.

Благодаря своему гиду Н.И. Надеждин смог собрать некоторую информацию об их учении²⁶. Он пришел к выводу, что чаяния придунайских скопцов практически не отличалось от фантазий их единомышленников в России. В частности, они верили в батюшку царя-искупителя Петра III и с нетерпением ожидали его скорого явления народу. Предполагалось, что это может произойти уже по окончании срока царствования нынешнего государя (наследник якобы уже изъявил согласие уступить ему престол и подготовил соответствующий манифест, утвержденный сенатом и синодом). Приход батюшки царя-искупителя ожидался в Москве, куда он должен был собрать скопцов «со всех концов света» и даровать им свободу.

В 70-е гг. XIX в. на Дунае появилось новое харизматическое течение, получившее в литературе название «новоскопчества»²⁷. Его основателем стал крестьянин Кузьма Лисин, принадлежавший к скопческой общине г. Галаца и объявивший себя в 1872 г. «сыном божьим», «вторым искомителем Петром III, Селивановым». В основанной им общине Лисин отменил женские осклопления и отказался от традиционной ролевой пары Христос-Богородица, заменив ее образом Троицы (Искупитель – Иоанн Богослов – Илья Пророк). Приход нового «искупителя» спровоцировал среди его последователей отказ от посещения православной церкви. Со своими проповедями Лисин совершил несколько вояжей по южнорусским скопческим общинам, что привело в конечном итоге к ссылке в Сибирь (1876), однако параллельно спровоцировало консолидацию его последователей²⁸.

Что касается собственно староверов, то, по информации Н.И. Надеждина, на момент его командировки (1845–1846) общее их количество составляло в нижнем Подунавье около 30 тыс. человек: приблизительно 10 тыс. жили в Добрудже (территория Османской империи) и около 20 тыс. на землях вассальных Дунайских княжеств и российской части Бесарабии²⁹. Политические границы не являлись серьезным препятствием для постоянных взаимных контактов. Надеждин особо отмечал, что в этом регионе все старообрядцы между собой «тесно связаны и находятся в непрерывном общении», образуя огромный единоверческий анклав³⁰. Обособленно от этой основной массы держались лишь казаки-некрасовцы. Крайняя степень внутренней замкнутости и особый статус их общин в значительной степени были связаны с историей переселения предков некрасовцев на земли Османской империи.

Согласно собранным М. Чайковским сведениям, переселение казаков на земли Османской империи было тесно связано с событиями Булавинского бунта, вспыхнувшего на Дону в 1707 г.³¹. Вынужденный искать

убежище на чужбине, многотысячный отряд казаков под предводительством есаула Игната Некрасова обосновался (вместе с семьями) сначала во владениях крымского хана, затем перебрался в Малую Азию, и уже отсюда начал осваивать дельту Дуная. Учитывая факт затяжного военного конфликта с российскими властями, турецкое подданство некрасовцы получили на исключительно льготных условиях. На период ведения Портой военных действий им даровалась привилегия служить в армии: из их числа набиралось иррегулярное войско (казак-алайя), куда входили отряды некрасовской конницы во главе со своими атаманами. Взамен они получали налоговые льготы (в частности, освобождение от подушного налога на иноверцев и всех податей на товары военного предназначения), а их поселения приобретали полуавтономный военизированный статус.

Вне зависимости от места своего проживания на землях султана все некрасовские общины имели одинаковый особый социальный статус³². В их станицах в полном объеме продолжали действовать законы Кубанского войска и функционировать институт внутреннего самоуправления. Общественно значимые дела решал так называемый круг, куда был обязан являться каждый казак. На кругу происходил выбор атамана, есаулов, проверялись общественные приходы, расходы и т. д. Здесь же вершился суд. Исполнение приговоров по делам внутриобщинного характера происходило без вмешательства османских властей. В некоторых случаях некрасовцы имели право даже самостоятельно приводить в исполнение смертные приговоры: за измену – расстреливать, за богохульство – топить, за изнасилование – забивать у позорного столба³³.

Некрасовское войско пользовалось полным доверием османских властей. Подтверждением этому были многочисленные золотые и серебряные булавы, жалованные казакам за геройство на полях сражений (в том числе с Россией), а также 98 благодарственных султанских грамот, которые М. Чайковский имел возможность лично видеть в церкви станицы Биневле на озере Майнос (Малая Азия)³⁴. На войну некрасовцы начинали собираться после обнародования султанского фермана, в котором указывалось количество необходимых для призыва всадников. Набор в войско осуществлялся по жребию. Богатые и бедные служили одинаково со своими лошадьми и обмундированием. Свои льготы некрасовцы сохраняли до 1864 г., когда по их просьбе был осуществлен перевод в категорию обычной райи (в ответ на намерение Порты превратить их эпизодическую воинскую повинность в регулярную).

В дельте Дуная самыми древними некрасовскими селами считались Дунавец и Сарикойой. Позднее, по мере притока и роста населения появились Журиловка и Слава. Согласно собранной Н.И. Надеждиным инфор-

мации, в 40-х гг. XIX в. села Сарикиой, Слава и Журиловка продолжали оставаться наиболее крупными некрасовскими станицами Добруджи (в Дунавце к тому времени проживали потомки уже не донских, а запорожских казаков). Расположенные между собой по соседству (приблизительно в 15 верстах), они образовывали массивный анклав, в котором насчитывалось около 8 тыс. жителей: приблизительно по 600 дворов в Сарикиой и Славе, 500 в Журиловке³⁵. Кроме Добруджи станицы некрасовцев сохранились и в Малой Азии. Наиболее крупная из них – Биневле располагалась на озере Майнос и насчитывала в середине 40-х гг. около 1000 домов³⁶. Рыбачьи фактории казаков продолжали функционировать также на озерах Македонии вблизи Эносского залива³⁷. Некрасовская колония имелась и в Бессарабии. Благодаря усилиям градоначальника Измаила генерала С.А. Тучкова в 1811 г. и 1829–1830 гг. к переселению на контролируемые Россией области удалось склонить две крупные группы казаков, основавших вблизи крепости Старую и Новую Некрасовку. В 1848 г. И.С. Аксаков подтвердил дальнейший факт их существования, отметив, что население некрасовских слобод составляет около 2,5 тыс. человек³⁸.

В мирное время жизнь некрасовцев была неотделима от рыбного промысла. Организацию этого промысла подробно описал в своих мемуарах М. Чайковский³⁹. По установившейся традиции, лов осуществлялся на арендуемых каждый год у правительства и частных лиц озерах и лиманах, разбросанных по огромной территории – от Дуная до Греции и вдоль побережья Черного моря. На путину выезжали большими артелями (до 80 человек) во главе с атаманами. Все вырученные от рыболовецкого промысла деньги поступали в общинную кассу и делились на три части: резервный капитал, необходимый для закупки вооружения и обмундирования; общий фонд для выплаты арендных платежей на следующий год; средства для раздачи артельщикам (поровну). Занятие сельским хозяйством и животноводством не поощрялось. Хлеб, овощи, мясо и молоко некрасовцы покупали в соседних селах.

Как свидетельствует М. Чайковский, для быта и нравов некрасовцев была характерна патриархальная строгость и фанатичная преданность традициям⁴⁰. Употребление кофе, чая и табака строго запрещалось, за сквернословие наказывали палками. Жен брали исключительно из казачек (в том числе с Дона). В ходу оставался традиционный донской казачий костюм, а для женщин сарафаны и кокошники. Имена и фамилии оставались чисто русские. Друг к другу принято было обращаться по имени отчеству. Язык, фольклор и обрядность берегли в неприкосновенности. Посторонних (в том числе старообрядцев, не относящихся к казачьему словию) в свое сообщество допускали лишь в исключительных случаях.

Н.И. Надеждин отмечал, что староверы-липоване некрасовцев побаивались и сторонились⁴¹. Но, по мнению М. Чайковского, именно это строгое соблюдение традиций обеспечило некрасовцам исключительно высокую степень сохранности их исторического этнокультурного облика («остались такими же, какими вышли когда-то с Дона»)⁴².

В отличие от некрасовцев, предки которых пришли в Добруджу из Малой Азии, основная масса обычных старообрядцев переселялась за Дунай с территории Дунайских княжеств. По наблюдениям Н.И. Надеждина, на правобережье уходили, в первую очередь, наиболее фанатичные приверженцы старой русской веры⁴³. Обосновывались они как в сельской местности, так и в городах. Н.И. Надеждин отмечал, что старообрядцев можно было встретить в Кюстендже, Русе, Силистре, Шумене, Анхиаго, Бургасе, Варне, Адрианополе и даже Стамбуле⁴⁴. Наибольшими размерами отличалась старообрядческая община г. Тулчи, а самыми крупными липованскими селами правобережья Дуная в середине XIX в. современники единодушно называли Татарицу под Силистрой (основанную, согласно преданиям, в начале XVIII в. на земле, арендованной у татарских ханов) и Камень в районе Мачина⁴⁵.

В Османской империи липоване жили на положении обычной христианской райи. Поскольку они не подпадали под юрисдикцию ни одного из иноверческих миллетов, то в конфессионально-организационном отношении были полностью автономны. Важно также отметить, что официально узаконенная в Османской империи система расселения (в ее основе – конфессиональный принцип размежевания общин и городских кварталов) как нельзя более соответствовала староверческому идеалу поселений. Сами липоване склонны были рассматривать подобную изоляцию как благо. Эта система не только содействовала внутреннему сплочению изгнанников, но и гарантировала сохранность их традиционного жизненного уклада. Не исключено, что именно в условиях османских реалий, озвученный ими в беседе с И.С. Аксаковым тезис – «уж лучше жить между иностранцами, совершенно чуждыми, нежели между своими обыностранившимися русскими»⁴⁶ – получал максимально благоприятную форму реализации.

В Дунайских княжествах липоване селились на общих основаниях, арендуя землю у монастырей, реже местных бояр. По сравнению с Россией основным преимуществом жизни в княжествах была веротерпимость местных властей и свобода передвижения. Как сетовал по этому поводу в 1848 г. И.С. Аксаков, характеризуя порядки, царившие в русской части Бессарабии, «население отвыкло от формальностей при турецком владычестве», а для чиновников стало характерно «равнодушие к проявлению других религиозных мнений»⁴⁷.

В 40-х гг. XIX в. особенно большое количество липован (около 20 тыс.) Н.И. Надеждин наблюдал в Молдавии⁴⁸, чьи земли непосредственно примыкали к границе России. По его оценке, в Валахии староверов было сравнительно немного – порядка 3 тыс. человек⁴⁹. Согласно сохранившимся преданиям, первое поселение русских староверов появилось в Молдавии в 1743 г., когда они основали в густом лесу на землях монастыря Пробота село Маноли (Мануиловку). В числе наиболее крупных староверческих сел (кроме Маноли) Н.И. Надеждин называл Братлоти и Липовени. В городах липоване старались группироваться в отдельных предместьях. Их многолюдные общины Н.И. Надеждин встречал в Яссах, Ботошане, Хирлеу⁵⁰.

Несмотря на наличие в Дунайских княжествах крупных липованских сел и слобод, отличительной особенностью местной системы расселения староверов был их дисперсный характер. И.С. Аксаков и Н.И. Надеждин дружно отмечали, что жизнь небольшими группами и даже отдельными семьями была здесь повсеместно распространенным явлением⁵¹. Это обстоятельство имело очевидные негативные последствия для нравственных и религиозных устоев староверческого сообщества. В своем докладе Н.И. Надеждин считал необходимым особо подчеркнуть, что в отличие от своих задунайских братьев, местные липоване не отличались ни строгостью нравов, ни силой религиозного фанатизма. В обычае были не только пьянство и мошенничество, но даже уголовно наказуемые деяния⁵².

Особая ситуация сложилась в Бессарабии и той части Молдавии, которая была присоединена к России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. В первые годы русская администрация мало вмешивалась во внутреннюю жизнь вновь присоединенных земель. Перемены начались в 1818 г. в связи с введением нового устава управления областью и инициированной администрацией первой переписью населения (с целью выявления разного рода беглого элемента). После принятия в 1828 г. нового законоположения, по которому Бессарабия утрачивала самостоятельность и становилась частью Новороссийского генерал-губернаторства, гонения против беспаспортного люда приняли систематический характер. Продолжались они и в 40-е годы. В своем докладе И.С. Аксаков упоминает, в частности, что для поимки беглецов вдоль всей границы русской Бессарабии располагались военные караулы. Вдоль сухопутной ее части кордоны были расставлены на расстоянии 5 верст друг от друга, а по берегам рек на 1–2 версты⁵³. Но эти меры по наведению порядка провоцировали лишь повальное бегство русских переселенцев за Дунай (частично на Буковину). Как рассказывал один из очевидцев этих событий некий дед Игнат: «Много тогда народу за Дунай ушло, разве, может, какого сотого поймали»⁵⁴.

Среди беженцев староверы отличались особой активностью и организованностью. И.С. Аксаков, специально изучавший по поручению правительства проблему миграции из Бессарабии, отмечал, что для прекращения массового оттока за границу «необходим был бы сплошной забор из живых людей с неподкупной честностью»⁵⁵. В практической плоскости дела обстояли иначе. Сначала наведению порядка мешало то обстоятельство, что «пикеты содержали донские казаки, сами старообрядцы, которые не только не препятствовали, но и содействовали побегам». Были известны даже случаи, когда вместе с переселенцами за Дунай уходили чуть ли не целые караулы. В докладе И.С. Аксаков особо отмечал, что у старообрядцев были собственные хорошо отлаженные маршруты, существовала тайная почта, условный язык, осведомители, стража, а все действия сопровождалось глубочайшей скрытностью.⁵⁶ Затем, когда на службу заступили православные солдаты, содействие беглецам приняло откровенно коммерческие формы⁵⁷.

Несмотря на бегство липован с перешедших под юрисдикцию России территорий, их отношение к исторической родине коренным образом отличалось от жесткой оппозиции некрасовцев. Создается впечатление, что липоване очень четко дифференцировали такие понятия как родина и российское государство. И Надеждин, и Аксаков единодушно отмечали их горячую любовь «к земле русской» при одновременной категорической неприязни «к порядку вещей, существующему в России, а потому и к правительству, которым этот порядок введен и поддерживается»⁵⁸.

Тема отношения староверов к России особенно интересовала В.И. Кельсиева. По его наблюдениям, любовь липован к родине имела восторженный характер, и каждый «свежак» (вновь прибывший) находил в их среде самый радушный прием.⁵⁹ В качестве своих главных врагов они дружно называли «русское правительство и греко-русский синод», однако «брань» с воцарившимся на родине антихристом относили исключительно к духовной сфере⁶⁰. Например, в ответ на предложение о заключении антироссийского союза с революционерами и поляками В.И. Кельсиев сразу получил резкую отповедь. Возражения сводились к нескольким постулатам: «Бунтовать дело неподходящее ... святые никогда не бунтовали, а гонения и мучения за веру претерпевали»; «обличаем, и за то гонения терпим»; «бунтовать мы не станем, и поляку бунтовать не позволим, потому что надо царство соблюдать, какой там царь ни-наесть»⁶¹. Никакого интереса к журналу «Колокол» и прочим революционным изданиям липоване не проявили.⁶² Полностью провалилась и попытка В.И. Кельсиева организовать в их среде (в г. Тулча) тайное революционное общество.⁶³ Исчерпывающее объяснение всем этим неудачам предложил М. Чайков-

ский, с которым В.И. Кельсиев познакомился тогда же в Добрудже. По его мнению, в отношении русских староверов политическая проповедь была бесполезна, необходимый эффект могла дать лишь «проповедь религиозная», а полностью удовлетворить была способна только новая секта (которую он и намеревался специально для них придумать)⁶⁴.

К сожалению, имеющийся материал не позволяет проследить распространение в Подунавье даже основных старообрядческих толков и согласий. Н.И. Надеждин пытался восполнить этот пробел, но безуспешно. По его наблюдениям, в 1845–1846 гг. подавляющее большинство липован Молдавии, Валахии и Добруджи относилось к поповскому согласию⁶⁵. Изначально некрасовцы также были поповцами, но впоследствии были вынуждены научиться обходиться без священников⁶⁶. М. Чайковский свидетельствует, что в начале 40-х гг. не встречал священнослужителей даже в центральной и наиболее крупной станице некрасовцев на озере Майнос (эти функции исполняли причетники и монахи)⁶⁷.

Учреждение Белокриницкой иерархии внесло смуту в отношения между признающими священство староверческими общинами. В 1846 г. буковинским монахам Павлу и Алимпью удалось найти в Стамбуле владыку, согласного перейти в старую русскую веру и удовлетворяющего всем необходимым требованиям. Бывший босно-сараевский митрополит Амвросий (грек из Эноса) происходил из духовного сословия и имел незапятнанную репутацию (лишился кафедры не за канонические вины, а в результате конфликта с местным пашой). В октябре 1846 г. в Белокриницком монастыре состоялся церковный собор, на котором было принято окончательное решение о присоединении митрополита Амвросия к старообрядческой церкви. Он принял австрийское подданство и встал во главе вновь учрежденной иерархии. Для турецких староверов им сразу же были поставлены два епископа – Аркадий славский и Кирилл майнооский (уже в декабре 1847 г. последнему из них было суждено занять освободившуюся белокриницкую кафедру).

Однако в Подунавье принимать священников от Белой Криницы согласились далеко не все общины. Главной причиной стал распространившийся слух, что Амвросий был крещен якобы не через погружение в воду, а через обливание (Аксаков, кстати, предлагал этот слух всячески поддерживать). Для выяснения всех обстоятельств дела на родину митрополита в Энос была снаряжена специальная экспедиция. И хотя худшие опасения старообрядцев не подтвердились, сомнения все же остались. Результатом этих сомнений и стал отказ некрасовской станицы Сарикиой принимать ставленников Белой Криницы. По информации И.С. Аксакова, этому примеру последовали Каменки, Новинки и часть Старой Славы. Однако

Журиловка епископа Аркадия приняла. Большинство липован также признало вновь поставленных священников⁶⁸. Конечным итогом возникших разногласий стал раскол задунайских старообрядцев-поповцев по линии их отношения к Белокриницкой иерархии. Как писал по этому поводу в середине 60-х гг. В.И. Кельсиев, «согласить интересы Журиловки и Славы вещь почти невозможная»⁶⁹.

В заключение, хотелось бы отметить, что опасения российских чиновников в отношении русских эмигрантов Подунавья, оказались сильно преувеличены. Белокриницкой иерархии так и не суждено было превратиться в центр политических диверсий против России, а территориям, расположенным вдоль нижнего течения Дуная, в очаг распространения еретических вероучений. Судя по приведенным материалам, активное противодействие воцарившемуся на родине антихристу действительно не входило в задачу русских духовных диссидентов. В несравненно большей степени они были озабочены проблемой выживания и сохранения веры. Не их вина, что наиболее благоприятные условия для этого (в том числе и для достижения достаточного материального благополучия) им смогла создать не историческая родина, а презируемая просвещенными соотечественниками отсталая исламская империя. Горько, но справедливо высказался по этому поводу в 1848 г. в письме к родным И.С. Аксаков: «Если бы одна только вера, религиозное убеждение заставляли их так легко покидать русскую землю – это было бы еще ничего! А то просто выгода! И они переходят толпами в Турцию...»⁷⁰.

Примечания

- ¹ Литературу по данному вопросу см.: *Атанасова Е.* Старообрядцы в Бългaрия. Мит, история, идентичност. София. 1998; *Макарова И.Ф.* Русские подданные турецкого султана // *Славяноведение*. 2003, № 1. С. 3–17; Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
- ² *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках // *Сборник правительственных сведений о раскольниках*. Лондон, 1860. Т. 1. С. 123.
- ³ Записка о русском расколе, составленная чиновником по особым поручениям Мельниковым для великого князя Константина Николаевича по поручению Ланского. 1857 г. // *Сборник правительственных сведений*... С. 196–199.
- ⁴ *Субботин Н.* История белокриницкой иерархии. М., 1874. Т. 1. С. 17.
- ⁵ *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С. 75–153.
- ⁶ *Аксаков И.С.* О бессарабских раскольниках // *Русский архив*. 1888. Т. 11. С. 434–451.
- ⁷ *Мелхиседек*. Липованство, т. е. русские раскольники и еретики. Бухарест, 1871. Изданная небольшим тиражом на румынском языке, эта работа вскоре была подробно

- отреферирована (с внесением некоторых дополнительных сведений) профессором П.А. Сырку и опубликована в русской печати. В дальнейшем ссылки будут даны именно на этот реферат: *Сырку П.А. Русские мистические секты в Румынии // Христианское чтение. 1879. № 1. С. 32–68.*
- ⁸ Заключение к записке Надеждина о заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Т. 2. С. 277.
- ⁹ Записки Михаила Чайковского (Садык-папи) // Русская старина. 1898. № 5. С. 423–454; № 8. С. 435–464; № 10. С. 169–209.
- ¹⁰ *Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное. Воспоминания. СПб, 1868; Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы. 1. // Отечественные записки. 1867. № 10. Т. 174. С. 583–619; Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы. Богиня Авдотья // Заря. 1869. Октябрь. С. 1–30; Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы. Божии люди // Заря. 1869. Ноябрь. С. 1–36.*
- ¹¹ *Сырку П.А. Русские мистические секты... С. 66.*
- ¹² *Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 413.*
- ¹³ *Скальковский А.А. Русские диссиденты в Новороссии // Киевская старина. 1887. № 4. С. 776.*
- ¹⁴ *Сырку П.А. Указ. соч. С. 68.*
- ¹⁵ *Абакумова-Забунова Н.В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев. 2006. С. 92–93, 71.*
- ¹⁶ Подробнее см.: *Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 8.*
- ¹⁷ *Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы. 1... С. 583–619; Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы. Богиня Авдотья... С. 1–30; Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы. Божии люди... С. 1–36.*
- ¹⁸ *Сырку П.А. Указ. соч. С. 63–64.*
- ¹⁹ *Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 124.*
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Кельсиев В. Святорусские двоеверы. Богиня Авдотья... С. 1–30.*
- ²² *Панченко А.А. Указ. соч. С. 220.*
- ²³ *Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 120–121.*
- ²⁴ *Сырку П.А. Указ. соч. С. 61–63.*
- ²⁵ Там же. С. 61–63; *Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 121–122.*
- ²⁶ *Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 122.*
- ²⁷ *Сахаров Н. Последнее движение в современном скопчестве // Христианское чтение. 1877. № 9/10. С. 400–447.*
- ²⁸ Подробнее см.: *Engelstein L. Castration and Heavenly Kingdom: a Russian Folktale. Ithaca. 1999. P. 209–236.*
- ²⁹ *Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 135.*
- ³⁰ Там же.

- ³¹ Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. № 5. С. 430–450.
- ³² Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. № 10. С. 172.
- ³³ Записки Михаила Чайковского ... 1898. № 5. С. 438.
- ³⁴ Там же. С. 437.
- ³⁵ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 125.
- ³⁶ Там же. С. 128–129.
- ³⁷ Записки Михаила Чайковского... 1895. № 5. С. 428–430.
- ³⁸ Аксаков И.С. О бессарабских раскольниках ... С. 450.
- ³⁹ Записки Михаила Чайковского... 1895. № 5. С. 430–431, 436.
- ⁴⁰ Там же. С. 440–444.
- ⁴¹ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 128.
- ⁴² Записки Михаила Чайковского... 1898. № 5. С. 444.
- ⁴³ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 128.
- ⁴⁴ Там же. С. 123–124.
- ⁴⁵ Бахметьев П. Към историята на старите руски поселища въ сегашната България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София. София. 1907. Т. XLVIII. № 3–4. С. 294.
- ⁴⁶ Аксаков И.С. О бессарабских раскольниках... С. 449.
- ⁴⁷ Там же. С. 436–437.
- ⁴⁸ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 111.
- ⁴⁹ Там же. С. 118.
- ⁵⁰ Там же. С. 110–111.
- ⁵¹ Там же. С. 10; Надеждин Н.И. Прогулка по Бессарабии // Одесский альманах на 1840 год. Одесса. 1839. С. 345–346; Аксаков И.С. О бессарабских раскольниках... С. 438.
- ⁵² Надеждин Н.И. О заграничных раскольниках... С. 112–113, 116–117.
- ⁵³ Аксаков И.С. О бессарабских раскольниках... С. 439.
- ⁵⁴ Лупулеску И. Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 1. С. 138–139.
- ⁵⁵ Аксаков И.С. О бессарабских раскольниках... С. 441.
- ⁵⁶ Там же. С. 437–438.
- ⁵⁷ Там же. С. 439.
- ⁵⁸ Надеждин Н.И. О заграничных раскольниках... С. 135–136; Аксаков И.С. О бессарабских раскольниках... С. 449.
- ⁵⁹ Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное... С. 31–32.
- ⁶⁰ Там же. С. 38.
- ⁶¹ Там же. С. 37–38.
- ⁶² Там же. С. 313–314.

⁶³ Там же. С. 327.

⁶⁴ Там же. С. 336.

⁶⁵ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках... С. 113, 118.

⁶⁶ *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 184.

⁶⁷ Записки Михаила Чайковского... 1898. № 5. С. 436, 441.

⁶⁸ *Аксаков И.С.* О бессарабских раскольниках... С. 447–448.

⁶⁹ *Кельсиев В.И.* Пережитое и передуманное... С. 316.

⁷⁰ *Аксаков И.С.* Письма к родным... С. 418.

Л.В. Горина

(Московский государственный университет)

История Болгарии в трудах князя М.А. Оболенского

Представитель древнего и знатного дворянского рода князь Михаил Андреевич Оболенский (1805–1873) обогатил науку прежде всего трудами по отечественной истории, в частности, истории летописания на Руси. В то же время его можно назвать и историком-славистом в самом широком смысле этого слова, в том числе – болгаристом. К сожалению, на поле историографии М.А. Оболенский полузабыт, точнее – почти забыт: кроме вышедшей в 1873 г. небольшой монографии о нем Н. Костомарова¹ да скудных строчек в биографических словарях² в копилке историографии ничего более существенного обнаружить невозможно. В то же время, обращение лишь к одной части его обширного научного наследия, а именно болгаристическим штудиям ученого, позволяет сделать вывод о солидном вкладе М.А. Оболенского в изучение проблем средневековой болгарской истории.

Вполне вероятно, что интерес в болгарскому прошлому пробудился у Оболенского в силу того, что ему довелось сражаться на болгарской территории под Варной во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В одном из боев 16 сентября 1828 г. он был ранен в ногу и в силу этого вынужден был отказаться от военной карьеры и перейти на гражданскую службу, которая сложилась вполне благополучно: в 1833 г. он начал работать в московском Главном архиве министерства иностранных дел, где, последовательно продвигаясь по служебным ступеням, занял пост директора (с 1840 г.). Близость к архивным сокровищам инициировала исследовательскую мысль ученого, в том числе его обращение не только к отечественному, но и болгарскому Средневековью, его богатому культурному наследию. Именно работа в архиве МИД позволила Оболенскому открыть ценный памятник – сборник конца XV в., являющийся копией с более древнего памятника, условно датированного 1262 г.³ В составе «сборника» обнаружился Хронограф, многие части которого прямо относились к болгарскому Средневековью, точнее блистательному времени болгарского царя Симеона (894–927). Так, источник частично включил Шестоднев Иоанна Экзарха – болгарского писателя Симеоновой поры. Вслед за К. Калайдовичем и П. Шафариком

ученый обращает внимание на удивительную запись в Архивском Хронографе, повествующую о деятельности болгарского пресвитера X в. Григория. Запись такова: «книги Завета Божия Ветхаго, сказующе образы нового Завета истину сушу, преложиши от гречьска языка в словенскы при князи българском Симеоне сыне Бориши, Григорием прозвितером мнихом всех церковник българских церквей повелением того князя Симеона истиннаго реши боголюбца»⁴. Эти сведения о литературной деятельности пресвитера Григория вызвали обширную дискуссию в научном сообществе, в которой Оболенский принял самое активное участие. Более того, продолжая изучать личность и дело пресвитера Григория, историк пришел к выводу о пребывании Григория в свите русской княгини Ольги и посещении им византийской столицы вместе с княгиней Ольгой⁵.

Еще один важнейший источник, в котором Оболенский обнаружил следы болгарского прошлого, привлек его внимание. Это был «Летописец Переяславля-Суздальского» (XV в.), опубликованный затем ученым⁶. В тексте Летописца обнаруживается запись все о том же пресвитере Григории: «Ибо говорит книга Царская Григорием мнихом о Соломоне что имел он жен восемьсот, а наложниц триста»⁷. Важно подчеркнуть, что Оболенский публикует Оглавление всего Сборника, имеющее важное источниковое значение. Так, судя по Оглавлению, в составе Сборника находился и знаменитый памятник, составленный в канцелярии болгарского князя Симеона – «Изборник Симеона». Еще раз подчеркнем важность опубликованного Оболенским Оглавления: поскольку эта публикация дает редкостную возможность сравнить указанный источник с Оглавлением известного Изборника Святослава-Симеона 1073 г., возникают основания для вывода о специальном интересе составителей Архивского сборника к раскрытию духовной стороны этого источника. Подтверждение находим в тексте. Так к заголовку – «Из Второзакония в Изборник 1073 г. добавлена фраза «Как бояться Бога». Сравнение можно продолжить и обнаружить добавочные фразы, имеющиеся лишь в опубликованном Оболенским Оглавлении Архивского свода, а именно – «об «очищении грехов», «как с правдою входить в церковь», «как на Бога уповати», «как Бог любовь приемлет» и т. п.⁸. Упомянутый и введенный в научное обращение Оболенским источник дает право на заключение, что раскрыть содержание сложнейших Библейских книг и сочинений видных византийских проповедников и богословов, представленных в Изборнике Святослава-Симеона, мог лишь высокообразованный человек, имеющий скорее всего духовный сан и наделенный властью, поскольку в указанных добавочных фразах просматривается сильная нравственно-назидательная сторона и прямое обращение к слушателям или читателям.

В 1875 г. достоянием научной общественности стали материалы архива Оболенского, опубликованные его дочерью княгиней Анной Михайловной Хилковой в книге «Исследования и заметки князя М.А. Оболенского по русским и славянским древностям». Рукописные материалы ученого содержат обширные сведения о месте болгарской истории в русских летописных сводах, о появившихся в Первом Болгарском царстве первых славянских азбуках – глаголице и кириллице, близости и взаимовлиянии болгарской и русской культур. В архивных материалах князя находим его отзывы о важном памятнике болгарского средневековья – «Именнике Болгарских ханов», с которым ученый ознакомился благодаря публикации источника в книге русского слависта А.Н. Попова.

На наш взгляд, важно обратить внимание на источниковедческие приемы исследований ученого, так как, утверждая, что болгарский пресвитер X в. Григорий имел сан епископа, Оболенский привлекает для сравнения титулатуру русского епископа Илариона, именуемого, как и Григорий, «пресвитер и мних», а также свидетельства византийского писателя Константина Багрянородного (X в.)⁹.

Полагая, что болгарский пресвитер имел отношение и к составлению Изборника Симеона, Оболенский обращается к важной проблеме, а именно, созданию самого памятника и его дальнейшей судьбе. Исследователь в данном случае опирается на сведения, сообщаемые русским историком С.П. Шевыревым. Дело в том, что Шевырев во время своей поездки в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. обнаружил в монастырской библиотеке рукопись, точнее один из списков (XV в.) знаменитого Изборника. Открытие имело важнейшее значение, т. к. в предисловии к тексту впервые читалось имя болгарского царя Симеона, а не русского князя Святослава. Оболенский воспроизводит текст предисловия, посвященного болгарскому царю. Основываясь на предисловии, Оболенский заключает: «Вполне очевидно, что русский переписчик 1073 г. перенес в свой список подпись болгарского списка, заменив только имя Симеона именем русского князя, для которого списывал»¹⁰. Закономерно возникает вопрос, с какой рукописи переписывал свой текст монастырский переписчик в середине XV в.? С.П. Шевырев полагал, что оригинал Кирилло-Белозерского списка следует искать в одном из монастырей Афона. Оболенский в свою очередь считал, что он возник, скорее всего, на Руси в 60-е годы XIII в., когда интерес к средневековой болгарской книжности был весьма велик. Заключение Оболенского по поводу оригинала Изборника было следующим: «Окончательное разрешение вопроса... предстоит в настоящее время славянским филологам-специалистам, и эта задача при существующих теперь данных не представляет особенных затруднений.

Известно, во-первых, где хранятся списки, как греческого подлинника, так и славянского перевода, во-вторых, открыты переводы других сочинений с греческого на славянский, принадлежащие несомненно одни Иоанну Экзарху болгарскому, другие Григорию пресвитеру-мниху. Итак, чтобы решить этот вопрос, стоит только тщательно сличить перевод сборника в филологическом отношении с другими известными переводами того и другого болгарского писателя»¹¹.

Вновь и вновь возвращаясь к деятельности болгарского пресвитера, Оболенский полагает, что распад целостного творения Григория на отдельные кодексы – следствие полемических нападок греков на славянскую культуру в период Средневековья. Следует подчеркнуть, что не только уникальная деятельность болгарского пресвитера Симеоновой поры, но и масштабная панорама болгаро-русских культурных связей средневекового периода привлекла внимание М.А. Оболенского.

Естественно, что на этом исследовательском поле возникала проблема Кирилло-Мефодиева наследия в Болгарии и на Руси. Ученый обращался к вопросу и ныне стоящему перед славистами: «когда и какими путями болгарские книги впервые появились на Руси?» В поисках ответа Оболенский опирается на выводы, сделанные чешским историком П.И. Шафариком, цитируя их в своих исследованиях: «Желательно было бы, – говорит знаменитый славист, – чтобы исследователи наши обратили свое внимание на имена таких знаменитых и заслуженных мужей, каковы ученики и преемники седмочисленников: болгарский епископ Константин, пресвитер Григорий, Экзарх Иоанн, Черноризец Храбр, монах Федор Доксов или Дукс и другие продолжатели святого дела семи первоучителей славянских со свв. Кириллом и Мефодием во главе их»¹². Появление в 1824 г. труда К.Ф. Калайдовича, открывшего ученому миру личность и творчество болгарского писателя Х в. Иоанна Экзарха, Оболенский оценил как «первый свет в литературной пустыне». Историк анализирует и оценивает государственную и просветительскую деятельность болгарского царя Симеона, полагая, что «вспыхнувшая ярко лишь на самое короткое время самобытная государственная жизнь Болгарии угасла в ней вскоре вместе с кончиною Симеона»¹³.

Оболенский, как и многие слависты его времени, принял участие в дискуссии о происхождении славянской письменности, соотношении двух славянских азбук – глаголицы и кириллицы, признав первичной глаголицу. Доказательная база такого заключения солидна. Так, историк отмечает, что «древность глаголицы, сравнительно с кириллицей доказывается самой неизвестностью об эпохе ее составления, отсутствием всякого достоверного свидетельства об ее изобретателе, отсутствием вся-

кого доказательства в пользу появления ее после кириллицы, самым видом глаголического письма, гораздо менее простым и менее красивым, чем позднейшая Кирилловская азбука»¹⁴. Подчеркнем важнейший аргумент Оболенского в пользу вторичности кириллической азбуки: «нигде еще не было найдено никаких полимпсестов, чтобы кирилловское письмо было стерто или выскоблено, но есть такие, которые писаны кириллицей по уничтоженной глаголице»¹⁵.

Оценивая в целом болгаристическую составляющую научного творчества князя М.А. Оболенского, подчеркнем, что многие его выводы базируются на солидном рукописном фундаменте и методе сопоставления разноязычных и разновременных памятников. «Болгаристическая нота» представляется оборванной, если не представить еще одно ее звучание: речь идет о помощи Оболенского молодым ученым, в том числе болгаристам. В этой связи обратимся к истории взаимоотношений князя и начинающего болгариста Вукола Михайловича Ундольского, прославившего впоследствии славистическую науку значимыми открытиями. Выпускник московской Духовной Академии в силу нездоровья прерывает церковное служение и посвящает свою творческую жизнь изучению русского и болгарского Средневековья, неустанно работая с материалами древних рукописей, собирая и анализируя драгоценные фолианты, невзирая на материальную нужду и нездоровье. Это было духовное служение, и на этом пути ученый достиг многого. Труды Ундольского, без сомнения, обогатили науку: ему удалось открыть сочинения Климента Охридского (894–916) – первого болгарского епископа, ученика святых братьев Кирилла и Мефодия, и Константина Преславского, болгарского писателя и церковного деятеля конца IX – начала X в. В значительной мере успехам творческой деятельности Ундольского способствовал князь Оболенский. Именно он в начале 40-х гг. XIX в., будучи уже директором архива МИД, заинтересовался занятиями начинающего ученого, усердно изучавшего рукописи МДА, конкретно, Собрания Троице-Сергиевой Лавры. В работах отечественного историка Т.Е. Строковской находим подробное описание обстоятельств знакомства и дальнейшей совместной деятельности Оболенского и Ундольского. Основываясь на материалах личного архива Ундольского, Строковская приводит интересные сведения, касающиеся этого творческого содружества. Так, она сообщает, что по свидетельству библиотекаря Лавры о. Иларию, Оболенский «заинтересовался пометками на рукописях и занятиями Ундольского»¹⁶. Распросив библиотекаря о молодом любителе древностей и его планах относительно духовной стези, Оболенский записал имя Вукола Михайловича и оставил для него свой московский адрес. Этот адрес есть в записной книжке Ундольского: «У Николы, явленного на Арбате в доме Михаила Андреича

Оболенского» с пометкой о времени, когда удобнее застать князя дома. Дата в книжке – 07.02 (возможно, февраль 1841 г.)¹⁷ может быть датой личного знакомства Ундольского с Оболенским. Именно Оболенский пригласил Вукола Михайловича в Москву для работы в архиве МИД. Такая должность предоставила молодому ученому широкие возможности для продолжения исследований. Кроме места в архиве, Оболенский предложил ему службу у себя. Имея внушительную библиотеку рукописей и старопечатных книг, Михаил Андреевич поручил Ундольскому составить опись своего собрания, а со временем передал на его попечение и свое хозяйство. Таким образом, знакомство с князем Оболенским, состоявшееся в 1841 г., определило судьбу молодого исследователя на 15 лет, до 1857 г. Обязанности В.М. Ундольского были многочисленны. Но князь никогда не препятствовал, а напротив, поощрял ученые занятия своего управляющего и протеже. Последний имел возможность и средства путешествовать по России в поисках нужных ему рукописей, совмещая эти поездки с хозяйственными поручениями¹⁸.

Примечания

¹ Костомаров Н. Князь Михаил Андреевич Оболенский. М., 1873.

² См. Русский биографический словарь. СПб., 1905.

³ Ныне сборник сохраняется в РГАДА, собр. МГА МИД, № 279/658

⁴ Указ. Сборник. Л. 2 об.

⁵ Исследования и заметки князя М.А. Оболенского по русским и славянским древностям. М., 1875. С. 26 и сл.

⁶ Оболенский М.А. Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851.

⁷ Там же. С. XVII.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Исследования и заметки... С. 122.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Там же. С. 141–142.

¹² Там же. С. 194.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 404.

¹⁵ Там же. С. 405.

¹⁶ Барсуков Н.Т. Русские палеологи 40-х гг. СПб., 1880. С. 9.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 704. К. 28. Ед. 56. С. 28.

¹⁸ Строчковская Т.Е. В.М. Ундольский и его открытие личности и дела болгарского книжника св. Климента Охридского // Вестник МГУ. История. 1999. № 4.

И. Тодев

(Институт истории БАН)

О «Записках» и «Донесениях» графа Н.П. Игнатьева

Полное название двухтомной публикации, о которой идет речь, – «Граф Н.П. Игнатьев. Дипломатические записки (1864–1874) и Донесения (1865–1876)». Она издана в Софии в 2008–2009 гг. на языке оригинала (французском) и в переводе на болгарский, снабжена научно-справочным аппаратом. Время создания основного корпуса документов – 1874–1877 гг., когда Игнатьев занимал пост Чрезвычайного посланника в Турции.

Публикация состоит из двух частей. В первую включены его «Записки», охватывающие 1864–1874 гг. (Том первый включает «Записки» за 1864–1871 гг.¹). Созданы они были в 1874 г., а изданы на французском языке лишь сорок лет спустя, в 1914–1915 гг. в «Известиях Министерства иностранных дел» и в 1916 г. отдельной книжкой. Задумывались «Записки» как обзор первых десяти лет дипломатической службы графа при Высокой Порте, но в действительности представляют собой трактат по окончательному разрешению Восточного вопроса. В западной историографии «Записки» чаще всего характеризуются как промемория (мемуары, записи «для памяти») с указанием года создания – 1874. Как правило, именно таким способом на них ссылаются исследователи. Так их называл и сам автор. По мнению российской исследовательницы жизни и деятельности Н.П. Игнатьева В.М. Хевролиной, «Записки» являют собой нечто принципиально иное, а именно «политический очерк», цель которого заключалась в том, чтобы привлечь внимание российских влиятельных кругов к балканским делам и усилить активность России в этом регионе². Е.Ю. Блуднова видит в «Записках» обыкновенные мемуары *par excellence*³.

В настоящем издании оставлено название, которое «Запискам» дал их первый публикатор П. Воейков (1914–1915). Они могут восприниматься и как промемория или памятная записка, и как мемуары, но с оговоркой, что в жанровом отношении выходят за рамки и того и другого труда.

«Записки 1864–1874» лучше всего отражены в англоязычной историографии. В 1930-е гг. они стали объектом тщательного и доброжелательного анализа известного английского исследователя Б. Самнера⁴, в дальней-

шем их широко использовал канадский ученый Т. Мейнингер, по оценке которого, «Записки», несмотря на их явно «протекционистский» характер, являются «весьма информативными»⁵. В российской историографии они стали объектом внимания историков лишь несколько лет назад. Однако это внимание, скорее, эпизодическое, поскольку, жалеет В.М. Хевролина, «Записки» «практически не используются» российскими исследователями внешней политики⁶. В Болгарии не только нет в наличии ни одного их экземпляра, но даже в научный оборот они были введены совсем недавно, хотя личность самого Игнатьева и его дипломатическая деятельность давно находятся в поле зрения историков.

Вторая часть настоящего издания – франкоязычные (кроме одного из приложений на русском языке) донесения Российского посольства в Константинополе. Почти все они подписаны лично Игнатьевым и хранятся, за исключением первых пяти, в Центральном государственном архиве Болгарии в фонде патриарха Болгарского Кирилла, предлагавшего сделать донесения главной частью второго тома своего фундаментального труда о графе Игнатеве и болгарском церковном вопросе⁷.

Сведение под одной обложкой «Записок. 1864–1874» и официальных донесений за 1865–1876 гг. о болгаро-греческом церковном конфликте имеет под собой, по меньшей мере, два основания. Во-первых, – это желание дополнить два из имеющихся четырех, известных мне⁸, критических изданий текстов Игнатьева. Во-вторых, – большое значение, которое болгарский вопрос уже на стадии церковно-национального имел для российского дипломата. Это обстоятельство превращает вторую часть настоящего издания в уместное, а может быть и обязательное приложение-экскурс к части первой.

Издание двуязычное, «Записки» публикуются параллельно: на левой стороне разворота текст на французском языке, на правой – в болгарском переводе. Предисловие и научный аппарат – комментарии, глоссарий, именной указатель – на болгарском языке.

Публикация подготовлена в рамках Программы Национального комитета чествования 130-летия Освобождения Болгарии от турецкого рабства и посвящена памяти безвременно ушедшей известной и талантливой исследовательницы Болгарского национального Возрождения профессора Зины Марковой.

Авторы публикации надеются, что этот труд привлечет к себе внимание не только профессиональной гильдии историков, но и любителей документальной истории, в первую очередь в Болгарии и России. Читателя ждет встреча с подлинной историей, вобравшей в себя события мирового значения и ожившей под опытным пером одного из ее талантливых творцов, в жизни и деятельности которого Болгария занимала особое и важное место.

Примечания

- ¹ Граф Н.П. Игнатиев. Дипломатически записки (1864–1874) и Донесения (1865–1876). Том първи. София, 2008. 491 стр. с илл. (Превод, увод, коментар – Илия Тодев; редакция, глосар, показалец – Магделина Георгиева).
- ² Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 129–130. *Она же*. Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 155.
- ³ Блуднова Е.Ю. Мемуары Н.П. Игнатьева как исторический источник. Автореферат на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М., 2007 (<http://www.rad.pfu.edu.ru/info/theses.phtml?query=detail&dfid=3312>).
- ⁴ Sumner B.H. Ignatiev at Constantinople // SEER. Vol. XI. N 32 (January 1933); N 33 (April 1933).
- ⁵ Meininger T.H. Ignatiev and the Establishment of the Bulgarian Exarchate. 1864–1872. A Study in Personal Diplomacy. Madison, 1970.
- ⁶ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев... С. 155.
- ⁷ Кирил, патриарх Български. Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958.
- ⁸ Помимо указанного труда патриарха Болгарского Кирилла и публикации Игнатиев Н.П. Записки (1875–1878). София, 1986 (Съст. Ив. Илчев), укажем на: Игнатиев Н.П. «Походные письма 1877 года»: Письма к Е.Л. Игнатьевой с Балканского театра военных действий. М., 1999 (Сост. В.М. Хевролина; ред. А.А. Улунян); Ignatiev N.P. Mission of N.P. Ignatiev to Khiva and Bukhara in 1858. Newtonville, 1984.

В.М. Хевролина

(Институт российской истории РАН)

Н.П. Игнатьев и болгарский народ

Н.П. Игнатьев и болгарский народ – тема очень широкая и многоаспектная. Она изучалась историками в политическом плане (например, Игнатьев и его борьба за создание болгарского государства, за образование самостоятельной болгарской церкви, роль Игнатьева в развитии национально-освободительного движения болгарского народа, болгарской культуры и публицистики и др.). Но очень мало сказано о человеческих контактах Игнатьева непосредственно с болгарским населением, крестьянством, о его восприятии Болгарии, когда он оказался в стране в период войны и смог судить о Болгарии и ее народе не по консульским донесениям и рассказам посещавших его болгар, а на основании личных впечатлений. Эта тема представляет интерес и с точки зрения изучения как личности самого Игнатьева, так и отношения к нему народных масс Болгарии.

Впервые Игнатьев столкнулся с болгарским вопросом, будучи директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел и занимаясь переселенческими делами. По его заданию российские консулы в Болгарии готовили и отчасти реализовали переселение болгар на пустующие земли Новороссии и Крыма ¹.

Назначенный в 1864 г. посланником в Константинополь Игнатьев внимательно изучал положение населения христианских провинций Османской империи, особенно Болгарии, и разработал программу реформ устройства их на началах национальной административной автономии, что было отвергнуто Портой. Игнатьев – первый из российских государственных деятелей, кто охарактеризовал греко-болгарскую церковную борьбу как национальную в своей основе и предложил российскому правительству в балканской политике поставить на первый план поддержку национально-освободительного движения народов, не умаляя при этом защиты православия.

Как посол Игнатьев уделял большое внимание расширению контактов с болгарской диаспорой в турецкой столице, а также с приезжавшими туда из Болгарии в поисках защиты от злоупотреблений властей лицами.

Этим Игнатьев кардинально отличался от российских послов в европейских странах, круг связей которых ограничивался дипломатической бюрократией и высшими слоями общества страны пребывания. Населе-

ние европейских стран вряд ли знало фамилии послов иностранных держав в своих столицах. А вот Игнатьева в Османской империи знали все. Христианское население считало его своим заступником. Когда в начале Русско-турецкой войны Игнатьев впервые попал в Болгарию и находился в императорской ставке, многие жители окрестных сел, как сообщал он жене, специально приходили, чтобы увидеть его. «Болгары, – писал Игнатьев, – чуть на меня не молятся, и когда я сижу на своем балконе, приходят со всех сторон на меня посмотреть и говорят моим людям: Он был нашим заступником, он войско для нас привел, мы его царем у себя выберем и будем просить у императора Александра»².

По приезде в Константинополь Игнатьев, стремясь ближе познакомиться с православным населением, завязал обширные связи в кругах болгарской интеллигенции, деловых людей, в церковной среде. Он поддерживал патриотическую болгарскую прессу и добивался для нее пособий от А.М. Горчакова (например, для Т. Бурмова). «Мы должны, – писал он в российский МИД в 1867 г., – обратить особое внимание на настроение болгарского общественного мнения ввиду готовящихся событий и стараний турок озлобить болгар против греков, сербов и нас»³.

Активно помогал Игнатьев и болгарам, обучавшимся в России, требуя от российских консулов на местах, чтобы выпускники русских учебных заведений были хорошо устроены и смогли оказывать пользу родине. Так, например, он действовал в отношении Р. Жинзифова.

С началом Русско-турецкой войны Игнатьев был назначен в состав императорской ставки для ведения дипломатических дел. Таких дел было не так много, поэтому граф имел возможность близко познакомиться с жизнью и бытом болгарского крестьянства. Ставка следовала за армией, правда, на почетном расстоянии, останавливаясь, иногда подолгу, в небольших городках и селениях. Из писем к жене можно судить о впечатлениях Игнатьева не только о боевых действиях, но и о жизни и быте болгарского населения, его помощи русской армии, о первых шагах вводившегося на освобожденной территории гражданского управления и др. Рассказывает Игнатьев и о своих контактах с болгарским крестьянами, об их отношении к русским солдатам.

Особенно поразили его те радость и восторг, с которыми население Северной Болгарии встречало русские войска – на всем пути толпы народа, молебны, торжественные встречи. Игнатьев был удивлен высоким уровнем политического сознания населения, по сравнению с тем, что наблюдалось во время прежних войн. Он писал: «Откуда подъем народного духа, самосознания, убеждения в солидарности с нами? Медленная, черная работа продолжалась долго, экзархат послужил к объединению болгар и сознанию их славянства»⁴.

Не обошел вниманием Игнатъев и помощь болгарского населения русским войскам. Многие болгары служили разведчиками, переводчиками, проводниками. Важную роль, подчеркивал Игнатъев, играла продовольственная помощь. Из-за бездействия подрядчиков русская армия осталась фактически без продовольствия и фуража, и помощь болгарского населения в этом плане была неоценима. 20 августа 1877 г. Игнатъев писал жене, что на Шипке солдаты голодают и могут существовать только благодаря неумолимому усердию болгар, бежавших со своими повозками из Казанлыка, доставлявших продукты, воду и патроны на перевал, а также увозивших раненых⁵. Даже болгарские дети под пулями неприятеля разносили воду и помогали выносить раненых. Особенно отличились жители Габрова, которые вместе с русскими солдатами отбивались от наседавших турок камнями, когда закончились патроны. В письмах Игнатъева немало сведений об участии болгар в прокладке дорог, устройстве лазаретов и о другой помощи армии.

Однако от внимания дипломата не укрылись и некоторые негативные явления во многих армейских частях, проистекавшие из бездарности командования. Отсутствие продовольствия и фуража нередко приводило к реквизициям, что вызывало острое недовольство населения. Только принятые гражданским управлением меры помогали выправить положение.

Большое беспокойство вызывал у Игнатъева вопрос о взаимоотношениях болгарского и турецкого населения. Болгары, рассчитывая на длительную дислокацию русских частей в отдельных местностях, разоряли турецкие деревни. Когда же войска уходили дальше, прятавшиеся в лесах турки возвращались и жестоко мстили обидчикам. Игнатъев открыто возлагал вину за подобные явления на русское командование: следуя тактике набегов, оно не заботилось о немедленном введении гражданского управления в занимаемых войсками районах. «Беда та, — писал он, — что в войне нынешней преследуется столько же военная цель, как и политическая... Для военной нужно заботиться лишь о том, чтобы найти и разбить турецкую армию, а для политических видов желательно охватить как можно быстрее наибольшее пространство края, населенного болгарами»⁶. Он призывал болгар к мирному сожительству с оставшимися в своих селах мусульманами, но успеха в этом не имел.

Пребывание Игнатъева в Болгарии во время войны, хотя и было кратковременным (июль — начало сентября и вторая половина ноября 1877 г.), способствовало, тем не менее, выработке собственных взглядов на характер болгарского народа, трудолюбие и бескорыстие которого он неоднократно отмечал. Особенно трогали его помощь болгар русской армии,

забота о простых солдатах, любовь к России – единственной державе, вступившей в борьбу за освобождение славян.

Благодаря радушию и гостеприимству болгар, Игнатьев не чувствовал себя в Болгарии, как в чужой стране. Он находил в ней много общего с близкой ему Южной Россией – в природном ландшафте, в укладе жизни населения. Болгарское село Бела, где длительное время располагалась ставка, напоминало ему любимое имение Круподерницы в Киевской губернии – постоянное место отдыха семьи. «Мысленно переносусь в наш край, в Круподерницы, – писал он жене. – Бела расположена на ручье и в овраге, но и раскинулась по холмам. Такие же мазанки белые, как наши малороссийские, ныряющие из волн зелени садов и фруктовых деревьев, окружающих каждую хату. Такие же плетни окружают дворы, и столько же хмеля навалено на этих последних. Поросята везде снуют... Только вместо соломенных крыш черепичные... Народ и одеждою, и походкою, и приемами, и ухватками, и речью напоминает хохлов... И болгарское селение кажется мне милым потому только, что походит на обстановку милых сердцу [мест]»⁷.

Наибольшую популярность среди болгарского населения Игнатьев приобрел в период переговоров о мирном договоре в Сан-Стефано, результатов которых напряженно ожидала вся страна. Многие города и села направляли Игнатьеву прошения о включении их в территорию будущей Болгарии (Адрианополь, Пловдив, Станимака и др.), но не все было в его силах.

Несмотря на то, что Берлинский конгресс значительно урезал территорию Болгарии, определенную предварительным Сан-Стефанским договором, Игнатьев по-прежнему оставался в глазах болгарского народа его другом, освободителем и защитником. В его адрес не раздавались гневные филиппики, как это было в России. Болгары не теряли надежды на изменение ситуации.

По возвращении в Россию Игнатьев поддерживал связи с некоторыми болгарскими деятелями, а также с обучавшимися в России болгарскими студентами. В 1888 г. он был избран председателем Петербургского славянского благотворительного общества, а после восстановления в 1896 г. дипломатических отношений с Болгарией принял активное участие в возведении православного храма на Шипке, возглавив строительный комитет.

По приглашению болгарской стороны Игнатьев с супругой в сентябре 1902 г. побывал в Болгарии: участвовал в торжествах в связи с 25-летием боев на знаменитом перевале и в освящении построенного на Шипке храма. Посетил он и Софию. Вот как описал встречу в болгарской столице

русский резидент в Болгарии Ю.П. Бахметев: прием Игнатъева в Софии был блестящим; «болгары захотели доказать ему, что они не забыли его великих заслуг в деле приготовления к освобождению. Все улицы и дома были украшены русскими и болгарскими флагами. От вокзала народ стоял шпалерами с флагами и цветами, вечером иллюминация и факельное шествие»⁸. Игнатъева посетили десятки депутатов от разных городов, общин, ремесленных мастерских с поздравлениями и подношениями. В его честь болгарский князь и глава правительства дали парадный обед. Триумфальный прием в Болгарии был для Игнатъева огромной моральной поддержкой, ибо в России он давно уже был не у дел, и невостребованность, принимая во внимание кипучую энергию и честолюбие графа, была для него большой трагедией.

В истории российской да и всей европейской международной политики Игнатъев был, пожалуй, единственным крупным дипломатом, который с большим сочувствием и уважением относился к угнетенным христианским массам балканских провинций Османской империи, в особенности к болгарскому населению, и максимально стремился защитить его интересы. Поэтому и память о нем в Болгарии жива до сих пор. Я, как многолетняя исследовательница жизни и деятельности Николая Павловича Игнатъева, не могу не выразить в связи с этим свою искреннюю признательность болгарским друзьям.

Примечания

¹ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. М., 2009. С. 122–123.

² Игнатъев Н.П. Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 115.

³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 386.

⁴ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С. 117.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Там же. С. 140–141.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 3848. Л. 15.

Н.Н. Воробьева
(Институт славяноведения РАН)

Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Речь пойдет о «Воспоминаниях» графини Е.В. Салиас де Турнемир, посвященных одному из самых значительных событий XIX в. – Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Графиня Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (1815–1892) – известная русская писательница, активная сторонница движения за права женщин, происходила из старинного дворянского рода Сухово-Кобылиных, была родной сестрой знаменитого русского драматурга Александра Васильевича Сухово-Кобылина, автора знаменитой драматической трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина».

Елизавета получила блестящее по тому времени образование, которое завершила в Париже. Там же в 1837 г. вышла замуж за графа Анри Салиаса де Турнемир, потомка древнего и знатного рода. Однако семейное счастье было недолгим. За участие в дуэли муж был выслан из России. Оставшись с тремя детьми на руках, не имея средств к существованию, графиня занялась литературным ремеслом. В 1849 г. под псевдонимом «Евгения Тур» Елизавета Васильевна публикует первую повесть «Ошибка», имевшую большой успех. Затем вышли в свет еще несколько романов и повестей, вызвавших значительный резонанс в литературных и общественных кругах России. Это было связано, прежде всего, с феминистскими убеждениями автора, ее смелыми для своего времени представлениями о воспитании и образовании женщины, ее роли в обществе. Своих героинь, в отличие от мужских персонажей, она наделяла сильным умом и нравственными достоинствами. Не случайно современники называли ее «русской Жорж Санд». Многочисленные дискуссии и статьи, вышедшие из-под пера крупнейших писателей и критиков, в значительной мере способствовали популяризации творчества Е. Тур. «Сальяс, графиня Елизавета Васильевна <...> стоит во главе современных русских писательниц. Произведения ее известны всей читающей публике», – отмечалось в «Словаре русских писательниц» за 1865 год¹.

В 1850-х–1860-х гг. Е.В. Салиас сосредоточилась на критике и публицистике. Не оставила она и своих прежних феминистских воззрений, кото-

рые популяризировала на страницах таких авторитетных периодических изданий, как «Русский вестник», «Отечественные записки» и ряд других. В 1861–1862 гг. Е.В. Салиас издавала в Москве журнал «Русская речь», освещавший вопросы литературы, истории, искусства, общественной жизни в России и на Западе.

В 1870-х–1880-х гг. Елизавета Васильевна занималась, главным образом, переводами и созданием произведений для детей, а также работ религиозно-исторического характера, которые также пользовались большой популярностью². Например, ее повесть «Катакомбы» о раннехристианской жизни выдержала четырнадцать изданий. По стопам матери пошел сын Евгений, приобретший известность как автор исторических романов. Дочь Елизаветы Васильевны Мария вышла замуж за будущего героя Русско-турецкой войны, впоследствии видного административного деятеля генерала Иосифа Владимировича Гурко.

В последние годы жизни Е.В. Салиас де Турнемир почти безвыездно жила в своем калужском имении. «Русской Жорж Санд» не стало в 1892 г. Она умерла в Варшаве, в резиденции зятя, который в то время занимал пост генерал-губернатора Привисленского края. В соответствии с волей писательницы ее прах был перенесен в родовую усыпальницу Шепелевых, находящуюся в монастыре Успения Пресвятой Богородицы Калужской Свято-Тихоновой Пустыни. Если сегодня оценивать литературное творчество Е. Тур, то следует признать, что оно, некогда весьма популярное, не выдержало проверки временем, однако воззрения графини Салиас, или, как сказали бы в наши дни, ее гражданская позиция, несомненно, обогатили палитру общественной жизни России середины XIX века.

* * *

Мемуары Е.В. Салиас де Турнемир датированы маем–июнем 1880 г. Иными словами, они были написаны по горячим следам военных событий, знаковых для народов Балканского полуострова. Известно место написания мемуаров – имение генерала Гурко – село Сахарово Тверского уезда. Особенность данного источника в том, что мемуары имеют конкретного адресата, а это встречается нечасто. Точное и полное название рукописи, данное самим автором, – «Воспоминания о войне 1877 и 1878 годов для внуков моих Ромейко-Гурко». Рукопись представляет собой 136 страниц, исписанных черными чернилами, мелким трудночитаемым почерком, позднее сброшюрованных в отдельную тетрадь. Расшифровка записей потребовала значительных усилий, несмотря на то, что язык документа – русский, с незначительными вкраплениями французского. В настоящее время документ

хранится в личном фонде семьи Ромейко-Гурко в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Документ является черновой рукописью. Второй (чистовой) экземпляр был подарен автором внуку Владимиру Гурко в честь его поступления в Московский университет. Судьба чистовика неизвестна. Возможно, он был вывезен владельцем во Францию, куда Владимир Иосифович эмигрировал в 1917 г.

В последнее время круг документов по истории Русско-турецкой войны пополнился записками и воспоминаниями ее участников и очевидцев. В частности, благодаря усилиям болгарских и российских историков и архивистов свет увидели дневники и походные письма графа Н.П. Игнатьева, опубликованные В.М. Хевролиной, генералов И.В. Гурко, А.Н. Куропаткина, князя Николая Владимировича Яшвиля, корреспондента Н.Н. Каразина и другие³. Думается, что «Воспоминания» графини Салиас де Турнемир, которые сейчас готовятся к публикации, окажутся полезными исследователям как источник, с неожиданного ракурса отражающий характер той далекой эпохи. Война предстает в нем как событие, сфокусированное в жизни одной конкретной семьи. Через призму переживаний, впечатлений и оценок автора записей и других членов семьи воссоздается ретроспектива основных этапов военной кампании, в которых участвовал генерал И.В. Гурко: освобождение г. Велико-Тырново, двукратный переход через Балканы, взятие Шипкинского перевала, блокада Плевны, освобождение Софии.

Мемуары дают возможность познакомиться с новой, не известной до сих пор стороной жизни генерала И.В. Гурко, в которой семья занимала исключительно важное место. Отношения Елизаветы Васильевны к своему зятю, любимому Жозефу, как она его называла, предстают со страниц воспоминаний как глубоко уважительные, и, похоже, что это было чувством взаимным. Документ воспроизводит размышления и переживания и самого генерала, и близких ему людей. Так, из записей мы узнаем об искреннем стремлении Гурко как можно скорее оказаться на театре военных действий, о том, как горячо и близко к сердцу принимал он происходившее на Балканах. «По убеждению в святости и высокой задаче войны, предпринятой для освобождения христиан, быть может, также и по свойственному военному человеку любви к своему делу он горел желанием ехать в действующую армию, – писала Елизавета Васильевна. – В то время, когда я радовалась, что его не взяли на Дунай, он негодовал, что носит воинский мундир для того только, чтобы распоряжаться маневрами»⁴.

В «Воспоминаниях» ярко отражены настроения различных слоев общества Москвы и Петербурга, остро, хотя и по-разному, реагировавшего на победы и неудачи русской армии. «Когда после двух неудачных приступов на Плевну вся Россия и, в особенности, Москва приуныли и оплакивали

десятки тысяч жертв павших бесполезно, когда целые города носили траур, Петербург отнесся относительно холодно к этому бедствию, – теперь же, когда жертвами была куплена победа, Петербург возопил, – писала Елизавета Васильевна после третьего штурма Плевны. – Пострадала Гвардия и потому все в один голос негодовали и осуждали. Послушав Петерб[ургские] толки, надо было прийти к заключению, что армия не более как пушечное мясо, а Гвардия существует для того только, чтобы пожинать лавры и идти, не теряя никого, триумфальным маршем к Константинополю. <...> Избалованное Петерб[ургское] общество эгоистически вопило о своих знакомых и знать не хотело о страданиях армии, никому не известных и никому не близких»⁵. Впервые, пожалуй, так остро, жестко и разоблачительно охарактеризован «высший свет», причем, что важно, одной из его представительниц, для которой определения «высшее общество» и «сволочь» стали синонимами. «Ничто так не разъяряет людскую светскую чернь и официальную сволочь, как внезапный успех, быстро захваченная слава», – отмечала графиня⁶. Негодование и осуждение со стороны петербургской аристократии, о чем писала Елизавета Васильевна, напрямую касалось и генерала Гурко. До войны он был известен как профессиональный военный, хорошо знавший службу, но для светского общества всегда оставался чужим и закрытым. В значительной степени это объяснялось тем, что в русской армии того времени при выдвижении на высокие командные должности приоритет отдавался не профессиональным качествам, а аристократическому происхождению и приближенности ко двору. Гурко не отличался ни знатностью, ни особыми родственными и семейными связями. Не имел он способности к интригам и заискиванию. Заметив нерасположение к себе «верхов», он тотчас замыкался и искал уединения, вследствие чего приобрел имидж человека неуживчивого и надменного. Более того до войны Гурко не имел боевого опыта и по старшинству уступал всем остальным командирам мобилизованных кавалерийских дивизий. Поэтому его назначение на высокий пост начальника Передового отряда Дунайской действующей армии вызвало недоумение в высшем обществе. Однако Главнокомандующий Дунайской армией Великий князь Николай Николаевич, который с 1864 г. состоял генерал-инспектором кавалерии и хорошо знал Гурко по службе, настаивал на его назначении в Действующую армию. «Другого начальника передовой конницы я не вижу», – говорил он⁷. Со слов графини Салиас, вначале победы, одержанные русскими войсками под командованием генерала Гурко, вынуждали его завистников молчать. Но первая же неудача, связанная с отступлением Передового отряда из-за Балкан, вызвала в Петербурге шквал нелепых обвинений и клеветы в адрес генерала.

Уместно в связи с этим предположить, что рукой графини при написании «Воспоминаний» в немалой степени водило желание не только защитить

доброе имя своего зятя, но и оградить от яда сплетен и слухов своих внуков, которым она наказывала гордиться отцом. «Всегда, во всяком случае ваш отец выказывал высоту духа и чистоту души.<...> Поистине, таких мало на свете. Прямой, правдивый, благородный, смиренный, чистой души человек! Большое счастье, милые мои дети, быть сыновьями такого отца, большое счастье гордиться им и отдавать ему должное почтение, не как отцу только, но как человеку высокой души, характера, ума и сердца»⁸.

Вопрос о мотивации написания мемуаров в данном случае представляется принципиальным: записи Елизаветы Васильевны создавались, что называется «для внутреннего пользования» в семье, автор явно не рассчитывала на их публикацию, и это обстоятельство косвенным образом подтверждает осознание ею важности написания «аутентичной» истории Русско-турецкой войны.

Примечания

- ¹ Книжник Н. Словарь русских писательниц (1759–1859) // Русский архив. 1865. № 11–12. С. 1454.
- ² Тур Е. Катакомбы, повесть из первых времен христианства. М., 1866. Также был широко известен ее перевод книги «Последние дни Помпеи» английского писателя Э.Д. Бульвер-Литтона (Тур Е. Последние дни Помпеи. Переделано для отроческого возраста. М., 1883). Оригинальные сочинения Тур Е.: Жемчужное ожерелье. М., 1870; Хрустальное сердце. М., 1873; Звездочка. М., 1873; Через край. М., 1885; Житие преподобного отца нашего Ксенофонта, супруги его Марии и двух сыновей его Иоанна и Аркадия. СПб., 1884; Очерк жизни и деяний Иннокентия, митрополита Московского. М., 1884.
- ³ Игнатьев Н.П. Походные письма 1878 г. (под ред. В.М. Хевролиной). М., 1998; Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания (Сост. Н.В. Ильина, Л.Я. Саэт). М., 2001; Восточная война. Дневник князя Николая Владимировича Яшвиля с 29 июня 1877 года по 4 февраля 1878 года. (Сост. Н. Осипова, С. Пинтев). София, 2004; Князь Н.В. Яшвиль. Походные письма (1877–1878). (Сост. Н. Осипова, С. Пинтев). София, 2007; Н.Н. Каразин. Дунав в пламени (Дневник на корреспондента). Репортажи (1877–1878). София, 2008.
- ⁴ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 299. Л. 7.
- ⁵ Там же. Л. 40.
- ⁶ Там же. Л. 35.
- ⁷ Д.И. Гурко. Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. (Сост. В.И. Сахаров, Л.В. Манькова). М., 2002. С. 180.
- ⁸ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 299. Л. 36.

Д. Григорова

(Софийский государственный университет)

«Румелийский переворот» и русское общество (1885 г.)

Отношения между Россией и Болгарией в XIX веке имеют два измерения – геополитическое (Проливы) и общечеловеческое (Святая Русь).

В центре внимания русской общественной мысли XIX века с точки зрения судьбы болгар находились два основных события – Русско-турецкая война 1877–1878 гг., или вторая «Восточная война», как ее тогда называли, и Соединение Княжества Болгарии и Румелии (1885 г.).

Если в России во время войны 1877–1878 гг. позиции власти и общества были одинаковы, то во время «Румелийского переворота», как русские публицисты называли Объединение Болгарии, официальную позицию Александра III поддерживали только консервативные издания «Московские ведомости», «Русский вестник», «Гражданин» и «Новое время». Полулиберальная «Русь» занимала двойственную позицию.

Прежние темы – призвание России и славянский вопрос, отошли на задний план. Религиозный и философский дискурс отступил перед политическим анализом, который определялся одной основной темой – «за» и «против» Румелийского переворота. Подтемами стали: какой фактор является ведущим в болгарском обществе для реализации Соединения; какой должна быть роль России во время и после Соединения; кто виноват в ухудшении болгарско-русских отношений.

1. Либеральная печать приняла Соединение однозначно положительно. «Русскому правительству могут не нравиться обстоятельства, сопровождающие объединение, – пишут «Русские ведомости», – но Россия ничего не может иметь против, она может ему лишь радоваться»¹.

Для «Вестника Европы» «объединение лежало в природе вещей», оно не вызвано ни Европой, ни другой внешней силой. Либералов удивляет не само Соединение, а реакция консервативной печати в России на него со стороны «Московских ведомостей»: «Все наши толки о славянстве забываются бесследно, когда “священное” дело освобождения от турок устраивается помимо нас, без нашего руководства и хозяйничанья».

Либералы категорически отбрасывают тезис о неблагодарности болгар, воспринимаемый консерваторами: «Странно, что у нас не привыкли еще отличать личные вопросы от политических; стоит только болгарам отказаться от услуг какого-либо русского чиновника или неуживчивого офицера, чтобы тотчас же не раздавались возгласы о неблагодарности болгар по отношению к России вообще [...] Неразумно вселять славянам убеждение, что их национальная свобода интересует нас не сама по себе, в силу родственных и исторических связей, а только как орудие наших особых политических целей»².

«Русская мысль» также не согласна с тем, что Соединение – это результат деятельности лишь «радикальной партии, враждебной России», но считает, что оно поддержано единодушно всем болгарским народом, чем и доказывается популярность Александра Баттенберга после того, как он возглавил объединение. Либералы недоумевают: «в чем же выразилась враждебность к России либерального болгарского кабинета, в котором до 6 сентября военным министром был русский, князь Кантакузен? Если имелось в виду обращение Болгарии в русскую губернию, тогда незачем было горячо толковать о великости нашего подвига, о том, что русская кровь бескорыстно проливалась ради освобождения родственного и единоверного народа. Не со стороны либеральной партии в Болгарии к России, а с нашей стороны к этой партии замечалась иной раз близорукая враждебность, которая действительно испортила несколько наши отношения».

Основная ошибка русской политики, по мнению «Русской мысли», это – грубое административное отношение к княжеству как к непокорной губернии: «Мы умели только сердиться на болгар, упрекать их в неблагодарности, чуть ли не в измене. Грубые замашки наших администраторов в Болгарии вызывали справедливое недовольство, раздражали болгар, которые находили (и находят) поддержку своим лучшим стремлениям со стороны не русской дипломатии, как это следовало, а со стороны Гладстона [...] Теперь уже поздно посылать в Болгарию русские войска, как это вполне последовательно предлагает “Гражданин”: Болгария уже встала на собственные ноги и русскою провинциею никогда не будет».

Другой ошибкой явился вывод русских офицеров из Болгарии, после чего, отмечал журналист, русское влияние будет заменено австрийским и немецким.

По мнению либералов, настоящие русские интересы соответствуют «созданию великой Болгарии». Если идею о славянской федерации «Вестник Европы» категорическим образом отбрасывает, то «Русская мысль» ее разделяет: «Торжеством русской политики можно было бы счесть образование на Балканском полуострове славянской федерации под протекторатом России»³.

Либеральное общественное мнение оспаривает и официальную позицию русского правительства, защищающего Берлинский договор. Разочарование решениями Берлинского конгресса было для русского общества очень сильным, болезненным. И либералы, и консерваторы сразу же после Русско-турецкой войны сравнивали Берлинский мирный договор с Парижским мирным договором, считая, что в 1878 г. Россия потеряла больше, чем в 1856 г.

Соблюдение Берлинского договора, по мнению «Вестника Европы», является «значительной политической ошибкой», а позиция, защищающая интересы Европы против европейских кабинетов, сочувствующих болгарам», сомнительна. «Освободив "целокупную Болгарию", мы допустили потом разделение ее на две части, причем забalkanская область, буквально завоеванная русскими войсками, была отдана в Берлине туркам, с нашего согласия...».

Согласно анализу «Иностранного обозрения», события на Балканах – это результат недостатков русской внешней политики, приведших к «добровольному отречению от всех плодов войны 1877–1878 гг.». «Мы одни во всей Европе продолжали поклоняться тому дипломатическому фантому, который именуется Европою; мы только в редких случаях решались говорить прямо от своего имени в делах международной дипломатии, все наши ноты носят на себе отпечаток этой анонимности, прикрываемой общеевропейскими соображениями и ссылками на европейские трактаты, без всякого следа специально русского мнения».

По мнению либералов, причина таких провалов во внешней политике России кроется в эмоциональном, а не рациональном подходе к принимаемым решениям: «...мы способны действовать порывами и скачками, то жертвуя собою для турецких христиан, то относясь к их судьбе совершенно равнодушно. [...] Мы или отдаем слишком много, как расточители, или остаемся безучастными, как скупцы»⁴.

2. Полулиберальная газета «Русь» проявляет двойственное отношение к Соединению, в отличие от его категорической поддержки со стороны «Вестника Европы», «Русской мысли» и «Русских ведомостей».

«Русь» не принимает обвинения консервативных и официозных газет против болгар и не стремится «...выместить на болгарях и Болгарии всю свою злобу за их самовольный и дерзкий поступок», но в то же время этот орган не симпатизирует ни князю, ни Каравелову, и вообще – ни одной партии, как и болгарской интеллигенции, которую – за редкими исключениями – определяет как «грубый, с примесью большой дикости, сколок с русской же доморощенной радикальной интеллигенции, созданной у нас общественным воспитанием 60-х и 70-х гг.», как «карикатуру» на русскую интеллигенцию⁵.

Если болгарское общество имеет недостатки, то этим оно обязано русскому обществу, или «русскому злу», против которого и направлено острое перо главного редактора. С позиций партий и князя И.С. Аксаков называет Соединение «филиппопольским переворотом», или «опереточной революцией», а с точки зрения болгарского народа считает его «мирной революцией». Лишь болгарскому народу симпатизирует И.С. Аксаков, но, в отличие от либеральных изданий, он считает, что предварительное согласие России на объединение было необходимо.

Аксаков также не принимает официальную позицию поддержки Берлинского договора, полагая, что от этого выигрывает только Австро-Венгрия. Соединение двух Болгарий, по его мнению, является примером «справедливой политики», т. к. будущее Европы заключается не в «политике равновесия или династических прав», а в правах национальностей. «Пора отказаться от мысли регулировать жизнь народов по своей воле, подчиняя ее лишь дипломатическим комбинациям, не заботясь об удовлетворении их органических, законных, вопиющих нужд».

Согласно «Руси», официальная позиция Александра III – ни что иное как «отречение от русского недавнего прошлого», Россия принимает на себя роль «обвинителя-прокурора», который требует «наказания виновников переворота». Россия сама без боя отступает от своих позиций на Балканах, и этой своей политикой она служит интересам, прежде всего, западных государств.

Аксаков негодует и по поводу вывода русских офицеров в этой драматической ситуации: «Отнять этих офицеров у болгарской армии в такую минуту, когда все же война для Болгарии возможна, это то же самое, что отправляя солдат в сражение – отнять у них ружья. Зато “Европа” нами довольна»⁶. Критикуя Европу, Аксаков ставит ее название в кавычки, отрицая таким образом ее от понятия европейских ценностей.

3. Консервативное общественное мнение во второй половине XIX в. определяет, главным образом, бывший либерал М.Н. Катков, для которого Соединение – это «Филиппопольский разбойничий захват». «Московские ведомости» с точки зрения условий Сан-Стефанского мирного договора считают Соединение легитимным, но несвоевременным. Соединение было нежелательным в 1878 г., но в 1885 г. Болгария находится в «хаосе и губительных интригах». Россия же делится на «историческую Россию» – символ «народного духа», которая освободила болгар, и «анти-Россию» – символ интеллигенции, давшей болгарам конституцию.

Соединение Болгарии, с другой стороны, означает включение в повестку дня Восточного вопроса, в чем Россия не заинтересована, поэтому ей необходимо «твердо держаться Берлинского трактата». Это, по мнению

М.Н. Каткова, и есть основная пружина официальной политики России. Соединение, или «Филиппопольская революция», или «изменническое деяние», считает он, является плодом «мошенничества» Европы, которая нарушает Берлинский договор в ущерб России. Существенный мотив для выступления против Соединения – это и «пожертвование Македонией, страной не менее болгарской, чем Румелия».

И не на последнем месте в рассуждениях Каткова и такой аргумент: если Россия поддержит Соединение, тем самым она усилит позиция Баттенберга. Автор задает риторический вопрос: «В ее ли это интересе, и в интересе ли это Болгарии?».

Лучшие люди Болгарии, продолжает он, это прежде всего «те, которые верны долгу своей родины перед Россией, перед ее Царем. Эти люди видели, не могли не видеть в князе изменника России, который вел болгар на проклятое дело».

Катков рассматривает интересы Болгарии как идентичные интересам России, его «верую» – то, что хорошо для России, хорошо и для славян: «Болгарская национальность не составляет своего особого мира; она может иметь будущность только как часть более обширного целого, только как планета в системе, где Россия есть центр тяготения и источник света и тепла. Болгарское народное чувство не может не быть вместе с тем и русским».

В отличие от И.С. Аксакова, отбрасывающего всех болгарских политиков, Катков симпатизирует Драгану Цанкову – «одному из весьма немногих серьезных политических людей в Болгарии». Отграничиваясь от либеральной печати, Катков защищает во внешней политике России интересы монархии, а не национальностей: «Монархическое начало, в его чистоте и священном значении представлено в мире главным образом Россией». Катков видит национализм в монархическом начале, а не во всеславянской идее: «не идея всеславянства, но национализм [...] при единстве веры, в этом весь интерес русской политики не только на одном Балканском полуострове, но и вообще на Востоке»⁷.

«Русский вестник» солидарен с позицией Каткова в отношении Соединения как «несвоевременного» акта и в отношении Баттенберга как «злейшего врага славянства». Подобно газете «Русь», «Русский вестник» считает, что против России в Софии и Филиппополе выступают «только горсть проходимцев и численно ничтожная развращенная интеллигенция», в то время как народ верен России⁸.

5. В отличие от «Московских ведомостей», однако, в «Русском вестнике» и в «Новом времени» более широко критикуют русскую внешнюю политику и ищут промахи, приведшие к провалу России на Балканах. Особо

интересен репортаж корреспондента «Нового времени» Евгения Львова, в своей основе совпадающий с позицией либеральной печати.

Е. Львов встречался с майором Данаилом Николаевым, Захарием Стояновым и Димитром Ризовым, с капитаном Паницей, с подполковником Чичаговым, его подробнейшее описание событий сентября 1885 г. с разных точек зрения – это попытка объективного анализа в русской печати. Львов не соображается с официозной позицией, которой некритично следуют «Московские ведомости».

Львов считает, что «Румелийский переворот» является делом не одной партии, но движением, в котором принимают участие и болгарские революционеры, и члены болгарского правительства, и народ, и войска, и русские нигилисты. Журналист особо подчеркивает связь между решающими событиями сентября 1885 г. и настроениями русских граждан в Княжестве Болгарии и в Восточной Румелии, находящихся под влиянием революционных идей, получивших распространение в России в 60-е – 70-е гг. XIX в. Львов объясняет события в Болгарии слабостью русской дипломатии на Балканах: «Может, правда и не будет особенно приятна для нашей дипломатии и русского самолюбия, но, выплыв раз наружу, она будет нам наглядным уроком для будущего, вместо того чтобы служить подземным фундаментом нашей последующей политике, как бы того хотели многие и многие из наших русских космополитов, предпочитающих фиктивную репутацию русской дипломатии в Европе истинному достоинству и интересам самой России».

Главная роль в «Румелийском перевороте», по мнению Львова, принадлежит армии. Вот как он описывает майора Николаева, с которым лично встречался несколько раз: «Некоторые хвалят его ум, храбрость и деятельность; другие считают его человеком грубым, жестоким и вообще способным для своих целей не стесняться никакими средствами. Особенно неблагоприятны отзывы о нем с официальной русской стороны, где его считают скрытым русофобом, интриганом и вообще человеком для русского дела весьма вредным». Для самого же Львова майор Николаев – человек с «вглядчивыми глазами и физиономией весьма симпатичною [...], говорит по-русски чисто и притом красиво, умно [...], один из умнейших болгар, не лишенный не только военных, но и административных способностей». Автор, однако, не склонен доверять демонстрировавшейся Николаевым «горячей преданности и благодарности к России», так как майор не скрывал ненависти к русскому дипломатическому представительству в Румелии⁹. В этом отношении Львов не отличается от русских консерваторов, для которых «любовь» к России – синоним беспрекословного и некритичного принятия ее позиции.

Не проходит Львов и мимо основных ошибок русской дипломатии в обеих Болгариях: «...и здесь, и в Софии наши дипломатические и другие агенты сменялись десятками, а при их назначениях в Министерстве вовсе не заботились о том, знают ли вновь назначаемые агенты, что такое Болгария, да и зачем это было нужно, когда само наше Министерство иностранных дел, по-видимому, тогда по крайней мере, еще не уяснило себе, чего именно нужно России от Болгарии. Вследствие этого каждый новый консул вносил новую, свою собственную персональную [линию]. Не имея категорических инструкций и основательно не зная планов России, софийские агенты никогда не действовали вместе с филиппопольскими, сплошь и рядом можно было думать, что это не два дипломатические фактора одной и той же державы, а представительства двух держав...»¹⁰.

Основной вывод Львова – виновны в румелийском перевороте, прежде всего, русские дипломатические представители в Болгарии и Румелии.

6. В отличие от либералов консервативная печать поддерживает и миссию генерала Каульбарса. По мнению Каткова, «...в Болгарии мог бы принести пользу не то что дипломатический агент при незаконном правительстве, а комиссар с диктаторскою властью, посланный года на два». «Московские ведомости» видят в Каульбарсе не дипломата, а «возвестителя воли Русского Царя», который не вступает в переговоры, а «требует повиновения», и на данный момент лишь таким языком Россия может говорить с Болгарией. Посредством Каульбарса Россия «освобождает» Болгарию от «Баттенбергии», спасает «несчастный болгарский народ, поработенный шайкой баттенбергских санкюлотов».

Для Каткова Стефан Стамболов более опасный враг России, чем Баттенберг. «Баттенбергия» оставляет после себя «людей, известных России как злейшие ненавистники ее, регентство и правительство, и во главе всего поставил Стамбулова. Каков бы то ни был лично сам принц Баттенберг, но все же он во всех отношениях благоприятнее, чем Стамболов». Катков убежден, что болгарский народ не любит Стамбулова – «ибо кто же, оставаясь болгарином, славянином и честным человеком, может считать за правительство беспардонную сволочь, властвующую в Софии,» – и что народ принимает идею о русской оккупации Болгарии¹¹.

7. Сербско-болгарская война 1885 г. – единственный пункт, в отношении которого единодушны все представители русского общественного мнения. И либералы, и консерваторы одинаково воспринимают эту войну как «братоубийственную», «преступную», как «роковую ошибку русской дипломатии». Все русские общественники, без исключения, против войны и все они – на стороне болгар!

Соединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии 6 сентября 1885 г. – это последнее событие в XIX в., пробудившее интерес русского общества к болгарам, и первое событие, когда болгары сами, без чужой помощи, отстаивают свои национальные интересы.

Александр III не прислушивается к либеральным голосам, защищающим Соединение и считающим его успехом и для России – для ее будущей политики на Балканах; он скорее ориентируется на консервативные филиппики, направленные против самостоятельного решения всего болгарского общества и власти, которые объединились во имя национальной идеи.

Русские консерваторы, исходя из традиционных для них веры в провидение, симпатии к самодержавию и отрицания «общественного договора» (для них «договора» нет, но есть вера, они отвергают индивидуализм и предпочитают соборность), смотрят на Болгарию с точки зрения религиозной, прежде всего, как на православное, славянское и прорусское государство.

Российские либералы (именно «российские», а не «русские», поскольку они выступают против лозунга «Россия для русских»), исходя из традиционных для европейского либерализма ценностей, смотрят на болгар, в первую очередь, как на европейскую нацию, т.е. в политическом отношении Болгария для них важна как государство, отстаивающее свою независимость, в том числе и от России.

Взгляды русского общества на Болгарию намного богаче официальной позиции, подтверждая ту мысль, что общество и власть в России – это не одно и то же.

Примечания

¹ Русские ведомости. № 158. 12 июня 1886. С. 1.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 10. С. 840–851.

³ Русская мысль. 1885. № 10. С. 48, 51–53.

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 865–868.

⁵ Русь. № 13. 28 сентября 1885. С. 2–4. Там же. № 16. 19 октября 1885. С. 4.

⁶ Русь. № 19. 9 ноября 1885. С. 12. Там же. № 12. 21 сентября 1885. С. 9, 14. Там же. № 14. 5 октября 1885. С. 2–4.

⁷ Московские ведомости. № 231. 21 августа. 1886 // Катков М.Н. Собр. статей Московских ведомостей (Далее: МВ) за 1886 г. М., 1898. С. 424–425; МВ. № 250. 9-го сентября 1885. Там же. С. 436–437. МВ. № 309. 7-го ноября 1886. Там же. С. 595; МВ. № 251. 10-го сентября. 1885. Там же. С. 437–438; МВ. № 262. 21-го сентября 1885. Там же. С. 459–460; МВ. № 235. 25 августа 1886. Там же. С. 430; МВ. № 126. 7-го

- мая 1886. Там же. С. 226; МВ. № 289. 18 октября 1886. Там же. С. 532; МВ. № 344. 12-го декабря 1885. Там же. С. 624, 626.
- ⁸ Современная летопись // Русский вестник. 1885. № 9. С. 427; Там же. 1885. № 10. С. 899; Там же. 1885. № 11. С. 500, 492.
- ⁹ Львов Е. Румелийский переворот // Русский вестник. 1886. № 2. С. 721, 725, 744, 746.
- ¹⁰ Там же. № 3–4. С. 411–413, 442.
- ¹¹ Московские ведомости. № 246. 5-го сентября 1886 // Катков М.Н. Собр. статей Московских Ведомостей за 1886 г. М., 1898. С. 450; МВ. № 251. 10 сентября 1886. Там же. С. 454; МВ. № 259. 18-го сентября 1886. Там же. С. 470–471; МВ. № 264. 23-го сентября 1886. Там же. С. 479; МВ. № 264. 24-го сентября 1886. Там же. С. 481, 483.

М.Г. Смольянинова

(Институт славяноведения РАН)

Восприятие болгар русской интеллигенцией в XIX в.

Отношение россиян к Болгарии и болгарскому народу в эпоху Возрождения претерпевает несколько этапов. **Первый период (конец XVIII – начало XIX в.) – этап забвения.** В это время в России сведения о болгарском народе были весьма скудными. Даже такой крупный историк, как Н.М. Карамзин не упоминал о нем в своей «Истории государства Российского т. 1–12, 1816–1829). Почти полное отсутствие информации о болгарях в русском обществе объяснялось тем, что на карте мира не было такого государства – Болгария, ибо она стала давно (почти 400 лет тому назад) частью Османской империи. Некоторый интерес у россиян к славянским народам, обитающим в европейской части Турции, пробуждался во время русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX вв. (1768–1774, 1787–1791, 1806–1812). Культурные же связи между русскими и болгарями в этот период почти заглохли.

Второй этап (конец 20-х – 30-е годы XIX в.) – настоящий прорыв в познаниях россиян о Болгарии и болгарском народе. Этот прорыв произвели труды одного из первых болгаристов в России Ю.И. Венелина, «который напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар, и пламенно желал видеть его возрождение»¹. Юрий Иванович Венелин (Георгий Хуца) родился 22 апреля 1802 г. в Венгрии, в селе Великая Тибава, в семье священника. Согласно терминологии XIX в. жителей Великой Тибавы называли карпатороссами. Среднее образование будущий ученый получил в Ужгородской гимназии, затем окончил духовную семинарию. В 1822 г. юноша учился на философском факультете Львовского университета, а весной 1823 г. вместе со своим двоюродным братом – Иваном Молнаром он эмигрировал в Россию. Два года (1823–1825) он прожил в Кишинёве, где работал учителем в семинарии. Себя Венелин называл «русским по рождению, карпатороссом», который «всегда стремился в Россию и пламенно желал поселиться посреди свободного народа, к которому принадлежал сам и которого историею преимущественно занимался»². Юрий Иванович интересовался не только историей русского народа, но и других славян (словенцев, сербов, чехов, поляков

и т. д.). Но особенно много внимания он уделил истории болгарского народа. Интерес к болгарской истории и культуре зародился у него в период пребывания в Кишиневе. В ту пору в городе жило много болгарских колонистов (около 2500 человек), которые в XVIII – начале XIX вв. переселились сюда из Османской империи. Всего же в Бессарабию сбежали от турок около 30 тыс. болгар. В Кишиневе существовал квартал, который так и назывался – «Болгария». Юрий Венелин часто посещал этот квартал, беседовал с болгарами, изучал болгарский язык, интересовался нравами, обычаями полузабытого, в те годы малоизвестного россиянам народа. Интересно, что в 1823 г. в Кишинёве жил и А.С. Пушкин, также посещавший квартал «Болгария». Наблюдения за жизнью кишиневских болгар побудили поэта написать повесть «Кирджали» (опубликованную им в 1834 г. в декабрьском номере «Библиотеки для чтения») и ряд стихотворений, в которых звучат болгарские мотивы. Что же касается Ю.И. Венелина, то можно с уверенностью утверждать, что интерес к судьбе болгарского народа, возникший в Кишиневе, определил жизненный и творческий путь ученого. В 1825 г. Венелин приехал в Москву, где поступил на медицинский факультет Московского университета. Одновременно с медициной юноша изучал историю и филологию. Медицина не стала его профессией. Увлеченность историей болгар привела к тому, что в год окончания университета (1829) в Москве вышла его книга «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», которую ему помог издать профессор Московского университета М.П. Погодин. В представлении Венелина средневековая Болгария – классическая для славянского мира страна, с классической культурой, которая оказала благотворное влияние на многие народы. Ученый стремится своим трудом возратить болгарскому народу его историческое достоинство и с этой целью рисует в книге живую картину его исторического бытия. Он обличает и европейцев, и россиян за безразличное отношение к участи некогда великого, а ныне порабощенного турками народа: «Пусть иностранцы по неведению ли или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, ... коих колыбель сопряжена неразрывными узами с колыбелью русского народа»³. Своими работами, написанными образно, страстно, Венелин напомнил о славном прошлом болгар как россиянам, так и самим болгарам, дабы пробудить их национальное самосознание, любовь к Отечеству. Писатели болгарского Возрождения прекрасно знали произведения Юрия Венелина и активно использовали его идеи в своей просветительской деятельности, национально-освободительной борьбе, в своем творчестве. Для них сочинения Венелина по существу стали программой действий по возрождению болгарской нации и ее культуры. Едва ли в мировой истории можно отыскать другое такое феноменальное явление, когда бы молодой ученый одного народа

оказал столь мощное воздействие на духовную жизнь другого народа. Первая книга 27-летнего Венелина принесла ему успех. Она была замечена учеными и журналистами. В русской периодике (в «Московском вестнике», «Литературной газете», «Вестнике Европы», «Московском телеграфе») появились рецензии на данный труд. Авторы рецензий (М.П. Погодин, Н.А. Полевой, К.Ф. Калайдович и др.) спорили друг с другом о достоинствах и недостатках книги. Разгорелась полемика. Русская общественность проявляла все больший интерес к болгарской проблематике. М.П. Погодин и С.Т. Аксаков (в дом которого Венелин был вхож, более того, он преподавал историю его сыновьям Ивану и Константину) сумели убедить президента Российской академии А.С. Шишкова в необходимости помочь талантливому исследователю.

И уже через год после выхода первой книги (в 1830 г.) Российская академия отправила молодого, перспективного ученого за свой счет в научное путешествие на Балканы (в Болгарию, Румелию, Валахию, Молдавию). Главной целью путешествия Венелин считал Болгарию: «Послезавтра еду я в страну классическую для Руси, Литвы и Венгрии – в Булгарию, отечество Бояна, славного Оссиана, отечество священного для нас языка и т. д. Еду за счет Российской академии. Цель великая, позволили бы только местные обстоятельства»⁴, – писал он из Москвы находившемуся в Италии С.П. Ширяеву. Путешествие ученого продолжалось полтора года (с весны 1830 г. до осени 1831 г.). Оно было нелегким: в пути Венелин неоднократно болел, в том числе тифом, порой он встречался с настроенностью болгар, которые не всегда понимали цель его путешествия. А цель была таковой – разыскание старинных болгарских рукописей и книг, изучение болгарского языка и фольклора. Результатом поездки ученого стало опубликование им ряда болгарских памятников, написание работ по болгарскому языку, литературе, фольклору. Некоторые труды вышли при его жизни, другие же – после его безвременной кончины.

Юрий Венелин высоко ценил древнеболгарскую литературу. «Можно с достоверностью полагать, – писал он, – что ни одно из славянских племен не имело столько рукописей на своем наречии, как болгаре... Кто из европейских народов может похвалиться такою письменною древностью на своем языке?»⁵ Новую болгарскую литературу Юрий Венелин явно недооценивал. В исследовании «Древние и нынешние болгаре...», в разделе «Литература» ученый писал: «О болгарской литературе нечего и говорить, ибо она еще не возродилась»⁶. Удивляться такой недооценке не приходится. Ведь написанное в 1804 г. яркое произведение Софрония Врачанского «Житие и страдания грешного Софрония» не известно Венелину, так как впервые оно было опубликовано лишь в 1861 г. Г. Раковским в газете «Дунавски лебед». Не издана еще и не знакома ученому и «История

славяноболгарская» Паисия Хилендарского. Единственное произведение, которое характеризует Венелин в своей первой книге, – «Рыбный букварь» П. Берона (1824): «Я не видел ни одной русской азбуки, – писал Венелин, – которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей ее ясно, слог приятный, показывающий, что болгарский язык гибок для всяких оборотов»⁷. Ученый чутко уловил значимость этой книги, поняв, что она является важной вехой в болгарском историко-литературном процессе.

Взгляды Венелина на народное творчество нашли отражение в работе «О характере народных песен у славян задунайских» (Москва, 1835). В ней ученый стремился показать национально-психологические особенности болгар и сербов на основе их исторической судьбы и народных песен. Эти песни восхищали его прелестью безыскусной поэзии, а героя болгарского и сербского эпоса Марко Краевича он считал таким же носителем духа нации, каким был Ахилл у древних греков или Фауст у немцев.

В.Г. Белинский, написавший похвальную рецензию на данную работу Ю. Венелина, соглашался с этими взглядами ученого: «Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она юна и свежа, как жизнь юноши, непритворна и простодушна, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и стыдлива, как улыбка красоты. Это творчество истинное, бессознательное, цельное, хотя в то же время, и одностороннее, одноцветное. Оно вполне истинно и живо проявляет дух, характер и всю жизнь народа, которые высказываются в нем непринужденно и безыскусственно. От этого произведения младенствующих народов вечно юны и неумирающи... Песни задунайских славян, сколько мы можем судить по образцам, предложенным автором рассматриваемой нами статьи, представляют самые лучшие данные для подтверждения этого мнения о первобытной поэзии... Песни задунайских славян выражают всю жизнь народа, которым они созданы, так же как “Илиада” выражает всю жизнь греков в ее героический период»⁸.

Русский критик подчеркивал, что о песнях задунайских славян Венелин пишет «умно, основательно, верно и увлекательно. Мысли его об этом предмете прекрасны, глубоки и подкреплены фактами»⁹. Венелин легко, непринужденно переходил от научных аргументов к захватывающему рассказу об исторических событиях, что привлекало и русских, и, особенно, болгарских читателей. Как мастер-беллетрист он описывал роскошные свадьбы, кровопролитные бои, сцены похищения невест: «В девохищение вооружаются как в поход: подкарауливают ее около гумна, или у фонтана, когда пойдет по воду, цап! и поминай как звали. Иногда похитители, подобно разбойникам, нападают на дом, связывают руки отцу и братьям,

пока девицу успеют увести. Если какая-нибудь Милица или Любига не хочет следовать за честною ватагою, то ведут за черну косу, а сзади погоняют палкою. Весьма часто девохищение оканчивается кровопролитием»¹⁰.

Венелин перевел несколько песен заданайских славян на русский язык. Белинский восхищался мастерством его перевода: «Перевод сделан самим автором статьи, и сделан прекрасно. Он близок, верен, поэтичен, если можно так сказать, и русский язык нигде не изнасилован, нигде не страждет на счет этой близости. Мы были бы очень благодарны автору, если бы он дарил нас чаще и больше подобными переводами песен славянских народов, которые ему так хорошо знакомы»¹¹. Свежесть, поэтичность стиля Юрия Венелина не раз отмечалась русским критиком.

Сочинения Ю.И. Венелина способствовали пробуждению в среде русской интеллигенции интереса к болгарской истории, языку, культуре. В 1835 г. в России создаются научные центры и славистические кафедры. Ими руководили О.М. Бодянский (1808–1877), И.И. Срезневский (1812–1880), П.И. Прейс (1818–1846), В.И. Григорович (1815–1876). Для этого этапа истории русской славистики характерны путешествия по славянским землям, связанные с собиранием и описанием рукописей, изучением диалектов, фольклора и быта, комплексное исследование филологических, этнографических и исторических проблем.

В 1837 г. Венелин опубликовал в «Московском наблюдателе» статью «О зародыше новой болгарской литературы», а в 1838 г. эта статья вышла отдельной брошюрой в Москве. Она дважды была переведена на болгарский язык в эпоху Возрождения (в 1842 г. – М. Кифаловым и в 1860 г. – Н. Даскаловым). В данной работе Венелин выражал глубокое сожаление по поводу того, что столь рано, в глубоком средневековье, зародившаяся болгарская литература, от которой должно было ожидать блестящей будущности, ныне находится в плачевном состоянии. Причиной этому является, по мнению ученого, политическая судьба народа: двухсотлетнее византийское иго, многовековое турецкое владычество, уничтожение болгарской патриархии, введение богослужения на греческом языке, истребление болгарских рукописей. Венелин знакомит русского читателя с духовной жизнью болгарского народа; делится своими впечатлениями, полученными во время путешествия по Болгарии; рисует невежество болгарского народа, главную причину которого он видит в духовной зависимости болгар от греческих фанариотов; информирует о болгарских книгах, вышедших в 20–30-е годы XIX в. (о произведениях Неофита Рильского, Константина Огняновича, Анастаса Кипиловского, Христаки Павловича, Эмануила Васкидовича, Райно Поповича, Георги Пешакова и др.). Особо выделяет ученый «Грамматику» Неофита Рильского (1835 г.), в частности лучшую ее часть – филологическое преду-

ведомление, в котором автор высказывает взгляды, сходные со взглядами Венелина, касательно диалектов болгарского языка.

В русской печати некоторые научные положения и гипотезы Венелина подвергались критике (и, порой, справедливой). А для болгарских читателей точка зрения Венелина потому имела перевес над всякою другою, что в ту пору им важнее был эмоциональный заряд его сочинений, нежели точность научной аргументации. Эмоциональное воздействие сочинений Венелина на болгар было чрезвычайно сильным, благодаря литературным достоинствам его произведений. Болгарский просветитель Анастас Кипиловский в письме, адресованном издателю Ширяеву, делился впечатлениями о книге Венелина: «Несколько дней тому назад мне посчастливилось получить в руки сочиненную господином Ю. Венелиным книгу под заглавием “Древние и нынешние болгаре”, которую я уже шесть раз жадно перечитываю. Я болгарин родом. Мои чувства в отношении моего народа совсем подобны тем чувствам, которыми переполнена и душа почтенного сочинителя этой книги»¹². Кипиловский называл Венелина «бессмертным возобновителем болгарского существования» и считал, что каждый болгарин должен отослать ему благодарственное послание.

Сочетание в творчестве Венелина научного мышления и поэтического стиля высоко ценил болгарский писатель Любен Каравелов: «Юрий Венелин – натура сильная, впечатлительная, талантливая. Мощный ум, глубина соображений, возвышающаяся до сильных поэтических восторгов, редкая способность сосредоточивать все силы духа на один предмет и отвлекаться от всего окружающего составляли внутреннюю его физиономию... Первый том его исследования о славянах “Древние и нынешние болгаре...”, вышедший в 1829 году, имеет особенную важность не столько для науки, сколько собственно для Болгарии. В этой книге Венелин открыл, как говорили тогда, существование неизвестного болгарского племени, одного из славянских племен, забытого миром, но имевшего свою историю, богатую событиями, словесность, живой язык... И эта книга, а потом путешествие самого Венелина по Болгарии много содействовали нравственному возрождению болгарского народа»¹³.

Сочинения Юрия Венелина способствовали пробуждению у болгарских писателей интереса к национальной истории. Отзвуки идей, суждений Венелина можно обнаружить не только в трудах болгарских историков XIX в. (С. Палаузова, М. Дринова), но и в произведениях драматургов, поэтов, прозаиков. «Отец болгарского театра» – Добри Войников в 1861 г. издал «Краткую историю Болгарии», в которой широко использовал научные положения Юрия Венелина. Герои диалогов, сочиненных Войни-

ковым для исполнения в школьном театре, ссылаются на труды ученого: «Да, приятель, я могу тебе представить такие доказательства, которые исходят не из болгарской головы, а от карпато-русского ученого, славного писателя Юрия Венелина, который первый доказал, что язык наших прадедов – мать других славянских наречий»¹⁴, – говорит Драган – участник «Разговора между двумя учениками и советником о болгарской народности». Стремясь показать величие «болгарской народности», Драган (вновь опираясь на сочинения Венелина) рассказывает своему оппоненту – Ивану о том, что именно болгары первыми из славянских племен приняли христианство. Большинство драм Войникова посвящено истории Болгарии: «Стоян-воевода» (1866), «Княгиня Райна» (1866), «Крещение преславского двора» (1868), «Велислава» (1870), «Восшествие на престол Крума страшного» (1871), «Десислава» (1874), «Фросина» (1875). Сюжеты этих пьес возвращали зрителей к важнейшим событиям истории страны, чаще всего – к периодам национально-освободительной борьбы против чужеземных захватчиков.

Исторические сочинения Венелина оказали сильное воздействие и на творчество болгарских поэтов. Крупнейший поэт эпохи Возрождения Петко Славейков высоко ценил его труды и стремился познакомить с идеями ученого своих читателей. В 1852 г. в книге «Пестрый букет» он опубликовал сокращенный перевод главы «Владимир II (в крещении Симеон)» из книги Венелина «Древние и нынешние болгаре...» (М., 1841. Т. 2). В этой главе Славейкова привлекали суждения Венелина о древнеболгарской письменности, о взаимоотношениях русских и болгар в X в. Как и Д. Войникова, Славейкова заинтересовала версия Венелина о совместных действиях русских и болгар против византийцев.

Образ Юрия Венелина, боготворимого болгарскими писателями, прочно вошел в поэзию эпохи Возрождения. Болгарское Просвещение стимулировало развитие оды. Такие произведения, как «Ода Софронию Врачанскому» Дмитрия Попского (1813), «Ода Юрию Ив. Венелину» (1837), «Ода П. Берону» (1839), «Рыдание на смерть Ю.И. Венелина» (1839) Георгия Пешакова по форме близки стихотворениям русских поэтов XVII в. – Дмитрия Ростовского, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, хорошо известных болгарскому читателю той поры. Однако знакомая форма наполнялась новым содержанием: болгарские оды, как правило, посвящались не государям, как это происходило в независимых странах в эпоху Просвещения, а писателям, ученым, способствовавшим возрождению нации.

Георгий Пешаков написал «Оду Юрию Ив. Венелину» еще при жизни ученого – в 1837 г. Это несовершенная, типично даскальская поэзия.

Несовершенство формы компенсировалось искренностью в выражении чувств восхищения и благодарности к заслугам ученого:

*Имя твое останется
бессмертным, прославленным,
и все чада болгарские
не забудут его вовеки.*

Георгий Пешаков послал свое творение самому герою оды – Юрию Венелину, о чем сообщал Априлов: «При первом известии, что я открыл местопребывание нашего историографа, все кинулись с восторгом спрашивать об нем. Живущий в Бухаресте Г. Пешаков доставил мне оду для отсылки Юрию Ивановичу»¹⁵. Венелин получил оду вместе с письмом В. Априлова, о чем мы узнаем из книги «О зародыше новой болгарской литературы». Для Венелина особенно важно было то, что ода написана на болгарском языке: «Так как господин Пешаков стал писать не на чужих языках, а на своем родном, то и он имеет право занять местечко в Истории своей отечественной грамотности. Да не подумает кто-либо, что здесь, как говорится, *рука руку моет*. Так как чувство *благодарности*, одушевлявшее г. Пешакова при составлении этой оды, служит похвалою ему, а не мне, то и с этой точки зрения я был бы неправ, если бы умолчал о нем. В этой оде нет чувства ни *лести*, ни *хвалолюбия*. Посему всю заслугу я обращаю на него, согласно с мнением древних мудрецов, что *честь не чествуемому, а чествующему*. (Non honorato, sed honoranti honor est)»¹⁶. В печати ода появилась лишь после смерти ученого. Она была включена Иваном Молнаром в предисловие к книге Венелина «Древние и нынешние болгаре...» (М., 1841), В. Априловым в «Деннице новоболгарского образования» (Одесса, 1841. Т. 2), опубликована Павлом Калянджи в книге «Друг детей» (Одесса, 1863).

В 1839 г. Георгий Пешаков посвятил Венелину второе стихотворение – «Рыдание на смерть Ю.И. Венелина», в котором выразил беспредельную боль, глубокое потрясение в связи с безвременной кончиной ученого:

*Плачьте, рыдайте,
Все чада болгарские!
Потеряли мы навсегда
Юрия Венелина
нашего премудрого брата!*

Горе так велико, что поэт гневно обвиняет силы небесные, отнявшие едва взшедшую на мрачном болгарском небосклоне звезду – Юрия Вене-

лина. Но поэт не только скорбит, он лелеет надежду, что его соотечественники последуют по пути, начертанному ученым – по пути Просвещения. Это стихотворение получило широкую известность среди болгарских читателей. Оно неоднократно публиковалось в различных журналах и книгах. Кроме того, читатели переписывали его, распространяли в рукописях. Правда, при перепечатке и переписывании порой допускались некоторые отклонения от оригинала, но, как правило, незначительные. Перу Петко Славейкова принадлежат наиболее яркие поэтические строки, написанные после смерти ученого:

*Умер тогда,
Когда оживил нас.*

На могиле Ю. Венелина, находившейся в Даниловом монастыре в Москве, благодарные болгары воздвигли в 1841 г. прекрасный памятник – белую колонну из итальянского мрамора, завершающуюся урной и крестом. Земная жизнь Юрия Венелина оборвалась в 1839 г. (он умер в 36 лет), но научная жизнь его интенсивно набирала обороты в течение всей эпохи Возрождения.

Работы Венелина определили решительный поворот духовной ориентации болгарской нации. В первой трети XIX в. болгарская интеллигенция активно осваивала опыт греческих просветителей. Греческая письменность и культура в условиях османского гнета была для болгар в известной степени поддержкой в сохранении своей веры и источником, из которого черпались определенные знания, но со временем греческие пастыри, насаждая свой язык в болгарских церквях и школах, стали стремиться к эллинизации прихожан. Даже некоторые болгары (особенно зажиточные) уже воспринимали родной язык как язык невежественного простонародья и отрекались от него. Наряду с отуречиванием, эллинизация стала со временем небезопасной для сохранения болгарского этноса. Позднее происходит поворот в духовной ориентации болгар – в сторону России. Труды Ю.И. Венелина способствовали возвращению болгар к славянской традиции. Во второй трети XIX века все больше болгар едет учиться в Россию.

40-е – 60-е годы XIX в. знаменуют собой **третий – просветительский этап** в познании россиянами истории многострадального братского народа. Просветительский – как для русского общества, все больше узнающего о Болгарии, так и для болгарской молодежи, стремящейся получить образование в России. В эти годы 700 болгар закончили русские учебные заведения. Они учились в Одессе, Херсоне, Николаеве, Москве и других городах. Велика тяга к знаниям у болгарских юношей и девушек, но нет в

Османской империи ни одного болгарского университета или института, в котором они могли бы получить высшее образование. Поэтому они учатся за рубежом. В России болгары получали образование, как правило, за счет общественных или государственных стипендий, а порой их учебу оплачивали частные лица (купцы, дворяне, представители иных сословий). Царица жертвовала ежегодно 300 рублей серебром на обучение болгар в русских учебных заведениях.

Юрий Венелин выдвинул чрезвычайно плодотворную идею о создании эмигрантских центров болгарской литературы, поскольку в пределах Османской империи власти часто запрещали вести культурно-просветительскую работу, издавать литературные произведения (если они не отличались проправительственной ориентацией). И действительно, возник ряд болгарских культурных центров вне Турции. В России самыми крупными центрами болгарской эмиграции стали Одесса и Москва. В этих городах болгарские эмигранты активно подготавливали освобождение родины, содействовали просвещению нации, ее культурному развитию. Часто литература эмигрантов была более выразительной, чем зажатое в тиски цензуры, во многом закрытое для передовых веяний литературное творчество внутри страны. Именно она-то нередко являлась авангардом болгарского литературного процесса, определяя его направленность.

В 40-е – 60-е годы XIX в. роль такого авангарда сыграла болгарская одесская эмиграция. Проживавший в Одессе болгарский торговец В. Априлов (1789–1847) был ярким грекоманом, но уже первая книга Ю.И. Венелина потрясла его, как бы воскресила для него родину, вернула ему болгарское самосознание. Под влиянием Венелина он стал болгарским патриотом-будителем, идеологом просветительского движения. В 1835 г. он на свои средства основал Габровское училище – первую светскую общедоступную школу, куда принимали учиться детей всех сословий, где обучение было бесплатным. Вместе со своим единомышленником Н. Палаузовым он помогал и другим светским школам, открывшимся в разных городах Болгарии. В 40-е гг. XIX в. Априлов стал одним из лидеров в литературной жизни болгарской одесской эмиграции. В 1841 г. им была издана в Одессе книга «Денница ново-болгарского образования» (на русском языке), а в 1842 г. – «Дополнение к книге». В этих трудах историко-филологического характера Априлов осуждал эллинофильские увлечения некоторых болгарских просветителей, став приверженцем русского культурного влияния.

Одесский воспитанник Найден Геров (1823–1900), окончивший Ришельевский лицей (1840–1845), написал в 1845 г. первую в болгарской литературе поэму «Стоян и Рада», отмеченную печатью сентиментализма.

Произведение Герова положило начало жанру поэмы в национальной литературе. Геровым написаны также интимные сентиментальные стихотворения и поэтические миниатюры (послания, эпиграммы, вакхические песни). Писатель является родоначальником жанра путевых заметок, в которых обнаруживает талант рассказчика и психолога. Геров оставил также ценные филологические труды. В 1856 г. он выпустил в Санкт-Петербурге «Болгарский словарь» (вып. 1). Им составлен фундаментальный пятитомный «Словарь болгарского языка с толкованием слов на болгарском и русском» (включивший более 70 тыс. слов). Этот словарь, вышедший в 1894–1905 гг., стал настольной книгой Ивана Вазова, П.П. Славейкова и других писателей. Он не потерял своей научной значимости до наших дней. Творчество Герова знаменовало собой начало истинно художественной болгарской поэзии, приходившей на смену во многом наивным и несовершенным по форме даскальским опытам в области дидактического стихотворчества. Благодаря сочинениям Герова, национальная поэзия обогатилась новыми ритмами, силлабическим стихосложением, приобрела звучность. От синкретической письменности болгарская литература идет к обословлению художественного творчества.

Добри Чинтулов (1822–1886), обучавшийся в училище Одессы с 1840 по 1843 гг., а позднее, в 1849 г., окончивший херсонскую духовную семинарию, сформировался как поэт в России. Его стихи патриотического содержания («На Балканах», «Где ты верная, любовь народная?» и др.) отличает прямое, экспрессивное выражение освободительных идей. Поэт увлекся болгар идеалами свободы, обличая рабство и прославляя героизм подвига. Песни Чинтулова стали гимнами освободительной борьбы и распевались по всей Болгарии. Вера в скорое освобождение родины связана у поэта с бесконечно дорогой ему идеей общеславянского братства. Д. Чинтулов вспоминал, что под прямым воздействием стихотворения русского славянофила А.С. Хомякова «Орел», в котором звучал призыв к объединению славян, он написал песню «Восстань, восстань, юнак балканский», где выражена та же идея.

Известный болгарский просветитель, даскал Ботю Петков (отец Христо Ботева) также был воспитанником русской школы. Он обучался в Одессе в духовной семинарии в 1840–1844 гг. Б. Петков мечтал и сына отправить на обучение в Россию. Он обратился с просьбой к Найдену Герову: «Получив образование в России, я пламенно желаю, чтобы и сын мой воспитался в России, единоверной, единокровной». Мечта его сбылась.

Христо Ботев (1848–1876) приехал в Одессу осенью 1863 г. в пятнадцатилетнем возрасте и стал стипендиатом местной гимназии. Подросток жадно читал произведения русских классиков, следил за развернувшейся

в периодике полемикой между либералами и революционными демократами. Увлёкся идеями Бакунина и Нечаева. Боготворил А.С. Пушкина. Во время учебы в Одессе юноша часто декламировал наизусть произведения русского поэта (о чем вспоминал его однокашник Иван Андонов). Эпиграфом стихотворения Ботева «Юрьев день» стали пушкинские строки из стихотворения «Свободы сеятель пустынный». Но лирический герой Ботева — не «сеятель пустынный», осознавший, что рано вышел сеять семена свободы, а человек, уверенный в своевременности своего дела. Воздействие Пушкина на поэзию Ботева идет по линии вольнолюбивых мотивов, что же касается ритмики ботевского стиха, то она восходит к болгарскому фольклору. В России началась творческая деятельность молодого поэта. Здесь им написаны первые стихотворения: «Моей матери», «К брату», «Беглянка» и др. Уже в этих ранних стихах раскрываются особенности его поэзии: страстность, гражданственность, прекрасная художественная форма. Поэта гнетут одиночество и сознание того, что никто не слышит «плач народный». Творчество Ботева — вершина болгарской поэзии эпохи Возрождения. Одна книга вышла при его жизни — «Песни и стихотворения Ботева и Стамболова» (Бухарест, 1875). Двадцать стихотворений, написанных поэтом, принесли ему бессмертие. В последующих стихах («Элегия», «Борьба», «Юрьев день», «В корчме») поэт изобличает рабство, рисуя страдания болгар. Произволу, злу противостоит герой ботевских произведений гайдук, борющийся за освобождение отчизны, воплотивший идеал поэта. Гайдуцкое движение прославляется поэтом в стихотворениях и балладах «Беглянка», «Хаджи Димитр», «На прощанье», «Показалось облако темное». К произведениям, посвященным гайдукам, примыкают стихи, воспевающие подвиг революционеров, боровшихся за освобождение Болгарии («Моей первой любви», «Моя молитва», «Казнь Василя Левского»). Решимость продолжить дело Левского звучит в «Моей молитве»:

*Укрепи мне, Боже, руку,
Чтоб, когда народ восстанет,
Я пошел на смерть и муку
В боевом народном стане.*

Поэт предвидел свою судьбу, он пожертвовал жизнью ради свободы Отечества. Жизнь Ботева гармонична, ее характеризует слияние слова и дела. Всего 27 лет прожил поэт, но он обессмертил свое имя и борьбой за болгарскую свободу, и блестящей публицистикой, и гениальной поэзией. Творчество Ботева принадлежит как болгарам, так и всему человечеству. Его произведения переведены на 33 языка мира.

Васил Друмев (1841–1901) также получил образование в России, где прожил 10 лет. Он окончил Одесскую духовную семинарию (1858–1865), затем Киевскую духовную Академию (1865–1869). Его творческая деятельность началась в России. Свою первую повесть «Несчастное семейство» он написал в Одессе и опубликовал в 1860 г. в журнале «Български книжици». Вторая повесть – «Ученик и благодетели» также написана в Одессе и опубликована в 1864 г. в газете «Съветник». Друмев был одним из первых представителей болгарской эстетической мысли, зародившейся в 50-е – 70-е гг. XIX в. В 1872 г. он опубликовал драму «Иванко, убийца Асена I». При написании пьесы Друмевым был использован и творчески переосмыслен опыт трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». В пьесе Друмева народ является не только весьма существенным фоном, но и активной действующей силой. Сложный, противоречивый образ боярина Иванко, убившего царя Асена, перекликается с образом пушкинского Бориса Годунова. Вместе с тем у болгарского писателя не было механического подражания русскому автору. Сюжет, проблематика, характеры пьесы Друмева глубоко национальны. Русская литература послужила стимулятором становления болгарской национальной литературы. В 1873 г. Друмев принял духовный сан и стал крупным церковным деятелем. Он был одним из основателей Болгарской академии наук и ее председателем (1898 г.). После освобождения Болгарии он активно участвовал в политической и культурной жизни страны. За свое русофильство он был арестован С. Стамболовым и заточен в монастырь (1893). Освобожден в 1894 г., после смерти Стамболова. Но репрессии не сломили его, он не отказался от своих русофильских убеждений. Васил Друмев вошел в историю болгарского Возрождения как личность поистине ренессансной многогранности. Родоначальник национальной беллетристики, талантливый драматург, литературный и театральный критик, педагог, публицист, ученый, он в то же время был активным общественным и политическим деятелем, одним из последовательных поборников болгаро-русского сотрудничества, культурного сближения славянских народов.

Одним из основных культурно-просветительских центров болгарского возрождения за пределами Османской империи была Москва. Болгары-питомцы московских учебных заведений стали крупными писателями и критиками, учителями и учеными, общественными, культурными и политическими деятелями. Среди них Н. Бончев, М. Дринов, Р. Жинзифов, Л. Каравелов, К. Миладинов, Н. Михайловский, В. Попович, Г. Бусилин, С. Филаретов и многие другие. В Московском университете учился Никола Катранов – прототип Инсарова в романе И.С. Тургенева «Накануне». В 40-е – 70-е гг. XIX в. в Москве обучались более 100 болгар. Москва в

середине XIX в. была одним из центров болгарского книгопечатания. Здесь были опубликованы на болгарском языке книги Г. Бусилина, К. Миладинова, Р. Жинзифова и др., в начале 1860-х гг. группой болгарских студентов издавался журнал «Братский труд». В Москве же увидел свет и ряд книг болгарских авторов на русском языке. Многие болгары были тесно связаны с представителями московской профессуры М.П. Погодиным, О.М. Бодянским, С.П. Шевыревым и др., деятелями-славянофилами и сторонниками других общественно-политических течений. Большую помощь болгарам, стремившимся получить образование, оказывали славянофилы. В 1858 г. был создан Московский славянский комитет, действовавший вплоть до 1878 г. Славянофилы поддерживали молодых болгар, оказывая им материальную помощь, помогая советами, изданием их трудов. И.С. Аксаков периодически публиковал произведения В. Поповича, Р. Жинзифова в журнале «Русская беседа», в газете «День». В 1859 г. в «Русской беседе» было опубликовано произведение В. Поповича «Отрывок из рассказов моей матери. Поездка в виноградник». Болгары жадно впитывали не только идеи славянофилов, но и мысли революционных демократов – Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Сплав этих веяний захватывал болгар, содействовал шлифовке их сознания, выработке собственных позиций.

Константин Миладинов (1830–1862) – просветитель эпохи Возрождения, поэт, борец за национальную независимость, фольклорист, учился в Москве. В 1856 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1860 г. Участь в университете, он писал ностальгические стихи о своей родине («Тоска по югу»). Вместе со старшим братом Димитром Миладиновым он работал над составлением фольклорного сборника «Болгарские народные песни». Этот сборник, изданный в 1861 г. в Загребе на болгарском языке, имеет огромное значение для развития национальной культуры. К собиранию народных песен болгар призывали Венелин, Григорович, Срезневский, Вук Караджич. Константин Миладинов высоко ценил русскую литературу. Он ожидал помощи России в освобождении болгар. Братья Миладиновы боролись против иноземного угнетения и ассимиляторской политики османских властей и греческого духовенства, за что и поплатились: в 1862 г. власти заточили их в тюрьму, где они погибли.

Нешо Бончев (1839–1878) – первый профессиональный критик в болгарской литературе также получил образование в России. Сначала он закончил Киевскую духовную семинарию (1858–1861), а затем Историко-филологический факультет Московского университета (1861–1866). В университете он учился на средства Южнославянского благотворительно-

го общества, будучи его стипендиатом. Он изучал древние и современные иностранные языки, знакомился с творчеством Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гете, Данте, античных писателей. После окончания университета он не вернулся в родной город Панагюриште, а остался в Москве, где преподавал классические языки в Первой московской гимназии и в Лазаревском институте. В мае 1869 г. принял русское подданство. Русское правительство наградило Бончева орденами «Святой Анны» третьей степени (1872 г.) и «Святого Станислава» второй степени (1875 г.). Фактически всю свою короткую творческую жизнь он прожил в Москве, где получил высшее образование. Бончев пропагандировал лучшие образцы мировой классической литературы, он впервые перевел на болгарский язык «Илиаду» Гомера, «Разбойников» Шиллера, «Тараса Бульбу» Гоголя. В статье «Европейские писатели-классики и польза от изучения их сочинений» критик выступал против засилия безвкусицы и серости в болгарской словесности, считая, что литература должна сеять в темной народной среде семена сознательной жизни, призывал изучать классику и, в первую очередь, русскую литературу, с помощью которой, как надеялся критик, его соотечественники смогут приобщиться к европейскому Просвещению.

Болгарский поэт, публицист, общественный деятель Райко Жинзифов (1839–1877), подобно Нешо Бончеву, был русским воспитанником, а позднее (с 1866 г.) – гражданином России. Он приехал в 1857 г. в Одессу восемнадцатилетним юношей, записался в духовную семинарию, а в конце 1858 г. переехал в Москву, где учился на Историко-филологическом факультете Московского университета (1860–1864). Его учебу оплачивал Славянский благотворительный комитет, стипендиатом которого был поэт. В университете Жинзифов попал под доброжелательную опеку известного слависта, профессора О.М. Бодянского, в архиве которого сохранились курсовые работы студента-болгарина. Юноша был тесно связан и с другими представителями московской профессуры – М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, П.И. Бартеневым. Студент был членом Московской болгарской дружины (объединение обучающихся в России болгар), которая ставила своей целью знакомить русских с жизнью соотечественников, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарских юношей в Россию для усовершенствования в науке. В эту дружину входили также Л. Каравелов, К. Миладинов, Х. Даскалов, Н. Бончев, Г. Теохаров, В. Попович и др. На собраниях дружины обсуждались произведения ее членов, изучались филологические, социальные, политические вопросы. Дружина издавала журнал «Братский труд» (1860–1862), который выходил на болгарском языке. Жинзифов опубликовал в этом журнале ряд патриотических стихотво-

рений, рассказ «Прогулка», статью «Два слова к читателям». Он был не только автором, но и редактором журнала. В Москве он сблизился со славянофилами (И.С. Аксаковым, Н.А. Поповым), которые оказывали ему и материальную, и моральную поддержку. Иван Аксаков высоко ценил талант Жинзифова и считал, что этим питомцем Московский славянский комитет может по праву гордиться. Жинзифов преподавал греческий язык в московских гимназиях. Одновременно он писал стихи и статьи, публикуя их в русской и болгарской периодике. Первую свою книгу «Новоболгарский сборник» («Новобългарска сбирка») Жинзифов опубликовал в Москве в 1863 г. на болгарском языке. Эта книга содержит как оригинальные стихотворения поэта, так и переводы в стихах отрывков из «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи», произведений Тараса Шевченко. Стихи Жинзифова и его поэма «Кровавая рубашка» («Кървава кошуля», 1870), написанные в романтическом духе, отражали тяжелую судьбу болгарского народа под османским игом. Жинзифов был талантливым публицистом. В своих статьях он информировал русских читателей о трудной жизни в поработанном отечестве, о развитии возрождающейся национальной культуры, публикуя статьи в русских периодических изданиях «Москва», «День», «Москвич», «Московские ведомости», «Современная летопись», «Православное обозрение», «Русский архив». Печатался он и в болгарской периодике, в изданиях «Дунавска зора», «Българска пчела», «Народност», «Македония», «Свобода», «Век», «Време», «Периодическо списание», «Български книжици», «Читалище». Он творил на двух языках: болгарском и русском (на болгарском языке Жинзифов писал поэтические произведения, на русском – публицистику). В своей яркой публицистике, опубликованной в России, Жинзифов поведал русскому читателю, к каким роковым последствиям привело многовековое иноземное иго, – массовому физическому истреблению болгар, отуречиванию, подавлению всякой духовной деятельности. Жинзифов рассказал русским людям об опасности для болгарской культуры ассимиляторской деятельности фанариотов, направленной на эллинизацию болгар, на изгнание болгарского языка из церквей и училищ, на уничтожение славянской письменности. Боль Болгарии, благодаря публицистике возрожденца, становилась болью России. В 1871 г. Жинзифов публикует ряд литературно-критических статей в сборнике «Поэзия славян», изданном русским поэтом, переводчиком, библиографом Н.В. Гербелем в Санкт-Петербурге, в типографии императорской Академии наук. Жинзифов принял активное участие в работе над болгарскими разделами сборника «Поэзия славян». Он составил два раздела: болгарские народные песни и современные поэты Болгарии.

Кроме того, Жинзифов написал для сборника статьи: «Болгарская литература», «Раковский», «Петко Славейков», «Любен Каравелов», «Жинзифов». Писатель принимал участие во многих культурных начинаниях болгарской и русской интеллигенции. В мае 1867 г. в Москве состоялся первый славянский съезд, на котором поэт проявил себя как блестящий оратор: он произнес зажигательную речь, нашедшую живой отклик у слушателей. Поэт призывал русских освободить болгар от многовекового ига, восстановить независимость Болгарии. Эта пора наступила через 10 лет. Лишь года не дожидаясь Жинзифов до освобождения Болгарии, но своей деятельностью он приблизил его.

Любен Каравелов (1834–1879) приехал в 1857 г. в Москву, где прожил 10 лет (1857–1866). Эти годы сыграли важную роль в формировании мировоззрения Каравелова, в пробуждении его интереса к литературе. Серьезное знакомство с русской художественной литературой и эстетической мыслью, несомненно, отразилось на идейно-творческих позициях болгарского писателя. В 1858 г. Каравелов стал вольнослушателем Историко-филологического факультета Московского университета. В течение пяти лет он получал стипендию члена Славянского благотворительного комитета В.А. Кокорева. Экзаменов студент не сдавал, диплом получить не стремился, но лекции посещал вплоть до 1864 г. (в частности, лекции О.М. Бодянского по «славянским наречиям», С.М. Соловьева по русской истории, С.В. Ешевского по всеобщей истории). Каравелов сблизился со славянофилами и учеными-славистами М.П. Погодиным, В.И. Ломанским, А.И. Афанасьевым, Н.А. Поповым и другими. В то же время он посещал запрещенные революционные кружки, за что подвергался обыску и полицейскому надзору. Юноша зачитывался произведениями Гоголя, Достоевского, Шевченко, Чернышевского, Писарева, Белинского. Именно в России сформировался Каравелов-писатель. Первые стихи, переводы, критические статьи Каравелов опубликовал в 1860 г. в журнале «Братский труд». В 1861 г. он выпустил в Москве сборник «Памятники народного быта болгар», в котором представлены сказки, пословицы, поговорки, описаны народные обряды, поверья, обычаи. В работе над этой книгой ему помогал русский этнограф, публицист, историк, участник революционного движения Иван Прыжов. Первое прозаическое произведение Л. Каравелова – рассказ «Атаман (из болгарских нравов)» написан на русском языке и опубликован в 1860 г. в газете «Наше время». Вслед за ним в русской периодической печати появляются написанные на русском языке повести и рассказы Л. Каравелова: «Неда» («Русский вестник», 1861), «Бедное семейство» («Русские ведомости», 1862), «Дончо», «На чужой могиле без слез плачут», «Турецкий паша»

(«Санкт-Петербургские ведомости», 1864, 1866). В 1867 г. на страницах «Отечественных записок» появилась повесть Л. Каравелова «Болгары старого времени». Все повести и рассказы Л. Каравелова, опубликованные в русской периодической печати, были объединены в сборник «Страницы из книги страданий болгарского племени», вышедший в Москве в 1868 г. В посвящении к книге Л. Каравелов написал: «Эти слабые очерки быта несчастной моей родины писаны мною на Руси, и теперь я братски посвящаю их тем русским людям, сердцу которых близко великое дело славянской свободы». В прозе Л. Каравелова ошутимо влияние русской и украинской литературы (прежде всего произведений Н.В. Гоголя, Н. Г. Чернышевского, М. Вовчок).

Из русских воспитанников выросли в высшей степени богатые в интеллектуальном отношении творцы, которые сыграли выдающуюся роль в формировании болгарской культуры, как в эпоху Возрождения, так и в период после Освобождения Болгарии. Их произведения вошли в золотой фонд болгарской классики.

Сердца русских людей все больше тревожат страдания болгар, угнетаемых турками. Болгарские мотивы появляются в произведениях русских писателей. Романтик А.Ф. Вельтман написал повесть «Райна, королева болгарская» (1843), в которой описывался поход в Болгарию русского князя Святослава в эпоху Первого Болгарского царства. Главным героем романа И.С. Тургенева «Накануне» (1860) является болгарин – Инсаров, прототипом которого, как сказано выше, был молодой болгарский поэт Николай Катранов. В образе Инсарова – человека сильного характера воодушевленного благородной идеей борьбы за свободу родины, отразилась горячая симпатия Тургенева к болгарскому народу.

В 70-е гг. XIX в. наступает **четвертый – Освободительный этап**. Зверства турок во время Апрельского восстания 1876 г. вызвали бурное возмущение российской общественности и объявление Россией войны Турции 12 апреля 1877 г. Этот период нашел особенно яркое отражение в творчестве Ф.М. Достоевского, который был потрясен равнодушием Европы к массовому уничтожению болгар. В главе «Последнее слово цивилизации» в «Дневнике писателя» (июль–август 1876 г.), Достоевский писал: «Последнее слово цивилизации показало, прояснило: все (почти все) в данный момент отшатнулись от миллионов несчастных – христиан, людей, своих братьев, погибающих, опозоренных, – и ждут, ждут с надежной, с нетерпением, когда же их истребят – всех, как гадов, как клопов, и когда же замолкнут, наконец, все эти отчаянные и призывные вопли о спасении, вопли – досаждающие Европе, тревожащие ее. Именно гады, клопы,

даже еще хуже: десятки, сотни тысяч христиан уничтожаются, как вредная короста... На глазах умирающих братьев бесчестят их сестер, на глазах матерей подбрасывают вверх их детей – младенцев и пронзают их штыком; церкви уничтожаются дикой, гнусной, мусульманской ордой, противницей цивилизации... Разбойники действуют по указу, распоряжению министров и правителей государства, по указу самого Султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением... когда же, наконец, перебьют этих клопов! Мало того, что в Европе оспаривают факты, отрицают их в национальных парламентах, не верят, делают вид, что не верят. Все эти правители знают про себя, что все это – правда, все отводят глаза друг от друга: это не правда, этого не было, это преувеличено, это они сами перебили 60 тысяч болгар, чтобы свалить вину на турок»¹⁷.

Апрельское восстание 1876 г. потерпело крах, сокрушительное поражение. Турки потопили его в болгарской крови. В романе «Под игом» И. Вазов дал свою оценку этого события: «Апрельское восстание было недоноском, зачатом в упоении самой пламенной любви и задуманным своей матерью в ужасе от его рождения. Оно умерло, не успев пожить. Это восстание не имеет даже истории. Оно было кратковременным. Страшное пробуждение. А сколько мучеников! Сколько жертв! Сколько смертей! Если бы это движение и его трагические последствия не вызвали Освободительной войны, над ним нависло бы неумолимое осуждение; здравый смысл назвал бы его безумием, народы – позором, история – преступлением. Ибо история, эта старая куртизанка, тоже поклоняется успеху»¹⁸.

Если бы не было победоносной войны 1877–1878 гг., то на карте Европы не было бы Болгарии. Без этой войны болгар ожидала бы судьба курдов, которые ведут национально-освободительную борьбу за независимый Курдистан, но безуспешно. Нет государства, которое согласилось бы пожертвовать жизнями своих сыновей ради их свободы. Для болгар Апрельское восстание было героическим, а для османских властей – преступлением. Для болгар Васил Левский – герой, а для турок – преступник, которого повесили. Сегодня лидер национального движения курдов Абдулла Оджалан сидит в тюрьме, его не повесили только потому, что Турция стремится войти в Европейский Союз, который выступает против смертной казни. Но нет сегодня такой страны, которая отдала бы жизни 200 тысяч своих сыновей за независимость Курдистана. И вряд ли найдется. Потому что есть пример: потомки освобожденных могут назвать освободителей оккупантами.

Многие болгарские писатели эпохи Возрождения призывали Россию помочь освобождению болгар от турецкого рабства (Неофит Рильский,

Райко Жинзифов и др). Иван Вазов, с болью и гневом осуждая турецкие зверства, просил Россию помочь его соотечественникам:

*Как мы долго страждем
Горем край объят
Братья, ну когда же
Пушки загорят.*

(Перевод В. Луговского)

Вера в скорое освобождение Родины связывается у Вазова с бесконечно дорогой ему идеей общеславянского братства, с надеждой на помощь России. В поэтическом сборнике «Печали Болгарии» (1877) поэт с болью и гневом осуждал зверства турок, разгромивших Апрельское восстание 1876 г., учинивших резню населения в Батаке, спаливших дотла многие села и города, убивших тысячи детей, женщин и стариков. Тем, кто сегодня называет годы турецкого рабства «османским присутствием» (а такие формулировки встречаются ныне в болгарской прессе), не грех освежить в памяти стихи патриарха болгарской литературы, летописца эпохи болгарского Возрождения: «Муками ада», «Голгофой» называл он османское иго.

Будучи свидетелем жесточайшего подавления Апрельского восстания 1876 г., Вазов призывал Россию помочь своим соотечественникам. В стихотворении «Россия», написанном за пять месяцев до начала Русско-турецкой освободительной войны (в ноябре 1876 г.) Вазов вновь взывал о помощи:

*И мы тебя зовем святой,
И как сыны тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию –
Ждем, потому что ты Россия!*

(Перевод Н. Тихонова)

И Россия откликнулась на стон и клич Болгарии. После апреля 1876 г. Ф.М. Достоевский писал в «Дневнике писателя» (июнь 1876 г.): «Как же, однако, поступит Россия? Вопрос ли это?... Россия поступит честно – вот и весь ответ на этот вопрос. В чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно.

Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. В этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения»¹⁹.

Русский народ был единым (от мужика до царя) в своем стремлении помочь угнетенным болгарам. Мне не приходится далеко ходить за примерами. Мой прапрадед – предприниматель и меценат Тимофей Саввич Морозов входил в состав Славянского комитета, был членом «Болгарской комиссии» (вместе со славянофилом И.С. Аксаковым). Он финансировал «Болгарскую дружину» воинов-старообрядцев, сражавшихся на Балканах. А его жена Мария Федоровна Морозова (моя прапрабабка) вместе с женой И.С. Аксакова помогала сиротам, детям русских офицеров, погибших во время Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. Все слои русского общества объединяло, по словам Достоевского, «прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной помощи своему брату, распятому на кресте»²⁰. Достоевский, подчеркивал бескорыстие России в этой освободительной войне. Писатель ощущал боль от того, что тысячи русских солдат и офицеров погибли и никогда не увидят своих детей, жен, матерей, никогда не вернутся в Россию. И все же он считал, что освобождение болгар – высокая цель, долг более сильной славянской страны. Он полагал, что защита «униженных и оскорбленных» – «православное дело». Но он не исключал, даже был уверен, что самопожертвование русских воинов через 100 лет не будет оценено по достоинству. Некоторые факты современной действительности подтверждают это предвидение гения русской литературы. Достоевский предсказал, что спустя сто с лишним лет появятся псевдоученые, умаляющие роль России в освобождении Болгарии: «... настоящая, например, всенародная русская война, всего русского народа, с Царем во главе, поднятая против извергов за освобождение несчастных народов – эту войну оценили ли, наконец, славяне сейчас, как вы думаете? Но о сегодняшнем моменте я не говорю, притом, мы еще нужны Славянам, мы их освобождаем, но позднее, когда их освободим и когда они обустроятся – признают ли они эту войну великим подвигом, совершенным для их освобождения, решите сами. *Да ни за что* на свете не признают! Напротив, скажут, в качестве политической, а позднее и научной истины, что не будь во все эти сто лет освободительницы России, так они давно бы сумели сами освободиться от турок благодаря своей доблести или с помощью Европы, которая не будь на свете России, не только не имела бы ничего против их освобождения, но и сама бы их освободила. Это *хитрое учение*, наверно, существует у них уже и сейчас, а впоследствии оно неминуемо разовьется в научную и политическую ак-

сиому. Более того, даже о турках начнут говорить с большим уважением, чем о России... Они будут лебезить перед европейскими державами, будут клеветать на Россию, сплетничать о ней и интриговать против нее...»²¹. Русский пророк не ошибся.

Австриец О. Кронштайнер поучал в 2000 г. болгар: «Здесь, в Болгарии, существуют различные мифы – что, русские, мол, освободители. Это миф»²². Таково представление псевдоученого. А реальность – иная. Реальность заключается в том, что в 1878 г. после 500 лет небытия на карте Европы появилось вновь государство Болгария. И воссоздана была Болгарская держава благодаря русским воинам, сложившим свои буйные головы на алтарь болгарской свободы. К невежественным заявлениям Кронштайнера не привыкать. Чего стоит его предложение болгарам сменить кириллицу на латиницу!

Но порой аналогичные представления о русско-турецкой войне встречаются и у болгарских псевдоученых. В 2004 г. в Софии опубликована книга И. Лилова «“Освободительни” миссии на Русия – Съветския Съюз във и около България». Автор считает, что Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была не освободительной, а завоевательной, оккупационной: «Россия нас не освободила. Ей помешали завладеть нами. Мы освобождены, главным образом, Англией, а затем Австрией и болгарами, обладающими здравым разумом»²³. Далее читаем: «Князь Черкасский назначен губернатором оккупированной Болгарии»²⁴; «Граф Игнатъев – враг и убийца Болгарии»²⁵. Подобная ложь – на каждой странице книги. Автор искажает факты, фальсифицируя историю.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была святой, альтруистской войной, одной из немногих справедливых войн в истории человечества. Честь и хвала болгарскому народу, который не позволил снести памятник царю – освободителю Александру II ни во времена фашизма, ни во времена тоталитаризма! Прав был Иван Вазов, называвший русских воинов-освободителей «рыцарями добра».

Примечания

¹ Эти слова написали одесские болгары на памятнике, который они воздвигли в 1841 г. на могиле Венелина, находившейся в Даниловом монастыре.

² Молнар И. Черты частной ученой жизни Ю.И. Венелина // Венелин Ю.И. Историко-критические изыскания. М., 1849. Т. 2.

³ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829. Т. 1. С. 11

⁴ Русский архив. 1882. № 6. С. 145.

- ⁵ Венелин Ю.И. О зародыше новой болгарской литературы. М. 1837. С. 10.
- ⁶ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре... С. 16.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 2. С. 65.
- ⁹ Там же. С. 65.
- ¹⁰ Венелин Ю.И. О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835. С. 36–37.
- ¹¹ Белинский В.Г. Указ. соч. С. 66.
- ¹² Цит. по: Пенев Б. История на новата българска литература. София, 1933. Т. 3. С. 636.
- ¹³ Каравелов Л. Памятники народного быта болгар. М., 1961.
- ¹⁴ Войников Д. Избрани произведения. София, 1978. С. 22.
- ¹⁵ Априлов В. Денница новоболгарского образования, Одесса, 1841. С. 93.
- ¹⁶ Венелин Ю.И. О зародыше новой болгарской литературы. С. 29–30.
- ¹⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 23. С. 45.
- ¹⁸ Вазов И. Събрани съчинения в 20 тома. София. Т. 12. С. 351–352.
- ¹⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 45.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 211–212.
- ²² «Литературен фронт». 2000. № 21.
- ²³ Лилов И. «Освободителни миссии» на Русия – Съветския Съюз във и около България. София, 2004. С. 148.
- ²⁴ Там же. С. 103.
- ²⁵ Там же. С. 104.

М.Ю. Анисимов

(Институт российской истории РАН)

Болгария

в воспоминаниях военного писателя

Б.Л. Тагеева

Борис Леонидович Тагеев (1871–1938) в начале XX в. уже был известным писателем. Под псевдонимом Рустам-Бек он поместил в российских журналах захватывающие репортажи о Памирской экспедиции 1892–1893 гг., в которой сам участвовал в качестве вольноопределяющегося, а затем прапорщика. Из армии Тагеев уволился в 1901 г. в чине поручика. К 1904 г. он – автор уже семи книг, в том числе трех художественных, некоторые из которых переизданы в наши дни в России.

Борис Тагеев был примечательной личностью, в поисках приключений объездившим полмира. Он родился в Петербурге (дед его был крещеным иранцем), но детство его прошло в Фергане, куда переехала семья. Помимо Памирской экспедиции, совершил инкогнито путешествие по Афганистану (где две недели провел в местной тюрьме), добрался до Индии и оттуда морем вернулся в Европу. Участвовал в четническом движении в Македонии в 1903 г., в русско-японской войне 1904–1905 гг. Во время обороны Порт-Артура попал в плен, где увлекся революционными идеями. По возвращении на родину был арестован, но ему удалось бежать обратно в Японию, откуда Тагеев сумел перебраться в Гонконг. Средства на пропитание давало журналистское ремесло. Спустя некоторое время через Филиппины, Австралию и Соединенные Штаты Тагеев переехал во Францию, стал коммивояжером. Начало Первой мировой войны застало его в Лондоне. Как военный журналист он получил звание подполковника английской армии. После войны Тагеев осел в США и в 1919 г. начал активно сотрудничать с представителем Советской России в стране К. Мартенсом. В 1920 г. после закрытия советской миссии Тагеев вернулся на родину. Здесь он занимался издательской деятельностью, сотрудничал с журналами, некоторое время провел в командировке в Китае. Последнее место работы – консультант киностудии «Союздетфильм». В октябре 1937 г. последовал арест, и 4 января 1938 г.

обвиненный в шпионаже 66-летний писатель был расстрелян. (В 1976 г. Тагеев посмертно реабилитирован).

Описания Тагеевым борьбы македонских чет с турками, публиковавшиеся в «Русском вестнике» в 1903–1904 гг. под названием «Из македонских воспоминаний русского добровольца», до сих пор известны гораздо меньше, нежели снискавшие уважение востоковедов памирские репортажи. С декабря 1903 по июль 1904 г. «Русский вестник» опубликовал только семь частей воспоминаний Тагеева. Хронологически изложение было доведено до начала боевых действий четы, в которой состоял автор, в Македонии¹. На этом публикация прекратилась, скорее всего, потому, что Тагеев, писавший свои воспоминания в Ницце (здесь вместе с боевыми товарищами он занимался пропагандой македонского движения), в марте 1904 г. отправился на Дальний Восток, где разгоралась русско-японская война, а в июле того же года оказался в плену.

Македонские зарисовки Тагеева включают не только описания похода четы подполковника Стефана Николова, действовавшей под командованием генерала Ивана Цончева: свой путь в восставшую Македонию автор начал из Болгарии, и ей уделил заинтересованное внимание. В эту страну Тагеев попал впервые, судя по всему, мало что знал о ней, а прежние его представления сложились под воздействием господствовавших в России в то время стереотипов, вызванных во многом длительным охлаждением русско-болгарских отношений. Непосредственные впечатления и характеристики болгарской действительности обретают в связи с этим особую важность, тем более что, по словам биографов писателя, Тагеев «умел давать верные, нередко отличающиеся от общепринятых, оценки»².

В Софии Тагеев оказался в начале осени 1903 г. Круг его общения в болгарской столице – офицеры, сочувствовавшие македонскому движению, сами македонские повстанцы. Ожидая отправки к месту сбора четы, писатель много гулял по Софии, знакомился с болгарскими порядками, нравами и бытом населения.

Как и многих русских, Тагеева особенно интересовал вопрос о причинах обострения отношений между Россией и Болгарией, между освободителем и освобожденным. Но судя по запискам писателя, этот вопрос не был безразличным и для болгар. Уже в первом разговоре с неким «полковником Пским из Шумлы», русским выучеником, прекрасно говорившим по-русски, Тагееву пришлось давать по просьбе собеседника свою версию событий. На вопрос о причинах разрыва отношений Тагеев ответил по-военному кратко: во всем виноват русофоб Стамболов. Характерно, что болгарин явно ожидал подобного ответа: с жаром он начал обстоятельно доказывать, что считать так – это глубочайшая ошибка, что следует различать Стамболова

и поздних его последователей, отчасти виновных в разрыве отношений. По словам полковника, русский воспитанник и семинарист Стамболов был русофилом, но на первом месте для него была Болгария. Отказ Стамболова следовать за Россией болгарин объяснял ясным пониманием болгарским лидером, что большего от России его страна получить не сможет, что отсутствие хозяйственных связей и нужды друг в друге двух аграрных экономик, равно как и различия в политическом строе, требуют прагматичного подхода при определении задач внешней политики Болгарии. И именно такому подходу страна обязана своим бурным развитием – расширением железнодорожной сети, прокладкой шоссейных дорог, высоким уровнем грамотности населения (78%), сильной армией. Вместе с тем полковник отметил весьма далекие от совершенства методы управления Стамболова, приведшие, в конечном счете, к падению его режима.

Тагеев не мог ничего возразить, а после посвятил отдельное описание увиденному им в Софии. «С недоумением оглядываешь все эти прекрасные здания, электрические трамваи, чудесные магазины, кафе, переполненные народом, отличные фаэтоны, запряженные парами, и оживленную толпу, движущуюся вдоль улиц», – писал он ³. Явно, что увиденное сильно отличалось от ожидаемого: в представлениях Тагеева София – типичный азиатский городок с несколькими мечетями и приземистыми зданиями, а тут перед ним столица европейского государства. Поразила культурная жизнь города с небольшим числом жителей (42 тысячи) – издавалось несколько десятков газет, действовали университет, библиотеки, музеи, типографии, четыре гимназии и ряд прогимназий и училищ. Внешний облик и поведение европеизированной болгарской молодежи резко контрастировали с представителями старшего поколения, помнившими ужасы турецкого ига и несшими на себе отпечаток прежней жизни, до Освобождения.

Отметил Тагеев и отличие в лучшую сторону Софии от европейских городов – отсутствие западного «разгула». На улицах мало женщин, они предпочитают домашние занятия и без дела на улице не выходят. Вообще «болгарские женщины отличаются удивительными качествами семейности и высоконравственной» личности, – констатировал писатель ⁴. Несколько имевшихся шантанов посещали только деклассированные элементы, уличной проституции не было.

С теплотой отзывался Тагеев и о местном населении: болгары – «народ очень скромный и довольствуется очень небольшим в смысле жизненных удобств; зато в области науки, образования их жажда переходит даже все ожидания. Я поражаюсь тою любознательностью, начитанностью и вообще умственным развитием массы, которые мне пришлось наблюдать за время моего пребывания в Болгарии» ⁵.

При высоких оценках культурной жизни Софии Тагеев вместе с тем критически отметил недостаточное развитие театрального искусства: в столице действовала только одна профессиональная труппа, финансируемая правительством. Имелся ряд балаганов, не имевших отношения к искусству. По этой причине, писал он, болгары, кроме побывавших за границей, не знакомы с оперой и в массе своей вообще не стремятся заниматься музыкой. Но в софийском военном училище по распоряжению военного министра во время обедов и ужинов играл военный оркестр. Как объяснили Тагееву офицеры, делалось это в том числе и для развития у кадетов музыкального слуха.

О военном училище – гордости болгарской армии – Тагеев оставил восторженные отзывы, посетив его по приглашению друзей-офицеров. Его сопровождавшие подчеркивали, что своим блестящим состоянием военное училище обязано в первую очередь русским военным, которые создавали его и содействовали дальнейшей деятельности. Их имена произносились болгарам с особым уважением. Рассказ о посещении училища Тагеев завершил словами: «Всюду и везде только и речи, что хвалят нас братушки, только и слышишь одно: “Вся наша надежда на русский народ”»⁶.

Высоких оценок удостоилась в записках Тагеева и боеспособность болгарской армии, сумевшей отразить наступление сербов в войне 1885 г. И это при том, что она была лишена отозванных в Россию командиров, а собственное офицерство было молодым по возрасту и не имело боевого опыта. Заинтересовала писателя и болгарская национальная обувь – опинцы, использовавшаяся в горных походах и регулярной пехотой. В Македонии опинцы обували повстанцы, справедливо считая их идеальными для действий в горах. Тагеев удивлялся, почему же русская пехота мучается в грубых сапогах?

Особое внимание писатель уделил вопросу о взаимоотношениях русских и болгар после Освобождения. В повстанческих четах в Македонии, отмечал он, участвовали всего лишь пятеро русских добровольцев, включая самого Тагеева. Причина, считал он, заключалась в том, что восстание в Македонии, имевшее ярко выраженный революционный характер, не так горячо было воспринято русской общественностью, как в свое время восстание в Боснии и Герцеговине. Кроме того, Тагеев полагал, что «благодаря славянофобам, у нас в России распространен возмутительнейший слух о какой-то пресловутой “неблагодарности братушек”»⁷. Это слух Тагеев неоднократно опровергал на страницах македонских воспоминаний, подчеркивая его недоказанность, или общие ссылки на «стамбуловщину». Тагеев в связи с этим писал: «Какое заблуждение, какое непонимание психологии болгарского народа. А я скажу, что нет русофобов среди болгар,

каждый заядлый стамбуловец в душе русофил, он только враг нашей современной иностранной политики. Изучая теперь болгарский народ [...], я безусловно пришел к заключению, что русский человек одинаково близок и цанковисту, и стамбуловцу, и народнику, и только лишь партия социалистов, эта ничтожная кучка преимущественно русских эмигрантов, ненавидит нас и здесь, как ненавидит она весь мир, все человечество»⁸.

В записках Тагеева много примеров дружелюбного отношения болгар к русским и России. Вот как передал он слова македонского повстанца-священника о Стойо Тройкова: «Братушка, русский! – повторял он полупотом, пока я говорил ему о своем намерении идти с повстанцами против турок. – Вот она, наша “Освободителька”, не оставляет нас..., посылает к нам на помощь юнаков. Вся надежда у нас на нашу “Великую Освободительку”, не оставит нас русский царь на гибель от руки нечестивых»⁹.

Еще более рельефно вывод Тагеева о прорусских настроениях народа подтверждает описанная им сцена на постоялом дворе в маленькой деревушке Кранец, на пути к месту сбора четы: «Все присутствовавшие, кроме социалиста-учителя, были ярые стамбуловцы; сам хозяин тоже признавал себя таковым же, но это не мешало, чтобы вся хата была украшена портретами русских государей и даже картиной, на которой изображено священное коронование... императора Николая II. Я повел разговор на тему об освобождении Македонии, и в конце концов мои стамбуловцы с умилением качали головами и приговаривали: “Да без России ничего не сделать, наша освободителька не оставит и македонцев”. Где же в Болгарии настоящий стамбулизм среди народа? – Нет его. Болгары все русофилы и любят Россию...»¹⁰. Схожие настроения отметил Тагеев и в болгарской армии: офицеры в Дупнице во время обеда, на который пригласили писателя, провозглашали тосты за Россию и своих русских наставников-офицеров.

Свидетелем еще одной сцены Тагеев оказался уже в Македонии, во время похода четы. Один из четников, в прошлом разбойник, человек свирепый и недисциплинированный, не повиновавшийся командирам, на привале сосредоточенно чистил винтовку, а затем подошел к писателю со словами: «Наша освободителька, русская берданка» и поцеловал ствол оружия. Этот эпизод вызвал у Тагеева сильное эмоциональное потрясение. «Какой грех, какая черная несправедливость называть этих несчастных братушек неблагодарными, не помнящими тех жертв, которые принесла им великая освободительница! Даже ружье эпохи освобождения славян представляется для него чем-то особенным, святым; он целует его как “свою освободительку”. Как же должен относиться болгарин к тому народу, который поражал из этого ружья врагов славянства, который с беззаветным мужеством умирал с этим же ружьем в руках за великую идею освобождения!»¹¹

В воспоминаниях Тагеев не обошел вниманием и вопрос о позиции болгарских властей. Их отказ поддержать восстание «братьев-македонцев» и борьба против отправлявшихся в Македонию четников вызвали осуждение автора. Крайне скептически отнесся он и к заявлению болгарского правительства о том, что Европа сковывает действия Болгарии и что болгарская армия не готова воевать. Писатель привел слова председателя Македонско-одринского комитета С. Михайловского на панихиде по погибшим в Македонии офицерам: «“Мы не готовы”, – говорит нам наше правительство. Какой вздор! Но что бы мы делали, когда бы турки ворвались в пределы Болгарии, – стали бы мы рассуждать о готовности? ... Оно, наше правительство, подняло восстание, оно вызвало резню христиан и теперь вдруг отвернулось от Македонии под предлогом недостаточной подготовки к войне. Народ болгарский желает войны, армия наша готова к ней, момент наступил сразить нашего исконного врага, – ждать нечего...»¹².

Оценивая внутриполитическую ситуацию в Болгарии, Тагеев отметил основную, по его мнению, проблему – «партийность», то есть обилие в обществе разнородных, борющихся друг с другом партий и организаций. Именно эта «партийность», констатировал он, и не дает возможности болгарам сделаться главарями на Балканском полуострове, она-то и служит главным источником всех бед, которые переживает болгарский народ»¹³. В качестве одного из примеров Тагеев указал на борьбу внутри самого македонского движения – между сторонниками руководителей Внутренней македонской организации Х. Татарчева и Б. Сарафова и лидеров Верховного македонско-одринского комитета С. Михайловского и И. Цончева. Сам Тагеев всецело был на стороне последних, обвиняя их противников во властолюбии, саморекламе, террористических методах действия, вплоть до покушений и убийств командиров повстанцев, предательстве чет, организованных комитетом.

Позитивное в целом восприятие болгарского народа не помешало писателю констатировать и отдельные негативные проявления, свидетелем которых он был. Нелестными словами он характеризовал поступок нарушившего слово офицера капитана Колева, преследовавшего чету Николова; явно «не по нутру» были для него самомнение и заносчивость боевого товарища – капитана Винарова; не мог он оправдать и софийского портного Ванева, не постеснявшегося втридорога запросить за свою работу, притом, что сшитые им для офицеров-повстанцев мундиры оказались обуженными и неудобными. Не раз Тагеев с товарищами вспоминали недоброе слово портного. Оказавшись в Софии, писатель даже хотел устроить ему разнос, но хитрый Ванев встретил его как ни в чем не бывало, искренне радовался возвращению, угостил ракией, и раздражение русского добровольца улеглось.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что болгарская часть воспоминаний Б.Л. Тагеева отразила не только господствовавшие в России в начале XX в. настроения касательно Болгарии и болгарского народа, сформированные под влиянием официальной пропаганды, но и их очевидную неукорененность: непосредственные контакты с местным населением и наблюдения автора способствовали принципиальной корректировке восприятия болгар русским писателем. Аналогичные явления он отмечал и в болгарском обществе, указывая на особое отношение к России и русским даже в кругах последовательных и убежденных «стамбуловистов», которым официальная российская пропаганда приписывала откровенно русофобские проявления.

София и Болгария в целом произвели на русского волонтера самое благоприятное впечатление как столица и страна, демонстрировавшие высокую степень динамизма развития. Болгары шли вперед без русского контроля, без наставничества, самостоятельно формируя и свою внутреннюю политику, и свои отношения с внешним миром.

Примечания

- ¹ Воспоминания Б.Л. Тагеева о пребывании в Македонии подготовлены автором статьи для публикации в Интернете и размещены на сайте www.vostlit.info в разделе «Документы».
- ² *Абрамов В.В., Фролов В.Н.* Военный ученый-востоковед Тагеев. Объездил полмира, а расстрелян в Москве // Военно-исторический журнал. 2002. № 4. С. 77.
- ³ Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 782.
- ⁴ Там же. С. 784.
- ⁵ Там же. С. 785–786.
- ⁶ Там же. 1904. № 1. С. 328.
- ⁷ Там же. 1903. № 12. С. 788.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. 1904. № 1. С. 331.
- ¹⁰ Там же. С. 349.
- ¹¹ Там же. № 5. С. 161.
- ¹² Там же. 1903. № 12. С. 773–774.
- ¹³ Там же. 1904. № 5. С. 167.

Д.О. Лабаури

*(Уральский государственный университет,
Екатеринбург)*

Мемуары Христо Шалдева как источник по истории болгарских студенческих объединений в России в начале XX в.*

Член Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО) с 1895 г. и одновременно одно из доверенных лиц экзарха Йосифа, Христо Шалдев (Гумендже, 1876–1962, София) сыграл важную роль в становлении и развитии тайных македоно-одринских кружков болгарских студентов в России в начале XX в. Он же оказался и единственным из революционных деятелей, кто в своих мемуарах подробно осветил историю этих кружков и их взаимоотношения со Славяно-македонским научно-литературным обществом в Петербурге.

Фонд № 1900 деятеля ВМОРО Христо Шалдева был сформирован в Центральном государственном историческом архиве (ЦДА) Болгарии в октябре 1989 г. из серии документов, переданных его сыном Илией Шалдевым, проживавшим в Австралии¹. Фонд содержит 16 архивных единиц, наиболее важные из которых – автобиография 1947 г.² и другие мемуарные работы Шалдева, наиболее поздние из которых датированы 1952 г.³, а две более ранние были написаны, по всей видимости, до завершения Второй мировой войны⁴. К мемуарам прилагается сделанная Х. Шалдевым подборка документов македоно-одринских кружков болгарских студентов в России, включая их переписку с ЦК ВМОРО в Салониках. Самим Илией Шалдевым полностью опубликована была лишь автобиография отца⁵.

* Автор выражает искреннюю благодарность сотруднице ЦДА госпоже Елене Бугарчевой и директору архива господину Цочо Билярскому за помощь при работе с документами.

Еще при жизни, в 1956 г., Христо Шалдев, по всей видимости, успел отправить один из вариантов своих рукописных мемуаров о деятельности македоно-одринских кружков в России югославскому историку Л. Лапе ⁶, и с тех пор он хранится в Архивном отделении при Институте национальной истории в Скопье. А чуть позже, в 1959 г., Х. Шалдев передал на хранение рукописи двух своих работ «Страницы из моей ранней революционной деятельности» и «О славяно-македонском обществе в Петербурге», датированные 1952 г., участнику македоно-одринского движения Николе Майскому, который активно собирал в то время воспоминания еще живых своих соратников по революционной борьбе в Македонии. Сборник воспоминаний, подготовленный Майским, так и не был опубликован при его жизни и поступил в ЦДА в фонд № 933 ⁷.

С тех пор историки из Республики Македонии (сперва социалистической в составе СФРЮ, а затем и независимой) и их коллеги из Болгарии успели создать две параллельные истории македонской студенческой эмиграции в России. В болгарской историографии первыми эту тему в своих работах затронули Н. Велев, Х. Христов и К. Црнушанов, главным образом в контексте противоборства болгарских студентов из Македонии со «славяно-македонцами» ⁸ Д. Чуповского и К. Мисиркова, которые в начале XX в. поставили под вопрос болгарскую идентичность македонских славян и призвали к их национально-культурному возрождению в качестве отдельной нации ⁹. Целостную картину истории болгарских македоно-одринских студенческих объединений в России в указанный период впервые попытался воссоздать Б. Николов, который в 1988 г. на основе документов фонда № 933 ЦДА опубликовал устав этих тайных обществ, разработанный в 1904 г. ¹⁰ Публикация Б. Николова спустя два года была существенно дополнена статьей С. Елдарова, использовавшего материалы все того же фонда № 933 ¹¹. В 2005 г. В. Китанов и Ц. Билярский в сборнике документов, посвященном Ивану Гарванову, опубликовали часть переписки между петербургским Тайным македоно-одринским кружком (ТМОК) и ЦК ВМОРО в 1902–1903 гг. Однако до сих пор в истории ТМОК остаются белые пятна.

Внимание македонских историков было приковано в основном к истории Славяно-македонского научно-литературного общества в Петербурге, созданного в 1902 г. и просуществовавшего до 1917 г. Его главным историографом после первых открытий, сделанных Л. Лапе ¹², стал Б. Ристовский ¹³, который помимо прочего предпринял попытку объяснить поведение главного оппонента «славяно-македонцев» в Петербурге Х. Шалдева. Б. Ристовский при этом пришел к несколько упрощенному выводу о том, что Х. Шалдев якобы «ради сохранения болгарской стипендии стал орудием болгарского экзарха» и действовал в Петербурге в соответствии с

его «директивами»¹⁴. Х. Шалдеву при этом македонскими историками отводилась роль, которая в действительности была едва ли ему по силам – настроить всеильную ВМОРО против славяно-македонских интеллектуалов и тем самым воспрепятствовать реализации македонской национальной идеи в самой Македонии¹⁵.

Ввиду этих тяжких обвинений вполне оправданным было бы предоставить слово и самому Х. Шалдеву. Инициатором продолжения учебы бывшего стамбульского семинариста в России в 1899 г. был сам экзарх Йосиф, надевавшийся тем самым оторвать Х. Шалдева от революционной деятельности и уберечь от репрессий со стороны турецких властей¹⁶. В своих воспоминаниях Шалдев пишет о том, что с радостью принял предложение экзарха отправиться в страну, которую он «идеализировал и от которой ожидал дипломатической поддержки и заступничества в освободительной борьбе»¹⁷.

В конце августа 1899 г. Шалдев прибыл в Петербург, где встретился со своим бывшим соучеником по Духовной семинарии в Стамбуле Иваном Сапунаровым, являвшимся к тому времени одним из лидеров болгарской студенческой колонии в российской столице. От Сапунарова Шалдев узнал о том, что болгарские студенты в Петербурге уже были «организованы в просветительское общество с целью саморазвития»¹⁸.

Благодаря письму экзарха Шалдев получил от Св. Синода направление на учебу в Полтавскую духовную семинарию. И поскольку предметы, преподаваемые в болгарской семинарии в Стамбуле и в русской семинарии в Полтаве совпадали, он, выдержав вступительный экзамен (по материалу четвертого класса), сразу был зачислен в пятый класс¹⁹.

Проведенные в Полтаве два года стали временем погружения Шалдева в общественно-политическую борьбу, разгоравшуюся на юге России. Еще с первых дней пребывания в семинарии он обратил внимание на то, что, если на занятиях разговор велся исключительно на русском литературном языке, то вне класса воспитанники разговаривали друг с другом на «украинском говоре»²⁰. Двумя его наиболее близкими друзьями в семинарии в указанный период были, по его собственному признанию, Владимир Пархоменко, по всей видимости, будущий историк, автор ряда работ по истории православия на Руси и русской государственности²¹, и будущий глава Директории Украинской Народной Республики Симон Петлюра²². В машинописном варианте воспоминаний Шалдева от 1952 г., подготовленных к публикации Майским, Петлюра назван «буйным, пламенным патриотом и надменным украинцем с крайними сепаратистскими националистическими убеждениями (выделено в тексте – Д.Л.)», сводившимися главным образом к созданию независимого от России Украинского государства «от устья реки Днестр до

Кавказского хребта с населением более 30 миллионов человек»²³. Столь категоричная характеристика, впрочем, отсутствует в более ранних рукописных вариантах воспоминаний Х. Шалдева. Именно Петлюре македонский воспитанник был обязан участием в двух тайных собраниях («конгрессах») украинских национальных революционеров в Полтаве зимой 1899–1900 гг. и в феврале 1901 г.²⁴ На втором собрании Шалдев выступал с докладом о македонской освободительной борьбе, вызвавшем в целом положительную реакцию у слушателей. Более всего, по его словам, украинских революционеров заинтересовали практические вопросы, касающиеся структуры и организации ВМОРО. Сравнительно быстрый успех македоно-одринского освободительного движения по сравнению с украинским национальным движением собравшиеся объяснили тем, что македонским революционерам проще было привлечь широкие слои населения на борьбу против иноверного и инородного врага²⁵.

Во время учебы в Полтаве в 1899–1901 гг. Шалдев регулярно получал вести от своих товарищей из Салоник и Стамбула, а также вел переписку со студентами Духовных академий в Петербурге и Казани Иваном Сапунаровым и Димитрием Кюркчиевым, как и с Владимиром Робевым, учившимся в Женеве. Последний, в частности, сообщал ему о деятельности образованных болгарскими студентами в Швейцарии, Бельгии и Франции македоно-одринских кружках с целью оказывать моральную и материальную помощь освободительной борьбе в Македонии и Фракии²⁶. Пример соотечественников, обучающихся в Западной Европе, как и информация о нарастающей пропагандистской активности сербских студентов в России, подтолкнули Шалдева к идее о необходимости создания подобного македоно-одринского кружка и в Петербурге²⁷.

Успешно завершив в июне 1901 г. Полтавскую семинарию, Шалдев отправляется в Петербург, где вместе с Пархоменко поступает в Духовную академию, в которой на курс старше уже учился его будущий основной оппонент славяно-македонец Димитрий Чуповский. Здесь, однако, Шалдев уже застал созданный Сапунаровым 12 ноября 1900 г. «македонский кружок из 10 человек», который формально оставался подразделением более широкого общеполтавского студенческого объединения в Петербурге, насчитывавшего в своих рядах более 100 человек. В это число не входило порядка 80 болгарских офицеров, обучавшихся в Петербургской Академии Генерального штаба и других высших военных училищах. Однако все вместе они образовывали «болгарскую колонию» в Петербурге, ежегодно собиравшуюся 19 февраля на празднование дня Освобождения Болгарии. Обычно чествование проходило с участием представителей Славянского благотворительного общества и болгарского посланника в

Петербурге и носило таким образом официальный характер²⁸. Легальный институциональный статус имело и общеболгарское студенческое общество, благодаря чему оно могло ежемесячно проводить собрания в одном из салонов Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества²⁹. Такими же привилегиями обладали и студенческие объединения сербской и чешской молодежи в Петербурге. Именно поэтому образованный Сапунаровым македоно-одринский кружок, в который помимо уроженцев Македонии вошли и болгары из Княжества, и даже один русский Владимир Войткевич, первоначально все свои инициативы осуществлял через указанное общеболгарское студенческое общество. Основными источниками доходов кружка стали членские взносы и прибыль от ежегодной лотереи, разыгрываемой между членами болгарской колонии в Петербурге на день 19 февраля. Так, только за первые четыре месяца своего существования кружок смог собрать и отправить в кассу Верховного македоно-одринского комитета (ВМОК) в Софии 89,5 рублей и такую же сумму в последующий период до середины июля 1901 г.³⁰, когда завершивший учебу И. Сапунаров покинул Петербург, передав бразды правления Данаилу Ласкову. Для сравнения созданный болгарскими студентами в марте 1900 г. аналогичный македоно-одринский кружок из 22 человек в Киеве под председательством Димитра Ганева почти за год своей деятельности к концу февраля смог отправить в кассу Верховного комитета всего лишь 30 рублей³¹.

Принятие Х. Шалдева вместе с другими новичками в петербургский македоно-одринский кружок состоялось 28 октября 1901 г. на одном из первых его заседаний после летних каникул. Шалдев при этом сразу же получил должность секретаря-кассира³². Основные вопросы, которыми занимался кружок в этот учебный год, касались сбора средств для ВМОК³³ и перевода на русский язык для последующей публикации в России труда болгарского этнографа В. Кычова «Македония. Этнография и Статистика», вышедшего в 1900 г.³⁴. Участники кружка при этом не приостанавливали свое членство и в общеболгарском студенческом обществе. Так, Христо Шалдев был основным составителем поздравительного письма на имя экзарха Йосифа, подписанного всеми болгарскими студентами в Петербурге³⁵.

Применительно к этому периоду сохранились и отрывочные заметки Шалдева о деятельности одного из основателей кружка Крсте Мисиркова, студента историко-филологического факультета Петербургского университета, более известного позже по своему трактату «За македонските работи», который был написан на македонском диалекте в 1903 г. и содержал обоснования задач молодого славяно-македонского национального движе-

ния. В 1901–1902 годах македонец Мисирков, судя по заметкам Х. Шалдева, придерживался болгарской самоидентификации³⁶. Шалдеву, в частности, запомнились два доклада Мисиркова, сделанные весной 1902 г. на заседании общемакедонского студенческого общества в Петербурге³⁷, и представлявшие собой, по всей видимости, выдержки из его выпускной диссертации (дипломной работы). Первый доклад был посвящен месту и образу Кралеви́ча Марко в истории и самосознании македонских славян, причем делался вывод о Марко как о «болгарском национальном герое», а второй доклад касался «македонских народных говоров», которые определялись автором «по своим синтаксическим и грамматическим нормам» как «наречия общемакедонского языка, такие же, какие имеются и в свободном Княжестве»³⁸. По словам Шалдева, именно два указанных доклада, произведших впечатление на студенческую аудиторию, как и статус одного из основателей македоно-одринского кружка, обеспечили К. Мисиркову его избрание 28 сентября 1902 г. (на первом заседании после летних каникул) на должность председателя кружка³⁹.

Избрание тем временем произошло в условиях уже начавшегося в Македонии (с 23 сентября) Горноджумайского восстания, окончательно расколовшего болгарскую и эмигрантскую болгаро-македонскую общественность на два лагеря: сторонников Верховного Комитета Михайловского-Цончева и восстания и сторонников ВМОРО и Верховного Комитета Станишева-Карайовова, выступавших против преждевременного восстания⁴⁰. Сам Шалдев, побывавший во время летних каникул 1902 г. в Софии и встречавшийся со многими революционерами, в том числе и бывшими заграничными представителями ВМОРО Гоце Делчевым и Гёрге Петровым, в Петербург вернулся убежденным сторонником «внутренних»⁴¹. Тогда как Мисирков, по его словам, был плохо осведомлен о «различиях между верховистами и централистами и как председатель кружка выступал за ведение переписки с Верховным Комитетом [Михайловского-Цончева]»⁴².

На первом заседании кружка 28 сентября 1902 г., по всей видимости, удалось прийти к компромиссному решению, а именно отправить письмо в оба Комитета в Софии с просьбой изложить «истинное положение дел в Македонии». Это решение было исполнено 30 сентября⁴³. Однако освещаемые в русской прессе события в порабощенной Македонии и свободной Болгарии развивались стремительно, а письма из Петербурга до Софии и обратно шли долго. Так, например, ответ Верховного комитета Станишева-Карайовова о несвоевременности и гибельности Горноджумайского восстания для освободительного движения в Македонии был отправлен в Петербург только 9 октября 1902 г.⁴⁴, когда внутри петербургского маке-

доно-одринского кружка, по словам Х. Шалдева, уже разразился конфликт между Мисирковым и сторонниками ВМОРО⁴⁵.

8 октября 1902 г., созвав внеочередное собрание кружка, К. Мисирков, по всей видимости, сумел одержать временную победу и отстранить от его руководства Х. Шалдева как секретаря, через которого должна была проходить вся деловая переписка кружка. Как бы то ни было, 9 октября при помощи своего сторонника Крестникова и без ведома Шалдева Мисирков от имени кружка отправил официальное послание Комитету Михайловского-Цончева. В этом письме он информировал о разногласиях внутри кружка и просил ответ высылать отныне не на адрес Х. Шалдева, а на его собственный⁴⁶. А кроме того, Мисирков сообщал, что на внеочередном собрании 8 октября большинством голосов, 12 против 3 при 1 воздержавшемся, восстание «против рабства и тирании» было поддержано, как и его руководители. При этом была выражена готовность оказать помощь восстанию, в том числе и добровольцами, если это потребуется⁴⁷.

И хотя до своего отъезда в Македонию в ноябре 1902 г. Мисирков успел отправить еще одно письмо Комитету Михайловского-Цончева, в котором он информировал о настроении членов Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества относительно событий в Македонии, якобы выступавших «за разрешение македонского вопроса не только в пользу македонцев, но и в пользу сербо-болгарского сближения»⁴⁸, его усердие, по всей видимости, не было оценено должным образом, поскольку состоявший в большинстве своем из офицеров Верховный комитет Михайловского-Цончева предпочел выслать в октябре 1902 г. документ с полномочиями на сбор денежных средств капитану Винарову из Петербургской артиллерийской академии⁴⁹. Данный факт, по словам Шалдева, не мог не вызвать удивления у Мисиркова⁵⁰.

Из Болгарии тем временем до македоно-одринского кружка стали доходить сведения о бесславном завершении «четнического восстания», дорого стоившего болгарскому населению Пиринской Македонии, а кроме того, и занявший в сентябре 1902 г. должность учителя в болгарской Салоникской гимназии Иван Сапунаров, вошедший в состав местного окружного комитета ВМОРО, получил от Центрального комитета организации полномочия на ведение прямых переговоров с македоно-одринским кружком в Петербурге с целью привлечь его в ряды Внутренней организации. Два его послания от 11 октября произвели впечатление на членов петербургского кружка, после чего на собрании 21 октября 1902 г. большинством голосов было решено прекратить связи с Верховным комитетом и вести переписку и высылать денежные средства только ЦК ВМОРО. Письмо в этом духе

было отправлено И. Сапунарову 27 октября 1902 г. и получено Центральным Комитетом 7 ноября этого года⁵¹.

Конфликт внутри македоно-одринского кружка в Петербурге был, таким образом, преодолен. Тем более, что и сам Мисирков вскоре отправился экзархийским учителем в Битольскую гимназию⁵². Вполне логичным выглядит и высланное из Петербурга в Салоники 26 ноября 1902 г. предупреждение о проверховистских взглядах Мисиркова, которому «следовало внушить необходимость действовать в духе централизма»⁵³. Длительный и обстоятельный разговор с ним членов ЦК ВМОРО действительно состоялся в середине декабря 1902 г. Тогда, правда, руководство Революционной организации, взявшее под давлением вернувшихся из заточения Х. Матова и Х. Татарчева курс на сближение с Комитетом Михайловского-Цончева для совместной подготовки нового восстания в 1903 г.⁵⁴, менее всего интересовали верховистские взгляды бывшего петербургского студента, и члены ЦК довольствовались формальным принятием Мисирковым доктрины централизма, посвятив его в суть происходивших в Македонии событий. Претензии Мисиркова, однако, как показало дальнейшее развитие событий, к болгарской колонии в Петербурге, к ВМОРО и к болгарскому обществу в целом остались, и они в полной мере были изложены в его нашумевшей работе «За македонските работи» после завершения Илинденско-Преображенского восстания в 1903 г.

На этом страницу в истории македоно-одринского кружка в Петербурге, связанную с Мисирковым, можно было бы закрыть, если бы не один загадочный эпизод, замалчиваемый болгарской историографией, а македонской историографией рассматриваемый как акт македонской национальной эмансипации. Речь идет о коллективном прошении студентов уроженцев Македонии во главе с К. Мисирковым в Совет Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества о предоставлении им помещения для регулярных собраний на том же основании, что и для чешской, сербской и болгарской студенческой молодежи⁵⁵. Это прошение, датированное 28 октября 1902 г., содержало 19 подписей (включая подпись самого Х. Шалдева), которые принадлежали не только членам македоно-одринского кружка (ТМОК), но и тем, которых Х. Шалдев впоследствии назовет «одержимыми болгароненавистничеством» сербскими воспитанниками из северо-западной Македонии. Именно они, по его мнению, в 1902 г. заложили основы славяно-македонского общества в Петербурге с задачей разъяснять русским общественным деятелям и журналистам, что «македонские славяне – не болгары, а отдельный южнославянский народ – славяно-македонский – со своим бытом и языком»⁵⁶. К последним, по всей видимости, принадлежали являвшиеся ранее членами

сербского студенческого общества в Петербурге студенты Р. Русуленчич, Г. Константинович, Н. Ничота и Д. Чуповский⁵⁷ и прибывшие к ним из Белграда в октябре 1902 г. Д. Мишайков и С. Дедов. Мотивация такого решения с точки зрения славяно-македонцев было предельно ясно изложена как в самом тексте прошения, так и впоследствии К. Мисирковым: «Идея образования нашего общества состояла в полном отделении наших [македонских] интересов от болгарских. Тем самым мы хотели показать русским, что у нас в Македонии нет национального антагонизма и возможна совместная деятельность всех македонских народностей на культурной основе. Еще более мы хотели доказать русским, что в Македонии нет нескольких славянских народностей, а только одна, что македонские славяне сами могут разрушить преграду, созданную между ними пропагандой [соседних держав]»⁵⁸.

Мотивация же македонских болгар, поставивших свои подписи под документом, остается не вполне ясной. Тем более что на предыдущих заседаниях ТМОК не только не было зафиксировано никаких намерений отделиться от общеполгарского студенческого общества, но и наоборот было решено активней привлекать его к акциям македоно-одринского кружка. А 28 сентября 1902 г. даже было принято решение в ходе выборов нового настоятельства общеполгарского студенческого общества стараться избрать в него «больше наших членов», чтобы в дальнейшем легче проводить через указанное общество собственные инициативы⁵⁹.

Х. Шалдев при этом ни разу ни в одном из вариантов своих воспоминаний не упоминает о существовании Прощения от 28 октября 1902 г., как и о своем отношении к нему, а предоставление «малочисленной славяно-македонской студенческой группе» целого салона для проведения своих собраний объясняет заступничеством сербского посла в Петербурге Стояна Новаковича, который, по его мнению, был «родоначальником этой [славяно-македонской] фракционной этнической теории» и распространял ее среди журналистов и членов Славянского благотворительного общества⁶⁰. Путается Х. Шалдев и с датой основания нового студенческого общества, формально объясняя это тем, что не придавал первоначально большого значения инициативе славяно-македонцев⁶¹.

Таким образом, если исключить вариант подделки славяно-македонцами подписей своих болгарских соотечественников под Прощением от 28 октября 1902 г., невольно приходит на ум предположение, что Х. Шалдев тщательно старался скрыть тот факт, что он, сам того не желая, явился одним из учредителей пресловутого славяно-македонского общества, провозглашенного им позже «новым врагом» македоно-одринского освободительного дела и ВМОРО⁶². Но как бы то ни было, дверь в него для ма-

кедонцев с болгарским самосознанием после того, как 1 ноября 1902 г. от Совета Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества было получено положительное решение, а 12 ноября 1902 г. Д. Мишайковым и С. Дедовым в Петербурге был представлен македонский национальный меморандум, была закрыта. Ни единого совместного собрания всех 19 подписавшихся под Прошением от 28 октября 1902 г., по всей видимости, так и не состоялось⁶³. При Славянском благотворительном обществе в Петербурге наряду с чешским, сербским и болгарским студенческими объединениями официальный институциональный статус теперь приобрело и македонское студенческое объединение, получившее впоследствии название «Славяно-македонского научно-литературного общества им. Св. Климента» и признаваемое в современной Республике Македонии преемником Македонской академии науки и искусств⁶⁴. А основанный в 1900 г. македоно-одринский кружок (ТМОК) продолжил свое существование в качестве подразделения общеполитического студенческого общества при Славянском благотворительном обществе в Петербурге. После отъезда К. Мисиркова в Македонию место председателя кружка занял студент Военно-медицинской академии Никола Христов⁶⁵.

Не проясненной в мемуарах Х. Шалдева остается и роль К. Мисиркова в конституировании нового славянского общества в Петербурге перед самым его отъездом в Битолу⁶⁶. Не прояснена это роль, видимо, была и для самого Шалдева и его сторонников, иначе обвинения в адрес К. Мисиркова в письме к ЦК ВМОРО от 26 ноября 1902 г. были бы намного более тяжелыми. Доподлинно известно, однако, что именно контакты с прибывшими из Белграда в Петербург Д. Мишайковым и С. Дедовым способствовали окончательному принятию К. Мисирковым в конце октября – ноябре 1902 г. платформы македонизма. С. Дедов предельно ясно говорил об этом представителю македоно-одринской эмиграции в Софии Е. Спространову в ноябре 1903 г.: «Этот [Мисирков] до прошлого года был отчаянным националистом болгаринном, против меня интриговал, а сейчас проявил себя отчаянным сепаратистом!»⁶⁷ По-видимому разногласия с Х. Шалдевым и сторонниками ВМОРО внутри болгарского македоно-одринского кружка, разочарование в болгарской официальной политике и игнорирование его со стороны ТМОК Михайловского-Цончева и группы надменного капитала Винарова в Петербурге и толкнули в итоге «лавирующего» (так его называет Х. Шалдев в своих мемуарах) К. Мисиркова в объятия к конституирующейся группе славяно-македонцев, предложивших альтернативный вариант развития Македонии.

ТМОК в Петербурге оставалось лишь следить за деятельностью славяно-македонцев, которые, по словам Х. Шалдева, якобы «говорят и дейс-

твуют от имени 34 сел в Македонии», для нужд которых они собирались отпечатать 1500 славяно-македонских букварей⁶⁸. Первые сведения о деятельности славяно-македонского общества болгарские студенты получили 29 декабря 1902 г., когда на его втором собрании смог присутствовать и даже сохранить черновик протокола ближайший соратник Х. Шалдева Милан Стоилов⁶⁹. А в последующем македоно-одринский кружок и Шалдев лично информировали ЦК ВМОРО и экзарха Йосифа о деятельности славяно-македонцев, особенно после ставших известными им из перехваченного в феврале 1904 г. письма тайных переговоров Д. Чуповского с секретарем турецкого посольства в Петербурге⁷⁰. В сохранившемся ответном послании салоникинского окружного комитета ВМОРО (бывшего ЦК) петербургские славяно-македонцы назывались «истинными шпионами турок» из-за своего желания сотрудничать с ними в интересах сохранения целостности Турции⁷¹. В том же письме комитет обещал воспрепятствовать агитации двух славяно-македонцев отправившихся при помощи турецких дипломатов в Македонию⁷².

Усложнение ситуации в Македонии, готовившейся к очередному восстанию в 1903 г., требовало, однако, от ТМОК активизации деятельности в ином направлении – в направлении экстренного поиска денежных средств. С этой целью кружок смог привлечь к организации ряда мероприятий, основными из которых стали две лотереи и «музыкально-танцевальная вечеринка» в салоне Земского собрания, которая предполагала исполнение «македонских и болгарских народных песен» и танцев, всю болгарскую колонию, включая дипломатического агента Болгарии в Петербурге Д. Станчова. Наибольший успех имела состоявшаяся 25 января 1903 г. «вечеринка», которая собрала не только петербургских студентов, но и огромное количество простых граждан разных сословий. Общий сбор от нее, который формально должен был пойти на организацию помощи пострадавшим от Горноджумайского восстания македонцам, а фактически предназначался ВМОРО для подготовки в 1903 г. нового восстания, составил 8000 рублей⁷³.

На что именно пойдут собранные болгарскими студентами в Петербурге средства едва ли сомневался и сербский посол в Петербурге Ст. Новакович, воспоминания о разговоре с которым сохранились в записках Х. Шалдева. На формальное предложение посетить организуемое болгарскими студентами в Земском собрании мероприятие, Новакович задал вопрос, знает ли он, Шалдев, «как много сербских учителей, священников и мирных сербов было убито македонской организацией». Разгневанный тем, что «благотворительная» акция болгар не была организована совместно с сербскими студентами, Новакович в итоге отказался от посещения вечеринки⁷⁴.

Помимо всего прочего, петербургский кружок смог установить связь с образованными уже к тому времени македоно-одринскими кружками болгарской студенческой молодежи в Киеве, Москве и Казани, которые так же были ангажированы в сбор средств для подготовки восстания в Македонии. Наиболее активным оказался киевский кружок, который осенью 1902 г. смог отправить ЦК ВМОРО 100 рублей, собранных от лотереи, и 250 рублей, пожертвованных ему неким русским князем⁷⁵. Тогда как московский кружок установил контакты с русскими писателями Львом Толстым и Максимом Горьким, которые обещали болгарским студентам поддержку в их издательской деятельности⁷⁶. Членами указанных кружков являлись и русские студенты, которые исправно платили членские взносы, а один из них, киевский студент Николай Островершенко, в декабре 1903 г. привлек к участию в сборе средств для местного македоно-одринского кружка влиятельных представителей земской общественности⁷⁷.

За пределами влияния петербургского македоно-одринского кружка осталась лишь многочисленная болгарская колония в Одессе, в составе которой было слишком мало выходцев из Македонии и Фракии и которая последовательно ориентировалась на группировку Михайловского-Цончева⁷⁸.

С января 1903 г. после принятия на Салоникском конгрессе ВМОРО официального решения о восстании, письма Центрального комитета в Петербург участились. В них руководство революционной организации требовало усилить агитационную деятельность перед русской общественностью и журналистами, ускорить поиск новых средств, организовать канал по доставке оружия из России (от которого позже отказались в пользу греческого варианта)⁷⁹ и начать сбор и подготовку добровольцев для участия в восстании. В одном из писем (от 12 февраля 1903 г.) кроме всего прочего указывалось: «Итак, оставьте все частные дела, оставьте и науку, ибо поколение истребляется, и некого уже будет учить. Займитесь серьезной работой ... и действуйте быстро, ибо время ограничено»⁸⁰.

От македоно-одринского кружка ехать в Македонию вызвались Никола Христов, Милан Стоилов и Христо Шалдев, к которым затем присоединился русский студент Николай Благовещенский, родом из Ташкента⁸¹. Все четверо приняли участие в Ильинденско-Преображенском восстании в составе разных чет, а Милан Стоилов был убит в одном из сражений. По сведениям Х. Шалдева, от московского кружка в Македонию отправился дьякон Климент, а от киевского – еще три добровольца, которые, однако, не смогли пересечь российскую границу из-за противодействия турецких властей⁸².

Болгарские студенты в Петербурге были убеждены, что вся чета Х. Шалдева погибла в сражении с многочисленным турецким войском в последние дни восстания, поэтому его возвращение в конце октября

1903 г. в Петербург через Киев, где он задержался на 2–3 дня, получилось в какой-то мере триумфальным. Сам же Шалдев, по его признанию, возвращался с боевых полей Македонии, со смешанным чувством: с одной стороны восстание принесло материальное разорение македонскому населению и «разруху в души многих македонских общественных деятелей», с другой же стороны продемонстрированные македонским населением высокий патриотизм и самопожертвование вызвали дипломатическое вмешательство великих держав и, как следствие, надежду на введение в будущем автономного управления Македонии⁸³. Об этом, скорее всего, говорил Х. Шалдев на первом после долгого перерыва собрании ТМОК в Петербурге 1 ноября 1903 г., а затем и в специальном докладе на заседании общеполитического студенческого общества.⁸⁴ Некоторые впечатления от поездки в Македонию были изложены Х. Шалдевым в статье, опубликованной в газете «Свет»⁸⁵. А 11 ноября 1903 г. он был избран на должность председателя ТМОК. Кружок, кроме того, пополнился двумя новыми членами – Александром Стателовым и Николаем Благовещенским.

Между тем, кризис, который переживала вся Революционная организация в Македонии, не мог не сказаться и на положении македоно-одринских кружков в России. Уже в 1903 г. практически прекратил свое существование кружок в Москве, не поступали в Петербург и сведения о деятельности болгарских студентов в Казани. Из-за ареста в конце апреля 1903 г. Центрального комитета в Салониках во главе с И. Гарвановым вплоть до конца марта 1904 г. нарушились связи ТМОК с революционной организацией в Македонии.

Уже весной 1904 г. по инициативе руководства ВМОРО стал обсуждаться вопрос об объединении македоно-одринских кружков в России с созданием Центрального бюро в Петербурге, который бы вел всю переписку с ЦК ВМОРО по аналогии с Заграничным представительством в Софии⁸⁶. Решение этого вопроса было перенесено в практическую плоскость лишь в сентябре 1904 г., когда в Петербург по поручению ЦК ВМОРО прибыл Иван Сапунаров. На заседании ТМОК в Петербурге 25 октября этого года данное Центральное бюро было избрано, причем в него в полном составе вошли члены настоятельства петербургского кружка: Х. Шалдев (председатель), А. Стателов (секретарь) и Х. Боботанов (кассир). А 12 декабря 1904 г. после согласования с руководством двух других македоно-одринских кружков в Киеве и Москве ими был принят «Устав македоно-одринских обществ в России», провозгласивший «вспомогательный и мирный характер» этих обществ по отношению к ВМОРО. Основными их задачами провозглашался сбор средств для Внутренней организации и «толкование ее требований и целей перед русским обществом». Во главе

указанных обществ теперь стояло ежегодно избираемое Центральное бюро, которое имело право на ведение переписки с ЦК ВМОРО. Каждое местное македоно-одринское общество вместе с собранными средствами обязано было предоставлять Центральному бюро три ежегодных отчета в октябре, январе и апреле. Центральное же бюро, в свою очередь, в конце каждого учебного года отправляло годовой отчет о деятельности всех обществ Центральному комитету ВМОРО⁸⁷.

И хотя, по свидетельству Х. Шалдева, за два года его председательства в петербургском македоно-одринском кружке и Центральном бюро в Салоники для ВМОРО было отправлено 1500 рублей⁸⁸, деятельность по привлечению денежных средств и внимания русской общественности к положению македонских славян отныне протекала в крайне неблагоприятных условиях ввиду неудачной для России войны с Японией и разгоравшейся первой русской революции. А вскоре и сами болгарские студенты в Петербурге оказались вовлечены в водоворот революционных событий⁸⁹. Под влиянием российских социал-демократов началась и их идейная эволюция в восприятии национального и классового вопросов в Македонии⁹⁰.

В сентябре 1905 г. Х. Шалдев, окончивший к тому времени учебу в Духовной академии, отправился на родину. Уже в стамбульском порту он был арестован, как позже полагал, по доносу Д. Чуповского турецкому посольству в Петербурге, и доставлен затем фактически под домашний арест в родной город Гумендже⁹¹. Х. Шалдев надеялся, что его товарищи по македоно-одринскому кружку, переписка с которыми после его возвращения в Македонию была невозможна, продолжат работу по наблюдению за славяно-македонским обществом. Кружок вместе Центральным бюро, однако, просуществовал едва ли год после отъезда Шалдева и, как и в других университетских городах, окончательно слился с общеполгарским студенческим обществом, прекратив самостоятельную деятельность⁹². Славяно-македонское научно-литературное общество же, несмотря на перерыв в работе, вызванный первой русской революцией, продолжило свое существование, и период его наибольшей активизации пришелся на годы Балканских войн и Первой мировой войны.

Х. Шалдев тогда едва ли мог предположить, что борьба с влиянием славяно-македонцев будет проиграна не только в Петербурге, но в итоге и в самой Македонии. На склоне своих лет в 1947 г. он горько сожалел о том, что не мог в силу причастности в болгарскому национальному движению оказаться снова в родном городе Гумендже, чтобы провести там последние годы своей жизни, но еще более о том, что «наше юное поколение из свободной Вардарской Македонии отрекается от дел и национального самоопределения своих отцов, дедов и прадедов»⁹³.

Примечания

- ¹ ЦДА. Ф. 1900. Опись фонда. Л. 5. Разписка за приемане и предаване на архивни документи, 03.10.1989.
- ² ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 1. Л. 1–25. Христо Тръпков Шалдев (биографически сведения). София, 18.08.1947. Оригинал. Ръкопис.
- ³ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 1–128. Шалдев Х. Извървян път (Спомени). За македоно-одринския кръжок в Петроград. София, 6.10.1952. Оригинал. Ръкопис; ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 7. Л. 1–98. Шалдев Х. За македоно-одринските студентски дружества в Русия (по спомени и документи). София, 6.10.1952. Оригинал. Ръкопис.
- ⁴ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 2. Л. 1–100. Шалдев Х. Изпълнен дълг. Асеновград, февруари-март 1944 г. Оригинал. Ръкопис; ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 1–64. Шалдев Х. Извървян път (Спомени). За македоно-одринските кръжоци в Русия, б.д. Оригинал. Ръкопис.
- ⁵ Extracts from the memoirs of Hristo Shaldev, Macedonian revolutionary (1876–1962). Adelaide, Australia, 1993. P. 1–12.
- ⁶ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 10. Л. 1.
- ⁷ Там же. Ф. 933 Оп. 1. А.е. 95. Л. 1–460. Майски Никола Киров. С поглед към Македония – сборник от спомени и преживелици. Част първа. София, 1959. Машинопис.
- ⁸ Выбор в начале XX в. данного определения «славяно-македонец» в качестве этнонима определялся желанием его авторов подчеркнуть македонскую национальную идентичность в условиях, когда дефиниция «македонский народ» была уже достаточно широко распространена как в свободной Болгарии, так и в порабощенной Македонии, и, как правило, обозначала либо отдельную часть единой болгарской нации, либо конгломерат различных македонских народностей. В литературе активистов данного славяно-македонского национального движения принято также называть «македонистами», а их идеологию характеризовать как «македонизм».
- ⁹ Велев Н. Из политико-общественната дейност на Кръстьо Петков Мисирков // Исторически преглед. 1968. № 5; Христов Х. Македонизмът като политическа концепция в края на XIX и началото на XX в. // Исторически преглед. 1979. № 3; Църнушанов К. Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него. София, 1992.
- ¹⁰ Николов Б. Устав на тайните македоно-одрински студентски дружества в Русия // Исторически преглед. 1988. № 8.
- ¹¹ Елджров С. Студентски македоно-одрински дружества в Западна Европа и Русия (1895–1903) // Исторически преглед. 1990. № 8.
- ¹² Лапе Љ. Документи за формирање на Славјано-македонското научно-литературно другарство и неговият Устав // Македонски јазик. Скопје, 1965, № XVI и др.
- ¹³ См.: Ристовски Б. Крсте П. Мисирков (1874–1926). Прилог кон проучавањето на развитокот на македонската национална мисла. Скопје, 1966; Ристовски Б. Димитрий Чуповски и македонское национальное сознание. М., 1999; Ристовски Б. История

- на македонската нација. Скопје, 1999 и др.
- ¹⁴ Ристовски Б. Сознајби за јазикот, литературата и нацијата. Скопје, 2001. С. 438.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 18.
- ¹⁷ Там же. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 390.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 23.
- ¹⁹ Там же. Л. 24Ц25.
- ²⁰ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 25. В другом варианте воспоминаний Шалдев указывает на то, что семинаристы говорили «на украинском языке». ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 2.
- ²¹ Пархоменко В.А. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913; Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. Л., 1924.
- ²² ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 2.
- ²³ Там же. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 394.
- ²⁴ В другом варианте рукописных мемуаров Шалдев относит второе собрание к началу 1900 г. ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 27.
- ²⁵ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 2; А.е. 6. Л. 27; А.е. 7. Л. 6.
- ²⁶ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 3; А.е. 6. Л. 27; А.е. 7. Л. 7.
- ²⁷ Там же. А.е. 7. Л. 7.
- ²⁸ Первый раз Х. Шалдев присутствовал на этом празднестве в 1902 г., когда он впервые увидел графа Н.П. Игнатьева, являвшегося в то время председателем Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. Граф, по словам Шалдева, не смог сдержать слез при исполнении болгарского национального гимна «Шуми Марица» (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 7. Л. 8.)
- ²⁹ Там же. А.е. 5. Л. 4; А.е. 6. Л. 29.
- ³⁰ Елджров С. Върховният македоно-одрински комитет и македоно-одринската организация в България (1896–1903). София, 2003. С. 234.
- ³¹ Там же. С. 232.
- ³² ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 10.
- ³³ За второй учебный год (1901–1902) своего существования кружком в кассу ВМОК было отправлено 135 рублей (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 7. Л. 58.)
- ³⁴ В итоге ввиду возникших сложностей решено было распространить среди русских ученых-славистов и общественных деятелей труд В. Кынчова в его болгарском издании (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 33.)
- ³⁵ ЦДА. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 400.
- ³⁶ Шалдев писал буквально следующее: «Будучи моим земляком, он [К. Мисирков] приходил ко мне на квартиру [в общежитии] на Шлиссельбургском проспекте № 4 для разговоров, в которых никогда не проявлял точку зрения этнического сепаратизма по отношению к национальной принадлежности македонских славян» (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 14.)

³⁷ Там же. А.е. 6. Л. 37.

³⁸ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 14. В другом более позднем варианте рукописных мемуаров Шалдев указывает, что второй доклад К. Мисиркова носил название «Этнический облик населения Македонии по данным В. Кынчова» и содержал кроме всего прочего характеристику используемого в Македонии понятия «Долна земя» (Нижняя земля), служащего доказательством неразрывной связи последней с «Верхней» Болгарией (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1, а.е. 6. Л. 38.).

³⁹ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 37–38.

⁴⁰ Раскол созданного в 1895 г. болгаро-македонской эмиграцией Верховного Македоно-одринского комитета состоялся на X конгрессе Македоно-одринской организации в Болгарии, проходившим с 28 июля по 4 августа 1902 г. За сторонниками генерала Цончева, считавшегося креатурой болгарского князя Фердинанда, закрепилось прозвище «верховисты», тогда как сторонников сохранения руководства освободительной борьбой в Македонии в руках Центрального комитета Внутренней революционной организации стали обозначать «внутренними» и «централистами».

⁴¹ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 35–37; А.е. 5. Л. 12.

⁴² Там же. А.е. 6. Л. 39.

⁴³ Там же. А.е. 5. Л. 16.

⁴⁴ Это послание, как и запрос Петербургского македоно-одринского кружка, было обнаружено К. Пандевым. См.: *Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1878–1903)*. София, 2000. С. 327.

⁴⁵ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 39.

⁴⁶ Там же, А.е. 5. Л. 17.

⁴⁷ Там же. А.е. 7. Л. 61.

⁴⁸ Там же. А.е. 5. Л. 18.

⁴⁹ Елдѣров С. Указ. соч. С. 234–235.

⁵⁰ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 18.

⁵¹ Там же. Л. 20.

⁵² Шалдев писал буквально следующее: «Внутренний конфликт был сглажен благодаря наступившему отрезвлению страстей членов кружка из-за неудачи восстания и отправлению Мисиркова учителем в Битола» (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 39.)

⁵³ Там же. Л. 40.

⁵⁴ *Пандев К. Указ. соч. С. 327–328.*

⁵⁵ *Ристовский Б. Димитрий Чуповский... С. 35.*

⁵⁶ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 3. Л. 4; Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 437.

⁵⁷ Д. Чуповский, например, по словам Х. Шалдева, никогда не являлся членом македоно-одринского кружка, ни разу не посетил собрание общеполитического студенческого общества, слыл сербманом, вместе с которыми посещал сербские студенческие собрания, и «был пропитан ненавистью ко всему болгарскому» (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 60.)

- ⁵⁸ Мисирков К. За Македонските работи. София, 1903. С. 45.
- ⁵⁹ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 16.
- ⁶⁰ Там же. А.е. 3. Л. 4; Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 437.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. Л. 439; Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 122.
- ⁶³ Разочарование македонских болгар от совместной со славяно-македонцами затей было описано самим Мисирковым в 1903 г. следующей фразой: «Но нашлись между прошлогодними членами [общества] лица, которые нашли излишним существование такого общества, ибо не было в Македонии отдельной македонской народности, а была только сербская и болгарская, а поскольку в Петербурге имелись болгарское и сербское общества, то в македонском не было необходимости» (Мисирков К. За Македонските работи. С. 45.)
- ⁶⁴ См.: Македонското научно-литературно другарство и неговият континуитет до основањето на Македонската академија на науките и уметностите. Прилози од научниот собир одржан на 28 и 29 јуни 1996 година во Скопје. Скопје, 1997.
- ⁶⁵ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 39.
- ⁶⁶ В одном из вариантов рукописных воспоминаний Шалдев пишет, что славяно-македонское общество в Петербурге было основано «спустя месяц после прибытия Мисиркова в Битолу». Эта фраза затем была зачеркнута (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 40). В другом более раннем варианте содержится его предположение, что «[славяно-македонскому] кружку, возможно, сочувствовал и Кр. Мисирков» (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 61). Как бы то ни было, но Х. Шалдев, вернувшийся намного позже Мисиркова в Петербург осенью 1903 г. (из-за своего участия в восстании в Македонии), не знал, что тот продолжил свое членство в славяно-македонском обществе и выступил в нем, по меньшей мере, с тремя докладами, вошедшими затем в его книгу «За Македонските работи». Шалдев полагал, что Мисирков сразу после убийства в Битоле консула Ростовского направился в украинский Бердянск, где в должности учителя и подготовил свою нашумевшую работу, и в Петербург уже не возвращался (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 40). Вместе с тем в письме к историку Л. Лапе от 15 апреля 1956 г. Шалдев безапелляционно свидетельствовал о том, что из «студентов – членов славяно-македонского общества» запомнил только Чуловского и Мисиркова (ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 10. Л. 1).
- ⁶⁷ Спространов Е.А. Дневник. Т. 1. (1901–1907). София. 1994. С. 333.
- ⁶⁸ ЦДА. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 445. В данном случае речь шла, скорее всего, о патриархальных селах.
- ⁶⁹ Там же. Л. 437–439.
- ⁷⁰ Там же. Л. 439, 441–442, 444–445.
- ⁷¹ Такая позиция была подробно объяснена в 1903 г. К. Мисирковым, который официально выступил против политической автономии Македонии, за которую боролась ВМОРО, аргументировав это тем, что автономия окончательно закрепит болгарский

характер Македонии, поскольку большая часть ее населения самоопределяет себя болгарами, и с Болгарией тесно связаны организаторы освободительного движения. В первую очередь он призывал сосредоточиться на национально-просветительской деятельности, дабы сперва «воспитать» македонский народ в мирном сотрудничестве с турецкими властями, а затем уже требовать для него политическую свободу (Мисирков К. За Македонските работи. С. 9–44).

⁷² ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 7. Л. 89; А.е. 9. Л. 10.

⁷³ Там же. А.е. 5. Л. 25; А.е. 6. Л. 54, 56; А.е. 7. Л. 16. Шалдев указывал, что по вопросу о том, кто должен стать получателем этой суммы – ВМОК Михайловского-Дончева, за который выступали офицеры и большинство членов болгарского студенческого общества, или ЦК ВМОРО – решился в пользу ВМОРО после его личного разговора с болгарским дипломатическим агентом Д. Станчовым. Деньги в итоге были отправлены Центральному комитету через болгарского торгового представителя в Салониках А. Шопова. В машинописном варианте воспомянай, однако, указано, что из 8000 в Салоники было отправлено только 1370 рублей.

⁷⁴ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 54–55.

⁷⁵ Там же. А.е. 5. Л. 30, 34.

⁷⁶ Там же. Л. 29.

⁷⁷ Там же. Л. 31–34.

⁷⁸ Там же. Л. 13, 34.

⁷⁹ Там же. А.е. 7. Л. 18. Договоренность, однако, о доставке старых русских берданок из Одессы в Болгарию с помощью князя Гагарина, державшего несколько торговых пароходов на Черном море, была уже достигнута. В переговорах с ним ценную услугу ТМОК оказал бывший член кружка офицер торгового флота Владимир Войткевич, позже отправившийся на театр военных действий в русско-японской войне.

⁸⁰ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 7. Л. 77–78; *Иван Гарванов*. Спомени. Документи. Материали / Ред. В. Китанов, Ц. Билярски. София, 2005. С. 239.

⁸¹ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 5. Л. 36.

⁸² Там же. А.е. 7. Л. 18.

⁸³ Там же. А.е. 5. Л. 42–44.

⁸⁴ Х. Шалдев и не подозревал, что выступал перед общестуденческой болгарской аудиторией с докладом об итогах восстания в Македонии всего лишь месяц спустя после аналогичного выступления К. Мисиркова, прибывшего в Петербург в августе-сентябре 1903 г. и успевшего уже покинуть российскую столицу к тому времени.

⁸⁵ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 94.

⁸⁶ Там же. А.е. 5. Л. 47–50.

⁸⁷ Там же. А.е. 6. Л. 100–103. Николов Б. Устав на тайните македоно-одрински студентски дружества в Русия // Исторически преглед. 1988. № 8. С. 91–92.

⁸⁸ ЦДА. Ф. 1900. Оп. 1. А.е. 6. Л. 105.

⁸⁹ Там же. Л. 104.

⁹⁰ Там же. Л. 109.

⁹¹ Там же. А.е. 5. Л. 65.

⁹² Там же. А.е. 6. Л. 110.

⁹³ Там же. А.е. 1. Л. 25. Христо Тръпков Шалдев (биографически сведения). София, 18.08.1947.

Г.Д. Шкундин

(Международный юридический институт)

Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия

Представленная тема долгое время находилась на периферии историографического процесса. В годы господства коммунистических режимов препятствием для её непредвзятого и всестороннего рассмотрения являлось своеобразное понимание социалистического интернационализма, насаждавшееся в обществе. В частности, историки СССР и Болгарии имели социальный заказ изучать и прославлять все то, что сближало российский и болгарский народы в течение веков, пропагандировать «братство по оружию»¹. В таких условиях не предполагалось исследовательского внимания к истории враждебного военного противостояния между двумя странами. А оно случилось, правда, в первый и единственный раз за последнюю тысячу лет после балканских походов киевского князя Святослава. И произошло это в 1916–1917 гг. во время Первой мировой войны. Данному событию и посвящена настоящая статья.

До сих пор в историографии нет ни одного исследования, которое ставило бы проблему взаимного восприятия болгар и россиян не только в годы первого мирового конфликта, но и на протяжении XX в. в целом, хотя методологические основы для создания таких трудов уже существуют.

Проблема имиджа России среди болгар связана с генезисом болгарского национального самосознания на протяжении длительного отрезка времени. Это понятие включает в себя как эмоционально-оценочные компоненты, так и рационально-ценностные представления, т. е. является понятием многоуровневым. Основные компоненты имиджа России сложились в период болгарского национального Возрождения и освободительной борьбы против османского ига (вторая половина XVIII – 70-е гг. XIX в.). Тогда этот имидж носил в высшей степени позитивный характер. С Россией и ее поддержкой связывались надежды на завоевание национальной независимости. В исторической памяти болгар прочно закрепилось народное название России – «дядо Иван», т. е. дед Иван. Именно

отсюда произрастают корни болгарского русофильства, подкрепленного к тому же схожестью культур, близостью языка и общностью религии двух славянских народов².

Положение, однако, осложнилось после освобождения Болгарии в 1878 г. Появление нового государства на международной арене сопровождалось формированием национально-государственных интересов новой страны, которые по-разному воспринимались различными общественными слоями и политическими течениями. Встала совершенно новая проблема – совместимости концепций национально-государственных интересов Болгарии и России. Очень скоро выяснилось, и это тоже вполне естественно, что они не всегда и не во всем совпадают. Расхождения, однако же, болезненно воспринимались обеими странами. Они оценивались, главным образом, на эмоциональном уровне и без попытки глубокого анализа. С русской стороны такие расхождения расценивались как неблагодарность, с болгарской – как стремление использовать Болгарию в своих интересах, как отсутствие готовности поддержать ее желания в решении тех или иных национальных проблем.

После Освобождения отношение к России в болгарском национальном самосознании развивалось по принципу дихотомии, двойственности, в виде русофильства и русофобии. Причем второе явление – русофобия, намного моложе первого. Носителями его стали отдельные группы политической элиты. Болгарская русофобия имела политический характер и была тесно связана с другим явлением – болгарским национализмом³.

К началу Первой мировой войны русофильские чувства основной массы болгарского населения дали заметную трещину. Этому способствовали события Балканских войн – несостоявшийся арбитраж Николая II в болгаро-сербском споре из-за Македонии, а также пассивное, по убеждению болгар, поведение России, которая, дескать, не удержала румын от нанесения удара в спину болгарским войскам в ходе 2-й Балканской войны. В совокупности эти факты, как полагали представители болгарской политической элиты и широкие круги общественности, в значительной мере предreshили исход данной войны, который в исторической памяти болгарского народа получил название «первой национальной катастрофы». Болгары, даже симпатизирующие России, после 1913 г. обвиняли ее в том, что она способствовала крушению болгарских национальных идеалов.

Болгары – малый народ, поэтому они всегда были особо чувствительны к символическим жестам великих держав, в первую очередь, России. За один год, отделяющий окончание Балканских войн от начала Первой мировой, таких жестов со стороны Николая II (а император отождествлялся с Россией) было два, и оба болгары сочли для себя оскорбительными. Николай II не нашел времени положительно ответить на приглашение

удостоить своим присутствием торжественное освящение храма-памятника «Св. Александр Невский» (еще весной 1912 г. ему было отправлено такое приглашение). Этот храм был воздвигнут болгарским народом в знак признательности к России за освобождение от османского ига, и носит имя Александра Невского. Как известно, он был покровителем императора Александра II, которого в Болгарии и поныне называют «царем-освободителем». Храм строился по проекту русского архитектора А.Н. Померанцева, расписывался талантливейшими русскими и болгарскими живописцами, в том числе В.М. Васнецовым. В то время это был крупнейший православный храм на Балканах. И Николай II не удосужился приехать. В то же время в июне 1914 г. он посетил с семьей румынский порт Констанцу, где был объявлен почетным шефом V-го кавалерийского полка румынской армии, который прославился разграблением болгарского придунайского города Силистра в ходе 2-й Балканской войны. Все это делалось для того, чтобы «щелкнуть по носу» болгарского царя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, никогда не пользовавшегося особой симпатией у российского самодержца, но негодование охватило и народ, в том числе болгарских русофилов⁴.

Вскоре после этого, в августе 1914 г. началась Европейская война. В России в первые военные месяцы наблюдался взрыв славянофильских настроений, симпатий к славянской и православной Сербии. Российская общественность, не особо разбиравшаяся в дебрях межбалканских отношений, считала само собой разумеющимся, чтобы славянская и православная Болгария пришла на помощь Сербии из чувств солидарности и благодарности к своей освободительнице – России, поскольку, как трубила официальная пропаганда, шла борьба не на жизнь, а на смерть между славянством и германизмом. Но этого не произошло. Даже лидер демократической партии Болгарии, антантофил Александр Малинов, уроженец Бессарабской губернии, заявил: «Мы, во-первых, болгары, а потом уже славяне».

Российская империя не принадлежала к числу стран с устойчивыми демократическими традициями и свободной от правительства прессой. Однако по ряду причин иногда общественное мнение оказывало здесь сильное воздействие на процесс принятия внешнеполитических решений, связанных с православным балканским славянством. Так было во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. Так же произошло и в годы Первой мировой войны в отношении Болгарии. По причинам историческим возмущение и негодование общественности в адрес Болгарии получили в России больший резонанс, чем в других странах Антанты. Можно сказать, что вплоть до октября 1917 г. в России гораздо больше, чем в какой-либо другой стране Со-

гласия именно эмоционально-психологический момент в ущерб трезвому, прагматичному расчету оказывал влияние на процесс принятия важнейших внешнеполитических решений, связанных с Болгарией.

Болгария не спешила вступать в войну ни на стороне России, ни на стороне ее противников. Послушный царю Фердинанду кабинет «либеральной концентрации» Васила Радославова втянулся в дипломатический торг с представителями обеих враждовавших коалиций, стремясь заручиться от каждой поддержкой своих национально-территориальных вожделений⁵. Это послужило поводом к тому, что известный русский писатель Леонид Андреев в начале декабря 1914 г. опубликовал открытое письмо к болгарскому народу, озаглавленное «Торгующим во храме». В нем отношение Болгарии к сражающимся России и Сербии уподоблялось поведению торговцев из евангельской притчи. Письмо было написано с позиций славянофильства и великорусского патриотизма, без глубокого знания сущности балканских конфликтов.

Это письмо вызвало бурную реакцию в Болгарии как со стороны писателей и публицистов русофильского направления, например, корифея болгарской литературы Ивана Вазова, Димитра Мишева и Стилияна Чилингирова, так и русофобов, к числу которых относился Кирилл Христов⁶. Интересно проследить реакцию со стороны этих двух лагерей на выступление Андреева.

Газета «България», орган русофильской прогрессивно-либеральной партии в статье «Русские симпатии» писала, что Леонид Андреев – наиболее яркий выразитель мнений широких кругов русского общества. Поэтому, по мнению газеты, болгарским писателям следовало бы дать ответ всему русскому народу, а вовсе не одному Андрееву.

Ответ был таков: редакция газеты полагала, что русская интеллигенция и широкие массы разочарованы в Болгарии, но это недовольство не есть следствие одного только слабого знакомства с болгарскими делами или какого-либо сербофильства и желания выдвигать русские и сербские интересы. Недовольство России и требование оказать помощь Сербии объясняются особой психологией русской народной души: с присущим им духом всепрощения русские, в лице Л. Андреева, хотят, чтобы болгары простили сербам и помогли им. Русские сострадательны: они не могут видеть спокойно, что один братский народ обречен на гибель, а другой ему не помогает. Русский народ склонен к самопожертвованию: он всегда жертвовал собой для меньших своих братьев и поэтому неспокоен, видя, что малые государства не подражают его примеру.

Русской народной душе, продолжала газета, присуще смирение: русские безропотно исполняют свой долг, надеясь, что награда придет сама

собой. Психологию русского народа следует уважать и с ней надо считаться. Великий русский народ хотел бы и маленькую Болгарию приобщить к высокому строю своей души: болгары, забыв сербские обиды, должны помочь Сербии.

На основании сказанного газета прогрессистов пришла к выводу, что болгарской прессе следует спокойным тоном, без всяких обвинений, дать ясные объяснения поведения болгарского народа и его правительства. «Тогда было бы доказано, что народ не причастен ко всем предосудительным поступкам правительства, но что при сложившихся с Сербией отношениях Болгария не может выступить на помощь сербам»⁷.

Но перейдем к русофобам. Проправительственная газета «Народна политика» утверждала, что Леонид Андреев стал жертвой современного общерусского шовинизма⁸. Газета «Дневник» в статье «Русская интеллигенция» писала: «Очевидно, в душе русского народа непобедимо влияние завоевательного абсолютизма... Л. Андреев не исключение: его устами говорит русская душа, истинная опора кровавого деспотизма, которой русская интеллигенция всегда верила, как истинная питомица великого абсолютизма»⁹.

Таким образом, и русофилы, и русофобы объяснение находили в особенностях русской души, хотя эти особенности трактовали по-разному.

Когда же после годичного торга болгарское правительство все-таки выбрало коалицию Центральных держав и в октябре 1915 г. вступило в войну на их стороне, напад на Сербию, шквал негодования по адресу болгар выплеснулся на страницы российских газет. «Измену» Болгарии они пытались объяснить доводами морально-этического порядка. Помимо трафаретных выражений о «вероломстве» и «германофильстве» самого царя Фердинанда Кобургского, зачастую выводы политических обозревателей граничили с расизмом. Причина нередко виделась ими в особенностях этногенеза болгарского народа и его менталитета, социально-психологического облика, в котором татаро-монгольские черты якобы подавили первичное положительное славянское начало, превратив болгар в форпост азиатского варварства в цивилизованной Европе. Кроме того, твердила российская печать всех мастей, тевтоны умело использовали такие общие для них и для болгар качества, как хитрость, алчность и безмерная грандомания¹⁰.

Что же касается настроений в широких кругах российского общества, то колоритней всего, хотя и несколько упрощенно, их обрисовал человек с «другой» стороны. Управляющий болгарским консульством в Одессе Димитр Янакиев, готовившийся к отъезду на родину в те дни, записал: «Гром среди ясного неба! Болгария вступила в войну против России! Все

бренные слова и обвинения до сих пор сыпались на Болгарию за то, что она не пошла спасать Сербию и помогать России, а теперь – о небо! – она осмелилась идти против России... Сейчас уже вся Россия оскаливалась и грозила кулаком Болгарии – частное должно быть принесено в жертву общему. Как это болгары могут иметь цели вне славянства? Они должны быть наказаны и будут наказаны. И офицеры, и солдаты уже шли на “болгарский фронт”. Его еще нигде не было, но они были уверены, что он есть, – так им было сказано. А идти воевать на “болгарский фронт” считалось уже героизмом, подвигом.

Но еще не все потеряно, болгарский народ не послушает свое правительство, не пойдет за ним. В Болгарии будет революция – в это верят и об этом говорят даже серьезные люди», – с иронией заключал Янакиев¹¹.

Тогда же, в ноябре 1915 г., российский вице-консул в пограничном с Болгарией румынском городе Джурджу В.Е. Беланович составил записку «О настроении болгарского народа и о возможном отношении к русским военным действиям в Болгарии». Обобщающий характер документа говорит о том, что его автор претендует на исследование о менталитете болгар, а также на работу имагологического плана «Россия в глазах болгар». Полагаем необходимым остановиться на этой записке подробнее. По мнению Белановича, «основные черты характера болгарина: 1) упрямство; 2) слабая восприимчивость к новым идеям и 3) отсутствие того, что называется “гражданским мужеством”, т.е. способности из-за отвлеченных идей жертвовать положительным благом». Первые две черты характера болгар Беланович расценивал как благоприятные для России, ибо благодаря им в массе болгарского народа, несмотря на многолетнюю антирусскую пропаганду, сохранились чувства признательности, любви и уважения к России.

Но, продолжал вице-консул, «если болгарское правительство не сумело искоренить из упрямой души болгарина благоприятных для нас чувств, оно вполне успело создать в нем новую силу: враждебно настроенный к нам разум. Еще неокрепший, неспособный критически относиться к односторонне освещаемым фактам разум болгарской народной массы стал в противовес с его чувством и нейтрализует последнее. В этом драма болгарской души, сделавшая из болгарина безвольное орудие в руках поработившего их немца. Болгарский народ, – делал вывод Беланович, – сможет ожить для активной деятельности только тогда, когда окончательно поверит или своему врожденному чувству или обманутому разуму. Помочь ему в первом – задача, а может быть, даже долг России».

Затем Беланович описал чувства, которые, по его мнению, в тот момент определяли отношение болгар к России. Их три: «1) страх перед завоева-

нием и полным лишением самостоятельности, 2) страх перед наказанием за измену и 3) надежда, правда, очень смутная, на прощение, на удовлетворение хотя бы минимума национальных стремлений. Нетрудно предвидеть, – продолжал он, – что все те действия России, которые будут иметь характер осуществления первых двух опасений, будут встречены в Болгарии враждебно и, может быть, даже заставят доведенный до отчаяния народ “поднять руку на... русских воинов...”; и только те действия, которые будут, хотя бы отчасти соответствовать указанной надежде – против которой всячески борется антирусская пропаганда, утверждающая, что для Болгарии уже нет возврата к России и славянству, – смогут способствовать осуществлению ожиданий, высказанных в правительственном сообщении».

Резюмируя сказанное, Беланович предложил направить русские войска по течению Дуная; оккупировать Русе и другие придунайские города Болгарии. «Удар, нанесенный в эту сторону, будет нанесен главному врагу России в Болгарии – немецкому влиянию. ... Придунайские округа Болгарии вообще считаются русофильскими – плевенский, сливенский, старо-загорский, рушукский и т. д.». При удачном развитии событий, – прогнозировал российский дипломат, – «кроме достижения наиболее благоприятного для нас настроения народа, позволяющего и армии... сложить оружие перед Россией, это будет признано одной частью этой армии исполнением долга, а не позором, а другой – красивым жестом, который, к тому же, может вывести страну из безвыходного положения и за который, может быть, даже удастся потребовать награды»¹².

Но записка Белановича оказалась запоздалой. Военные действия на Балканах поздней осенью 1915 г. развивались столь стремительно, что вопрос о русском десанте в Болгарии отпал сам собой. Уже менее чем через два месяца после вступления болгар в войну Центральные державы с их помощью разгромили сербскую армию. Болгары стали хозяевами в вожделенной Вардарской Македонии, а Германия безраздельной госпожой почти на всем Балканском полуострове. Российскому военно-политическому руководству (да и общественному мнению) оставалось признать только самим себе, что у них коротки руки, чтобы «покарать» Болгарию за ее пресловутую измену...

Оставалось только бессильно негодовать. В петроградской газете «Голос» 2 апреля 1916 г. была помещена статья под красноречивым названием «Трижды изменница, трижды проклятая Болгария». Автор статьи утверждал, что Болгария якобы совершила тройное предательство: она изменила славянству, России и православию. Под последней «изменой» подразумевались замена в Болгарии с 1 апреля 1916 г. юлианского кален-

даря григорианским, в отрыве от других стран восточно-православной общности, а также переименование софийского храма Александра Невского в храм святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, и упорные (хотя, как впоследствии выяснилось, беспочвенные) слухи о переговорах царя Фердинанда с римской курией якобы на предмет подготовки церковной унии¹³. В разрыве с православием в эти же дни Болгарию обвиняли «Колокол», печатный орган Святейшего синода, а также газета П.П. Рябушинского «Утро России», выражавшая мнение буржуазно-либеральной общественности¹⁴. Не соглашаясь с бранными эпитетами, которыми столь разные издания единодушно «награждали» Болгарию, нельзя не разделить их убежденность в том, что эти мероприятия болгарского правительства имели не только и не столько конфессиональный характер, сколько политический, символизируя окончательный разрыв Болгарии с Россией. Так, в болгарском офицозе «Народни права» от 16 марта 1916 г. говорилось: «Надо искоренить все следы русского влияния. Имя Александра Невского, признанного святым только в России, ничего не говорит сердцу болгарского народа. ...Болгария должна, наконец, отказаться от роковых ошибок и традиций, должна жить собственным сердцем и лишь для самой себя».

Независимо от отношения к факту переименования храма, точно так же оценивало его подоплеку большинство населения Болгарии. Например, орган «тесных» социалистов «Работнически вестник» 21 марта писал, что вера во всемогущество русского царя уже поколеблена до основания «страшным поражением» России в европейской войне. Теперь же правительство, по мнению газеты, спешит воспользоваться удобным для него моментом, чтобы разорвать и духовные связи русофильской массы с прошлым. «Вопрос о переименовании церкви является поэтому скорее политическим, чем церковным, ибо выкидывание русского святого из болгарской церкви имеет целью искоренить русофильское суеверие болгарского народа, этот основной капитал русофилов», — заключала газета.

Показательной для характеристики отношения большинства русского народа к Болгарии весной 1916 г. была концовка вышеупомянутой статьи «Голоса»: «На голову трижды изменившей Болгарии падет и тройное проклятие всемирного презрения и крушение всех национальных надежд. Навеки вычеркнуто из сердца русского народа все, что связывало его с Болгарией, никакого вопроса о примирении быть не может, и Немезида истории скажет свое решающее слово».

Одним из немногих российских политических деятелей, которые пытались подняться над эмоциями и вникнуть в резоны болгарской стороны, побудившие ту примкнуть в войне к коалиции Центральных держав, был лидер кадетской партии П.Н. Миллюков. Его речь в Государственной думе

24 марта 1916 г. вызвала широкий резонанс. Милюков более всего критиковал российскую дипломатию и ее руководителя министра иностранных дел С.Д. Сазонова, из-за ошибок которых была непростительно «потеряна» Болгария¹⁵. 29 марта Сазонов получил телеграмму от совета московского славянского комитета, в которой говорилось: «...Речь Милюкова содержит в себе бесспорные ошибки и неверности... Совет славянского комитета находит необходимым положить предел иллюзиям относительно болгар и признает, что в измене Болгарии виноваты не только Фердинанд Кобургский и правительство, но и болгарский народ и что измена Болгарии не может остаться безнаказанной»¹⁶. Через год, после Февральской революции 1917 г., сам Милюков, оказавшись ненадолго в кресле министра иностранных дел, попытался претворить на практике свои взгляды в отношении Болгарии. Он стремился оторвать ее от Центральных держав путем заключения с нею сепаратного мира, но потерпел неудачу¹⁷.

Что же касается «русофильского суеверия» болгарского народа, то, действительно, иногда создавалось впечатление, что оно неизменно. Об этом свидетельствуют воспоминания большевика Н.А. Семашко, ставшего после Октябрьской революции одним из организаторов советского здравоохранения. Во время мировой войны, будучи гражданским врачом, он оказался на сербской территории, оккупированной болгарскими войсками, был интернирован и отправлен в город Пештера, где под полицейским контролем занимался медицинской практикой. По его словам, в условиях русско-болгарской войны «эта любовь болгарского народа к русским выявилась ... еще резче. Многие болгары наклонялись ко мне и шепотом говорили: "Да если бы русские пришли, мы бы им лесные тропинки показали, как пройти"».

Семашко поведал об одном курьезном случае. «Один болгарин усиленно приглашал меня попробовать у него чистого виноградного вина. Я выбрал время и пошел. Хозяин действительно угостил меня прекрасным вином. И в порыве гостеприимства он подвел меня к жбану, раскрашенному в русском национальном стиле, но накрытому покрывалом. Сдернул покрывало – и я увидел разрисованную физиономию Николая II. Хозяин даже подскочил от радости, думая, что он доставил мне величайшее удовольствие»¹⁸. Конечно, для большевика Семашко это удовольствие было сомнительным. Однако сам факт свидетельствует о том, что многие болгары, в том числе слабо разбиравшиеся в перипетиях внутрироссийской политической борьбы, не боялись проявлять свое русофильство, даже рискуя собственным благополучием в суровых условиях военного времени.

Тем временем, в конце августа 1916 г. в мировую войну на стороне Антанты вступила Румыния, а 1 сентября, под давлением из Берлина, войну

ей объявила Болгария, начавшая наступление в Добрудже. В соответствии с условиями военной конвенции Россия оказала новой союзнице помощь, направив в Добруджу 47-й армейский корпус под командованием генерала А.М. Зайончковского.

Над русскими и болгарам довлела историческая память, эхо Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая велась за освобождение Болгарии. Предстоящее столкновение освободителей и освобожденных чрезвычайно волновало обе стороны. Русофильская оппозиция в Болгарии упорно утверждала, что признательные и благодарные болгарские солдаты не поднимут оружие против «братушек» – внуков своих освободителей. Рассчитывал на это и Зайончковский, который в специальном обращении к болгарским воинам прославлял «великодушные освободительницы»: «Русские войска идут воевать не с вами, а против немцев, турок и их союзников Фердинанда и Радославова». Концовка обращения звучала как заклинание: «болгары не поднимут руку против своих освободителей, не прольют братскую русскую кровь»¹⁹. Не вполне уверенно чувствовало себя и высшее болгарское командование, хотя ранее главнокомандующий генерал-майор Никола Жеков публично заявлял: «Если Россия попытается атаковать нас, она обнаружит, что наша армия будет сражаться с тем же энтузиазмом, что и против англичан и французов»²⁰.

Момент истины наступил 5 сентября 1916 г. В этот день в районе города Татар-Пазарджик (ныне Добрич) произошло первое столкновение русских войск и частей 3-й болгарской армии. Шедшая в атаку казачья конница была расстреляна в упор орудийным и картечным огнем. На следующий день после ожесточенного штыкового боя болгары заставили отступить воинов 61-й российской пехотной дивизии. После этого командующий 3-й болгарской армией генерал-лейтенант Стефан Тошев – русский воспитанник, подозреваемый (как выяснилось, необоснованно) в русофильстве, – с явным облегчением и не без гордости заметил: «В этот день раз и навсегда была погребена легенда о том, что болгарские войска не будут биться против своих русских освободителей»²¹.

Непросто давалось обоим сторонам это вооруженное противостояние «не на жизнь, а на смерть», первоначально не все солдаты были к нему готовы психологически. Болгарский полковник Сава Стоянович в своих мемуарах описывает бой 20 октября возле добруджанского села Мулчиова, где около полуроты российских бойцов обороняли редут. «Трогательным было их поведение, – пишет Стоянович, – полным трагизма был конец горстки бесстрашных защитников этого окопа. Они вызвали у наших простодушных и незлобивых солдат чувства удивления и сожаления. – “Эх, что за упорный народ... Вроде смотришь на него, лежит раненый, а не дает

тебе приблизиться к нему: поднимается с винтовкой и опять стреляет, бросает гранаты и ругается, но живым в плен не сдается. Поэтому хочешь, не хочешь, а надо его добивать. А жалко такого молодца, ребята. Были бы это румыны, тогда ладно, а то русские, как-никак – все-таки братья...” – такие разговоры слышал я от некоторых наших пожилых солдат», – продолжает Стоянович.

«Но были и такие, разумеется, из молодых, которые озлобленно бранились: “Э-э, чего их жалеть? Братья, да? А то, что они половину нашей роты перебили, как собак, ничего, да? У нас лучшие ребята погибли. А они и не сдаются. Уже рухнул на землю, падаль, душа его наполовину улетела – а опять гранату бросает...”».

Этот случайно подслушанный разговор навел полковника на тягостные раздумья: «Была ли тут какая-то жестокость, какой-то цинизм – не знаю. На мой взгляд, первые по-своему правы, но можно ли обвинить и других? Такова психология человека, так гласит и глубокая философия войны, хорошо выраженная в русской народной мудрости “Своя рубашка ближе к телу”»²².

Как видим, отношение болгарских солдат к русским во многом определялось возрастным фактором. Молодость тех, кто был постарше, прошла «в тени» войны за Освобождение – соответствующим было и их воспитание, с непоколебимой верой в «дядю Ивана», т. е. в Россию. Преодолеть этот стереотип в зрелом возрасте им было трудно. Молодежь же, выросшая и воспитанная уже в независимой Болгарии, была свободна от таких сентиментальных предрассудков и рассуждала прагматично – на войне, как на войне! Психология «свой – чужой» в данном случае проявлялась отчетливо.

Однако героизм русских солдат признавали все. Стоянович пишет: «Русские своим поведением подали достойный уважения и подражания пример храбрости, а также честно и до конца выполненного воинского долга. Обстреливаемые убийственным перекрестным огнем со всех сторон они бесстрашно оттаивали свой окоп до последнего, несколько раз заставив наши цепи, поднимавшиеся в атаку, залечь и прижаться к земле, чтобы не быть скошенными их ружейным и пулеметным огнем».

В бою под Мулчиовой уцелели немногие русские воины. Последним из оставшихся в живых «был фельдфебель – высокий здоровяк. Он успел выскочить из окопа, – свидетельствует Стоянович, – наши его окружили и предложили сдаться. Однако этот несчастный яростно забросал их сверху гранатами, но пал, пронзенный штыками трех или четырех наших солдат».

Позднее из рассказов раненных и пленных русских воинов Стоянович выяснил причину, которая, по его мнению, объясняла столь яростное со-

противление и стремление ни в коем случае не попасть в болгарский плен. Оказывается, союзники-румыны уверяли их в том, что болгары никого не держат в плену, а убивают всех, кто сдается живым²³.

Не может оставить равнодушным и описание Стояновичем другого боя. Речь идет о сражении 2 декабря уже в валахской части Румынии, на ближних подступах к Бухаресту, у села Комана, когда болгары сошлись в ожесточенной штыковой схватке с войсками 4-й пехотной Сибирской стрелковой дивизии. Произошла «страшная встреча учителей и учеников, возвращенных и воспитанных на одной и той же доктрине», в духе суворовской «Науки побеждать»: «Пуля дура, штык молодец». Бой шел в лесном массиве, по обе стороны шоссе и на самой дороге, и закончился, в конечном счете, отступлением русских.

«О великом ожесточении и упорстве, с которыми и те, и другие отстаивали каждую пядь земли, свидетельствовал сам лес. ...Он был поистине залит кровью и усеян трупами.

Но два трупa, лежавшие расprostертыми друг возле друга на опавших листьях, в нескольких шагах от дороги, обратили на себя всеобщее внимание. Каждый указывал на них, каждый останавливался посмотреть на них, и у каждого они вызывали глубокое чувство умиления и печали. Два брата, два дивных богатыря – болгарин и русский. Еще вчера, здоровые и сильные, принесенные злой судьбой из дальних краев и противопоставленные в качестве непримиримых врагов, они буйно налетели друг на друга. Объятые непреклонной волей расчистить себе путь, не допуская даже мысли об обороне, они со страшной силой и яростью взаимно забили свои штыки до самых рукояток в богатырские груди. От силы и стремительности удара они рухнули на землю будто снопы, заливаясь смешавшейся братской кровью. словно две встретившиеся волны, они столкнулись и разбились в пену и прах.

Оба лежали кротко и тихо один подле другого. Лица их были спокойны.

На следующий день их похоронили вместе, в одной могиле. А с двух сторон простого деревянного креста ... свисали серая русская папахa и бежевая болгарская фуражка, словно живые слова, говорившие красноречивее самой восторженной надписи»²⁴.

Бой продолжился на следующий день. По словам Стояновича, «картина этого боя была поразительной. Это была настоящая глупая “брусиловская” атака: целые массы людей наступали плотными группами, и, естественно, их массово убивали и ранили. Эти стройные ряды первоначально походили на плотные зубы молодой девушки, а уже в следующий момент напоминали страшное, зияющее отверстие – уста старухи, в которых остались торчать всего несколько зубов... Жалко, до боли жалко было наблюдать

страшные опустошения, произведенные снарядами в их (русских. – Г.Ш.) рядах»²⁵.

«Но что делать?» – задавался вопросом Стоянович, подобно многим своим товарищам по оружию. «Мы только исполняем наш долг, без ненависти. От нашего возможного поражения здесь будет зависеть судьба не только Бухареста. Вторжение русских войск сюда, а затем и в наш тыл, грозило нам опасностью или быть разбитыми и плененными, или быть сброшенными в Дунай и утопленными там.

Сейчас мы наблюдали, как эти несчастные употребляли отчаянные усилия, царапая руками землю, ползком на животе стремились добраться до спасительного окопа. И наши простачки не таили к ним никакой злобы... – “Жалко их, хорошие они люди и воюют хорошо... Но что им надо тут, у румын?”». К слову сказать, этим вопросом осенью 1916 г. задавались не только рядовые солдаты, но и вся болгарская общественность. Так, давний и испытанный русофил, народный поэт Иван Вазов, известный своим проникновенным стихотворением «Здравствуйте, братушки!», теперь обратился с воззванием «К русским воинам!», вопрошая, что они делают в Добрудже и кого защищают, бросая тень на святое дело освободителей 1877–1878 гг.

Вопреки страшному ожесточению, с которым велись бои в Добрудже, несмотря на внутреннее смятение и борьбу в душах болгарских солдат, всё-таки брало верх их гуманное отношение к русскому противнику. «Бедные братушки опять усеяли поле своими трупами, некоторые из которых лежали совсем близко, перед нашими окопами. Было видно, как многие несчастные раненые, преодолевая мучения, с трудом ползли к своим окопам. Понятно, что наши их не трогали...»²⁶.

Помимо храбрости, упорства и героизма русских воинов, болгары отмечали их «кавалерское» отношение к противнику. Так, Георгий Георгиев, кандидат в офицеры 41-го пехотного полка, вспоминает, что однажды, когда мимо него проходила колонна русских пленных, один из них, обратившись к болгарам, громко произнес: «41-й полк первой Софийской дивизии». Удивленный Георгиев, остановив колонну, спросил: «Откуда ты знаешь, что мы из первой дивизии?». «Как не знать, – ответил тот, – как только нас взяли в плен, мы сразу же спросили об этом – хотели знать, что это за дивизия, которая нас разбила»²⁷.

Милосердное отношение к военнопленным было наиболее показательным проявлением гуманизма. Предоставим слово тому же Стояновичу. «Доставили несколько русских пленных, которые очень интересно рассказывали о том, как их бросили в атаку, напоив предварительно чаем и водкой. “Покушали утром чайку, потом дали нам и порцию водки. А

затем перекрестились и пошли в атаку..." Имели они право, бедолаги, перекреститься, сколько народу пало убитыми и ранеными. И возникли новые братские захоронения, где сейчас мирно покоятся в одной могиле вчерашние враги и братья, которых какой-то злой демон столкнул друг с другом. Еще жальче становится, когда подумаешь, что и те, и другие так славно сражались и такие золотые детские сердца носили в себе...

Русские военнопленные сидели возле костра. Наши им давали хлеб и суп, относились к ним как к друзьям – "своим людям". Да разве может быть иначе, – вопрошает Стоянович, – разве могут наш солдат и братушка, когда встречаются без оружия, не подружиться сразу же? Да только посмотреть, как они разговаривали – наши их с большим любопытством расспрашивали о том, о сем... Как хорошо они понимали друг друга...

После боя под Мулчиовой он «увидел двух русских в высоких серых фуражках, сидевших у канавы с правой стороны дороги. Это были первые "братушки", которых я встретил. Оба были ранены – один в руку, другой в бедро. Я остановил коня на минутку, чтобы порасспросить и поговорить с ними. ...Несчастные, совсем молодые ребята...» Имя одного из них Стоянович запомнил – Дмитрий Воынский. «Я утешил их, как мог, успокоил, сказав, что сейчас придут санитары и заберут их. "А, барин, скажите, нас, верно, убьют?" – спросил один из них трогательным детским голосом. Я их успокоил, прищипорил коня и поехал дальше, стараясь сдержать нахлынувшие слезы»²⁸.

А вот еще один схожий случай, поведенный болгарским полковником. «Один из встретившихся пленных, уже взрослый мужчина, наверно, оставивший дом, жену и детей, когда я его остановил, дабы расспросить о чем-то, посмотрел на меня боязливо и спросил: "А с нами ничего не будет?". Хотя этот неожиданный вопрос и застал меня врасплох, я сразу понял и весело ответил: "Ты, брат, здесь у своих... Нечего бояться!..." При этих моих словах бедняга заплакал, снял шапку, широко перекрестился и с просветлевшими глазами набожно произнес: "Слава тебе, Господи!". И обращаясь ко мне с глубоким поклоном, прибавил: "Спасибо, Ваше Богородие". Хотел я ему сказать ещё что-то, но почувствовал, как будто ком подступил к моему горлу»²⁹.

О сходном случае рассказывает член партии «тесных» социалистов Димитр Петров, служивший солдатом в 35-м Врачанском полку. По его словам, болгары «стремились как во время боев, так и в обращении с пленными, поступать (в отношении русских. – Г.Ш.) так, как следует относиться к братьям». Во время наступления в Добрудже часть, в которой служил Петров, проходила мимо больших стогов сена. В одном из них он обнаружил трех русских солдат, отставших от своих во время отступ-

ления. Как пишет Петров, «неожиданность, как для них, так и для меня, была немалая. А тогда у нас был приказ нашего командира дивизии генерала Кантарджиева пленных живыми не брать или же, если таковые все-таки будут, их следовало убивать. Увидев меня, трое “пленников”, один из которых был очень молод, заметно смутились – они, вероятно, боялись, что мы их убьем. Я постарался их успокоить, как это ни было трудно, и после того, как они убедились, что их жизнь вне опасности, настал самый трогательный момент – невольно, инстинктивно, со слезами на глазах мы начали обнимать и целовать друг друга – они потому, что их жизнь спасена, а я от радости, что увиделся с моими братьями со схожей участью и судьбой. Милая сцена, которая никогда не сотрется из моей памяти. Согласно обычаям войны, их следовало обезоружить. Я вынул затворы их винтовок, а сами винтовки отдал им... Я повел их туда, где наша часть должна была остановиться на ночлег. Мы разговорились, и я понял, что они, подобно мне, ненавидят царя, капитализм и войну, что и они так же хотят мира, чтобы скорее вернуться домой. Это еще больше нас сблизило. Поскольку уже было поздно, они легли спать в моей палатке, и на утро я их передал в нестроевую роту нашего полка. Там их использовали на работе. Пока наша часть двигалась с этой ротой, они почти каждый день приходили ко мне, чтобы выразить таким способом свою благодарность за то, что остались живы. Так наши друзья спасли много русских пленных, вопреки приказу командира дивизии, поскольку, если нам удавалось их уберечь в первые дни, то затем они, так сказать, легализировались в виде кухонных и полевых рабочих, в которых тоже была нужда»³⁰.

Мемуаристы приводят много трогательных примеров духовной близости русских и болгар. Так, после одного из боев Стоянович повстречал группу русских пленных. «Интересные они были, – вспоминает полковник, – большинство из них молодые, почти дети, и такие же добродушные и наивные. Говорили, что и сами не знают, почему и с кем бьются. И очень удивлялись, что нас, “врагов”, они так хорошо понимают, а из “поганого” языка своих друзей-румын не понимали ни словечка».

Из-за близости двух славянских языков бывали и такие случаи, которые можно назвать забавными, если бы они произошли не на войне. «Наши солдаты, – повествует Стоянович, – поведали мне об ординарце одного русского поручика, который сам наивно рассказывал о том, каким образом попал в плен. “Пошел я, – рассказывал он по-русски, – за своей ротой, чтобы догнать своего поручика, которому нес еду. Вошел в лес и заблудился в нем, проклятом. Иду себе спокойно, зная, что впереди наши. Вдруг навстречу мне кто-то выходит и кричит: “Стой! Кто там?” Ну, говорю себе, наконец-таки нашел своих. (Русские тоже говорят “Стой!” и “Кто

там?" – поясняет Стоянович). Я отругал их за то, что своих не узнают, и быстрее пошел вперед. В это время я услышал выстрел, и пуля просвистела возле моего уха. Я бросился на землю. Но сразу же почувствовал, что два человека меня схватили за руку и подняли. Черт побери, смотрю, солдаты как наши – серые шинели, фуражки. Только говорят по-другому. И только когда меня повели из леса, я понял, что попал в капкан, что это болгары. Эх, на всё воля Божья! Пленник – значит пленник! Вы хорошие люди. Только поручика мне жаль, что остался, бедняга, без еды...". Впоследствии, добавляет Стоянович, один из болгарских врачей «взял этого парня к себе ординарцем и был очень доволен его усердием»³¹.

Столь доброе обращение болгар с русскими пленными контрастировало с негуманным поведением их союзников – немцев и турок, что производило на болгар тяжелое впечатление. По словам Стояновича, в германском плену «эти горемыки умирали от холеры как мухи. Мне показали целые кладбища несчастных, ставших жертвами этой проклятой болезни». А однажды полковнику встретила группа пленных, сопровождаемых турецкими солдатами. Полковник вспоминал: «При этой встрече, не знаю почему, у меня защемило сердце... Русские солдаты, понукаемые турками, идут мимо нас, болгар, а мы равнодушнозираем на них... Все это мне казалось таким неестественным»³².

Если доброе отношение болгар к русским пленным вызывало у Стояновича слезы умиления и душевные страдания, то русофобски настроенный военный священник 48-го пехотного полка Атанас Маджаров, напротив, не скрывал недовольства политической «незрелостью» своей паствы: «Мимо проходило много пленных русских – все веселые и улыбающиеся. На меня произвело впечатление отношение наших к ним: никакой ненависти! Как будто они делали общее дело. Братски делись с содержимым своих ранцев и мешков для сухарей... Пустая славянская душа!» – с явной досадой восклицает Маджаров³³.

В чем-то, наверное, он был прав, поскольку иногда доброе отношение к русским пленным обращалось против самих болгар. Так, Стоянович рассказывает, что в конце декабря 1916 г. к нему на допрос привели двух русских солдат, взятых в плен безоружными. «Один из них, невысокого роста, молодой, может быть, около 20 лет, паренек, произвел на меня впечатление своим необычайно живым и подвижным взглядом. Говорил медленно, прикидываясь чуть ли не идиотом, а в то же время его маленькие, но блестящие раскосые глазки чертовски зыркали из-под бровей во все стороны. Явно было, что он высматривает, ищет что-то... Адьютант же 6-го пехотного полка поручик Димев по своей доброте и наивности ничего не замечал, а только подшучивал над ним. Сели друг возле друга у костра,

греются, потирают руки и смеются. Тот его поддразнивает, пытаясь говорить по-русски, и спрашивает: “Тебе холодно, братушка?”. “Холодно, ай как холодно!” – простодушно отвечает солдат. И, поскольку таков был его русский словарный запас, Димев раз этак двадцать повторял один и тот же вопрос. И столько же раз получал все тот же монотонный ответ. “Послушай, Димо, – говорю ему, – мне кажется, что этот парень сущий дьявол, посматривай за ним в оба!”. “Ах, господин полковник, да куда ему? Разве Вы не видите, насколько он наивен? Да и душа-то у него в чем только держится?”. Допрос ничего не прояснил, ибо парень прикидывался дурачком, и его отправили в село, в лазарет... После того, как его переодели и накормили, он сбежал из лазарета. Наши солдаты поймали его в селе – возле артиллерийских батарей.

Когда его спросили, почему он убежал, он сказал, что ему было “холодно” и, строя из себя дурака, даже настаивал, чтобы его отпустили уйти к своим. Дескать, он уже согрелся и наелся.

Его опять вернули в лазарет с наказом следить за ним и не выпускать из села. Поздно вечером наши патрули опять его поймали, и на этот раз уже возле моста, когда он пытался перейти за реку... И опять притворялся полумным и настаивал, чтобы наши его отпустили. “Я хочу уйти, – говорит. – Сам пришел, теперь же хочу вернуться”. Увидел человек, что ему надо, и больше ему незачем тут находиться. А солдаты, которые его привели, рассказывали, что по пути он, словно оборотень, все осмотрел».

Это усилило подозрения Стояновича и убедило его в предположении, что данный солдат направлен в распоряжение болгар со шпионским заданием. Полковник снова его отправил в лазарет, но на этот раз под стражей и предупредил, что, если он сделает только один шаг в сторону, то будет застрелен³⁴. Трудно обвинять болгарского офицера в излишней суровости. Ведь на войне чрезмерные сантименты в отношении противника могут дорого обойтись тем, кто их проявляет...

Иное дело сострадание к мирным жителям, ввергнутым в водоворот войны. Общеизвестно, что отступавшая из Добруджи в Молдову румынская армия угнала с собой около 25 тыс. человек мирного болгарского населения. Почти половина из них погибла вследствие голода, болезней и изнурительного труда³⁵. Некоторых из них спасли русские офицеры. Так, один из угнанных за Дунай добруджанских крестьян, Руси Колев вспоминал, что возле реки Яломицы «румыны приготовили пулеметы, чтобы нас (т. е. болгар. – Г.Ш.) расстрелять, но нас спасли русские. Мимо проезжали три русских полковника и, узнав, что мы болгары, сказали: “Позаботьтесь об этих людях, потому что однажды Болгария будет их искать”»³⁶.

Иногда, правда, сочувствие русских солдат было платоническим и не влекло за собой оказание конкретной помощи мирному болгарскому населению. Так, Гено Генов повествует о расстреле жителей добруджанского села Сребърна румынскими солдатами. Лежащий среди трупов раненый Генов притворился мертвым и потому уцелел. А вот что, с его слов, произошло затем: «Приехали два русских кавалериста и, увидев меня живым среди мертвых, спросили, кем убиты эти люди. Я сказал, что румынскими солдатами. Они выругались, обозвав тех собаками, и уехали...»³⁷.

Тем временем, постепенно, под натиском войск Четверного союза, русские и румынские войска отступали к границе Российской империи. Сражения становились всё кровопролитнее, в том числе и по причине использования русской армией артиллерийских снарядов калибром 210 мм. Их болгары называли «русскими бабушками», зачастую приговаривая: «Русская бабушка опять к нам летит!» (по-болгарски это хорошо рифмуется). Однако в конце 1916 г. участились случаи добровольной сдачи русских солдат в плен. Как уже впоследствии стало ясно Георгиеву, «это были далекие, отрывочные предвестники русского разложения, русской революции, русской государственной и национальной катастрофы»³⁸.

Впрочем, признаки падения дисциплины проявлялись и в некоторых подразделениях болгарской армии, правда, по другим причинам. Дело в том, что к концу декабря болгарские войска вышли к реке Серет. «Конец Румынии! Еще один бросок – и перед нами большая, великая, необъятная Россия! Вот куда ступила нога нашего солдата!», – пишет Георгиев³⁹. Соблазн был велик, хотя непосредственные цели, ради которых Болгария ввязалась в мировую бойню, в Добрудже уже были достигнуты. Для простых болгарских крестьян, одетых в солдатские шинели, стратегические соображения не имели значения. Для них важным было то обстоятельство, что Добруджа уже освобождена и присоединена к Болгарии, как тогда казалось, навсегда. Вступать на российскую территорию и, тем более, вести там бои с русской армией не хотелось. Это нежелание проявилось при формировании Сборной дивизии, которая должна была сменить 1-ю софийскую пехотную дивизию на позициях у Серета. Так, в 35-м Врачанском и в 36-м Козлодуйском полках уже в первый день после отправки на фронт были найдены 14 листовок с призывами к солдатам не ехать на Серет. Угрозы в адрес офицеров, которые, дескать, гонят туда солдат, перемежались с утверждениями, что, если даже рядовые бойцы приедут на фронт, то только с целью сдать русским. Командир дивизии, уже упомянутый генерал-майор Тодор Кантарджиев в своих мемуарах отмечал, что в те дни «явно проявлялось организованное выражение недовольства»⁴⁰. Данный факт встревожил и главнокомандующего Жекова⁴¹.

К началу 1917 г. фронт стабилизировался вдоль Серета. Болгарский посланник в Берлине Димитр Ризов увидел в этом факте проявление государственной мудрости со стороны своего близкого родственника, премьер-министра Радославова, которому 8 января 1917 г. телеграфировал следующее: «Эта война самым наглядным образом доказывает, какую важную роль играют нравственные элементы в политике, особенно малых государств. Вот почему я считаю актом государственной дальновидности тот факт, что наши войска не вступили на российскую территорию в качестве врагов. Зная хорошо психологию русского народа, я уверен, что он легко нам простит то, что мы защитили свою родину, даже от тех, кто ее когда-то освободил, но никогда не простит нам, если мы вступим на его землю. Оставаясь непоколебимым сторонником нашей нынешней внешней политики, я думаю, что, окруженные неприятелями, мы гораздо лучше обеспечим будущее Болгарии, если не разорвем все нравственные связи с Россией»⁴². Следует признать наличие рационального зерна в этих рассуждениях Ризова, слывшего до войны русофилом⁴³.

Маневренная война и ожесточенные бои русских и болгарских солдат сменились их позиционным противостоянием. Признаки обоюдного умиротворения проявились уже в самом факте установления кое-где на некоторых участках фронта негласного рождественского перемирия. Войны враждующих армий, принадлежавшие к одной и той же православной конфессии, отнеслись к противнику по-христиански, предоставив возможность спокойно встретить светлый праздник Рождества Христова⁴⁴.

В условиях позиционной войны на Серете в январе-феврале 1917 г. продолжилось установление контактов между русскими и болгарскими солдатами, кое-где происходили братания. Так, рапорты военно-полицейской секции при штабе 3-й болгарской армии указывают, что 3 февраля на льду замерзшей реки возле села Максинень с русскими солдатами встретились трое болгар, 14-го – еще трое, 22-го – четверо⁴⁵. Кантарджиев, уведомленный об этих фактах германским командованием, срочно прибыл в Максинень. Здесь на совещании с командирами бригад и полков он квалифицировал данные события как преступления. Изданный им особый приказ извещал, что каждый, кто приблизится к неприятельскому солдату, сам будет считаться таковым и должен быть немедленно расстрелян артиллерийским залпом с болгарской позиции. За все подобные случаи ответственность должны были нести также и непосредственные командиры виновных солдат⁴⁶.

В те месяцы обе стороны фиксировали случаи добровольной сдачи в плен. Один из них приводит Кантарджиев. «Находившийся на фронтовой позиции патруль из 11 солдат под командованием кандидата в офицеры,

среди бела дня, демонстративно, на глазах однополчан, сидевших в окопах, встретился с русским патрулем, которому и сдался вместе с оружием. Секретный пост, находившийся на позиции перед окопами, целиком исчез ночью»⁴⁷. Зафиксирован и случай групповой сдачи русских солдат в болгарский плен, имевший место в том же селе Максинень⁴⁸. Очевидно, все более сказывалась усталость от войны солдат обеих армий.

В этих условиях в начале марта 1917 г. фронта достигли известия из Петрограда о свержении российского царизма. Новость всколыхнула солдат по обоим берегам Серета. Из-за стремления болгар узнать подробности их дружеские встречи и братания с русскими солдатами участились. Теперь уже в них принимали участие бойцы не только Сборной, но также Преславской и Бдинской дивизий. Солдаты обменивались табаком, сахаром, чаем и даже воинскими фуражками⁴⁹. В болгарских окопах появились листовки, написанные по-русски: «Мы сбросили нашего царя, сделайте то же самое и вы с Фердинандом, ведь он немец и орудие Вильгельма»⁵⁰.

Весной 1917 г. процесс революционизирования и разложения русской армии нарастал. Накануне Первомая, вечером 30 апреля по инициативе, исходившей из русских окопов, на нейтральной полосе у Серета состоялась встреча 14 болгарских и 16 российских солдат, сержантов и офицеров. В результате было объявлено солдатское братание и перемирие между полками 13-й Сборной болгарской дивизии и противостоящими им частями Сибирского армейского корпуса. Это было одно из первых больших солдатских перемирий на Восточном фронте. Как свидетельствует уже упомянутый Димитр Петров, «была прекращена всякая стрельба как с нашей, так и с русской стороны; часто с обеих сторон доносилась музыка, наши и русские солдаты пели и веселились, наступило негласное настоящее перемирие»⁵¹.

В этих условиях ускорился процесс революционизирования болгарских частей. «Тесняки» призывали солдат действовать «по-русски» и создавать солдатские комитеты, которые могли способствовать скорейшему завершению братоубийственной войны⁵². Все попытки генерала Кантарджиева сорвать солдатское перемирие остались без результата. Оно продолжалось 103 дня – с 30 апреля по 10 августа 1917 г. – и прекратилось по вине русской стороны, когда 16 эсеровских «штурмовых батальонов смерти» имени А.Ф. Керенского и несколько новоприбывших дивизий внезапно начали наступление на данном участке фронта против 53-го пехотного полка болгарской армии. В результате 399 болгарских солдат и сержантов, а также 12 офицеров попали в плен. Нарушение русскими солдатского перемирия вызвало глубокое разочарование среди болгарских воинов, многие из которых разуверились в идеалах русской революции⁵³.

Приход к власти в Петрограде большевиков в ноябре 1917 г. советский Декрет о мире, заключение 9 декабря уже не солдатского, а официального перемирия на Румынском фронте, и наконец, подписание Брестского мира между Россией и странами Четверного союза, в том числе Болгарией, — все это способствовало прекращению русско-болгарского вооруженного противостояния. Отношения между двумя близкими народами вступили в новый исторический этап...

Примечания

- ¹ Советская болгаристика: Итоги и перспективы. М., 1983. С. 4.
- ² См. подробно: Трифонов Й. Историческое объяснение на вярата в "Дядо Ивана" (Русия) у българския народ // Библиотека на Славянска беседа. Т. I. София, 1908. С. 124–199.
- ³ Косик В.И. Освобождение, освобождение, освобождение... // България и Русия между признателността и прагматизма. София, 2009. С. 135–136.
- ⁴ Марков Г. България между царска и съветска Русия // България и Русия през XX век. София, 2000. С. 13.
- ⁵ См. подробно: Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л., 1947. Т. I. Потеря Союзниками Балканского полуострова. С. 72–81, 229–244, 328–332.
- ⁶ Мишев Д., Чилингиров С. Леониду Андрееву. Два ответа на его статью "Торгующим во храме". София, 1914; Христов К. Бурни години. София, 1916.
- ⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 1470. Оп. 1. А.е. 295. Л. 92–93.
- ⁸ Там же. Л. 66.
- ⁹ Там же. Л. 49.
- ¹⁰ Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 210; Райчевски С. България в световните хроники 1912–1919. София, 2000. С. 137–141. Точку зрения официальной болгарской пропаганды на факт "измены" см.: Rizov D. Bulgarien und Russland: "Der bulgarische Verrat". Berlin, 1917.
- ¹¹ Народни права. 25 септември 1918 г.
- ¹² Архив внешней политики Российской империи (далее –АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3779. Л. 216–220.
- ¹³ Голос. 2 апрель 1916 г.
- ¹⁴ Колокол. 13 апрель 1916 г.; Утро России. 1 апрель 1916 г.
- ¹⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3243–3260.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3779. Л. 253–255.
- ¹⁷ См. подробно: Шкундин Г.Д. Болгарское фиаско П.Н. Милюкова в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 197–209.

- ¹⁸ Цит. по: Биография дружбы. М., София, 1984. С. 173–174.
- ¹⁹ Цит. по: *Марков Г.* Голямата война и Българската стража между Средна Европа и Ориента 1916–1919 г. София, 2006. С. 21.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4400. Л. 41.
- ²¹ Цит. по: *Марков Г.* Голямата война... С. 22.
- ²² Стоянович С. Оръдията през декември: Румънският ни фронт 1916–1917 г. София, 1993. С. 129.
- ²³ Там же. С. 130–131.
- ²⁴ Там же. С. 212–213.
- ²⁵ Как бы вторя Стояновичу, современный российский историк С.Г. Нелипович активно выступает за демифологизацию генерала А.А. Брусилова и его вклада в военное искусство. См.: *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 632–634; *Он же.* Наступление Юго-Западного фронта в 1916 г. (Брусиловский прорыв): Война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3.
- ²⁶ *Стоянович С.* Указ. соч. С. 218, 221–222.
- ²⁷ *Георгиев Г.* Един от първа дивизия. София, 1992. С. 68–69.
- ²⁸ *Стоянович С.* Указ. соч. С. 132–133, 162.
- ²⁹ Там же. С. 224–225.
- ³⁰ 17-та година: Спомени на български революционери за Октомврийската революция и отражението ѝ у нас. София, 1957. С. 213–214.
- ³¹ *Стоянович С.* Указ. соч. С. 214.
- ³² Там же. С. 166, 261–262.
- ³³ Цит. по: *Нинов Т.* Свещеник Атанас П. Маджаров – с вяра в Бога в боевете за освобождение на Добруджа. 1916–1918 г. // Тутраканската епопея и войната на Северния фронт. 1916–1918 г. Тутракан, 2007. С. 460. См. также: *Маджаров А.* Съ 48-ия полкъ на война: Спомени на полковия свещеник от световна война. София, 1938.
- ³⁴ *Стоянович С.* Указ. соч. С. 244–245.
- ³⁵ *Пачов Д., Коцев Д.* Румънските жестокости над отвлеченото население в Молдова. София, 1918.
- ³⁶ Цит. по: *Илиева И.* Разкази на очевидци за съдбата на добруджанци през 1916–1918 г. // Тутраканската епопея... С. 475.
- ³⁷ Там же. С. 479–480.
- ³⁸ *Георгиев Г.* Указ. соч. С. 68.
- ³⁹ Там же. С. 73.
- ⁴⁰ 17-та година... С. 7; *Кантарджиев Т.* Българската армия в Румъния и на Серет. София, 1925. С. 9–13.
- ⁴¹ *Илиева И.* България и Русия на Добруджанския фронт (1916–1917) // Международна научна конференция “България и Русия между признателността и прагматизма”. Доклади. София, 2009. С. 298.

- ⁴² Дипломатически документи по наместата на България в Европейската война. Т. II. София, 1921. N 980. С. 642.
- ⁴³ О связях Ризова с деятелями российской культуры и общественной жизни см.: Вильчинский В.П. Димитр Ризов в России // Славянские литературные связи. Л., 1968; Он же. Д. Ризов и М. Горький // М. Горький и его современники. Л., 1968. С. 204–214.
- ⁴⁴ Стоянович С. Указ. соч. С. 239.
- ⁴⁵ Тодоров П. Октомври и революционното развитие на Добруджа през годините на Първата световна война // Исторически преглед. 1987. № 12. С. 36.
- ⁴⁶ Илиева И. България и Русия... С. 299.
- ⁴⁷ Кантарджиев Т. Указ. соч. С. 22.
- ⁴⁸ Георгиев Г. Указ. соч. С. 84.
- ⁴⁹ 17-та година... С. 233; Илиева И. България и Русия... С. 299.
- ⁵⁰ Великата октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917–1919 г. София, 1957. С. 39.
- ⁵¹ 17-та година... С. 8, 214.
- ⁵² См. подробно: Крапивин А.В. Революционизиране на българската армия на румънския фронт през 1916–1917 г. // Военноисторически сборник. София, 1982. № 1. С. 162–168.
- ⁵³ 17-та година... С. 8–11.

В.И. Косик

(Институт славяноведения РАН)

«Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»

К истории русской эмиграции на Балканах

Революционная Россия с ее ужасами гражданской войны стала «заграницей», и русские беженцы, оказавшись в Болгарии, стремились устроиться по-своему – со своими магазинами, лавками, ресторанами, библиотеками и прочим, что позволяло им быть почти как в России.

Свободное от «быта» время можно было потратить и на модное кино. В 1930-х гг. ходили на немецкую «фильму» «12 стульев», действие в которой происходило в Германии, смотрели многосерийного «Тарзана» с Джонни Вейсмюллером в главной роли. Популярны были и ковбойские фильмы. В синема можно было увидеть и русскую «развесистую клюкву» о любви князя к дворовой девке¹.

И все же самыми, самыми... были творения советских режиссеров и артистов. Первый советский фильм «Чапаев» шел несколько месяцев подряд и посеял среди изгнанников смуту: «Одни говорили, что этот фильм – воспоминание о гражданской войне, другие утверждали, что все это брехня, третьи признавали, что это большевистская пропаганда. Но главное здесь то, что все спорили о нем и смотрели его по нескольку раз». Второй советский фильм, вызвавший смятение, был «Тринадцать». И. Тинин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «фильмы из России всегда очень болезненно и трепетно воспринимались русскими эмигрантами. Они были для взрослых и желанным напоминанием об утраченной родине и одновременно вызывали душевную боль по утрате»².

Любители русской песни могли ходить на разнообразные концерты. Случались и «праздники души», когда выступал в Софии хор С. Жарова, пели А. Вертинский, Н. Плевицкая, на концертах которой зал «заливался слезами», в особенности при исполнении песни «Занесло тебя снегом, Россия»³ с ее первыми строками:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Замело!.. Занесло!.. Запуржило!..*

Но надо было жить, обустроиваться, приспособливаться...

Многие беженцы начинали с физического труда, становились шахтерами, работали на стройках. Группа русских инженеров основала предприятие «по устройству системы отопления в квартирах», т. е. модернизировала производство железных печек⁴. Одним из эмигрантов была открыта фабрика дубленок, которую в 1947 г. владелец подарил Советскому Союзу⁵.

Юрист становился печником, князь налаживал на паях с болгаринном производство мебели, во главе одного из трех колбасных производств в Софии был тоже русский, некто Суханов. При своей «мини-фабрике», размещенной в обычной квартире, он открыл магазин, где торговал еще теплой ветчиной и колбасами – малороссийской, краковской, «собачьей радостью» и другими сортами. Колбасы продавали и другие русские, но уже только болгарского производства. К русской селедке приучал болгар магазинщик по фамилии Максимович, создавший капитал на ее продаже. Имевшие вкус к торговле заколачивали деньги на продаже дешевой одежды, в том числе поношенной. Торговлей «секонд-хэндом» занималось и действовавшее с 1929 г. по 1937 г. целое предприятие, иронически прозванное русскими «Центрохламом». Женщины зарабатывали шитьем, открывали домашние столовые со знаменитыми русскими пирожками, память о которых жива и сейчас на Балканах. Выручал и родной язык, уроки которого вели в гимназиях эмигранты, в частности, обучали русскому болгарских певцов. Владение языками помогало найти самую разнообразную работу: в банках, «переводчиками или лакеями в посольствах», женщины устраивались гувернантками, нянями. Была попытка заработать легкие деньги на азартных играх. Так, семья Паганаци открыла было казино, но бережливые болгары его обходили стороной, а у русских были другие заботы. В итоге игорный дом быстро закрылся, не оправдав ожиданий хозяев⁶.

Русские предпочитали ставить на себя.

Только одна судьба: князь Александр Леонидович Ратиев. Это была личность, для характеристики которой в английском языке существует слово «selfmademan», т. е. человек, сделавший себя сам. Бывший «марковец», он оказался в Болгарии в 1921 г. Начал трудовую деятельность столяром, потом стал краснодеревщиком, открыл свою мастерскую, получил известность мастера интерьерера. И хотя в 1929 г. он закончил юридический

факультет Софийского университета, но правоведом так и не стал, предпочтя старое, но любимое ремесло новому занятию. После Второй мировой войны, с 1947 г. по 1949 г., был даже директором деревообрабатывающей фабрики при Клубе советских граждан в Болгарии. Потом трудился главным проектировщиком в кооперативе «Народная мебель». Князь создал немало интерьеров для правительственных учреждений, частных домов, зданий культурного назначения и др.⁷

Обширное поле деятельности предоставляли сферы культуры, просвещения, где трудились десятки и сотни русских беженцев – университетских профессоров, гимназических преподавателей, церковнослужителей.

Кто же они были, и как их встретила Болгария?

Глава правительства Александр Стамболийский, как вспоминал русский профессор В. Ренненкампф, приезжал на софийский вокзал лично приветствовать русских. Болгарский премьер-министр, заинтересованный в их привлечении в Болгарию, стремился перехватить русских, направлявшихся в Сербию, отношения с которой были давно испорчены, что было вызвано давней борьбой за Македонию, в которой воинственные болгары проигрывали. Этот факт может служить дополнительным объяснением к быстрому назначению того же Ренненкампфа на должность профессора социологии Софийского университета. И конечно, здесь немалую роль сыграл известный в славянском мире профессор Стефан Савов Бобчев, который, по словам Ренненкампфа, был «живым отрицанием афоризма “человек человеку волк”». В своих воспоминаниях русский профессор, которого вначале поселили в здании военного училища, писал: «Не могу не отметить самого сочувственного отношения к моей семье и ко мне, а также к семейству другого русского профессора, прибывшего раньше нас, со стороны болгарских офицеров и преподавателей училища. И те и другие окружили нас особенным вниманием, приглашая нас на свои вечеринки, концерты и даже на одну свадьбу, и всегда, будучи гостеприимными хозяевами, щедро нас потчевали»⁸.

Возвращаясь с «пира радости» в «будни», скажу, что не для всех приискание места было достаточно легким.

Так, высланный из Советской России в 1922 г. ассистент Новороссийского университета ботаник Георгий Андреевич Секачев (1894–?) в течение первого года пребывания в Болгарии работал на семеноводческой станции. С иронией он писал А.В. Флоровскому о своей «служебной» обязанности – перебирать горох: «эта работа имеет свою хорошую сторону, так как Бог знает, может быть, придется в будущем где-нибудь работать на кухне в качестве “мужика”, а там эта специальность всегда пригодится»⁹.

Но не все так бедствовали. Неплохо устраивались медики, нужда в которых была велика.

Русские с 1920 по 1953 г. опубликовали в Болгарии 26 учебников и учебных пособий. Из них 9 были связаны с медициной, 4 – с правом, столько же – по истории, причем три из них принадлежали перу П.Н. Бичилли. Назову только один его труд: «Основные направления и историческое развитие Европы с начала христианской эры до нашего времени» (София, 1940).

Несколько строк еще об одном ярком человеке. Андрей Петрович Евдокимов (1893–?) – донской казак. Завершил юридическое образование в Московском университете перед революцией, в октябре 1917 г. Служил в Добровольческой армии. Эмигрировал в Болгарию. Работал учителем в болгарских гимназиях в Велико Тырново, Хасково, Кюстендилье. Преподавал русский, французский, латынь. «Ученики благоговели перед ним», на его уроках всегда царила тишина. Часто ездил в Париж на летние каникулы, чтобы совершенствоваться в языке, развлечения были дороговаты для провинциального учителя. В начале 1930-х гг., победив в конкурсе, переехал в Софию, преподавал в первой мужской гимназии, стал и здесь одним из любимых учителей. В начале 1940-х по распоряжению Министерства просвещения был переведен в Софийский университет на должность лектора русского языка на историко-филологическом факультете. Участвовал в разработке первых программ по обучению русскому языку, писал учебники, был причастен ко всему, что относилось к преподаванию русского языка. О таких, как Евдокимов, говорят – «учитель от Бога». Его лекции посещали коллеги, учившиеся у него педагогическому мастерству. Даже преподавая такой сухой предмет, как практическая грамматика, сумел увлечь им своих студентов ¹⁰.

В Болгарии были и иные «поля и нивы» для деятельности. Например, практическая медицина. В стране обосновались около 200 русских врачей, т. е. примерно 20% всех медиков. В 1929 г. Народное собрание приняло закон, приравнявший их в правах с болгарскими коллегами. Закон позволил русским врачам, не состоящим на службе, заниматься частной практикой.

Русский врач с нерусской фамилией Трейман открыл клинику для туберкулезных больных. Русские возглавили спецотряды по борьбе с венерическими заболеваниями.

Нельзя не упомянуть и доктора Чернецкую, организовавшую службу по борьбе с бешенством ¹¹. По ее инициативе были не только созданы по всей стране пункты прививок против бешенства, но она научила бороться с этой страшной болезнью многих болгарских врачей и успешно занималась научной работой в этой области. Правда, один из ее учеников «подсидел» свою учительницу, заняв ее место заведующего отделом по борьбе с бешенством в Институте здравоохранения ¹².

Весьма много осело в Болгарии и русских художников. Судя по списку, составленному Цветаной Кыосевой, в 1929–1945 гг. в Обществе русских художников состояли 38 человек. А в целом людей, связанных с ремеслом художника, скульптора насчитывалось 78 человек¹³. Их мастерство позволило им активно работать в сфере художественного оформления книжно-журнальной продукции, создавать монументальные композиции на религиозную и светскую тематику, работать декораторами, художниками по костюмам, успешно выставляться, утверждаться в болгарской культуре, обогащать художественную жизнь новой родины¹⁴.

Из тех художников, картины которых вернулись на Родину, назову Сергея Ивановича Петрова (18.III.1918, Челябинск – 19.VI.2006, София), графика, пейзажиста, портретиста, мастера натюрморта. В 1933 г. он выехал с родителями в Болгарию, откуда был родом его отец. В годы войны учился в Академии художеств у профессоров Илии Петрова и Николы Маринова, Николы Ганушева. Потом настало время самостоятельного творчества. Владение техникой монотипии (вид графики), живописью маслом, акварелью, где, в отличие от предыдущей, нельзя ничего исправить, уже характеризует Петрова как мастера, причем обладавшего редкостным терпением, необходимым для тех, кто работает в технике монотипии. Любителям колорита его творчество придется по вкусу яркостью, чувственностью живописи, что роднит его с такими мастерами русского авангарда, как Василий Шухаев или Филипп Малявин. Многочисленные работы художник посвятил Болгарии, России, есть на его полотнах и София, своя, неповторимая... Картины художника, награжденного орденами Кирилла и Мефодия I и II степеней, представлены в галереях Болгарии и России, в частных собраниях в Америке, в Европе, в Азии. Первая персональная выставка Петрова в Москве прошла в 1998 г. в Болгарском культурном центре, а в 2001 г. – в Челябинске. Сейчас в областном государственном музее искусств находится около 400 картин, переданных художником в дар родному городу¹⁵.

В Софии жили, спорили, ненавидели, уживались писатели, поэты, даже философы, размышлявшие о связи географии с историей (я говорю о евразийцах). «Тонко понимавшие», что Париж лучше Софии, они сравнительно быстро уезжали.

Тем не менее, некоторые предпочитали славянскую столицу мировым европейским центрам.

Одним из них был Александр Митрофанович Федоров (1868, Саратов – 1949, София), о котором его друг болгарский писатель Стилиян Чилингиров сказал как-то: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», имея в виду революцию, изгнавшую многих, в том числе и Александра Федорова, из пределов России.

Возвращаясь к литературе, отмечу, что творчество Федорова было отмечено Пушкинской премией, вручаемой за изданные на русском языке «оригинальные произведения изящной словесности в прозе и поэзии». В 1911–1913 гг. вышло в свет семитомное собрание его сочинений.

В канун 1920 г. он прибыл морем в Болгарию, один, без семьи, оставшейся в советской России. И здесь он «увидел к себе настоящее внимание и участие». «Я встретил друзей, бережно, заботливо и деликатно относящихся к необъятной русской печали, к бесконечному горю и терзаниям», – вспоминал позднее Федоров¹⁶.

Все это обусловило сравнительно быстрое вращение «Фаныча», как называл своего друга Чириков, в новую жизнь. Он преподавал родной язык и родную литературу в одной из софийских гимназий (3-ей мужской). Занимался литературной работой: писал стихи, прозаические произведения, статьи, очерки и пр. Русский язык с ним был всегда!

Федоров объездил всю Болгарию с курсом лекций о России и ее литературе. Часто его в этих поездках сопровождал Евгений Чириков, поэтому их шутливо-уважительно называли «Кириллом и Мефодием». «Фаныч» много публикуется в болгарской прессе (в переводах Чилингирова): здесь и стихи о Болгарии и очерки о ее монастырях, о деятелях болгарского искусства, в частности, о скульпторе Андрее Николове. Он единодушно избран председателем Союза русских писателей и журналистов.

Казалось бы, жить и радоваться. Однако на исходе жизни Александра Митрофановича мучают мысли о смысле прожитых дней. «Порой, – писал он, – меня одолевает отвращение к самому себе. Куда стремлюсь я? Впечатления ли собираю или множу собственные страдания?» Томила грусть, ностальгия. «Как река с насильственно измененным руслом несет в своих водах песок, щебень, камень, так и человек, выброшенный роковыми обстоятельствами из привычной жизни, обречен нести в душе своей горечь и печаль, тоску и страдание»¹⁷.

Этот мотив грусти, тоски характерен и для многих его поэтических опытов. Так, в стихах «На чужой стороне» есть такие строчки:

...
*Я гость на чужой стороне,
Все больше камней под корнями,
Все суше и в сердце на дне,
И как бы меня ни любили,
И как бы ни верили мне,
Я заживо стиснут в могиле,
Я гость на чужой стороне.
Не вольный я гость, не минутный,*

*За что – никогда не пойму,
Судьбой осужден, бесприютный,
Уйти в неизвестность и тьму,
Увижу ль народ мой ожившим,
Иль он захлебнется в волне?
Как горько отчизну любившим,
Есть хлеб на чужой стороне*¹⁸.

...

Несмотря на очевидную гиперболизацию, настроение автора можно понять: Россия стала СССР, сын пропал, на Родине его не знают (только в 1981 г. в Уфе была издана книга А.М. Федорова «Степь сказалась»), а прошлые заслуги не в счет. Хотя он мог бы с полным правом гордиться тем, что сделал в русской и болгарской литературе как поэт, писатель, блестящий переводчик.

В 1980 г. приемная дочь Федорова Лиляна Шульц привезла архив отца в Москву. «Поэт добра и красоты», как называли его эмигранты-современники, вновь вернулся на Родину. И может быть, в архиве следует поискать будущим исследователям творчества Федорова страницы романа о времени, в котором он жил, чувствовал, творил.

В конце Второй мировой войны после освобождения Болгарии для русских наступали другие времена.

14 июля 1946 г. в СССР был опубликован известный указ, по которому бывшие подданные Российской империи могли получить советское гражданство и вид на жительство в стране пребывания. Иван Григорьевич Тинин писал о том времени: «...Если для советских людей в СССР было много пятен в отечественной истории..., то на Западе мы знали и про Соловки, и про травлю интеллигенции, и о поруганных церквях и монастырях. Мы знали о plombированном вагоне, в котором приехал Ленин в Россию из Германии в апреле 1917 года, и об убийстве царской семьи, и даже о Катыни. Так что для нас в эмиграции белых пятен в истории нашей страны первой половины XX века не было. Но такие предупреждающие знания не смогли затмить эйфорию радости по случаю возможности вернуться на родину у всех слоев эмиграции, от монархистов до эсеров или кадетов... Сталинский указ, а тогда все указы назывались сталинскими, воспринимался нами как знак того, что любовь наша к родине взаимна. Мы никогда не забывали ее, и родина не забыла нас»¹⁹.

И все же у каждого был свой путь возвращения в жизнь в советской России.

Только три судьбы.

Если говорить о русских художниках в Софии, то непременно следует начать с рассказа о потомке знаменитого рода Глинских – театральном художнике и замечательном человеке Николае Борисовиче Глинском (17(30).VIII.1901, Москва – 04.I.1999, Саратов).

Особо подчеркну, что Глинский делал по заказу софийского Военного музея копию знаменитого Самарского знамени, изготовленного жителями этого города для болгарского ополчения. Оно развевалось на Шипке и стало не только болгарской, но и русской святыней²⁰.

Глинский делал костюмы для драматических и оперных спектаклей, эскизы костюмов для оперетты «Али-баба и сорок разбойников». Пробовал себя в кукольном театре и в балетном жанре – ему принадлежат костюмы для «Половецких плясок» из «Князя Игоря».

Сотрудничество с театрами у Глинского было плодотворным, помогали и русские связи. Так, в 1929 г., благодаря Николаю Дмитриевичу Векову, занимавшему пост главного дирижера Софийского государственного театра оперы и балета, получил и выполнил заказ на костюмы и эскизы к декорациям для спектакля «Борис Годунов».

Были поручения и из царского дворца. По заказу болгарской царицы Джоанны он с 1930 г. на протяжении тринадцати лет каждый год расписывал пару пасхальных яиц для ее матери-черногорки (королевы Италии), остававшейся православной.

В 1929–1953 гг. Глинский оформлял постановки «Садко», «Шехеразада», «Сказка о царе Салтане», «Борис Годунов». Последней работой Глинского в Софийском оперном театре стало оформление в 1953 г. оперы Римского-Корсакова «Царская невеста».

В 1945 г. он стал работать главным художником софийского Дома офицеров (в 1946 г. он был переименован в Дом офицеров Советской Армии, а в следующем году стал называться Домом советско-болгарской дружбы, где художник проработал до 1955 г.).

В 1946 г. Николай Борисович получил, как и многие русские, советское гражданство, но на родину смог вернуться только спустя десять лет, в 1955 г. Вначале обосновался с семьей в поселке Летняя Ставка Ставропольского края. Жить в Москве, работать в Большом театре он не смог, хотя имел рекомендации. Работал учителем черчения и рисования в школе. В 1956 г. все же удалось переехать в Саратов, вступить в Союз художников СССР. В должности главного художника Саратовского театра драмы имени К. Маркса Глинский оформил 26 пьес. Среди них была русская классика («Без вины виноватые», «Красавец мужчина», «Живой труп», «Женитьба»), советская драматургия («Битва в пути», «Проводы белых ночей»), произведения зарубежных авторов («Дамы и гусары») и

др. Сотрудничал Глинский и с другими театрами, работал на телевидении, участвовал в художественных выставках. В 1986 г. передал в библиотеку Всероссийского театрального общества свою огромную коллекцию (200 000 иллюстраций по истории костюма), собиравшуюся им на протяжении 60 лет. В 1990-х гг. саратовское телевидение сняло документальный сериал «Николай Глинский»²¹.

Завершая свои воспоминания, Глинский напишет: «Всегда и везде как художник вообще и прежде всего как художник театра, как оформитель празднеств, балов и маскарадов я приносил людям главным образом, смею надеяться, удовольствие и радость. А отчасти – и пользу в прямом смысле как иллюстратор учебников, научных книг и статей. Искусство и науку я любил почти одинаково, и в какой-то мере я их совмещал, вливая в театральные работы – декорации и костюмы свои познания в истории, в быте, в этнографии, а в иллюстрирование научных книг — свои познания естествознания.

С первых же своих трудовых шагов я неотступно придерживался принципа, который считаю стержнем профессионализма: что бы ни делал, стремился выкладываться до конца, добиваться максимального, насколько это в моих силах, результата, не давать себе послаблений...

И еще: всегда работал, без пауз, без перерывов на усталость или хандру. Человек в зрелые годы должен всегда находиться в состоянии работы. Это тоже обязательное условие профессионализма. И работа всегда найдется, если ищешь ее и не пренебрегаешь любой. Нельзя ждать работу.

Свое возвращение на Родину я воспринимаю как огромное счастье, которое не обошло меня стороной. Подарком для меня стал и необыкновенно сердечный прием, оказанный мне коллегами в Советском Союзе, где, казалось бы, я был чужим во всех отношениях.

К моему бескрайнему сожалению, лучшие годы, против моей воли, были отданы чужбине, но добрая судьба все же дала мне возможность потрудиться и для моего народа. Я всегда, где бы ни был, чувствовал себя русским»²².

Читая книгу Ивана Григорьевича Тинина о своей жизни – «Бытие Исход Второзаконие...», лучше понимаешь многообразие жизненных судеб и испытаний, выпадающих человеку. Дворянин, выпускник Софийского университета, «первый солдат болгарской армии»*, участник Отечественной войны болгарского народа, И.Г. Тинин, вернувшись на родину,

* В болгарской армии Тинин (хотя и недолго) был правофланговым первого отделения первого взвода первой роты первого батальона первого полка первой пехотной дивизии.

стал работать художественным руководителем одного из Домов культуры в Сталинградской области. Привыкать к новой жизни было трудно: слишком разнился быт «там» и «здесь». Белый плащ воспринимался как докторский халат, темные солнечные очки служили наглядным доказательством слепоты, а узкие брюки были признаком бедности Болгарии, где, в отличие от СССР, якобы были вынуждены экономить на материале. И, тем не менее, эти мелочи не заслоняли главного – желания работать в полную силу. В середине 1960-х гг., когда по всей стране стали появляться, как грибы после дождя, «клубы веселых и находчивых», организованный Иваном Григорьевичем КВН прогремел на всю страну. В провинциальную Дубовку приезжали молодежные команды из Болгарии, Польши, Венгрии. Тинина едва не наградили орденом «Знак почета», однако помешали сведения об эмигрантском прошлом: представление к награде было отозвано. Но это была просто очередная «мелочь». Иван Григорьевич продолжал работать – руководил агитбригадами, писал сценарии, ставил концерты и пр. В 1964 г. его команда стала лауреатом первого всесоюзного смотра агитбригад. Затем была учеба в Московском институте культуры, так как диплом Софийского университета документом о высшем образовании не считался. На склоне лет Тинин преподавал в Волгоградском государственном университете, в частности, читал курс по истории христианства, стал крестным отцом для многих своих студентов и не только с исторического факультета. В 1998 г. был награжден орденом Сергия Радонежского.

Теперь еще одно *cursiculum vitae* – инженера Никиты Константиновича Григорова, с которым меня свело изучение истории русской эмиграции. Точнее, он попросил посмотреть его рукопись о своем роде, насчитывающем не одну сотню столетий и служившем России верой и правдой. Достаточно сказать, что один из его предков участвовал в 1410 г. в битве при Грюнвальде. Биография самого автора рукописи, родившегося в 1932 г. в Сараево, связана не только с Югославией. В 1950 г. власти Тито выслали его семью в Болгарию. На новом месте он стал студентом Софийского университета, изучал радиотехнику. Как и другие его болгарские сверстники, работал на одной из многочисленных новостроек, а именно, на прокладке железной дороги Враца–Оряхово в бригаде имени Александра Матросова. Приобрел друзей среди болгар. Но когда в конце 1954 г. было получено официальное известие о возможности переезда в СССР, то без колебаний принял решение. Его отец часто повторял, что «русский должен жить в России». И, как говорил сам Никита Константинович, «вероятно, многократно слышанные рассказы отца о России исподволь привили мне латентное чувство патриотизма и любви к незнакомому мне отечеству».

Замечу, что всего в СССР выехали около пяти тысяч человек, а остались в Болгарии приблизительно семь с половиной тысяч. Но это совсем не означало, что для невозвращенцев родина стала чужой. Отказ от переезда был обусловлен целым комплексом причин: и страхом перед возможными репрессиями, и нежеланием бросать устроенную жизнь и начинать все сначала, и тем, что многие уже прочно «вросли» в болгарскую жизнь, сроднились со страной, стали своими.

Возвращаясь к биографии Н.К. Григорова, отмечу, что его судьба в СССР складывалась иначе, чем у И.Г. Тинина. После прибытия эшелона с «прускими болгарами» в Павлодарскую область Казахстана и получения новых общегражданских паспортов все они получили возможность разъехаться по всей стране. 24-летний Никита Григоров получил возможность продолжить начатое образование в Горьковском политехническом институте, по окончании которого получил назначение в Саратов на одно из оборонных предприятий. За несколько лет работы «в почтовом ящике», не будучи членом партии, вырос до должности главного конструктора. Потом были и другие руководящие посты, потребовавшие вступления в КПСС. В 1971 г. Н.К. Григоров за успешную деятельность в сфере электроники был награжден орденом «Знак почета», тем самым, в котором в свое время была в лице чиновницы-перестраховщицы отказала Тинину.

В связи с этим позволю себе только одно замечание: в области техники людей все же больше ценят, нежели в сфере культуры, которая всегда «под подозрением» властей предрешающих.

Свою инженерную карьеру Н.К. Григоров закончил в Москве, работая заместителем главного инженера одного из главков Министерства.

И последнее: записанные в электронном виде и хранящиеся в библиотеке, что рядом с памятником Достоевскому, воспоминания Никиты Константиновича Григорова посвящены истории своего рода, неразрывно связанной с историей России. Ей служили и все упомянутые здесь Глинские, Григоровы и Тинины, для которых родина всегда была и оставалась «лучше всех».

Примечания

¹ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 45, 46.

² Там же. С. 46.

³ Матвеева И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний. Вступит. слово и комм. А.Н. Горяинова // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 528.

- ⁴ *Матвеева И.В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 497.
- ⁵ Там же. С. 496.
- ⁶ Там же. С. 498–501.
- ⁷ *Ратиев Л.А.* Князь Александр Леонидович Ратиев и его архив // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 407.
- ⁸ *Ренненкамф Вл.* Моята първата среща със С.С. Бобчев и моите първи впечатления въ София // Юбилеен сборник издаден по инициативата на юридическия факултет при Софийския университет въ чест на С.С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейност. София, 1921. С. 9.
- ⁹ *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...»: К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора III. Новые материалы. Париж-Санкт-Петербург, 2002. С. 302.
- ¹⁰ *Йотов Ц.* Андрей Петрович Евдокимов и катедра «Руска филология» в СУ «Св. Климент Охридски» // Бялата емиграция в България. С. 233, 234, 235.
- ¹¹ *Матвеева И.В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003... С. 499.
- ¹² Там же. С. 501.
- ¹³ *Кьосева Ц.* Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 4. С. 22–23.
- ¹⁴ Там же. С. 11–21.
- ¹⁵ «Душа рвалась на родину». Памяти русского художника Сергея Петрова // Челябинский рабочий. 30.06.2006 (<http://www.chrab.chel.su/archive/30-06-06/7/A127083.DOC.html>)
- ¹⁶ Цит. по: *Петкова М.* Возвращение // Бизнес-контакты, февраль, 2007 (<http://biznes-kontakti.com/index.php?newsid=203>)
- ¹⁷ Цит. по: *Петкова М.* Возвращение.
- ¹⁸ Дом-музей Марины Цветаевой. Архив Русского зарубежья. КП–1279/6.
- ¹⁹ *Тинин И.* Указ. соч. С. 172.
- ²⁰ *Глинский Н.* Моя жизнь – весь XX век // Волга. 1997. № 5–6. С. 219, 220.
- ²¹ *Николай Глинский.* Хроника жизни (<http://www.sgu.ru/ogis/newsrad/new/new-gl.html>)
- ²² *Глинский Н.* Моя жизнь – весь XX век. С. 216.

Р.П. Гришина
(Институт славяноведения РАН)

Памяти
Бойко Мариновича Азарова

Болгарская коммунистическая политэмиграция в Югославии и СССР (1920-е годы). Проблемы адаптации болгар к новой среде

Основные потоки болгарских политических беженцев формировались после поражений, которые понесла Коммунистическая партия Болгарии в 1923 и 1925 гг. В первом случае главным местом приема масс эмигрантов стала Югославия, во втором – СССР. В меньшей мере в оказании политического гостеприимства участвовали Чехословакия, Франция, и то главным образом в отношении «земледельцев» (членов БЗНС – Болгарского земледельческого народного союза).

Хотя обобщающих работ по истории болгарской коммунистической политэмиграции нет ни в российской, ни в болгарской историографии, отдельные аспекты темы разрабатывались. Исследовательские статьи, посвященные политэмиграции в Югославии, периодически появлялись в болгарской исторической литературе, активно работала в этом направлении З. Мичева. Публиковал материалы об условиях существования болгарских эмигрантов-коммунистов в Вене Д. Мичев. Биографии, описания жизни и деятельности отдельных политэмигрантов появлялись более или менее регулярно в период существования в Софии Института истории БКП, но чаще всего познакомиться с тем или иным человеком, проводившим часть своей жизни в качестве политэмигранта, можно было в соответствующей рубрике в газете «Работническо дело».

Нельзя не сказать, что особое внимание в болгарской и в советской историографии было уделено коммунистическим вождям Г. Димитрову и В. Коларову. О каждом из них создана обширная литература, выполненная

преимущественно в культовом ключе, что искажает действительный образ оригиналов.

О рядовых коммунистах-политэмигрантах, живших в Советском Союзе, наиболее подробно в отечественной историографии писал украинский ученый М. Дыхань, старательно исследовавший сохранившиеся архивные документы. В 80-х гг. прошлого века вышла книга его авторства на украинском языке, а затем и на болгарском, о жизни и деятельности болгарских политэмигрантов на Украине в конце 1920-х – начале 1930-х гг.¹ Ему принадлежат еще несколько статей на ту же тему. Кроме того, украинские историки Г. Чернявский (ныне живет и работает в США) и М. Станчев посвятили ряд работ довольно подробным изысканиям о судьбе Кр. Раковского, Г. Бакалова². Указанные авторы заслуживают самой большой благодарности, но тема в целом еще очень далека от исчерпанности.

Существует также мемуарная литература. Правда, созданная преимущественно при тоталитарном режиме, она сильно напитана коммунистическими мифами. С одной стороны, естественными для бывших политэмигрантов – людей, крепко идеализированных, но с другой стороны, мифами ситуационными: каждому мемуаристу приходилось держаться официальных идеологических канонов, установленных «в стране победившего социализма». В качестве примера можно привести книгу И. Крекманова³, где автор, сопровождавший, как он пишет, В. Коларова и Г. Димитрова в Югославии после поражения Сентябрьского восстания 1923 г., буквально по часам описывает их действия и передвижение от перехода болгаро-югославской границы 27 сентября до отъезда в Вену 6 октября. И при этом ни словом не упоминает о встрече и переговорах Коларова и Димитрова с деятелями БЗНС в Лапово, о которой, судя по его тогдашнему статусу, Крекманов не мог не знать. Но поскольку в год издания его мемуаров этот факт мог истолковываться как неблагоприятный для имиджа коммунистических руководителей, в книге он не нашел места.

В настоящей статье автор, не ставя перед собой всеохватывающих задач, считает полезным остановиться лишь на некоторых аспектах темы, представляющихся важными в свете разработок современной отечественной историографии.

Один из этих аспектов – феномен болгарской коммунистической политэмиграции как имеющий непосредственное отношение к происхождению и складыванию в 1920–1930-х гг. историографической концепции истории Болгарии XX в. Тогда руководители этой эмиграции предложили считать Сентябрьское восстание 1923 г. – неудачное, непродуманное и почти совсем неподготовленное – переломным пунктом развития не только Болгарской компартии, но и страны как таковой. Фактически навязанная коммунист-

тическими политиками сверху, данная концепция до сих пор, кажется, является основополагающей при изложении истории Болгарии. Само же Сентябрьское восстание, которое более правильно было бы называть стихийным мятежом, поднятым отторгнутыми от власти «земледельцами» и «присвоенным» затем коммунистами, – трудное, тяжелое, на местах действительно героическое – получило в пропаганде, а затем и в марксистско-ленинской историографии, как советской, так и болгарской, преувеличенное значение. Это произошло, на мой взгляд, прежде всего в силу необходимости для коммунистического руководства, «в рабочем порядке» возглавленного В. Коларовым и Г. Димитровым, оправдаться за понесенные болгарским народом физические потери и одновременно восславить его героизм. Поздним по времени прикрытием стал пропагандистский маневр со ссылкой на заседание ЦК БКП 5–7 августа 1923 г. и принятие им курса на вооруженное восстание, хотя соответствующий документ с такой датой так и не был обнаружен.

Естественным продолжением политики вождей сентябрьских событий стала пропаганда нового восстания-реванша, а затем и утверждение в феврале 1924 г. в Москве политического курса БКП на подготовку нового вооруженного выступления – курса левацкого, не обеспеченного ни человеческим материалом, ни вооружением. В достатке были только идейная поддержка со стороны ИККИ и настрой на скорую победу мировой революции. Участвовать в восстании должна была и коммунистическая политэмиграция, в сравнительно массовом порядке сосредоточенная в Югославии, но существовавшая и в Советском Союзе.

* * *

Толчком к массовой политической эмиграции из Болгарии стал государственный переворот 9 июня 1923 г., свержение власти «земледельцев» и жестокая расправа с ними, учиненная узурпаторами. Эмигранты устремились главным образом в близлежащую Югославию. Там в г. Нише и сложился крупный центр беженцев. Правительство Королевства СХС принимало болгарскую эмиграцию по партийно-политическому признаку – как «земледельческую», т. е. как состоящую из членов и сторонников БЗНС. Показательно, что бежавшие после сентябрьского мятежа болгарские коммунисты, вступая на югославскую территорию, тоже называли себя «земледельцами». Власти же Королевства получали возможность использовать наличие у себя в стране болгарских эмигрантов как дополнительный козырь в сложных отношениях с новыми правителями Болгарии, которых они считали опасными реваншистами: скопление в Югославии

вдоль ее восточной границы «земледельческой» массы помогало западному соседу держать правительство Цанкова в страхе ⁴.

Политическая эмиграция тем и отличается от экономической, бытовой или какой-либо другой, что политически ангажированные эмигранты не просто перебираются жить в другую страну, но по большей части стремятся использовать пребывание в ней для продолжения своей политической деятельности. Часто революционной, разрушительной для собственного отечества, но ведущейся теперь уже с чужой территории. Не только югославские власти проявляли специальный интерес к иностранным пришельцам. Примерно так же большевистское правительство, Исполком Коминтерна, заграничное руководство Болгарской компартии, зачарованные идеей мировой революции, надеялись использовать болгарскую коммунистическую эмиграцию в СССР в интересах разжигания всемирного революционного пожара. Другими словами, зависимость иностранной политэмиграции от политических или государственных интересов руководства страны, ее принявших на своей территории, становилась важным фактором в организации жизни эмигрантов, условий их пребывания, а также того или иного их использования.

Жизнь в другой стране, в новых условиях становилась для перемещенных людей сильной физической и психологической встряской, приходилось по-новому взглянуть на свое прошлое, соотнести его с действительностью. Некоторое представление о том, как это происходило с болгарскими коммунистами, попытавшимися в Югославии организовать и построить свою партийную организацию, отдельную от «земледельческой», дает ее документальный отчет за 1924–1925 гг.

В нем говорится, что в основном политэмиграция состояла из рабочих и крестьян, а также из представителей «народной трудовой интеллигенции, связанной с освободительным, революционным движением» ⁵. По партийному составу это были члены БКП и БЗНС, указывалось, кроме того, на «определенное число» анархистов и македонцев-федералистов. При таком составе руководить эмиграцией («в правильном направлении и целесообразно использовать ее в интересах революционного дела») было трудно. Среди эмигрантов стали формироваться разные уклоны, в том числе ликвидаторский. Составители отчета отмечали: «Постсентябрьский кризис выразился: в почти общем разочаровании партийной массы и части руководящих в прошлом товарищей; в разрыве организационных связей; в падении, вплоть до полной ликвидации, партийной дисциплины; в падении авторитета всего прежнего руководства; во взаимной борьбе между руководящими в прошлом партийными товарищами, в их взаимных обвинениях друг против друга; и, наконец, в оформлении сильного ликвидаторского течения» ⁶.

Такова была первая реакция, первая оценка Сентябрьского восстания самими его участниками. «Перед лицом поражений в июне и сентябре 1923 г., – говорилось далее в отчете, – эмиграция забывала о прошлых больших заслугах партии, не видела ближайших перспектив. Дух разочарования и полного отрицания всего прошлого партии охватил многих; другая значительная ее часть испытывала сомнение, потерянность, апатию. И только малая часть не потеряла перспективы в тот тяжелый момент ... Именно эта малая часть пошла против течения».

Недовольство потерпевших поражение повстанцев новым руководством ЦК БКП, взявшим на себя 22 сентября 1923 г. ответственность за объявление восстания (за десять дней до этого тогдашний секретарь ЦК Хр. Кабакчиев, попав в лавину арестов 12 сентября, оказался в тюрьме). Новые руководители – В. Коларов и Г. Димитров, по существу самопровозглашенные, перейдя вместе с другими беженцами западную болгарскую границу, недолго оставались на югославской территории – в начале октября они перебрались в Вену. Здесь создали Заграничный комитет ЦК БКП (уже 15 октября Коларов отбыл в Москву), откуда как авторитетные коминтерновские функционеры стали определять стратегию и тактику БКП. Так было положено начало их формированию в качестве болгарских коммунистических лидеров, *вождей* компартии.

В Москве тогда проявляли крайнюю заинтересованность в том, чтобы коммунистические партии, сформированные в 1919–1920-х гг. в ряде европейских стран на базе прежних социал-демократических, возглавили революционно настроенные деятели. Целью было изживание «недейственного» социал-демократизма. Так что смена руководства БКП была немедленно поддержана в Исполкоме Коминтерна.

Однако с точки зрения глобальных революционных требований болгарский случай не выглядел удачным: предыдущий партийный опыт 46-летнего в 1923 г. Коларова и 41-летнего Димитрова формировался в БРСДП (тесных социалистов), руководство которой проявляло большую близость к Плеханову, чем к Ленину; при этом Коларов входил в состав Центрального комитета партии с 1905 г., а Димитров с 1909. И оба – и Коларов, и Димитров – обладали многолетним опытом «буржуазного парламентаризма», являлись депутатами Народного собрания (с 1913 г. до дня эмиграции), Димитров в 1918 г. был даже избран секретарем его коммунистической фракции. Перестраиваться на конкретную революционную деятельность при таком «багаже» было не просто, и главным движителем для «героев Сентября», по-видимому, становилась сама болгарская ситуация – криминальная с точки зрения новой государственной власти – и возможность ее представления как революционной в Москве. Настоящими революционны-

ми навыками они не обладали, а потому многие их действия носили показательный характер, как в сентябре (например, с гримировкой внешности), так и позже, например, с завышением революционных возможностей БКП.

Л.Д. Троцкий, определяя характерные черты ряда коминтерновских деятелей, не обошел вниманием Коларова. О нем он писал в конце 1930-х гг.: Коларов «в течение долгого периода принадлежал к болгарской партии тесняков, которая стремилась держаться на марксистской основе. Но это был марксизм, при всей своей внешней непримиримости, пропагандистски-выжидательный, пассивный и достаточно безжизненный. В международных делах тесняки гораздо больше тяготели к Плеханову, чем к Ленину. Разгром Болгарии в империалистической войне и затем Октябрьская революция толкнули тесняков в сторону большевизма. Коларов обосновался в Москве. В первые послеоктябрьские годы мы жадно хватались за каждого иностранного марксиста, вернее, за каждого, в котором предполагали революционного марксиста. В этом звании Коларов и был втянут в аппарат Коминтерна, с должностью генерального секретаря в перспективе. Но уже через несколько месяцев мы вполне единодушно отказались от своих надежд. Своим впечатлениям от Коларова Ленин подвел итог в таких словах, которые я не стану здесь воспроизводить. В 1923 г. Коларов дополнительно измерил свой рост в болгарских событиях. Результат был тот же. Отстранение Коларова от руководящей работы в Коминтерне было предпринято еще при Ленине. Но после болезни и смерти Ленина наступила животворящая борьба с троцкизмом. Коларов сразу окунулся в эту купель и вышел из нее возрожденным. Он шел сперва за Зиновьевым против Троцкого, затем за Бухариным против Зиновьева, сегодня – за Сталиным против Бухарина. Словом, непромокаемый, не горящий в огне и не тонущий в воде большевик из “люкса”»⁷. Горячность оценок Троцкого понятна и, возможно, требует снисхождения, но общая картина весьма показательна.

Спор о старом и новом руководстве БКП, начавшись среди болгарской политэмиграции в Югославии, как и среди коммунистов в самой Болгарии, где вскоре был восстановлен внутренний ЦК^{**}, вскоре перекинулся на политэмиграцию в СССР и, то затихая, то вспыхивая вновь, затянулся

* Имеется в виду гостиница «Люкс» в Москве.

** 24 декабря 1923 г. полпред СССР в Вене сообщал в Москву: «В Болгарской коммунистической партии начинаются большие нелады. Довольно серьезная оппозиция обвиняет Коларова и Димитрова в неправильных действиях во время Сентябрьского восстания. Материалы по этому вопросу Вам, наверное, посылаются и из других источников» (Национальный вопрос на Балканах ... Ч. 1. М., 2000. Док. № 106. С. 178).

на целых десять лет. Отголоском внутренней борьбы представляется сказанная о Димитрове и записанная им в дневнике 4 марта 1934 г. фраза: «Антон, Искров («вождь Сентябрьского восстания и лидер БКП»)»⁸. Для Димитрова слова признания его вождем, видимо, были многозначными как победное для него окончание внутрипартийной борьбы и поражение так называемого левого сектантства.

Свою роль в этом споре в 1923–1924 гг. сыграла поддержка московским руководством Коларова и Димитрова и их стремления организовать новое восстание в Болгарии. В феврале 1924 г. на заседании Президиума ИККИ был рассмотрен «болгарский вопрос». Речь шла об оценке Сентябрьского восстания и о необходимости/возможности нового вооруженного выступления и подготовке к нему. Часть материалов и проектов судьбоносных для Болгарии решений готовил Коларов: сохранились рукописные заготовки его почерком. Заседание проходило в присутствии важных деятелей ИККИ и ВКП(б) – Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина, К.Б. Радека, но существо дела, очевидно, не слишком занимало последних: только что похоронили В.И. Ленина, предстояло решить вопрос о наследнике; только что провели XIII конференцию ВКП(б) с рядом трудных вопросов – уже началась борьба с Л.Д. Троцким. В итоге ИККИ, не вдаваясь в «болгарские подробности», утвердил курс на подготовку следующего вооруженного восстания в Болгарии. Новое руководство БКП хотело документа о новом восстании – оправдательного и одновременно благоприятного для своего номенклатурного продвижения, и оно его получило.

Реализовывать задуманное должна была Болгарская компартия во главе с обновленным ЦК внутри страны, в помощь ему направлялись советские спец агенты, интернациональные коминтерновские инструкторы, ОГПУ обязывалось помочь с вооружением. Впрочем, февральская резолюция Президиума ИККИ стала основой деятельности БКП и ее внутреннего ЦК только после Витошской конференции болгарской компартии, состоявшейся в мае 1924 г. Выступление планировалось на осень того же года.

Естественно, политэмиграция не могла остаться в стороне. Еще в феврале Заграничный комитет ЦК БКП организовал эмигрантскую конференцию. Перед ее партийным руководством были поставлены задачи прекратить дискуссию об оценке позиции БКП в июне и сентябре 1923 г., произвести регистрацию членов партии, укрепить партийную организацию эмигрантов и, главное, готовиться к новому вооруженному восстанию. Так политэмиграция в Югославии была мобилизована на конкретное дело. Однако именно в это время правительство Цанкова объявило об амнистии значительной части участников сентябрьских событий, и многие из тех, кто за месяцы жизни в тяжелых условиях изгнания осознал

их двусмысленность, захотели вернуться домой. Ликвидаторское течение стало превращаться в возвращенческое. В цитировавшемся выше отчете указывается, что партийному руководству удалось помешать стихийному возвращенчеству, из чего можно сделать заключение, что такие настроения были довольно сильными. С другой стороны, коммунистическое руководство стало использовать политическую амнистию для отправки в Болгарию «проверенных коммунистов» с революционными поручениями.

Курс ЦК БКП на новое восстание способствовал складыванию среди политэмиграции в Югославии другого уклона – военного. С начала 1925 г. он принял широкие размеры, особенно после того, как центральное руководство Нелегальной вооруженной организации (НВО), созданной внутри Болгарии с помощью советских специалистов, затребовало от политэмиграции в Нише отправить в Болгарию около 200 человек, отобранных для нелегальной работы, в том числе для «борьбы с правительственной герильей». «Герилью» следовало «встретить и даже опередить». А подготовиться нужно было к концу марта 1925 г.⁹

К несчастью, говорится в отчете, политэмиграция в Югославии, руководство ее коммунистической части было лишено полной и постоянной информации о происходящем в Болгарии и мире. Находясь в тяжелых бытовых условиях, не имея возможности регулярным трудом зарабатывать себе на пропитание, многие коммунисты концентрировались на главной цели – подготовке к вооруженному восстанию. Приходилось нелегально «добывать» оружие, в основном кустарные ружья, и переносить их на себе поближе к болгарской границе¹⁰.

Между тем еще летом 1924 г в Политбюро ЦК РКП(б) возникли сомнения относительно продолжения курса БКП на вооруженное восстание. Ситуация возникла в связи с тем, что 21 июля Коларов и Димитров обратились в Политбюро российской компартии с настойчивым призывом и даже требованием ускорить подготовку восстания. С этой целью, по их мнению, Политбюро должно было «дать твердую директиву всем органам, как партийным, так и советским /.../ в деле помощи Болгарской революции, держать курс на болгарское восстание со всеми вытекающими отсюда политическими и военно-техническими последствиями. Неопределенности, которая наблюдалась до сих пор в работе соответствующих органов, должен быть положен конец»¹¹.

Ответ они получили обескураживающий. В резолюции Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июля говорилось: «Международная обстановка наименее благоприятна для восстания в настоящий момент», БКП же слишком слаба для близкого вооруженного выступления, следует выжидать и лучше готовиться. Документ с указанием «приостановиться» и принять меры по

укреплению болгарской компартии был подписан военными специалистами Ф. Дзержинским, Л. Троцким, М. Фрунзе¹². Следовало понимать, что такие советы давали не «смирненные пастыри», а «пламенные революционеры», значит, дело обстояло серьезно.

Еще более остерегающие рекомендации Москва сделала 28 января 1925 г., приняв резолюцию Президиума ИККИ по болгарскому вопросу, которая дважды (!) утверждалась Политбюро ЦК РКП(б) – 29 января методом опроса и 5 февраля после повторного обращения к теме на заседании ПБ¹³. В указанных рекомендациях ощутимо мнение И. Сталина, известное по другим его документально засвидетельствованным высказываниям.

Однако взятый разбег было уже трудно остановить. Это касалось болгарской политэмиграции в Москве, но особенно в Вене, откуда уполномоченный ИККИ Я. Страун, сообщая И. Пятницкому о некоторых своих разногласиях с болгарами, писал 11 февраля 1925 г.: «Болгарские товарищи полагают, что политическое положение и объективные условия для восстания в Болгарии таковы, что оно необходимо и неизбежно в близком будущем. В речах тов. Виктора (Г. Димитров. – Р.Г.) мелькала мысль, что *снятие вопроса о сроке восстания является ошибкой* (курсив мой. – Р.Г.); темп нашей подготовки к восстанию не может быть изменен, по мнению болгарских товарищей (некоторое исключение составляет только тов. Исаков)»¹⁴.

Очевидно, что у болгарских политэмигрантов в Югославии было еще меньше возможностей для адекватной оценки положения, чем у «сентябрьских вождей» в Вене. Внутренне они были сосредоточены на скорой разрядке напряжения, почему известие о взрыве софийского собора 16 апреля 1925 г. – террористическом акте, осуществленном Нелегальной вооруженной организацией в Болгарии, встретили восторженно, ликующе, как сигнал к выступлению, к революции¹⁵. В такой атмосфере пришедшее из Москвы указание – отступить, курс на вооруженное восстание снять и повстанческие знамена свернуть – казалось столь неожиданным и неестественным, что эмигрантское руководство в Югославии скрыло эту директиву, не решилось сообщить ее людям. Вместо этого стало проводить некие «узкие», закрытые собрания, только усиливавшие беспокойство и подозрения.

Кроме того, югославское правительство, опасаясь после софийского взрыва обвинений в укрытии на своей территории революционеров-террористов, а также их возможных действий в собственной приграничной зоне, поспешило интернировать их в глубь страны. «Обреченная на бездействие и бессилие, лишенная связи и информации при “заговоре молчания” по вопросу о новой линии партии и потому дезориентированная, эмиграция начала разлагаться»¹⁶. Такими словами заканчивается один из разделов отчета коммунистической политэмиграции в Югославии. Он помечен ян-

варем 1926 г. В последующие месяцы и годы болгарские эмигранты стали переезжать в другие страны, в том числе частично в Советский Союз.

* * *

Болгарская политическая эмиграция в СССР не была одномоментной, обвальная. Она состояла из нескольких потоков.

В ранние послеоктябрьские годы вливавшиеся в Советскую Россию интернациональные участники революции размещались в формировавшейся советской общественной иерархии в соответствии со своими партийными заслугами перед большевиками и с потребностями строительства социалистического государства. Можно назвать немало болгарских имен в реестре высших партийных и государственных должностей СССР и в структурах Коминтерна. Среди них Кр. Раковский – в 1918 г. председатель Временного революционного правительства Украины, в 1919–1923 гг. он возглавлял СНК УССР, затем был полпредом СССР в Великобритании и Франции; Борис Стомоняков – в 1920–1925 гг. торговый уполномоченный СССР в Берлине, в 1930-е гг. зам. народного комиссара НКВД СССР. И много других менее высокого уровня, как, например, болгарин Михаил Антонов, в 1928–1935 гг. являвшийся секретарем наркома обороны К.Е. Ворошилова, а в 1941–1945 гг. – заместитель начальника Главного автомобильного управления; началась же его карьера в 1918 г., когда он воевал в рядах Красной армии. Такие люди становились гражданами Советского Союза и разделяли их судьбу, включая то, что происходило в стране в годы сталинских репрессий.

По-своему складывались судьбы болгарских политэмигрантов в 1920–1930-е годы. Их коммунистические вожди в лице В. Коларова, Г. Димитрова и некоторых других за годы жизни в СССР также в значительной мере «осоветивались»: они избирались в местные советы депутатов, их имена присваивались населенным пунктам, предприятиям и т. п. Но при этом одним из главных направлений их деятельности оставалось руководство подпольной БКП и подготовкой в Болгарии социалистической революции. Соответствующие лозунги в разных модификациях пропагандировались вплоть до провозглашения ее победы в 1948 г.

Более массовыми были потоки болгарских политэмигрантов, прибывавших в Советский Союз после кровавых событий 1923 и 1925 гг. Всего, как указывает российский исследователь Л. Решетников, изучавший деятельность МОПР, общее число болгарских политэмигрантов в СССР за период с сентября 1923 г. по июнь 1941 г. составило 2200–2300 человек¹⁷. Известный в Болгарии специалист Н. Белоусов останавливается на цифре «около 2000»¹⁸.

Наиболее активные болгарские революционные деятели обустроивались в Москве и некоторых других городах, где жили в многонациональных «Домах политэмигрантов». Здесь они обучались русскому языку, осваивали образовательные программы – общие и политические, для чего советскими властями было создано несколько специальных политико-образовательных учреждений. Так, уже в 1919 г. для эмигрантов из западных стран был открыт Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), имевший филиал в Ленинграде. Среди 13 национальных секторов КУНМЗа действовал и болгарский. Цель состояла в подготовке более или менее образованных кадров для будущей социалистической Болгарии. Но не только для будущего нужны были кадры, а и для ближайшей конкретной цели – для осуществления вооруженного восстания, свержения «фашистского правительства А. Цанкова». Поэтому в обучение болгарских политэмигрантов входило и военное дело.

Прибыв после Сентябрьского восстания в Москву раньше Димитрова, Коларов 8 января 1924 г. с удовлетворением писал тому в Вену: «Наших эмигрантов в Москве минимум 100 человек ... Приехавшие сюда уже проходят месячный курс военного дела: будут практически изучать пулеметное дело, автоматические ружья, гранатометание и пр., а также технику гражданской войны ... Кроме того, 12 молодых людей учатся на трехмесячных курсах красных командиров»¹⁹. Такая практика имела тенденцию к развитию. В обращении 24 октября 1924 г. к председателю ИККИ Г.Е. Зиновьеву Коларов просил «принять энергичные меры к всесторонней (и специально военной) подготовке находящихся в СССР болгарских политэмигрантов и партийцев. Достигнуты уже очень удовлетворительные результаты». В письме пояснялась и главная цель задуманного: после «всестороннего обучения» болгарским товарищам предстояла отправка «на специальную работу» в Болгарию²⁰.

Организацией пребывания иностранной эмиграции в Советском Союзе (польская и болгарская группы являлись самыми многочисленными) занимались и органы ИККИ. К концу 1924 г. Москве стало очевидно, что напор разношерстной иностранной массы начать революцию в своих странах (Болгария, Германия, Польша, Эстония) приступом – авось получится! – провалился, и следует дисциплинировать эмигрантскую часть этой массы, поставить ее в определенные рамки, обучить теории и тактике, создавая из нее резерв для будущих боев. И лозунг для этого был выбран подходящий – большевизация компартий. 6 декабря 1924 г. на заседании Бюро Секретариата ИККИ была создана специальная Комиссия по подготовке вопроса о большевизации компартий в составе 13 человек, включая представителей иностранных компартий, а также

«узкая» комиссия, которой для начала предстояло встретиться с Зиновьевым для беседы²¹.

Обучение марксистско-ленинской теории и практике, опыту большевизма планировалось через совпартшколы и университеты всех уровней. Димитров считал, что болгарские коммунисты должны максимально использовать предоставляющиеся возможности и что распределять новые места в учебных заведениях СССР нужно таким образом, чтобы в партшколы направлялись рабочие и крестьяне, а более интеллигентные люди – в вузы, для получения высшего образования. 3 мая 1928 г. он писал в ЦК ВКП(б): из-за потерь партии в гражданской войне Болгария обезлюдела, она лишилась почти 3/4 самых активных деятелей, и потому подготовка новых кадров жизненно необходима. Нужны кадры в области политэкономии, истории и философии, которые партия могла бы использовать как теоретиков идеологического фронта. Димитров просил выделить места в Институте красной профессуры для болгар, окончивших в этом году КУНМЗ, Ленинградский коммунистический университет и ленинские курсы при Институте марксизма-ленинизма. К письму прилагался поименный список²².

* * *

Одним из пунктов прибытия болгарских политэмигрантов была Одесса – уже в раннее послеоктябрьское время, пишет М. Дыхань, хорошо работал «канал» Варна-Одесса. А после сентябрьских событий 1923 г. в Одессе был создан специальный отдел по приему эмигрантов, он существовал три с половиной года и сумел оказать помощь почти 1 тыс. вновь прибывших²³. Большую поддержку оказывала МОПР.

Одесса служила базой для прибывающих эмигрантов до конца 1924 г., тут их устраивали на работу и на более или менее постоянное местожительство – климатические условия были благоприятными для болгар, а, кроме того, неподалеку находились существовавшие с XVIII в. болгарские поселения. Но к концу 1924 г., по мнению советских властей, эмигрантов здесь собралось слишком много. Принимая во внимание растущую безработицу, отмечает Дыхань, совещание специального окружного отделения ГПУ с представителями ИК МОПР и болгарской секции ИККИ приняло решение: «по чисто политическим соображениям, а также из-за безработицы в Одессе как крупном пограничном пункте, со всеми проистекающими отсюда последствиями, она не может служить местом жительства вообще и работы, в частности, для находящихся здесь легально и нелегально политэмигрантов из-за границы»²⁴. С 1925 г. Одесское отделение политэмигрантов приобрело характер приемно-пропускного пункта иностранных политэмигрантов,

не надолго остававшихся здесь для проверки, отдыха и получения необходимой помощи, после чего их направляли на работу в различные районы по указанию Отдела политэмигрантов при ЦК МОПР²⁵.

Прибывающие иностранные граждане не оставались без внимания и со стороны НКВД УССР. Судя по материалам Дыханя, этот наркомат собирал данные «о числе болгар, живущих на Украине», выделяя из них политэмигрантов²⁶. В 1924–1925 г., когда правительство Цанкова уже зорко следило за Варной как за перевалочным для БКП пунктом, коммунисты стали использовать «канал», начинавшийся в Стамбуле. Руководил им С.М. Мирный – советский вице-консул в Турции. Москва требовала, чтобы кандидатуры отправляемых из Стамбула людей предварительно согласовывались с Загранпредставительством ЦК БКП, хотя это не всегда можно было оперативно сделать. 10 августа 1927 г. Представительство направило в Турцию требование: «Совершенно необходимо ограничить до минимума прием людей через Стамбул, так как Болгария *обезлюдена* (курсив мой. – Р.Г.). Твердую линию необходимо продолжить. В экстренных случаях нужно сначала сделать запрос телеграфом и ждать ответа». Спустя некоторое время требование пришлось повторить: «Мы, однако, должны еще раз предупредить вас быть чрезвычайно внимательными, чтобы остановить поток, устремившийся из вашего города. Вы очень хорошо знаете, какова сейчас линия партии: мы возвращаем людей отсюда, т.к. в стране не осталось людей»²⁷.

Здесь указана еще одна важная причина для ограничения наплыва болгарских эмигрантов в СССР, как это понимали руководители Заграничного представительства БКП: в Болгарии, говорилось в документе, «не осталось людей» – читай: коммунистов. Такова, получается, собственная оценка заграничными руководителями БКП результатов Сентябрьского восстания и последствий теракта в софийском соборе, а именно: фактическая ликвидация 40-тысячной БКП, когда стало необходимым считать каждого партийца едва ли не поединично.

Линию на временное пребывание коммунистов-политэмигрантов в Советском Союзе и последующее возвращение их на родину для революционной работы заграничные органы ЦК БКП проводили целеустремленно. О финансовой стороне дела некоторое представление можно получить из переписки Загранпредставительства ЦК со Стамбулом. Например, 24 ноября 1924 г. Коларов писал Мирному: «Отправляемые нами товарищи получают от нас по 75 долл. каждый на дорогу с расчетом, чтобы они имели известную сумму на руках, когда будут в Болгарии. Это, кажется, разрешает денежный вопрос. Только в экстренных случаях Вам придется тратить на них»²⁸.

* * *

Значительная часть болгарского эмигрантского потока растекалась по стране и оседала главным образом на Украине, где уже с XVIII в. существовала болгарская диаспора. Вновь прибывающих направляли в районы, там их легче было накормить и обустроить, найти занятие для заработка, учитывая, что в преобладающей части эмиграция, даже коммунистическая, была крестьянской по социальному происхождению.

На Украине постоянно проживали около 200 тысяч болгар, вливание в эту массу нескольких сотен болгарских политэмигрантов казалось правильным решением для облегчения адаптации последних. При Загранпредставительстве БКП с целью их организации была сформирована при помощи ИККИ Центральная политэмигрантская комиссия, а при ЦК КПУ – Центральное болгарское бюро. Заниматься болгарскими политэмигрантами входило в обязанность окружных парткомов Одессы, Мелитополя, Бердянска, Первомайска – при них создавались бюро болгарских секций²⁹. На местах учреждались клубы и секции болгарских политэмигрантов.

Как пишет М. Дыхань, политэмигранты активно вовлекались в общественную жизнь Советского Союза, особенно в болгарских районах Украины. В ряде случаев они возглавляли райкомы партии, другие партийные звенья, например, в селах, учебных заведениях, школах, общественных организациях, являлись членами окружных комитетов партии, в том числе Одесского³⁰.

Вместе с тем, приспособиться к новой жизни политическим беженцам было совсем не просто. Летом 1927 г. в ЦК МОПР поступило письмо из Одессы, в котором говорилось, что эмигранты совершенно «не знакомы с нашими законами, с нашим порядком и обычаями» и постоянно нуждаются в моральной, юридической и других видах помощи³¹.

Центрами подготовки партийных кадров для БКП и для болгарских районов СССР были болгарский сектор КУНМЗ и Днепропетровско-Одесская совпартшкола. Советские партшколы и болгарские сектора в других учебных заведениях работали по программам, разработанным ЦК РКП(б). Как считает М. Дыхань, подробно изучавший архивные документы Днепропетровско-Одесской школы, по ней можно судить «о теоретической и практической работе с учащимися-политэмигрантами, их марксистско-ленинскому воспитанию, их жизни и общественной деятельности и т. п.», установленной во всей системе марксистско-ленинского просвещения – принятая методика была общей. По мнению этого автора, в 1924–1930 гг. в указанной школе была сосредоточена основная часть болгарских политэмигрантов³². За пять лет обучение в ней про-

шли около 150 политэмигрантов, которые учились вместе с местными жителями.

История школы такова. В 1924 г. при тогда еще Екатеринославской губ-партшколе был создан болгарский сектор на 25 мест, в 1926 г. реорганизованный в болгарскую совпартшколу на 60 мест. Вначале школа готовила специалистов для обслуживания болгарского населения Украины.

Помимо болгарского, в школе имелись украинский, немецкий и европейский сектора. Для всех них вводились дисциплины – история, политэкономия, истмат, ленинизм, соответствующий язык и естествознание. Работали по Дальтон-плану: самостоятельная подготовка (задания давались на две недели), групповые консультации, конференции. Учебных пособий было мало и только на русском языке, занятия же велись на болгарском. Использовались газеты, которые получали курсанты. После курса лекций учащиеся сдавали устный и письменный зачеты. В 1924–1926 гг. школой заведовал болгарин-политэмигрант Х.К. Петров, и преподавателями вначале были сами политэмигранты.

В декабре-январе и в июле-августе курсанты отправлялись на практику в окрестные села: проводили различные собрания и совещания, участвовали в избирательной кампании по выборам в сельсоветы, организовывали клубы-читальни, обследовали партийные, советские и общественные организации³³, распространяли газеты, участвовали в сборе сельскохозяйственного налога, «сборе зерна» (т. е., можно понять, – в начавшейся кампании по раскулачиванию), в сборе средств на Осовиахим и т. п. Иными словами, имели возможность собственными глазами видеть, как происходит строительство социализма на селе, как в реальности обостряется восхвалявшаяся в марксистско-ленинской теории классовая борьба. Им было трудно, сообщает Дыхань, они не знали ни украинского, ни русского языка.

В начале 1926/27 учебного года заведующим школой был назначен политэмигрант Марин Найденов Чолаков, до того являвшийся секретарем Романовского (Коларовского) райкома партии³⁴. Именно о годах его заведования школой в украинских архивах сохранилось, как пишет Дыхань, наибольшее количество документов – планов работы, годовых отчетов, результатов проверки и проч. По ним можно судить о трудностях обучения и успеваемости курсантов. Так, если в 1928/1929 учебном году на 1-м курсе школы отстающие составляли до 20% набора, то на 2-м курсе их доля сокращалась до 2%. Причинами первоначальной низкой успеваемости первокурсников являлись «недостаточная общеобразовательная и политическая подготовка курсантов, отсутствие учебников и несоответствие программы уровню развития курсантов», цитирует Дыхань документ из партархива Одесского обкома КП Украины³⁵. К этому составители до-

кумента присовокупили «отсутствие опыта практической работы в советском аппарате». Особенно сложными для курсантов были предметы по истории классовой борьбы, естествознание и математика. Для преодоления отставания пришлось дополнительно организовывать вечерние занятия.

Обучение в школе вели около десятка преподавателей, главным образом, члены БКП и политэмигранты: Чолаков (партийное строительство и политпросвещение), Величков (государственное устройство, история БКП и текущая политика), Керезов (болгарский язык, экономическая география, организация и методика пропаганды), Камбуров (история классовой борьбы), Старейшинский (история ВКП(б) и политпросвещение), Иванов (политэкономика и экономическая политика), Туриец (украинский язык, математика и природоведение)³⁶.

Но идеологически гораздо более опасным, особенно в связи с борьбой внутри БКП и среди коммунистической политэмиграции по вопросам оценки Сентябрьского восстания и роли его вождей, оказалось обнаруженное при проверке школы обстоятельство, что на историю Болгарии и болгарских колоний на Украине в учебном плане не было обращено достаточного внимания. Именно на долю заведующего школой М. Чолакова выпало разбираться в противоречивых взглядах курсантов – положение дел в школе привлекало обостренное внимание со стороны руководителей Загранпредставительства БКП.

Бурные дискуссии среди болгарских политэмигрантов происходили в это время в Москве и Ленинграде, в Одессе и в других местах сравнительно массового их скопления. Заграничные руководители БКП выезжали на места «для разъяснения положения», для авторитетной артикуляции своих представлений о ситуации в партии, о позиции ИККИ, о международных делах. В ходе таких дискуссий не только декларировались, но и прорабатывались основы и детали постулированной «революционной» концепции истории БКП, дожившей до наших дней. В июле 1926 г. Димитров, выступая на заседании одесского интерклуба, объяснял, что 9 июня 1923 г. ЦК БКП совершил «фатальную ошибку», когда занял позицию нейтралитета, «в сентябре же партия поступила правильно». Он резко осудил проявившийся в БКП в 1924–1925 гг. ультраеврейский уклон, выразившийся в индивидуальных террористических действиях против фашистской власти³⁷. И далее говорил в том же духе, формируя в головах политэмигрантов «единственно верную марксистскую точку зрения». Завершением его доклада стал призыв принять именно ее и «прекратить все ссоры, положить конец раздорам». Вторая задача, поставленная Димитровым перед одесскими политэмигрантами, была сформулирована так: «Всеми путями помогать партии, выполняя свой революционный долг в России. Мы

должны изучать русский революционный опыт, извлекать из него уроки, использовать свое положение и обогащать свои знания»³⁸.

Были извлечены уроки и из непосредственного общения вождя с рядовыми эмигрантами, которые жаловались на трудности жизни в новых условиях, «оторванность от своего надела земли». Как отмечается в том же документе, решено было усилить политическую и организационную работу среди эмигрантов, читать доклады, в том числе на тему «Ленин и крестьянство», о международном положении. Важно, что после встречи эмигрантам стали выписывать болгарские газеты «Наши дни», «Земедельско знаме», «Македонско съзнание и др.»³⁹

Летом 1927 г. Днепропетровская совпартшкола была переведена в Одессу. Время было неспокойное. В Одессе находились 110 болгарских политэмигрантов, организованных в свой клуб, при котором создали коммунистическую фракцию. Болгарское бюро существовало и при Окружном комитете ЛКСМ Одессы. Но жесткий партийный обруч не мог подавить страстные споры среди эмигрантов о причинах тяжелых поражений Болгарской компартии и кровавой гражданской войны в Болгарии, о странных модуляциях политического курса ЦК БКП и его Загранпредставительства, о вождях Сентябрьского восстания.

Разногласия продолжались и среди курсантов совпартшколы. Часть эмигрантов вели агитацию против Коларова и Димитрова, выступали против их оценок Сентябрьского восстания. В октябре 1927 г. коллегия школы специально занималась вопросом усиления партийно-воспитательной работы среди учащихся. Решили прикрепить отдельных преподавателей к каждой группе. В том же аспекте обсуждался этот вопрос месяц спустя; в результате пришли к мнению о необходимости принять самые строгие меры к «систематически неисправимым курсантам». Ссылаясь на документы партархива Одесского обкома КП Украины, Дыхань пишет: руководители школы объясняли поведение курсантов «отсутствием партийного опыта и знаний у коммунистов, непониманием основных причин поражения, методов оздоровления и укрепления БКП»; им не были ясны постановления Коминтерна по болгарскому вопросу, они не понимали организационных принципов большевистской партии⁴⁰.

Причины искали и в том, что в школу, когда она еще находилась в Днепропетровске, влились новые политэмигранты-члены БКП, так что в составе обучающихся их доля поднялась до 45%. Хотя они являлись участниками революционной борьбы, «это была еще сырая, не имевшая партийного опыта и обучения масса, не понимавшая основных вопросов причин поражения болгарского революционного движения.

Курсанты-политэмигранты не уяснили постановлений Коминтерна по болгарскому вопросу, недостаточно разбирались в организационных принципах большевистской партии и продолжали оппозиционную политику в противовес решениям ЦК БКП и Болгарского Представительства при ИККИ»⁴¹. В целях оказания помощи Загранпредставительство командировало в Днепропетровск руководителя Центральной политэмигрантской комиссии Станке Димитрова-Марека, в январе-феврале 1927 г. он участвовал в заседании коммунистической фракции болгарской секции Интернационального клуба. Однако перевод школы из Днепропетровска в Одессу только усугубил положение среди курсантов. Бурные дискуссии продолжались.

12 декабря 1927 г. на заседании школьной коллегии, в котором участвовал Величков как представитель Загранпредставительства, Чолаков, входивший в бюро Одесского окружного парткома⁴², предложил поставить вопрос об отзыве трех курсантов (Крыстева, Чонова и Гатева) из школы. Коллегия и Величков поддержали завшколы⁴³. В 1928 г. эти трое были отозваны Загранпредставительством из школы и направлены на практическую работу в Благоевский район. Вскоре вслед за ними «за антипартийные действия» из Одессы была удалена еще одна группа курсантов из пяти человек.

В отчетах о работе за 1928/1929 учебный год указывалось, что главное внимание направляется на разъяснение сущности правого и левого уклонов и борьбе с ними, что в кружках по текущей политике изучаются решения июльского и декабрьского пленумов ЦК ВКП(б), 16-й партконференции и VI-го конгресса Коминтерна. Наступило временное затишье. Дыхань объясняет «оппортунистические настроения» в совпартшколе преобладанием крестьян в ней. По его сведениям, в 1927/1928 гг. среди курсантов насчитывалось рабочих – 21 человек, а крестьян – 65; коммунистов – 46, кандидатов в члены партии – 24, комсомольцев – 29 и 1 беспартийный.

И в Одессе курсанты проходили обязательную общественно-политическую практику на селе (в зимние и летние каникулы): «участвовали в кампании по самообложению, по поставке зерна, популяризации и распространению сельского займа; работали по организации сельских кружков и читален, делали доклады, выпускали стенгазеты, руководили школами политической грамотности и подвижными просветительскими школами»⁴⁴.

В 1928/29 учебном году число болгарских политэмигрантов значительно снизилось из-за сокращения притока эмигрантов и возвращения многих из них на родину. В начале 1930-х гг. курсантами были в основном уже местные болгары⁴⁵.

О руководителе Днепропетровско-Одесской совпартшколы Марине Найденове Чолакове (1901–1945) хотелось бы рассказать подробнее, хотя материалов в нашем распоряжении немного. О его пребывании в Советском Союзе, помимо привлеченных М. Дыханем документов, есть «начальный». Это машинописная копия «Сведений об иностранных коммунистах, прибывших из Болгарии на п/х Варна». Место происхождения документа и дата не обозначены, хотя по содержанию можно определить, что речь идет примерно о 1921 г. Из пункта 1 «Сведений» явствует, что речь идет о Чолакове Марине Найденове, 20 лет, образование – 6 классов гимназии. Допрос проводился в Новороссийске. Чолаков представился коммунистом, вступившим в коммунистическую группу в 1919 г. и выполнявшим партийные поручения, что письменно подтвердил прибывший вместе с ним на пароходе его товарищ. Оба, отвечая на вопрос, почему уехали из Болгарии, в качестве причины указывали на преследование со стороны властей за антиправительственную деятельность и коммунистическую агитацию⁴⁶.

На вопрос о причине приезда в Советскую Россию, Чолаков ответил: «Здесь, в России хотел бы учиться специальностям, социалистическим наукам и советскому строительству с тем, чтобы к моменту социалистической революции в Болгарии принести больше пользы и этим самым приблизить начало всемирной социалистической революции».

Согласно московской семейной хронике, Чолаков затем учился в Петрограде в «марксистской школе им. Н.К. Крупской». В 1924 г. был принят в члены ВКП(б). Работал на Украине, где, как уже отмечал М. Дыхань, был секретарем Романовского (Коларовского) райкома партии, а в 1926/1927 учебном году 25-летний Чолаков стал заведующим совпартшколой.

В начале учебного 1929 г. он был отозван в Москву. Сохранилось его письмо к жене и друзьям от 6 ноября. На неплохом русском языке Чолаков писал: «Дорогие! Я пишу Вам в большом волнении. Мысль о том, что мое письмо вызовет у Вас тревогу, и немалую, с ужасной силой давит на меня. Все же надо Вам написать. Большую любовь и уважение, которые храню к Вам, заставляют меня сказать Вам правду, тем более, что Вы вооружены возможностью расценит[ь] дело и с общественной точки зрения. Дело в следующем: меня партия посылает на партийную работу в Б. (так в тексте. – Р.Г.). Сообщили мне, что я мобилизован окончательно только сегодня, а в пятницу 8.XI надо уезжать[ь]. Я, конечно, преисполнен желанием максимально и доблестно выполнит[ь] перед партией свой высокий долг – поехать[ь] и работать[ь] в самый трудный для нее момент, когда меня

она призывает. Я, конечно, постараюсь оправдат[ь] доверие и внимание, проявлен[н]ое ко мне. Но как был бы я счастлив, если бы знал, что Вы будете со мной солидарни в моем решении поехать[ь] на предложен[н]ой мне столь ответствен[н]ой и важной (правда, и рискован[н]ой!) для нашего великого дела, работу! Я надеюсь, что Вы не посмотрите на это дело со сугубо личной точки зрения и правильно его оцените».

С каким конкретным поручением был отправлен Чолаков через Берлин в Болгарию, осталось неизвестным. Московские родственники думают, что он был завербован советскими спецслужбами, по заданиям которых и работал. В 1934 г. был арестован и два или три года отсидел в тюрьме. Как отмечал его сын Бойко в беседе с корреспондентом софийской газеты «Неделен стандарт» (14.08.1964), из тюрьмы Чолаков вышел сломленным. О дальнейшем некоторые сведения можно почерпнуть из реабилитационного дела. Среди документов – справка о М.Н. Чолакове, составленная начальником I-го Управления Главразведуправления Красной Армии генерал-майором Большаковым от 14 февраля 1945 г. Из нее следует, что за коммунистическую деятельность Чолаков сидел в Болгарии в тюрьме, под нажимом полиции выдал несколько партработников; исключался из партии, в 1938 г. снова был принят в компартию, которая рекомендовала его «нашему полпреду для работы в ТАСС; с мая по август 1939 г. использовался по нашей линии военным атташе Бенедиктовым как источник-информатор» и выполнил несколько заданий последнего по информации.

В августе 1939 г. при организации Чолаковым встречи Бенедиктова с третьим лицом произошла нестыковка, причем под удар оказались поставлены несколько членов компартии, после чего «Центр категорически запретил Бенедиктову использовать Чолакова». Последний был заподозрен в связи с полицией. В сентябре 1940 г. коммунистическая газета «Работническо дело» объявила его провокатором. Одновременно он был уволен с работы в ТАСС в Софии. Материал генерал-майора Большакова предназначался заместителю начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ» для использования при допросе.

В деле Чолакова, арестованного осенью 1945 г. в Болгарии органами СМЕРШ и доставленного в Москву, свою роль сыграл документ (он присутствует в реабилитационных бумагах), который был подписан в Москве еще 3 августа 1940 г. «за Председателя КП Болгарии при ИККИ» Богдановым. В рукописной копии отсутствует первый лист, где, очевидно, был указан адресат. (Партийная кличка «Богданов» принадлежит Антону Иванову, известному деятелю Болгарской компартии, с 1935 г. являвшемуся членом Загранбюро ЦК БКП и его ответственным секретарем⁴⁷). А. Иванов сообщал, что «партия добралась до неопровержимых фактов» о том, что

Чолаков, «попробовал посредством одного ответственного до недавно (так в тексте. – Р.Г.) работника партии спровоцировать руководство КПБ и советское полпредство в Софии»; что намеревался якобы по поручению советского полпредства получить «нелегальные документы ЦК и издания, чтобы (ЦК) сообщил свои решения и, наконец, чтобы ЦК КПБ занялся собиранием сведений о состоянии и вооружении болгарской армии». Ничем иным, кроме полицейской провокации, считал автор донесения, это быть не может; а цель – добиться разгрома компартии и скомпрометировать советское полпредство. «Сообщая эти факты, – заканчивал письмо А. Иванов, – мы просим уведомить об этом соответствующие партийные органы и учреждения. По нашему мнению, желательно, чтобы Чолаков Марин немедленно был отстранен от работы в ТАСС в Софии». Это, как мы видели, и произошло.

Комментировать разведывательную деятельность без конкретных аутентичных «перекрещивающихся» документов не представляется возможным, как и поступки отдельных членов коммунистической партии, находившейся на нелегальном положении. Но стиль некоторых приведенных материалов говорит сам за себя.

3 февраля 1945 г. Чолаков был арестован, допрошен в Софии в Дирекции полиции и передан органам СМЕРШ. 3 октября 1945 г. по обвинению в шпионско-провокационной деятельности Марин Найденов Чолаков Особым совещанием при НКВД СССР был приговорен к расстрелу по ст. ст. 58–4 и 58–6. Реабилитирован 10 апреля 1990 г.

Обычная изломанная, изуродованная во имя революционной идеи судьба, обычная в XX веке смерть...

* * *

Судьбы многих других болгарских политэмигрантов, направлявшихся заграничными органами БКП из Советского Союза на родину для продолжения революционной борьбы не менее трагичны.

Как правило, «возвращенцы» быстро попадали в полицейский капкан – болгарская политическая полиция приобретала все больший профессионализм. Судя по документам архива МВД Болгарии, окружным управителям было вменено в обязанность регулярно составлять и направлять в министерство сводки-отчеты обо всех неблагонадежных на подведомственной территории (причем сводки поименные), о деятельности всех партий, включая проправительственные, и, конечно, о нелегалах – коммунистах и «других леваках», экстремистах. Осведомленность болгарской политической полиции кажется поразительной только на первый взгляд – в тревожной постверсальской Европе всеобщая слежка станови-

лась общим явлением в странах, затронутых итогами Парижской мирной конференции. И не удивительно, что спланированные в Москве заброски коммунистов в Болгарию раз за разом оканчивались провалом. Например, в «Докладе политической полиции за 1929 г.» после перечисления ряда коммунистических провалов говорилось: эти цифры «свидетельствуют о расстройстве БКП от частых ударов политической полиции и о том, что партия вынуждена постоянно восстанавливаться. На такую мысль наводит и тот факт, что после каждого провала и ареста членов ЦК их места пополняются людьми, которых Заграничное бюро в Вене назначает и присылает, а не путем избрания местных людей, взятых из окружных, местных или районных комитетов»⁴⁸.

Из такого же отчета за 1930 г. следует, что в результате провала в марте 1929 г. в Софии были арестованы сразу 4 члена ЦК БКП, все члены городского и районных комитетов партии, все члены 8 партийных и 3 комсомольских ячеек и все члены 3 районных комитетов комсомола, а кроме того, еще и связной с границей. Провалы имели место также в Пловдиве, Станимаке. «Несмотря на эти удары, – говорится в документе, – компартия и комсомол быстро восстановили свои организации». На свободе оставался только один член ЦК БКП – его политический секретарь Д. Ангелов Карадимов, пловдивский табаковод, приехавший нелегально в Болгарию в конце марта 1929 г. В конце ноября и он был арестован. А уже в начале 1930 г. были образованы в новых составах ЦК БКП и ЦК комсомола (в отчете назывались конкретные имена и функции руководителей).

Любопытны полицейские характеристики: «Оба ЦК состоят исключительно из политэмигрантов, нелегально прибывших в страну. В Москве они прошли курс в Университете Запада. Оба комитета проявили необычайную энергию. Они сумели не только организационно восстановить партию и комсомол, но и вызвать их чрезвычайную активность. Организованные ими акции следовали одна за другой, все более смелые и дерзкие! Они создали массовую коммунистическую литературу, распространители которой ловко укрывались от властей. Но 13 марта 1930 г. полиция напала на след». Начались новые аресты. Раскрытия имели место и в провинции⁴⁹.

Нетрудно подсчитать, что восстановленные организации существовали не более трех месяцев до следующего провала. Люди приезжали полные сил и энергии, но быстро исчезали.

Особенно тяжелыми стали провалы в начале 1930-х г. В июне полиция напала на след политического секретаря ЦК БКП Илию Василева, руководившего нелегальным движением; ему пришлось уехать за границу. Слежка обнаружила и других членов ЦК. В ноябре полиция отметила появление приехавшего из СССР Николы Кофарджиева, который взял на

себя, как указывалось в очередном полицейском документе за 1931 г., «общее руководство нелегальным движением, инструктировал приезжавших провинциалов, писал доклады в ИККИ, печатался в легальных изданиях ... С его прибытием в Болгарию почувствовалось усиление и укрепление нелегального движения», улучшилась конспирация, и он был взят под постоянное наблюдение⁵⁰. Кофарджиев был опытным и незаурядным конспиратором и сумел продержаться чуть более года, однако 30 октября 1931 г. и для него наступила развязка. В перестрелке при аресте он получил смертельное ранение. Всего было арестовано 40 человек, в том числе все, кроме Благоя Попова, члены ЦК.

В заключение приведу общие соображения болгарской политической полиции относительно политэмигрантов в СССР: «Служба не располагает точными сведениями о числе и действиях эмигрантов в России ... Имеется много желающих вернуться в Болгарию из-за плохих условий жизни в России. ... В Москве имеется около 200 болгар, из них 10–15 человек живут тут с довоенных времен ... Часть их во главе с Лукановым и Хр. Кабакиевым находится в немилости, т. к. считаются ликвидаторами»⁵¹.

Загранпредставительству БКП приходилось убеждаться, что полиция умело ликвидирует один за другим составы нелегального ЦК БКП, при том, что все его члены были заранее известны властям. Несмотря на почти верную смерть «командированных», московское руководство болгарской политэмиграции продолжало посылать свои «экспедиции», вплоть до известных случаев заброски «подводников» и «парашютистов» уже во время Второй мировой войны.

Многие политэмигранты оставались верны революционной идее и принимали поручения руководства компартии как свою революционную обязанность. Люди были молоды и предпочитали действовать, а не брюзжать.

По большому счету использование коммунистической политэмиграции для фактически подрывной деятельности в Болгарии оставалось малопродуктивным, что свидетельствовало о ложности самой главной идеи. Не меняло положения дела и содействие в ее осуществлении Москвы, руководства большевистской партии, Исполкома Коминтерна.

Примечания

¹ Дихан М. Участието на българските политемигранти в изграждането на социализма в Украйна. 1924–1929. София, 1972.

² См., например, Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г. Раковский в 1927–1941 гг. Харьков, 1993; Они же. Георгий Бакалов. Политическая биография (с культурологическим компонентом). София, 2006.

- ³ Крекманов И. Записки на политемигранта. София, 1962. С. 4–47.
- ⁴ Один из информаторов сообщал в августе 1923 г. А. Цанкову: Не меньше трех тысяч «земледельцев» распределены вдоль болгарской границы с Сербией от Видина до Кюстендила; возможен союз «земледельцев» с сербами по такому плану: сербы начнут военное продвижение к болгарской границе с первоначальным объектом – Кюстендил, а Даскалов с «земледельческими» болгаро-сербскими отрядами вторгнется в Болгарию в направлении Софии, сметет все перед собою и уничтожит все македонское и все буржуазное в Софии, используя помощь болгарской коммунистической организации (*Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из архивного наследство на Тодор Александров // Известия на държавните архиви. София, 1990. № 60. С. 245–246.
- ⁵ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала–середины 1920-х гг. Ч. 2. М., 2003. Док. № 285. С. 581.
- ⁶ Там же. С. 583.
- ⁷ Троцкий Л. Кто руководит ныне Коминтерном? // Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М., 1994. С. 288.
- ⁸ Димитров Георги. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 97. В середине февраля 1934 г. Димитров прибыл в Москву, одержав трудную победу в ходе Лейцигского процесса.
- ⁹ Национальный вопрос на Балканах... Ч. 2. С. 586.
- ¹⁰ Крекманов И. Указ. соч. С. 66–77.
- ¹¹ Национальный вопрос на Балканах... Ч. 2. Док. № 43. С. 91–94.
- ¹² Там же. Док. № 55. С. 112–113.
- ¹³ Там же. Док. № 180. С. 351.
- ¹⁴ Там же. Док. № 186. С. 368.
- ¹⁵ Там же. Док. № 285. С. 587.
- ¹⁶ Там же. С. 588–589. Док. № 285.
- ¹⁷ Решетников Л. Дейността на МОПР в СССР за подпомагане на българските политически емигранти. 1923–1940 гт. // Исторически преглед. 1972. № 6. С. 43.
- ¹⁸ Цит. по: Дихан М. Участието на българските политемигранти в изграждането на социализма в Украйна. 1924–1929. София. 1977. С. 8.
- ¹⁹ Централен държавен архив (далее: ЦДА). Ф. 3. Оп. 4. А.е. 55. Л. 6.
- ²⁰ Национальный вопрос на Балканах ... Ч. 2. Док. № 112. С. 210.
- ²¹ Там же. Док. № 147. С. 293.
- ²² ЦДА. Ф. 146. Оп. 2. А.е. 154. Л. 1.
- ²³ Дихан М. Живот и дейност на българските политемигранти в СССР през 1924–1929 г. (по документи на съветските държавни архиви) // Известия на държавните архиви. № 25. София, 1973. С. 236.
- ²⁴ Дихан М. Дейността на българските политически емигранти в Южна Украйна през 1925–1929 г. // Исторически преглед. 1967. № 4–5. С. 121.

- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Дихан М. Живот и дейност... С. 241.
- ²⁷ Цит. по: Дихан М. Участието на българските политемигранти... С. 30.
- ²⁸ Национальный вопрос на Балканах ... Ч. 2. М., 2003. Док. № 132. С. 264.
- ²⁹ Дихан М. Участието на българските политемигранти в изграждането на социализма в Украйна. 1924–1929. София, 1977. С. 6–7.
- ³⁰ Дихан М. Живот и дейност... С. 237–238.
- ³¹ Дихан М. Участието... С. 28.
- ³² Дихан М. Българската съветска партийна школа в Днепропетровск и Одеса – огнище за марксистко-ленинската просвета. 1924–1930 // Исторически преглед. 1970. № 1–2. С. 157.
- ³³ Там же. С. 62.
- ³⁴ Там же. С. 162.
- ³⁵ Там же. С. 165.
- ³⁶ Там же. С. 164.
- ³⁷ В 1964 г. в журнале «Вопросы истории КПСС» (№ 5. С. 64–65) Г.И. Чернявский кратко переложил содержание протокола заседания, не останавливаясь на острых моментах доклада Г. Димитрова «О положении в Болгарии и БКП».
- ³⁸ Дихан М. Дейността на българските политически емигранти... С. 126.
- ³⁹ Там же. С. 127.
- ⁴⁰ Там же. С. 173.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 177.
- ⁴³ Там же. С. 174.
- ⁴⁴ Там же. С. 172.
- ⁴⁵ Там же. С. 161.
- ⁴⁶ Из документов реабилитационного дела М. Чолакова, предоставленных автору его русской невесткой Ниной Николаевной Азаровой.
- ⁴⁷ В конце 1940 г. по решению ЗБ ЦК БКП Антон Иванов вернулся в Болгарию и принял на себя руководство партийей. В апреле 1942 г. при провале ЦК и Центральной военной комиссии был арестован и вскоре расстрелян.
- ⁴⁸ Архив на Министерството на вътрешните работи (далее: Архив на МВР). Об. 5619. Т. 1. Л. 14.
- ⁴⁹ Там же. Л. 3–4.
- ⁵⁰ ЦДА. Ф. 370. Оп. 1. А.е. 314. Л. 57.
- ⁵¹ Архив на МВР. Там же. Л. 31.

А.Н. Горяинов
(Институт славяноведения РАН)

О работе болгарских политэмигрантов в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина в Москве (1920-е – 1930-е годы)

Начну с воспоминаний. В 1960-х годах я работал в Справочно-библиографическом отделе Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (ныне Российской государственной библиотеки). Однажды я узнал, что в так называемом Спецхране (Отделе специальных фондов библиотеки) обнаружен неопубликованный библиографический труд деятеля болгарского социал-демократического и коммунистического движения, а в годы пребывания в СССР в эмиграции – сотрудника Библиотеки Георгия Бакалова, и что рукопись библиографии недавно передана в Отдел рукописей. О Бакалове я, конечно, слышал, но впервые узнал какие-то подробности о его работе в «Ленинке». Находка была сенсационной: в самом начале 1960-х годов ученые-болгаристы нашли документы о том, что Г. Бакаловым подготовлена к печати библиография «Революционная книга в Болгарии». Библиографию начали искать советские и болгарские исследователи, среди которых был и сотрудник Института славяноведения Виталий Иванович Злыднев. Они обращались в Отдел рукописей и в Архив библиотеки, но везде получали отказ.

Найденная рукопись как раз и представляла собой библиографию болгарской революционной книги за 1875–1929 гг. Она была обнаружена сотрудницей Спецхрана В.С. Гречаниновой еще в 1950 г. среди бумаг, предназначенных к уничтожению. Вот что рассказала мне об этом Вера Семеновна 13 мая 2004 г. (я записал ее рассказ, потом она его авторизовала): «Когда Гречанинова в первый раз пришла на работу в таинственный отдел, занимавший целый ярус огромного корпуса “нового” книгохранилища, она чуть не упала: споткнулась о большую грудку папок, карточек, рукописей и другого “хлама”. “Это будут сжигать”, – сказала ей новая начальница М.А. Анфилофьева. Краем глаза Вера взглянула на грудку и обомлела: она увидела страничку с копией письма поэта Георгия Иванова, наклонилась и подняла открытку с подписью А. Ахматовой... Гречанино-

ва была храброй девушкой: она попросила разрешения разобрать груды и ей, как это ни удивительно, милостиво дали такое разрешение».

Среди культурных ценностей, спасенных Верой Семеновной, оказались картотека библиографии «Революционной книги Болгарии», насчитывавшая 2694 библиографических записи, а также архив директора Ленинской библиотеки, видного деятеля большевистской партии В.И. Невского. В материалах архива Невского, также переданного в Отдел рукописей, был обнаружен текст «Введения», вспомогательных указателей, статистических таблиц к библиографии. На титульном листе этих материалов значилось: «Библиография революционной книги в Болгарии за 1873–1929 гг. Составил Г. Бакалов. Предисловие В.И. Невского»¹. Последние слова на титуле объясняют нахождение материалов Бакалова среди бумаг Невского, но предисловия в архиве Невского нет, видимо, оно не было написано. В Спецхране книга Бакалова пролежала неизвестной исследователям более десяти лет после обнаружения. К чести Веры Семеновны, она все это время приводила библиографию в порядок. В 1963 г. ее удалось, наконец, передать в Отдел рукописей.

Так я впервые узнал некоторые подробности о работе в «Ленинке» одного из болгарских политэмигрантов. В 1965 г. я ознакомился с содержанием рукописи и подготовил о ней сообщение². Это был итог многолетнего труда Бакалова по изучению революционной книги. Рукопись дает наиболее полное представление о развитии болгарской революционной литературы, в силу чего до сих пор является важнейшим источником для изучения болгарской общественной мысли и общественного движения в стране. Мое сообщение вызвало интерес. Болгарская национальная библиотека обратилась к директору «Ленинки» О.С. Чубарьяну с предложением о совместном издании труда Бакалова в Болгарии. К сожалению, этот проект не был осуществлен по неизвестным мне причинам. На расспросы болгарских коллег получить внятного ответа не удалось, ничего не удалось мне узнать и в дирекции Ленинской библиотеки. Видимо, изданию воспрепятствовала или советская, или болгарская цензура, поскольку в библиографии были широко представлены одиозные с точки зрения партийных идеологов анархистские, реформистские и тому подобные книги. Сейчас, думаю, следует вновь поставить вопрос об издании библиографического труда Г. Бакалова, до сих пор остающегося в рукописи. Настала новая эпоха, но труд Бакалова в полной мере сохраняет научную ценность. Об этом пишут, например, авторы недавно вышедшей в Болгарии книги о Г. Бакалове Г.И. Чернявский и М.Г. Станчев³. Мечта Г. Бакалова об издании его фундаментального труда вполне заслуживает того, чтобы стать реальностью, об этом надо подумать как российским, так и болгарским ученым и библиографам.

Сделав два сообщения о труде Г. Бакалова, я затем подготовил по этой теме статью, которая была опубликована в «Записках Отдела рукописей» ГБЛ⁴. Позже я начал собирать материалы для вступительной статьи к предполагавшемуся изданию «Революционной книги...», и с этой целью погрузился в изучение документов архива «Ленинки». В нем нашлись интересные документы о деятельности Бакалова в Библиотеке⁵. Он налаживал запущенную предыдущими сотрудниками работу подотдела славяноведения Научно-библиографического отдела, одним из двух сотрудников которого являлся, а также систематизировал сведения о книгах и журналах. Кроме того, он передал книги в дар «Ленинке» при отъезде из СССР и присылал свои труды из Болгарии.

Следует также упомянуть переписку Бакалова с директорами ГБЛ В.И. Невским и Е.Ф. Розмирович о приобретении комплектов газеты «Работнически вестник» и журнала «Ново време». К сожалению, довольно многочисленные письма по этому вопросу за 1932–1935 гг. не красят «красных директоров» Ленинки. В.И. Невский, которого имеющиеся источники и появившиеся в последнее время исследования однозначно характеризуют как «редкую птицу», «в высшей степени порядочного, умного и культурного большевика»⁶, не показал себя человеком, который был бы в состоянии сдерживать свои обещания. Переписку начал Бакалов: Невский поручил ему приобрести для Библиотеки комплекты газеты болгарских социал-демократов, а затем коммунистов, «Работнически вестник» и журнала партии «Ново време», и вскоре после прибытия на родину он разыскал полные комплекты этих изданий⁷. Несмотря на то, что из своих небольших средств, предназначенных на другие цели, Бакалов заплатил продавцу аванс, директор Ленинской библиотеки не торопился платить деньги. На одном из писем Бакалова, в котором болгарский коммунист отмечал, что «дело о переводе стоимости [рабочнического] вестника зависит уже только от Вас, от Вашей энергии», имеется следующая резолюция Невского в адрес ученого секретаря библиотеки Е.В. Виноградовой: «Елена Всеволодовна! Прочтите. Нужно ответить категорическим отказом»⁸. В других письмах Невский ссылался на отсутствие у Библиотеки средств и на невозможность приобрести газету и журнал «во внеплановом порядке»⁹. Так же ответила на письма Бакалова и полпреда СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольников, поддержавшего его просьбу¹⁰, Е.Ф. Розмирович, которая сменила на посту директора «Ленинки» репрессированного Невского. 10 сентября 1935 г. она писала Раскольникову, что сумма, необходимая для приобретения изданий, предложенных Бакаловым «слишком велика», она «поглотила бы суммы, назначенные на комплектование иностранной литературой 2–3 отделов библиотеки»¹¹. Издания, предложенные Бака-

ловым, так и не были приобретены. Библиотека им. Ленина получила их позже и по другим каналам.

Работая в Архиве Библиотеки, я, наряду с другими материалами, ознакомился с личным делом Г. Бакалова¹². Наиболее важные документы из него были к тому времени уже опубликованы В.И. Злыдневным¹³, но меня интересовали подробности, которые содержались в неопубликованных материалах личного дела. Внимание привлекла, в частности, неизвестная мне дотоле фамилия помощницы Бакалова в подотделе славяноведения В. Ивановой. Разыскав ее личное дело, я узнал из него, что Веселина Иванова – болгарская политэмигрантка. Просмотрев плохо сохранившиеся и неполные списки сотрудников «Ленинки» за 1920–1930-е годы, я обнаружил еще четыре фамилии, явно принадлежавшие болгарам. Таким образом, всего мне удалось выявить шесть политэмигрантов из Болгарии, работавших в ГБЛ. По всей вероятности, в Библиотеке какое-то время работали и другие их товарищи. В дневнике за 1926 г. сотрудник Библиотеки Н.М. Мендельсон отмечает 12 мая: «В библиотеке ввиду увеличения штатов (редкое по нынешним временам явление!) свыше 20 новых лиц. Любопытна история их появления. Было объявлено о 28 новых местах. Прошений было подано – туча, тьма тем... Были прошения и профессоров, и приват-доцентов, и людей с научными трудами... Стали выбирать, вдруг телефонограмма из райкома: не беспокойтесь, мы пришлем. И прислали... Тут и еврейки, и венгерка, и, главным образом, болгары и болгарки, бежавшие от цанковского террора. Русским языком владеют плохо. Начинают уже дрейфить, уходить»¹⁴.

Мендельсон не сообщает о количестве рекомендованных райкомом ВКП(б) болгарских политэмигрантов, но, судя по его записи, их было несколько. Впрочем, большая часть этих работников, по всей вероятности, сразу отсеклась или трудилась в ГБЛ недолго, и большинство принятых вряд ли оставили заметный след в ее деятельности.

Более ощутимы были итоги работы выявленных мной болгарских политэмигрантов. Выше уже отмечен большой вклад в деятельность Библиотеки Г. Бакалова. Следует отметить также работу помощницы Бакалова В.П. Ивановой. Видимо, она пришла в Библиотеку в составе упомянутой Мендельсоном группы, направленной райкомом партии. Личное дело Ивановой¹⁵ открывается ее заявлением от 29 марта 1926 г. о приеме на работу. Из материалов дела видно, что ее полное имя Веселина Панайотова Иванова, что она родилась в г. Лом в 1898 г. С 1919 г. Веса Иванова, как ее официально называли в Библиотеке, состояла в Болгарской компартии. Она эмигрировала в 1925 г. с ребенком в Австрию, где уже находился в эмиграции муж, участник Сентябрьского восстания 1923 г. Из Австрии

вся семья «по распоряжению ЦК» Болгарской компартии¹⁶ приехала в Москву, с 1 апреля 1926 г. В. Иванова была зачислена в штат.

Как и все другие болгарки (а, кроме Бакалова, все выявленные мной сотрудники Библиотеки были женщинами), В. Иванова на родине окончила гимназию и работала учительницей. Она стала сотрудницей Отдела хранения и вскоре попала в поле зрения предшественника В.И. Невского на посту директора и, по совместительству, заведующего подотделом славяноведения, известного в будущем писателя А.К. Виноградова. Виноградов, только номинально заведовавший во время своего директорства подотделом, начав в мае 1925 г. реально работать в нем, нашел все дела в крайне запущенном состоянии и почти сразу же начал просить о помощнице. В сентябре 1928 г. он обратился к В.И. Невскому с просьбой назначить в подотдел «ранее ему известную» В. Иванову¹⁷. Просьба была удовлетворена, 8 октября Иванова приступила к работе под руководством Виноградова.

1 ноября Виноградов написал отзыв о работе новой сотрудницы подотдела славяноведения, в котором отметил ее желание «серьезно подойти к научным задачам отдела», дисциплинированность и добросовестность, «научное знание» родного языка и болгарской литературы, «понимание общественной значимости» современных литературных процессов на Балканах, возможности в ориентировке по вопросам сербоведения. В отзыве отмечено также, что Иванова достаточно быстро осваивает технику новой для нее работы, обладает библиотечным почерком, записалась в семинар по каталогизации¹⁸.

В мае 1929 г. Виноградов ушел из Библиотеки, а через месяц начальником Ивановой стал Бакалов. Под его руководством Иванова проработала около года, затем ушла в декретный отпуск и больше в Библиотеку уже не вернулась «в связи с переходом на учебу»¹⁹. В. Иванова решила стать высококвалифицированным библиотекарем и, как сообщают Г.И. Чернявский и М.Г. Станчев, поступила в Московский библиотечный институт²⁰.

Видимо, Бакалов предъявлял к своей помощнице очень высокие требования. В его личном деле сохранилась записка от 9 февраля 1930 г., адресованная Правлению Библиотеки. Бакалов просит подыскать на место уходящей В. Ивановой человека, владеющего всеми славянскими, основными европейскими, а также древнегреческим и латинским языками²¹. Вместо такого полиглота ему подыскали, однако, лишь выпускницу Цикла южных и западных славян МГУ Е.А. Птицыну (Беркову), с которой Бакалов проработал до отъезда из Советского Союза. В 1932 г. Птицына заменила вернувшегося в Болгарию Бакалова. По словам беседовавшей с ней во второй половине 1960-х годов П.Б. Соколовой, Птицына «владела

иностранными языками, хорошо знала литературу, но не имела ни малейшего представления о библиотечном деле». Она «с благодарностью» вспоминала «своего первого наставника, который помог ей освоить библиотечную специальность»²². В 1931 г. Птицына смогла взять на себя всю текущую работу подотдела славяноведения, чего, по всей вероятности, Бакалов, не мог требовать от Ивановой. Это позволило Бакалову перед отъездом сосредоточиться на завершении своего библиографического труда о революционной книге.

Когда В. Иванова стала подчиненной А.К. Виноградова, на освобожденное ею место в Отделе хранения пришла политэмигрантка из Болгарии Иванка Цонева. Она родилась в 1898 г. в крестьянской семье, после окончания в 1918 г. гимназии учительствовала, в 1919 г. вступила в Болгарскую компартию. В начале 1920-х гг. Цоневу уволили за коммунистические взгляды, в 1924 г. она эмигрировала, до 1927 г. жила в Югославии и Австрии, а затем приехала в Москву²³.

В личном деле Цоневой сохранился примечательный документ – записка В. Коларова В.И. Невскому от 14 марта 1928 г. Коларов, сообщив некоторые биографические данные о Цоневой²⁴, писал, что она безработная и что «представительство БКП при ИККИ рекомендует ее на работу в Ленинской библиотеке»²⁵.

Директор ГБЛ выполнил просьбу одного из руководителей болгарских коммунистов, но сначала Цонева работала вне штата. Она замещала больных в Отделе хранения и в читальном зале, разбирала поступившие в Библиотеку иностранные газеты, выполняла некоторые другие работы в разных отделах. В «производственном отзыве» о стажировке Цоневой в Отделе хранения в связи с ее зачислением 3 ноября 1928 г. в штат отмечалась старательность нового помощника библиотекаря, но вместе с тем было указано, что ее успешной работе мешает плохое знание русского языка²⁶. В сентябре 1930 г. Цонева ушла из Библиотеки в связи с поступлением на учебу в Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской²⁷.

1 августа 1928 г. приступила к работе в Ленинской библиотеке младшая дочь основателя Болгарской коммунистической партии Д. Благоева Наталья Благоева. Она трудилась в Библиотеке больше семи лет сначала в отделе хранения, а с 1931 г. – в группе завершения систематического каталога Научно-библиографического отдела. В ГБЛ Н. Благоева была зачислена по просьбе ЦК Болгарской коммунистической партии, подписанной Г. Димитровым. В письме Димитрова, полученном в Библиотеке 6 января 1927 г., сообщалось, что член партии с 1914 г. Н. Благоева, эмигрировавшая из Болгарии, «желала бы поработать в области библиотечного дела». «Думая, что она могла бы быть Вам хорошим и подходящим помощником

и что ее знания и опыт следует использовать надлежащим образом, мы просили бы Вас не отказать в Вашем содействии, по возможности, в устройстве тов. Благоевой на работу в библиотеке» – писал Г. Димитров²⁸.

Несмотря на ходатайство Димитрова, возможность предоставить работу в Библиотеке дочери Благоева появилась только через полтора года. Сначала Н. Благоева была зачислена на временную работу по разборке книжного фонда, а 1 декабря 1929 г. стала штатным сотрудником и назначена помощником библиотекаря Отдела хранения²⁹. Лишь после подачи Благоевой 29 мая 1931 г. письменного заявления с просьбой предоставить ей работу в области естественных наук³⁰ (Благоева некоторое время училась в Софийском и Женевском университетах на физико-математическом и филологическом факультетах, но высшего образования не получила), она была переведена в группу завершения систематического каталога. Однако там на нее была возложена работа отнюдь не по естественным наукам, а по истории ВКП(б) и профсоюзному движению. Начав свой путь в ГБЛ с должности помощника библиотекаря, она в марте 1933 г. была переведена на должность библиотекаря I разряда³¹.

В характеристике Благоевой за период с 16 июля 1931 по 16 марта 1933 г., когда она была библиотекарем II разряда, отмечалось, что Благоева «работает по систематизации и принимает участие в текущей справочной работе», что она «исполнительный, добросовестный работник, с интересом относящийся к своим обязанностям и успешно квалифицирующий в работе». Отмечалась также общественная работа Благоевой, сообщалось, что она – ударница и была примирована³². 20 ноября 1935 г. Н. Благоева уволилась из ГБЛ, чтобы, в соответствии с письмом ЦК ВКП(б)³³, продолжить работу в Институте К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина³⁴.

Работая в 1926–1929 гг. в Торгпредстве СССР во Франции, Г. Бакалов в августе 1928 г. дважды безрезультатно обращался к руководящим работникам Торгпредства с просьбой о помощи в трудоустройстве находившейся во Франции Магдалены Вылевой (Валевой), эмигрировавшей вместе с семьей из Болгарии. С этой семьей, состоявшей из Бориса Вылева (Валева), коммуниста из Берковицы, активного участника Сентябрьского восстания 1923 г., его жены Магдалены и сыновей Любомира и Эмиля (оба они стали впоследствии крупными советскими учеными, докторами наук) Бакалов и его семья поддерживали дружеские связи³⁵.

В сентябре 1930 г. Валева приехала в Москву и, по всей вероятности, Бакалов возобновил хлопоты об устройстве М. Валевой на работу, на этот раз в советской столице. О том, что Бакалов рассказывал о Валевой директору ГБЛ Невскому, свидетельствует карандашная пометка Невского на одном из документов личного дела Валева. Открывается оно заявлением

Магдалены Ангеловой Валевой с просьбой о приеме на работу в Библиотеку от 6 декабря 1930 г. с положительной резолюцией Невского и припиской карандашом: «Передать Бакалову, чтобы вызвал Валеву» (вероятно, Бакалов должен был сообщить Валевой о зачислении в Библиотеку)³⁶. Из имеющихся в личном деле Валевой³⁷ документов видно, что она родилась в марте 1891 г. в Берковице, в семье рабочего, уезжавшего на заработки в Америку. Высшее естественнонаучное образование Валева получила в Женевском и Фрайбургском университетах, в Болгарии работала учительницей, преподавала естественные науки и французский язык. Валева пишет, что состояла в революционном профсоюзе учителей – Учительской коммунистической организации, но ни к какой партии не принадлежала, однако после Сентябрьского восстания 1923 г. была уволена из гимназии как коммунистка. Валева была зачислена в Научно-библиографический отдел ГБЛ, где занималась дублированием каталожных карточек. Впрочем, на этой чисто технической работе она проработала всего несколько месяцев: 13 июля 1931 г. Валева уволилась из Библиотеки в связи с переходом на работу по специальности во Всесоюзный научно-исследовательский институт плодоовощной промышленности.

С «героиней» последнего найденного мной личного дела, как это ни странно, мне довелось встретиться лично. В августе – начале сентября 1971 г. мы с супругой путешествовали по Болгарии и завершили поездку кратковременным отдыхом в доме отдыха болгарского Общества дружбы с Советским Союзом на Лазурном берегу, где обычно поправляли здоровье ветераны Болгарской компартии. Однажды на пляже я разговорился с одной пожилой дамой и упомянул невзначай, что я из Союза, из Москвы и работаю в Библиотеке имени Ленина. Дама разволновалась, назвала свою фамилию и сказала, что тоже в молодости работала в «Ленинке». Это была В. Неделчева, та политэмигрантка, о личном деле которой мне осталось рассказать. Мы договорились написать друг другу, но переписка, к сожалению, не состоялась. О работе Неделчевой в Библиотеке я теперь могу судить только по ее личному делу³⁸. Там указано, что Василиса Талева Неделчева родилась в 1897 г. В 1915 г. она окончила в Болгарии гимназию с педагогическим уклоном, затем преподавала в начальной школе, работала архивариусом. В 1919 г. Неделчева вступила в Учительскую коммунистическую организацию. В 1925 г. власти арестовали ее мужа, но он бежал и сумел пробраться в СССР. Неделчева приехала к нему в 1929 г. «с разрешения болгарской секции Коминтерна»³⁹. До поступления на работу в Библиотеку она учительствовала в одном из болгарских национальных районов, затем работала секретарем болгарской секции Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. С июня 1936 г. работала

в Библиотеке. Сначала она была внештатным сотрудником, занималась разборкой и обработкой газет, а через год стала штатным сотрудником ГБЛ, трудилась в Отделе хранения. В 1937–1939 гг. была председателем профсоюзного комитета отдела. В феврале 1941 г. Неделчева ушла из Ленинской библиотеки.

Деятельность болгарских политэмигрантов в Библиотеке имени В.И. Ленина в общей сложности продолжалась полтора десятилетия. Большинство их трудилось там недолго – от полугода до пяти лет, исключением является лишь Н. Благоева. Тем не менее, большинство болгарских политэмигрантов внесло существенный вклад в развитие главной библиотеки страны. Прежде всего, следует отметить их работу со славистической литературой. По сути, создание систематического каталога Библиотеки по разделу славяноведения является личной заслугой Г. Бакалова. Он обеспечил также продолжение этой деятельности на высоком уровне, подготовив своих помощниц, одна из которых, соотечественница Бакалова В. Иванова, не только стала квалифицированным каталогизатором, но и решила получить высшее библиотечное образование. Болгарским политэмигрантам в разное время пришлось работать в разных библиотечных отделах, что способствовало их знакомству с библиотечными процессами. Большинство болгарок трудилось в Отделе хранения, где приходилось в основном выполнять техническую работу, но и тут они сумели завоевать прочные позиции и уважение коллектива, о чем свидетельствуют их производственные характеристики и отзывы об их общественной деятельности. Это и понятно: в Библиотеке им. Ленина задерживались наиболее образованные представители эмиграции, главным образом, жены болгарских коммунистов, имевшие высшее или среднее образование. По всей вероятности, «неформальным лидером» болгарских политэмигрантов в Библиотеке был Г. Бакалов. Он являлся наиболее ярким их представителем, и внес свой весомый вклад не только в текущую работу Библиотеки имени В.И. Ленина, но и в развитие научных направлений ее деятельности.

Примечания

¹ Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 218. Карт. 1269. Ед. хр. 10.

² Сделано на 3-й научной межвузовской конференции историков-славистов в Воронеже 1–5 февраля 1966 г., повторено на научной конференции ГБЛ по итогам работы за 1965 год. Отчеты о конференциях см.: Советское славяноведение. 1966. № 4. С. 101–106; Советская библиография. 1966. № 3. С. 83–84.

- ³ Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Георгий Бакалов: Политическая биография (с культурологическим компонентом). София, 2006. С. 231–234.
- ⁴ Горяинов А.Н. Неопубликованный библиографический труд Г. Бакалова «Революционная книга Болгарии» // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. 1967. Вып. 29. С. 147–157.
- ⁵ О них и о деятельности Г. Бакалова в ГБЛ см.: Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 176–203.
- ⁶ Мендельсон Н.М. Дневник московского интеллигента [« Pro me », 1920–1932: Отрывки из дневника за 1920-е гг.] // Московский архив. 2006. Вып. . С 413.
- ⁷ Архив РГБ. Оп. 54. Ед. хр. 16. Л. 30–32об.
- ⁸ Там же. Оп. 43. Ед. хр. 3. Л. 117.
- ⁹ Там же. Ед. хр. 28а. Л. 42.
- ¹⁰ Там же. Оп. 54. Ед. хр. 16. Л. 29–32об.
- ¹¹ Там же. Л. 28.
- ¹² Там же. Оп. 39. Ед. хр. 37.
- ¹³ Злыднев В.И. К характеристике русских связей Георгия Бакалова (публикация) // Литература славянских народов. М., 1961. Вып. 6. С. 218–267.
- ¹⁴ Мендельсон Н.М. Указ. соч. С. 413.
- ¹⁵ Архив РГБ. Оп. 22. Ед. хр. 284.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Оп. 40. Ед. хр. 706. Л. 167; Оп. 22. Ед. хр. 284. Л. 27.
- ¹⁸ Там же. Оп. 22. Ед. хр. 284. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Л. 30.
- ²⁰ Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Указ. соч. С. 230.
- ²¹ Архив РГБ. Оп. 39. Ед. хр. 37. Л. 10.
- ²² Соколова П.Б. Деятельность Г. Бакалова в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина // Труды Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской. 1968. Т. 19. С. 173.
- ²³ Архив РГБ. Оп. 22. Ед. хр. 847. Л. 29.
- ²⁴ В письме Коларова не указано, принадлежит ли Цонева к семье какого-либо видного болгарского коммуниста, но, судя по ее фамилии, она могла быть женой Г. Генова (литературный псевдоним Г. Цонев), одного из руководителей Сентябрьского восстания 1923 г., жившего в Москве в эмиграции и работавшего в болгарской секции Коминтерна.
- ²⁵ Архив РГБ. Оп. 22. Ед. хр. 847. Л. 6.
- ²⁶ Там же. Л. 25.
- ²⁷ Там же. Л. 32.
- ²⁸ Там же. Оп. 51. Ед. хр. 34. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 9.

- ³⁰ Там же. Л. 4.
- ³¹ Там же. Л. 26.
- ³² Там же. Л. 30.
- ³³ Там же. Л. 31.
- ³⁴ Д. Коджейков в своих мемуарах (Коджейков Д. Първите спомени за Димитър Благоев, Георги Кирков, Васил Коларов, Георги Димитров. София, 1973. С. 67) сообщает, что Н. Благоева (1890, Видин–17.12.1943, Москва) в Болгарии учительствовала, в 1926 г. эмигрировала в СССР и сначала работала в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, его сведения о работе дочери Д. Благоева в Ленинской библиотеке неточны. Н. Благоева поступила в ГБЛ не в 1927, а в 1928 г., она работала там лишь до 1935 г. и поэтому не могла составить в Библиотеке, как пишет мемуарист, библиографию трудов Г. Димитрова за 1933–1941 гг. Эта библиография была составлена Н. Благоевой, видимо, во время работы в Институте К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.
- ³⁵ Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Указ. соч. С. 227.
- ³⁶ Архив РГБ. Оп. 39. Ед. хр. 72. Л. 2.
- ³⁷ Там же. Л. 1–4.
- ³⁸ Там же. Оп. 161. Ед. хр. 451.
- ³⁹ Там же. Л. 9об.

Н. Живкова

(Институт истории БАН)

Профессор Асен Златаров и страна Советов*

Асен Златаров – один из наиболее популярных ученых в Болгарии первой половины 30-х годов XX века. Профессор органической химии Софийского университета, председатель Союза болгарских химиков, автор многократно переиздаваемых и любимых болгарами лирических произведений, частый гость на страницах периодической печати, востребованный лектор... На его счету более 600 лекций, прочитанных им в разных районах страны. Аудитории и залы, в которых ему довелось выступать, всегда бывали переполнены публикой, стремящейся увидеть и услышать его, обаятельного, вдохновенного и вдохновлявшего. Дом Златарова был открыт не только для студентов и интеллектуалов. Заходили и случайные люди, которым хотелось поделиться с ним наболевшим¹. «На протяжении всего вечера Златаров мог вести беседу о мистике христианства и поэзии Бодлера, о роли Солнца в духовной культуре человека, о столовой соли как пище, о новейших французских романах и действии инсулина, о бесценных гобеленах Испании и учении монизма», – вспоминала Ф. Попова-Мутафова².

По политическим убеждениям профессор Златаров был марксистом, состоял в социал-демократической партии. Ему импонировали идеи революционного реформизма в духе Жана Жореса. В ноябре 1931 г., приветствуя делегатов XI-го съезда Союза социалистической молодежи, Златаров выразил свое отношение к Советской России. Он охарактеризовал большевистскую революцию как социальную победу и в то же время как социальный опыт, из которого следует извлечь уроки. По его мнению, эта революция была осуществлена бланкистскими методами, путем заговора, без поддержки большинства классовосознательных граждан. Он не мог смириться и с насилием периода военного коммунизма в России. Златаров считал, что завтрашний «рай» не может быть достигнут ценой нищеты и страданий нынешних поколений. «С легкостью раздаваемые большевиками максималистские обещания, рассчитанные на людей, подталкиваемых злыми помыслами, раздираемых ненавистью, лишенных человеческих добродетелей, должны быть развенчаны», – заявил ученый³.

* Перевела Т.В. Волокитина

Профессор Златаров относился к тому кругу людей, которые в начале 30-х годов выступали за установление дипломатических отношений между Болгарией и Советским Союзом. В декабре 1934 г. его как председателя Научной секции только что основанного Болгаро-советского общества принимал советский полномочный министр в Болгарии Ф.Ф. Раскольников. В дальнейшем контакты между ними продолжались⁴. В августе 1935 г. профессор Златаров принял участие в XV-ом международном конгрессе физиологов в Ленинграде и Москве. По возвращении на родину он сблизился с генералом Владимиром Заимовым⁵ и выступил в поддержку некоторых инициатив компартии⁶.

В середине мая 1936 г. Златаров опубликовал книгу «В стране Советов». Она, без преувеличения, произвела сенсацию. Впервые авторитетный представитель болгарской интеллигенции положительно высказался в адрес Советского Союза. По словам Георгия Димитрова, воздействие книги было столь велико, что превзошло всю прежнюю партийную пропаганду⁷.

Большая часть книги «В стране Советов» представляет собой путевые заметки. В них – рассказ о волшебных красотах Ленинграда, о конгрессе физиологов, собравшем более 1600 делегатов со всего мира, о восторженных оценках иностранными гостями расцвета науки в Советском Союзе, о Москве, о столичном Музее революции и о трудной истории самой революции... Образы, созданные автором на страницах книги, запоминаются. Например, описания каскадов и фонтанов Петергофа, дворца, освещенного 14 тысячами светильников, стилизованных под восковые свечи, загадочная игра света прожекторов на недавно позолоченных статуях, музыка военного оркестра, танцующий народ... Или академик Иван Павлов у памятника лабораторной собаке в Колтушах. Или атмосфера городских улиц, напоминающая всенародное торжество. И вновь – ужин в Тронном зале Екатерининского дворца, а после ужина – вальсирующие под раскаты и сполохи фейерверка повара и официанты. Впервые в жизни Златаров оказался на таком сказочном мероприятии.

Но и сказки иногда бывают страшными. «Колючая проволока, колючая проволока, целые бастионы колючей проволоки», – вот что увидел Златаров на границе Советской России. По спине побежали мурашки, когда на транспаранте он прочитал: «Коммунизм сметет все границы»⁸. Тягостное впечатление произвел и Исаакиевский собор в Ленинграде, превращенный в антирелигиозный музей, с агитплакатами на стенах и специально подготовленными экскурсоводами-атеистами⁹. Дважды вспоминает он в книге слова Бакунина «Ужасной будет русская революция!»¹⁰ и спрашивает академика Н.С. Державина: «Разве нельзя было и без нового режима добиться таких завоеваний?»¹¹ В книге Златаров помещает свои старые

статьи о терроре в царской России и только четыре страницы отводит своему отношению к большевикам. И здесь, как и в других разделах книги, Златаров разграничивает первые годы революции как время суровой диктатуры Государственного политического управления (ГПУ) – «безжалостного аппарата для насаждения воли исполнительного комитета партии» и после 1928 г., когда в стране началось большое строительство. Всего несколькими строчками он выражает уже высказанное им прежде убеждение, что общественные и экономические преобразования возможно достичь и иными методами, оградив целое поколение от ненужных жертв и страданий. Русский путь – это путь России. Для своей страны профессор выбирает путь Дании и Швеции¹².

Последняя глава книги озаглавлена «Как просвещают народ». Она стоит особняком и как тема и по манере написания. В тексте преобладают цитаты из работ Ленина и Сталина, дословно воспроизведены постановления ЦК ВКП(б) по вопросам образования, изложены впечатляющие выводы на основе советской статистики. «В самом деле, есть что-то планетарное в масштабах того, что происходит и вершится здесь, в восторге предчувствия и грохоте созидательной реальности, чтобы пережить мгновения изумления и восторга», – пишет Златаров с пафосом Христо Смирненского¹³.

Книга Златарова встретила в болгарском обществе критику как слева, так и справа. В июле 1936 г. с пробольшевистских позиций Г. Бакалов опубликовал рецензию, в которой преобладали критические замечания, хотя рецензент отнюдь не преследовал цель принизить значение книги. Бакалов отметил, что автор отразил свои прежние представления с позиций «мелкобуржуазного благополучия». «Как так можно сегодня лишать людей “жизненных благ” во имя “завтрашнего рая”?» – с иронией воспроизводит Бакалов слова Златарова. Он обвинил ученого в «общей неубедительности», «самообмане» и «вредных идейных ошибках». И попутно «разъяснил» читателю, что Гоголь – «крайний реакционер», Столыпин – «бешеный реакционер», а Троцкий – «меньшевик особого сорта», отличающийся от «ядра» большевистского движения¹⁴.

Гораздо большего внимания заслушивает рецензия профессора Стефана Младенова, также опубликованная в июле 1936 г. Он выразил свое недоумение и недовольство тем, что книга не всесторонне осветила затронутые вопросы. Ученый задался вопросом, почему Златаров не изложил как известные всем, так и сравнительно новые факты, свидетельствующие о том, что «хваленый большевистский рай – это пекло, более страшное, нежели Дантов ад?» Почему в книге не сказано о продолжающемся большевистском терроре, по-прежнему собирающем свою страшную жатву? Где

теперь крупные русские слависты – Григорий Ильинский, Афанасий Селищев, Николай Туницкий? – «В сибирских рудниках или на том свете?» Профессор Младенов подчеркнул, что большевистская власть, выделяя средства на науку, вместе с тем не предоставляет свободу в гуманитарной сфере. Она ликвидирует безграмотность народа, но при этом воспитывает его в духе безбожия и материализма¹⁵.

Подобные вопросы о сказанном и обойденном молчанием в книге, вероятно, задавали себе и другие современники профессора Златарова. Задаем их сегодня и мы, незнакомые по-настоящему с его творчеством, умышленно восхваляемым, переименованным и цензурированным в годы коммунистического режима. А он попытался дать нам ответ еще тогда, в сентябре 1936 г., когда написал брошюру «Диктатура или демократия». По словам близкого друга профессора Златарова С. Янева, эта работа была «его верую»¹⁶. А вот по мнению Н. Недева, указанная брошюра свидетельствовала о том, что позиция автора по ряду вопросов не была окончательно сформирована¹⁷. Другой биограф Златарова, Г. Добрев, в 1998 г. все еще ожидавший победу социализма, а в 2005 г. возглавивший идейно-политический клуб имени профессора Асена Златарова в Софии, утверждает, что брошюра явилась обоснованием платформы Народного фронта¹⁸. В то же время в собрании сочинений Златарова, изданном в 60-е и 70-е годы XX в., важные пассажи из «Диктатуры или демократии» оказались сокращенными как ненаучные¹⁹.

В брошюре «Диктатура или демократия» Златаров писал о страхе и коллективном сознании людей как о двух значительных мотивациях деятельности создаваемых ими организаций. В зависимости от преобладания одной из мотиваций складывается форма управления государством – диктатура или демократия. Он разграничивал диктатуры, установленные в результате бурных общественных событий, когда воля диктатора подкрепляет добровольно подчинившееся ему большинство, и диктатуры, при которых власть установлена независимо от воли народа. К первому типу Златаров относил диктаторские режимы в фашистской Италии, национал-социалистической Германии и большевистской России. Он отмечал, что ни в одной из этих стран не разрешена критика основ государственной власти, как не разрешена и свободная организация групп, пусть малочисленных, несогласных с новым порядком. По мнению Златарова, структура и задачи государства в Италии, Германии и Советском Союзе обуславливают восприятие гражданами подчинения не как насилия, а как добровольного сотрудничества и выражения доверия к управляющим. Поэтому ответственные факторы выступают там с декларациями или с государственными актами, цель которых убедить окружающий мир, что народные массы с ними.

В брошюре Златарова ясно обрисованы преимущества демократии, отброшены утверждения о ее кризисе, и с учетом демократических традиций болгарского народа твердо заявлена позиция автора: «За демократию, против диктатуры!»²⁰

Брошюра «Диктатура или демократия» увидела свет в октябре 1936 г.²¹ Через месяц профессор тяжело заболел. Ему всего 51 год, но из-за болезни желудка он буквально тает на глазах. С каждым днем ему становится все хуже. В середине ноября 1936 г. он в последний раз читает лекцию в Софийском университете²². В конце ноября он уже в Университетской клинике в Вене, где ему делают две операции, но безуспешно. 22 декабря 1936 г. Златарова не стало.

Неожиданная кончина ученого была тяжело воспринята болгарским обществом. Казалось, страна почернела от траурных листов с некрологами. Специально созданный гражданский комитет провел сбор средств на похороны. Зимой в открытой машине через альпийский перевал тело Златарова перевезли на родину. В траурном шествии в Софии участвовали более 50 тыс. человек. Зажженные факелы, прощальные речи, паровозные гудки... Молодежь пела «Жив е той, жив е»^{* 23}. Компартия использовала кончину Златарова в собственных целях: приняв деятельное участие в организации похорон, она объявила траурное шествие демонстрацией Народного фронта²⁴.

После смерти Златарова о нем писали много. Даже его недоброжелатели были вынуждены признать, что большая часть интеллигенции отдала должное его заслугам²⁵. Так, профессор М. Арнаудов назвал Златарова «просветителем и апостолом идеала»²⁶, Н. Петков – «не шедшим ни на какие компромиссы общественным деятелем»²⁷, а П. Райчев подчеркнул, что «такие... личности рождаются, чтобы быть пророками, – раз в столетие»²⁸. Но, может быть, наиболее точная характеристика принадлежит д-ру Б. Вазову, отметившему, что из жизни ушел болгарин, который «сумел завоевать доверие и любовь широких слоев народа и мог бы играть значительную политическую роль в будущем»²⁹. Слова воспоминаний о Златарове, однако, оказались недосказанными, а С. Янев обошел молчанием переживания и обиды профессора как человека и гражданина³⁰.

Неожиданная смерть Златарова унесла с собой его драму. Контакты Златарова с советским гражданами и просоветскими кругами болгарского

* Строки из популярного стихотворения классика болгарской литературы Ивана Вазова, посвященного воюводе Стефану Карадже, погибшему за освобождение Болгарии от османского ига.

общества говорят о том, что имели место попытки использовать его авторитет для популяризации Советского Союза. Возможно, сам он верил, что сможет таким образом быть полезным своей стране. Однако контраст между книгой «В стране Советов» и брошюрой «Диктатура или демократия» наводит на мысль об оказанном на него давлении. Давлении на совесть честного человека, видевшего смысл жизни гражданина в служении обществу. Он рискнул и выразил собственную позицию.

Звучит парадоксально, но общим в указанных двух работах Златарова является осуждение большевистского режима, неприятие «русского пути» для Болгарии. Таким он и ушел – человеком левой ориентации, широких взглядов, общественной силой.

Примечания

¹ В дар на Асен Златаров. Юбилеен сборник. София, 1932; Асен Златаров в спомена на негови съвременници. София, 1987.

² *Попова-Мустафова Фани*. Новогодишни вечери // Литературен глас. 29 декември 1936 г.

³ *Златаров Асен*. Идеали на младото поколение. София, 1932. С. 13–16, 23.

⁴ *Недев Н.* Асен Златаров. Книга за него и неговото време (1885–1936). София, 1970. С. 305–306, 309–310, 317–318, 332, 338 и др.; Из досието на Асен Златаров във фашистката полиция // Асен Златаров. Избрани произведения / Съст. Д. Братанов, Ст. Стоименов и Св. Златаров. София, 1975. С. 795.

⁵ *Недев Н.* Генерал Владимир Заимов. София, 1985. С. 88–93.

⁶ *Недев Н.* Асен Златаров... С. 363–380.

⁷ См.: *Ташев Т.* Научните прозрения на Асен Златаров // Асен Златаров в спомена... С. 17.

⁸ *Златаров Ас.* В страната на Съветите. София, 1936. С. 14–15.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 112, 150.

¹¹ Там же. С. 42–43.

¹² Там же. С. 149–152.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ *Бакалов Г.* В страната на Съветите // Мисъл. 8 юли 1936 г. С. 15–19.

¹⁵ *Младенов С.* Книгата на г-н проф. Асен Златаров за Съветска Русия // Мир. 6 юли, 7 юли 1936 г.

¹⁶ *Янев С.* Неговото вдъхновение // Литературен глас. 29 декември 1936 г.

¹⁷ *Недев Н.* Асен Златаров... С. 366.

¹⁸ *Добрев Г.* Асен Златаров. Личност и творчество. София, 1988. С. 218; Его же. Проф. д-р Асен Златаров. Универсална личност. София, 1998. С. 8–9, 42–43; www.duma.bg/

2005/0205/040205/obshtestvo/ob-5.html.

- ¹⁹ Сравни: *Златаров Асен*. Избрани съчинения в три тома / Съст и ред. Д. Братанов, Ст. Стоименов, Св. Златаров. Т. II. София, 1966. С. 158–159. Прим. на с. 384; *Златаров Асен*. Избрани произведения... С. 383. Прим. на с. 828. Уродливые сокращения сделаны и в речи «Идеалы молодого поколения» (Сравни: *Златаров Асен*. Избрани произведения... С. 437–438, 440).
- ²⁰ *Златаров Асен*. Диктатура или демокрация. София, 1936.
- ²¹ Точнее между 26 септември и 24 октомври 1936 г. (Златаров Асен. Избрани произведения... Прим. на с. 827–828).
- ²² Днес. 23 декември 1936 г.
- ²³ Там же. 28 декември 1936 г.
- ²⁴ См., например: *Драмалиев К.* Златаров – знаме на Народния фронт // *Златаров Асен*. Избрани произведения... С. 810–811.
- ²⁵ *Йовев Ст.* Феноменът Златаров. София, 1937. С. 16.
- ²⁶ *Арнаудов М.* Незабравимият // *Литературен глас*. 29 декември 1936 г.
- ²⁷ *Петков Н.* Личност // Там же.
- ²⁸ *Райчев П.* Защитникът на красотата // Там же.
- ²⁹ *Вазов Б.* Сеяч // *Мир*. 23 декември 193 г.
- ³⁰ *Янев С.* Социалният идеализъм и родолюбието на Асен Златаров // *Народен сборник за следсмъртна прослава на Асен Златаров*. София, 1937. С. 22.

Е.Л. Валева

(Институт славяноведения РАН)

Проблемы взаимоотношений СССР и Болгарии (1939–1940 гг.) в оценках болгарских и советских дипломатов

Как правило, главы дипломатических представительств сами не принимают судьбоносных – для своих стран и для остального мира – решений, но, несомненно, каждый из них по мере возможностей пытается оказать определенное влияние на формирование позиции своего правительства. Именно по этой причине донесения дипломатов всегда использовались как важный источник для изучения международной обстановки и двусторонних отношений. Нас в данном случае интересуют донесения болгарских и советских полномочных представителей в Москве и Софии не только для освещения взаимоотношений между нашими странами на фоне политической истории кануна и начала Второй мировой войны, но и с точки зрения отражения восприятия русскими и болгарами друг друга. В основу статьи положены документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Архива министерства иностранных дел Республики Болгария (АМВнР).

Особый интерес вызывают у исследователей дипломатические донесения, когда они принадлежат таким незаурядным личностям, каким, несомненно, являлся полномочный представитель Болгарии в СССР Никола Антонов, занимавший этот пост с марта 1936 г. до конца 1939 г. Этот опытный дипломат имел за плечами годы работы в министерстве иностранных дел, до назначения в Москву побывал представителем Болгарии в Лиге Наций и возглавлял болгарскую дипломатическую миссию в Турции, где вел переговоры с советским полпредом в Анкаре о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Болгарией. Поборником развития и укрепления болгаро-советских отношений Антонов оставался на протяжении всего своего мандата в Москве и пытался воздействовать в этом направлении на МИД Болгарии.

Ярким примером такого рода попыток является письмо Антонова премьер-министру и главе болгарского МИД Г. Кыосеиванову от 27 ап-

реля 1939 г., в котором он предупреждает последнего о возможных негативных последствиях присоединения Болгарии к Тройственному пакту: «В сущности, здесь многие уже считают нас если не примкнувшими к итало-германскому союзу, то, по крайней мере, его безусловными сторонниками в близком будущем... Посольство делает все возможное для того, чтобы рассеять эти настроения, но надо признать, что его усилия недостаточно поощряются почитаемым министерством... Не знаю, впрочем, каковы действительные намерения болгарского правительства, но не допускаю, что оно поддастся какому бы то ни было нажиму для подписания пакта, который бы вовлек нас в опасную и чуждую нам идеологическую борьбу между большевизмом и национал-социализмом или фашизмом, борьбу, не имеющую ничего общего с нашей национальной программой... Не могу поверить, что в Болгарии не видят вреда от нашего возможного присоединения к Антикоминтерновскому пакту. Должен Вас, однако, предупредить, что первым следствием подобного решения, – повторяю, для меня совершенно невероятного, – была бы высылка болгарской миссии из Москвы..., а это, полагаю, нанесет большой вред, поскольку Москва имеет важное значение в качестве наблюдательного пункта...»¹.

Стоит отметить, что донесения Н. Антонова представляют интерес не только как источник по изучению советско-болгарских отношений, но и как материал по изучению российской истории, в частности, периода репрессий, затронувших и дипломатические кадры.

Так, 20 июля 1939 г. болгарский посланник, ссылаясь на газету «Известия», писал в своем донесении премьер-министру Болгарии Г. Кыосеванову о рассмотрении Верховным Судом СССР 17 июня дела бывшего советского полпреда в Софии Ф.Ф. Раскольников. Суд установил, что Раскольников «дезертировал со своего поста, перешел в лагерь врагов народа и отказался вернуться в пределы СССР», вследствие чего он «объявляется вне закона».

В этом приговоре, отмечал Антонов, «имеется ряд обстоятельств, на которые следует обратить внимание: 1) его запоздалое вынесение – полтора года спустя после совершения упомянутого преступления: он показывает, что имелись колебания, может быть, даже торг с обвиняемым; 2) широкая огласка, придаваемая ему [договору. – Е.В.], и, возможно, прикрывающая некую договоренность, в соответствии с которой Раскольников ставит себя в услужение режиму: ведь он сам в разговоре с одним болгарским журналистом, приехавшим по его следам в Париж, говорил, что не является противником и находится в особом положении по отношению к Москве; 3) если же приговор означает провал переговоров, которые по всякой

вероятности велись, то он затронет не только бывшего полпреда, но и всех его близких в Советском Союзе»².

Скорее всего, предположения Антонова имели под собой веские основания. После отъезда 1 апреля 1938 г. из Софии Раскольников на протяжении нескольких месяцев проживал в Париже, не занимаясь никакой политической деятельностью и не выступая в печати. 12 декабря 1938 г. он был приглашен на приём послом СССР во Франции Я. Сурицем, который заверил его: советское правительство не имеет к нему никаких претензий, помимо «самовольного пребывания за границей», и поэтому он без всяких опасений может отправляться в СССР. Однако Раскольникову было хорошо известно, что «самовольное пребывание за границей» приравнивается к измене Родине. Испытывая колебания в вопросе о возвращении в Советский Союз, он даже направил 18 декабря 1938 года Сталину униженное и льстивое письмо³. Лишь когда в июле 1939 года Раскольников узнал, что Верховный Суд СССР объявил его вне закона, он передал в зарубежную печать статью «Как меня сделали врагом народа», а 17 августа 1939 г. написал Сталину свое знаменитое Открытое письмо. Между прочим, в этом письме Раскольников говорит и о разгроме советского полпредства в Софии: «Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, «внутренняя линия» РОВСа⁴ в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полпредства в Болгарии от шофера М.И. Казакова до военного атташе В.Т. Сухорукова»⁴.

Но вернемся к болгарскому посланнику в Москве. С самого начала своей работы Антонов стал объектом особого внимания со стороны высших советских должностных лиц, что сам он объяснял «новыми настроениями, замечаемыми в Москве по отношению к Болгарии»⁵ в связи с изменением внешнеполитической ориентации Турции и создавшимся новым соотношением сил в средиземноморском бассейне. С 1939 г. Кремль начал проявлять повышенный интерес к Болгарии и негласно поддерживать ее ревизионистские устремления, надеясь, что она эвентуально может послужить средством подстраховки России в отношении Турции.

В своем докладе, касавшемся контактов В.М. Молотова, сменившего в мае 1939 г. М.М. Литвинова на посту наркома иностранных дел, с руководителями иностранных миссий в Москве, Антонов отмечал, что он был практически единственным полномочным представителем, получившим

⁴ РОВС – Российский общевоинский союз, наиболее крупная организация белой эмиграции за рубежом. «Внутренняя линия» – тайная контрразведка, действовавшая в недрах РОВС.

предложение о встрече (по новым правилам руководитель НКВД встречался почти исключительно с послами).

Беседа, состоявшаяся 28 июля 1939 г., оставила у Антонова впечатленье «усиливающегося доброго расположения» СССР к Болгарии. Когда речь зашла о предстоящем посещении болгарской парламентской делегацией Москвы, Молотов поинтересовался, каково отношение в Болгарии к Советскому Союзу. Антонов пояснил, что для болгар Советский Союз — это все еще Россия, а к России их чувства не изменились, поскольку основаны на прочных связях и традициях. И поэтому, продолжал Антонов, «когда г-н Потемкин вернулся из своей майской поездки и выразил мне свое удивление приемом, который он нашел в Болгарии, я позволил себе заметить, что это лишь показывает, как мало вы теперь тут знаете о нашей стране и как нам необходимо хорошо узнать друг друга»⁶. В ответ на это Молотов с деланным изумлением воскликнул: «Чему же так удивился Потемкин? Ведь мы же, в конце концов, славяне, можем ли мы забывать о своем родстве и не оказывать друг другу поддержки?», после чего перешел к болгаро-советским экономическим отношениям.

Н. Антонов имел в виду состоявшуюся в конце апреля 1939 г. миссию заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина. Он был направлен в Анкару с целью выяснить намерения турецкого правительства как в отношении Германии, так и в отношении Англии и Франции. На пути в Турцию и при возвращении в Москву Потемкин останавливался в Софии и имел встречи с царем Борисом и Г. Кыосеивановым, во время которых были затронуты интересующие обе стороны вопросы. В донесении Н. Антонова Г. Кыосеиванову от 14 мая излагалась позиция Потемкина (и, соответственно, советского правительства): он безоговорочно поддерживал болгарское требование немедленного возвращения Южной Добруджи, что стояло на первом месте в болгарской внешнеполитической программе мирной ревизии Нейиского договора. Что же касалось Западной Фракии и районов на западной границе с Югославией, то решение о возвращении этих территорий откладывалось на более поздний срок. При этом Потемкин высказал надежду, что Болгария не выступит в случае конфликта на Балканах на стороне Германии или Италии⁷. Потемкин выразил Антонову свое удовлетворение приемом, который ему был оказан в Софии. Особенно он был удивлен «проявленными народными симпатиями, что показывает, — подчеркнул Антонов, — что он не знает нашей страны, как, впрочем, ее не знает и никто из руководителей советского режима»⁸.

Это, на первый взгляд, странное заявление Антонова в контексте того времени имеет свое объяснение. В самом деле, советские партийные и государственные функционеры имели весьма слабое представление о Бол-

гании в силу того, что с момента установления советской власти между двумя странами полтора десятилетия не существовало вообще никаких отношений, а когда они были восстановлены в 1934 г., то поддерживались на сугубо формальном уровне. Продолжительный застой, наступивший практически сразу после восстановления советско-болгарских дипломатических отношений, не был случайным. Он объяснялся слабым интересом, который Советская Россия проявляла в те годы к Балканам вообще и к Болгарии в частности, а также общим антиревизионистским направлением советской внешней политики. А поскольку София выступала как раз за пересмотр существовавшего статус-кво, то на том этапе векторы внешней политики СССР и Болгарии были разнонаправленными. Москва полагала, что дружба с Турцией обеспечивает ей привилегированное положение в Черном море и проливах. Однако политическая ситуация в Европе развивалась таким образом, что советскому руководству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические постулаты.

Посещение Потемкиным Софии подтверждало тот факт, что с 1939 г., стремясь усилить свое влияние на Балканах, Москва стала придавать важное значение расширению связей с Болгарией. Как констатировал сменивший на посту посланника (в январе 1940 г.) Н. Антонова Т. Христов, «после долгих лет холодной и даже враждебной индифферентности Москва вспомнила, что на Балканах есть братский народ, который любит и бескорыстно чтит Россию и русскую культуру, что с этим народом поступили жестоко и несправедливо, и что ему надо помочь»⁹.

Поворот к активизации отношений с Болгарией был совершен в русле радикальных изменений во внешней политике СССР. Пакт о ненападении с Германией, а затем в еще большей мере – советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. лишили смысла важный советский внешнеполитический постулат – борьбу «против фашизма» и «против агрессора». Одновременно не мог не исчезнуть и антиревизионизм советской политики. Симптоматичным в этом отношении является донесение в болгарский МИД сотрудника болгарской миссии Тилева. Он был вызван в октябре 1939 г. заведующим Ближневосточным отделом НКВД Новиковым, который задал ему вопрос о территориальных притязаниях Болгарии и попросил показать их на карте. К немалому изумлению Тилева, на карте Балканского полуострова все болгарские требования (Южная Добруджа, Западная Фракия между Местой и Марицей, Струмица, Босилеград, Цариброд и небольшая полоса западнее Видина) оказались заштрихованы точно таким же образом, что и Бессарабия на картах СССР¹⁰. Тилев был уверен, что это было сделано специально по полученным сверху указаниям.

Стоит отметить, что в рамках глобального внешнеполитического поворота советские руководители заимствовали стилистику дипломатии царской России, имевшей панславистскую идеологическую окраску. Как известно, отличительной чертой советской дипломатии до 1939 года были классовый подход, пролетарский интернационализм. Теперь же для реализации своих новых внешнеполитических целей советские чиновники сделали весьма неуклюжую попытку использовать панславизм (который, к слову сказать, и ранее доказал свою неэффективность). Возвращаясь к активной политике на Балканах, Москва попыталась снова использовать панславистские идеологические постулаты, о чем свидетельствовали вышеприведенные слова Молотова о славянском родстве.

Яркой демонстрацией этой перемены стал прием советским руководством болгарской парламентской делегации, прибывшей в Москву в августе 1939 г. по случаю открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Делегацию Народного Собрания Болгарии повсюду встречали подчеркнуто радушно. Примечательно, что отбор членов делегации сопровождался непростыми переговорами между различными политическими и экономическими кругами Болгарии. Об ее окончательном составе красноречиво говорит высказывание депутата П. Балканского на приеме во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей: «Вы сами понимаете, что мы приехали сюда не для посещения выставки, мы прибыли в Москву с политическими заданиями. Эту поездку мы – я и г-н Марков – готовили через вашего поверенного в делах в Болгарии т. Прасолова. По этому вопросу мы вели переговоры и с г. Потемкиным во время его пребывания в Болгарии... В нашу группу мы включили также некоторых второстепенных лиц. Это сделано для того, чтобы придать нашей поездке характер экскурсии»¹¹.

Не останавливаясь на подробностях визита, который неоднократно освещался в научной литературе¹², отметим тот факт, что депутатов приняла Молотов и его заместители Потемкин и Деканозов. Центральным вопросом на встрече 9 августа стала внешнеполитическая ориентация Болгарии, как на текущий момент, так и в будущем. На дважды заданный Молотовым вопрос, не взяла ли Болгария на себя каких-либо обязательств в области внешней политики, председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Г. Говедаров дал категоричный ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного, эффективного и исчерпывающего нейтралитета. В Берлине глава болгарского правительства г-н Кьосеиванов¹³ не принял никаких обязательств, ни военных, ни политических»¹⁴. Не вполне удовлетворенный этим ответом, присутствовавший на встрече замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозов попросил Говедарова пояснить: «что означает в сущности

ваш строгий, лояльный и эффективный нейтралитет?»¹⁵. Неготовый к такому прямому вопросу, Говедаров был вынужден признать, что Болгария действительно находится в экономической зависимости от Германии, на что Деканозов довольно жестко заметил, что события вскоре заставят Болгарию определиться.

На встрече был поднят и больной для Болгарии вопрос о ревизии Нейского мирного договора. Молотов определенно высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хотя и в более сдержанной форме, за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Подчеркнув, что Советский Союз желает, чтобы на Балканах существовала сильная Болгария и что он готов оказать ей всяческое содействие, Молотов в то же время предупредил, что «если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Стамбул немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза»¹⁶. Дав таким образом понять, что СССР более не будет отсутствовать при решении балканских проблем, Молотов пообещал содействие Болгарии как в экономической, так и в политической областях. В ответ болгарские депутаты в знак симпатии к СССР и его руководителям восторженно прокричали «Ура!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствуют Советский Союз и русский народ!». Узнав о поведении в Кремле болгарских парламентариев, царь Борис выразил крайнее возмущение в беседе со своим советником Л. Лулчевым: «Наши депутаты вели себя безобразно и стали еще большими большевиками, чем сами большевики»¹⁷.

В своем пространном донесении в МИД Н. Антонов, подводя итоги посещения делегации Народного Собрания, справедливо отмечал, что международная ситуация складывается так, что Советский Союз сам заинтересован теперь в заключении соглашения с Болгарией. Оно необходимо ему прежде всего для того, чтобы помешать сотрудничеству Болгарии с Германией и Италией в зоне, имеющей жизненно важное значение для СССР. Поэтому посещение болгарской делегации не останется без результатов, первым из которых будет заключение торгового договора, который Москва подпишет «по чисто политическим, а вовсе не по экономическим соображениям». Но еще важнее – это стремление Москвы сделать Болгарию своим союзником, добиться гарантии, что Болгария ни в коем случае не окажется в стане врагов СССР. Если авансы Москвы будут отвергнуты, – предупреждал Антонов, – то может возникнуть острая реакция, которая даст «свободный ход всем турецким и румынским интригам против Болгарии». Чтобы предотвратить эту опасность, Антонов советовал «не поддерживая официально союзнический темп, ... поддерживать разговоры... И поскольку речь идет о чисто моральной гарантии, не могли ли бы

мы заключить эвентуально пакт о вечной дружбе, какой мы уже имеем с Югославией и Турцией, и который, полностью успокоив Советский Союз, ни к чему конкретному нас не обяжет?»¹⁸.

В свою очередь, правящие круги Болгарии также решают активизировать контакты с Советским Союзом, надеясь использовать их при решении болгарского национального вопроса. При этом они соотносятся с общественными настроениями внутри страны: интерес к контактам с СССР проявляют (по разным причинам) разнородные политические круги.

Так, и.о. поверенного в делах СССР в Болгарии Н.И. Прасолов в письме от 8 июля 1939 г. докладывал, что по признаниям болгарских политических деятелей, с которыми он имел беседы, симпатии болгарского народа к Советскому Союзу сейчас велики как никогда. Объясняются эти симпатии не сентиментальными причинами вроде исторического и кровного родства, а реальной действительностью. Болгарский народ связывает с Советским Союзом понятие о свободе и материальном благополучии. Исходя из этого, Прасолов предлагал более активно проводить политику сближения с Болгарией, подчеркивая, что время для действия в этом направлении наступило и «нашим соответствующим организациям об этом необходимо крепко подумать». «В моральной поддержке, любви и уважении к СССР и к его государственным деятелям не может быть сомнения, в этом отношении мы обеспечены лучше и солиднее, чем какая-либо другая страна. Это подтверждается хотя бы тем неизменным интересом, с которым наблюдает болгарское общество за англо-советскими переговорами и желает, чтобы СССР, если бы заключил договор, то только на основе равенства и превосходства»¹⁹.

В донесении 2-го секретаря полпредства С.П. Кирсанова сообщалось о появлении 2 декабря 1939 г. в правительственной газете «Вчера и днес» статьи депутата парламента Сотира Янева «Россия действует». Статья, по словам Кирсанова, представляла исключительный интерес, поскольку свидетельствовала о том, что с симпатиями болгарского народа к Советскому Союзу вынуждены считаться все без исключения политические группировки Болгарии, боровшиеся между собой за власть. Вопрос об отношении к СССР стал таким вопросом, обойти который нельзя, если хочешь пройти в парламент или удержаться у власти. По этому вопросу между различными соперничающими группами началась своеобразная конкурентная борьба с взаимными обвинениями в неискренности чувств по отношению к Советскому Союзу. В качестве партнера в этой борьбе, судя по официозу «Вчера и днес», выступило и само правительство Кыосеиванова, стремящееся путем широковещательных деклараций о русско-болгарской дружбе обеспечить себе на предстоящих выборах парламентское боль-

шинство. В статье подчеркивалось: «Болгария не имеет причин испытывать беспокойство в связи с российским государственным возрождением. Ни по одному вопросу российской внешней политики мы не находимся в конфликте с Россией. Россия также не имеет с нами разноречивых интересов. Напротив, у нас общие экономические и политические интересы, которые мы можем формулировать публично. ...Это необходимо сделать еще и потому, что перед избирательной кампанией в Народное Собрание появилось много кандидатов в народные представители, которые натянули на себя «шапку деда Ивана», в то время как еще вчера, до избирательной кампании, они были «другофилы». ...Дело русско-болгарской дружбы в руках государства может быть и будет плодотворным, а в руках политических спекулянтов оно станет предательством...»²⁰.

Однако помимо отмеченных тенденций в статье прослеживался и другой, не менее важный фактор, определявший отношение болгарской прессы к СССР. Занимая благоприятную для Москвы позицию, болгарская буржуазная печать связывала последние мероприятия советской внешней политики (присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии) со своими национальными вожелениями. Появление статьи «Россия действует» и других подобных статей в значительной степени было рассчитано на то, чтобы убедить соседние страны, особенно Румынию, в необходимости территориальных уступок Болгарии. Именно в этом заключался весь смысл рассуждений о том, что «Россия приступила к исправлению всех несправедливостей, нанесенных ей в тяжелые для нее времена» и что сейчас она «сосредоточивает свою бдительность на сухопутных границах около Черного моря»²¹.

1939 год – год, когда СССР превращается в значимый фактор большой политики, в том числе на Балканах. В сентябре 1939 г. советское правительство, проявляя повышенный интерес к Болгарии, выразило желание придать отношениям между двумя странами солидную договорную базу, отдавая предпочтение договору о взаимной помощи²².

Однако подобное развитие событий не входило в планы болгарских властей. Поскольку София затягивала с ответом на советское предложение, 12 октября Н. Антонов был вызван в Наркоминдел, где Деканозов обвинил болгарское правительство в нежелании сближения с СССР²³. Во время встречи нового советского полпреда в Софии А.И. Лаврентьева с Г. Кыосеиановым, состоявшейся 3 ноября 1939 г., болгарский премьер привел свои возражения против заключения пакта: это может ускорить начало войны на Балканах и в первую очередь вызвать нападение на Болгарию со стороны Турции и Англии; СССР и Болгария могли бы оказывать друг другу помощь и без подобного политического договора. По мнению

Кьосеиванова, следовало бы начать с заключения торгового договора, соглашения о мореплавании и воздушном сообщении, а также конвенции о культурной связи²⁴.

12 ноября 1939 г. Молотов направил Лаврентьеву телеграмму, в которой признавал: «Пожалуй, болгары правы, говоря об опасностях для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта взаимопомощи. Что же, можно с этим подождать. Что касается авиационного соглашения, а также торговли, то считаем возможным заключить авиационное соглашение и рассмотреть благоприятно торговые вопросы»²⁵.

Представляет интерес относящееся к этому времени донесение Антонова в болгарский МИД о посещении им Деканозова 13 декабря 1939 г.: «Весьма неохотно, но все же положительно, Деканозов мне заявил, что они входят в наше положение и, хотя желали бы большего, принимают позицию Болгарии как основу для болгаро-советского сотрудничества в надежде, что события, которые развиваются с ошеломляющей быстротой, сделают завтра возможным то, что сегодня для нас невозможно»²⁶.

В самом конце декабря начались и переговоры о торговом договоре и клиринговом соглашении между двумя странами, завершившиеся 5 января 1940 г. С помощью этих договоров советское правительство надеялось прочнее привязать к себе Болгарию. Как писал еще в октябре 1939 г. временный поверенный СССР в Софии Н.И. Прасолов, «если мы свяжем Болгарию экономическими узами, то несомненно мы сможем оказывать влияние и на ее политическую жизнь»²⁷. Любопытно, как в дневнике Молотова представлена советская точка зрения по вопросу о заключении торгового договора с Болгарией: «вопрос об установлении торговых связей с СССР интересует Болгарию в значительно большей степени, чем Советский Союз. Поэтому инициатива должна исходить от Болгарии. Если само болгарское правительство официально обратится с теми или иными предложениями на сей счет, то, вероятно, соответствующие организации займутся этим и дадут ответ»²⁸. Тот факт, что СССР был в меньшей степени заинтересован в торговом соглашении с Болгарией, подтверждал давнишнюю слабость советской политики – непрочную экономическую базу двусторонних отношений. Можно сказать, что болгары наступили на «ахиллесову пяту» России: у российской политики на Балканах никогда не было экономической основы, она использовала иные ресурсы – военно-политические, культурные, духовно-цивилизационные. Западу же – в данном случае Германии – всегда был свойственен экономический прагматизм. В результате экономической экспансии рейха болгарское производство и рынок стали полностью зависеть от Германии, что привело впоследствии и к политической зависимости.

Таким образом, дипломатические документы 1939 – начала 1940 г. свидетельствуют о заметном улучшении советско-болгарских отношений в рассматриваемый период. Однако следует при этом акцентировать, что активизация двусторонних отношений находила неодинаковое объяснение у советских и болгарских дипломатов, виделась ими под разными углами зрения. Живой, искренний интерес к Советскому Союзу охватил самые разные слои болгарского населения, в том числе широкие народные массы, что, собственно, и вызывало удивление советских дипломатов и чиновников. К прежним чувствам симпатии к России как к освободительнице прибавилась (во многом благодаря пропаганде болгарских коммунистов) вера в то, что в СССР строится прогрессивное общество, где реализуются все надежды трудящихся на равенство и справедливость. По этой причине официальная линия болгарских правящих кругов на расширение контактов с Советским Союзом имела более прочную основу в виде общественной поддержки. Неудивительно, что и Москва, заинтересованная в укреплении своих позиций в Болгарии, делая главную ставку на болгарскую компартию, не упускала и такой резерв расширения своего влияния, как общественная поддержка разных кругов болгарского населения, в том числе торговых, культурных и т. д.

Говоря же об усилении интереса к Болгарии в Советском Союзе, можно констатировать, что это было чисто аппаратное решение, продиктованное изменением внешнеполитических обстоятельств. Оно находило выражение только в официальных декларациях, заявлениях высокопоставленных чиновников и предложениях заключить двусторонний договор. Кремль был заинтересован использовать улучшение отношения болгар к России для реализации своих сиюминутных внешнеполитических задач. Что же касается советского населения, то в силу подавленности общественно-политической жизни в СССР в тот период не могло быть и речи о каких-то спонтанных проявлениях народных чувств, как это было в Болгарии.

Таким образом, можно сказать, что улучшение двусторонних отношений происходило на разных уровнях. В то же время следует отметить, что Болгария придерживалась линии на дозированное улучшение отношений с СССР, без перехода критической черты – заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи. Все попытки Кремля привлечь Болгарию к реализации своих внешнеполитических планов наталкивались на сдержанную позицию болгарских правящих кругов, которые стремились ограничить контакты с Советским Союзом только культурными и торговыми соглашениями.

Примечания

- ¹ Архив на Министерство на външните работи (далее – АМВнР). Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 29.
- ² АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 60.
- ³ См.: *Роговин В.* Партия расстрелянных. М., 1997.
- ⁴ См. «Огонек». 1987. № 26.
- ⁵ АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 246.
- ⁶ Там же. Л. 68.
- ⁷ Там же. Л. 32–42.
- ⁸ Там же. Л. 33.
- ⁹ Там же. Оп. 1ш. Д. 34. А.е. 272. Л. 91.
- ¹⁰ Там же. Л. 179–180.
- ¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 012. Оп. 1. П. 3. Д. 30. (1939 г.).
- ¹² См., например: *Спасов Л.* България и СССР. 1917–1944 г. (Политико-дипломатически отношения). Велико-Търново, 2008. С. 323–333.
- ¹³ Речь идет о поездке Г. Кыосеиванова в Берлин, где 5 и 6 июля 1939 г. состоялись его встречи с Гитлером и Риббентропом.
- ¹⁴ Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). Мошанов Стойчо. Из спомените ми. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420.
- ¹⁵ Там же. Л. 422.
- ¹⁶ АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 80.
- ¹⁷ Лулчев Л. Дневник. София, 1992. С. 138.
- ¹⁸ АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 82–83.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 6. Д. 54. Л. 80–81.
- ²⁰ Там же. Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Л. 160–161.
- ²¹ Там же.
- ²² АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 123.
- ²³ Там же. Л. 139; см. также: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. LXI. Кн. III. София. 1968. С. 319.
- ²⁴ Советско-българские отношения и связи. Документы и материалы. Т. I. М. 1976. С. 468–469.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. Док. 769. С. 279–280.
- ²⁶ АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 189.
- ²⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 6. Д. 55. Л. 10.
- ²⁸ Там же. Д. 54 (1939 г.).

Т.В. Волокитина

(Институт славяноведения РАН)

«Друзья» и «враги»

в советской пропаганде военных лет: балканское измерение

В последние годы в российской историографии наблюдается усиление интереса к проблеме функционирования советской общественно-политической системы в экстремальных военных условиях. Исследователи задаются вопросами, как проявляла себя система, ориентированная на режим чрезвычайности, в общем-то в естественных для себя условиях, насколько она была эффективной, в какой мере и с какой степенью гибкости реагировала на динамику ситуации? Актуальность изучения данной тематики очевидна, несмотря на то, что конечный результат усилий советского пропагандистского аппарата известен. Его следует признать в целом успешным, поскольку в годы войны власть смогла обеспечить достижение национального согласия¹. Вместе с тем проблему «народ и власть» не следует упрощать, сводя общественные настроения единственно к «советскому патриотизму». Реальная ситуация была значительно сложнее, что обусловило, на наш взгляд, необходимость значительных пропагандистских усилий со стороны государства во имя разгрома врага. Характерно, что власть быстро поняла важность мобилизации исторического фактора, обращения к исторической и культурной памяти народа, возвращения практически из небытия конкретных имен, символов, институтов. Психологические предпосылки такого поворота проясняет свидетельство У.А. Гарримана, встречавшегося в сентябре 1941 г. со Сталиным в качестве координатора программы ленд-лиза. Гарриману запомнились слова советского руководителя: «Мы не питаем иллюзий, что они [русские люди] сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию»².

Вопросы пропаганды в тоталитарном государстве всегда являлись одним из важнейших приоритетных направлений политики. В военное время приемы пропагандистского воздействия имели свои особенности, одной из которых являлось активное выдвижение на передний план под-сознательных ментальных основ человеческого поведения. В практической плоскости это означало, что упор был сделан на последовательное и

жесткое в своих конкретных проявлениях формирование «образа врага» как идеологического выражения общественного антагонизма, символа враждебных государству в целом и отдельному гражданину сил. «Образ врага» выступал в качестве испытанного инструмента политики власти, ее воздействия на общественные настроения и одного из компонентов системы социальной мобилизации режима.

Военные условия диктовали необходимость создания новых информационно-пропагандистских структур. Уже 24 июня 1941 г. постановлением правительства и ЦК ВКП(б) было создано Совинформбюро, призванное руководить работой по освещению в периодической печати и по радио международных и военных событий и внутренней жизни страны. Возглавил Совинформбюро секретарь ЦК, руководитель ГлавПУРККА А.С. Щербаков, а его заместителем стал С.А. Лозовский. При Совинформбюро была сформирована литературная группа, в которую входили известные писатели и публицисты. Как вспоминал Вс. Вишневский, задача формулировалась по-военному четко: «Быть в массах, нести живое слово, описывать борьбу, отмечать героев, клеймить трусов, ликвидировать ложные слухи. Работать везде. Перо приравнено к штыку!» И результат не заставил себя ждать: советская литература, отмечал писатель уже в июле 1941 г., «вся становится оборонной» (Так в тексте. – Т.В.)³.

Выступления литераторов обрели грандиозную по своим масштабам аудиторию, в том числе и заграничную, поскольку только через радиостанции, а их было 18, Совинформбюро имело выход в 23 страны мира. И это не считая сотен газет и журналов, а также деятельности советских посольств, обществ дружбы, профсоюзных, женских, молодежных и научных организаций⁴. Руководство Информбюро требовало от писателей максимальной ответственности за все сказанное ими, формулировало задачу «по-настоящему изображать, что такое Советский Союз и в чем сила Советского Союза». «Не в том сила нашей страны, что мы все легко делаем, а в том, что, несмотря на огромные трудности, огромные жертвы, мы идем вперед при непоколебимом моральном единстве», – разъяснял С.А. Лозовский в марте 1942 г.⁵

Одной из ярчайших фигур в отряде советских литераторов, безусловно, являлся И.Г. Эренбург. Из-под его пера в годы войны вышло около полутора тысяч статей для советского и зарубежного читателя, что дало основание исследователю его творчества Б.Я. Фрезинскому говорить о «беспрецедентной работе» писателя в военное время⁶.

Одновременно с созданием Совинформбюро 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК партии утвердило состав Бюро военно-политической пропаганды, деятельность которого нацеливалась, в первую очередь, на ведение про-

пагандистской и контрпропагандистской работы среди войск и населения противника. Первоначально возглавили новую структуру Л.З. Мехлис и Д.З. Мануильский. Это направление пропагандистской работы в годы Великой Отечественной войны именовалась «специальной пропагандой». Для ее ведения в структуре советских пропагандистских органов действовали 7-ое Управление Главного Политического Управления Красной Армии и Военно-морского флота и 7-ые отделы в крупных воинских формированиях. «Спецпропагандисты», исходя из идеологического постулата об СССР – «отечестве пролетариата», полагали необходимым и возможным «политически отвоевать» у империалистов их собственных солдат⁷. С этой целью уже на третий день войны были выпущены газеты на языках противника – «Граул либер» («Голос свободы») – на румынском (издание было рассчитано, прежде всего, на пленных); «Уйсо» («Слово») – на венгерском; «Альба» («Заря») – на итальянском, а также бюллетень для австрийских солдат. Всего в первый год войны выпускалось 10 газет и 1 иллюстрированный журнал на немецком, румынском и финском языках⁸.

Понятно, что для советского общества с началом Великой Отечественной войны главным, наиболее сильным и опасным противником являлась, прежде всего, фашистская Германия. Это был противник «со стажем», воевавший против России и в Первой мировой войне. В общественном сознании явно «перевешивали», например, воспоминания о немецкой оккупации Украины, тогда как пакт 1939 г. и последовавшие за ним соглашения воспринимались, скорее, как тактические действия советского правительства⁹. Именно по отношению к Германии в сознании наших соотечественников сформировался наиболее полный, ярко выраженный и эмоционально окрашенный «образ врага»¹⁰.

В антигерманской пропаганде поначалу отчетливо проявлялся классовый подход. В подготовленном в августе 1941 г. «Открытом письме к немецкому народу» содержался прямой призыв к немецким рабочим и крестьянам уничтожить террористический режим Гитлера и его приспешников и «создать свободную Германию»¹¹. Еще один документ, также датированный серединой августа 1941 г., – «Открытое письмо к немецким рабочим» – адресовался в первую очередь классовому союзнику, «одетому в солдатский мундир». Солдат призывали воевать плохо, поворачивать оружие против Гитлера и его клики, а рабочих в тылу – останавливать заводы, шахты, железные дороги, парализовывать почтовую и телеграфную связь. «Крушение власти Гитлера будет твоей величайшей победой, немецкий рабочий, – говорилось в документе. – В этом твое спасение, спасение всего германского народа!»¹². Письмо предполагалось опубликовать от имени рабочих автомобильного завода имени Сталина и завода «Дина-

мо» имени С.М. Кирова. Разрешение на это 16 августа 1941 г. запросил Д.З. Мануильский¹³. Следует отметить, что советские пропагандистские структуры пошли по накатанному пути, хотя основания сомневаться в правильности выбранного вектора имелись. Опыт Хасана, Халхин-Гола, наконец, советско-финляндской войны показал малую эффективность расчета на классовую солидарность и призывов к японским и финским солдатам-рабочим и крестьянам вместе с Красной Армией повернуть свое оружие против собственных «помещиков и капиталистов».

Заметим попутно, что вполне отчетливый классовый характер имел поначалу и «образ союзника», являвшийся антиподом «образа врага». К союзникам уже 22 июня 1941 г. И. Эренбург отнес «народы всех поработанных стран»: «парижских рабочих и сербских крестьян, рыбаков Норвегии и жителей древней Праги, измученных сыновей окровавленной палачами Варшавы»¹⁴.

Следует подчеркнуть, однако, что довольно скоро классовая составляющая пропагандистской работы сменилась четкой установкой: враг есть враг и независимо от его классового происхождения и социального статуса должен быть уничтожен. Образ врага-фашиста усилиями официальной пропаганды быстро приобрел национальную окраску и превратился в массовом сознании в образ врага-немца¹⁵. Именно такой подход стал главным и определяющим вплоть до завершающей стадии войны. Еще в январе-феврале 1945 г. накануне Висло-Одерской и Восточно-Прусской наступательных операций Красной Армии работа войсковых пропагандистов была направлена на разжигание жажды мести врагу «в его собственном логове», велась по принципу «око за око». В боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам» и «Мой личный счет мести врагу»¹⁶. Однако весной 1945 г., когда Красная Армия вступила на территорию Германии, произошла кардинальная смена пропагандистских установок по отношению к главному противнику. В новых условиях следовало любыми усилиями не допустить опасного разгула страстей, срочно блокировать настроения мщения в солдатской массе, лаконичным выражением которых стала строка из солдатского письма: «Мы будем в Германии... и все вспомним!»¹⁷*. На вооружение пропагандистов

* Именно с этим связано появление 11 апреля 1945 г. в центральном партийном органе газете «Правда» статьи руководителя Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» с обвинениями писателя в недифференцированном подходе к германскому противнику, отраженном, в частности, в призыве «Убей немца!».

была активно взята известная политическая оценка ситуации из приказа № 55 Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 23 февраля 1942 г. – «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается...» Отражением нового подхода стали, в частности, приказ командующего 2-ым Украинским фронтом К.К. Рокоссовского «направить чувство ненависти на истребление врага *на поле боя*» (курсив наш. – Т.В.), не допускать насилия, мародерства, грабежей населения, как и директива Ставки Верховного Главнокомандования от 20 апреля 1945 г. о поведении советских войск на территории Германии. Но до этого предстояло пройти военными дорогами долгих четыре года...

В начальный период войны основные направления «спецпропаганды» сводились к следующему: разоблачать Гитлера и фашистскую «верхушку» как врагов немецкого народа; убеждать противника в справедливом освободительном характере войны со стороны Советского Союза; доказывать неизбежность военного поражения Германии и ее сателлитов; побуждать вражеских солдат к сдаче в плен; вскрывать противоречия внутри фашистской «оси» и, наконец, разъяснять миролюбивые цели СССР на освобожденных территориях¹⁸. Но довольно быстро выявились некоторые слабости подобного подхода. Об одной из них шла речь на секретном совещании у С.А. Лозовского 2 сентября 1941 г. Отмечая воздействие советских пропагандистских материалов (листовок) на немецких солдат, П.К. Пономаренко рассказал: «В плен приходят солдаты с нашими листовками, но у них одна жалоба, они говорят: “Вы в одну листовку хотите всадить весь марксизм-ленинизм”. И действительно, вот такая маленькая листовка, а мы хотим туда написать все. А ведь ему нужно несколько фраз, которые бы затронули его мозг, сердце. Немецкие солдаты жалуются, говорят, что листовки хорошие, но мы не успеваем их прочитать, они очень длинные. Они говорят, что нужно максимум смысла и минимум слов»¹⁹.

Отследить результативность воздействия советской пропаганды на противника крайне сложно, но некоторое представление об этом дают документы немецкого происхождения. Так, по данным штаба 2-ой немецкой армии (ноябрь 1942 г.), советская сторона, направляя пропагандистские усилия, прежде всего, против фюрера и НСДАП, старалась всесторонне учитывать состояние немецких солдат. «С ними говорит она народными, солдатскими и специфически-местными выражениями, – указывалось в одном из донесений, – дает возможность отдельным лицам, выдавая их за немцев, обращаться к немцам и злоупотребляет подписями убитых. При этом она взывает к [таким] первоначальным человеческим чувствам, как страх смерти, боязнь боя и опасности, тоска по жене, ребенку, ревность,

тоска по родине. Всему этому противопоставляется переход на сторону Красной Армии...»²⁰.

Одним из важных направлений советской пропаганды стал славянский фактор. Не случайно среди поработанных гитлеровцами «братских нам народов» И. Эренбург в июне 1941 г. в первую очередь назвал «высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков»²¹. Уже к концу лета была сформулирована задача активизировать движение славянской солидарности, а 10–11 августа в Москве был проведен первый Всеславянский митинг, принявший воззвание «Ко всем угнетенным славянским народам мира». Фактически речь шла о программе нового движения, объявленного открытым для всех патриотов без различия их политических и религиозных взглядов и убеждений. Центральная задача движения определялась как уничтожение фашистского гнета объединенными усилиями. Советское руководство заявило о своей принципиальной позиции – СССР не претендует на руководящую роль в славянской семье. Об этом четко заявил на митинге писатель А. Толстой, а спустя несколько дней на страницах «Правды» в статье начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова была дана установочная по характеру оценка идеи панславизма – «насквозь реакционного течения», использовавшегося русским царизмом в империалистических целях. Старому панславизму противопоставлялась идея славянской солидарности²². Позднее, осознавая живучесть термина «панславизм» как синонима русской угрозы Европе и другим славянским народам, советское руководство сочло необходимым зафиксировать отличие «царского великодержавного панславизма» и «старого славянофильства» от «нового славянофильства», основанного на равенстве прав славянских народов во имя защиты своего существования и будущего общими усилиями²³. В пропагандистских материалах широко использовались немецкие установки антиславянской направленности, в частности, выдержки из гитлеровской «Майн кампф»: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны, прежде всего, вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов»²⁴.

На реализации идеи славянской солидарности сосредоточил свою деятельность созданный в октябре 1941 г. Всеславянский комитет, возглавлявшийся генерал-лейтенантом А.С. Гундоровым. В нем активно работали многие деятели славянских стран, в том числе болгарские и югославские представители А. Стоянов, Д. Влахов, Б. Масларич и другие. В 1942 г. начал выходить журнал «Славяне», на страницах которого освещались вековая борьба славянских народов с германской агрессией, взаимные связи их между собой и с Россией, помещались материалы о национальных героях славянства. Определилось и такое направление работы Всеславянского

комитета, как подготовка для союзников материалов, опровергавших возможность угрозы «славянской экспансии» в мире²⁵. Особенно сильную заинтересованность в таких материалах проявляла Великобритания, на территории которой нашли прибежище многочисленные беженцы из оккупированных славянских стран и действовали правительства Польши, Чехословакии, Югославии в эмиграции.

Помимо изданий Всеславянского комитета, на разработку славянской тематики нацеливалась и партийная печать. Так, в начале октября 1941 г. был составлен подробный план подготовки статей для газеты «Правда» по общей теме «Как смотрит изверг Гитлер на русских и славян». В план вошли статьи «Германский фашизм – лютей враг украинского народа», «Германский фашизм – злейший враг белорусского народа», «Гитлер – заклятый враг русского народа», «Чехословакия под пятой Гитлера», «Гитлер о поляках как о низшей расе», «Югославия под пятой германских оккупантов», «Славянские народы не хотят быть рабами Гитлера», «Как германские фашисты грабят и угнетают славянские народы оккупированных стран», «Болгария под властью германского фашизма» и др. В феврале 1942 г. из редакции информации ТАСС в партийные печатные органы всех уровней – от республиканского до районного – была разослана статья А. Леонтьева «Изверг Гитлер – злейший враг славянства». Позднее, в марте 1944 г., массовым тиражом была напечатана брошюра Н.С. Державина «Вековая борьба славянских народов с немецкими захватчиками», назначение которой заключалось в обосновании необходимости противопоставить единство славян гитлеровским планам уничтожения славянства. Активное участие в пропаганде на славянские страны принимала Русская православная церковь. В деятельности Всеславянского комитета заметную роль играл митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, неоднократно адресовавший антифашистские послания народам Европы. 11 июня 1943 г. он выступил с обращением «Братьям-славянам!»

Встает вопрос, насколько адекватным реальным замыслам фашистского режима было «славянское» направление советской пропаганды? Действительно ли настолько велика была опасность для славянского мира? В наши дни, когда кардинальным переоценкам подвергается, нередко из соображений политической конъюнктуры, всё и вся, следует, тем не менее, признать, что пропаганда базировалась на реальной угрозе истребления славянства как конгломерата «неполноценных народов», «низшей расы», наряду с евреями и цыганами. Чудовищный замысел лег в основу немецкого «Генерального плана “Ост”».

Первые документы этого плана, называвшегося иначе «Генеральным планом поселений», обнаружил в архивах ФРГ в конце 1950-х годов

польский ученый Ч. Мадайчик. Сейчас ученым известно более 100 документов, характеризующих замыслы гитлеровцев относительно Польши, Чешских земель, Украины, Белоруссии, части современной Российской Федерации и Прибалтики. До войны на этих территориях проживало от 40 до 65 млн. «неполноценных» славян.

По плану «Ост» предполагалось выселить за Урал, на Северный Кавказ, в Южную Америку и Африку и частично истребить от 30 до 51 млн. человек. Остальным предстояло пережить «германизацию», превращение в рабскую рабочую силу с перспективой физического уничтожения в связи с невыносимыми условиями жизни. Поначалу план был рассчитан на 25–30 лет, но затем сокращен до 20 лет. Иными словами, славяне как группа родственных народов должны были исчезнуть с карты мира прежде, чем одно поколение сменило бы другое. Параллельно план предусматривал колонизацию освобожденных от славян территорий. Их предстояло покрыть сетью опорных немецких баз, отстоявших друг от друга на 100 км и связывавших новые территории Рейха в единое целое.

Несмотря на то, что конкретные документы плана «Ост» были засекречены, политика немецких оккупантов на захваченных землях свидетельствовала о решительных намерениях фашистов реализовать установки, нашедшие отражение еще в программе кабинета Гитлера, изложенной 3 февраля 1933 г. Один из пунктов формулировался как «захват нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация». Во исполнение плана «Ост» началось выселение поляков с территорий Польши, включенных в состав Рейха, сербов и словенцев из Хорватии, чехов из отошедшей к Германии Судетской области. Колонизация имела место в Прибалтике и некоторых районах Украины. Лишь победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге положили конец этим процессам.

В советской пропаганде основные негативные характеристики немецкого противника переносились и на союзников-сателлитов Германии, хотя и в несколько смягченной, по сравнению с главным врагом, форме. Показательно, что в отношении них два тоталитарных режима – правого (Германия) и левого (СССР) толка использовали почти «зеркальные» характеристики. Если в Германии сателлитов называли «вспомогательными народами», то в Советском Союзе на них распространились определения «второстепенных противников», «вассальных армий». Именно так они воспринимались и массовым российским сознанием, причем отношение к ним определялось в значительной мере историей межгосударственных и межнациональных отношений, степенью и характером участия каждой из стран в войнах против России, поведением их армий в боевой обстанов-

ке и на оккупированных территориях. Естественно, что на тех участках фронта, где советские части имели непосредственный контакт с союзниками Германии, негативных проявлений было больше. Противник при этом оценивался не только «в целом», но и этнически-дифференцированно, в частности, с учетом его славянских или иных корней.

Если говорить о «балканском измерении» представлений советских людей о друзьях и врагах, то в собирательном плане советскому обществу преподносилась следующая региональная «картина» – «сдавшаяся Румыния, перебежавшая (на сторону немцев. – *Т.В.*) Болгария, союзная Югославия»²⁶. К друзьям, в первую очередь, относились, несомненно, народы сражавшейся Югославии. При этом большое значение имели традиционные прорусские настроения сербского народа, а также отношение к сербам немецких оккупационных властей. В начале апреля 1941 г. германское командование в оккупированной Сербии установило особый режим жесткого обращения с сербскими военнопленными и подавления сопротивления с «беспощадной жестокостью», как отмечалось в одном из документов²⁷. В советской пропаганде основное внимание фокусировалось на действиях югославских партизан, им адресовались и многие конкретные материалы. Прессбюро Всеславянского комитета, содействуя популяризации методов партизанской борьбы, неоднократно обращалось в своих материалах к опыту югославов. Югославские общественные деятели часто выступали в систематически проводившихся с июня 1942 г. специальных радиопередачах из Москвы на славянские страны и на радиомитингах. С 1942 г. в частях Народно-освободительной армии Югославии имелись специальные группы радистов и переводчиков для записи сообщений московского радио «Голос России» и радиостанции «Свободная Югославия». На их основе регулярно издавался специальный бюллетень, а материалы радиопередач распространялись среди населения. Следует отметить, что советская пропаганда на Югославию акцентировала внимание, главным образом, на одной составляющей движения Сопротивления – силах, руководимых компартией. Хотя проблема общегославского единства, в том числе отношений между сербами и хорватами, вызывала обеспокоенность в Москве и, в частности, в руководстве Коминтерна, советские руководители фактически наступали на те же грабли, что и югославские коммунисты: отказывали в праве на национальный патриотизм каким-либо иным политическим силам, кроме коммунистов. Героизация бойцов-коммунистов, лично Тито, соседствовала с прохладным, мягко говоря, отношением к националистическим сербским силам – четникам генерала Дражи Михайловича, официально представлявшего правительство короля Петра II, которое, в свою очередь, опиралось на поддержку Ве-

ликобритании. Поскольку передачи лондонского радио на сербском языке ретранслировали воззвания Всеславянского комитета с утверждениями, что «известные реакционные силы мешают... борьбе малых славянских народов», оскорбленный Михайлович, принявший эти обвинения на свой счет, решил дать ответ. 8 марта 1943 г. в письме во Всеславянский комитет он писал: «Наш [сербский] народ, оставшийся твердым и непоколебимым в своих чувствах по отношению к матери-России... потрясен непониманием нашей реальности»²⁸. Прозвучавшие позднее заверения Михайловича, что «весь народ Югославии сохранит верность свободе и демократии» и вместе с США, Великобританией и СССР будет вести борьбу вплоть «до полной победы над нацизмом, фашизмом и всеми разновидностями тирании и диктатуры», не смогли изменить отношения к нему Москвы, сделавшей ставку на коммунистов-партизан Тито²⁹. Не случайно в советской военной пропаганде на Югославию немецкие оккупанты приравнивались не только к полевой страже Недича*, но и к «разбойничьим четам Михайловича»³⁰.

Еще до перехода государственной границы Югославии частями Красной Армии советские политорганы озаботились тем, чтобы познакомить военнослужащих с кратким описанием страны, состоянием югославской экономики и политики, населявшими ее народами. Армейская и дивизионная печать помещала многочисленные материалы о Тито, особенно подчеркивая, что руководимые им партизаны с первых дней оккупации Югославии неустанно боролись против немцев и их союзников. Последовательно проводилась идея «братства по оружию славянских народов». Обращаясь к исторической памяти народа, газеты указывали на освободительную роль русской армии на Балканах в XIX в., на необходимость для красноармейцев осознать, что Красная Армия является ее «преемницей».

Приказ о наступлении войск 3-го Украинского фронта и переходе болгаро-югославской границы, как сообщалось в политдонесении начальника Политуправления фронта генерал-майора Аношина в ГлавПУРКА Щербакову от 26 октября 1944 г., вызвал в войсках значительный политический и боевой подъем. Встречи с частями НОАЮ и югославскими партизанами, доклады и беседы политработников «еще сильнее укрепили уважение личного состава к свободолюбивому югославскому народу, вызвали новый подъем наступательного порыва»³¹. На политико-мо-

* М. Недич – генерал югославской армии, военный министр и затем глава созданного при участии Берлина правительства национального согласия в Сербии, крайний сербский националист.

ральное состояние советских солдат большое влияние оказывали теплые и радушные встречи с местным населением, неизменно сопровождавшиеся манифестациями жителей, хлебосольным угощением и исполнением партизанского гимна «По долинам и по взгорьям». Но довольно скоро эти встречи стали серьезно заботить советское командование в связи с тем, что дружеские застолья, в которых далеко не пассивную роль играли и югославские партизаны, не только приобрели значительный размах, но и нередко превращались в откровенные попойки. В немалой степени именно по этой причине 5 декабря 1944 г. командующим 57-ой армией был отдан приказ № ВС/04497, запрещавший «всякую связь военнослужащих армии с населением Румынии, Югославии»³².

Вступление Красной Армии на землю Югославии, как свидетельствовали донесения советских политорганов, было встречено с восторгом, особенно в Сербии. Население обращало особое внимание на боевую мощь частей и их техническую оснащенность, поскольку немецкая и недичевская пропаганда всячески принижали боеспособность Красной Армии, подчеркивая плачевное состояние советского сельского хозяйства и промышленности и, как следствие, невозможность «Советов» содержать сильную армию. Бросалась в глаза и удивляла население молодость офицерского состава: 20–25-летние майоры и подполковники во главе полков и бригад представлялись делом немыслимым.

Вместе с тем продвижение советских частей по восточным районам Югославии принесло местным жителям и серьезное разочарование внешним, мягко говоря, «потрепанным» видом солдат и офицеров, состоянием воинской дисциплины, аморальными и даже криминальными инцидентами. Статистика в этом плане остается на сегодня закрытой, но косвенно о масштабах негативных явлений можно судить по жесткой реакции на них советского командования. Личному составу широко разъяснялись меры наказания за нарушение законов, причем диапазон их был весьма широким – от предания суду и тюремного заключения на срок от 1 года до 10 лет до высшей меры. Суду предшествовали лишение званий и наград (особенно часто это применялось за преступления против гражданских лиц). Практиковалась и отправка в штрафные роты.

Югославское руководство, как свидетельствуют воспоминания и документы, неоднократно обращалось с жалобами на недостойное поведение военнослужащих к начальнику советской миссии генералу Корнееву, начальнику гарнизона в Белграде генералу Верхововичу, поднимало этот вопрос и перед Сталиным. Но в не меньшей степени Тито и его окружение беспокоило и отношение советских военных, в том числе пропагандистов и политработников, к партизанам и НОАЮ как к союзнику. Отсюда про-

сба «изменить фразеологию красноармейских газет», принять формулировку об освобождении Белграда не Красной Армией, а Красной Армией и Югославскими войсками, «ввести отдачу чести югославским офицерам, прекратить третирование югославской армии как неумелой и второстепенной...»³³.

По-видимому, явная обида, звучавшая в данной просьбе, была в определенной степени связана с действительно имевшим место в некотором роде традиционно-снисходительным отношением военнослужащих и офицеров регулярных частей к партизанским подразделениям. Это было характерно и в отношении советских партизан. Но следует заметить, что, очевидно, отношение менялось. Во всяком случае, в политдонесениях 3-го Украинского фронта совместные с частями НОАЮ действия по уничтожению группировок немцев в горных районах страны, на подступах к Белграду и в боях за югославскую столицу 15–20 октября 1944 г. оценивались весьма высоко³⁴.

Массовые настроения сербского населения, зафиксированные советскими политорганами, характеризовались не только верой в славянскую солидарность и значение единой для сербского и русского народов православной веры, но и надеждами на советскую помощь, на улучшение материального положения³⁵. Они отражали и представления определенной части жителей о перспективах дальнейшего развития страны. Их обобщенным выражением стали слова белградской учительницы Милы Миларович: «Югославский народ не встал на колени перед захватчиками и теперь прямо смотрит в светлое будущее»³⁶. Общую атмосферу осени 1944 г. отразили слова одного из руководителей КПЮ Бл. Нешковича, несомненно, хорошо знакомого с ситуацией в стране и в том числе справедливыми претензиями населения к советским солдатам и офицерам: «Что говорить о пустяках?! НАША Красная Армия пришла в Белград!»³⁷.

Хотя к вражескому лагерю относились две балканские страны – Румыния и Болгария, «образ врага», несомненно, фокусировался на Румынии. Именно румынские мотивы преобладали в листовках, адресованных бойцам Красной Армии зимой 1942 г. При этом характерным пропагандистско-психологическим приемом являлась дегуманизация противника, в том числе изображение его в образе животных. Так, в сатирической листовке от 30 ноября 1942 г. была помещена карикатура на Антонеску и Хорти, представлявшая их «мартовскими котами», сцепившимися на крыше из-за кошечки по кличке «Трансильвания»³⁸. В пропагандистских материалах румынская армия сравнивалась с «живым трупом», акцентировалось ее плохое снабжение продовольствием, особенно по сравнению с регулярными немецкими частями³⁹, в общественном российском созна-

нии целенаправленно формировался образ румынского солдата – вечно голодного и посему особо склонного к мародерству, грабежам, насилию и пр. На охотное восприятие советскими людьми именно такого образа румын, несомненно, в первую очередь влияла конкретная военно-политическая обстановка. Румыния участвовала в боевых действиях на Восточном фронте с лета 1941 г. силами 10 дивизий. Однако после немецкой оккупации Италии в сентябре 1943 г. численность румынских войск на советско-германском фронте постепенно росла, достигнув к лету 1944 г. 22 дивизий и 5 бригад. «Вехами» оккупационной деятельности румын на советской территории являлись пребывание румынской армии в Крыму и в объявленных «румынскими провинциями» Бессарабии и Северной Буковине, установление «временного румынского управления» в Транснистрии (Приднестровье), куда вошли левобережные районы Молдавии, Одесская и часть Николаевской и Винницкой областей. На этих территориях, которые предполагалось в дальнейшем включить в состав «Великой Румынии», проводилась румынизация местного славянского населения. На отношение к румынскому противнику оказывал влияние и исторический прецедент – «Бессарабский» и «Буковинский» вопросы, до предела обострившие отношения королевской Румынии с Советской Россией. Румынский противник преподносился советским людям как захватчик исконно русских территорий, обладавший к тому же непомерными территориальными аппетитами: официальный Бухарест и сам кондукэторул (вождь) Румынии генерал Ион Антонеску видели страну в новых границах до Крыма, Кавказа и Поволжских степей. Притязания же Румынии на Южную Добруджу и Северную Трансильванию, сталкивавшие Бухарест с другими немецкими союзниками – Болгарией и Венгрией, давали козырь в руки советской пропаганде, позволяя обыгрывать тему противоречий в лагере захватчиков. Невысокие оценки боеспособности, дисциплины и морально-политического состояния румынских частей, дававшиеся советскими военно-аналитическими службами и находившие отражение в пропагандистских материалах, утверждает российская исследовательница Е.С. Сенявская, также влияли на складывание образа этого противника в массовом сознании советских людей, как в тылу, так и на фронте⁴⁰. При этом известные советской стороне факты антинемецких настроений румынских солдат, вплоть до откровенной враждебности, как правило, в пропагандистских материалах замалчивались.

Однако при организации «спецпропаганды» среди румынского противника его морально-психологическое состояние, несомненно, учитывалось. Так, Центральный штаб партизанского движения обязал политический и разведывательный отделы Крымского штаба партизанского движения

взять под особый контроль работу по разложению румынских частей, используя в этой работе все виды информации⁴¹.

В целом в отношении румын советский пропагандистский аппарат применял различные методы воздействия. В ноябре–декабре 1942 г. в разгар Сталинградской битвы местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей призвал румынское духовенство и солдат румынской армии «окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единой верной крови»⁴². В это же время органами спецпропаганды была успешно проведена операция «Кольцо», которой руководил начальник 7-го отдела Политуправления Юго-Западного фронта полковник А.Д. Питерский. Уже на первом этапе операции, после того, как самолеты сбросили в район расположения румынских частей листовки с указанием пунктов приема пленных, 1200 румынских солдат и офицеров покинули боевые позиции. Была организована отправка их писем – «приветов на родину», в которых авторы благодарили судьбу за такой выход их из войны. В виде листовок эти письма сбрасывались на участках дислокации других румынских дивизий. В итоге без сопротивления сдались в плен еще 30 тысяч румын, в том числе 3 генерала и 130 старших офицеров⁴³.

Отзвук этой операции обнаружился в листовке-пропуске, датированной 1–2 апреля 1944 г. и обращенной к офицерам и солдатам 3-ей румынской армии. В канун боев за Одессу авторы листовки напомнили румынским солдатам о «разумном примере» их соотечественников под Сталинградом – генералов Мазарини, Ласкера и Стенеску, о десятках тысяч румынских военнослужащих, сложивших оружие и сдавшихся в плен. «Немцы – истонные враги румын, – говорилось в листовке. – Они захватили и терзали Румынию еще в 1916 году. Они и в эту войну бросали вас под огонь русских на самых тяжелых участках в Сталинграде и на Кавказе. Они сейчас бросили на произвол судьбы 7 румынских дивизий в Крыму. И вас они хотят оставить на убой в Одессе. Румыны! Не будьте дураками, не жертвуйте своей жизнью ради немцев и Антонеску. Война потеряла для Румынии всякий смысл... Выбор для вас один – сдадитесь в плен, будете жить. Будете воевать за немцев – погибнете»⁴⁴.

В преддверии боев на балканском направлении советская военная пропаганда усилила внимание к настроениям красноармейцев. Предстояло, в частности, разъяснить личному составу цели и задачи готовившегося наступления, поскольку бойцы выражали недоумение: «Почему мы идем в Румынию, когда нам говорили, что задача – изгнать противника со своей территории?»⁴⁵.

В период подготовки частей и соединений 3-го Украинского фронта к боевым действиям на территории Молдавии и Румынии особое внимание армейских политработников обращалось на работу с пополнением, прибывшим в апреле 1944 г. из Николаевской и Одесской областей. При этом учитывалось, что бойцы пережили тяжесть немецко-румынской оккупации, что они длительное время находились под воздействием фашистской пропаганды, «притупившей», как отмечалось в одной из справок Политуправления 3-го Украинского фронта, их национальное самосознание. Фиксируя наличие среди пополнения «нездоровых настроений», политработники в качестве примера приводили высказывания солдат, что «немцы – нехорошие люди, а с румынами можно жить». Для того, чтобы блокировать подобные настроения, было признано целесообразным более активно использовать в пропагандистской работе материалы о зверствах не только немцев, но и румын. Армейская печать начала публиковать статьи с призывами беспощадно уничтожать румынских солдат и офицеров⁴⁶. Вместе с тем для налаживания в будущем контактов с местным населением поощрялось освоение бытовой лексики на румынском языке. Каждому офицеру предписывалось знать «политико-экономические данные [страны] и хоть минимум румынских слов»⁴⁷.

Вступление Красной Армии на территорию Румынии поставило перед пропагандистскими органами новые серьезные задачи. Их выявила проверка состояния партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта, проведенная в июле 1944 г. Основные замечания сводились к непониманию армейским пропагандистским аппаратом особенностей деятельности на вражеской территории, «вопросов организованности, бдительности и дисциплины», к резкому ослаблению воспитания ненависти к врагу. В итоговой справке указывалось на «позорные факты негласного перемирия с немецко-румынскими захватчиками». В качестве примера сообщалось о случае в 184-ом стрелковом полку 69-ой стрелковой дивизии: 11 мая 1944 г. командир роты лейтенант Коновалов разрешил одному из бойцов сыграть на губной гармошке. Звуки музыки привлекли внимание румынских солдат, которые с криками «Не стреляйте, мы тоже не будем» начали выдвигаться из траншей. Огонь с обеих сторон был прекращен, и румыны в спокойной обстановке начали производить погребение убитых. Характерно, что этот пример соседствовал в справке с выводом о том, что до основной массы личного состава не было доведено сообщение Совинформбюро от 10 мая 1944 г. о злодеяниях румынских войск на оккупированной советской территории, и необходимая воспитательная работа с бойцами и офицерами «по содержанию этого политически важного документа» в частях фронта не была проведена⁴⁸.

Документы свидетельствуют, что значительной остроты достиг вопрос о поведении военнослужащих Красной Армии на румынской территории. Главным образом, это касалось состава частей и подразделений за пределами прифронтовой зоны. В вышеуказанной справке говорилось о «большом количестве фактов недостойного поведения» солдат и офицеров. «Очень многие военнослужащие ходят в грязном неряшливом виде, без погон, шатаются по городам Румынии без всякого дела и подчас в нетрезвом виде, заполняют лавки, харчевни, рестораны, – сообщалось в документе. – Приказ НКО о приветствиях нарушается сплошь и рядом. Офицерский состав в большинстве случаев на эти безобразия смотрит сквозь пальцы, да и сами офицеры далеко не являются образцом в поведении». Только за 17–20 мая в Ботошани комендантские патрули задержали за недостойное поведение около 500 военнослужащих, в Сучаве – 560 человек⁴⁹. Приводя конкретные многочисленные факты мародерства, грабежей, пьянства, насилия, подделки документов и пр., авторы справки констатировали, что Военный совет и политорганы фронта «упустили время, когда надо было быстро и оперативно принимать конкретные меры по борьбе с этими позорными для Красной Армии явлениями»⁵⁰.

Указанные случаи приобрели массовый характер и на других фронтах, и 19 января 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования издала приказ о предании суду военного трибунала советских военнослужащих, предусматривавший высшую меру наказания. Известны «расстрельные» приказы К.К. Рокоссовского в Польше, как и извинения, которые принес в марте 1945 г. Сталин делегации Чехословакии за недостойное поведение красноармейцев в стране⁵¹. Вместе с тем в беседе с главой делегации НКОЮ А. Хебрангом 9 января 1945 г. Сталин, припомнив слова М. Джиласа о более высоком «морально-политическом облике английских офицеров», призвал «понять душу бойца», прошедшего с боями тысячи километров, подчеркнул, что «из-за одного уroda нельзя оскорблять всю Красную Армию»: «Неправильно становиться на точку зрения “приличного интеллигента”... Есть отдельные случаи, позорящие наших бойцов. Мы за это расстреливаем. Но надо помнить, что люди измотались, изнервничались, думают, что они – герои, которым все разрешено, все позволено». Советский лидер не удержался и от язвительного замечания, что свой моральный облик английские офицеры «лучше всего показали в Греции»⁵².

23 августа 1944 г. в Румынии произошел государственный переворот. После свержения диктатора Антонеску страна вышла из войны на стороне Германии. В этот день с призывом «к духовенству и верующим румынского народа» обратился местоблюститель Патриаршего престола митрополит Алексей (патриарх Сергей скончался в мае 1944 г.). Напомнив об

обращении владыки Сергия к румынским православным в 1942 г., митрополит Алексей констатировал, что не услышанный ранее призыв покойного патриарха «теперь ...услышан». Он призвал румынских «пастырей и паству» повернуть оружие против поработителей – немцев, изгонять их из пределов страны и всячески содействовать Красной Армии в деле освобождения от фашизма⁵³. В целом, однако, выход Румынии из войны не особенно повлиял на оценки советскими гражданами вчерашнего противника. В недавно опубликованных материалах НКВД по Ленинграду и области отмечается, что среди населения преобладало недовольство в связи со «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией, хотя встречались и другие мнения⁵⁴.

Мало что нового внесло в представления советского общества о бывшем противнике и формирование на территории СССР румынских военных соединений для действий на советско-германском фронте. Вообще, вопрос о создании национальных воинских частей в советском тылу оказался весьма трудным, как с политической точки зрения, так и в плане конкретной реализации. С привлечением военнопленных были сформированы польские соединения (армия генерала В. Андерса, дивизия имени Тадеуша Костюшко), две румынские дивизии, в том числе дивизия имени Тудора Владимиреску. Армии генерала де Голля были переданы 1500 французских военнопленных, велась работа по формированию венгерской добровольческой дивизии. На рубеже 1943–1944 гг. прорабатывался вопрос и о создании немецкой воинской части, но до практической стадии дело не дошло⁵⁵. В целом, немногочисленность новых воинских формирований, их снабжение, а частично и комплектация за счет ресурсов Красной Армии объясняли тот факт, что массовое сознание, особенно в тылу, не воспринимало их как полноценных союзников.

Болгарские части не действовали на Восточном фронте. «Особая позиция» Болгарии в войне против СССР обусловила тот факт, что советская пропаганда не уделяла этому немецкому сателлиту серьезного внимания как противнику, а в общественном сознании советских людей болгарский народ не воспринимался как враг.

В отношении Болгарии советская пропаганда особенно активно акцентировала историческое прошлое, прежде всего роль России в освобождении Болгарии в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., благодарное отношение и привязанность болгарского народа к «братушкам», причем, судя по опубликованным материалам национальной Дирекции полиции, делала это систематически и настойчиво. Именно влиянием советской пропаганды болгарские власти объясняли готовность некоторых военнослужащих в случае отправки на Восточный фронт повернуть оружие

против немцев и своих офицеров и «поголовно сдать Красной Армии» (донесение об обстановке в Варне в 1942 г.)⁵⁶. Не дал ожидаемого эффекта и призыв к болгарским летчикам отправиться на Восточный фронт. Весной 1942 г. число изъявивших свое согласие не превысило 30 человек⁵⁷. В середине сентября 1943 г. Штаб Болгарской армии констатировал, что акценты советской пропаганды несколько изменились: теперь ее острее направлялось на армию, выражаясь в призывах к военнослужащим действовать совместно с югославскими и греческими партизанами. Что касается внушения симпатий к «братской России», указывалось в одной из сводок Штаба за ноябрь 1943 г., то советский пропагандистский аппарат стал действовать более гибко, отказавшись от коммунистических лозунгов, резкой критики царского института власти (это объяснялось учетом монархистских настроений народа, выявившихся в связи со смертью царя Бориса III) и делая акцент на идее создания «независимой и великой Болгарии» с опорой на Россию⁵⁸.

Характерной особенностью пропагандистской работы среди личного состава Красной Армии являлся перенос вины за вхождение Болгарии в блок фашистских держав и вступление в войну на «немцев и их агентов» внутри страны⁵⁹. Нельзя не заметить прямой аналогии: в октябре 1915 г. ответственность за участие Болгарии в войне на стороне Тройственного союза официально возлагалась Россией на «династию Кобургов», последовательно проводившую в стране «прогерманскую и антирусскую политику»⁶⁰. Документы свидетельствуют, что такая трактовка причин вхождения Болгарии в фашистский блок принималась бойцами Красной Армии, выразившими готовность идти в Болгарию, чтобы помочь братскому народу и наказать преступную «правящую клику»⁶¹. При этом направленность высказываний бойцов Красной Армии, зафиксированных в политдонесениях о политико-моральном состоянии войск 3-го Украинского фронта накануне вступления в Болгарию, была в большинстве случаев не антиболгарской, а антинемецкой⁶².

Судя по документам, разъяснительной работы потребовала от пропагандистов нота советского правительства от 5 сентября 1944 г. об объявлении Болгарии войны. Зафиксированные в сводках о настроениях военнослужащих высказывания рядовых и офицеров свидетельствовали о том, что личный состав усвоил официальную оценку болгарского «нейтралитета» как намерения руководства страны «укрыть немецкие штыки», создать на территории Болгарии базу для дальнейшего сопротивления немцев. Стремление наказать «правителей-предателей» и помочь болгарскому народу обрести свободу и независимость⁶³ было доминирующим.

К моменту перехода румыно-болгарской границы войсками 3-го Украинского фронта пропагандистская работа среди личного состава была направлена на закрепление и удержание «военно-политического порыва» после Ясско-Кишиневской операции. Бойцам разъяснялось, что предстоят суровые бои, что гитлеровцы способны на любую авантюру и пр. Политуправление фронта подготовило справку об экономическом и политическом положении Болгарии, о быте и традициях народа, исторических связях болгар и русских. Кроме того, в политотделах 57-ой и 37-ой армий были подготовлены и распространены среди бойцов и офицеров справки о городах Болгарии – Плевене, Шумене, Видине, Разграде, Добриче, Варне, Бургасе⁶⁴. В первичных партийных организациях прошли собрания на темы «Задачи коммунистов в связи с наступлением Красной Армии на территорию Болгарии» и «Задачи по обеспечению правильных взаимоотношений с болгарским населением»⁶⁵. 7 сентября 1944 г., накануне наступления, командующий фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин подписал обращение «К болгарскому народу!» На следующий день фронтовая авиация разбросала первые 50 тыс. листовок с текстом обращения над территорией страны. В документе говорилось, что Красная Армия не намерена воевать против болгарского народа и его армии, считает болгарский народ братским.

8 сентября 1944 г. военная операция началась. Но не как обычно, рано утром и артподготовкой, а в 11 часов отправкой разведподразделений к болгарским погранзаствам. Много лет спустя начальник штаба 46-ой гвардейской артиллерийской Запорожско-Одесской краснознаменной ордена Суворова II-ой степени бригады подполковник П.П. Боринский, вспоминая далекий 1944 год, обратился к своему дневнику: «Утро 8 сентября. Солнечно и тепло. Впереди Болгария, земля, знакомая не только по учебнику географии. Царское правительство этой близкой нам страны, чей героический сын после Лейпцигского процесса нашел прием на нашей свободной родине, поставило всю ее экономику на службу Германии. Ее порты превратились в морские базы немецкого флота. ...На своих боевых позициях воины бригады ждут команды с особым волнением. Все мы знаем, что наши деды сражались с османскими полчищами за свободу Болгарии»⁶⁶.

Переход румыно-болгарской границы осуществлялся подвижными отрядами и авангардными частями дивизий фронта. Многие бойцы были удивлены и разочарованы состоянием государственной границы, фактическим отсутствием соответствующих атрибутов, в связи с чем некоторые даже не заметили момента пересечения пограничного рубежа. Уже в 11.30 последовала команда захватить орудия... 9 сентября с утра на территорию

Болгарии вступили главные силы фронта, в течение дня они продолжали продвижение в южном и юго-западном направлениях⁶⁷.

С первых часов пребывания Красной Армии на болгарской земле стало ясно, что значительная часть населения не понимала причин войны СССР и Болгарии. Политотдел 37-ой армии сообщал, что особо слабо разбиралось в обстановке сельское население⁶⁸. Оперативно была развернута работа радиоустановок, в населенных пунктах передавались тексты обращения «К болгарскому народу!», нота советского правительства об объявлении войны Болгарии, отдельные выдержки из сообщения НКВД СССР «К советско-болгарским отношениям». Для этой работы в каждой дивизии имелись дикторы, владевшие болгарским языком. Только на марше к Варне через Добрич спецгруппами было распространено 2 тыс. экземпляров обращения «К болгарскому народу!»⁶⁹.

Впоследствии работа спецотделений (седьмых отделений) политуправлений армий фронта среди болгарского населения велась по нескольким направлениям, наиболее важными из которых считалось осуществление контроля за зрелищными мероприятиями, изданием книг, газет, журналов и прочей печатной продукции, разоблачение злостной пропаганды в отношении СССР, информирование населения о целях и задачах Красной Армии. Тематика лекций и докладов для болгарского населения была направлена на ознакомление его с жизнью советской страны (политическое устройство и Конституция, состояние экономики, культуры, образования, положение женщины в обществе), разъяснение освободительной миссии Красной Армии, исторических корней дружбы славянских народов и пр.⁷⁰

Однако следует признать, что едва ли не главным источником информации о советской стране, причем источником своеобразным, являлось само пребывание бойцов и офицеров Красной Армии в Болгарии, ежедневные контакты с местным населением. Вскоре после вступления советских частей на болгарскую землю Политуправление 3-го Украинского фронта по распоряжению военного совета издало большим тиражом «Памятку воину Красной Армии в Болгарии». Она вручалась лично офицерам, командирам батальонов и рот, сержантам и рядовым, по ее содержанию регулярно проводились многочисленные беседы. Кроме того, на ее основе были подготовлены «памятки» в отдельных частях, например, в 4-ой гвардейской механизированной дивизии.

Лейтмотивом этого документа стал призыв к советскому воину беречь любовь и уважение народа, которому солдат Красной Армии принес освобождение, чтить его обычаи, законы и семью, быть беспощадным к грабителям, мародерам, насильникам, нарушителям порядка, позорящим честь красноармейца и тем самым помогающим немцам. «Пусть везде, где

прошла Красная Армия, уничтожая врагов человечества – гитлеровцев и освобождая поработанные ими народы, навсегда останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе, товарищ боец, сержант и офицер!» – говорилось в «Памятке»⁷¹.

Длительное время пребывание советских солдат на болгарской земле рисовалось исключительно радужными красками, создававшими почти идиллическую картину. На многочисленных примерах демонстрировались взаимные теплые, братские чувства болгар и русских, а негативные явления характеризовались как единичные. Подобная идеализация сослужила плохую службу, сменившись впоследствии педалированием фактов недостойного поведения советских военнослужащих в Болгарии. В связи с этим нельзя не отметить, что многие болгары – свидетели и современники событий 1944 г., не отрицая и отнюдь не оправдывая действительно немалочисленные случаи аморального порядка, обставившие к тому же слухами и нередко вымыслами, стремились объяснить психологическое состояние советского бойца, проявляли понимание, что любая война, демонстрируя высоту человеческого духа, также неизбежно сопровождается моральными и нравственными потерями. На бытовом уровне это нередко отражалось в оценках негативных явлений по принципу «В семье не без урода»⁷². Тем не менее, власти, по-видимому, почувствовали необходимость разъяснить населению ситуацию, и 3 октября 1944 г. в специальном выступлении по софийскому радио министр пропаганды Д. Казасов произнес «Слово о советском солдате». Казасов попытался рассеять, по его словам, «легенду о благородном поведении гитлеровского солдата» в Болгарии и, напомнив о ратном пути красноармейца, объяснить его чувства и переживания. «Три года, днем и ночью, он шел сквозь бури и вьюги, утопая то в сугробах, то в грязи и воде, чтобы отстоять священную землю своих дедов. Сталинград! Солдат пришел оттуда в Софию, пришел, узнав, а может быть и увидев пепелище родного дома, а своих близких растерзанными гитлеровским зверем. И, придя сюда, он видит себя внезапно пробудившимся от кошмарного сна, перенесшимся в спокойный край, о котором мечтал. Нет пепелища. Есть наполненные жизнью села. Нет потонувших в мертвом молчании домов. Есть звенящие женские голоса и детский смех. И над всем этим – воспоминания о его опустошенной родине. Постарайтесь понять, и тогда, я уверен, вы скажете: Помолчим! Помолчим о наших мелких, жалких личных переживаниях. Помолчим, ибо рядом с ними молча ступают в окровавленной, покрытой грязью и водой шинели великие муки великого советского народа! Помолчим и с молитвенным смирением склоним головы перед его непревзойденной жертвенностью!»⁷³.

То, что Казасову удалось точно передать психологическое состояние рядового бойца, подтверждают воспоминания комсорга батальона 144-го гвардейского стрелкового полка 49-ой стрелковой дивизии 46-ой армии Л. Бартышева: «В одном селе заночевали. Пожилая болгарка смотрела на нас так, что я испытал непреодолимое желание приблизиться к ней, как к родной матери, обнять, склонить голову на грудь и ... заплакать. О разрушенном родном доме, о моей семье, о которой три года не имел вестей, рассказать ей, как устал от тяжкого разрушительного солдатского труда»⁷⁴.

С началом болгарской «перестройки» и отказом от русофильской «парадигмы» исторических исследований⁷⁵ постепенно усиливались критические голоса, согласно которым приход Красной Армии и контакты населения с «духовно бедными сыновьями страны, бывшей ранее идеалом» для многих болгар, вызвали первое крупное разочарование. Некоторые авторы напомнили о том, что германскую армию встречали в марте 1941 г. в Болгарии «гораздо теплее и сердечнее», нежели три с половиной года спустя советскую. Констатировались «невероятная ограниченность и примитивизм офицеров Красной Армии», «отсутствие у них каких-либо культурных и интеллектуальных запросов, их почти первобытное изумление перед цивилизованным обликом Болгарии даже военного времени, как бы указывавшие на огромную пустоту советской духовной жизни». Взирая на события 40-летней давности с хронологических высот рубежа 1980-х – 1990-х годов, они удивлялись, что советские офицеры «ничего не знали о Блоке и смутно помнили имя Маяковского»⁷⁶.

Полагаем, что подобные утверждения требуют комментариев. Документальные источники частично подтверждают сказанное, хотя и не с такой высокой степенью категоричности. Например, об отсутствии у болгар «настоящей ненависти к немцам», стремления вести с ними борьбу говорилось в справках политорганов 3-го Украинского фронта, анализировавших политические настроения в стране в середине сентября 1944 г.⁷⁷ Однако указанные материалы содержали и прямо противоположные сведения – об отчетливо выраженных антинемецких настроениях значительной части населения.

Что касается Красной Армии, то в докладе сотрудника Управления стратегических служб США Д. Вудрофа о политической ситуации в Болгарии в сентябре-декабре 1944 г. отмечалось разочарование болгар внешним видом красноармейцев, равно как и испытываемая последними неловкость за «относительную отсталость» России. Вместе с тем американский наблюдатель констатировал «сравнительно хорошую дисциплину русских», что было связано, по его наблюдениям, с «исключительной

суровостью войск НКВД в отношении нарушителей». Заслуживает быть отмеченным замечание Вудрофа о том, что «болгары в общем и целом научились находить общий язык с советскими войсками... и если бы не страх, что они останутся в стране или поддержат коммунистов, отношения вообще могли бы быть отличными»⁷⁸. Обращают на себя внимание спокойная тональность доклада, автор которого считался «аккуратным и надежным наблюдателем болгарской политической жизни»⁷⁹, а также продемонстрированное им желание дать болгарским реалиям, в частности взаимоотношениям населения и Красной Армии, всестороннюю и объективную оценку.

Такая оценка требует учитывать огромные потери личного состава частей и подразделений Красной Армии к моменту выхода ее за пределы советской территории, преобладание в них новобранцев, зачастую, действительно, малограмотных, не обладавших боевой закалкой и необходимыми морально-психологическими качествами. На их фоне резко выделялись кадровые бойцы – отличные солдаты, сберегшие довоенное отношение к сержантам и почтение к офицерам.

Попытка приблизиться к ответу на вопрос, что же в действительности, представлял собой пришедший в Болгарию человек в военной шинели, малопродуктивна без воссоздания адекватной картины духовной жизни в советской стране во всех ее проявлениях. Не претендуя на полноту суждений, заметим, что знакомство даже с отдельными наблюдениями ученых в сфере культурной политики советского государства, в том числе, его усилий по формированию круга чтения советских людей в довоенные годы, позволяет принципиально скорректировать некоторые вышеприведенные заключения.

В середине 30-х годов в СССР возникло новое явление в отечественной культуре – появился так называемый массовый читатель. В те годы он был молод, имел, как правило, начальное или среднее образование, полученное в школе. Именно в это время в СССР сравнительно большими тиражами (20–25 тыс. экз.) издавалась русская и зарубежная классика – Короленко и Некрасов, Толстой и Достоевский, Крылов, Державин, Помяловский... Появились переводы наиболее значительных произведений Ремарка, Олдингтона, Хемингуэя, Фейхтвангера... Из советских авторов чаще других печатались Маяковский и Горький. В значительной степени на этой литературе «выросло патристическое настроенное поколение людей, рожденных при советском строе, которые искренне верили в “особый путь и миссию” советского государства... Отличало это поколение и уважение к знанию, наукам. Высшее образование занимало в системе ценностей советских людей одно из ведущих мест»⁸⁰. Вряд ли правомерно выводить за

границы этого поколения офицерский состав Красной Армии, представляя его в убогом и почти карикатурном свете. Кстати, когда 19 ноября 1944 г. Военный совет 37-ой армии принял постановление № 0049, предписывавшее пресекать не носящее служебного характера общение военнослужащих с местным населением, то, в отличие от югославского случая, одной из причин стало стремление советских офицеров «доказать болгарам», что в ближайшее время в стране будет установлена советская власть⁸¹. Это вполне соответствовало представлениям того поколения советских людей о смысле освободительной миссии Красной Армии.

Мы намеренно остановились на этом сюжете, поскольку именно контакты советских офицеров, в том числе советников, с офицерами Болгарской армии следует учитывать при рассмотрении вопроса о восприятии болгар как союзников на заключительном этапе Второй мировой войны. Новые представления формировались с учетом их участия в совместных с Красной Армией боевых действиях в составе 3-го Украинского фронта, когда создавались объективные предпосылки для постановки вопроса о признании Болгарии «совоюющей страной».

Политдонесения штаба фронта недвусмысленно фиксировали не только неудовлетворительную подготовку болгарской армии, падение дисциплины, массовый уход солдат из своих гарнизонов, случаи трусости⁸², но и отсутствие у военнослужащих понимания освободительных целей войны. К оценке офицерского состава советские наблюдатели подходили явно дифференцированно: средний состав (командиры рот и взводов), являвшийся выдвиженцами солдатских комитетов в частях, характеризовался в основном положительно. В донесениях Политуправления фронта сообщалось, что в ходе военных действий на территории Югославии весной 1945 г. эти офицеры действовали смело и решительно, показывали солдатской массе примеры «честного выполнения воинского долга». Сложнее обстояло дело со старшими офицерами – «выходцами из буржуазных и зажиточных слоев населения». Подчеркивалось, что они получили образование в болгарских военных школах, построенных по немецкому образцу, восприняли немецкую военную тактику и оказались «отравленными» фашистскими идеями. В новых условиях часть старших офицеров выразили готовность честно служить народу, но немалое число их продолжали якобы вести подрывную деятельность в частях и подразделениях⁸³. Нельзя не признать, что вследствие схематичного «классового» подхода советских политработников создавалась явно упрощенная картина состояния командных кадров болгарской армии.

Вместе с тем боевая практика выявила реальные значительные слабости в подготовке офицерского корпуса: отсутствие достаточного военного

опыта, в частности, умения организовывать взаимодействие между родами войск, руководить оборонительными действиями и активно действовать в наступлении. Отмечались также недостаточная стойкость в бою и неготовность к тяготам и лишениям боевой жизни⁸⁴. 8 октября 1944 г. вмешательство командующего 2-ой армией генерала Станчева фактически сорвало наступление болгарских частей в районе Бела Паланка, Нишка Баня и Ниш. В ответ на упрек советского офицера-советника Станчев заявил, что болгарские солдаты «не хотят наступать, так как не знают, за что воюют»⁸⁵. Известную долю вины за это советское командование возлагало на правительство Отечественного фронта, не выдвинувшее в сентябре 1944 г. вопрос об участии Болгарии в войне против Германии в качестве главной политической и военной задачи. В материалах советских политорганов отмечалось: следствием такого подхода стал рост среди болгарского населения настроений, что для Болгарии война уже закончена, что столь малая страна не может многого сделать для окончательного разгрома немцев⁸⁶. Кроме того, для большой массы населения характерным было стремление вообще быть подальше от войны⁸⁷. Seriously обеспокоило советскую сторону происшествие в частях 3-ей пехотной дивизии 1-ой Болгарской армии, отказавшихся переправиться через Дунай и самовольно повернувших домой. Проведенное расследование показало, что большинством солдат двигало желание «работать на родине, даже платить репарации, но не воевать в Венгрии». «За Дунай, – считали они, – должны идти только добровольцы»⁸⁸.

Из-за отсутствия конкретного материала трудно говорить о том, как воспринимались подобные настроения и проявления нового союзника военными Красной Армии, которая вела в то время упорные кровопролитные бои на территории Венгрии, какие изменения вносила реальная обстановка в пропагандистскую работу. Но кое-какие наблюдения сделать все же можно. Уже в начале октября 1944 г. последовало распоряжение начальника Политуправления фронта генерал-майора Аношина: «В наших материалах к личному составу принять умеренный тон, не прибеждать Болгарию, так как эту линию сейчас занимает правительство, стараясь этим самым снять с себя материальные заботы о помощи Красной Армии»⁸⁹. Еще более показательна, на наш взгляд, «Программа по изучению войск противника и наших соседей», подготовленная фронтовыми политорганами для занятий с офицерским составом частей Красной Армии в конце декабря 1944 г. В раздел «Армии наших *sosedej*» (курсив наш. – Т.В.) были включены пункты об организации и вооружении Болгарской армии, о принятых в ней знаках различия и тактических приемах ведения боевых действий⁹⁰. Не означало ли это, что, несмотря на смену

политического режима в Болгарии, признания ее полноценным *военным союзником СССР* на том этапе не произошло?

В целом, характеризуя «балканскую» составляющую советской пропаганды военных лет, следует признать ее несомненную эффективность. Итогом пропагандистских усилий явились массовые настроения, отраженные в четком понимании важности освободительной миссии Красной Армии и, по большому счету, вытеснившие культивировавшиеся на протяжении длительного времени настроения мщения. При этом в сознании советских людей, как в тылу, так и на фронте, «народ», «простые люди» враждебных стран оказались отделенными от политиков, власти, государств, а в самой толще солдатской массы, вопреки жестокостям военного времени, удалось оживить лучшие черты русского национального характера, в частности, его природный гуманизм, воплощенный в народной мудрости «лежачего не бьют» и означавший милость к поверженному врагу...

Примечания

- ¹ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 288.
- ² Harriman W.A. Stalin at War // *Stalinism. Its Impact on Russia and the World*. London, 1982. P. 40–41.
- ³ Вишневский В. В пути из Москвы // *От Советского Информбюро...* Т. 1. 1941–1942. М., 1982. С. 23–24.
- ⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 119.
- ⁵ *От Советского Информбюро... 1941–1945. Публикации и очерки военных лет.* Изд. 2-ое. М., 1984. Т. 2. С. 470.
- ⁶ Фрезинский Б.Я. Власть и деятели советской культуры – Проблема адекватного анализа (Илья Эренбург в реальности и в новой книге о тайной сталинской политике) // *Исторические записки.* № 5 (123). М., 2002. С. 300.
- ⁷ Бурцев М.И. *Прозрение.* М., 1981. С. 26.
- ⁸ Там же. С. 70.
- ⁹ Голубев А.В. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // *Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы.* М., 2005. С. 152.
- ¹⁰ Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // *Вопросы истории.* 2006. № 11. С. 92.
- ¹¹ Советская пропаганда... С. 297–300.
- ¹² Там же. С. 301–304.
- ¹³ Там же. С. 304.
- ¹⁴ Эренбург И. В первый день // *От Советского Информбюро...* Т. 1. С. 22.

- ¹⁵ Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 219.
- ¹⁶ Там же. С. 220.
- ¹⁷ Центральный архив Министерства обороны (Далее: ЦАМО). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 214.
- ¹⁸ *Суржик Д.В.* Пришел, увидел, убедил... (Из истории спецпропаганды) // Памятные страницы истории. 1941–1945. М., 2009. С. 263.
- ¹⁹ Советская пропаганда... С. 304.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 95. Л. 207, 210, 211.
- ²¹ *Эренбург И.* В первый день... С. 22.
- ²² Славянские народы в борьбе с фашизмом. Казань, 1941. С. 13, 9, 10.
- ²³ *Георги Димитров.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 464; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 69–70.
- ²⁴ Советская пропаганда... С. 329.
- ²⁵ *Руколь Б.М.* Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве // Славянский вопрос. Вехи истории. М., 1997. С. 206.
- ²⁶ *Эренбург И.* Война. Апрель 1942 – март 1943. М., 2003. С. 60–61.
- ²⁷ Вторая мировая война. Дискуссии, Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 425–426.
- ²⁸ Цит. по: Романенко С.А. Югославия: История возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 2000. С. 365–366.
- ²⁹ Там же. С. 369.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32288. Д. 16. Л. 22.
- ³¹ Там же. Д. 12. Л. 188–189.
- ³² *Тимофеев А.* Опыт взаимовосприятия: красноармейцы и население Сербии (в печати).
- ³³ Там же; *Слуцкий Б.* Записки о войне // О друзьях и о себе. М., 2005. С. 74–75.
- ³⁴ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32283. Д. 12. Л. 403–419.
- ³⁵ Там же. Оп. 32288. Д. 16. Л. 25.
- ³⁶ Там же. Д. 12. Л. 196.
- ³⁷ Цит. по: *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 75.
- ³⁸ Советская пропаганда... Иллюстративный вкладыш после с. 416.
- ³⁹ Там же. С. 414.
- ⁴⁰ *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 100.
- ⁴¹ *Покивайлова Т.А.* Румынская армия в Крыму в годы Второй мировой войны (морально-психологический аспект) // Comisia bilaterală a istoricilor din România și Federația Rușă. Sesiunea a IX-a. Constanța, octombrie 2004: P. 181.
- ⁴² Религиозные организации в СССР: Накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. 1938–1943 / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 65–67.

- ⁴³ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 126; Суржик Д.В. Указ. соч. С. 271.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 134100. Д. 35. Л. 21–22.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 100198. Д. 1. Л. 77.
- ⁴⁶ Там же. Л. 66–67, 81.
- ⁴⁷ Там же. Л. 76.
- ⁴⁸ Советская пропаганда... С. 710.
- ⁴⁹ Там же. С. 715.
- ⁵⁰ Там же. С. 716.
- ⁵¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 191–192.
- ⁵² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Том 1. 1944–1948. М., 1997. С. 120.
- ⁵³ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 9 (сентябрь). С. 3–4.
- ⁵⁴ Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945 (Из архива Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 111–113.
- ⁵⁵ Суржик Д.В. Указ. соч. С. 270.
- ⁵⁶ Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София 1999. С. 178.
- ⁵⁷ Там же. С. 173.
- ⁵⁸ Там же. С. 181–183.
- ⁵⁹ Обращение командования Красной Армии к болгарскому народу при вступлении в Болгарию. 8 сентября 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Том 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976. С. 608.
- ⁶⁰ Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. М., 2002. С. 395–396.
- ⁶¹ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 219–220; Д. 53. Л. 104.
- ⁶² Там же. Д. 53. Л. 104.
- ⁶³ Там же. Д. 61. Л. 219–220.
- ⁶⁴ От Волга до Балкана. София, 1977. С. 72–73; Здравей, България! Спомени на съветски маршали, генерали и офицери за освобождението на България и бойната дружба през Отечествената война 1944–1945 г. София, 1986. С. 21.
- ⁶⁵ Пиастро Г. Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-ий Украинский фронт, сентябрь 1944 – май 1945 г. // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 31.
- ⁶⁶ Цит. по: Чавдарова В. Търсим те, Альоша! София, 1981. С. 48.
- ⁶⁷ Подробнее о замысле советской наступательной операции в Болгарии см.: Волокитина Т.В. Операции Красной Армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // Comisia bilaterală a istoricilor din România și Federația Rușă... P. 225–240.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 231. Л. 109–109об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 114.

- ⁷⁰ Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 119, 188.
- ⁷¹ Там же. Д. 132. Л. 109–110; Ф. 372. Оп. 6507. Д. 8. Л. 246.
- ⁷² Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 234; Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 32.
- ⁷³ Димо Казасов. Пресживелици. София, 1970. С. 197, 198–200.
- ⁷⁴ От Волга до Балкана... С. 274.
- ⁷⁵ Даскалов Румен. От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София, 2009. С. 111.
- ⁷⁶ Георги Марков. Задочни репортажи за България. София, 1990. С. 54–55, 321.
- ⁷⁷ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 112.
- ⁷⁸ Българо-съветски политически и военни отношения... С. 221.
- ⁷⁹ Там же. С. 217.
- ⁸⁰ Куренная Н.М. «Книжные новости» как индикатор государственной политики (Формирование круга чтения советских людей) // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М., 2008. С. 737, 743, 744, 746.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 159. Л. 40–40об.
- ⁸² Там же. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 770. Л. 45–46, 49–50; Оп. 2914. Д. 53. Л. 96; Д. 119. Л. 7.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 69.
- ⁸⁴ От Волга до Балкана... С. 705.
- ⁸⁵ Там же. С. 702.
- ⁸⁶ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 295, 296.
- ⁸⁷ Там же. Д. 226. Л. 112.
- ⁸⁸ Там же. Д. 119. Л. 14.
- ⁸⁹ Там же. Д. 53. Л. 122.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 49.

В. Мигев

(Институт истории БАН)

Советский Союз глазами болгарской общественности (1930-е гг. – 1989 г.)*

Представления о советской стране начали формироваться в болгарских общественных кругах еще в межвоенный период – в 20-е и особенно 30-е годы XX века. Острые экономические проблемы и значительная бедность населения обусловили распространение массовых левацких настроений, особенно среди молодого поколения, возникновение негативного отношения к общественно-политической системе Болгарии. На этой основе и сложилось представление о советском обществе как антиподе болгарского. Возник миф о счастливой жизни советских людей, освобожденных от капиталистической эксплуатации и наделенных прекрасными перспективами развития. Многие молодые болгары безоговорочно верили в этот миф. Иллюзорный образ подпитывался и советской художественной литературой, легально печатавшейся в коммунистических издательствах, такой, как романы «Мужество» Веры Кетлинской, «Цемент» Федора Гладкова, «Время, вперед!» Валентина Катаева и пр.

Свою лепту в формирование указанного мифа внесли и болгарские авторы, посетившие СССР или жившие в советской стране: профессор Асен Златаров – своей книгой «В стране Советов», писатель Кростю Белев – художественными очерками «Солнечные берега» и «Счастливая земля». Болгарский дипломат профессор Димитр Михалчев после двухлетнего пребывания в Москве опубликовал в журнале «Философски преглед» несколько статей о жизни в Советском Союзе, насыщенных положительными характеристиками.

Со второй половины 30-х гг. в Болгарии начали демонстрироваться советские кинофильмы, в которых современность представляла в приукрашенном, триумфалистском и даже в несколько рекламном виде, – «Пу-

* Перевела Т.В. Волокитина

тевка в жизнь» Николая Экка, «Богатая невеста»^{*} и «Трактористы» Ивана Пырьева, «Веселые ребята», «Волга-Волга» и «Светлый путь» Григория Александрова, «Семеро смелых» Сергея Герасимова и др.

На страницах «левых» газет, особенно в «Заре», часто помещались фотоматериалы, отражавшие жизнь советской страны: например, снимки со строительства «Днепрогэса» или канала Москва-Волга, встречи Максима Горького с трудящимися, известная фотография И.В. Сталина с молодой таджикской сборщицей хлопка Мамлакат^{**}, фотопортреты знатных людей – трактористки Паши Ангелиной, шахтера Алексея Стаханова и др.

Однако сложившиеся представления начали несколько меняться при непосредственных контактах населения с проходившими через Болгарию советскими частями в сентябре-октябре 1944 г. На болгар сильное негативное впечатление производили неаккуратный внешний вид солдат, отсутствие должной гигиены, вплоть до случаев педикулеза, пьянство, воровство и произвольные реквизиции, изъятие мелких товаров из магазинов, отказ расплачиваться в заведениях общественного питания и т. п. Разумеется, имели место и сердечные встречи советских воинов населением, проявления искреннего гостеприимства, дружеские застолья и др. Однако все это не могло компенсировать проявления сильного разочарования части болгарского общества от контактов с освободителями.

Вышеописанные явления нетрудно объяснить. Большие трех лет советский солдат провел в землянках и окопах, с боями прошел по опустошенной территории, через сожженные села и разрушенные города России, Украины, Молдавии и Румынии и вдруг оказался в мирной, красивой стране с цветущими селами, изобиловавшими овощами и фруктами, с уютными небольшими городками, окруженными садами и виноградниками... Все это походило на оазис среди бесплодной пустыни и, естественно, вызывало раздражение: «В то время как наши жены и дети голодают, живут в землянках, не имея самого необходимого, здесь как будто и нет войны,

^{*} В Болгарии фильм демонстрировался под названием «Украинская рапсодия».

^{**} В действительности на фото, сделанном на приеме в Кремле зимой 1936 г., была запечатлена Геля (Энгельсина) Маркизова, дочь наркома земледелия Бурятии, репрессированного в 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии и троцкизме. Когда это обстоятельство стало известно в «верхах», то было решено впредь именовать девочку на фотографии Мамлакат. Так звали юную сборщицу хлопка, награжденную орденом Ленина (Прим. переводчика).

жизнь течет мирно и счастливо». Конечно, в действительности дело обстояло иначе, но именно так болгарская реальность представлялась простому советскому солдату.

Первоначальные негативные представления болгарского населения до известной степени изменились на протяжении двух-трехлетнего пребывания советских частей в стране. Этому способствовали многочисленные встречи офицеров и военнослужащих с болгарской общественностью, активная помощь красноармейцев в сельскохозяйственных работах, концерты армейской самодеятельности, бесплатный показ фильмов населению с помощью армейских кинопередвижек и др. Значительно сократились и отрицательные явления предыдущего периода, хотя они и не были полностью изжиты. Но на болгар сильное впечатление производили строгость и решительность советских военных комендатур, принимавших оперативные меры во всех случаях нарушения воинской дисциплины и недостойного поведения военнослужащих по отношению к местному населению.

Утверждение сталинской модели социализма в Болгарии на протяжении 1948–1953 гг., а в некоторых сферах общественной жизни и раньше – в 1945–1947 гг., усилило инициировавшееся властью стремление усвоить советский опыт и практику. Десятки делегаций сотрудников высших государственных органов посетили СССР. Неуклонно росло число болгарских студентов, обучавшихся в советских вузах, слушателями советских военных академий становились многие болгарские офицеры, все больше и больше научных работников, литераторов, деятелей искусства приезжали в советскую страну.

Для всех этих категорий болгар, посетивших или некоторое время проживавших в СССР, были характерны некоторые общие черты: прежде всего их знакомили с жизнью Москвы, Ленинграда и Киева. Посещения других мест строго регламентировались, ограничиваясь, как правило, передовыми предприятиями, колхозами и учебными заведениями, в которых обязательно проводилась предварительная подготовка, чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями. Следует учитывать, что три крупнейших города СССР в то время имели возможность посетить далеко не все рядовые советские граждане. Для них оставались недоступными прекрасные столичные магазины с изобилием продуктов и товаров по низким ценам. Понятно, что у болгарских гостей создавалось весьма одностороннее представление о жизни в СССР. Конечно, это положение не следует абсолютизировать: приезжие иностранцы наблюдали и другие картины советской повседневности, но знакомство с ней ограничивалось хозяевами.

Вместе с тем в Болгарии в качестве советников при правительстве и отдельных министерствах работала группа советских специалистов высокого ранга – Ступов, Кучеренко, Кузнецов и другие. Их компетентность, самоотдача, упорство и трудолюбие производили прекрасное впечатление не только в центральных ведомствах, но и на периферии, куда они постоянно выезжали для встреч и консультаций с местными руководителями. Нередко допущенные ошибки или имевшиеся недочеты быстро устранялись благодаря их личному оперативному вмешательству. С большой пользой работали в Болгарии и многочисленные рядовые советские специалисты и ученые. Особенно велик был их вклад в строительство химкомбината в Димитровграде, содового завода в Девне; с помощью советников и специалистов из СССР были заложены основы болгарского кораблестроения и гражданской авиации, создавались металлургический завод в Пернике, медеплавильный комбинат в окрестностях Пирдопа, а в начале 60-х гг. и «Кремиковцы», горнообогатительный комплекс по добыче и переработке руд цветных металлов в Восточных Родопах, урановые рудники на западных отрогах Стара Планины и пр.

Работа бок о бок и ежедневные контакты с советскими специалистами нередко на долгие годы оставались в памяти болгарских тружеников. Тем более запоминались яркие, подчас драматические эпизоды. Так, в 1951 г. при строительстве большого тоннеля «Гъльбец» на Подбалканской железнодорожной ветке произошло смещение породы, грозившее обвалом и разрушением тоннеля. Создалась угроза строительству всей магистрали. Прибывший советский специалист инженер Петр Глебов, действуя мужественно и бесстрашно, с риском для жизни, быстро и умело организовал работу по укреплению сводов тоннеля и предотвратил катастрофу.

Не буду останавливаться на деятельности советских советников в системе Государственной безопасности, так как их деятельность была засекреченной и доступ к этой информации имели лишь отдельные сотрудники Министерства внутренних дел.

Что касается большой группы советских военных советников в Болгарской армии, действовавших с конца 1940-х и в первой половине 1950-х гг., то их влияние на формирование имиджа СССР было весьма показательно. С одной стороны, несомненные их заслуги в повышении боеспособности и совершенствовании военного искусства болгарских вооруженных сил. Но вместе с тем в их среде проявлялась тенденция «командовать» болгарскими военными, не была редкостью и грубая манера обращения с «подчиненными». Причины этого очевидны. Во второй половине 40-х гг. в болгарской армии прошли масштабные чист-

ки, из ее рядов была удалена большая часть старых офицеров, имевших хорошую военную подготовку и с честью прошедших испытания в боях осенью 1944 – весной 1945 г. Ныне командование полками и батальонами приняли на себя новоиспеченные офицеры, преимущественно из числа молодых, слабо подготовленных, а подчас и вообще неграмотных в военном отношении, но зато политически подходящих лиц. Их профессиональная беспомощность возмущала советских советников, чем и объяснялось поведение последних.

В период «чистого сталинизма» (1948–1953 гг.) и несколько позднее ограниченные международные связи и закрытость СССР для иностранцев до известной степени способствовали живучести красивых иллюзий о жизни в советской стране. Наряду с многочисленными статьями в болгарской периодической печати и рекламно-пропагандистской односторонней информацией, эти иллюзии подкрепляла советская художественная литература, широко распространявшаяся среди болгарского читателя. Последний черпал сведения о жизни советских людей из романов Василия Ажаева («Далеко от Москвы»), Семена Бабаевского («Кавалер Золотой Звезды»), Галины Николаевой («Жатва») и др. Впоследствии по этим произведениям были сняты кинокартины. Мы вспомнили о литературе сравнительно высокого художественного уровня, хотя болгарскому читателю предлагались десятки произведений и иного качества. Источниками информации и эмоционального воздействия были и кинофильмы того времени – «Весна» Григория Александрова, «Сказания о земле Сибирской» и «Кубанские казаки» Ивана Пырьева, «Поезд идет на Восток» Юлия Райзмана, как и снятые позднее «Щедрое лето» и «Свадьба с приданым». Не отличаясь особыми художественными достоинствами, эти фильмы, однако, стали популярными благодаря прекрасной музыке Исаака Дунаевского, Тихона Хренникова, Бориса Мокроусова и др.

Приезжавшие в то время в СССР болгарские писатели, деятели искусства, ученые сталкивались с явлениями, противоречившими их сложившимся представлениям. Нередко окольными путями они узнавали, что для встреч с ними их советским коллегам следовало получить предварительное разрешение «инстанций». Болгарский ученый не мог по своей инициативе явиться в советский научный институт и встретиться с интересующим его коллегой. Такой визит следовало предварительно согласовать с Международным отделом АН СССР или с другой аналогичной структурой. Болгарского ученого встречали и сопровождали до места условленной встречи. То же самое было и в учебных заведениях: нередко гостю приходилось долго ждать в бюро пропусков, пока его не встретит

сопровождающий. Такой порядок сохранялся кое-где еще и в 70-е годы. Правда, такие бюрократические барьеры не мешали традиционному русскому гостеприимству: гостя после встречи обычно ждал накрытый стол и угощение. Все это свидетельствовало, что советское общество было более дисциплинированным и закрытым, чем отличалось от болгарского.

Первый более массовый контакт болгар с СССР был связан с отправкой в 1957 г. болгарской молодежи на советские стройки. Десять тысяч человек приехали в Советский Союз, в том числе и в некоторые отдаленные районы – Узбекистан, Казахстан, Азербайджан и др. Впоследствии, в 60-е и 70-е годы, число болгарских рабочих в СССР значительно увеличилось и в отдельные периоды достигало нескольких десятков тысяч. Они трудились на Курской магнитной аномалии, на строительстве нефтепровода «Дружба», газопровода Уренгой – Западная граница, строили жилье в ряде городов и пр. Перед отправкой в Советский Союз болгары проходили обстоятельный инструктаж, важным моментом в котором было категорическое требование избегать каких-либо публичных комментариев о замеченных негативных явлениях в СССР.

При характеристике советской действительности следует, исходя из задач, которые поставил перед собой автор, сделать несколько оговорок. При написании статьи мы привлекли, главным образом, нарративные источники, опубликованные и неопубликованные воспоминания, документальные материалы, использование которых носит в значительной степени случайный характер. Ясно, что при таком подходе неизбежен субъективизм трактовки тех или иных событий и явлений. Кроме того, при хронологическом охвате в 40–45 лет невозможно даже схематически отразить главные моменты развития советской страны; в частности, не отражено значительное повышение жизненного уровня населения в 70-е годы.

Каковы же были самые общие впечатления болгар от увиденного в СССР? В целом констатировалось, что за исключением более крупных городов, республик Прибалтики и Западной Украины качество жизни было более низким, а в некоторых отношениях значительно более низким, нежели в Болгарии, и это сразу бросалось в глаза: плохо оформленные витрины и недостаточный ассортимент товаров в магазинах, огромные очереди покупателей в ожидании продуктов и товаров подчас даже первой необходимости. Вызывало удивление невероятное терпение советских людей, часами стоявших в очередях, как и скопления молодых людей перед престижными ресторанами в выходные дни, в том числе в Москве и Ленинграде. Болгарские гости испытывали неимоверное смущение, когда сопровождавшие их хозяева каким-то образом улаживали вопрос и на глазах томившейся в ожидании очереди приглашали гостей в зал.

На втором месте значилась нерешенная жилищная проблема – многие семьи теснились в одной комнате, еще в 70-е годы даже в Москве, несмотря на гигантский размах жилищного строительства, существовали знаменитые «коммуналки». Изумленному взору болгарина представляла своеобразная жилищная «биржа» в одном из парков большого города, где встречались и прохаживались сотни людей с табличками на груди «Меняю комнату». Бывая же (теперь уже свободно) в домах своих коллег, болгарские гости отмечали, что квартиры хозяев не превышали 35–50 кв. метров, то есть были значительно меньше средней по размерам городской квартиры в обычном панельном доме в Болгарии. Естественно, были и исключения: такие деятели культуры, как Александр Твардовский, Константин Симонов или Алексей Сурков, принимали своих друзей – болгарских писателей в собственных огромных роскошных апартаментах.

Болгарские специалисты и рабочие отмечали значительную разницу в заработной плате тружеников народного хозяйства. Если в Болгарии соотношение в заработной плате рабочего и директора или главного специалиста предприятия составляло 1 к 2 или максимум 1 к 3, то в Советском Союзе оно равнялось 1 к 10 или даже 1 к 12. В научной сфере занимавший административный пост болгарский ученый получал надбавку к зарплате в размере 0,2–0,4 оклада, в то время как в СССР зарплата заведующего кафедрой в вузе или сектором в академическом институте в 5–6 раз превосходила минимальную заработную плату рядового научного сотрудника. Еще разительнее была разница в оплате директора, декана и пр.

Но вместе с тем очень хорошее впечатление производила на болгарских специалистов организация производственного процесса на предприятиях, позволявшая дифференцировать оплату труда в зависимости от личного вклада рабочего и специалиста. В ряде отраслей болгарской экономики, например в строительстве, еще существовала вредная уравниловка: работай или не работай, все равно зарплата в 100–150 левов гарантирована.

Негативно воспринимался сравнительно высокий уровень преступности в советских городах. В 50-е годы на некоторых московских вокзалах изумленные пассажиры-иностранцы слышали доносившиеся из громкоговорителей призывы к бдительности: «Граждане, берегитесь карманных воров!» Болгарских рабочих-строителей в одном из крупных городов Сибири – Тюмени предупреждали, что с наступлением темноты не следует выходить из общежития. В свою очередь, советские гости в Болгарии удивлялись, что их болгарские коллеги спокойно возвращались домой в темное время суток после посещения какого-либо мероприятия или ресторана, не опасаясь неприятных встреч.

В то же время болгары отмечали и ряд преимуществ: символические размеры оплаты за квартиру, электроэнергию и отопление, за детские сады и путевки в санатории и дома отдыха. В разы дешевле обходились советским людям дорожные и транспортные расходы, хорошо действовала коммунальная сфера: если в болгарских городах снег не убирался в течение нескольких дней, улицы превращались в каток, а люди получали тяжелые травмы, то в советских городах выпавший с вечера снег к утру уже исчезал с тротуаров.

Впечатляло количество предприятий бытовых услуг, по крайней мере, в крупных городах, хорошее качество и сроки выполнения предоставлявшихся населению бытовых услуг, их невысокая стоимость. Гораздо дешевле обходилось в СССР посещение ресторана, не говоря уже о более скромных заведениях «общепита». Если простой обед без спиртных напитков в болгарском ресторане стоил не менее 5–6 левов, то в советском – от полутора до двух рублей.

Значительно дешевле были и цены на некоторые товары. Поэтому своеобразную картину являли собой возвращавшиеся в Болгарию «Поезда дружбы», курсировавшие по традиционному маршруту Москва – Ленинград – Киев: пассажиры с большими чемоданами, обвешанные тюками, мешками, пакетами. Советские граждане с усмешкой наблюдали за суетившимися на перроне «туристами». Впрочем, когда в 60–80-е годы Болгарию начали массово посещать многочисленные, по 30–40 человек, группы из советской провинции, реакция болгар на их поведение была аналогичной: веселую насмешку вызывали советские туристы, буквально сметавшие с болгарских прилавков залежалый и посему уцененный товар – белье, хлопчатобумажный трикотаж, обувь, полотенца, банные принадлежности и пр., – которые не могли заинтересовать болгарского покупателя.

Интересные тенденции проявились и в активно развивавшихся культурных связях. Как правило, в Болгарию приезжали лучшие представители искусства и литературы. Встречи с ними проходили исключительно сердечно, завязывались личные знакомства. Считалось честью пригласить советского гостя за город, на дачу, повезти на экскурсию на собственной автомашине, организовать частным путем отдых на Черноморском побережье и пр. Вполне понятно, что советским писателям льстило хорошее знание их произведений болгарскими читателями. Это часто проявлялось во время творческих встреч, когда, например, стихотворения советского поэта звучали на чистом русском языке, причем происходило это естественно, а не было предварительной «заготовкой» организаторов встречи. В 1970-е годы болгары познакомились с произведениями популярных советских писателей – Валентина Распутина, Юрия Бондарева, Григория Бакланова и др., в которых проявлялись

новые литературные тенденции, отличные от традиционных штампов социалистического реализма.

Сложнее обстояло дело с кинопродукцией. В 1950-е годы в болгарский кинопрокат, наряду с шедеврами, пускались посредственные фильмы, что создало у кинозрителя негативное отношение к советскому кино. Начиная с 1960-х годов, отбор стал более строгим, ряд кинофильмов получили высокую оценку публики, но полностью негативное отношение преодолено не было.

С конца 1970-х годов возникла новая критическая волна в советской драматургии. Большую популярность приобрели пьесы Александра Гельмана «Премия» («Протокол одного заседания»), «Обратная связь» и «Мы, нижеподписавшиеся...», которые были затем экранизированы. Если прежде отрицательным героем в советской пьесе обязательно был бюрократ или консерватор, мешавший прогрессивному развитию, то указанные произведения наводили на мысль, что корни негативных явлений кроются в самой системе.

Перелом в оценке советского общества наступил с началом горбачевской «перестройки» весной 1985 г. Раскрепощение советских средств массовой информации вызвало бурю интереса к ним в Болгарии. В 1986–1989 гг. число подписчиков на такие издания, как «Огонек», «Аргументы и факты», «Московские новости», увеличилось в 3–5 раз.

Резко возрос интерес и к другим изданиям – «Новое время», «Советская культура», «Комсомольская правда», к «толстым» журналам – «Знамя», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Нева» и др. Отдельные статьи из них копировались и читались повсюду и в любое время. С восхищением воспринимались выступления известных публицистов академика Андрея Сахарова, Гавриила Попова, Анатолия Стреляного, Федора Бурлацкого, Юрия Афанасьева, братьев Роя и Жореса Медведевых, Виталия Коротича, Аркадия Ваксберга и др.

Процессы в СССР в годы «перестройки», новое мышление, выступления против партийной бюрократии и закоренелости КПСС и комсомола сильно повлияли на болгарское общество, сформировали исключительно положительное мнение о советской интеллигенции. Все это оказывало непосредственное воздействие на начавшиеся и в Болгарии процессы. Но вместе с тем многие болгарские интеллектуалы саркастически и с насмешкой относились к процессу «обновления» в собственной стране и к болгарским «диссидентам», в частности. Насмешку вызывали сравнения болгарских реалий с тем «гигантским и величественным» процессом, который развертывался в СССР. Но после 10 ноября 1989 г. началась критическая переоценка советской «перестройки» в связи с ее ограниченностью и бессилием.

* * *

В заключение следует отметить, что в Болгарии оценки советского общества и проходивших в нем процессов отличались разносторонностью и противоречивым характером. Разумеется, мнения менялись, но некоторые общие характеристики сохранялись на протяжении всего исследуемого периода. Одной из наиболее важных черт являлась любовь к русским, переносившаяся на всех советских граждан. Даже и сегодня, в новых условиях, при кардинально изменившейся обстановке русские, приезжающие в Болгарию не могут не почувствовать сердечности и теплоты, с которыми их встречают большинство болгар.

С. Миланова
(Институт истории БАН)

Деформация представлений о болгаро-советской дружбе в годы социализма*

О болгаро-советской дружбе в научной литературе обеих стран написаны тысячи страниц, ей посвящены высказывания и речи политиков, общественных деятелей и дипломатов, многочисленные материалы средств массовой информации, произведения писателей. В значительной части публикаций до 1989 г. преобладали конъюнктурные и схематичные трактовки и публицистические интерпретации, в которых двусторонние связи представляли в неестественных масштабах, реальность искажалась и приобретала иллюзорность политического мифа. Гораздо скромнее в научной литературе были представлены исследования, объяснявшие болгаро-советские отношения с научных позиций, при использовании объективных критериев оценки, однако в последнее десятилетие число таких работ неуклонно увеличивалось. Для непредубежденного анализа значение имеет избранный автором подход к пониманию болгаро-советской дружбы. Мой исследовательский опыт свидетельствует, что понятие «дружба» имеет многообразные толкования, в ряду которых, однако, отсутствует ее определение как политической тактики. Настоящая статья отражает аргументацию в поддержку данного определения, поскольку тактика в коммунистическом движении играет огромную роль. По существу она представляет собой способ политического лавирования, когда идеологическая установка, даваемая целенаправленными высказываниями, влечет за собой и определенные действия. Поэтому важно проследить, что, когда и при каких обстоятельствах говорили о болгаро-советской дружбе лидеры БКП.

Исходная позиция данного тезиса заключается в объяснении, как позиционировалась Болгария осенью 1944 г. Участие в Тройственном пакте привело ее на скамью подсудимых за военные преступления против человечества и изменило историческую судьбу страны. К началу сентября

* Перевела Т.В. Волокитина

1944 г. Болгария находилась в полной политической изоляции. Над ней нависла угроза третьей национальной катастрофы. Согласно достигнутым великими державами договоренностям Болгария перешла в советскую сферу влияния, а ее национальные интересы стали частью стратегии СССР. Новое внутривнутриполитическое и международное положение Болгарии отразилось на характере и перспективах межгосударственных отношений. Советский Союз начал играть важную роль в переговорах о перемирии, в защите болгарских интересов на международной арене и в подготовке мирного договора с Болгарией.

Для выяснения мотивов появления этого утверждения необходим ретроспективный взгляд. После Лейпцигского процесса Г. Димитров получил советское гражданство, что ускорило его экстрадицию из Германии и сделало возможным приезд в Москву. Здесь, как свидетельствует запись в личном дневнике, он чувствовал себя «как дома». Большой политический авторитет Димитрова оказался необходимым советской власти. Определяя рейтинг видных личностей в 1934 г., английская газета «Ивнинг стандарт» писала: «В Германии в этом году был один великий человек, но он – болгарин. В начале года Димитров закончил борьбу с ожесточившимися силами национал-социализма...». Этот материал был опубликован в советской «Правде», что указывало на внимание к нему, проявленное на государственном уровне¹. В первые годы пребывания в Москве Димитрова часто приглашали на различные мероприятия с участием советской руководящей элиты. В этом общении болгарский коммунист был полезен не только как известный международный деятель, но и как человек, хорошо знавший балканский регион. Для советской стороны, помимо дипломатической и разведывательной информации, важное значение имели сведения и о политической ориентации деятелей на местах, которые мог предоставить Димитров.

Восстановление болгаро-советских дипломатических отношений в 1934 г. отвечало интересам обеих сторон, несмотря на различия их внешнеполитических целей². В отношениях с Болгарией советское руководство сделало акцент на контактах в области культуры. Не случайно первый полномочный представитель в Софии Ф.Ф. Раскольников был не только политическим деятелем, но и творческой личностью с выраженными интересами в области искусства и культуры, писателем и драматургом. Он содействовал росту числа друзей СССР среди болгарской интеллигенции и в некоторых политических кругах. В это время формировалась предпосылка распространения советского влияния в разных популярных в болгарском обществе формах, были предприняты попытки заключения межгосударственных соглашений. Наконец, Димитров был не только

теоретиком и деятелем международного коммунистического движения, но и политической фигурой с немалым опытом практической работы; он имел возможность наблюдать советский аппарат управления «изнутри», усваивать тактику и приемы, за которыми стояли реализм оценок и идеологическая прямолинейность действий в соответствии с установками Сталина. Большевистский стратег с трудом допускал посторонних в свое узкое кремлевское окружение, но болгарин Димитров стал исключением. Хорошо понимая это, он отвечал преданностью и беспрекословным подчинением. На его поведение тяжким бременем ложилось то обстоятельство, что он находился среди правящей элиты огромной страны со своими экономическими, политическими и военными возможностями, превращавшими ее в мировую силу. Анализ геостратегического положения Болгарии и заявления В.М. Молотова в январе 1941 г. о включении страны в советскую сферу безопасности способствовали окончательной выработке позиции Димитрова: Советский Союз должен стать главным международным приоритетом для Болгарии, чтобы страна опиралась на его поддержку во внутренних и международных делах. Рассуждая таким образом, Димитров пришел к выводу о том, что болгаро-советская дружба должна превратиться в краеугольный камень всего «здания» болгарской политики.

В сентябре 1943 г. Г. Димитров подготовил материал о Болгарии и направил его в редакцию журнала «Война и рабочий класс». Статья называлась «Куда идет Болгария?» Через некоторое время Молотов сообщил Димитрову, что принято решение опубликовать статью в газете «Правда», «чтобы предать ее более широкой огласке»³. 16 сентября она появилась на страницах советского официоза. Что же привлекло к ней внимание советских руководителей? Прежде всего, предупреждение болгарским властям о катастрофических для страны последствиях, если Болгария не выйдет из Тройственного пакта. Этот факт многократно интерпретирован в историографии. Но не меньшее значение имели и другие положения статьи. В частности, Димитров четко обосновал тезис, что болгаро-советская дружба не должна исходить только из чувства признательности, близости славянских языков и культуры, исторических связей между обоими народами. Она должна основываться на глубоком понимании и твердом убеждении. Иными словами, Димитров сформулировал направления политической тактики, не имевшей аналога в истории болгарского государства. Эта тактика была оформлена пропагандистскими фразами, не ставившими под сомнение и целенаправленно возвышавшими роль Советского Союза как «нашего спасения», как «исторического пути» Болгарии «при любых условиях»,

«нашего счастливого будущего как нации». Несомненно, она содержала определенный позитивный потенциал с точки зрения конкретного момента и в определенных областях общественного развития. Однако следует отметить, что в ней имелись негативные установки, затрагивавшие суверенитет государства.

Государственная независимость суть политическая свобода страны, позволяющая ей проводить самостоятельную политику. Встает вопрос, существует ли вероятность для малых стран, таких как Болгария, располагать своими правами независимых государств? Ответ неоднозначен, так как в политике решающее значение имеет субъективный фактор. Именно он определяет приоритеты, хотя национальные интересы по определению не могут быть ступенью иерархической лестницы. Они всегда занимают ведущие позиции в конкретных странах, несмотря на отведенное последним место в установленных сферах влияния. Болгарская специфика заключалась в том, что политики всегда акцентировали родство с сильными державами, перед которыми всякими способами демонстрировали свою лояльность. Идеологическую верность или союзнические обязательства они возводили до уровня ведущего принципа в механизме управления. Г. Димитров не был исключением, но с оговоркой, что исследователь должен учитывать условия его пребывания и работы в Москве, как и состав его окружения. На основе архивных документов установлено, что Коминтерн действовал в тесном сотрудничестве с советскими разведывательными структурами. Обмен шифровками между Димитровым и Болгарской компартией осуществлялся через отделы НКВД⁴. В окружении Сталина выразить мало-мальское сомнение в словах «вождя», в действиях или поведении советского руководства являлось политическим риском, и функционер Коминтерна должен был сообразовываться с этими обстоятельствами. Мнительность советского лидера вызывала у Димитрова страх. Поэтому он требовал от Тр. Костова отказаться от обращений к нему, как к «великому», «гениальному»: «Как известно, у нас сейчас только один великий, гениальный вождь – это наш Сталин. Мы, все прочие коммунистические деятели, лишь его ученики, как и ученики гениального Ленина»⁵.

В непрерывном потоке писем, телеграмм, шифрограмм из Москвы Г. Димитров давал руководящим деятелям БРП(к) указания о политической тактике, которой они должны были следовать. 15 октября 1944 г. Димитров направил критические замечания по докладу Тр. Костова: «Недостатком в ответе на мое письмо, несомненно, является, что крайне слабо подчеркивается та огромная роль, которую сыграла самоотверженная борьба советского народа, его Красная Армия в деле освобождения

болгарского народа, как и других народов, от гнета немецко-фашистских захватчиков. Как известно, без побед Красной Армии и их влияния на Балканах и в Болгарии не была бы возможна победа Отечественного фронта девятого сентября. Недостатком также является тот факт, что умалчивается необходимость укрепления вечной дружбы с братским по истории, крови и языку русским народом»⁶. В замечаниях Димитрова на первый план выдвинута советская военная мощь и победы советского оружия, чтобы подчеркнуть их решающее значение для смены власти в стране. Факт этот он часто повторяет, чтобы напомнить о зависимости режима от советского политического и военного присутствия в Болгарии. Но подобный подход представляется односторонним.

При внимательном прочтении ответа Тр. Костова видно, что позиция автора аналогична димитровской, но при этом рассуждения строятся на более широкой основе, хотя и соотнесенной с местными условиями, предпринята попытка установить баланс, учесть влияние внутреннего и внешнего факторов. «Роль Красной Армии в успехе девятого сентября, – сообщал Костов, – мы не недооцениваем, хотя в ответе [на] твое письмо этот вопрос затрагивается только одной фразой. Также и вопрос о вечной дружбе с русским народом. В других документах, специально в моем докладе, эти вопросы довольно ярко выделены. В ответе мы по дипломатическим соображениям, сознательно пожирнее подчеркнули услуги Англии в борьбе против фашизма, именно поэтому раньше эти услуги были почти замолчаны и упоминание делалось только на Красную Армию. Наверно, перестарались в дипломатии, раз ты остался с впечатлением недооценки роли Красной Армии. В моем докладе сказано, что без побед Красной Армии девятого сентября был невозможен. Но мы хотели избежать впечатления, что все, что делается в Болгарии, есть дело Красной Армии. Поэтому жирно подчеркивали борьбу внутренних народных сил. Вопрос о дружбе с русским народом специально будем разрабатывать»^{*7}. Будучи ортодоксальным большевиком, Костов, тем не менее, пытался найти политическое равновесие между национальными возможностями и внешней поддержкой, проявлял качества не только политика, но и «государственника». Это было замечено советскими представителями в Болгарии и впоследствии растолковано как проявление недобронамеренности и враждебности к СССР.

* Цитируется по подлиннику письма на русском языке.

24 сентября 1944 г. Димитров направил в Болгарию указания, раскрывавшие его опасения в связи с действиями местных функционеров, наделенных властными полномочиями: «...Ответственность нашей партии перед народом и страной, а также и перед Советским Союзом, от военных успехов и от успеха внешней политики которого сильно зависит и нынешнее и будущее положение Болгарии и всех Балкан, исключительно велика. Мы должны выступать и действовать не как простые и безответственные провинциальные агитаторы, а как трезво и реально мыслящие большевистские политические деятели и руководители»⁸. Однако, несмотря на предупреждения, революционное насилие, беззакония и самосуд, в которых участвовали и члены партии, приобрели массовый характер. Не случайным явилось и принятие IV-го постановления Совета министров от 23 ноября 1944 г. **.

В связи с постановлением, а также и с другими проявлениями внутриполитической нестабильности Димитров в письме от 13 декабря советовал: «Разумеется, мы должны использовать последние события, чтобы укрепить свои позиции в армии, в государственном аппарате и в стране, но это надо делать умно, тактично, не забывать, что мы далеко еще не так сильны, чтобы могли быть единственным и решающим фактором в стране и диктовать нашу волю союзникам. Мы не должны забывать, что если наши противники отступают, то большую долю этого надо отнести за счет наличия Красной Армии в стране. Иначе мы имели бы уже гражданскую войну. По-моему, у нас проявляется некоторое увлечение, имеется переоценка наших сил и недооценка сил наших противников, внутренних и внешних»⁹. Вновь говорится о роли Красной Армии, но в данном контексте заключение Димитрова ошибочно: в Болгарии не было условий для гражданской войны, болгарское общество оказалось парализованным ничем не спровоцированными проявлениями насилия. Исторический

** Указанное постановление явилось ответом болгарского военного командования на массовые чистки офицерского состава. Согласно постановлению, военнослужащие, совершившие политические преступления перед народом, но участвовавшие в войне против фашистской Германии, подлежали амнистии, а обстоятельства, в которых они действовали, считались смягчавшими их вину. Изданный на основании постановления секретный приказ военного министра Д. Велчева по армии предоставлял офицерам право на вооруженное сопротивление при попытках их ареста (Прим. перев.).

опыт показывает, что иностранная военная сила не может быть гарантом внутренней стабильности, поскольку ее функции скорее оккупационные, нежели дружественные.

Для Великобритании советское присутствие в Болгарии (представители в Союзной контрольной комиссии, дислокация воинских частей на болгарской территории), как и оперативное подчинение болгарской армии советскому командованию не имели особого значения. Британского премьер-министра волновало не посягательство советской стороны на болгарский суверенитет и превращение Болгарии в советский протекторат, а то, не нанесет ли создавшееся положение вреда Греции. У. Черчилль откровенно писал, что «никогда не чувствовал наши отношения с Румынией и Болгарией в прошлом настолько близкими, чтобы приносить ради них с нашей стороны какие-то особые жертвы. Но судьба Польши и Греции действительно нас волновала. Ради Польши мы вступили в войну, ради Греции принесли много жертв. Правительства обеих стран нашли прибежище в Лондоне, и мы считали себя ответственными за их возвращение к власти в собственных странах, если, разумеется, таковым было бы желание их народов»¹⁰.

Официально Москва не вкладывала в формулировку «дружественный режим» задачу установления советской формы власти в Болгарии, поскольку понимала, что в Центральной и Юго-Восточной Европе отсутствовали для этого необходимые внутренние условия, да и международная обстановка не допускала спешки в этом плане. «Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе», — заявил Сталин Черчиллю в октябре 1944 г.¹¹, и в тот момент это было правильным решением. Однако Советский Союз не намеревался отказываться от своих стратегических планов. Скорее, он временно отложил их осуществление, не обозначив четких хронологических рамок перехода. Исходя из политико-прагматических соображений и оценки потребностей момента, Сталин отказался от некоторых теоретических марксистских принципов, от революционного опыта советской власти. Алгоритм советской политики в послевоенном мире был ясен еще в 1945 г., и общие международные договоренности никак не отражались на ней. Поэтому Сталин на конференции в Ялте без колебаний подписал «Декларацию об освобожденной Европе».

После передела европейского континента СССР выражал свое отношение к Болгарии с позиций великодержавного гегемонизма. И без того трудное положение страны как германского союзника осложнялось постоянным вмешательством Сталина во внутренние дела. При этом вмешательство не всегда было негативным. Особенно это касалось претензий западного мира и некоторых соседних стран к Болгарии. Особую остроту

приобрел вопрос о территориальной целостности Болгарии. Воспоминания о Нейи * были еще слишком свежи, чтобы их могли забыть политики. Намерения Греции и Югославии были особенно наступательными. И если проанализировать известные слова Димитрова о болгаро-советской дружбе в этом ракурсе, то они получают иной нюанс. В них видится не буквальное воспроизведение установок партийной пропаганды, а хорошо продуманный политический ход, тактика, которая приобретает первостепенное значение во внешнеполитическом аспекте.

Советско-болгарские отношения, превратившись в приоритет для власти, стали регламентироваться, а их развитие целенаправленно оформляться в соответствии с политическими реалиями. На институциональном уровне болгаро-советская дружба представляла собой партийно-пропагандистский продукт, с помощью которого правящая партия пыталась достичь внешнего результата, но в интересах внутреннего развития. Именно поэтому официальная популяризация болгаро-советской дружбы преследовала цель использования последней как политической тактики.

3 ноября 1947 г. Г. Димитров внес поправки в полученный от Тр. Костова проект приветствия Сталину по случаю 30-ой годовщины Октябрьской революции, который в окончательном виде выглядел следующим образом: «Болгарский народ, 30 лет назад с радостью приветствовавший Октябрьскую социалистическую революцию, сегодня сильнее, чем когда-либо, чувствует, что его судьба самым тесным образом связана с судьбой великого братского Советского Союза. Без Советского Союза болгарский народ и по сей час находился бы в тисках немецких империалистов и их агентов – болгарских фашистов. Без поддержки Советского Союза на Мирной конференции Болгария была бы расчленена и попала бы в лапы других, не менее агрессивных империалистов. Без помощи советского народа болгарский народ умирал бы от голода в трудные послевоенные годы засухи, его хозяйство пришло бы в состояние полной разрухи. Без Советского Союза не стали бы свободными и независимыми народы Юго-Восточной Европы»¹². Данная цитата отражает определенную степень деформации представлений о болгаро-советских отношениях. Восприня-

* Имеется в виду подписанный в парижском предместье Нейи-сюр-Сен 27 ноября 1919 г. мирный договор между державами Антанты и Болгарией, подведший для последней итог Первой мировой войны. Побежденная Болгария была вынуждена подписать «мир-диктат», лишивший ее части территории, в том числе выхода к Эгейскому морю, и определивший тяжелые репарационные обязательства, обременительные поставки, ограничение вооруженных сил (Прим. перев.).

тая в тактических целях болгарская преданность достигла крайностей субординации. Иными словами, основой отношений стал принцип полного политического согласия с советской властью как гарантом независимости Болгарии. Мнение Сталина приобрело аксиоматический характер. Это мнение подчиняло большевистской доктрине политическое мышление руководства БКП. Сталинские указания превратились в руководство к действию в национальной политике. Болгарские коммунисты проявили быструю приспособляемость ко взглядам Кремля. Их идеологическая верность оказалась более определенной, чем геополитическая зависимость. Последняя проявляется во внешнеполитической сфере не так явно, как раболепие в сфере внутривластной.

Вместе с тем имели место и отдельные попытки несогласия с беспрекословным подчинением, хотя любое проявление независимой позиции, обусловленной национальными интересами, советская сторона оценивала как акт враждебности. В этом, в частности, заключалась одна из причин настойчивого требования Москвы сменить на посту министра иностранных дел опытного политика и дипломата профессора П. Стайнова. Поддержав демократические взгляды Н. Петкова, Стайнов рекомендовал правительству учитывать справедливые требования «земледельцев» и социал-демократов, составивших оппозицию Отечественному фронту. С присущим ему тактом он указывал на антифашистские взгляды оппозиционеров, их легальные проявления. Спустя месяц коммунисты объявили Стайнова виновником отсрочки выборов в Народное собрание, скрыв, таким образом, факт достигнутой тремя великими силами договоренности по этому вопросу.

Сходные причины скрывались и за антипатией к известному ученому, профессору Д. Михалчеву, возглавлявшему болгарское дипломатическое представительство в Москве. В феврале 1946 г. советская сторона потребовала отозвать его с поста полномочного министра Болгарии, поскольку в личной переписке он допустил критические высказывания в адрес избирательной системы в СССР.

Финансист профессор Ст. Чолаков также оказался нежелательной фигурой в кабинете министров. В основе политической неприязни к нему – отказ Чолакова как министра финансов исполнить советские требования частичной компенсации средств, отпущенных Москвой в помощь болгарской эмиграции и коммунистическому движению в Болгарии. Разумеется, сумма в 800 млн. левов была выплачена болгарской стороной.

Судьба лидера «объединенной оппозиции» Н. Петкова решалась не только болгарскими политиками, но и в Москве¹³. В основе «дела» Тр. Костова, подробно описанного профессором М. Исусовым, – попыт-

ка ограничить предоставление экономической информации советским представителям в Болгарии¹⁴. Сталин обвинил Костова в грубом национализме и антисоветизме. Он упрекнул Г. Димитрова в том, что, занимаясь чисто теоретическими проблемами, болгарский лидер не заметил опасных политических ошибок и увлечений своих помощников.

Приведенные примеры показывают, что в годы сталинского режима болгаро-советская дружба как политическая тактика не всегда была успешной и не являлась гарантией ограничения репрессивной политики.

При исследовании общего контекста болгаро-советской дружбы не следует недооценивать положительных сторон ее использования как тактики. Она принесла немало дивидендов в экономической и культурной сферах, и в этом плане можно говорить о политическом прагматизме болгарской стороны. В экономическом отношении (а именно здесь Болгария в первую очередь ищет советской поддержки) СССР превратился в главного партнера во внешней торговле, кредитовании и научно-техническом сотрудничестве и, как пишет исследователь этой проблемы Зл. Златев, в крупнейшего поставщика сырья, топлива, техники для народного хозяйства, в основного закупщика болгарской сельскохозяйственной и промышленной продукции. Советские специалисты – геологи, инженеры и техники – помогали в поиске и исследовании месторождений полезных ископаемых, участвовали в геологической разведке отдельных районов страны. В результате их содействия было положено начало масштабному изучению запасов подземных богатств страны, главных месторождений цветных металлов и угля. Индустриализация страны и механизация сельского хозяйства осуществлялись при решающей поддержке СССР, при участии советской технической интеллигенции и постоянной помощи кредитами. Важно напомнить, что во внешнеэкономических связях СССР Болгария не занимала ведущих позиций, не пользовалась особыми привилегиями. Другие страны Восточной Европы получали кредиты на более выгодных условиях, СССР оказывал им безвозмездную помощь. Однако Болгария была в числе стран, получавших кредиты чаще других¹⁵.

Развитие экономического и научно-технического сотрудничества с советским государством, установление многообразных постоянных связей между внешнеторговыми и хозяйственными организациями, оживленные контакты, обсуждения и переговоры между хозяйственными делегациями, группами специалистов и отдельными лицами, обучение тысяч болгарских специалистов в СССР – все это, несомненно, позитивный результат взаимоотношений¹⁶. Их широкий диапазон вышел за рамки экономической сферы и способствовал укреплению двусторонних связей во многих аспектах – в личном, институциональном, общественном и государственном.

Культурное пространство болгаро-советской дружбы, взаимознакомление и взаимосвязи различных представителей славянской культуры, позитивное восприятие болгарской интеллигенцией советских коллег обстоятельно исследованы В. Чичовской¹⁷. Она установила, что Советский Союз стал первой страной, с которой Болгария установила осенью 1944 г. контакты в сфере культуры. Уже через несколько дней после переворота в страну прибыли военные корреспонденты Вадим Кожевников, Борис Полевой, Константин Симонов. К ним обращались писатели, журналисты, издатели с просьбой о предоставлении информации о культурной жизни в СССР в последние годы, а также периодических изданий и литературных произведений из военных походных библиотек. В результате сотрудничества в болгарских газетах и журналах были опубликованы переводы с русского языка, сделанные Каменом Зидаровым, Людмилом Стояновым, Марией Грубешлиевой, Веселином Ханчевым, Ангелом Тодоровым¹⁸. Для болгарского общества русская культура всегда была связана с представлением о мировых образцах и мосте, связывавшем болгар с другими народами, но достижения советской культуры были известны слабо.

Военные корреспонденты передавали свой опыт, оказавшийся весьма полезным при организации фронтовой печати. Главный редактор газеты Первой болгарской армии писатель Иван Мартинов непосредственно ознакомился с работой редакции газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин». С советской стороны подполковник З. Грек был прикомандирован к редакции газеты «Фронтовик» («Фронтак») и более месяца работал вместе с болгарскими журналистами, способствуя идейно-политическому становлению фронтовой печати¹⁹.

Культурные взаимоотношения отражали надежды болгарской общественности на то, что страна сможет получить поддержку советских интеллектуалов при решении болгарского вопроса странами антигитлеровской коалиции. Поэтому и первый призыв содействовать справедливому национальному делу болгар был обращен к видным деятелям советской литературы, с которыми болгарские писатели поддерживали творческие связи еще с 30-х годов. За несколько недель до начала переговоров в Москве о перемирии между Болгарией и тремя великими державами Л. Стоянов призвал советских деятелей культуры Алексея Толстого, Александра Фадеева, Илью Эренбурга, Павло Тычину, Михаила Аппетина выразить свою заинтересованность в болгарских делах и тем самым помочь приобщению страны к международной демократической общности²⁰.

Благоприятный отклик советской стороны получило предложение болгар создать Славянский собор в Софии, хотя сербы настаивали на его проведении в Белграде. Кандидатура Софии победила благодаря поддержке

советского правительства, несмотря на то, что международное положение Болгарии не было урегулировано и война продолжалась. По существу, СССР оказал Болгарии важную внешнеполитическую поддержку. Академик Н.С. Державин получил разрешение участвовать в Славянском соборе и остаться еще на три месяца в стране в качестве гостя Славянского комитета, хотя приглашение ученому прислало руководство БАН. В. Чичовска установила, что Державин провел полезные научные встречи с Ст. Романским, Г. Кацаровым, Хр. Вакарелским, Кр. Миятевым, Н. Мавродиновым, Ив. Лековым, А. Бурмовым, Ив. Снегаровым, П. Динековым, Т. Боровым и др., труды которых он высоко ценил²¹. Советский ученый был знаком с болгарской научной литературой 30-х–40-х годов. Ему были известны и последние исследования профессора Михаила Арнаудова, научное значение которых он оценивал исключительно высоко и открыто говорил об этом. В то время Арнаудов находился в тюрьме: как депутат Народного собрания 25-го созыва и бывший министр просвещения он был обвинен по Декрету-закону о народном суде. При содействии Державина условия пребывания болгарского профессора в заключении были улучшены. Отношение Державина к болгарской исследовательской мысли в историко-филологических дисциплинах свидетельствовало не только об объективной положительной оценке культурного наследия Болгарии, но и о пользе взаимного сотрудничества, вопреки негативизму болгарских коммунистов по отношению к представителям научной и художественной интеллигенции.

Болгаро-советские культурные связи открывали не только широкие горизонты к Востоку, но и являлись одним из средств выхода страны из внешнеполитической изоляции. Посему усилия официальных кругов и творческих организаций направлялись на укрепление возобновленных контактов. В данном случае особое значение имели высказывания советских деятелей культуры, проявления советской культурной пропаганды в поддержку болгарского вопроса. Взаимодействие и взаимосвязи с представителями богатой и многонациональной культуры облегчили доступ болгарской общественности к произведениям иностранных авторов и разносторонней информации из государств, с которыми по той или иной причине Болгария не имела в то время культурного обмена. Это дает основание рассматривать двусторонние болгаро-советские отношения не только как составляющую *детерминированного* политического сближения. Велико их значение для преодоления вынужденной изоляции Болгарии.

Болгаро-советская дружба имеет исторические корни и политические, экономические и культурные измерения. В политическом аспекте представления о ней гиперболизированы, насыщены апологетикой, деформированы навязчивым пафосом. В ее основе – интересы великой де-

ржавы и малой страны, триумф и прославление победителя и смирение и подчинение побежденного. Болгаро-советская дружба переросла в потенциальную возможность помогать хозяйственному развитию, модернизировать экономическую структуру не по европейской, а по советской модели. Но это было движение вперед, а не застой и стагнация, характерные для трудного послевоенного переходного периода. Созданные в середине 40-х годов XX в. плодотворные контакты между творческими союзами, научными учреждениями и культурно-просветительскими организациями обеих стран расширялись и превратились в следующие десятилетия в полноценное и разностороннее сотрудничество. Болгаро-советская дружба определялась Г. Димитровым и реализовывалась как политическая тактика, а заключенный в ней потенциал умело использовался Т. Живковым, сумевшим извлечь из нее немало пользы для развития болгарского государства²².

Примечания

- ¹ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 111.
- ² Спасов Л. Българо-съветски дипломатически отношения. 1934–1944. София, 1987. С. 14–28; Его же. Сталин, България и войната (септември 1939 – юни 1941) // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 421–442; Рудая Е. България и СССР после установления дипломатических отношений в 1934 году (1934–1939) // Там же. С. 383–388.
- ³ Димитров Г. Указ. соч. С. 392.
- ⁴ Валева Е. ВКП(б) – Коминтерн – БРП: корелация политическоя стратегии в годы Второй мировой войны // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 164.
- ⁵ Централен държавен архив (Далсе: ЦДА). Ф. 16. Оп. 7. А.е. 234. Л. 5.
- ⁶ Там же. А.е. 45. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸ Димитров Г. Указ. соч. С. 439–440.
- ⁹ ЦДА. Ф. 16. Оп. 7. А.е. 190. Л. 1–2; Калинова Е. Георги Димитров между БРП(к) и Сталин // Георги Димитров – между възхвалата и отрицанието. Студии и статии. София, 2003. С. 86–90; Тошкова В. Примирието с България – 28 октомври 1944 г. // Известия на Държавните архиви. 1994. № 68. С. 52–53.
- ¹⁰ Чърчил У. Мемоари. Т. 6. София, 1995. С. 199.
- ¹¹ Марьина В.В. «Народная демократия»: теория и практика // Власть-общество-реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 27.
- ¹² Димитров Г. Указ. соч. С. 587–588.

- ¹³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Том. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 491–492.
- ¹⁴ *Иисусов М.* Последната година на Тр. Костов. София, 1990; Его же. Сталин и България. София, 1991.
- ¹⁵ *Златев Зл.* Българо-съветски икономически отношения (1944–1958). София, 1986. С. 133–152; Его же. Стопанската политика на българските правителства. 1944–1949. София, 2007. С. 106–120.
- ¹⁶ Там же. С. 237–241.
- ¹⁷ *Чичовска В.* Международна културна дейност на България. 1944–1948. София, 1990. С. 42–68.
- ¹⁸ *Чичовска В.* Движението за славянско единство и международни културни връзки на България (1944–1947) // Международни отношения и външна политика на България след Втората световна война. София, 1982. С. 294.
- ¹⁹ *Чичовска В.* Българо-съветски културни връзки (1944–1947) // Българо-съветски отношения и връзки. София, 1987. С. 205.
- ²⁰ Там же. С. 208.
- ²¹ *Чичовска В.* Международна културна дейност... С. 164–165.
- ²² *Баева И.* България и Съветският съюз след Втората световна война – прагматизмът на българската позиция // България и Русия през XX век... С. 425–432.

И. Баева

(Софийский государственный университет)

Образ СССР/России в Болгарии на закате «государственного социализма» и в годы перехода к новой общественной модели (1985–2009 гг.)*

Воссоздать представления о Советском Союзе и его гражданах в Болгарии, начиная с 80-х годов прошлого века, то есть в последние годы существования государственного социализма советского типа, на первый взгляд, задача не из трудных. Известно, что образ СССР был предопределен продолжавшейся десятилетиями пропагандой близких отношений между двумя славянскими странами и особенно между их народами. После Второй мировой войны к традиционному образу Российской империи, олицетворявшемуся еще в эпоху Болгарского национального возрождения собирательным представлением о «дедушке Иване», добавился новый идеологический компонент. Первые лица коммунистического руководства периодически подчеркивали, что Советский Союз уже не только защитник Болгарии от враждебных сил, но и надежный помощник болгарскому народу в его экономическом и культурном развитии. Вспомним некоторые такие высказывания.

Самыми известными и наиболее часто цитируемыми в недавнем прошлом были слова Георгия Димитрова о том, что Болгарии «дружба с Советским Союзом нужна как солнце и воздух любому живому существу». Партийные преемники Димитрова продолжали эту традицию по мере своих сил и возможностей. 12 декабря 1945 г. руководитель Отдела пропаганды и агитации ЦК БРП(к) Рубен Леви подчеркнул необходимость тесной связи между болгарскими и советскими коммунистами, поскольку «без Ленина и Сталина нет марксизма, без Советского Союза нет социализма»¹. Не отстал от Леви и самый видный болгарский сталинист Вьлко Червенков, который осенью 1947 г. на пленуме, знакомившем болгарских коммунистов с итогами совещания в Шклярской Порембе, учредившего

* Перевела Т.В. Волокитина

Коминформ, заявил: «Мы последовательно должны воспитывать весь наш народ в духе безоговорочной принадлежности Болгарии к демократическому лагерю со всеми вытекающими отсюда политическими, хозяйственными и военными последствиями. При любых осложнениях международной обстановки и при любых конфликтах Болгария не может оставаться нейтральной. С Советским Союзом мы связаны не на жизнь, а на смерть. Каждый, кто не подкрепляет делом эту нашу линию на прочный союз с Советским Союзом, – наш враг, враг Болгарии»². Образ Советского Союза не сходил со сцены и во время чистки среди «национальных коммунистов», жертвой которой стал политический секретарь ЦК БКП Трайчо Костов. Важнейшее обвинение против него – недостаточная верность Советскому Союзу. В обвинительных партийных документах против Костова, датированных мартом 1949 г., многозначительно подчеркивалось: «Отношение к СССР является лакмусовой бумажкой, которая безошибочно указывает, к какому лагерю принадлежит та или иная страна, то или иное правительство или конкретная общественно-политическая группировка»³.

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. и особенно после разоблачения сталинских преступлений на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. и кровавого подавления революции в Венгрии в начале ноября в большинстве восточноевропейских стран возникла атмосфера ожидания перемен. Во многих странах региона начали испытывать опасение и недоверие к своему великому восточному союзнику, однако это никоим образом не относилось к болгарам: ни политическое руководство, ни большинство населения Болгарии не изменили существенно свои русо/советофильские представления.

Тем не менее, в Болгарии наблюдался достаточно широкий диапазон настроений. После 1956 г. новый партийный лидер Тодор Живков окончательно утвердил специфическую стратегию и тактику страны в послевоенном мире. Ее основной отличительной чертой являлось установление максимальной близости с Советским Союзом как гарантом существования и развития Болгарии. Естественным следствием такой стратегии явились усилия, направленные на утверждение образа Советского Союза как «старшего брата» (в буквальном смысле этих слов, а не как у Д. Оруэлла в его эссе «1984», или в телешоу «Big brother»). Иными словами, можно сказать, что в социалистической Болгарии возродилось восприятие России, свойственное эпохе Болгарского возрождения. Болгары ожидали от могучего восточного соседа прямой помощи – прежде в борьбе с османскими поработителями, теперь – в осуществлении модернизации. В послевоенное время на Советский Союз смотрели с надеждой, но не столько как на военную силу, сколько как на экономически могучее государство.

Это представление, может быть, не кажется очень убедительным сегодня, но давайте вспомним, что речь идет о времени, когда Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли 4 октября 1957 г. и первый в мире космонавт Юрий Гагарин облетел нашу планету (12 апреля 1961 г.)

В унисон с восприятием Советского Союза как ведущей экономической силы действовал в 1963 г. и Тодор Живков. Сегодня широко известна его инициатива, когда на нескольких заседаниях Политбюро ЦК БКП и затем на пленуме ЦК 4 декабря 1963 г. было принято решение о последовательном сближении Болгарии с Советским Союзом вплоть до полного «слияния» в отдаленном будущем. Идея, на первый взгляд, представляла как апофеоз русофильства в Болгарии, однако ее мотивация (полностью экономическая), равно как и некоторые попытки реализации в глубокой тайне от общества, свидетельствовали, что речь шла о тактическом маневре Живкова с целью получить от СССР огромную экономическую помощь. Без такой помощи амбициозная 20-летняя программа развития Болгарии до 1980 г., принятая по примеру советского плана построения коммунизма, не могла быть осуществлена⁴. Но независимо от тактических мотивов Живкова, в 1963 г., как и спустя 10 лет на июльском (1973 г.) пленуме ЦК БКП, обсуждавшем интеграционные тенденции восточного блока, в болгарском обществе циркулировали настроения спонтанного русо/советофильства⁵. Без опоры на такие настроения акция 1963 г. была бы немислимой. Подобная инициатива появилась только в Болгарии, поскольку только здесь общество, в отличие от других стран Восточной Европы, было эмоционально привязано как к России, так и к Советскому Союзу.

Оформившийся в 60-е годы в Болгарии положительный образ Советского Союза и его граждан сохранялся недолго. Уже в 80-е годы начался процесс эрозии русо/советофильства и одновременно его членение: образ СССР в глазах болгарского политического руководства отличался от представлений простых болгар.

Первая и главная причина формирования более сложного образа Советского Союза в Болгарии заключалась в начавшемся во второй половине 60-х годов и продолжившемся нарастающими темпами в 70-е и 80-е годы процессе «открытия» Болгарии миру. Он был связан с инициированной Советским Союзом разрядкой международной напряженности и, в частности, с подписанием 1 августа 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Для социалистических стран смысл Совещания заключался в политическом утверждении послевоенного порядка в мире («первая корзина») и усилении экономических связей между Востоком и Западом («вторая корзина»), что откры-

вало перед социалистическими странами новые перспективы модернизации экономики. Но эти столь желанные связи имели и дополнительный эффект – в связи с появлением западных товаров и характерных для мира бизнеса отношений и нравов, которые сильно отличались от привычных. Наибольшее значение для изменения представлений о Советском Союзе имела предложенная Западом «третья корзина», предусматривавшая свободное перемещение людей и идей в мире. Так «хельсинкский процесс» содействовал проникновению еретических с точки зрения господствовавшей идеологии идей и культурных артефактов, которые, с одной стороны, расширяли горизонты знания и представлений граждан «закрытого» восточного мира, а с другой, заставляли их усомниться в ценностях, которые прежде считались безусловными и не подлежащими критике. Учитывая естественный интерес человека ко всему «запретному», становится очевидным, что «открытость» Болгарии миру рождала сильную западную конкуренцию советскому влиянию и сомнения в ведущих позициях СССР.

Изменение образа СССР были связаны и с экономическими проблемами. Хозяйственные реформы, начавшиеся в социалистических странах во второй половине 60-х годов⁶, были обусловлены не требованиями идеологии, а состоянием экономики, ее замедленными темпами роста. Реформы преследовали цели интенсификации развития народного хозяйства, введения рыночных механизмов и новых технологий под влиянием научно-технических достижений Запада, выражением которых стала высадка американцев на Луне в 1969 г. Использование западных технологий продемонстрировало недостаточную эффективность советских, притом, что западные товары, машины и оборудование отличались не только привлекательным внешним видом, но и высоким качеством. Сравнение западной и восточной продукции бросало в глазах болгар тень на образ Советского Союза как важнейшего для страны экономического партнера.

Представление об СССР начало меняться: он стал восприниматься не как ведущая мировая экономическая держава, а как страна, производящая громоздкую и малопривлекательную, но зато дешевую и надежную продукцию. Этот образ ни в коем случае не был негативным, но в отношении к Советскому Союзу появились первые черточки пренебрежения. Что касается образа «русских» (собирательного для всех граждан СССР), то он формировался под влиянием двух источников: художественных произведений разного характера (советское кино и литература, новости и сериалы по российскому каналу по пятницам) и личных контактов с советскими гражданами, главным образом, туристами, отдохавшими на Черноморском побережье. Сочетание художественного и реального образов рождало

у болгар сложное смешение представлений о «широкой русской душе» (что бы это ни означало) и пренебрежительного отношения к организованным в группы и воспринимающим скромный болгарский рынок как изобильный советским гражданам. Так в массовом сознании болгар и русских утверждаются взаимно пренебрежительные образы. Выражением их стали известная русская поговорка «Курица не птица, Болгария – не заграница» и широко распространившийся в Болгарии анекдот, в котором поиски барашка для праздничного стола в Советском Союзе завершились констатацией «Это страна советов, а не баранов».

Иными словами, в 80-е годы романтическое русо/советофильство медленно, но верно бледнеет. Середина этого десятилетия охарактеризовалась большими и всесторонними переменами во всем Восточном блоке, равно как и в восприятии Советского Союза в Болгарии. Относительно молодой генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев⁷ приступил к масштабным реформам, которые потрясли и поставили перед испытанием на прочность всю систему восточного блока. Это не могло не отразиться на широких общественных настроениях. В годы советской «перестройки» отношение к Советскому Союзу в Болгарии существенно изменилось. Наиболее отчетливо это проявилось в массовом сознании.

В предшествовавшие «перестройке» годы «застоя» болгарские граждане демонстрировали усиливавшееся безразличие к Советскому Союзу. Но ситуация резко изменилась во второй половине 80-х годов. Ростки советской свободы слова, проявившиеся в политике «гласности», вызвали невиданный рост подписки на советскую периодику в конце 1987 г. В один миг она стала самой читаемой и востребованной в Болгарии, соперничая с популярными болгарскими изданиями. Подписка на советскую прессу (притом, исключительно дешевая) увеличилась настолько, что в 1988 г. абоненты обзаводились большими по размеру почтовыми ящиками, способными вместить самые популярные газеты – «Московские новости», «Литературную газету», «Аргументы и факты» и журналы – «Огонек», «Новый мир», «Нева», «Дружба народов» и пр. Возросший интерес ко всему происходящему в Советском Союзе кардинально изменил и его образ в глазах болгар. Безразличие уступило месту неожиданному интересу. Особенно заметной перемена оказалась в отношении нового советского руководства, поскольку болгары сравнивали его со старой по возрасту «командой» Живкова, гордившегося титулом дуайена среди лидеров восточного блока⁸. Мотивацией для возникшего в начале 1988 г. болгарского диссидентства являлось, прежде всего, советское диссидентство, и, благодаря либерализации, проводимой Советским Союзом, болгарские диссиденты стали фактором политической жизни в своей стране⁹. Именно в

конце 80-х годов образ Советского Союза был дополнен такими характеристиками, как реформаторство и свободомыслие.

Но параллельно с этим процессом шел и другой – ухудшение образа Советского Союза. Опытный болгарский лидер Т. Живков быстро понял опасность (как для себя лично, так и для всей системы) реформаторских устремлений нового советского руководителя. Живков не выражал открыто свое несогласие, напротив, на всех болгаро-советских встречах – от первой в октябре 1985 г. и до последней в июне 1989 г. – Живков декларировал глубокую преданность Советскому Союзу и его новому лидеру¹⁰. Но истинное его отношение проявлялось в заявлениях, сделанных на конфиденциальных встречах. Там Живков откровенно делился опасениями, что стремительное переустройство советской политической системы не подкрепляется экономическими изменениями¹¹. Растущее разочарование Живкова в советском руководстве усугублялось чувством собственного бессилия и обреченности. Это проявилось в беседах с бывшим польским премьер-министром М. Раковским в конце августа – начале сентября 1989 г. Перед традиционно критически настроенным в отношении СССР поляком Живков позволил себе откровенность, заявив: «В прошлом мы идеализировали эту страну». Вместе с тем, он выразил опасение, что «если распадется Советский Союз, придет конец и нам»¹².

Парадоксально, но факт: наиболее сильный элемент «перестройки» – советская пресса явилась источником самой большой опасности для положительного образа Советского Союза в болгарском обществе. Смелые публикации о преступлениях сталинизма, как и литература на эту тему – «Не хлебом единым» и «Белые одежды» Владимира Дудинцева¹³, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака¹⁴, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова¹⁵, «Ювенильное море» и «Чевенгур» Андрея Платонова¹⁶, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана и многие другие произведения оказали сильное воздействие на болгарское общество. Для интеллигенции они явились настоящим откровением и стимулом усилить критику болгарской политической системы, но воздействие этих произведений на рядового болгарина было неоднозначным. Книги рисовали картину советского общества, абсолютно отличную от создававшуюся годами, и ставили под сомнение все развитие СССР после 1917 г. и завоевания социалистической системы, частью которой была Болгария. Если вся система выстроена на преступлениях и провалах, какой смысл Болгарии связывать себя с ней? Так активное чтение советской прессы и литературы содействовало формированию нового облика Советского Союза – государства, построенного на преступлениях¹⁷, попрании прав человека и ошибочных экономических решениях. Однако для переосмысления исторического прошлого

нужно было время, поэтому в 1989 г. и Советский Союз, и М.С. Горбачев продолжали радоваться большой популярности.

Осенью 1989 г. в Болгарии начались большие перемены. Они происходили при высоком уровне общественных симпатий к Советскому Союзу. В инициировании перемен участвовала советская сторона – как с точки зрения идеи («перестройка»), так и конкретных действий (советский посол В.В. Шарапов¹⁸ и сотрудники посольства играли решающую роль¹⁹, хотя впоследствии и отрицали это). Более того, советский фактор стал инструментом внутривластной борьбы, приведшей к отставке Живкова 9–10 ноября 1989 г. Министр иностранных дел и член Политбюро ЦК БКП Петр Младенов 24 октября 1989 г. дистанцировался от Живкова в своем «Открытом письме», обвинив бывшего лидера, помимо прочего, в изоляции «даже от СССР». В письме содержался призыв: «Но если мы не верим ничему другому, то следовало бы поверить СССР и КПСС»²⁰. Переходные процессы в Болгарии начались как следование по советскому пути.

Однако очень скоро векторы движения изменились. Они определялись советскими воспитанниками Петром Младеновым и Андреем Лукановым, устранившими Живкова²¹. Их желание сблизиться с Советским Союзом оказалось невозможным реализовать как по причине быстрого изменения настроений в Болгарии, так и из-за потери интереса СССР к своим восточноевропейским союзникам²². Перемены, начавшиеся как попытка Болгарии следовать по советскому пути, вскоре были переориентированы на переход от советской социалистической модели к западной капиталистической демократии. Этот процесс совпал с отказом Горбачева от сталинской модели социализма и его призывом к новому демократическому социализму. В Восточной Европе сделали в связи с этим другой вывод. Лучше других его сформулировал еще в апреле 1989 г. Лех Валенса: «Я желаю Горбачеву и его реформам всего наилучшего. Но мы все еще не знаем, как выглядит коммунизм в его заключительной стадии. Но зато очень хорошо знаем, какие политические и экономические модели в Европе и мире выдержали проверку временем, и именно к этим моделям мы хотим обратиться вместо того, чтобы пытаться “реформировать” провалившиеся идеологии и концепции»²³.

Перемены в Болгарии, задуманные как умеренные, попали в водоворот «осенних восточноевропейских революций» и быстро вышли за рамки намерений и желаний их инициаторов. Менее чем за два месяца после 10 ноября 1989 г. общественное мнение в Болгарии резко изменилось, затронув не только вопросы о роли влияния БКП, но и о геополитической зависимости страны от Советского Союза. Интерес к событиям в Советском Союзе и к советской прессе снизился в связи с возрождением плюрализма в

Болгарии и появлением новых оппозиционных изданий²⁴. Возникновение новых политических организаций и заседания «Круглого стола» в начале 1990 г. приковали к себе внимание общественности, а назначенные на 10 и 17 июня 1990 г. демократические выборы породили новое для Болгарии противостояние, касавшееся и образа России/СССР.

В целом можно сказать, что представления об СССР ухудшились. И реформировавшаяся БКП (с апреля 1990 г. – Болгарская социалистическая партия – БСП), и искавшая свой идейный облик оппозиция в лице Союза демократических сил (СДС) объясняли неудачи Болгарии послевоенного периода советским вмешательством. С ним связывались и имевшие место в стране репрессии. Газеты, по подобию советских, были заполнены воспоминаниями и документальными рассказами о преступлениях прошлого, в которых часто присутствовал и «советский фактор». Появились также и исторические исследования, подтверждавшие, что репрессии в послевоенной Болгарии вызывались советским вмешательством²⁵.

Спор «за» или «против» Советского Союза /России не был основным, но, безусловно, сопутствовал предвыборной кампании. Еще в начале переходного периода роли в этом споре были поделены между основными политическими силами. БСП – наследница БКП характеризовалась как просоветская/прорусская, а оформившийся как антикоммунистическая сила СДС принял на себя роль русофобской и вместе с тем западноориентированной организации (американский посол Сол Поланский выступал на предвыборном митинге СДС 8 июня 1990 г.). Но и при таком раскладе БСП пыталась переложить вину за репрессии в прошлом на Советский Союз, придав себе облик силы, имевшей хорошие контакты с западными государственными деятелями. Этим могли похвастаться как первый Президент и бывший министр иностранных дел П. Младенов, так и новый премьер-министр А. Луканов. Хотя на первых свободных выборах БСП одержала безоговорочную победу, партия оказалась изолированной, не могла управлять и постепенно была вынуждена отойти от власти²⁶. Последнее значительное «участие» СССР в болгарских делах – августовский путч в Москве 19–21 августа 1991 г. Он сыграл свою роль в неблагоприятном для БСП исходе выборов в Болгарии в октябре 1991 г.: переворот напугал болгар вероятностью возвращения в СССР старых порядков, при которых прежние связи БСП с советской стороной являлись помехой для молодой болгарской демократии. После выборов было сформировано первое правительство СДС во главе с Филиппом Димитровым, положившее начало решающей фазе болгарского транзита.

При этом правительстве СДС (1991–1992 гг.) официальной политической стало латентное русофобство, которое все трагические для Болгарии

события – от Освобождения 1878 г. до 90-х годов XX века – связывало с «длинной рукой» Москвы. Правительство СДС предпринимало целенаправленные действия, чтобы именно в таком направлении изменить общественные настроения. В середине 1991/1992 учебного года из преподавания были изъяты все учебники по истории, специалистам было дано указание написать новые тексты с откровенно антикоммунистических позиций. Так появились «Записки», представлявшие роль России/СССР в соответствии с традициями русофобства²⁷. Значение такого шага на государственном уровне трудно переоценить, поскольку образовательные программы играют большую роль в формировании общественных позиций и нравственных основ будущих поколений. Проводилось и вытеснение русского языка из болгарских школ. Его заменял главным образом английский, особенно в более крупных городах²⁸.

Еще одним средством направленного изменения отношения болгарского общества к Советскому Союзу явилось переименование населенных мест и улиц. Оно началось сразу же после того, как 1 августа 1990 г. лидер СДС д-р Желю Желев был избран Президентом страны. Уже в 1990 г. Президентским указом № 87 г. Толбухину было возвращено старое имя – Добрич. В последующем были сменены «русские» названия следующих населенных пунктов: Мичурин на Царево, Алексеево на Самуилово, Чапаево на Царски извор, Морозово на Горно Черковиште. Началась широкая кампания по переименованию улиц, чьи названия были связаны с социалистическим прошлым, в ходе которой оказались затронутыми и «советские», а иногда и «русские» названия. Наиболее характерные переименования в столице – площадь Ленина получила название Света Неделя; бульвары: Льва Толстого – Ломско поле; Алексея Толстого – Рожен; Болгаро-советской дружбы – Драган Цанков; Волгоград – Васил Левски; Красная Пресня – Панчо Владигеров; Ленина – Цариградское шоссе; Чапаева – Шипченски проход; улицы: Аврора – Райска градина; А.С. Пушкина – Поп Евстати Витошки; Александра Матросова – Христо Батанджиев; Алексея Мересьева – Возрожденска; Бородинская битва – Христо Силянов; Братушки – Черешова градина; Климента Тимирязева – Свето Преображение; Курск – Банат; Олега Кошевого – Перуника и многие другие. Переименование не явилось чем-то новым, в болгарской истории оно имело место и после Освобождения, и после Второй мировой войны. В данном случае производило впечатление то обстоятельство, что речь шла о деятелях и событиях не только советской, но и русской истории.

В новой обстановке произошел пересмотр новейшей и современной болгарской истории и роли России/СССР в ней. В отличие от переходного периода подчеркивался имперский характер российской и советской вне-

шней политики. Дело доходило до абсурдных утверждений, что лучше бы Россия не освобождала Болгарию, так как в результате болгарские земли оказались разделенными. Характерной в процессе ревизии истории явилась конференция 10–11 октября 1997 г. под многозначительным названием «Болгария между Европой и Россией»²⁹. Ее устроители свою задачу видели в том, чтобы подчеркнуть необходимость для Болгарии выбирать между Европой и Россией, при том, что сближение с Россией означает отдаление от Европы. На конференции звучала идея, что «Болгарский народ и интеллигенция должны поставить вопрос об ответственности Советского Союза перед Болгарией»³⁰.

Приведу еще несколько фрагментов из выступлений участников конференции, которые, хотя и не отражают массовые настроения 1997 г., но указывают направления, в которых формировался в то время новый исторический образ России/СССР. Социолог Георгий Фотев говорил об «империи зла», обвиняя Россию за ее позицию во время Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг., оперируя «нелицеприятными и разоблачительными» и для него «бесспорными фактами»³¹. Защитивший диссертацию в Москве историк Пламен Цветков представил масштабную русофобскую идеологию в следующих положениях: «Византийско-московские наслоения в течение нескольких столетий и повсеместное промывание мозгов в период коммунизма опорочили не только российскую, но и болгарскую историографию»³²; «“Слияние наций” является, в сущности, благозвучным прикрытием духовного и физического геноцида, который ожидал все народы, оккупированные Красной Армией в конце Второй мировой войны»³³; «Болгары были спасены от медвежьих объятий “освободителей” благодаря Берлинскому конгрессу»; «Самодержавная Россия “великодушно” позволила болгарам принять в 1879 г. одну из наиболее демократических конституций в мире с явной надеждой, что это ввергнет страну в постоянный хаос, пока она не “созреет” для перехода под скипетр русского царя»³⁴. Таким образом, Россия/СССР оказалась виноватой во всем – в том, что вела войну за освобождение болгарских земель, что дала стране демократическую конституцию, так как все эти действия, по мнению болгарского историка, отражали единственно и только «имперский характер» российской политики.

Благодаря усилиям части политиков, средств массовой информации и историков, в 90-е годы XX века померк образ не только Советского Союза, но и России, он начал идентифицироваться с их антиболгарскими действиями и с отставанием Болгарии, по сравнению с ее новой западной внешнеполитической ориентацией³⁵. На формирование такого образа, несомненно, влияла и прерванность экономических отношений между

двумя странами – во-первых, в связи с самороспуском СЭВ, а во-вторых, вследствие приватизации в Болгарии, приведшей в конечном счете к деиндустриализации.

Только в начале нового XXI столетия дела в политике и экономике начали меняться. Благодаря победе на выборах 2001 г. бывшего царя Болгарии Симеона Сакс-Кобургготского в стране было преодолено острое политическое противостояние и на место идеологизированной внешней политики пришел прагматичный подход. Отношения с новой Россией, преодолевшей финансовый кризис 90-х годов, начали нормализовываться. Наступило время новых российских инвестиций в болгарскую экономику и возвращения в страну российских туристов. Однако и в том, и в другом случае речь шла о качественно новом присутствии Москвы, отличном от времени социализма. В болгарской экономике росла роль российских энергетических монополий и олигархов³⁶, туристы уже не были организованы в группы «советских тружеников», а «новые русские», оказались гораздо более щедрыми на «чаевые», нежели европейские туристы. Новые условия в очередной раз изменили образ России и русских в болгарском обществе. Он сделался разным, зависящим от политических пристрастий, но уже не столь односторонне негативным, как в 90-е годы.

Вместе с тем антироссийская пропаганда, начавшаяся в 90-е годы и продолжающаяся поныне в части печатных изданий (как правило, правоориентированных³⁷), оказывает влияние на молодое поколение.

Вот каким рисуется современный облик России на основе социологических исследований и опроса, проведенного среди студентов трех факультетов Софийского университета имени Св. Климента Охридского автором статьи в 2007–2009 гг. Анализ распространенных автором статьи среди студентов 179 анкет об отношении к социализму (прямой вопрос об отношении к СССР/России в анкетах не формулировался) показывает, что многие респонденты предъявляют Советскому Союзу обвинения. Вот некоторые характерные ответы: «Мрачный период в истории нашей родины. 45-летний период советской оккупации Болгарии»; «Длительный период истории нашей страны, находившейся под полным влиянием Советского Союза»; «Болгария была экономически и политически зависима от СССР. Социализм в Болгарии – тень аутентичной идеи о социальном государстве, а отбрасывал эту тень СССР»; «Приказы, поступающие из Москвы, превращали социализм, скорее, в страх и террор»; «В сущности, социализм – вариант монархии, цель которого – промывать мозги рядовым гражданам, чтобы проводить в жизнь идеи одного человека (Тодора Живкова), продиктованные, естественно, СССР»³⁸. Эти мнения демонстрируют глубинное воздействие в наши дни пропаганды переходного периода.

Авторитетное социологическое исследование бюро «Гэллоп интернэшнл» в феврале 2009 г. (после газового конфликта между Россией и Украиной, оставившего Болгарию без тепла в январские холода) показало, что положительное отношение к России в целом сохраняется: 62% респондентов считают, что следует поддерживать хорошие отношения, в то время, как только 12% высказались против. В то же время необходимо учитывать и тот факт, что прорусские настроения более сильны среди населения старшего возраста, а также то, что болгары все чаще выражают сомнения в ответных добрых чувствах России к Болгарии³⁹.

Еще одно социологическое исследование «Гэллоп интернэшнл» – об отношении болгар к странам мира – показало, что болгары по-прежнему отличаются от других стран Евросоюза в своем отношении к России. В иерархии стран наибольшей любовью и уважением пользуется Германия, за ней идут Франция и Россия, в то время как Соединенные Штаты занимают предпоследнее место, перед Китаем. Но если первые две позиции в данной классификации связаны с большим числом болгарских студентов, обучающихся в этих странах, то в случае с Россией социологи видят причину в прошлом: «Несмотря на прозападную ориентацию страны, болгары продолжают относиться к России эмоционально, храня ее образ как спасительницы «болгарскости» и покровительницы»⁴⁰.

В наши дни в Болгарии отсутствует серьезная и объективная информация о происходящем в России. Или, как выразился журналист Иво Христов 30 июля 2009 г. в телепередаче, «в современной Болгарии Россию подают таким же образом, как во время социализма говорилось о Соединенных Штатах»⁴¹.

Таким образом, на смену проводимому государством в эпоху социализма русофильству в переходный период была предпринята попытка создать в обществе русофобские представления. Эта попытка, хотя и не увенчалась полным успехом, все же повлияла на часть болгарского общества, особенно на политическую, экономическую и интеллектуальную элиты. Народное русофильство сохранилось, но реальная тенденция заключается в том, что оно будет ограничено кругом групп населения более старшего возраста и левой ориентации. Останется ли это новое разделение представлений о России между элитарными слоями, с одной стороны, и рядовыми болгарам, с другой, на длительное время, во многом будет зависеть от реального культурного обмена и экономических связей между обеими странами. Сейчас мы вернулись к тем временам, когда культура и экономика становятся более важным фактором в процессе формирования общественных представлений, нежели «чистая» политика.

Примечания

- ¹ Централен държавен архив на Република България (Далее: ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 5. Л. 30.
- ² Там же. А.е. 17. Л. 58.
- ³ Там же. А.е. 34. Л. 5.
- ⁴ Вот как говорилось об этом в партийных кругах: «Только с помощью Советского Союза возможно достичь в столь короткий исторический срок полной и окончательной победы социализма в Болгарии... только при теснейшей связи нашей экономики с экономикой Советского Союза, при самом широком кооперировании и специализации советской и нашей промышленности... можно обеспечить крупное серийное производство в нашем машиностроении, создать гарантированный рынок для его продукции, поднять машиностроение на современный технический уровень, превратить его в высокорентабельную отрасль народного хозяйства... Таковы же условия развития и нашего сельского хозяйства» (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 600. Л. 10, 23).
- ⁵ Об этом свидетельствовала реплика Костадина Гяурова: «Начиная с детишек, посещающих ясли, кончая людьми преклонного возраста, – каждый должен быть убежден в том, что, как говорит тов. Тодор Живков, “кто любит Болгарию, любит и Советский Союз, кто не любит Советский Союз, не любит Болгарию”» (Там же. Оп. 58. А.е. 86, Л. 197).
- ⁶ В Болгарии программа реформ обсуждалась на пленуме ЦК БКП 26–28 апреля 1966 г. (Там же. Оп. 34. А.е. 30).
- ⁷ Когда М.С. Горбачев возглавил ЦК КПСС, ему только что исполнилось 54 года. Это, скорее, возраст зрелости. Но по сравнению со своими предшественниками и другими лидерами восточного блока (Т. Живкову почти 74 года, Г. Гусаку, Э. Хоннекеру и Я. Кадару – 72, Н. Чаушеску – 67, В. Ярузельскому – 62), Горбачева можно считать молодым.
- ⁸ Любопытно, что Живков подчеркивал это положение «старшего» не только перед своими восточноевропейскими союзниками, но и при встрече с заместителем государственного секретаря США Джоном Уайхедом 4 февраля 1987 г. (Там же. Оп. 60. А.е. 392. Л. 1–33).
- ⁹ Главной спецификой болгарского диссидентства являлось как позднее его появление, так и тесная связь с Советским Союзом. Подробнее см.: Баева И. Политическата култура на българското диссидентство // Collegium Germanica 4. Sofia, 2003. S. 278–294.
- ¹⁰ На последней встрече в июне 1989 г. Живков заявил: «Мы единственная республика, которая не создавала, не создает и не создаст Вам никаких трудностей» (Там же. Оп. 68. А.е. 3698. Л. 71).
- ¹¹ Живков выражал беспокойство тем, что «переустройство политической системы вопиюще обгоняет реформирование производства. Вряд ли в Болгарии целесообразно действовать так, как действуют в Советском Союзе» (Там же. Л. 83).

- ¹² *Rakowski M. Jak to się stało. Warszawa, 1991. S. 258.*
- ¹³ На болгарском языке повесть издана в 1989 г. престижным издательством «Народна култура».
- ¹⁴ Издательство «Народна култура», 1989 г.
- ¹⁵ Издательство «Хр. Г. Данов» (Пловдив), 1988 г.
- ¹⁶ Издательство «Профиздат», 1990 г.
- ¹⁷ В делигитимизации советской системы особенно большую роль сыграли популярный публицист Аркадий Вахсберг (наряду с многочисленными статьями, в Болгарии вышла его книга «Царица доказательств. Вышинский и его жертвы» (Издательство «Христо Ботев», 1996)) и военный историк Дмитрий Волкогонов с книгами «Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет» (1989 г.) и «Семь вождей» (1996 г.).
- ¹⁸ *Шаранов Виктор. «Москва и КГБ нямаат пръст в 10 ноември». Интервю на Александрия Димитрова // 2 часа. 2 февруари 2002 г.*
- В пользу этого свидетельствует опубликованный болгарским журналистом Томой Томовым дневник бывшего советского дипломата Н. Толубеева, аккредитованного в Болгарии и являвшегося другом А. Луканова (Томов Т. Превратът // Труд. 10–17 ноември 1998 г.).
- ²⁰ *Младенов П. В името на България. Писмо на П. Младенов. 24 октомври 1989 г. // Международни отношения. 1990. Кн. I. С. 5–7.*
- ²¹ Оба сблизилась в Москве в начале 60-х годов, будучи студентами МГИМО.
- ²² В опубликованных записках советник Горбачева по внешнеполитическим вопросам Анатолий Черняев писал, что еще в мае 1989 г. Горбачев размышлял о пользе от предоставления стран Восточной Европы самим себе (Черняев А. 1991 год. Дневник помощника президента СССР. М., 1997. С. 16–17, 133).
- ²³ *Die Welt. 24 April 1989.*
- ²⁴ В начале 1990 г. одна за другой появляются газеты «Демокрация», «Свободен народ», «Народно земеделско знаме» и др.
- ²⁵ Например, книги авторитетнейшего специалиста по послевоенной истории Болгарии М. Исусова «Последната година на Трайчо Костов». София, 1990; «Сталин и България». София, 1991.
- ²⁶ Об отношении БСП к власти подробнее см.: *Баева И. Отношението на БСП към властта в години на прехода // Ново време. Декември 2000 г. С. 41–57.*
- ²⁷ *Петков Петко. Записка по история на новото време. Ч. 1–2. София, 1992; Семков Милен. Записки по съвременна история. София, 1992; Ангелов Петър, Георгиева Цветана, Бакалов Георги, Цанев Димитър. Записки по история на България. 681–1878. София, 1992; Бобев Боби. Записки по история на България. 1878–1944. София, 1992.*
- ²⁸ Учителя русского языка переквалифицировались, проходя краткосрочные курсы английского языка. Но этот процесс требовал известного времени. См.: Английский язык победил русский // Труд. 9 май 2009 г.

- ²⁹ България между Европа и Русия. Научна конференция 10–11 октомври 1997 г. Слова, доклади и изказвания / Съст. Марин Георгиев. Българска сбирка. 1997 г.
- ³⁰ Это прозвучало на открътии конференции (България между Европа и Русия... С. 6).
- ³¹ *Фотев Г.* След дългата нощ на тоталитаризма // Там же. С. 47.
- ³² *Цветков Пл. С.* Руската и съветската имперска система // Там же. С. 82.
- ³³ Там же. С. 91.
- ³⁴ Там же. С. 98.
- ³⁵ В конце XX века уже утвердился новый облик Болгарии. См.: САЩ ни водят за най-сигурен съюзник. Някогапна комунистическа България в момента е нашият най-сигурен съюзник на Балканите, обяви конгресменът Джак Кингстън // 24 часа. 18 декември 1999 г.
- ³⁶ Наиболее значительной российской собственностью в Болгарии являются бывший «Нефтехим» (Бургас), выкупленный «Лукойлом». Энергетические проекты – нефтепровод Бургас-Александрополис, газопровод «Южный поток» и строительство второй АЭС в Белене воспринимаются в болгарском обществе неоднозначно, и их реализация находится под вопросом.
- ³⁷ Укажем лишь на наиболее сильные русофобские издания: *Кръстев Иван.* Кризата и политическите партии. Явор Дачков // Гласове. 28 ноември – 4 декември 2008 г.; *Пенчев Бойко.* Защо сме русофили // Дневник. 20 август 2008 г.
- ³⁸ Цитируются анкеты опроса, проведенного 21 мая 2008 г. и 29 января 2009 г. среди студентов факультета журналистики и массовых коммуникаций, 22 мая 2008 г. – на юридическом факультете и 20 января 2009 г. – на историческом факультете.
- ³⁹ *Григорова Мила.* Дори след газовата криза българите остават положително настроени към Русия // Класа. 9 март 2009 г.
- ⁴⁰ *Григорова Мила.* След 100 дни управление на Обама: Имиджът на САЩ в световен мащаб се подобрява // Класа. 20 юли 2009 г.
- ⁴¹ Телепрограмма Петра Волгина «Сверено с оригиналом». 30 юлия 2009 г.

**Развитие
двусторонних отношений.
Историческая ретроспектива.
XVIII–XXI вв.**

История российско/советско-болгарских отношений традиционно представляет большой общественный интерес и издавна является предметом эмоциональных, продолжительных и поляризованных дискуссий. В данном разделе сборника она прослеживается на протяжении длительного периода времени, воссоздавая панораму политических, экономических, дипломатических и военных отношений двух государств и народов в разные эпохи; проблемы их культурно-духовного развития рассматриваются в контексте общеевропейского исторического процесса. Вместе с тем сборники статей по определению обречены на некоторую фрагментарность и мозаичность изложения. Поэтому предлагаемые вниманию читателя статьи отразили лишь некоторые стороны взаимоотношений, за его пределами осталось немало важных событий и фактов, свидетельствующих о широте, многогранности и сложной динамике развития двусторонних контактов.

Статьи раздела отражают особенности современной историографической ситуации. Авторы сконцентрировали свое внимание на наименее разработанных, дискуссионных или откровенно «трудных» вопросах прошлого, предлагая его собственную интерпретацию, пытаясь на новой источниковой базе реконструировать событийный ряд, персонифицировать историю, «населить» ее конкретными личностями. Внимание уделено как традиционной проблематике Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг., которая привлекает исследователей уже много десятилетий и, по большому счету, остается неподвластной никаким зигзагам отношений между двумя странами, так и вопросам, оставшимся длительное время на периферии научного знания. Именно так обстоит дело с изучением двусторонних отношений во время Первой мировой войны, которая развела по разные стороны фронта потомков освободителей и освобожденных. Лишь относительно недавно стали появляться глубоко фундированные исследования о русско-болгарских отношениях в тот период. По совокупности многих и разнохарактерных причин на протяжении десятилетий эта война оставалась «забытой» или «полузабытой» в отечественной историографии, да и в болгарской зачастую обрастала мифами, искажениями, а то и преднамеренными лжетолкованиями.

Еще одним «вопросом», представлявшим на протяжении всего XX столетия «невралгическую» точку в двусторонних отношениях, был македонский. Болгарские власти и общественное мнение крайне болезненно реагировали на «перепады» (зачастую конъюнктурные) в официальной политике России (СССР) по этой запутанной и многоаспектной международной проблеме, которая до сих пор дестабилизирует ситуацию на Балканах.

Сохраняет свою актуальность и проблематика, связанная с ролью советского фактора во всех сферах государственной и общественной жизни Болгарии после 1944 г. В целом уровень исследовательского интереса к ее изучению в болгарской исторической науке следует признать более высоким, нежели в отечественной, где внимание ученых концентрируется в большей степени на региональном, восточноевропейском, «срезах», позволяя в сравнительно-историческом плане рассматривать проблему в контексте истории всего «социалистического лагеря».

Не обошли своим вниманием историки и российско-болгарские отношения последнего десятилетия, применяя в своих исследованиях подходы, характерные для других общественных наук – политологии, социологии, исторической антропологии и психологии.

В целом же, стремясь к максимальной объективности, авторы старались освободиться от априорных, субъективистских, идеологизированных, а порой мифологизированных деформаций, которые встречались прежде и не изжиты до сих пор как в болгарской, так и в отечественной историографии. Свою основную цель они видели в профессиональном освещении спорных и недостаточно изученных проблем двусторонних отношений, в новом прочтении уже известных страниц истории на принципиально новой источниковой базе – сравнительно недавно рассекреченных документах и материалах из архивов России и Болгарии, а также в определении новых направлений, по которым сможет пойти в будущем освоение научной «целины». Поэтому, употребляя мифологическую терминологию, можно сказать, что Сова Минервы уже вылетела. А это означает, что высказанные взгляды и концепции, не претендуя на бесспорность, являются открытыми для дискуссии и для сопоставления с иными точками зрения.

Т. Стоилова
(Институт истории БАН)

Болгарские земли как стратегическое направление внешней политики России в XVIII в.*

Болгарские земли, расположенные в центре румелийских владений Османской империи, являлись частью общих планов политики России на южном направлении. Болгары – один из православных народов, которым российские власти еще со времен Петра I адресовали манифесты с призывом к общей борьбе и обещаниями «неизменного попечительства», «милости и награды», освобождения от «языческой тирании»¹. Правда, в «Описании» российского посланника в Константинополе П.А. Толстого² болгары не упомянуты. Но это не умаляет значения документа как свидетельства растущего интереса России к владениям Османской империи, порожденного возможностями европейского Юго-Востока с точки зрения экономических и политических амбиций русского царя в начале XVIII в.

Начало «дунайскому направлению» русской политики, отраженному в военных и дипломатических операциях Петербурга и осуществлявшемся затем на протяжении всего XVIII в., положил Петр I. Цель автора предлагаемой статьи – кратко изложить три основных аспекта темы: действия русской армии на дунайском направлении, болгарские маршруты русских военных специалистов и дипломатов, вопрос об учреждении консульств в болгарских землях.

Действия русской армии на дунайском направлении. Война с Турцией в 1711 г. не принесла России ожидаемого результата, но явилась значительным шагом в развитии ее отношений с подвластными султану народами. От господарей Дунайских княжеств, от сербов, болгар и других христианских народов посыпались уверения, что они присоединятся к русским войскам, как только те перейдут Дунай. Это и понятно: река

* Перевела Р.П. Гришина

является границей, от перехода через которую зависит успех любой воюющей страны, как и поддержка со стороны местного населения, в том числе болгар³.

Больше внимания было уделено Дунаю во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. На переговорах 1737 г. в Немирове российская сторона предложила считать Дунай границей-барьером, обеспечивающим обеим империям спокойствие и «нерушимый мир». Тогда же стало известно, что европейские державы, включая союзницу России Австрию, не допустят, чтобы русские войска перешли Дунай. Их реакция вполне понятна: река, связанная с Черным морем, позволяет контролировать черноморское судоходство⁴. Коренным образом изменившаяся из-за позиции Австрии внешнеполитическая обстановка заставила Россию отказаться от больших планов и подписать в 1739 г. мир. Решение основных южных проблем, таким образом, откладывалось.

Во второй половине XVIII в. Петербург считал Дунай стратегической границей во время войны и политической в мирное время. И в том, и в другом случае река, являясь природной данностью, заставляет заинтересованные страны сообразовывать с ней свои действия. Во время русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. в центре стратегических планов и боевых действий находился именно Дунай. И не случайно Дунайский флот считался основным – там решался исход войны. Екатерина II видела в форсировании Дуная и действиях на его правом берегу возможность быстрого завершения войны. Поскольку отсюда шел самый короткий путь к Константинополю, военные действия здесь вызывали страх у населения столицы и уважение соседей. Поэтому надежными шагами к миру было бы овладение Варной и изгнание великого визиря из Шумена. Идея перехода через Дунай и продвижение к Константинополю постепенно становилась все более определенной, выражая растущие аппетиты Петербурга. В конце войны русская императрица уже не считала, что Балканы – предел побед ее армии⁵.

Прежде чем прийти к этому суждению, Екатерина II и русская армия прошли через множество испытаний, в ходе которых рождалась уверенность в собственных силах. Частью этих испытаний были события на Дунае. Река обеспечивала преимущество той армии, которая первой преодолест ее. По ее берегам располагались хорошо укрепленные города и военные пункты, осуществлявшие навигационный контроль. Множество складов вдоль Дуная обеспечивали продовольствие и фураж для турецких войск и, естественно, становились объектом русских атак. Река использовалась также для переброски военных частей и снабжения армии. В ноябре 1769 г. в Петербурге обсуждались возможности свободного плавания русских судов по Черному морю «до царьградского канала и до устья Дуная». Годом позже Дунай

форсировали 67 малых судов, паромов и рыбацких лодок. Воодушевленные успехами на суше и на море, достигнутыми в 1770 г., петербургские власти поставили в повестку дня вопрос о строительстве речного флота. Согласно плану на 1772 г., этот флот вместе с 40-тысячным корпусом армии П.А. Румянцева должен был участвовать во взятии Варны и Константинополя. Румянцев скептически отозвался об этом плане и оказался совершенно прав. Экспедиция не была осуществлена⁶.

В два последующие года Дунай оставался только военно-стратегической границей. Основной задачей Первой армии было охранять западные территории и не допускать перехода турецких войск через Дунай. В эту задачу входила и переправа через Дунай на разных его участках небольшими отрядами. Еще в октябре 1769 г. Румянцев докладывал императрице, что в случае, когда две армии разделены рекой, главной проблемой становится состояние неизвестности и что необходимость знать расположение сил противника и его намерения требует разведывательных действий на правом берегу⁷.

В 1771–1772 гг. успешные действия на южном направлении достигли цели: турецкие силы были рассредоточены и не сумели перейти реку. Остановлен был и турецкий флот, прибывший в устье Дуная. Армия Румянцева укрепила свои позиции на левом берегу⁸.

На втором этапе войны Россия перешла к активным действиям на правобережье Дуная, чему способствовали благоприятные факторы военного и политического характера. После решения в 1771 г. проблемы с Польшей, Россия получила возможность целиком сосредоточиться на войне с турками, не опасаясь нежелательных действий со стороны основных заинтересованных стран – Австрии и Пруссии. Большие амбиции Петербурга определяли масштаб десантных операций 1773–1774 гг. Русская армия предприняла ряд попыток перейти реку и углубиться в направлении Шумена и Варны. И тут оказалось, что форсирование реки – не единственная трудность. Гораздо более сложным было преследование турецких частей, укрывавшихся в неизвестной русским местности, устраивавших засады или стремившихся окружить русские отряды. 30 июня 1773 г. Румянцев докладывал Екатерине II о трудностях, с которыми столкнулась его армия, и среди прочего упоминал, что «у Болгарии очень подходящее турецкое название – Делиорман, то есть разбойничий лес, где удобно воевать разрозненными силами. Обрывистые горы и глубокие впадины образуют ее рельеф». Подробности перехода через Дунай в 1773 г. хорошо известны. Напомню только, что в это время в армию Румянцева был зачислен А.В. Суворов, который 10 мая 1773 г. овладел Тутраканом. Эта операция, как и операции, проведенные позже отрядами И.П. Салтыкова и

О.-А. Вейсмана, являлись частью тактики введения противника в заблуждение, целью было облегчить переход через Дунай основным русским частям – корпусу Г.А. Потемкина, осаждавшему Силистру. Эта масштабная операция Дунайской армии показала, что большая река – серьезное препятствие и недостаточно преодолеть его в одном месте. Важно было также обеспечить беспрепятственное возвращение. Трудностей в этом отношении было много, основные состояли в нехватке пристаней, размерах водной поверхности – ширине реки, местами достигавшей километра, в недостаточном количестве плавсредств для переброски войск и снабжения их пропитанием и боеприпасами. Но река – не только водный путь и барьер, это еще и психологический предел – обстоятельства, которые с самого начала войны имели в виду петербургское правительство и русское командование⁹.

Письма П.А. Румянцева и А.В. Суворова свидетельствуют о накопленном опыте перехода русских войск через Дунай. Цели на правом берегу были точно определены, планы атак продуманы. 28 апреля Румянцев предложил великому визирю возобновить мирные переговоры. А два месяца спустя, после активных действий на правом берегу, Румянцев направил ему ультиматум. Переговоры длились пять дней, и 10 июля мир был заключен¹⁰.

Во второй войне Екатерины с Турцией переход на правый берег Дуная осуществляли части под командованием Суворова. Назначенный командующим войсками при Измаиле Суворов зимой 1790–1791 гг. обдумывал вариант наступления через Дунай, который строился на совместных действиях сухопутных сил и Дунайского гребного флота под командованием И.М. де Рибаса. Весной 1791 г. русские войска перешли Дунай и вели наступательные бои при поддержке кораблей де Рибаса. Совместные усилия обеспечили успех Дунайской армии, которой командовал Н.В. Репнин¹¹.

В ходе переговоров, которые российские дипломаты вели во время и по окончании двух войн, прочное утверждение на правом берегу не обсуждалось. Дунай оставался бесспорной границей между войсками России и Турции. После провала мирных переговоров при Фокшанах русские летом 1772 г. серьезно обдумывали проведение атаки против основных турецких сил в районе Шумена. Отдельные набеги через реку как часть оборонительной тактики считались полезным опытом для подготовки «чувствительного удара по противоположному берегу». Но, очевидно, российская сторона не была готова его нанести, т. к. с облегчением приняла новое предложение великого визиря продолжить переговоры в Бухаресте¹².

1790-е гг. выдались напряженными для российской дипломатии и военных стратегов. М.И. Кутузов был направлен в Константинополь в качестве

чрезвычайного посланника российской императрицы. А.В. Суворов разрабатывал план военных действий на случай нового нарушения мира с Турцией. И оба военачальника сосредоточили свое внимание на дунайских крепостях. Кутузов во время поездки в турецкую столицу и пребывания там собирал информацию о готовности Порты к войне. Суворов поставил перед доверенными лицами задачу изучить вопрос, какие укрепления имеются по Нижнему Дунаю и в дельте реки, в каком состоянии находятся Журжево, Русчук, Никополь и Турно. В конце 1793 г. Суворов подготовил план войны с Турцией, в котором значительное место отводилось Дунаю и крепостям по его берегам, гребному и парусному флоту. Наряду с максималистскими предложениями относительно Варны и Константинополя, Суворов предусматривал совместные действия с австрийскими войсками и разумно разделил зоны действия по Дунаю: русскому гребному флоту определялось пространство от устья реки до Браилы, что соответствовало его силам в то время – по его расчетам, в близком будущем едва ли можно было надеяться на быстрое строительство новых судов¹³.

16 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, которым возлагала на А.В. Суворова подготовку войны с Турцией. По мысли российской императрицы, гребной черноморский флот де Рибаса должен был немедленно войти в дельту Дуная, овладеть дунайскими берегами и нанести туркам сокрушительный удар¹⁴.

Опасность новой войны не реализовалась, но Суворов не пропускал случая напомнить о дунайской «естественной границе» («живой границе»), которую хотел бы нарушить, чтобы направиться к Проливам по суше и по морю. С этой целью он продолжал информировать о положении к югу от реки¹⁵.

Болгарские маршруты российских военных и дипломатов. Изучение южного берега Дуная и земель на пути к Константинополю стало актуальной для Петербурга задачей во второй половине XVIII в., когда быстрое продвижение русских войск на южном направлении открыло возможности для новых территориальных приобретений и стабилизации позиций России в Европе.

Во время войн, ведшихся Екатериной II с Турцией, русские военные специалисты столкнулись со множеством трудностей, которые таила большая река Дунай. Необходимо было не только собрать сведения о состоянии пограничных крепостей и военных складов вдоль Дуная, но и изучить контуры и глубину реки. С этой целью во время войны 1768–1774 гг. в штаб П.А. Румянцева были направлены морские офицеры, составившие карты для нужд Адмиралтейской коллегии¹⁶.

Имея в виду перспективу серьезных военных операций русской армии южнее Дуная, российский посланник в Константинополе до войны А.М. Обресков в письме от 8 июля 1773 г. считал нужным сообщить главнокомандующему П.А. Румянцеву, что «путь к Константинополю – совсем не широк и не гладок»¹⁷. В другом письме, от 2 ноября 1773 г., он подчеркивал стратегическое значение Варны и восточных путей Стара Планины, которые подробно описывал. Обобщая свои наблюдения, он писал: «Взятие Варны или, по меньшей мере, разорение пристани непременно заставит противника подумать о миролюбии. Овладение именно этой местностью, исходя из значения, которое она имеет для Константинополя, мне кажется сто крат полезнее, чем взятие Силистры и всех дунайских городов. Если потеря их и не заставит противника подумать о мире, то потеря Варны потребует от него покинуть все пространство между Дунаем и горами или вызовет необходимость позаботиться о снабжении боеприпасами этих районов по суше из Константинополя, что на самом деле почти невозможно». Обресков давал полную информацию о местности от Базарджика (ныне Добрич) до Провадии и Варны и подробно описывал перевалы в восточной части гор Стара-Планины. Расстояние между основными пунктами было измерено в часах. Провадия и болгарские села вокруг этого города указывались как подходящее место для квартирования русских войск. Он указывал и на значение хорошего материального положения местного населения¹⁸.

О переходе через Дунай и изучении прилегающих к нему территорий к югу от реки говорится и в дневниках двух чрезвычайных российских посольств во главе с Н.В. Репниным и М.И. Кутузовым. Они показательны для суждения о будущих намерениях Петербурга, содержат много интересных данных о способах изучения «болгарских маршрутов» русскими дипломатами и военными.

С точки зрения особых заслуг в обеспечении успеха русской армии в войнах Екатерины II с Турцией оба генерала не были случайно избранными представлять и защищать интересы Российской империи перед Портой. С целью подтверждения добрых отношений между империями Кючук-Кайнарджийский и Ясский договоры предусматривали обмен чрезвычайными посольствами. Эти посольства, наряду с церемониальными задачами, имели множество гораздо более важных целей, чем и объяснялось назначение генералов Н.В. Репнина и М.И. Кутузова. Одной из главных среди них являлось описание увиденного, а также исправление карт местности, по которой они проезжали.

Дневники и донесения Репнина и Кутузова свидетельствуют скорее об отсутствии у них особого интереса к местному населению. Однако болгарские земли, расположенные между Дунаем и Черным морем, уже в то

время были частью военных и политических планов Петербурга. Это – возможный театр военных действий, что и объясняет подробное описание поверхности, дорог, условий продвижения и пропитания военных частей. Изготовленные тогда карты использовались впоследствии в других войнах России с Турцией¹⁹.

Князь Н.В. Репнин сообщал премьеру о работе майора Арсеньева и капитана Шрейдера в деле создания «Географического дневника» посольства, где подробно описывались места, по которым проезжала свита посланника, а путь чертился «в лицевой и боковой проекции»²⁰. Карту местности, по которой продвигался Репнин и российское посольство, чертили и в 1793–1794 гг.²¹.

О значении «Географического дневника», ведшегося в 1775–1776 гг., говорит его использование при топографическом изучении болгарских земель в ходе следующих русско-турецких войн. Например, карты копировались в 1827 г., когда Россия активизировала политику в отношении Турции и напряженные отношения между двумя государствами вели к войне²². Подготовка к ней началась в 1821 г., когда вносились первые предложения о действиях русской армии на Балканах. Окончательно русские военные планы были разработаны и приняты в 1826–1827 гг. Во всех проектах и в окончательном варианте Болгария указывалась как возможный театр военных действий²³. Отсюда ее топографическое изучение и копирование карт 1776 г.²⁴

Продвижение М.И. Кутузова от Русчука до Константинополя описано как задача перехода через Дунай 30–40-тысячной армии и ее пропитания на болгарской территории. Важной частью дневников является информация о расстояниях и дорогах. Кутузов, например, сообщал: «Карнобат насчитывает до тысячи домов. От него до Ахели, ближайшей пристани на Черном море, 40 верст»²⁵; «В Адрианополе свыше 80 тысяч жителей, город стоит на холмах между реками Марица и Тунша. Вокруг него – виноградники, огороды и сады, откуда турецкая армия получала лес, его в здешних местах совсем немного. За рекой Марицей местность горная, но плодородная, отсюда поставляется большая часть продовольствия в Адрианополь. Дорога на Видин и Белград поднимается вверх по берегу реки через Филиппополь и Софию»²⁶.

Вопрос об учреждении консульств в Болгарских землях. По Кючук-Кайнарджийскому миру в качестве гарантии сохранения порядка и точного выполнения договорных положений Россия получила право открывать свои консульства и вице-консульства в турецких владениях там, где считала это необходимым (ст. 11). Российские консулы обладали такими же

правами и привилегиями, как и консулы Франции и Англии. Право России открывать свои консульства в османских владениях было подтверждено Торговым договором 1783 г.²⁷ В 80-е гг. Россия открывает свои консульства в азиатских и европейских владениях Турции и таким образом Петербург получает возможность с близкого расстояния следить за развитием событий в некоторых наиболее горячих областях империи, расширять дипломатические контакты и одновременно выгодно торговать²⁸. При этом Россия действовала очень настойчиво, росло число служащих в константинопольской миссии и в некоторых консульствах²⁹.

Вопрос о варненском консульстве был важен с точки зрения развития судоходства по Черному морю и военно-стратегического положения Варны и северо-восточных болгарских земель. Если иметь в виду стремление России торговать по черноморскому побережью, то побудительным мотивом открыть свое консульство в Варне был именно поиск возможностей для расширения торговых связей.

Как торговая пристань Варна была оценена еще в 50-е годы XVIII в., когда служащий Никитинской заставы Федор Семенов сообщил о ее удобном расположении³⁰. Значение Варны в качестве торгового центра росло вместе с экономическим подъемом болгарских земель в XVIII в., который сопровождался оживлением торговли в городах. Среди черноморских пристаней Варне принадлежало первое место, она обслуживала весь экономический район к северу от Стара Планины. Немаловажным дополнительным фактором для развития черноморской торговли и стабилизации российского присутствия на Черном море послужило присоединение Крыма к России в 1783 г. Возможности, создававшиеся новым положением, заставляли российское правительство обратить внимание и на западные черноморские пристани. С военно-стратегическим и растущим экономическим значением Варны и района вокруг нее связано стремление России открыть там консульство.

Попытка открыть консульство в Варне была предпринята 19 августа 1784 г., когда императорским указом консулом был назначен Георгий Милкович³¹. Сербского происхождения и, как он сам пишет, «илирийский дворянин» из областей, принадлежавших Венецианской республике, Милкович переселился в Россию, где в 1754–1755 гг. начал военную карьеру в сербском гусарском полку русской армии. Участвовал в польских событиях 1760-х годов, в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в крымских событиях конца 70-х – начала 80-х гг. Имел заслуги в деле переселения южных славян в Россию. Участвовал в комплектовании новороссийских полков. В 1772 г. был произведен в чин майора³². Причины назначения его на консульскую должность в Варну следует искать как в его активной де-

тельности до 1784 г., так и в южнославянском происхождении (обязательное условие при назначении консула – знание языка и обычаев местного населения). Не следует оставлять без внимания и тот факт, что как офицер русской армии он мог давать точную информацию о военном положении Варны и прилегающего района.

В Константинополь Милкович прибыл в ноябре 1785 г. На требование русского посланника Я. Булгакова к Порте предоставить берат и ферман – документы о согласии на назначение в Варну русского консула, был получен категорический отказ: «назначение такого консула в Варну совершенно невозможно». Эту категоричность Булгаков не сумел преодолеть, и вопрос о консульстве в Варне стал одной из причин следующей войны между двумя империями³³.

Нежелание Порты принять российского консула в Варне вполне объяснимо. Значительное возрастание военно-стратегического значения черноморского побережья после присоединения Крыма к России и присутствие ее консула в Варне означало бы усиление и расширение русского влияния в османских владениях, притом уже к югу от Дуная. Тем более, что в то время Россия достигла значительного успеха и в Дунайских княжествах.

Свет на развитие вопроса об открытии российского консульства в Варне проливает письмо великого визиря Юсуфа-паши к вице-канцлеру графу И.А. Остерману, посланное в октябре 1786 г. со специальным курьером в Петербург. Признавая право России открыть свое консульство, визирь выражал надежду, что северная столица не причинит Высокой Порте нового беспокойства и не создаст опасности для нее, настаивая на открытии консульства в Варне. Кроме того, что Варна – весьма важная для Турции пристань, – писал он, – это также и военная база со значительным количеством постоянно находящихся там войск. Все это заставляет Порту быть предельно внимательной. К тому же отсутствие каких-либо деловых связей с представителями других европейских государств в Варне не позволяет обеспечить охрану и безопасность российского консула³⁴.

Отправка специального курьера в Петербург для выяснения вопроса о варненском консульстве свидетельствует о том, сколь большое значение придавало этому делу османское правительство. В свою очередь настоятельное требование российского правительства объясняется постоянным присутствием турецких войск в черноморской пристани, расположенной на небольшом расстоянии от российской границы, что, конечно, не могло не интересовать Петербург. Сам факт отправки специального курьера предоставлял России, помимо прочего, военную информацию, весьма важную в момент углубления противоречий в российско-турецких отношениях. Действия турецкой стороны следует рассматривать не только как

ее желание решить проблему, но и как зондаж намерений России в отношении Турции.

Россия не отступала от требования открыть консульство в Варне, об этом свидетельствует нота Я. Булгакова, переданная Порте незадолго до начала войны 1787–1891 гг.³⁵

Но в Варну российский консул так и не был назначен и после окончания этой войны. Первое российское консульство было открыто в Сливене в 1829 г.³⁶ – после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Заключение. Войны Екатерины II против Османской империи принесли России выход в Черное море и приобретение значительных территорий в Северном Причерноморье. Граница стала проходить по реке Днестр, а выражением российской внешней политики конца XVIII – первых десятилетий XIX в. явилась мечта Суворова нарушить «естественную границу», т. е. осуществить переход русских войск на южный берег Дуная. Болгарские земли оставались стратегическим направлением политики Петербурга и в последующие сто лет. Они являлись театром военных действий, но более всего объектом дипломатического влияния, осуществлявшегося и через открытые там в XIX в. российские консульства.

Примечания

- ¹ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 14, кн. VII. М., 1991. С. 391–393; Т. 15, кн. VIII. М., 1993. С. 362–363; Кочубинский А. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М., 1872. С. 6–7, 14, 20; Тодорова М. Подбрани извори за историята на балканските народи. XV–XIX век. София, 1977. С. 382; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 105.
- ² Состояние народа турецкого в 1703 г., описанное графом П.А. Толстым. Сообщил А.А. Сергеев // Известия ТУАК. Т. 51; Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи XVIII в.). Составители и авторы вступительной статьи и примечаний М.Р. Арунова, С.Ф. Орешкова. М., 1985.
- ³ Кочубинский А. Указ. соч. С. 37, 49; Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 15. С. 363–365, 367; Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 119–122.
- ⁴ По Дунаю, в отличие от Буга и Днестра, могут плавать не только малые речные суда, но и морские // Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. Приложения 2, 3, 7. С. V–VII, XIV–XV.
- ⁵ Русские полководцы. П.А. Румянцев. Документы. Т. 2. 1768–1775. М., 1953. С. 197–699.
- ⁶ Уляницкий В. Указ. соч. С. 412, 416–417; Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988. С. 32;

- Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. С. 428–430, 655; *Дружинина Е.И.* Ключик-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 155–156.
- ⁷ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Указ. соч. С. 32; Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. С. 155, 398, 426–428 и др.
- ⁸ Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. С. 433, 490–495, 511–512, 514–516.
- ⁹ Там же. С. 565–671, 575–578, 585–595, 598–602, 608–609, 618–621, 641–654, 657, 659–661; Русские полководцы. А.В. Суворов. Т. 1. М., 1949. С. 635–636, 638–640, 662, 664–666, 668–669, 673, 677–679; *Суворов А.В.* Письма. М., 1987. С. 26, 28; *Уляницкий В.* Указ соч. С. 461, 467; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Указ. соч. С. 32–33.
- ¹⁰ Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. С. 713–720, 723–726, 758, 769–770; Русские полководцы. А.В. Суворов. Т. 1. С. 684.
- ¹¹ Русские полководцы. А.В. Суворов. Т. 2. М., 1951. С. 524–525; *Суворов А.В.* Указ. соч. С. 203–206, 209, 612. *Кутузов М.И.* Письма, записки. М., 1989. С. 14–19; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Указ. соч. С. 40–41; *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. Т. 1. М., 1896. С. 232.
- ¹² Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. С. 541–542, 546–549, 555; *Уляницкий В.* Указ. соч. С. 404–405, СХХХII (приложение 45), CLXXVII–CLXXIX (приложение 47).
- ¹³ Русские полководцы. А.В. Суворов. Т. 3. 1791–1798. М., 1952. С. 250–266, 268; *Суворов А.В.* Указ. соч. С. 260, 650–651; *Кутузов М.И.* Указ. соч. С. 68, 102.
- ¹⁴ Русские полководцы. А.В. Суворов. Т. 3. С. 272–277.
- ¹⁵ Там же. С. 520; *Суворов А.В.* Указ. соч. С. 282, 288, 291, 292, 304, 307, 678, 681.
- ¹⁶ Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. С. 524–525.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 1766. Л. 118.
- ¹⁸ Там же. Л. 126–128.
- ¹⁹ Там же. Д. 444, 445, 464, 777; От Русчук до Константинополь (1793 г.) // Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век. Съставителство, предговор, коментар и бележки М.Н. Кожухарова. София, 1986. С. 58–67; Сборник РИО. Т. 6. СПб, 1871. С. 343, 356, 368.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 444. Л. 52.
- ²¹ Информацията за картата е във връзка със строителните работи по крепостите Бендер, Акерман, Чингине Килеси (която е на румелийския бряг, ок. 50 версти от Константинополь) // *Кутузов М.И.* Указ. соч. С. 45.
- ²² История на СССР. Ч. 1. София, 1972. С. 560–561.
- ²³ *Конобеев В.Д.* Българското национално освободително движение. София, 1972. С. 190–192.
- ²⁴ Топографические маршруты от Константинополя до Галаца, за Дунай, составленные при следовании Российского посольства в Апреле 1776 года. Скопированы при Штабе 3-й Уланской Поселенной Дивизии в 1827 г.
- ²⁵ От Русчук до Константинополь... С. 63.

- ²⁶ Там же. С. 66.
- ²⁷ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 353; Александренко В.Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. 1774–1906. Варшава, 1906. С. 62–63.
- ²⁸ Подробнее см. Стоилова Т. Третият Рим. Мирните решения на руската имперска политика в Югоизточна Европа през XVIII век. София, 2001. Трета глава. Руските консулства в Османската империя и Средиземноморието през XVIII в. С. 238–352.
- ²⁹ ПСЗ. Т. 21. СПб, 1830. С. 420–421.
- ³⁰ Андриевский А. Дела кающихся запорожцев с 1715–1774 г. // Записки Одесского общества истории и древности. Т. 14. 1886. С. 626.
- ³¹ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 1044. Л. 16; Д. 1037. Л. 1.
- ³² Там же. Д. 1038. Л. 17–18; Д. 1044. Л. 3–4.
- ³³ Там же. Д. 660. Л. 83–84. Энгельгардт Л.Н. Записки. 1766–1836. М., 1867. С. 66.
- ³⁴ ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 679. Л. 2–4.
- ³⁵ Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 66.
- ³⁶ Димитров Ф. Руското вицеконсулство в Търново // Прослава на Велико Търново. София, 1978. С. 308.

Т. Готовска-Хенце
(Институт истории БАН)

Русско-турецкая освободительная война 1877–1878 гг. и молодое славянофильское поколение в чешских и болгарских землях*

В отличие от других социальных дисциплин – политологии, социологии, массовой психологии, обобщения которых основываются на анализе конкретных и актуальных данных, история далеко углубляется во время. Причина и следствие в истории иногда разделены целыми поколениями, и не случайно исследователи вновь и вновь возвращаются к судьбоносным событиям, находя их новые измерения. Это в полной мере относится к войне 1877–1878 гг., литература о которой продолжает множиться и доньше¹.

События 1877–1878 гг. на европейском юго-востоке повлияли на общественное мнение всего континента. Более того, следы их воздействия обнаруживаются в настроениях, идеях и ценностях поколения, чье политическое и профессиональное вступление в жизнь произошло спустя десятилетия после окончания войны. В предлагаемом исследовании мы проследим воздействие Освободительной войны на молодое славянофильское поколение, и в качестве иллюстрации используем примеры из жизни двух художников и двух будущих политиков, бывших во время войны школьниками.

Школа и славянофильские настроения

В 70-е годы XIX в. учебное дело переживало в чешских землях небывалый расцвет. Попутно оно превратилось в главный генератор патриотических и славянофильских настроений. Целые школы стали известны как «славянофильские гнезда». В них отправляли своих «продвинутых» детей не только чехи, но и представители других славянских наций, в том числе

* Перевела Р.П. Гришина

болгары. Их привлекало то, что атмосферу в этих школах формировали учителя и директора, проявившие себя как национальные деятели. Например, директор открытой в 1865 г. в Праге Младостранской гимназии Вацлав Зелени слыл известным патриотом, участвовал в издании журнала «Обзор» и Журнала чешского музея, являлся депутатом Чешского земского сейма²; директор таборской гимназии Вацлав Крижек интересовался историей южных славян, писал учебные тексты о них, был лично знаком с Христо Г. Дановым³. Подобным образом помогал болгарской молодежи в Писеке Адольф Гайдук. Действительно в середине 70-х гг. XIX в. отмечается рост числа болгар среди учащихся чешских гимназий; по все еще неокончательным данным, в чешских городах Табор, Писек, Прага и Градец Карлове училось около 200 болгар⁴. Болгары учились и в Праге. Они устремлялись в те гимназии, которые давали профессию, в торговые, сельскохозяйственные и технические училища⁵. Большинство болгар приезжало в чешские земли по рекомендации русских славистов, использовавших свои контакты с чешскими учеными⁶. В других случаях – по инициативе болгарских просветителей⁷.

Болгарская молодежь, получавшая образование в чешских землях, в основном училась со старанием, это были дисциплинированные ученики. Связи с родиной они не порывали и выступали ревностными пропагандистами болгарской национальной идеи. Объединялись в общества, читали газеты, обсуждали новости из родных краев. Благодаря романтической самоотверженности они пользовались симпатией чешской общественности, обзаводились личными друзьями.

В 1873 г. в грубой крестьянской одежде и с феской на голове отправился из родного Шумена учиться в чешские земли будущий болгарский политический деятель Стоян Данев. Вначале он подал заявление в Педагогическое училище в г. Градец Карлове⁸. И уже тогда он стал свидетелем огромного сочувствия, которое испытывали чехи к судьбе болгар. «Я не знаю, чтобы где-нибудь за границей наши несчастья вызывали всеобщее сочувствие и сострадание, как это было в Чехии (речь шла о зверствах при подавлении Апрельского восстания 1876 г. – Т. Г.-Х.)», – писал он позже в воспоминаниях⁹. Уйдя в 1876 г. добровольцем в революционную чету, Данев на короткое время прервал обучение, но уже в 1877 г. учился в Праге на последнем курсе гимназии. Здесь он попал в компанию примерно десятка своих соотечественников из различных учебных заведений. Собираясь вместе, они пели народные песни, приходили и македонцы¹⁰. Когда попытка зарегистрировать свое ученическое общество не удалась из-за отказа губернатора, они были приняты в члены хорватского общества «Звенимир»¹¹.

Движущей силой чешской общественной жизни в то время было сознание принадлежности к общеславянской идее¹². Это относилось и к молодому поколению, учащимся. Самым крупным «славянофильским гнездом» в Праге была Малостранская гимназия. В ней, кроме болгар, учились также сербы и поляки, однако их было меньше¹³. Контакты между ними были не только прямыми, непосредственными, но и очень искренними, дружескими. Наряду с немецким языком и латынью, с первого по восьмой класс преподавался чешский язык. Финансировало гимназию не государство, а община, потому и порядки в ней были довольно свободными. На официальных праздниках здесь пели не императорский гимн, а чешский Святовацлавский хорал¹⁴. Когда же необходимо было все-таки петь австрийский гимн, а учащиеся демонстративно молчали, учителя делали вид, что не видят. И все обходилось.

В 1871 по 1878 г. в этой гимназии учился Карел Крамарж (1860–1937), впоследствии наиболее известный политический деятель времен Австро-Венгерской монархии. В ее последний класс записался в 1877 г. и Стоян Данев. На молодого шуменца, имевшего ореол человека, который рисковал жизнью за Отечество, произвело впечатление расположение к нему учителей и дружелюбие одноклассников¹⁵. В частности, сам Крамарж находился под большим впечатлением от смелости и самоотверженности своих южнославянских ровесников¹⁶. Славянские ребята незаметно общались к чешскому народно-политическому кредо; по словам Данева, они чувствовали себя «их соплеменниками, и их стремления становились нашими»¹⁷. В свою очередь в сознании чешских одноклассников болгарские национальные aspirations настолько сплетались с понятиями общеславянской солидарности, что невозможно было отграничить одно от другого¹⁸.

Настроения учащихся формировались не только патриотически настроенными учителями, но и под влиянием радикальной чешской прессы и, прежде всего, ежедневной газеты «Народни листи». Она начала выходить в 1861 г. и благодаря своему основателю д-ру Юлиусу Грегору (1831–1896) стала притягательным центром для молодых и талантливых интеллектуалов. В его орбиту были вовлечены Ян Неруда (1834–1891) – один из крупнейших писателей того времени, Б. Сметана (1824–1884), поднявший чешскую национальную музыку до европейского уровня, и молодой, но очень талантливый художник Миколаш Алеш (1852–1913) и другие¹⁹.

В вопросах внутренней политики вестник следовал радикальной линии недавно оформившейся младочешской партии (в ее основании участвовал и Юлиус Грегор), но при этом имел четко очерченный славянофильский и русофильский профиль. В пропаганде южнославян-

ской и, в частности, болгарской проблематики особую заслугу имел писатель и публицист, ключевая фигура чешской культуры, Ян Неруда. Из-под его пера вышло свыше 2000 статей, опубликованных в вестнике, многие из них были посвящены Балканам. Его интерес к событиям в этом регионе особенно проявился во время кризиса 1876–1878 гг. и Освободительной войны²⁰.

В вестнике впервые были опубликованы южнославянские юнацкие песни в переводе Йозефа Холечека (1853–1929), которые он собрал в Черногории. По словам Крамаржа, именно они взволновали младоэстражских учащихся²¹. Подвиги юнаков-хайдучков захватывали воображение молодежи, за напряженными событиями на Балканах в то время все трепетно следили²². Свой родолюбивый дух Крамарж принес из родного края: население Креконошите было известно патриотизмом. И, как увидим дальше, во время Русско-турецкой войны их молодое землячество оказалось среди наиболее активных агитаторов по набору добровольцев. Отец Крамаржа – Петр также принадлежал к патриотически настроенным людям²³. Карел же, попав в младоэстражскую гимназию, часто выступал на переменах с речами перед одноклассниками, писал «пламенные патриотические обращения» в редактируемой им школьной газете²⁴. В воспоминаниях Стояна Данева он предстает «интеллигентным и боевым молодым человеком», выделявшимся среди остальных и уже тогда проявлявшим лидерские качества²⁵.

Крамарж производил впечатление и на преподавателей – однажды его классный учитель поделился со своим коллегой: «Из этого парня получится что-то большое ...»²⁶. Заданную для домашней работы «патриотическо-династическую» тему Карел разработал столь «своеобразно», что учитель предпочел «потерять» тетрадь смелого ученика, чтобы уберечь его от неприятностей с полицией²⁷.

Но проблемы все же возникали. Например, в связи с тем, что Крамарж тайно подписался на «Народни листи» и распространял издание среди учащихся²⁸. Тогда возник серьезный конфликт с преподавателем катехизиса – консервативным католиком, поймавшим его с экземпляром газеты. К счастью, инцидент не привел к серьезным последствиям для юноши. «Не будь наша реальная гимназия столь либеральной, я мог бы пострадать в достаточной степени», – считал он годы спустя²⁹.

Еще 12-летним Крамарж принял решение посвятить себя политике³⁰. Что касается С. Данева, то он уже имел реноме героя благодаря добровольному участию в чете воеводы Филиппа Тотю, хотя по его словам, он пошел в отряд, «даже не умея держать ружье»³¹.

Посещение генералом М. Черняевым Праги в 1877 г.

Первым поводом для патриотичных малостранских учащихся на практике проявить русофильские и славянофильские настроения стало посещение Праги ген. Черняевым в начале 1877 г., когда известный славянофил возвращался из Сербии³². Хотя военную доблесть он проявил еще во время Крымской войны³³, свою популярность генерал приобрел, прежде всего, как главнокомандующий славянским добровольческим отрядом во время сербско-турецкой войны 1876 г.

Под его командованием находились сотни добровольцев из славянских стран. Естественно, больше всего было болгар. Молодежь же – студенты и ученики-старшеклассники, по словам Данева, просто бросалась в глаза. Это были выходцы из разных географических районов и из разных социальных слоев³⁴. Большинство из них не удовлетворились кратким военным интермеццо 1876 г. и, когда началась Русско-турецкая война, вновь включились в борьбу³⁵.

Готовность Черняева к борьбе за «святую славянскую идею» обеспечила ему многочисленных почитателей среди чехов³⁶. Однако российский император не хотел преждевременно вступать в военный конфликт: по его распоряжению добровольцев на сербском фронте стали считать политическими эмигрантами. Сам Черняев получил приказ немедленно вернуться на родину³⁷.

В Богемии действия Черняева нашли наибольший отклик в Народной партии – среди сторонников Яна Скрейшовского (1831–1883)³⁸. Скрейшовский придерживался в то время радикального взгляда в пользу разрыва чешских земель с Австро-Венгрией и объявления Чешского королевства независимым, взгляда не особенно популярного даже в рядах его собственной партии. Активность России на Балканах пробудила в нем надежды на осуществление таких планов. Относясь к разногласиям между императором и Черняевым как к временным и чисто тактическим, Скрейшовский полагал, что «завоевание» генерала означало бы привлечение России. Отсюда и установление личных контактов старочешского политика с русским славянофилом. Он даже посетил генерала в Белграде и пригласил заехать в Прагу при возвращении на родину³⁹.

Вернувшись в Богемию, Скрейшовский предался русофильской агитации. Опираясь на пример венгров, подаривших Керим-паше золотую саблю, он предложил подарить от имени пражан Черняеву почетное оружие. Реализацией идеи занялось чешское молодежное гимнастическое патриотическое общество «Сокол»⁴⁰.

Официальная Вена считала Черняева «опасным распространителем панславизма» и, несмотря на уверения австро-венгерского посольства в Петербурге в том, что Романовы не поддаются славянофильской агитации, до минимума сократила пребывание генерала в Богемии⁴¹. По уведомлению МИД министр юстиции распорядился выдворить его из города из-за угрозы «возможных демонстраций»⁴². Ограничения, предпринятые австрийскими властями, не помешали, однако, проведению демонстрации и не охладили энтузиазм пражан. Улицы заполнились ликующими толпами. Среди них, естественно, находились и самые запальчивые малостранские гимназисты. Крамарж с единомышленниками сбежали из училища, чтобы не пропустить событие⁴³. Демонстрация в честь русского генерала была, по словам Данева, «действительно внушительной»⁴⁴. Скрейшовский в свою очередь нашел способ установить контакт: вскочил в вагон поезда и проводил генерала до границы⁴⁵.

Черняев благодаря находчивости молодых славянофилов сумел получить и свою почетную саблю. В Праге в гостинице молодой член «Сокола», одетый кельнером, предупредил его, что на границе его будет ждать молодежная делегация, чтобы передать ему почетное оружие⁴⁶. Так и произошло. Появление Черняева с мечом на аудиенции императора произвело на Александра II большое впечатление⁴⁷. Меч был вещественным доказательством того, что весь славянский мир призывает Россию к освобождению балканских славян.

Политическая акция чешского общества во время посещения Праги генералом Черняевым оценивалась властями как наиболее выразительная⁴⁸. Расследования полицейских служб, искавших за «аферой Черняева» вооруженный антигосударственный мятеж, не дали результата⁴⁹. Проявление русофильских и славянофильских симпатий, сопровождавших визит генерала, хотя и имело политический подтекст, оставалось чисто демонстративным. Эти симпатии, бесспорно, разделяла политически созревающая молодежь. Что касается Крамаржа, то, приветствуя Черняева на пражских улицах, он даже не подозревал, что одновременно приветствовал и одного из родственников своей будущей супруги!⁵⁰

Война – общеславянское дело

В такой приподнятой славянофильской атмосфере известие о царском манифесте 24 апреля 1877 г. с объявлением войны Турции славянская Прага отметила праздничным украшением города, чешские и русские флаги украсили фасады многих зданий⁵¹.

Упомянутый выше Юлиус Грегор, владелец газеты «Народни листи», не удержался и тремя днями позже в письме к проф. В.П. Ламанскому поделился своими чувствами: «Вы можете быть горды тем, что Вы русский и, как и мы, чехи, горды сознанием, что мы славяне!»⁵². От редакции его газеты уже в июне 1877 г. был отправлен корреспондент в распоряжение русского штаба⁵³. Впервые в чешской национальной истории появилась фигура иностранного военного корреспондента⁵⁴.

В течение всего времени, пока длился военный конфликт, газета, выходявшая ежедневно на четырех полосах, снабжала читателей самой разнообразной информацией. На первой странице постоянно публиковались новости о развитии событий, это были краткие сообщения, полученные по телеграфу. Их сопровождали редакционные комментарии. Помещались и прямые корреспонденции с поля боя, касавшиеся не только положения на фронтах, но и жизни и бытовых условий местного населения. Так чешские читатели получали сравнительно широкое представление о событиях на Юго-Востоке Европы. Прямые корреспонденции перепечатывались и словацкой печатью⁵⁵.

Для удовлетворения возросшего интереса читателей еще во время войны издавались сборники о военных перипетиях. Их авторами были наблюдатели или непосредственные участники событий, в них помещались карты, гравюры и портреты, которые и до сих пор остаются достоверным и ценным источником информации.

Неизвестным научной аудитории остается, например, вышедший в 1877 г. сборник Э. Рюфера⁵⁶. Уже в вводных словах автор заявлял о стремлении к достоверности: «Начиная труд с целью увековечить мировые события, мы будем держаться исторической правды в твердой надежде, что в конце книги отметим победу славянского оружия, победу права и свободы». Он предлагал читателю подробное описание решающих сражений, географические, стратегические и этнические справки районов военных действий, описывал жестокости турок и страдания местного населения, знакомил с имевшими место актуальными политическими шагами (например, осуществил публикацию полного текста обращения Болгарского центрального благотворительного комитета к болгарам) и даже рассказал историю Райны-княгини (хотя и называл ее «Райка»). Эрудиция Рюфера привлекла внимание Стояна Данева, купившего сборник и сохранившего его среди своих чешских книг.

Весть об объявлении русско-турецкой войны быстро распространилась по малостранской гимназии. «Мы и, прежде всего, я сам были преисполнены восторгом, страданием и радостью, мы чувствовали одно, что эта война и за наше дело», – выразил общее настроение молодой Крамарж⁵⁷.

Много молодых людей посетило организованный по инициативе Народной партии молебен за победу русского оружия в церкви «Святых Кирилла и Мефодия»⁵⁸. В торжествах наряду с чешскими политиками и представителями русской колонии участвовали также пражские гимназисты, по большей части славянского происхождения⁵⁹. Малостранские учащиеся вновь лихорадочно искали возможность приобрести портрет императора-освободителя, чтобы тайно украсить им свои дома.

Больше всех ожиданием предстоящих событий были возбуждены, естественно, болгары, включавшиеся в различные акции Народной партии. Под выработанным ее лидером Франтишеком Ригером «Манифестом чешского народа», который был послан в Московский славянский комитет, наряду с солидными чешскими депутатами подписались и 66 болгарских учащихся⁶⁰.

Редакции пражских газет были засыпаны поздравительными телеграммами. «Придет время, когда славянское студенчество сумеет проявить на деле то, что сегодня может выразить только словами благодарности России ...», – говорилось в телеграмме южнославянских студентов, опубликованной на страницах старочешской «Политики», редактором которой в то время был Скрейшовский⁶¹.

Тогда же в Прагу пришли воззвания бухарестской «Славянской дружины»⁶². 7 мая 1877 г. эта организация выступила с призывом о наборе добровольцев для помощи русской армии в предстоящей войне. Воззвание было переведено на различные языки – чешская версия распространялась в Праге и других чешских городах⁶³. Полиция Богемии получила предупреждение о событиях. В конце июля 1877 г. Министерство внутренних дел в Вене отдало Пражской дирекции полиции распоряжение выяснить вопрос о возможном количестве добровольцев из числа учащихся болгар⁶⁴. Однако быстро было установлено, что не только болгарские, но и чешские юноши готовятся отправиться на фронт для участия в «болгарской легии»⁶⁵.

Агитацией были охвачены преимущественно молодежные патристические общества и землячества⁶⁶. Для предотвращения их «русифильского горения», как говорилось во внутренних рапортах, полиция запретила проведение конференций двух наиболее крупных организаций – конгресса землячества области «Сазава», назначенного на 11–13 августа, и конгресса горцев из Корконоши, назначенного на 18–20 августа 1877 г.⁶⁷ В последней организации состояла молодежь из родных мест Крамаржа. Австрийские власти предприняли предупредительные меры и в отношении снабжения их оружием⁶⁸. И если полиция наблюдала за болгарскими, но не препятствовала им как иностранным гражданам,

то движению чехов активно противодействовала и некоторых даже возвращала с дороги⁶⁹.

В начале мая 1877 г. младочешский военный корреспондент сообщал о притоке большого числа болгарских добровольцев в Крайову. Большинство из них не были новичками – уже имели опыт недавней сербско-турецкой войны. Их «открытый характер и интеллигентный вид» производили большое впечатление, писал он, они были «веселы и воодушевлены борьбой против векового врага»⁷⁰.

Ход войны и уличная «политика» в Богемии

Хотя общее число чешских добровольцев в русской армии было невелико⁷¹, остававшиеся на родине славянофильски настроенные молодые люди доставляли большие неприятности полиции. Свое настроение они шумно выражали на демонстрациях, засыпали телеграммами редакции чешских газет. Так действовали учащиеся не только Малостранской гимназии, но также других пражских училищ.

Война оживила деятельность и другого молодежного русофильского и славянофильского центра – пражского художественного училища, давно известного полиции своими настроениями: в 1876 г. проходил судебный процесс по поводу демонстрации будущих художников против пангермански настроенного преподавателя⁷². Теперь же в газете «Народни листи» была опубликована недвусмысленная телеграмма: «Глубоко взволнованные проявлением вашей братской любви, заявляем в полный голос: «Слава России!» За победу над славянскими кровопийцами!»⁷³. Полицейское расследование в поисках застрельщиков быстро установило, что ими были Ярослав Вешин (1860–1915) и Микулаш Алеш (1852–1913). Один из них взял тогда в руки перо не только для того, чтобы подписать телеграмму, – он увековечил своим рисунком героический подвиг защитников Шипки.

Чешская общественность следила за развитием военных действий, за тайн дыхания. Как вспоминал С. Данев: «Не верю, чтобы еще какой-нибудь народ с таким сердечным напряжением следил за военными событиями. Казалось, что речь идет об их собственном освобождении»⁷⁴. Писатель Алоис Ирасек так передал настроения многих людей того времени: «Какая тревога, какие переживания, когда приходили вести об ожесточенных боях на перевале (речь идет о Шипкинском перевале. – Т.Г.-Х), где небольшая русская армия и шесть тысяч болгарских добровольцев отбивали атаки 300-тысячной армии Сулеймана-паши. Как бесили нас венские газеты, уверенно предвещавшие падение Шипки, как раздражало их злорадование, их и венгров»⁷⁵.

Еще большее напряжение в чешском обществе вызвало сражение за Плевну, от которого зависел исход войны⁷⁶. Рюфер писал, что битва за Плевну имеет всемирное значение⁷⁷. В таких условиях пражской полиции приходилось быть начеку. Когда же 28 ноября/10 декабря началась атака турок, полиция была приведена в состояние повышенной готовности⁷⁸. Любое уличное действие требовало специального разрешения, каждая заявка подвергалось строгому рассмотрению со стороны властей, исходивших из необходимости соблюдать объявленный Австро-Венгрией нейтралитет в конфликте⁷⁹.

Падение Плевны 11 декабря 1877 г. и поражение турок широко освещались в европейской прессе⁸⁰, на всем континенте появились улицы, названные в честь этого города⁸¹. В славянской Богемии падение Плевны превратилось в национальный праздник: пражские улицы быстро наполнились оживленными и радостными людьми, обнимавшимися со словами «Плевна пала!». Многие частные дома и даже местные властные учреждения были празднично освещены, из окон вывешивались русские и другие славянские флаги. В общественных местах появились транспаранты: «Слава победителям Плевны!»⁸². «Плевна пала!» – около 600 телеграмм с таким текстом было отправлено в различные города и общины⁸³. Телеграф был перегружен. «Скопление телеграмм было столь велико, что потребовалось чрезвычайное увеличение числа служащих», с удовольствием отметила славянофильская газета «Народни листи»⁸⁴. Больше всего радовались молодые люди – студенты и учащиеся старших классов. «Это были радость и восторг!», – вспоминал гимназист Крамарж⁸⁵. В процессии, прошедшей через Вацлавскую площадь, участвовало около тысячи молодых людей. Они скандировали «Слава русскому оружию!» и пели «Гей, славяне!» и «Где дом мой родной!». К шествию присоединялись все новые и новые люди и, согласно чешской прессе, в нем участвовало шесть тысяч человек. На Краловой площади перед зданием чешского Политехнического института участники демонстрации скандировали «Слава русским!». Но скоро она была разогнана, несколько человек задержано⁸⁶.

Малостранские гимназисты включились в народное празднование в квартале Карлин, где зажигали бенгальский огонь⁸⁷. В полный голос кричал «Слава русским!» и пел «Гей, славяне!» и молодой Карел Крамарж. Разъяренные полицейские начали разгонять собравшихся, и он лишь чудом сумел вырваться из рук одного из них, схватившего его за галстук⁸⁸. Это было первое и самое безобидное, но совсем не последнее столкновение будущего политика с австрийской полицией⁸⁹.

На следующий день – 12 декабря торжества приняли еще больший размах – перед Народным театром собралось около 8 тысяч человек. Отряд в 150 полицейских силой разогнал их. Газета «Народни листи» сообщала

и о задержанных⁹⁰. Но одновременно в отдаленном квартале Подолье звучали победные салюты. Город успокоился только поздно вечером и лишь после того, как из Фердинандовых казарм были отправлены дополнительно шесть вооруженных отрядов⁹¹. Впрочем, даже молодые люди в форме не скрывали своих чувств. «Среди чешских солдат пражского гарнизона царило радостное настроение и многие из них пытались отметить по-своему русскую победу», – сообщал шеф пражской полиции в рапорте начальству. Наказания за это получили 116 солдат⁹².

Прага не была исключением. Таким же образом – с транспарантами, праздничным освещением и уличными демонстрациями – праздновали и другие чешские города, в том числе небольшие. В Чешских бродах – с музыкой, в Млада Болеслав – с бенгальскими огнями. Особенно массовыми были шествия в Бероуне, Слани, Нови Биджове, Колине⁹³. В полицейских сведениях приводился подробный список из десятков городов и поселений, где происходили шествия⁹⁴. Не осталась в стороне и католическая Моравия. И там победу отмечали с приветствиями в честь русских, с музыкой, флагами и праздничными шествиями – не только в Брно, но и во многих небольших поселениях: Иванчице, Френштат под Радхоштем и др. Торжества по всей стране проводились в течение нескольких дней. В отдельных местах для разгона демонстрантов применялась армия⁹⁵.

В некоторых городах в честь победы устраивали благотворительные акции. Их главными инициаторами выступали редакции различных газет⁹⁶. Например, денежные средства спонтанно собирали жители Пржибрама, Веалвара, Хотебора, Бероуна и др. Из Часлава послали три золотых дуката великому князю Николаю с просьбой передать их некоторым из русских солдат, участвовавших в боях за Плевенскую крепость⁹⁷. И до самого конца войны известие о каждой русской победе вызывало массовые уличные шествия⁹⁸. Как отмечалось в одном полицейском рапорте того времени, чехи не только «нарушали порядок», салютуя русским, но и использовали события, чтобы подать «знак России вмешаться, имея в виду предоставление чехам в границах империи таких же прав, что получили венгры в 1867 г.»⁹⁹. И действительно, в глубине своей чешская «уличная политика» выражала, помимо реакции по конкретному поводу, исконные национальные стремления неравноправной нации. Славянофильство в сущности было «своего рода расширенным национализмом»¹⁰⁰.

Наконец, в Богемии пришла новость об окончании войны и Сан-Стефанском мире. «Мир с Турцией подписан, после пятивекового рабства славянское население Балканского полуострова освобождено от мусульман...», – сообщили читателям «Народни листи»¹⁰¹. Славянофильский орган задыхался в восторге от «русской победы», благодаря которой воскрес-

ли целые народы. Под защитой «самого сильного своего брата» эти народы теперь искали место в рядах независимых европейских наций. С гордостью в газете очерчивались их границы: «От берегов Адриатики до Черного моря разнесится возглас свободной жизни, и эта жизнь – славянская!»¹⁰².

Интерес к событиям на Балканах в 1877–1878 гг. чешская публика проявляла и после окончания войны. Спустя более десяти лет после Освобождения военный корреспондент газеты «Народни листи» издал роман о своих переживаниях на Балканах в 1877–1878 гг.¹⁰³.

* * *

Война 1877–1878 гг. развязала Балканский кризис. В чешском обществе она стала кульминацией русофильских и проболгарских симпатий, одновременно подняв национальное самочувствие молодой славянской нации. Это ощущала и взрослеющая молодежь. Через год после окончания войны, уже простившись с Младостранской гимназией, Карел Крамарж записал в дневнике: «Моя святая обязанность овладеть духовно всем необходимым, чтобы смочь когда-то успешно действовать на поле брани, где решается судьба нашей Родины. Единственный мой идеал – живым словом и словом написанным бороться за наши святые права...»¹⁰⁴.

«Уличная политика» в Богемии в 1877–1878 гг. живо свидетельствовала о начавшемся процессе превращения чешской политики в массовую, который продолжался и усиливался в последующие десятилетия. Он был знаком того, что события внешнеполитического характера, получавшие симпатии подвластных народов, приобретали для них внутриполитическое значение. Пристрастия чехов однозначно демонстрировали – они подсознательно идентифицировали себя с победами русского оружия. В активизации чешского общественного мнения в 1877–1878 гг. бесспорную роль сыграла национальная пресса, а также распространение информации с помощью брошюр и сборников. В частности, «Народни листи» стали прямо-таки национальной трибуной. Младочешский орган тайно распространялся и среди учащихся, а консервативно настроенные учителя возводили его в критерий благонадежности.

Война и сопровождавшая ее «уличная политика» превратились в Богемии в катализатор ранней политизации учащейся молодежи. «Славянофильское лобби», созданное во многих училищах под крылом патристически настроенных учителей и благодаря болгарским воспитанникам, в очередной раз активизировалось в 1877–1878 гг. Общеславянским романтизмом, формировавшимся в то время, была отмечена судьба немалою числа представителей поколения. Он принес свои плоды в следующее

десятилетие, когда многие чехи отправились в освобожденную Болгарию. Эта тема достаточно широко освещена в литературе¹⁰⁵, поэтому здесь только напомним о жизненном пути упомянутых в данном тексте художников. Известна судьба Ярослава Вешина – после Освободительной войны он приехал в Софию, где стал преподавателем Государственного художественного училища и основателем батальной живописи в Болгарии¹⁰⁶. Микулаш Алеш стал художником и иллюстратором, главной в его творчестве явилась патриотическая и историческая тематика (цикл «Отечество»). Фасады многих зданий Праги, Пльзенья, Писека и др. до сих пор украшают его творения.

Русофильство и идея славянской взаимности, продемонстрированные в 1877–1878 гг., оказали доминирующее влияние и на будущую политическую деятельность Стояна Данева и Карела Крамаржа. Малоостранское «политиканство» 1877–1878 гг. оставило глубокий след в их жизни, несмотря на то, что оба продолжили затем свое образование в развитых западных странах. Получив диплом в Праге, Данев учился потом в Швейцарии, стал доктором права в Гейдельберге, и после краткого пребывания во Франции, Англии и Италии вернулся на родину, где профессионально занялся политикой. Здесь он утвердился, прежде всего, как «глашатай политического русофильства», не допускавшего никакого отклонения болгарской политики от орбиты Освободительницы¹⁰⁷. Этой линии он следовал и формально, став лидером Прогрессивно-либеральной партии Болгарии¹⁰⁸ вплоть до того, что во время Балканских войн 1912–1913 гг. в ослеплении своим считал себя «незаменимым» для русской политики на Балканах¹⁰⁹.

Сходным образом развивалась жизнь Карела Крамаржа. Получив солидное юридическое образование в Праге, Берлине и Страсбурге, защитив докторскую диссертацию, пройдя на Западе специализацию в области экономики и практической политики, он вернулся на родину, где связал карьеру с Младочешской партией и до Первой мировой войны неизменно становился депутатом Венского рейхсрата (с 1894 г. и земского сейма Богемии). Как самый молодой чешский депутат он впервые переступил порог Венского рейхсрата в 1891 г., заявив тогда в своей политической программе: «Крепкое духовное объединение славянских народов в сильную и непобедимую целостность гарантирует независимость и свободное развитие всех ее членов и является в то же время, благодаря своей силе и духовной мощи, гарантом также и европейского мира...»¹¹⁰. В течение всей своей жизни он оставался верен этим представлениям и сохранял преданность России, несмотря на все перипетии европейской политики. Основы этой концепции были заложены еще в ученические годы «уличной политики» 1877–1878 гг.

Примечания

- ¹ Среди новейших исследований болгарских авторов см.: *Дойнов Ст.* Руско-турската освободителна война. София, 1993; *Косев К., Дойнов Ст.* Възкресението на България през 1878 г. София, 1999; *Те же.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007. А также более общего характера исследования международных аспектов проблемы: *Косев К.* Бисмарк, Източния въпрос и българското освобождение. 1856–1878. София, 2003; *Мишев Р.* Балканската политика на Австро-Унгария. 1867–1914. В. Търново, 2007; *Пантев А. и Глушков Хр.* Европейски измерения на Освободителната война 1877–1878. София, 2008. Как и vyšедший недавно юбилейный сборник «130 години от Руско-турската освободителна война 1877–1878 и възстановяването на българската държавност», ред. Г. Янков. УНСС, София, 2008.
- ² Подробнее о нем см.: *Lustigovb M. Karel Krambš – Prvni neskoslovenskz premiir.* Praha, 2007. S. 13.
- ³ *Havrankovb R.* Cesty ieskij inteligence do Bulharska, in: *Biloha ieskij inteligence ve spoienenskijm hivotm Bulharska po jeho osvobozeni*, red. D. Grigorov, M. Iernz, Praha 2008, s. 42; *Gotovska-Henze T.* Bulharskz zemmdelskz osvmta v Iesku do roku 1878 // *Studie Slovbkijho Musea, Uherkij Hradiztm, Ieskz republika*, 2004. No. 9. S. 51–59; *Топузов Ив.* Земеделските училища в Табор и Крживевац и развитието на българското земеделие. София, 1959. С. 19.
- ⁴ *Димитров А.* Училището, прогресът и националната революция: българското училище през Възраждането. София, 1959. С. 251.
- ⁵ Подробнее см.: *Паскалева В.* Средна Европа и културно-просветно развитие на българите през Възраждането // *Исторически преглед*. 1981. № 3–4. С. 134; *Готовска-Хенце Т.* Българо-чешките отношения през 19 в. – трансфер или общност? // *Проблемът «Изток-Запад»: България и Балканите*. София, 2005. С. 122–139.
- ⁶ *Готовска-Хенце Т.* Чешката писателка Божена Немцова и славянското възраждане // *Славянският свят – вчера, днес, утре*. Изд. «Славянско дружество в България». София, 2006. С. 159.
- ⁷ *Готовска-Хенце Т.* Пазарджишкото читалище «Виделина» и обучението в Чехия през Възраждането // *Константин Величков и неговото време*. Регионален музей Пазарджик. 2005. С. 130–139.
- ⁸ Данев стал очередным шуменским юношей, отправившимся учиться в чешские земли. Традицию направлять на обучение туда заложил чех Майснер, учитель местной гимназии. Подр. см.: *Готовска-Хенце Т.* Шуменските възпитаници от 60-те години на XIX в. и чешкият възрожденски елит // *Шуменци – строители на съвременна България*. Шумен, 2004. С. 59–60.
- ⁹ *Данев Ст.* Мемоари. Съст. и ред. Е. Стателова. София, 1992. С. 35.
- ¹⁰ Данев называл их «македонцы- мастера халвы». См. *Данев Ст.* Мемоари. С. 37.

- ¹¹ Подробнее о попытках регистрации общества и роли д-ра К. Стоилова см.: Там же. С. 38.
- ¹² Karel Krambší: hivot – dnlo – prbce vñdce nbroda (далее: Sns). Praha, VI 1936. S. 154.
- ¹³ Sns, VI: Karel Krambší: hivot a dnlo, Skizze. Praha, 1930. S. 32.
- ¹⁴ Sis, VI. 1936. S. 9.
- ¹⁵ Lustigovb, M. Op.cit... S. 13.
- ¹⁶ Данев С. Мемоари. С. 34–36.
- ¹⁷ Там же. С. 35.
- ¹⁸ Sis, VI. 1936. S. 154.
- ¹⁹ Jballe, Zd. Stoletn íeský politiky (Od Palackýho k Masarykovi). Praha, 1998. S. 70.
- ²⁰ Его интерес к болгарским делам не «востраменялся» в критические моменты, но был постоянным. См. Kouba M. Od ýnasti k reminiscenci. Reflexe bulharský sociokulturní reality na stránkách Národních listů // Úloha íeský inteligence ve slovenských hivotě Bulharska po jeho osvobození. S. 49–50.
- ²¹ См. подр. Krambší K. Pamti (далее: Krambší K. Pamti). Praha, 1938. S. 43–46.
- ²² Lustigovb M. Op.cit... S. 13.
- ²³ Lustigovb M. Op. cit. S. 12.
- ²⁴ Sis, VI. 1930. S. 18.
- ²⁵ Danev S. Karel Kramar // Sborník Dr. Karla Krambše. Praha, 1930. S. 203. Sns, VI.: 1930. S. 18; Данев С. Мемоари. С. 37.
- ²⁶ См. свидетельства его одноклассника Войтеха Кебрле // Sis, VI. 1936. S. 34.
- ²⁷ Там же. S. 33–34.
- ²⁸ Lustigovb M. Op.cit... S. 14.
- ²⁹ Krambší K. Pamti. S. 43–44.
- ³⁰ Это было против воли отца, хотевшего, чтобы сын унаследовал его бизнес; «со слезами на глазах» отец пытался убедить его отказаться от политики как неблагонадежного и неблагодарного занятия. См. подр.: Krambší K. Pamti. S. 40.
- ³¹ Данев С. Мемоари. С. 55.
- ³² Его сопровождали ген. Р.А. Фадеев и московский промышленник-славянофил Хлюдов. Подр. см.: Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 гг. М., 2006. С. 53.
- ³³ Наибольшую известность ему принесло взятие Ташкента в 1865 г., за что он получил прозвище «ташкентский лев». Подр. см.: Doubek Vr. íeská politika a Rusko (1848–1914). Praha, 2004. S. 166.
- ³⁴ Данев С. Мемоари. С. 41.
- ³⁵ Národní listy, 01.05.1877. S. 2.
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ Косев К., Дойнов Ст. Възкресението на България през 1878 г. С. 83.
- ³⁸ После тогдашнего главы Народной партии Франтишека Ригера Скрейшовский был наиболее известным политиком. Для выражения чешских национальных стремле-

ний он начал в 1862 г. издавать на немецком языке газету «Политика». Позже как ее главный редактор старался широко отразить в ней ход Освободительной войны 1877–1878 гг.

³⁹ См. подпр.: *Dmjiny nesko-ruských vztahů*. S. 248.

⁴⁰ *Op. cit.* S. 245.

⁴¹ *Doube Vr. Op.cit.* S. 169.

⁴² *Dmjiny nesko-ruských vztahů*. S. 249.

⁴³ Подпр. см.: *Серпионова Е.П.* Указ. соч. С. 53.

⁴⁴ *Данев Ст. Мемоари.* С. 37.

⁴⁵ *Dmjiny nesko-ruských vztahů*. S. 249–250.

⁴⁶ Личный архив Карела Крамаржа в Народном музее в Праге: ANM, *Pozůstalost Karla Krambše*, inv.и. 2041, s. 45–46.

⁴⁷ По сведениям дочери М. Черняева: ANM, *Pozůstalost Karla Krambše*, inv.и. 2041, s. 45–46.

⁴⁸ *Doube Vr. Op.cit.* S. 166, 168.

⁴⁹ *Dmjiny nesko-ruských vztahů*. S. 250.

⁵⁰ Речь идет о Михаиле Хлудове – добровольце-участнике в сербско-турецкой войне 1876 г., награжденном за храбрость Георгиевским крестом. См. *Серпионова Е.П.* Указ. соч. С. 53.

⁵¹ *Národní Archiv, Praha. PP 1876–1881, M/9/7 (иј. 2077).*

⁵² Письмо Юлиуса Грегра В.И. Ламанскому от 27 апреля 1877 г. // *PF ARAN*, f.35, op. 1(иј. 474).

⁵³ Это был опытный журналист Сервац Геллер, уже утвердившийся в русской проблематике // *Národní Archiv, Praha, PM 1871–1880, 13–49–13 (bez sj.); Národní listy*, 16.06.1877, s. 2.

⁵⁴ *Doube Vr. Op.cit.* S. 163.

⁵⁵ *Amort И. Za svobodu bulharského lidu.* Praha, 1978. S. 83, 104.

⁵⁶ *Rýffer E. Vlka rusko-turecké.* Praha, 1877.

⁵⁷ *Krambš K. Paměti.* S. 42.

⁵⁸ *Politik*, 1877, и. 145 (28.05.1877), s. 2.

⁵⁹ *Dmjiny nesko-ruských vztahů*. S. 250.

⁶⁰ Любопытно, что эти ученики были не из Праги, а из Табора, где находилось их училище. См.: *Amort И. Za svobodu...* S. 101.

⁶¹ *Politik*, 1877, и. 147 (30.3.1877.), s. 5.

⁶² В ней участвовали представители разных славянских народностей.

⁶³ *Amort И. Za svobodu...* S. 102–103.

⁶⁴ *Národní Archiv, Praha. PM 1871–1880, 13–49–13 (bez sj.).*

⁶⁵ *Amort И. Za svobodu...* S. 103.

⁶⁶ Как, например, *Тпбр, Radbuza, Budivoj, Jizeran, Шнр, Љътнѣ* и др. *Národní Archiv, Praha. PP 1876–1881, M/9/7, (иј 3855.)*

- ⁶⁷ Nбродни Archiv, Praha. PP 1876–1881, M/9/7 (сј 3855).
- ⁶⁸ Ibidem.
- ⁶⁹ Сохранились имена Франтишека Климы, Ярослава Печирки, Карела Хлавачека и др. // Nбродни Archiv, Praha. PP 1876–1881, M/9/7, (иј 2506, 1961, 3023 ај.)
- ⁷⁰ Nбродни listy, 1877, и. 127 (01.05.1877), s. 2.
- ⁷¹ Doubek Vr. Op.cit... S. 170.
- ⁷² Nбродни Archiv, Praha. PP 1876–1881, M/9/7 (сј 2659).
- ⁷³ Nбродни listy, 1877, и. 127 (29.05.1877), s. 3.
- ⁷⁴ Данев Ст. Мемоари. С. 37.
- ⁷⁵ Jirbsek A. Z mých pamětí. Sv. II. Praha, 1921. S. 244. Тяжелые бои на старопланинском перевале в деталях описани и Рюфером (Ruffer E. Op. cit... S. 264–269).
- ⁷⁶ См. Косев К. Дойнов Ст. Възкресението на България. С. 300–301; Ruffer E. Op. cit. S. 242–248.
- ⁷⁷ Ruffer E. Op. cit. S. 251.
- ⁷⁸ Nбродни Archiv, Praha. PM 1871–1880, 13–49–13 (7609, 7610);
- ⁷⁹ Ibidem, сј. 7328.
- ⁸⁰ Пантев А. Европейските измерения на руско-турската война 1877–1878 г. // 130 години от Руско-турската освободителна война 1877–1878 г. С. 22–23.
- ⁸¹ Там же. С. 27.
- ⁸² Nбродни Archiv, Praha. PP 1876–1881, M/9/7 (сј. 7623).
- ⁸³ Dmjny nieskoslovensko-bulharských vztahů, red. Fr. Hejl a kol. Praha, 1980. S. 126.
- ⁸⁴ Nбродни listy, 1877, и. 127 (12.12.1877), s. 2.
- ⁸⁵ Крамбш К. Paměti. S. 43.
- ⁸⁶ Nбродни listy, 1877, и. 341 (12.12.1877), s. 2. Крамбш К. Paměti. S. 43.
- ⁸⁷ Nбродни listy, 1877, и. 341 (12.12.1877), s. 2.
- ⁸⁸ Nбродни listy, 1877, и. 341 (12.12.1877), s. 2–3.
- ⁸⁹ Крамбш К. Paměti. S. 43.
- ⁹⁰ Sns, VI, 1936, s. 33.
- ⁹¹ Nбродни listy, 1877, и. 342 (13.12.1877), s. 3.
- ⁹² Nбродни listy, 1877, и. 342 (13.12.1877), s. 3.
- ⁹³ Nбродни Archiv, Praha. PM 1871–1880, 13–49–13 (сј. 7701).
- ⁹⁴ Nбродни listy, 1877, и. 3421 (14.12.1877), s. 3; Nбродни Archiv, Praha. PM 1871–1880, 13–49–13 (сј. 7910).
- ⁹⁵ Укажем только наиболее известные из них: Мелник, Коуржим, Чешка Требова, Кладно, Лоуни, Литомысль, Рокицани и мн.др. Nбродни Archiv, Praha, PM 1871–1880, 13–49–13 (иј. 7713, 7731, 7740, 7768, 7877 и др.)
- ⁹⁶ Лоуни, Литомысль, Рокицани и др.: Nбродни Archiv, Praha, PM 1871–1880, 13–49–13 (иј. 7671).
- ⁹⁷ Doubek Vr. Op.cit. S. 163.
- ⁹⁸ Dmjny nieskoslovensko-bulharských vztahů. S. 129.

- ⁹⁸ Ibidem. S. 123.
- ⁹⁹ Národní Archiv, Praha, PP, 1876-1881, M/9/7 (nj. 5286, 7401).
- ¹⁰⁰ Sns, VI, 1936, s. 32.
- ¹⁰¹ Národní listy, 1878, и. 58 (05.03.1878), s. 1.
- ¹⁰² Národní listy, 1878, и. 59 (06.03.1878), s.1.
- ¹⁰³ Heller S. Román na bojilji. Praha, 1890.
- ¹⁰⁴ Записи 22 октября 1879 г. Дневник был предоставлен Вл. Сиссу племянницей Крамаржа и им был впервые опубликован. См. Sns, VI, 1936, s. 18.
- ¹⁰⁵ Последнее и наиболее систематизированное изложение материала см.: Navrankova R. Cesty eský intelligence do Bulharska, in:.. S. 41–44.
- ¹⁰⁶ Железарова Р. Чешките художници в България от края на XIX и началото на XX в. // Чехи в България – история и типология на една цивилизаторска роля, ч. 2. С. 19–22.
- ¹⁰⁷ Танкова В. Д-р Стоян Данев – “млад общественник и журналист” // Шуменци – строители на съвременна България. С. 182–183.
- ¹⁰⁸ Николова В. Изборът на политика. Д-р Ст. Данев и лидерството в прогресивно-либералната партия (1894–1899 // Шуменци – строители на съвременна България. С. 149.
- ¹⁰⁹ Марков Г. Българското крушение 1913. София, 1991. С. 46.
- ¹¹⁰ Цит. по: Sns, VI, 1936, s. 153.

О.Н. Исаева

(Саратовский государственный университет)

От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878–1913 гг.)

В перипетиях русско-болгарских отношений конца XIX – начала XX вв. проблема Македонии играла очень важную, можно сказать, ключевую роль. При всей важности этой темы ее научное осмысление еще далеко от завершения.

В исторической литературе сложилось устойчивое представление о том, что в течение долгого периода Россия совместно с другими великими державами проводила бесполезную и даже вредную для христианского населения этой османской провинции политику реформ. Общим местом стало утверждение, что российская дипломатия, отвергая в принципе популярную идею автономии Македонии, активно содействовала накануне и в период Балканских войн 1912–1913 гг. ее разделу между соседними государствами, причем в ущерб национальным интересам Болгарии.

Архивные материалы российского МИД, недостаточно еще используемые исследователями, позволяют внести некоторые коррективы в данные утверждения.

Вполне естественно, что подходы российской дипломатии к решению «злополучного и нескончаемого македонского вопроса» на протяжении рассматриваемого периода неоднократно менялись и порой весьма кардинально. Первоначально, как известно, по замыслу российских дипломатов, зафиксированному в Сан-Стефанском договоре 1878 г., большая часть Македонии включалась в пределы нового болгарского княжества. Когда же курс на создание самого крупного на Балканах государства потерпел поражение, то Россия, поддерживая принцип балканского равновесия, стала выступать за сохранение Македонии в составе Османской империи.

Поэтому болгарскому народу пришлось собственными силами продолжить процесс освобождения, начатый победами русского оружия в 1878 г. И нужно отметить, что не всегда это встречало поддержку Петербурга. Так, в силу личной неприязни российского императора к болгарскому

князю Александру Баттенбергу Россия не поддержала в 1885 г. объединение Княжества с Восточной Румелией. Возникший в результате этого затяжной кризис в российско-болгарских отношениях способствовал превращению Болгарии из протектората России в фактически самостоятельное государство, зачастую действовавшее вопреки воле Петербурга. Это наиболее ярко проявилось в решении македонского вопроса, ставшего с 1885 г. приоритетом во внешней политике Болгарии.

Актуализации македонского вопроса в немалой степени способствовала настроенность части населения Македонии на борьбу за автономию Македонии и последующее ее присоединение к Болгарии. Созданная с этой целью в середине 1890-х гг. нелегальная структура, известная под названием Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) развернула бурную террористическую деятельность. Оказавшись неспособной существенно ослабить османское господство в крае, она наметила силовое решение вопроса и придала македонскому революционному движению международную известность.

Деятельность македонских революционеров, боровшихся за политическую автономию Македонии, находила поддержку в Софии, не терявшей надежду на решение македонского вопроса по сценарию 1885 г. Амбициозные планы правящих кругов Болгарии во главе с князем Фердинандом Кобургским относительно Македонии не встречали поддержки в Петербурге. Там не без оснований опасались, что появление «Великой Болгарии» не только бы нарушило равновесие на Балканах и вызвало бы региональный кризис с непредсказуемыми последствиями, но и представило бы угрозу российским интересам в зоне Проливов.

Восстановление российско-болгарских отношений в середине 1890-х гг. совпало с очередным обострением Восточного вопроса, в центре которого оказалась и Македония. Тогда о своих претензиях на Македонию заявили Сербия и Греция, но в отличие от Болгарии – сторонницы автономистского решения, они выступали за ее раздел. Министр иностранных дел России В. Ламздорф, давая в марте 1896 г. инструкцию российскому посланнику, назначенному в Софию после почти 10-летнего перерыва, призывал его «влиять умеряющим образом на вождения Болгарии относительно данной области». Посланнику надлежало объяснить правящим кругам Княжества, что Россия, твердо желая «постепенного улучшения быта христианских народов турецкой империи», не может «допустить ни с чьей стороны попыток, клонящихся к внезапному и насильственному разрушению этой империи». И потому «ни Россия, ни другие державы не допустят агитации в Македонии, могущей вызвать восстание и поставить на очередь дня Восточный вопрос»¹.

София, вынужденная официально требовать выполнения Портой условий Берлинского трактата 1878 г. по развитию самоуправления в крае, не упускала из вида возможности освобождения Македонии с помощью местных революционных комитетов. Российские представители на Балканах постоянно отмечали, что ВМРО получала деятельную, хотя и тщательно скрываемую поддержку Софии.

Торжественное празднование болгарами в 1902 г. 25-летнего юбилея Освободительной войны дало новый толчок борьбе за Македонию. К тому времени в Болгарии образовалась многотысячная македонская диаспора, оказывавшая на правительство и общество колоссальное давление. Осенью 1902 г. была сделана неудачная попытка поднять восстание в Македонии. Руководители восстания внушали населению мысль, что за ними стоит Россия, что она готова оказать им военную помощь. Все попытки российских консулов объяснить народным массам, что российское правительство является противником вооруженной борьбы христианского населения с османским правительством успеха не имели. Консулы сообщали, что во всех слоях общества, «как в интеллигентных классах местного христианского населения, так и в простом народе весьма распространено убеждение в том, что Россия, освободившая столько стран из-под турецкого ига, не может не помочь и Македонии»².

Кульминацией борьбы за освобождение Македонии стало восстание, начавшееся 2 августа 1903 г. и получившее название Ильинденское. Оно, как и предыдущее, было организовано местными революционными силами при поддержке Болгарии. Расчет революционеров, по мнению В. Ламздорфа, состоял в том, чтобы «подняв открытое восстание вынудить Турцию на обычные для нее зверские репрессалии, которые, в свою очередь, должны были, по их мнению, «заставить» Россию принять участие в деле и своей кровью купить присоединение Македонии к Болгарскому княжеству»³.

Россия в силу традиций и идеологии своей внешней политики не могла остаться в стороне от разворачивавшихся в Македонии событий. В стране был открыт сбор пожертвований пострадавшему от турецких репрессий населению Македонии. Оказывая денежную помощь местным христианам, Россия намеревалась решать македонский вопрос в рамках традиционной политики реформ, которая с середины 19 в. считалась магистральным путем урегулирования ситуации в европейских владениях Турции. Великие державы, подписавшие Берлинский трактат, как известно, обязали Порту провести в европейских провинциях реформы местного самоуправления с тем, чтобы уравнивать в правах христиан с мусульманами.

В. Ламсдорф, обдумывая план умиротворения этой османской провинции, полагал, что, прежде всего, необходимо добиться от Порты установления «такого порядка в Македонии, чтобы жители ее могли предаваться мирным занятиям, не опасаясь за свою жизнь, честь и имущество». Но не менее важным министр считал изоляцию края от внешней революционной пропаганды, защиту «местных жителей от вымогательств революционных комитетов и шаек, организованных извне»⁴.

Если до начала восстания 1903 г. в Петербурге считали прошлые проекты реформ вполне удовлетворительной основой решения македонской проблемы, то в разгар Ильинденского восстания пришло понимание, что они могут служить лишь исходным пунктом дальнейшего изменения судьбы балканских христиан. Осенью 1903 г. на встрече российского и австрийского императоров в Мюрцштеге была выработана новая программа совершенствования турецкого управления в Македонии под непосредственным контролем России и Австро-Венгрии. Мюрцштегский проект понимался в Петербурге как начало очень длительных и сложных преобразований в крае, конечный результат которых был далеко еще не ясен. Его непосредственной целью было улучшение качества жизни христианского населения Македонии в реальном времени и обстоятельствах – «здесь и сейчас».

Даже при всем скептическом отношении к Мюрцштегской программе реформ, действовавшей до конца 1909 г., усилия России и Австро-Венгрии, нацеленные на стабилизацию Македонии, нельзя считать безрезультатными. Представляется, что этот проект умиротворения Македонии, несмотря на его незавершенность и ограниченность, открывал перспективу разрешения конфликта между турецкими властями и христианским населением. Во всяком случае, впервые за четверть века с того момента, когда заговорили о реформах в Македонии, в ней прекратились систематические преследования турками местных христиан и стали происходить видимые изменения в положении последних.

Если рассматривать все действия и предложения России по умиротворению Македонии в этот период, можно увидеть последовательное движение от весьма ограниченных преобразований в трех македонских вилайетах к весьма радикальным, открывавшим путь к изменению их административного устройства и введению автономного управления.

В наиболее радикальном виде проект преобразований в Македонии был рассмотрен и согласован на встрече российского императора и английского короля в Ревеле летом 1908 года. Он предполагал, по сути, полную автономию Македонии под контролем Европы. Но судьба Ревельской программы реформ (она была похоронена младотурецкой революцией

1908 г.) лишней раз доказывала, что наиболее радикальные варианты решения македонского вопроса (будь то объединение с Болгарией, задуманное в 1878 г. или предоставление Македонии широкой автономии, планируемое в 1908 г.) имели минимальные шансы на успех.

Из всех преобразований, задуманных в рамках Мюрцштегской программы, наибольшую критику в литературе вызывала административно-территориальная реформа. Она так и не была реализована, но ее идеи оказали сильное воздействие на ситуацию в регионе. Эта реформа преследовала цель ввести церковно-школьные споры среди православного населения, раздробленного в церковно-административном отношении, в относительно приемлемые рамки и провести организованное разграничение населения по этноконфессиональному признаку. С ее помощью реформаторы хотели ослабить ожесточенное соперничество соседних государств в крае и таким образом ликвидировать «македонский нарыв».

По сути, этой реформой, озвученной в конце 1903 г., на повестку дня был поставлен вопрос о кантонизации Македонии, то есть о разделе территории на национально-однородные административные единицы. При всей уязвимости этого предложения для критики следует заметить, что и по сей день кантонизация как модель разрешения этнотерриториальных конфликтов на Балканах (Косово, современная Македония) наиболее востребована в регионе.

Российские консулы (именно они были авторами подобных проектов), исходя из крайней смешанности населения Македонии, полагали, что окраинные кантоны, имевшие большую однородность, со временем могли бы объединиться с родственными соседними государствами – Болгарией, Грецией, Сербией. Центральные же кантоны, как более разнородные или не имевшие выраженной национальной окраски, могли бы сохранять свое самостоятельное существование относительно долгое время⁵. Таким образом, стала выкристаллизовываться идея постепенного, «мягкого» размывания македонских территорий между соседними странами с сохранением остаточной Македонии в статусе нового административного образования.

Эта идея приобрела особую актуальность в период Балканских войн 1912–1913 гг. Следует напомнить, что хотя Балканский союз начал войну против Османской империи под флагом борьбы за автономию Македонии, реально союзники готовились к ее разделу. Важнейшую роль в подготовке войны на Балканах сыграло, как известно, подписание в начале 1912 г. болгаро-сербского договора о дружбе и союзе. Подготовка этого документа заняла полгода, в переговорах приняли участие и представители России, крайне заинтересованной в сближении балканских славяно-православных государств.

Наибольшую трудность в переговорах представлял вопрос о дальнейшей судьбе Македонии. В итоге стороны договорились о том, что если образование автономии на территории Македонии будет невозможно, она будет разделена следующим образом: большая ее часть должна была достаться Болгарии, а меньшая, примерно треть территории на северо-западе области, – Сербии. При этом Сербия обязывалась не расширять свои территориальные притязания на восток от намеченной на карте линии, Болгария же такими ограничениями в отношении территорий, расположенных на запад от этой линии, не была связана. Эта оговорка, зафиксированная в секретном приложении к договору, таила расчет Софии получить при благоприятном развитии событий территории в северо-западной части Македонии, поэтому в дальнейшем она стала называться «спорной зоной».

Таким образом, линия раздела Македонии, определенная Софией и Белградом в договоре 1912 г., не была окончательной, таковой она должна была стать только после одобрения ее верховным арбитром – российским императором, который должен был высказаться «и при принципиальном разрешении самого вопроса, и при окончательном осуществлении, и выяснении деталей». Болгария и Сербия обязывались признать в качестве «окончательной границы ту линию, которую русский царь... нашел бы наиболее отвечающей правам и интересам двух сторон»⁶. По признанию болгарского дипломата Д. Ризова арбитраж русского императора был «необходим для обоих правительств как прикрытия от общественных мнений, крайне противоположных и непримиримых по этому вопросу»⁷.

Важно отметить, что Болгария и Сербия не посчитали нужным получить от России ее формального согласия на исполнение функций арбитра. Роль судьи в практически неразрешимом болгаро-сербском споре о Македонии, конечно, не вдохновляла российскую дипломатию, но во имя сохранения только что достигнутого славянского единства на Балканах она молча согласилась на выполнение этой миссии, в надежде, что до нее дело не дойдет. В Петербурге рассчитывали держать союз балканских стран под своим контролем и не допустить его выступления против Турции. А предварительный раздел Македонии, зафиксированный в договоре 1912 г., в МИДе пытались представить «академическим» обсуждением вопроса, при котором «идея размежевания сфер влияния преобладала над принципом территориального разграничения»⁸.

Но обстановка на Балканах летом 1912 г. не давала надежд на сохранение мира: полуостров вновь был объят пламенем восстания, на сей раз албанского, в Македонии произошли кровавые эксцессы. В это время идея децентрализации европейских владений, а по сути, образования новых этнических автономий, снова стала обсуждаться европейскими дипло-

матами. Инициатива обсуждения принадлежала Австрии, выступившей в пользу создания албанской автономии, включавшей и значительную часть македонских территорий. Но теперь в регионе появилась новая сила в виде Балканского союза, готовая защищать свои интересы и решить македонский вопрос с помощью военной силы.

Российский МИД, пытаясь предотвратить вооруженный региональный конфликт, разработал в сентябре 1912 г. очередной проект реформ для всей Европейской Турции (исключая зону Проливов). В нем развивались идеи Мюрцштегской программы: речь шла о переформатировании турецких владений на Балканах (вариант кантонизации) и развитии местного самоуправления под контролем Европы, но при сохранении номинальной власти султана⁹. Однако этот проект, предполагающий сохранение внешних границ Османской империи, был похоронен войной Балканского союза, объединившего Болгарию, Грецию, Сербию и Черногорию, против Турции осенью 1912 года.

Очень скоро под влиянием ошеломляющих военных побед союзников российский МИД резко изменил свою позицию: он отказался от принципа сохранения территориального статус-кво и признал необходимость изменения границ Европейской Турции. «Наша единственная цель, – заявил министр иностранных дел России С. Сазонов, – способствовать всем балканским государствам в достижении наибольших выгод, ограниченном лишь необходимостью считаться с законными взаимными интересами».¹⁰ Россия высказалась за переход к союзникам части завоеванной ими территории хотя бы в виде временного управления этими землями, а также за создание двух автономий – Македонии и Албании – под контролем и гарантией Европы¹¹.

В это время в МИД стекались предложения российских дипломатов, аккредитованных в балканских столицах, по переустройству европейских владений Турции. Больше всех над «схемой упорядочения Европейской Турции» работал посланник в Софии А. Неклюдов. Свои проекты он неоднократно (в октябре, декабре 1912 г., апреле и мае 1913 г.) излагал в секретных письмах министру иностранных дел С. Сазонову. Соглашаясь с идеей расширения территорий стран Балканского союза за счет Европейской Турции, он сконцентрировал свое внимание на создании македонской автономии. В границы нового автономного образования Неклюдов включал центральные территории Македонии с городами Битолой, Велесом и почти всю ее южную часть с Салониками и полуостровом Халкидики.

Аргументы в пользу создания македонской автономии были следующие: во-первых, невозможность мирного («полюбовного») раздела Македонии между союзниками. Во-вторых, наличие автономной Македонии

позволяло надеяться на сохранение единения Сербии и Болгарии между собой и Россией. Считалось, что Болгария, не достигшая своего полного территориального объединения, будет остро нуждаться в помощи и России и Сербии. И потому, как писал Неклюдов, «для нас и сербов крайне важно, чтобы Болгария не являлась до поры до времени организмом территориально законченным и удовлетворенным, а имела бы перед собой задачу, достижение которой было бы весьма затруднительно без помощи Сербии и России. Не надо забывать, что у самой России на берегу проливов есть такие неотложные исторические цели, до окончательного достижения коих ей нужна, — как добрый пес охотнику, — Болгария, преданная, сильная, но еще не вполне сытая»¹².

Но союзники, оккупировав к концу 1912 г. все македонские территории, даже не вспоминали о лозунге автономии Македонии, между ними назревало столкновение из-за дележа добычи. В начале 1913 г. Сербия открыто потребовала пересмотра в свою пользу разграничения македонских земель, зафиксированных в сербо-болгарском договоре.

Россия, чтобы сохранить Балканский союз и избежать в то же время неблагодарной роли арбитра, пыталась склонить Софию и Белград к «некоторому коррективу договорного размежевания» в Македонии, предполагавшему определенные уступки в пользу Сербии. Стремясь одновременно урегулировать греко-болгарский спор из-за македонских земель, она высказала идею о передаче его на суд европейских держав. Все эти вопросы было предложено рассмотреть во время встречи балканских премьеров. Однако успеха в своей посреднической миссии российская дипломатия не имела¹³.

Поиски примирения союзников возвратили российских дипломатов к плану, сочетавшему в себе идеи частичного раздела Македонии между соседними государствами и образования автономии в ее центральной части. В Петербурге не забывали о том, что текст сербо-болгарского договора 1912 г. давал России все основания свести свой арбитраж к этому предложению. В апреле 1913 г. российская дипломатия уведомила Софию и Белград о своей готовности выступить в роли третейского судьи в споре о Македонии. При этом большой веры в успех российского арбитража у нее не было. Сазонов писал, что вряд ли болгары и сербы «найдут в себе достаточно нравственной силы и политической зрелости, чтобы добровольно ему подчиниться». Министру было очевидно, что «ни болгары, ни сербы не расположены выпустить из собственных рук заботу о своих интересах, для обеспечения которых они считали более надежными иные средства, чем те, которыми мог располагать самый беспристрастный третейский суд»¹⁴.

В качестве необходимых условий выполнения арбитража Сазонов выставил следующие требования: предварительное подписание мира с Турцией, обещание сторон безоговорочно принять третейское решение, полное сохранение Балканского союза, одновременное и равномерное сокращение вооруженных сил союзников. Все предложения России воспринимались союзниками настороженно, с недоверием и, в конце концов, блокировались. Сазонов отмечал уклончивую и опасную игру сербского и греческого правительств, на словах поддерживавших позицию России, но на деле готовившихся к совместной борьбе с Болгарией. В то же время он считал, что острота положения была создана самими болгарами, их упорным нежеланием входить в какие-либо переговоры со своими союзниками¹⁵.

Российское правительство для предотвращения назревавшей войны между союзниками стало настойчиво приглашать балканских премьеров в Петербург. Переговоры в российской столице должны были, по мысли Сазонова, привести к смягчению напряженности между союзниками и положить начало осуществлению процедуры арбитража. Помимо верховного третейского разбирательства России между Сербией и Болгарией Петербург планировал способствовать параллельному урегулированию спора между Грецией и Болгарией, выяснив для этого предмет греко-болгарского арбитража и состав третейского суда¹⁶.

Вниманию балканских премьеров на переговорах в Петербурге хотели предложить последний проект Неклюдова. Он предусматривал создание «совершенно самостоятельной и самодовлеющей» македонской области, «образованной по уговору трех балканских государств и под их исключительной гарантией». Таким образом, автономная Македония становилась, по сути, кондоминиумом Болгарии, Греции и Сербии. Границы автономной Македонии по этому плану заметно сужались, они охватывали только центральную часть области – Повардарье с Битолой¹⁷. В российской столице надеялись, что «остаточная» Македония, превращенная в буферное пространство между союзниками-соперниками, хотя бы на время ослабит региональную напряженность. Малая территория македонской автономии должна была подчеркивать, что это создание временное, и в перспективе оно должно будет слиться с наиболее сильным балканским государством. Многими российскими политиками и дипломатами вполне допускалась мысль, что в будущем эта автономная область полностью или в своей большей части достанется именно Болгарии¹⁸.

Приглашая балканских премьеров в Петербург, Сазонов в качестве предварительного условия встречи вновь выдвинул требование демилитаризации

таризации Македонии, то есть одновременного сокращения вооруженных сил союзников на одну треть или четверть. Таким образом, союзники должны были подтвердить свое действительное желание мирным способом разрешить спор о Македонии. Но балканские правители в Петербург не торопились и под разными предложениями всячески затягивали сокращение армий. Так болгарский премьер С. Данев заявил, что София согласна на частичную демобилизацию только при условии совместной оккупации с сербами и греками спорных областей Македонии. Сазонов отказался поддержать это требование Софии, находя его необоснованным и практически невозможным при ежедневных стычках союзнических войск в Македонии¹⁹.

8 июня 1913 г. было испробовано последнее средство сохранения Балканского союза и мира в регионе – личное вмешательство императора России Николая II в спор о Македонии. В телеграмме, направленной монархам Болгарии и Сербии, император призывал их прекратить распри и отдать решение вопроса в его руки. Обращение императора к балканским правителям представляло, по словам Сазонова, большой риск для внешнего престижа России, ибо велика была вероятность, что они не откликнутся на призыв императора. Худшие предположения вскоре нашли подтверждение. Российскому посредничеству и арбитражу балканцы предпочли самостоятельное выяснение отношений, что привело к короткой и ожесточенной схватке за Македонию летом 1913 года.

Уже в разгар межсоюзнической войны Сазонов высказал новое предложение по разделу Македонии, согласно которому за Сербией оставались территории западнее Вардара, за Грецией – южная Македония с частью побережья Эгейского моря до Орфанского залива, а оставшаяся часть переходила Болгарии. Но и это предложение, не отвечавшее максималистским устремлениям Сербии и Греции, было проигнорировано победителями второй балканской войны. 10 августа 1913 г. капитулировавшая Болгария подписала в Бухаресте мирный договор, по которому теряла почти все, что завоевала до этого, вдобавок уступив Румынии Южную Добруджу. Македония, за исключением Пиринского края, составлявшего всего одну десятую территорий края, переходила Греции и Сербии. Бухарестский мир Сазонов уподобил пластырю, наклепленному на незалеченные балканские язвы²⁰.

Для России единственным утешением от войны 1913 г., похоронившей Балканский союз, было избавление от тяжелой обязанности делить территории Македонии между ее соседями. Эта задача, возложенная на Россию Болгарией и Сербией, по мнению многих, была не только

практически неразрешимой, но и способной поссорить Россию разом со всеми балканскими странами. Тогдашний посол России во Франции А. Извольский откровенно признавался в письме к Сазонову, что наилучшим исходом в создавшейся ситуации вокруг Македонии он считал «легкое кровопускание союзников» при недопущении «резких успехов с какой-либо одной из сторон». По его мнению, если бы Болгария вышла из второй войны победительницей, то это было бы для России крайне опасно и невыгодно, ибо «Великая Болгария» была бы элементом не равновесия на Балканах, а дальнейших болгарских планов в сторону Константинополя²¹.

Почти треть века отделяла Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., кардинально изменившую ситуацию на Балканах и выведшую македонскую проблему на международный уровень, от серии балканских войн 1912–1913 гг., окончательно поделивших территорию Македонии между ее соседями. В течение этого периода в среде политиков и дипломатов вырабатывались различные основы для решения македонского вопроса, затрагивавшего интересы почти всех балканских стран и европейских держав. Одна из них строилась на методах насилия, террористической и военной борьбы с османскими властями и соперниками. Сторонники этих радикальных средств быстрого и окончательного решения македонского вопроса находились в основном на Балканах. В европейских же столицах, и в первую очередь в Петербурге, преобладало стремление к постепенному решению этой самой болезненной проблемы региона, используя для этого политико-дипломатические средства.

Российская дипломатия в течение десятилетия, предварявшего Балканские войны 1912–1913 гг., упорно искала компромиссную формулу решения македонского вопроса, делая акцент на процесс (урегулирование), а не на результат (разрешение). Понимая, что развязать этот Гордиев узел Балкан невозможно из-за недостижимости удовлетворения каждой заинтересованной стороны, российская дипломатия пыталась чуть ослабить его и отложить на отдаленное будущее «окончательное» разрешение этой проблемы. Однако предлагаемый ею промежуточный вариант не имел шансов на реализацию в силу тогдашних политических реалий, хотя именно он на тот момент представлялся наиболее гибким вариантом решения македонского вопроса. Рецепты российской дипломатии не отвечали максималистским устремлениям балканских стран, никто из них не хотел идти цивилизованным путем компромиссов. В результате балканцы, переиграв Россию, навязали силовое решение македонской проблемы, итоги которого и по сей день не дают успокоения региону.

Примечания

- ¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1896. Д. 37. Л. 12–14.
- ² Там же. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). Оп. 631. 1904. Д. 67. Л. 4.
- ³ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1903. Д. 564. Л. 48.
- ⁴ Там же. Л. 61.
- ⁵ Там же. 1909. Д. 5268. Л. 2–4. Д. 5305. Л. 3–4.
- ⁶ *Гешов И.Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы. ПТг., 1915. С. 86–88.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на балканском полуострове. (Август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб., 1914. С. 128.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1912. Д. 3699. Л. 258–261.
- ¹⁰ Сборник дипломатических документов.... С. 94.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1912. Д. 3699. Л. 273.
- ¹² Там же. Д. 3708. Л. 4–6, 84–85.
- ¹³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания М., 1991. С. 119, 142. Сборник дипломатических документов... С. 102, 122.
- ¹⁴ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 108–109.
- ¹⁵ Сборник дипломатических документов... С. 127–128, 145.
- ¹⁶ Там же. С. 142, 163.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1913. Д. 34.. Л. 158.
- ¹⁸ Там же. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 276. Л. 5–6.
- ¹⁹ Сборник дипломатических документов... С. 183.
- ²⁰ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 120.
- ²¹ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 390, 408.

И. Манасиева
(Институт истории БАН)

Болгаро-советские отношения в конце 1917–1918 гг. в контексте «украинского вопроса»*

Первая мировая война – переломное событие в истории Европы – явилась колоссальным испытанием для Болгарии и России, воевавших в разных лагерях. Для России война сыграла роль катализатора революционных процессов, которые обрели в начале 1917 г. невиданный размах и завершились Октябрьской революцией. Болгария вступила в войну с целью осуществить национальное объединение, уповав на силу оружия, которое рассматривалось в тот момент как единственно возможное средство преодолеть состояние шока, вызванное подписанием в 1913 г. Бухарестского мирного договора.

К началу 1917 г. обе страны почти полностью исчерпали свои материальные и людские ресурсы, что неизбежно вело к социально-политическим потрясениям. Война до предела обострила внутривнутриполитическую ситуацию в России, которая разрядилась в конце февраля 1917 г. революционным взрывом: царь Николай II был свергнут, и к власти пришло переходное Временное правительство. Странами Центрального блока, в том числе и Болгарией, известие о событиях в Петрограде было встречено с радостью. Однако надеждам на то, что разброд в стране приведет к подписанию Россией сепаратного мирного договора и, следовательно, к ее выходу из войны, не суждено было сбыться: новое правительство заявило о намерении вести войну до победного конца.

Февральская революция и вступление в войну Соединенных Штатов Америки резко усилили антивоенные и антигерманские настроения в Болгарии. Новый министр иностранных дел России П.Н. Миллюков, прекрасно разбиравшийся в балканских сюжетах, считал возможным использовать эти настроения, чтобы оторвать Болгарию от лагеря Центральных держав, для чего, по его расчетам, было достаточно, чтобы Антанта гарантировала

* Перевела Т.В. Волокитина

Болгарии территориальные приращения в Македонии. По распоряжению Милокова российские дипломаты в Стокгольме, Швейцарии и Салониках установили контакты с официальными и неофициальными представителями Болгарии. Одновременно российский министр попытался заручиться поддержкой союзников в реализации своего плана ¹.

Болгарское правительство отказалось «изменить» германскому союзнику, несмотря на имевшиеся с ним разногласия по вопросу о Добрудже. Немецкие дипломаты успешно подпитывали ожидания болгар на выход России из войны. Болгарские власти выступили со встречной инициативой – склонить Россию к переговорам с австро-германской коалицией. Наиболее известны в этом отношении миссия болгарского полномочного министра в Германии Д. Ризова в целях установления контактов с русскими либеральными кругами и его переписка с М. Горьким ².

Тем временем состояние анархии в России использовали большевики во главе с Лениным: 7 ноября 1917 г. в результате государственного переворота они захватили власть. Первым указом нового правительства стал Декрет о мире от 8 ноября 1917 г., провозглашавший «немедленный мир без аннексий и контрибуций». Декрет содержал призыв к народам и правительствам всех воюющих стран немедленно начать переговоры о заключении справедливого демократического мира. Среди держав Центрального блока с наибольшим энтузиазмом этот призыв восприняла Австро-Венгрия, где продовольственный кризис начал приобретать катастрофический характер. В отличие от дуалистической монархии, Германия не спешила с ответом под предлогом, что большевистский режим нельзя считать прочным.

Медлила с определением собственной позиции и Болгария, для которой формула «мир без аннексий и контрибуций» была весьма болезненной. В ответ на первые шаги союзников при обсуждении условий мира болгарский полномочный министр в Вене А. Тошев сформулировал ключевой для позиции Болгарии тезис – «национальное объединение болгарского племени не имеет ничего общего с истинным смыслом термина “аннексия”» ³. Приоритетной задачей болгарской внешней политики назвал решение национального вопроса и консул Д. Йоцов в беседе в депутатом австрийского парламента Фридманом. Удивленным слабой заинтересованностью Болгарии в экономических инициативах средневропейских стран австрийцам Йоцов пояснил: гарантией стабильных экономических отношений Софии с Германией и Австро-Венгрией является послевоенная Болгария в следующих границах – «от устья Моравы до впадения Дуная в Черное море... объединение болгарского народа с Добруджей и Македонией» ⁴. Выступая в Народном собрании, глава кабинета министров В. Ра-

дославов обобщил болгарскую позицию в связи с ответом Центральных держав на российскую ноту: Болгария «достигла того, из-за чего вступила в войну, – объединения в своих исторических и этнографических границах – с Македонией и Моравской областью и Добруджей. Это первооснова ведения предстоящих переговоров о сепаратном или общем мире»⁵.

Болгарская дипломатия намеревалась разъяснить советскому правительству свои требования. Д. Ризов считал, что интересы страны диктуют необходимость направления в Стокгольм и Петроград людей, хорошо знакомых с российской действительностью и даже близких в идейном плане большевикам, которые смогут развернуть там агитацию на пользу болгарскому делу. По его информации, русские смогли бы поддержать Болгарию в вопросах о Добрудже и Македонии, «если мы приложим силы к тому, чтобы разъяснить им нашу позицию»⁶. Аналогичное предложение направил главе кабинета и полковник Генерального штаба Николов⁷.

Намерение болгарского правительства, действуя через лиц, близких большевикам и даже самому Ленину, обеспечить поддержку требований Болгарии во время возможных мирных переговоров потерпело крах. Кроме того, болгарские дипломаты были лишены возможности участвовать в выработке общей позиции делегации Центральных держав при заключении перемирия между Четверным союзом и Россией в декабре 1917 г., а также и на мирной конференции в Брест-Литовске.

Во время указанной конференции в Петрограде заседала смешанная комиссия по вопросам о военнопленных и «правовых отношениях» между Центральными державами и Россией. Болгарскую сторону представляли Ст. Чапрашиков, а также Р. Аврамов и Б. Симилов⁸, специально включенные в состав делегации из-за своих контактов с Лениным и Троцким. По данным австро-венгерской разведки, состав болгарской делегации не был случайным, учитывая инструкции, полученные ею от председателя Совета министров В. Радославова. Делегатам было поручено добиться особых привилегий для Болгарии при поставках продовольствия. Кроме того, им предстояло убедить правительство Советской России признать территориальные приобретения Болгарии в Македонии и особенно в Добрудже, гарантируя взамен определенные уступки Сербии и Румынии со стороны Болгарии⁹.

Комиссия подготовила несколько конвенций: об обмене военнопленными-инвалидами, об обмене гражданскими пленными, о восстановлении почтовых, телеграфных и морских сообщений и об улучшении положения военнопленных. В феврале 1918 г. болгарское правительство ратифицировало только конвенцию об обмене гражданскими пленными, предусмотрев возвращение в первую очередь всех добруджанцев. (По сведениям болгар-

ского правительства, их число достигало 30 тысяч чел. Все они оказались в плену после начала войны с Румынией). Хотя в то время добруджанские болгары не являлись подданными Болгарии, вопрос о них был урегулирован дополнительным протоколом¹⁰.

По окончании работы над конвенциями дальнейшее пребывание болгарской миссии в Петрограде не имело смысла. До подписания мирного договора между обеими странами и вручения верительных грамот Чапрашиков не мог считаться официальным представителем Болгарии в Советской России. Он был отозван, а надежды Болгарии на преодоление продовольственного кризиса и национальное объединение оказались связанными на том этапе единственно с проходившей в Брест-Литовске конференцией представителей Центральных держав и Советской России.

На конференции, начавшейся 22 декабря 1917 г., болгарскую делегацию возглавлял министр правосудия Хр. Попов. Главное командование болгарской армии также направило в Брест-Литовск своего представителя – полковника Ганчева. Состав делегации был определен непосредственно В. Радославовым и одобрен царем Фердинандом без ведома других министров и членов парламента. В обстановке секретности окончательно уточнялась и позиция болгарских делегатов на конференции¹¹. Начавшиеся переговоры о мире болгарская печать представляла читателю как средство преодоления страной невиданного прежде по своим масштабам продовольственного кризиса, в то время как истинная задача болгарских делегатов заключалась в окончательном решении вопроса о Добрудже на конференции, не дожидаясь окончания войны.

Момент для этого казался болгарской стороне благоприятным в связи с обстановкой в лагере союзников. И Германия, и Австро-Венгрия спешили заключить мир с Советской Россией. Для Германии при этом открывалась возможность ликвидировать Восточный фронт и перебросить свои войска на Запад. Для Австро-Венгрии на первый план вышел вопрос об экономическом сотрудничестве с Россией, чтобы избежать продовольственной катастрофы.

Стремясь использовать нетерпение союзников, болгары настаивали на включении в ответный на предложение русских о мире документ специальной оговорки, что термин «аннексия» не относится к Болгарии, «воюющей за свое самообъединение»¹². Однако Центральные державы отказались включить подобный пассаж в общую декларацию, заявив, что болгарские территориальные приобретения в Добрудже и Македонии гарантированы межсоюзническими договорами 1915 г. Заявление болгар, что они покинут переговоры, если их требования не будут удовлетворены, не подействовало. Отклонено было и предложение Главнокомандующе-

го болгарской армией генерала Н. Жекова, чтобы болгарская делегация выступила с отдельной декларацией, реализовав, таким образом, свое моральное право ознакомить российское правительство с «особенностями болгарского вопроса»¹³. В конечном счете, Центральные державы вообще отказались обсуждать на конференции болгарский территориальный вопрос.

Не нашли болгары поддержки и со стороны советской делегации в Брест-Литовске. Ее руководитель А. Иоффе заявил, что исключений не следует делать ни для какой нации: «Если вы уверены... что Македония или Добруджа при проведении референдума выразят желание присоединиться к Болгарии, то наши предложения не только не навредят, но и помогут вам»¹⁴. Такой же информацией о позиции Петрограда по болгарскому вопросу располагал и управляющий болгарским посольством в Стокгольме А. Греков. Он сообщал, что в требованиях болгар советское руководство видит «проявление империализма и завоевательной политики»¹⁵ и предлагает принять положение об автономии всей Добруджи и Македонии, предусматривая создание в будущем балканской конфедерации.

Надежды Болгарии на благоприятный исход дела оживились после того, как на переговоры в Брест-Литовск прибыла в начале января 1918 г. делегация Украинской Народной Республики, о создании которой было объявлено 20 ноября 1917 г. 11 декабря правительство республики – Генеральный секретариат – направило воюющим и нейтральным странам ноту о намерении проводить самостоятельную, независимую от Советской России внешнюю политику, в связи с чем считает необходимым иметь собственных представителей в Брест-Литовске. «Мир, заключенный на переговорах с государствами, воюющими с Россией, станет обязательным для Украины лишь тогда, когда условия этого мира будут приняты и подписаны Украинской Народной Республикой», – подчеркивалось в документе¹⁶.

Информация о стремлении украинских националистических сил отделить Украину от России не была новой для болгарской стороны. На протяжении всего 1917 г. болгарская печать внимательно следила за развитием событий на Украине. Еще весной 1917 г. болгарский полномочный министр в Австро-Венгрии А. Тошев в докладе в Министерство иностранных дел упоминал о стремлении Украины при возможном подписании мирного договора предусмотреть конституирование Украины в автономную республику в рамках Российской республики¹⁷. После получения сообщения о создании Украинской Народной Республики болгарские дипломаты стремились выяснить позицию союзников в связи с претензиями украинской стороны. Естественно, что независимость Украины отвечала

интересам Центральных держав и, прежде всего, Германии. В адресованном В. Радославову докладе о геостратегических целях Германии болгарский генеральный консул в Гамбурге сообщал, что немецкие политические круги приветствуют республиканское движение в России, поддерживают создание как можно большего числа самостоятельных государственных образований и одобряют отделение Украины¹⁸.

Как лояльный союзник Болгария не возражала против участия украинской делегации в мирных переговорах. 13 декабря Украина получила ответ на свою ноту, подписанный всеми представителями Центральных держав. В телеграмме на имя председателя Генерального секретариата УНР В. Винниченко и секретаря по иностранным делам А. Шульгина говорилось: «Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция считают необходимым отметить, что готовы приветствовать участие представителей УНР в мирных переговорах в Брест-Литовске»¹⁹.

3 января 1918 г. украинская делегация прибыла в Брест-Литовск. В качестве одного из условий участия в мирных переговорах украинская сторона выдвинула претензии на северную часть Бессарабии, демонстрируя незаинтересованность в остальных районах провинции²⁰. Правительство УНР не только не препятствовало продвижению румынских войск во внутренние районы Бессарабии в конце декабря 1917 г., но даже оказывало содействие румынской армии, разрешив использование в ее нуждах Одесскую железнодорожную линию²¹. Переговоры в Брест-Литовске проходили без участия Румынии, поскольку для Германии и Австро-Венгрии центральным вопросом было заключение мира с Россией. С Румынией переговоры велись отдельно, однако без участия Болгарии, хотя в Софии считали, что мирный договор с Румынией в гораздо большей степени затрагивает болгарские интересы, нежели интересы остальных союзников.

Прибытие украинской делегации открыло перед болгарами возможность снова поднять вопрос о Добрудже, связав его с бессарабским вопросом. Полковник Ганчев сообщил о полученном им заверении со стороны одного германского делегата в том, что если Украина уступит часть Бессарабии Румынии, то это облегчит реализацию болгарских территориальных претензий. По мнению Ганчева, отделение Украины от России создало «новую обстановку, которая сможет оказаться для нас благоприятной при решении добруджанского вопроса»²². По этому поводу полномочный представитель Болгарии в Германии Д. Ризов настаивал перед главой правительства: «На переговорах о мире с Украиной и возможных переговорах о перемирии с Румынией необходимо будет... содействовать, чтобы Румыния вторглась и удержала за собой Бессарабию. Это самое надежное средство, чтобы вся Добруджа осталась нашей. Я не верю, что это невоз-

можно сделать, поскольку, как известно, Бессарабия гораздо более румынская, нежели украинская»²³.

Единственный, кто выразил несогласие с тем, чтобы решение добруджанского вопроса поставить в зависимость от судьбы Бессарабии, был начальник Генерального штаба генерал Жеков²⁴. Он считал, что заслуги болгарской армии в этом отношении достаточны, но был вынужден отступить под давлением представителей болгарского командования в Брест-Литовске. Капитан Марков говорил: «От украинцев знаю, что они не держатся за Бессарабию и считают возможным превратить ее в молдавскую провинцию... Мы попали бы в смешное положение, если бы потеряли Добруджу, несмотря на присоединение Бессарабии к Молдавии»²⁵. Полковник Ганчев располагал такой же информацией, и именно поэтому, как он считал, несмотря на вступление румынских частей в Бессарабию, отношения между двумя странами оставались такими хорошими²⁶.

Присутствие украинцев в Брест-Литовске облегчало переговоры Четверного союза с русскими. Соперничество между украинской и российской делегациями использовалось для шантажа большевиков. В связи с этим полковник Ганчев докладывал председателю Совета министров: «Разрыв с большевиками не исключен... Но более предпочтительный вариант состоит в том, что большевики под угрозой заключения сепаратного мира Центральных держав с Украиной останутся [в Брест-Литовске] и продолжат переговоры»²⁷. В докладе генералу Жекову Ганчев был еще более откровенен: «Лично для Болгарии мир с Украиной гораздо более важен, чем с большевиками»²⁸. В качестве аргумента он привел тот факт, что Антанта признала Украину, направив в Киев своих представителей, но не признала Советскую Россию. По его оценке, украинская армия была более сильной и организованной, чем у большевиков.

Глава болгарской делегации в Брест-Литовске Хр. Попов считал, что пришло время Болгарии занять твердую позицию по отношению к Германии и Австро-Венгрии: «Именно теперь и именно на этой конференции необходимо решить все наши вопросы с австро-германцами и добиться официального подписания соответствующих документов российскими республиками... Война еще продолжается, и австро-германцы, если у них есть намерение не увеличивать значительно территорию Болгарии, будут сегодня более покладистыми и менее смелыми, нежели в том случае, если им удастся уладить все свои вопросы с русскими, итальянцами и французами». 19 января в докладе В. Радославову он подчеркнул большую заинтересованность русских и украинцев в подписании мира, который настолько им необходим, что они согласятся и весь Балканский полуостров передать Болгарии. Попов считал, что вопрос о границах Болгарии значи-

тельно сильнее интересует Германию и Австро-Венгрию, чем Россию или Украину: «Я уверен, что российские республики не вернутся домой, не подписав мир только из-за того, что Болгария потребовала для себя определенные территории»²⁹.

На следующий день Попов вновь осмелился поднять вопрос перед руководителями германской делегации Рихардом фон Кюльманом и генералом М. Гоффманом о том, не противоречило бы интересам Германии признание Россией и Украиной новых болгарских границ? Возмущенные немцы ответили, что это означало бы признание русских и украинцев фактором на Балканах. Попов попытался убедить собеседников, что признание будущих границ Болгарии указанными республиками на данной конференции не будет иметь никакого значения с международной точки зрения, но успокоит общественное мнение в Болгарии. Гоффман разрешил болгарам провести в частном порядке зондаж позиции украинцев³⁰, в то время как общение с российскими делегатами даже по телефону было запрещено³¹.

Хр. Попов встретился с главой украинской делегации В. Голубовичем, чтобы обсудить болгарские территориальные претензии. Попов сообщил украинскому коллеге, что между Болгарией и ее союзниками заключены секретные договоры, касающиеся и будущих границ Болгарии; он допустил, что в случае признания этих границ Украиной и другие государства (как Центральные державы, так и Антанта) согласятся с ними. Голубович заявил о согласии с болгарскими требованиями относительно Добруджи, заметив, что вопрос о Моравской области и Македонии следует изучить дополнительно. Беседа, которая, по словам полковника Ганчева, «имела характер объяснения в горячей любви к Украине и раскрывала недовольство союзниками»³², буквально взбесила немцев. Фон Кюльман заявил Ганчеву, что Германия рассматривает состоявшееся обсуждение болгарских границ как «опеку со стороны России и Украины, от которой Болгарии пора избавиться»³³. По дипломатическим каналам главе правительства Радославову передали просьбу союзников о прекращении переговоров³⁴.

Радославов передал в Брест-Литовск распоряжение: «Поскольку большевики и украинцы не проявляют интереса к Румынии и Сербии, вопрос о границах в Брест-Литовске не поднимать. Он будет обсуждаться и решаться непосредственно Софией и Берлином»³⁵. В письме Ризову он недоумевал: «Представляете себе картину? Германия не дает нам Добруджу, а русские дают ее Болгарии»³⁶.

Хотя 12 января украинскую делегацию признали в Брест-Литовске самостоятельной, независимого украинского государства на политической карте пока не существовало. Поэтому 20 января переговоры между

Украиной и Центральными державами были временно прерваны. В. Голубович вернулся в Киев, где 22 января были провозглашены независимость и суверенитет Украинской Народной Республики. 1 февраля украинская делегация во главе с А. Севрюком вернулась в Брест-Литовск, и переговоры возобновились. По настоянию Австро-Венгрии они были ускорены, и 9 февраля 1918 г. в 2 часа ночи договор между УНР и Центральными державами был подписан. От Болгарии свою подпись на документе поставил прибывший в Брест-Литовск 2 февраля премьер-министр Радославов.

В Болгарии подписание договора было расценено как дипломатический успех. Печать опубликовала заявление Радославова, в котором он назвал мир с Украиной «интродукцией ко всеобщему миру»³⁷. Официальное издание оппозиции газета «Мир» утверждала, что после подписания договора с Украиной «мир со всей Россией фактически можно считать заключенным»³⁸. Помимо политического значения этого события подчеркивалась важность и экономической стороны дела. В середине января продовольственный кризис в стране достиг небывалого размаха. Это заставило Радославова отказать послу Австро-Венгрии графу А. Тарновскому в просьбе о поставках продовольствия. Радославов аргументировал свою позицию следующим образом: «Общее положение в Четверном союзе требует, прежде всего, заключения мира с Россией, но еще необходимое мир с Украиной, для чего следует даже пойти на определенные жертвы»³⁹. После подписания мира с «прекрасной и плодородной Украиной»⁴⁰, казалось, кризис может быть преодолен, и печать предвещала успешное для Болгарии завершение войны: «Блокада со стороны Антанты потеряет свое значение. Россия – земледельческая страна, и когда сообщения и торговля с ней будут полностью восстановлены, страны Центрального союза первыми используют это положение, поскольку сильнейшее оружие борьбы со стороны Антанты – угроза голода – притупится»⁴¹.

3 марта 1918 г. был подписан мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Советской Россией, с другой. Для Центральных держав заключение договора в известной мере было вопросом времени и прямым следствием мира с УНР, так как, по признанию Кюльмана именно этот мир явился средством принудить Советскую Россию подписать удовлетворительный мирный договор с Четверным союзом⁴². Со стороны Болгарии договор был подписан полномочным министром в Вене А. Тошевым, возглавившим болгарскую делегацию на переговорах с Советской Россией. В. Радославов покинул конференцию после подписания мира с Украиной. Возвращение премьер-министра в Софию красноречиво свидетельствовало об убежденности властей в том, что мир со «скромными украинскими буржуа» принесет

больше пользы Болгарии, нежели отношения с «большевиками, которые воплощают самый дикий в мире социализм»⁴³.

Эта тенденция прослеживалась и в отношениях Болгарии с Советской Россией и с новым Украинским государством. Статья X мирного договора предусматривала восстановление дипломатических и консульских отношений между Болгарией и Советской Россией. Однако правительство Радославова, убежденное в непрочности большевистского режима в России, считало, что в Москве следовало открыть лишь «временную» миссию, а сотрудников ее считать «временно командированными»⁴⁴. С подписанием Брест-Литовского мирного договора и ухода России с Балкан исчезли опасения Болгарии иметь с русскими общую границу. Вместо этого официальное издание министерства иностранных дел Болгарии «*Echo de Bulgarie*» провозгласило, что Дунай должен стать естественной границей между Болгарией и Украиной. Это заявление, судя по телеграмме германского военно-морского атташе в Софии фон Арнима в Берлин, вызвало раздражение немцев⁴⁵. Возможное соседство двух стран обеспокоило и других союзников Болгарии. В одном из докладов австро-венгерского посла в Царьграде маркиза Палавичини выражалось опасение в связи с возможным пагубным влиянием «двух славянских крестьянских республик – Болгарии и Украины» на славян монархии⁴⁶. В телеграмме австро-венгерского военного атташе в Стамбуле генерала Й. Помянковского говорилось, что и Турция «не может допустить, чтобы два славянских государства имели общую границу на суше и на море»⁴⁷.

Основной задачей дипломатического представительства Болгарии в Советской России являлась организация поставок продовольствия и товаров для армии⁴⁸. Эта же необходимость заставляла болгарское правительство торопиться с отправкой своего представителя на Украину. Сначала руководителем болгарского посольства в России был назначен Ризов, но, в конечном счете, его возглавил Чапрашиков. Он выехал в Москву 29 мая 1918 г., а 10 июня состоялась его встреча с председателем ВЦИК Я.М. Свердловым и народным комиссаром по иностранным делам Г.В. Чичериным. Официального вручения верительных грамот на этой встрече не произошло. Согласно Брест-Литовскому мирному договору, обмен ратификационными документами между обеими странами состоялся месяцем позднее – 9 июля 1918 г. в Берлине. Россию представлял А. Иоффе, а Болгарию – управляющий болгарским посольством С. Никифоров⁴⁹. Чрезвычайным посланником и полномочным министром Царства Болгария в УНР был назначен И. Шишманов⁵⁰, прибывший в украинскую столицу в начале мая 1918 г. 15 июля 1918 г. в Вене состоялся обмен ратификационными документами между Болгарией и Украиной, но, в отличие от

Чапрашикова, Шишманов не откладывал вручение верительных грамот и передал их украинскому гетману 2 августа 1918 г. В сентябре украинский дипломатический представитель вручил свои верительные грамоты царю Фердинанду⁵¹.

Оценивая власть большевиков как «временное явление», Чапрашиков считал открытие болгарской миссии в Москве «беспредметным»⁵². Это послужило причиной, по которой было сорвано прибытие советского представителя в Софию. В качестве такового Наркомат по иностранным делам предложил в конце июня 1918 г. кандидатуру И. Кинкеля, эмигранта, много лет жившего в Болгарии и женатого на болгарке. В телеграмме новому премьер-министру А. Малинову (Радославов покинул пост главы кабинета в результате перестановок в правительстве 21 июня 1918 г.) Чапрашиков выразил недоверие Кинкелю, исходя из убеждения, что представитель Советской России в Софии будет заниматься исключительно пропагандой идей большевизма. Болгарское правительство приняло решение, что «не следует спешить с отправкой в Софию дипломатического представителя [России]»⁵³. В середине июля в ходе встречи Чапрашикова с заместителем наркома по иностранным делам Л. Караханом вновь возник вопрос о приезде советского представителя в Софию, и вновь болгарский дипломат отклонил инициативу российской стороны⁵⁴. В то же время Болгария не возражала против прибытия в Софию украинского полномочного министра. Шишманов принял участие в обсуждении возможной кандидатуры, и с его согласия 25 июля 1918 г. дипломатическим представителем Украинского государства был утвержден А. Шульгин. Рассчитывая на длительные отношения, стороны договорились об открытии консульств – украинских в Софии и Варне и болгарского в Одессе.

Помимо дипломатов в составе болгарской миссии в Москве находились два офицера Дирекции по снабжению и регулированию экономики. В их обязанности входило получение предназначенной для Болгарии части закупленного союзниками продовольствия, и, по возможности, самостоятельные закупки продовольствия и товаров для болгарской армии⁵⁵. Для обсуждения перспектив установления торговых отношений между обеими странами Чапрашиков встретился с народным комиссаром по торговым делам М. Бронским. Болгарский дипломат обещал сообщить советской стороне, что, кроме табака, могла бы экспортировать Болгария в обмен на русские товары и продовольствие – мануфактуру, лен, кожу, кофе и др. «Впечатление от встречи таково, что если начнутся настоящие переговоры, можно будет достичь удовлетворительного обмена товарами», – отметил Чапрашиков в докладе премьер-министру⁵⁶.

Из-за затруднений в организации поставок продовольствия из Советской России надежды Болгарии были связаны с Украиной. В конце марта 1918 г. газета «Мир» поместила статью «Украинские продукты» вместе с интервью, взятым у украинского дипломата и журналиста Гасенко. Автор статьи восторженно цитировал собеседника, заявившего, что «излишки урожая, обещанные Центральным державам по мирному договору, имеются в огромном количестве, и после восстановления сообщения они могут быть отправлены [в Болгарию]»⁵⁷. Тем не менее, несмотря на специальное соглашение об организации обмена товарами с Украиной, подписанное в Берлине в апреле 1918 г., распределение поставок, осуществлявшееся представителями Центральных держав, оказалось для Болгарии неблагоприятным. Это обусловило необходимость начать переговоры между правительствами двух стран об установлении прямых болгаро-украинских торговых отношений, но, в конечном счете, ни Болгария, ни Украина не решились начать товарообмен. На встрече И. Шишманова с К. Раковским был затронут вопрос о возможном товарообмене между Болгарией и Советской Россией и организации транзита российских товаров через Украину⁵⁸. Согласно имеющейся статистике, в 1918 г. в Болгарию из Советской России было доставлено более 4 550 тонн товаров и продовольствия, а с Украины – около 6 000 тонн⁵⁹.

На посту руководителя болгарской миссии в Москве Чапрашиков оставался до 9 августа 1918 г. После его отъезда в Германию миссию возглавил ее бывший секретарь П. Георгиев. В сентябре 1918 г. она переехала в оккупированный немцами Псков. С этого времени связи между Болгарией и Советской Россией были фактически прерваны. Шишманов пытался по своим каналам получать информацию для болгарского руководства о положении в бывшей Российской империи: организовал встречи с Кр. Раковским, руководителем российской делегации на переговорах с украинской стороной, а также с находившимся в эмиграции П.Н. Милюковым, лидером партии кадетов, поддерживал контакты с деятелями других государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи – в Финляндии и Грузии.

После подписания Салоникского перемирия 29 сентября 1918 г. между Болгарией и странами Антанты болгаро-советские отношения были окончательно приостановлены. Более того, статьи перемирия обязывали Болгарию обеспечить свободное передвижение по ее территории войск стран Антанты и открыть свои порты для их кораблей. Таким путем создавались условия для будущей интервенции против Советской России. 13 ноября 1918 г., два дня спустя после подписания Компьенского перемирия о прекращении боевых действий между Германией и странами Антанты, поло-

жившего конец войне, Советская Россия аннулировала Брест-Литовский договор. По статье 171 Нейского мирного договора между Болгарией и Антантой от 27 ноября 1919 г. были аннулированы все договоры, соглашения и конвенции, заключенные между Болгарией и Советской Россией.

В отличие от болгаро-советских отношений, выход Болгарии из войны не прервал ее отношений с Украиной. Сторонам удалось успешно решить вопрос о репатриации военнопленных, было улучшено положение болгарского национального меньшинства на Украине. Несмотря на тяжелые послевоенные условия, активизировались и культурные связи между двумя странами. Болгарская миссия вернулась на родину в начале 1919 г. после вступления Красной Армии на территорию Украины. После приостановки деятельности украинской миссии в Болгарии на основании статьи 171 Нейского мирного договора представительство УНР в Софии функционировало полулегально до конца 1920 г.⁶⁰

Итак, попытки установления нормальных дипломатических отношений между Болгарией и Советской Россией окончились неудачей, в том числе и из-за нежелания болгарских властей установить прочные связи с большевистским режимом: Надежды болгарской стороны на добрососедские отношения и сотрудничество были связаны в начале 1918 г не с Россией, а с Украиной. В отличие от Советской России, новое украинское государство приветствовало постоянство болгар, доказывавших свои бесспорные права на Добруджу, Македонию и Нишскую область, и упорное стремление закрепиться на этих землях. Хотя в 1918 г. внешнеполитические условия Советской России и Украины были схожими (правительства были признаны только Центральными державами), правящие круги Болгарии склонялись в своих оценках к тому, что установленный на Украине режим более продуктивен, нежели власть большевиков.

Примечания

¹ Илчев И. България и Антанта през Първата световна война. София, 1990. С. 238, 241; Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, С. 154–158.

² Илчев И. Указ. соч. С. 234.

³ Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 176к. Оп. 3. А.е. 602. Л. 16.

⁴ Там же. А.е. 678. Л. 40–41.

⁵ Стенографски дневници на XVII Обикновено Народно събрание. IV редовна сессия. С. 144.

⁶ Дипломатически документи по участието на България в Европейската война. Т. II. 1915–1918 г. (до примирието). София, 1921. Док. № 1388. С. 869.

- ⁷ ЦДА. Ф. 313к. Оп. 1. А.е. 2463. Л. 3.
- ⁸ *Панайотов П.* Българо-съветски отношения и връзки. 1917–1923. София, 1982. С. 59.
- ⁹ България на мирните преговори в Брест-Литовск (1917–1918). Сборник документи. Велико Търново, 2007. Док. № 89. С. 138.
- ¹⁰ Там же. Док. № 150. С. 232; *Хаджисиниолов В.* Отношенията между България и Съветския съюз след Октомврийската революция до нормализирането им през 1934 г. // Исторически преглед. 1954. № 4. С. 16.
- ¹¹ *Омарчевски Ст.* Българските управници през световната война. Факти и документи. София, 1921. С. 121.
- ¹² ЦДА. Ф. 313к. Оп. 1. А.е. 2463. Л. 63.
- ¹³ Там же. Л. 155.
- ¹⁴ Там же. Л. 36.
- ¹⁵ Там же. Ф. 176к. Оп. 3. А.е. 602. Л. 72.
- ¹⁶ *Українська Центральна рада.* Документи і матеріали у двох томах. Т. 1. Київ, 1996. С. 529.
- ¹⁷ ЦДА. Ф. 176к. Оп. 3. А.е. 602. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. А.е. 678. Л. 19–25.
- ¹⁹ Цит. по: *Рубльов О., Резнт О.* Українські визвольні змагання. 1917–1921. Київ, 1999. С. 75.
- ²⁰ *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Лондон, 1991. С. 162.
- ²¹ *Пенчиков К.* Бесарабският въпрос в политиката на Централните сили (1918–1919 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 1. Велико Търново. 1992. С. 135.
- ²² ЦДА. Ф. 313к. Оп. 1. А.е. 2463. Л. 164.
- ²³ Дипломатически документи... Док. № 1432. С. 892.
- ²⁴ България на мирните преговори в Брест-Литовск... Док. № 102. С. 165.
- ²⁵ Там же. Док. № 103. С. 167.
- ²⁶ Там же. Док. № 129. С. 204.
- ²⁷ ЦДА. Ф. 313к. Оп. 1. А.е. 2465. Л. 35
- ²⁸ България на мирните преговори в Брест-Литовск... Док. № 108. С. 175.
- ²⁹ ЦДА. Ф. 313к. Оп. 1. А.е. 2465. Л. 186–187.
- ³⁰ Там же. Л. 189–190.
- ³¹ Дипломатически документи... Док. № 1426. С. 889.
- ³² ЦДА. Ф. 313к. Оп. 1. А.е. 2464. Л. 41
- ³³ Там же. А.е. 2461. Л. 42.
- ³⁴ Дипломатически документи... Док. № 1425. С. 888.
- ³⁵ България на мирните преговори в Брест-Литовск... Док. № 123. С. 197.
- ³⁶ Дипломатически документи... Док. № 1426. С. 889.
- ³⁷ Мир. 15 февруари 1918 г.; Работнически вестник. 1 март 1918 г.
- ³⁸ Мир. 11 февруари 1918 г.

- ³⁹ Цит. по: *Нотович Ф.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 144.
- ⁴⁰ Мир. 12 февруари 1918 г.
- ⁴¹ Мир. 11 февруари 1918 г.
- ⁴² Нотович Ф. Указ. соч. С. 213.
- ⁴³ Мир. 11 февруари 1918 г.
- ⁴⁴ ЦДА. Ф. 176к. Оп. 1. А.е. 1263. Л. 1.
- ⁴⁵ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи. Сборник документи в два тома. Т. II. 1916–1918. София, 2005. Док. № 359. С. 540.
- ⁴⁶ Цит. по: *Пенчиков К.* Указ. соч. С. 133.
- ⁴⁷ България на мирните преговори в Брест-Литовск... Док. № 184. С. 267.
- ⁴⁸ ЦДА. Ф. 176к. Оп. 1. А.е. 1263. Л. 2.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 3. А.е. 838. Л. 389.
- ⁵⁰ Там же. А.е. 1266. Л. 1–3, 41.
- ⁵¹ *Манасиева И.* Украинската народна република и България. 1918–1920 г. Дисертация за присъждане на образователната и научна степен «доктор». София, 2003. С. 84–86.
- ⁵² Цит. по: *Панайотов П.* Указ. соч. С. 76.
- ⁵³ ЦДА. Ф. 176к. Оп. 3. А.е. 1069. Л. 1–3.
- ⁵⁴ Там же. Л. 4.
- ⁵⁵ Хаджиниколов В. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917–1944 г.). София, 1956. С. 59.
- ⁵⁶ ЦДА. Ф. 176к. Оп. 3. А.е. 1332. Л. 39.
- ⁵⁷ Мир. 29 март 1918 г.
- ⁵⁸ Манасиева И. Указ. соч. С. 175, 183.
- ⁵⁹ Панайотов П. Указ. соч. С. 83.
- ⁶⁰ Манасиева И. Указ. соч. С. 85–92.

Л. Спасов
(Пловдивский университет)

СССР, Болгария и Балканский пакт 1934–1940 гг.*

Балканский пакт как группировка, призванная не допустить ревизии границ на Балканах, «цементировать» их и гарантировать статус кво, определенный Нейским мирным договором, просуществовал примерно шесть лет и восемь месяцев. В его состав входили Турция, Греция, Югославия и Румыния. Задача автора – раскрыть в настоящей статье сущность политики СССР по отношению к Болгарии и Балканскому пакту.

* * *

14 сентября 1933 г. в Анкаре состоялось подписание договора между Турцией и Грецией о взаимных гарантиях неприкосновенности общей границы. 19 сентября К. Ататюрк направил в Софию главу турецкого кабинета министров И. Иненю и министра иностранных дел Р. Араса для заключения аналогичного болгаро-турецкого договора. Правительство Н. Муханова, в свою очередь, предложило продлить болгаро-турецкий договор об арбитраже (1929 г.), срок которого истекал 5 марта 1934 г., еще на пять лет. Отказ болгарской стороны от турецкого предложения вызвал в Анкаре большое разочарование, поскольку свидетельствовал, что, в отличие от Греции, Болгария не считала свою границу с Турцией окончательной, и, иными словами, не отказалась от претензий на Восточную Фракию¹.

В октябре 1933 г. Арас заявил французскому послу в Анкаре, что греко-турецкий блок «крепок, как цемент». «Требовать что-либо от Греции, – заметил он, – все равно, что требовать от Турции. В этом случае я – грек. Мы гарантировали друг другу неприкосновенность нашей общей границы и не позволим передвинуть ее от полоски земли, которую уступили Болгарии... Или она присоединится к нам, отказавшись от всех своих территориальных претензий, глубоко скрытых в ее сердце, или мы четверо

* Перевела Т.В. Волокитина

(Югославия, Румыния, Греция и Турция) сами займемся обеспечением неприкосновенности своих границ»². Турецкий министр иностранных дел подчеркнул, что возможное заключение болгаро-югославского договора, к чему царь Борис и Н. Мушанов прилагают неимоверные усилия, означает, что Болгария оставит вопрос о своей границе с Грецией открытым. Ответом на этот шаг станет «соглашение Турции с СССР, чтобы контролировать Болгарию и Черное море, и соглашение с Италией, чтобы оказать нажим на Югославию». Арас оценил болгаро-югославский договор как «болгарскую иллюзию»³.

9 февраля 1934 г. в Афинах Югославия, Греция, Турция и Румыния подписали Балканский пакт, целью которого было не допустить пересмотра границ. В связи с этим его антиболгарская направленность была очевидной. Перед подписанием пакта Турция в соответствии со специальным протоколом, приложенным к советско-турецкому договору о ненападении 1929 г., провела консультации с советским правительством, поскольку одна из участниц пакта – Румыния граничила с СССР. Во время переговоров в Москве турецкая сторона аргументировала свое желание участвовать в Балканском пакте склонностью Болгарии поддержать любого внешнего агрессора. «Вопрос о поведении Болгарии, – сказал Арас, – это для Турции вопрос жизни и смерти»⁴. Советское правительство посчитало доводы турецкой стороны неосновательными. Оно полагало, что участие Анкары в Балканском пакте теоретически создает возможность для СССР и Турции оказаться в случае конфликта в разных воюющих друг против друга лагерях. В беседе с турецким дипломатом Рагиб-беем народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов сконструировал следующий возможный вариант развития событий: «Мы находимся в состоянии вооруженного конфликта с Румынией. Болгария хочет использовать создавшееся положение, нападает на Румынию; как следствие, возникают некоторые общие интересы и даже военная солидарность у нас с Болгарией. Турция в силу участия в пакте обязана придти на помощь Румынии, то есть государству, находящемуся с нами в состоянии войны»⁵.

Чтобы привести Балканский пакт в соответствие с советско-турецким договором 1925 г., 6 февраля 1934 г. Литвинов дал распоряжение советскому полномочному представителю в Анкаре Я.З. Сурицу потребовать от турецкого правительства приложить к тексту пакта письменную декларацию, что турецкая сторона «не считает себя обязанной участвовать в каких-либо действиях, направленных против СССР». При заключении пакта Арас учел требование советского правительства⁶.

Несмотря на это, подписание Балканского пакта Москва встретила с неудовольствием. «Турция, – писал Литвинов Сурицу, – настаивает на за-

ключении пакта, и мы не желаем ей препятствовать в этом, но, во всяком случае, о нашем положительном отношении к пакту и о благоприятных комментариях в печати не может быть и речи»⁷. Позиция советской стороны объяснялась тем, что вышеуказанная декларация, хотя и не противоречила советско-турецкому договору, но не устраняла антисоветские положения пакта. Советское правительство расценило участие Турции в блоке со странами, признававшими границы Румынии, как поддержку турецкой стороной в мирных условиях позиции Румынии по бессарабскому вопросу⁸. Кроме того, подписанный в Афинах пакт был неблагоприятен для Москвы еще и потому, что в соответствии с дополнительным протоколом Турция, а значит и СССР как ее союзник, могли быть втянуты в военное столкновение на Балканах. «В случае нападения Италии на Югославию, — отмечал Литвинов в телеграмме советскому полномочному представителю в Афинах Я.Х. Давтяну, — достаточно вмешательства Болгарии, чтобы вовлечь Турцию и страны, которые стоят за ней, в войну с Италией»⁹.

23 июля 1934 г. Суриц и болгарский полномочный министр в Анкаре Н. Антонов подписали в Царьграде протокол о восстановлении дипломатических отношений между Болгарией и СССР. Турецкое правительство восприняло нормализацию болгаро-советских отношений как выражение несогласия советской стороны с балканской политикой Турции. СССР разграничил свою политику коллективной безопасности с политикой стран-участниц Балканского пакта и их покровительницы Франции, выступавших против ревизии послевоенных границ. В 30-е годы борьба СССР за мир выходила за рамки представлений румынского министра иностранных дел Н. Титулеску, для которого мир означал сохранение территориального статус кво, оформленного по итогам Первой мировой войны. Суриц заявил Антонову, что защищаемый Балканским пактом статус кво и есть «точка расхождения» между Советским Союзом и Францией¹⁰.

Назначенный правительством К. Георгиева в конце августа 1934 г. полномочный министр Болгарии в Москве профессор Д. Михалчев считал, что Восточный пакт скоро потеряет в глазах Литвинова политическую актуальность и что «даже если что-то и получится, то будет реализована весьма болезненная формула [объединения]». «СССР, — говорил он, — сейчас временно отказался говорить о ревизии договоров. Не исключено, что развитие политических событий в Европе приведет Москву к тому, что она заговорит на жаргоне общеславянской идеологии»¹¹. В условиях, когда Франция и Турция проводили политику активного взаимодействия с СССР, Михалчев не видел причины, по которой Болгария не могла бы воспользоваться наличием точек соприкосновения между болгарскими и советскими интересами.

7 ноября 1934 г. на приеме в Кремле по случаю 17-ой годовщины Октябрьской революции Михалчев, беседуя с председателем ВЦИК М.И. Калининым и новым полномочным представителем в Софии Ф.Ф. Раскольниковым, попытался обосновать тезис о том, что «Турция, хотя и играет полезную роль как союзник, которому Советская Россия оказывает особое внимание, и как верный страж на Проливах, все же останется лишь на 50% полезной для Советского Союза, если последний не попытается политически привлечь на свою сторону и Болгарию, внося ясность в болгаро-турецкие отношения»¹².

В январе 1935 г. болгарский полномочный министр обсудил в Москве состояние болгаро-турецких отношений в беседе с советским политическим представителем в Анкаре Л.М. Караханом. Михалчев подчеркнул, что со времен Первой мировой войны ни одно болгарское правительство не стремилось так искренне установить отношения доверия и дружбы с Турцией, как правительство «19-го мая»^{*}, но турецкое правительство держится подчеркнуто недружелюбно. Турецкая печать ведет враждебную кампанию против Болгарии в связи с инцидентом с помаками^{**} на болгаро-греческой границе, хотя к Турции это не имеет никакого отношения: помаки не являются турками. Распространяются слухи, что болгары перешли границу в районе Одрина, вследствие чего по тревоге подняты турецкие дивизии, и пр. Михалчев спросил Карахана: «Не в интересах ли Советской России оказать воздействие на Анкару в целях смягчения этой враждебной для Болгарии атмосферы?» «Разве СССР безразлично, – продолжал Михалчев, – будет ли Болгария в дружеских отношениях с Турцией, прикрывая ее фракийскую границу в районе Дарданелл, или в результате постоянных нападков и огорчений однажды окажется там, где для Советской России не будет ни дружеского отношения, ни пользы»¹³.

Карахан заметил, что Турция не испытывает доверия к Болгарии, во-первых, из-за нежелания Софии присоединиться к Балканскому пакту, а, во-вторых, из-за деятельности Фракийской организации. Однако советскому дипломату не удалось убедить бывшего руководителя Фракийской организации профессора Михалчева, насколько опасна для Турции ее деятельность. Михалчев рассказал Карахану об истории организации, о трагедии фракийских беженцев, не получивших за свое имущество в Восточной Фракии ни гроша. Объяснил он и причины, по

^{*} Правительство, пришедшее к власти в результате переворота 19 мая 1934 г.

^{**} Помаки – болгары-мусульмане.

которым Болгария отказалась вступить в Балканский пакт. «Мы, — сказал он, — не видим никакой реальной опасности в том, что наши сегодняшние границы будут еще больше урезаны, чтобы имело смысл заботиться об их неприкосновенности. Мы живем в соответствии с Нейским договором, а за его выполнение несет ответственность Лига Наций. Если она бессильна, то едва ли будут иметь какую-либо силу и любые региональные договоры, в том числе и Балканский пакт»¹⁴. «Сказки» Анкары о том, что Болгария могла бы превратиться в «опасность» для Турции, беспочвенны. Если в болгарском правительстве проявляются италофильские тенденции, как объяснить его политику искренней дружбы с Югославией? «Связи между Турцией и Югославией становятся все более крепкими, и это свидетельствует о том, что Болгария — не против Турции, а, наоборот, за дружбу с Югославией и Турцией», — подчеркнул Михалчев¹⁵.

Карахан согласился с тем, что турецкое правительство проявляет излишнюю мнительность в отношении Болгарии, но не торопится урегулировать болгаро-турецкие отношения. Советский дипломат ограничился выражением своей уверенности в том, что «недоверие Турции может быть рассеяно», если болгарское правительство направит в Анкару одного из своих самых талантливых дипломатов¹⁶. В том же месяце Михалчев беседовал и с заместителем Литвинова Н.Н. Крестинским. Последний, как и Карахан, вел себя осторожно. Вместо ответов на заданные собеседником вопросы он зачитал Михалчеву один из докладов Раскольников из Софии, в котором, помимо прочего, говорилось: «...Болгария стремится к тесной дружбе с Югославией. В этом направлении кое-что достигнуто... Но я не убежден, что Болгария испытывает то же желание и в отношении Турции». Болгарскому дипломату пришлось привести доказательства того, что не болгарское правительство виновато в том, что отношения с Турцией не такие, как с Югославией¹⁷.

В январе 1935 г. Литвинов несколько раз запрашивал болгарского представителя в Москве: «Куда заведут Болгарию сегодняшнее сближение с Белградом и завтрашняя дружба с Турцией?» Михалчев отвечал, что усилия Болгарии направлены на то, чтобы «разорвать обруч», который окружает ее, благодаря соседям, и облегчить урегулирование разногласий с ними и прежде всего с Грецией. Этим он давал понять, что целью Болгарии было ликвидировать союзный договор между Турцией и Грецией, так как греко-турецкие отношения являются «переменной функцией» недоверия Анкары к Софии¹⁸.

* * *

1 марта 1935 г. в Греции вспыхнуло восстание¹⁹. Италия поддержала взбунтовавшихся офицеров-республиканцев Четвертого армейского корпуса в Кавале и дивизию, дислоцированную на Крите, предводительствуемых лидером Либеральной партии Э. Венизелосом, а Англия и Франция – офицеров-монархистов во главе с военным министром генералом Кондилисом. Обеспокоенное болгарское правительство объявило частичную мобилизацию и направило войска на границу с Грецией. Американское посольство в Афинах распространяло слухи, что Венизелос якобы обещал предоставить Болгарии выход в Эгейское море при условии, что София окажет ему военную помощь²⁰. Правительства Англии и Франции предупредили болгар, что не допустят нарушения мира на Балканах. Председатель Балканского пакта Н. Титулеску угрожал правительству генерала П. Златева, что если болгарская армия перейдет греческую границу, то в силу вступит обязательство об оказании взаимной помощи. Югославия предоставила правительству Цалдариса несколько вагонов боеприпасов и 17 военных самолетов, а Турция – 30 бомбардировщиков²¹. Кроме того, турецкое правительство перебросило из Анатолии в Восточную Фракию на границу с Болгарией 60-тысячную армию²². 7 марта болгарский представитель в Лиге Наций Н. Антонов вручил ее Генеральному секретарю ноту с обвинением турецкого правительства в подготовке военного наступления с целью оккупации Южной Болгарии²³. В Софии министр иностранных дел К. Батолов заявил, что у Болгарии нет намерений вмешиваться во внутренние дела Греции, а в Афинах полномочный министр П. Нейков опроверг сообщения, тенденциозно трактовавшие позицию Болгарии. Он настоял на прекращении антиболгарской кампании в греческой печати²⁴. Американский полномочный министр в Афинах Мак Виг не сомневался в том, что вмешательство болгар в греческие события имело место. В донесении в Государственный департамент он сообщал, что после подавления восстания, жертвами которого с обеих сторон стали 200 человек, командующий Четвертым армейским корпусом генерал Каменос со своим штабом укрылся в Болгарии. Виг подчеркнул, что полномочные министры Великобритании, Франции, Турции, Югославии, Румынии и даже Германии поздравили греческого премьер-министра Цалдариса с успешным выходом из кризиса. Только итальянский и болгарский дипломаты воздержались от подобного шага²⁵.

Советское правительство не солидаризировалось ни с одной из сторон, принимавших участие в конфликте. Советские официозы – газеты «Правда» и «Известия» – рассматривали восстание как «борьбу двух бур-

жуазных фракций с фашистскими тенденциями», как мятеж, не имевший никакого революционного и социального значения. В Москве считали, что профранцузское правительство Цалдариса стремилось усилить Балканскую Антанту и укрепить свои связи с Турцией, в то время как целью Венизелоса было сориентировать Грецию на Англию и Италию и противостоять Балканскому пакту. По мнению американского историка Д. Кофаса, советские оценки восстания в Греции были «смехотворными». Он подчеркнул, что в основе этих оценок лежали ошибочные политические прогнозы советских руководителей и их «грубые» интерпретации феномена фашизма²⁶. Однако Кофас проигнорировал важнейший фактор, определявший советскую политику в Европе и на Балканах, – германский.

Советское правительство оказывало нажим на Анкару, пытаясь предотвратить назревавший в болгаро-турецких отношениях кризис. 10 марта 1935 г. Литвинов вызвал в Наркомат по иностранным делам Михалчева и заявил ему следующее: «Будьте уверены... Турция не нападет на Вас... Я не упускаю случая противостоять турецкой мнительности, поскольку она затрагивает Италию и особенно Болгарию»²⁷. В тот же день Р. Арас, беседуя в Анкаре с болгарским дипломатом Хр. Минковым, объяснил, что военные приготовления в Восточной Фракии связаны с реализацией дислокационного плана Генерального штаба Турции по обороне Проливов. Он заверил собеседника, что «о войне с Болгарией не может быть и речи»²⁸. После беседы Минков сообщил в Софию: «У меня сложилось впечатление, что турок напугал успех Венизелоса и что кто-то серьезно обратил внимание на их действия во Фракии, отсюда и плохое настроение Тевфик Ружди бея... В настоящий момент турки как будто поутихли и сохраняют хладнокровие»²⁹.

Содействуя урегулированию болгаро-турецких отношений на двусторонней основе, советское правительство не одобрило болгарскую ноту, адресованную Лиге Наций. В Анкаре Карахан заявил Минкову, что для Болгарии было бы целесообразным отозвать своей протест против Турции³⁰. Требование советской стороны поддержали французские и румынские дипломаты³¹. Целью СССР, Франции и Румынии было ликвидировать болгаро-турецкий инцидент без участия Лиги Наций, поскольку там предстояло обсуждение германских дел: заявления правительства о создании военно-воздушных сил (9 марта 1935 г.) и введения всеобщей воинской повинности (16 марта 1935 г.). Правительство генерала П. Златева, заинтересованное в быстром урегулировании недоразумений с Турцией, вняло заявлениям СССР, Франции и Румынии. По распоряжению К. Батолова 9 марта 1935 г. Н. Антонов сумел по-дружески договориться со своим турецким коллегой и отозвал протест против Турции из Лиги Наций³².

8 марта 1936 г. в связи с вводом немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область французский главнокомандующий генерал Гамлен сообщил правительству, что сможет начать боевые действия против немцев лишь при условии оказания ему военной помощи со стороны Италии и Англии. Однако Англия ответила отказом, так как считала, что вступление в войну с Германией окажется полезным «большевизму», то есть СССР³³.

В этот трудный для Франции момент Турция предприняла шаги по ревизии Лозаннского договора. 24 марта 1936 г. в Лондоне Р. Арас ознакомил министра иностранных дел А. Идена с подготовленным турецкой стороной проектом резолюции о пересмотре Лозаннского договора 1923 г. в части Проливов. Иден разделил опасения турок в связи с постоянным укреплением Додеканезских островов Италией, воспринял вероятное установление итальянского господства над Дарданеллами и Суэцким каналом как реальную опасность, но отсоветовал Арасу выносить проект резолюции на одобрение Лиги Наций³⁴.

26 марта за пять минут до открытия заседания Лиги Наций Р. Арас ознакомил с содержанием подготовленного документа М.М. Литвинова и румынского министра иностранных дел Н. Титулеску. Литвинов выразил сомнение относительно своевременности запланированной турками дипломатической акции, но пообещал после возвращения в Москву обсудить в Наркомате по иностранным делам турецкое предложение и уведомить Анкару о позиции СССР³⁵. Титулеску считал, что турецкое правительство создает прецедент для ревизии других договоров и выразил настойчивое пожелание обсудить инициативу турок со всеми членами Балканской Антанты. Арас как председатель ее Постоянного совета обещал включить вопрос о Проливах в повестку дня назначенной на май белградской сессии Балканской Антанты³⁶.

В начале апреля 1936 г. Австрия, нарушив Сен-Жерменский договор, ввела обязательную воинскую повинность. 11 апреля, не дожидаясь ответа советского правительства и открытия сессии Балканской Антанты в Белграде, Р. Арас разослал циркулярную ноту правительствам стран, подписавших конвенцию о Проливах в Лозанне в 1923 г. В ней указывалось, что конвенция не гарантирует безопасность Турции, вследствие чего турецкое правительство готово в кратчайшие сроки провести переговоры и подписать новую конвенцию, обеспечивающую безопасность турецкой территории и свободу торгового судоходства между Средиземным и Черным морями³⁷.

В связи с указанной нотой Титулеску телеграфировал в Бухарест: «Этим шагом Турция ослабляет позиции Румынии и других союзников и полностью лишает смысла встречу в Белграде». Он поручил румынскому полномочному министру в Анкаре передать Арасу отказ Румынии от участия в сессии Постоянного совета Балканского пакта.

При вручении ноты Л.М. Карахану в Анкаре Р. Арас и глава турецкого кабинета министров И. Иненю выразили надежду, что советские газеты «Правда» и «Известия» положительно откликнутся на турецкую инициативу. В Москве Карахан настаивал на скорейшем ответе в том смысле, что советская сторона будет твердо придерживаться принципов Московского договора 1921 г.³⁸

Литвинов отклонил пожелание турок, подчеркнув, что вместо текста ноты они обнародовали лишь краткое коммюнике без указания мотивов пересмотра прежнего договора, что делает невозможным дать комментарии в печати. Он заметил, что СССР не должен торопиться с заявлением своей позиции, так как поспешные дипломатические шаги или необдуманная реакция в прессе создадут неправильные представления у мировой общественности, что турецкая нота – это результат советского воздействия³⁹.

13 апреля 1936 г. английская «Дейли Телеграф» выступила в защиту Турции. На следующий день московские «Известия» поместили турецкую ноту⁴⁰. 15 апреля английское правительство вручило турецкому послу в Лондоне ноту с положительным ответом, которая в тот же день была разослана правительствам всех стран, подписавших Лозаннскую конвенцию⁴¹. Цель, которую поставила перед собой английская сторона, заключалась в том, чтобы отдалить Турцию от Советского Союза, включив ее в свою орбиту, и содействовать укреплению пошатнувшегося авторитета Лиги Наций. Путем к этому избрали столь желанную для турецкого правительства ревизию Лозаннского договора, действуя в рамках статьи 19 Пакта Лиги Наций. Иными словами, английская дипломатия выступила одновременно против СССР и борющихся с Лигой Наций фашистских государств.

16 апреля советское правительство заявило, что считает обоснованными опасения турецкого правительства и естественным его стремление обеспечить безопасность своих территорий путем соответствующих изменений режима Проливов⁴². Но Литвинов не скрывал своего разочарования поведением Араса. Н. Антонов сообщал из Москвы, что советское правительство выразило свое согласие «весьма неохотно, чтобы не дать возможности туркам действовать самостоятельно». «Здесь считают, – подчеркнул Антонов, – что требование ревизии Лозаннского договора облегчит борьбу Гитлера против договоров о мире... Если верить словам чехословацкого полномочного министра, который как союзник СССР хорошо информирован в этом вопросе, полного согласия между Турцией и СССР нет. Здесь сильное впечатление производит благосклонная позиция Англии»⁴³.

24–28 апреля главный секретарь министерства иностранных дел Турции Н. Менеменджоглу вел трудные переговоры в Бухаресте, которые, в

конце концов, увенчались успехом. После его отъезда румынское правительство заявило, что принимает турецкое предложение с оговоркой, что уступка Турции не станет прецедентом для ревизии Сен-Жерменского, Трианонского и Нейиского договоров.

В Москве заместитель наркома по иностранным делам Б.С. Стомоняков заявил Антонову, что считает вполне естественными отмену военных статей Нейиского договора и обеспечение выхода Болгарии к Эгейскому морю. По его мнению, не следовало только выносить на обсуждение эти два вопроса одновременно, поскольку это снизит шансы на успех. Стомоняков советовал Болгарии последовать примеру Турции, которая добивается своей цели путем переговоров⁴⁴. Англия и Франция выступили против ревизионистских требований болгарской стороны⁴⁵.

Болгарское правительство расценило сложившуюся ситуацию как «весьма деликатную». Будучи убежденным, что успех Турции принесет успех и болгарской ревизионистской политике, премьер-министр и министр иностранных дел Г. Кыосеиванов одобрил турецкую ноту. Чтобы не создавать затруднений турецкому правительству, он запретил в каком бы то ни было виде поднимать вопрос о вооружении болгарской армии и выходе на Эгейское побережье.

В июне 1936 г. Арас, испытывавший глубокое удовлетворение от позиции Кыосеиванова, по собственной инициативе начал обсуждение с французским послом в Анкаре А. Понсо возможностей вознаградить Болгарию, скорректировав ее юго-восточную границу и обеспечив экономический выход к Эгейскому морю путем превращения реки Марица в судоходную до болгарской границы⁴⁶. Болгарская сторона отреагировала адекватно: руководителю болгарской делегации на конференции по вопросам Проливов в Монтре главному секретарю министерства иностранных дел Н. Николаеву была дана четкая инструкция – поддерживать требования Турции, так как они предполагают ревизию прежнего договора⁴⁷.

20 июля 1936 г. согласованная в Монтре конвенция о Проливах была подписана. Она в значительной степени гарантировала интересы Болгарии в Черноморском бассейне и укрепила убежденность Софии в том, что договоры не являются неизменными. При подписании конвенции Николаев заявил, что национальная безопасность необходима всем, и посему, если государства, имеющие какие-либо требования, используют для этого удобный момент, другие силы должны прислушаться к этим требованиям и удовлетворить их⁴⁸. Английский историк А. Тойнби расценил это заявление как выражение надежды, что в ближайшее время мирным путем будет пересмотрен и Нейиский мир⁴⁹.

* * *

В начале января 1937 г. подготовленный болгаро-югославский пакт был воспринят в Москве как «боевая машина, собранная Германией на Балканах». Заместитель наркома по иностранным делам Б.С. Стомоняков вызвал Антонова и прямо спросил: «Как относится болгарский народ к предстоящему подписанию пакта? И почему Болгария отказалась заключить такие пакты с Румынией и Грецией?» Антонов ответил, что болгарский и югославский народы с удовлетворением относятся к этому пакту, поскольку подают друг другу руки «для примирения и искреннего сотрудничества». Вместе с тем он подчеркнул, что без предварительного урегулирования нерешенных вопросов торгового и финансового характера, как это было достигнуто Нишским соглашением с Югославией еще в 1923 г., Болгария не может заключить договоры с Румынией и Грецией⁵⁰.

Объяснения Антонова не удовлетворили Стомонякова. Он заявил, что «болгаро-югославский пакт не является обычным пактом о дружбе, а представляет собой договор с секретными статьями, предусматривающий даже определенные военные планы», что заключен он «под патронатом Германии, которая приложила немалые усилия в Софии, чтобы добиться такого результата». По мнению Стомонякова, по всей вероятности, Италия тоже окажет поддержку новой комбинации сил, поскольку она подорвет основы Малой Антанты и Балканского пакта, хотя обе эти группировки связаны друг с другом и каждая в отдельности военными конвенциями. Стомоняков убежден, что болгаро-югославский пакт сопряжен с территориальными претензиями Болгарии и Югославии к Греции, и в связи с этим поинтересовался у Антонова, не отказалось ли болгарское правительство от Македонии?⁵¹

Вопросы советского дипломата заставили Антонова просить у Кюсеиванова санкции заявить наркому Литвинову, что сведения советского правительства не отвечают действительности и что болгаро-югославский пакт не будет направлен против кого-либо, не содержит никаких военных статей, а преследует единственную цель – сблизить оба народа. 14 января 1937 г., получив необходимые указания из Софии, Антонов встретился с Литвиновым. Однако беседа пошла совсем по другому руслу. Прежде чем Антонов закончил свою речь, Литвинов прервал его словами: «Но ваш пакт с Югославией вовсе меня не беспокоит. Я не думаю, что это плохо. Наоборот, считаю, что он имеет положительное значение для Балкан. И если бы Советский Союз имел дипломатического представителя в Белграде, я бы активно поддержал пакт. Вспомните, я всегда говорил вам, говорил и вашему предшественнику, что в интересах мира вам следует ра-

зобратся в своих отношениях с Югославией и что Советский Союз готов поддержать болгаро-югославское сближение. Эту позицию мы занимаем и сейчас и вовсе не изменили своего мнения. Не вижу, почему мы должны отрицательно оценивать ситуацию сегодня, когда Белград и София делают шаги к взаимопониманию»⁵².

Далее Литвинов остановился на вопросе о болгаро-югославском пакте, Балканской Антанте и Малой Антанте. «Пострадает ли Балканская Антанта, распадется ли? Что из того? – говорил он. – Пусть пострадает и пусть распадется, я не делаю ставку на нее, она мне не нужна. Мы встретили ее создание в 1934 г. молчанием, потому что турки настаивали на ее образовании. Но стать ее защитницей мы не можем. И ее ждет собственная участь. Естественно, тогда мы бы предпочли, чтобы к общему соглашению присоединилась и Болгария. Но мы никогда не думали навязывать Вам эту комбинацию, к которой не имеем отношения. Другое дело Малая Антанта. На нее мы рассчитываем, и любое ее ослабление обеспокоило бы нас»⁵³. В начале января 1937 г. болгарский полномочный министр узнал, что подобным образом Литвинов высказался о болгаро-югославском пакте и перед венгерским дипломатическим представителем в Москве, заявив, что пакт будет способствовать укреплению мира на Балканах⁵⁴.

Антонов оценил позицию советского наркома как «безапелляционный приговор группировке четырех балканских соседей». По его мнению, в этом не было ничего удивительного: Турция – уже ненадежный союзник, и Румыния стала таковым после падения правительства Титулеску, несмотря на союз с Францией. Ранее Литвинов не поддержал усилия Р. Араса, направленные на то, чтобы распространить покровительство не только Франции, но и Советского Союза на Балканскую Антанту. Причина заключалась в том, что главной опасностью для СССР являлась Германия, в связи с чем Балканы не представляли интереса для советской политики. Но ныне, когда стремление Германии проникнуть в Юго-Восточную Европу очевидно, советское правительство не может по-прежнему безразлично относиться к балканским делам. Не разделяя опасений Стомонякова, Литвинов все же сознавал, что Германия попытается использовать болгаро-югославский пакт, чтобы оторвать Югославию от Малой Антаны.

СССР согласился на создание болгаро-югославского пакта с целью не допустить привлечения его участниц к «оси» Рим-Берлин. 30 января 1937 г. Гитлер, выступая в Рейхстаге, заявил, что у Германии есть договоры с Польшей, Австрией и Италией и что она поддерживает «дружественные отношения» с Венгрией, Югославией, Болгарией, Грецией, Испанией и Португалией⁵⁵. В связи с этим Литвинов предупредил болгарского полномочного министра в Москве, что впрямь Советский Союз будут интере-

совать главным образом отношения Болгарии и Югославии с Германией и Италией⁵⁶.

В 1937 г. советское правительство напомнило Румынии, что ее граница с СССР не является окончательно установленной. В начале 1938 г. СССР ориентируется на политику «некоторого сближения» с Болгарией. Заместитель Литвинова В.П. Потемкин обсуждал с Антоновым возможности поставки советского оружия для болгарской армии, но переговоры закончились безрезультатно⁵⁷.

* * *

В марте 1938 г. в результате аншлюса Австрии Германия превратилась в соседку Италии и Югославии, изолировала Чехословакию и установила свое господство в Центральной Европе, открывавшее ей возможность агрессии на восток – к Чехословакии и СССР и на юго-восток – к Адриатике и на Балканы. Для противодействия германской угрозе Англия при содействии Анкары способствовала сближению Болгарии с участниками Балканского пакта. Основой взаимодействия являлась предполагаемая ликвидация демилитаризованных зон во Фракии взамен аннулирования военных статей Нейиского мирного договора⁵⁸. Во время сессии Постоянного совета Балканского пакта, состоявшейся 25–27 февраля 1938 г. в Анкаре, Р. Арас ознакомил министров иностранных дел Румынии, Югославии и Греции с английским проектом⁵⁹. Несмотря на предстоящий пересмотр мирного договора с Болгарией четыре министра стран Балканского пакта решили начать переговоры с правительством Г. Кыосеиванова.

Турецкое правительство понимало, что без участия Советского Союза и в противодействии ему трудно будет создать эффективную систему безопасности в Юго-Восточной Европе. Оно решило не ограничивать свою внешнеполитическую деятельность единственно реализацией английского проекта, а добиваться советского содействия для привлечения Болгарии к созданию единой оборонительной системы на Балканах. Турецкая сторона считала эту задачу осуществимой. Для этого требовалось, чтобы Болгария заключила с Румынией и Грецией договоры, аналогичные болгаро-югославскому⁶⁰. Во время визитов в Афины, Белград и Софию Р. Арас готовил почву для переговоров с болгарским правительством. В Афинах он рекомендовал Румынии и Греции заключить двусторонние соглашения с Болгарией⁶¹. Чтобы убедить болгар в хорошем к ним отношении со стороны балканских стран, турецкий министр обошел молчанием перспективу ликвидации военных статей Нейиского договора взамен демилитаризации болгаро-греческой и болгаро-турецкой границ⁶². Весной 1938 г.

Арас сообщил советскому правительству о своем намерении организовать оборонительный блок на Балканах с участием Болгарии⁶³.

Литвинов не взял на себя никаких обязательств по реализации турецкого проекта, то есть отказался содействовать Анкаре в оказании давления на Болгарию. Французскому послу в Москве Кулондру он заявил, что не видит никаких перспектив для Болгарии удовлетворить свои территориальные запросы, вследствие чего было бы бессмысленным ожидать, что она изменит свое отношение к Балканскому пакту⁶⁴. Однако полная изоляция Болгарии была бы для НКВД СССР нежелательной, так как это могло толкнуть ее в объятия Германии. Как вспоминал английский полномочный министр в Софии Дж. Ренделл, в то время царь Борис III оказался перед альтернативой – Германия или СССР⁶⁵.

6 мая 1938 г. Антонов сообщил Кыосеиванову: «Он [Потемкин] желал бы точно знать, каково отношение Болгарии к германским притязаниям на Балканах. Но так как вы оставили без ответа советское предложение, о котором я сообщал в своих докладах № 11 от 10 января и № 36 от 2 февраля 1936 г. (о поставках оружия из СССР), он воздержался от обсуждения этой темы, может быть, потому, что здесь начинают серьезно опасаться, что наша страна при нынешних изменениях международного положения может войти в орбиту Германии»⁶⁶. В целях недопущения такой возможности Литвинов заявил Антонову, что Советский Союз готов поддержать, но не возглавить объединительную кампанию на Балканах. Во время встречи с болгарским полномочным министром Литвинов признал территориальные требования болгар к соседям обоснованными, но при этом дал совет «все же придавать большее значение тому, что... объединяет, нежели тому, что... разделяет» Болгарию с балканскими странами, так как «на карту поставлена» независимость Балкан⁶⁷.

Румынский историк Й. Калафетяну считает заявления Потемкина и Литвинова выражением одобрения Москвой англо-турецкой инициативы⁶⁸. Весной и летом 1938 г. реальных возможностей сочетать советскую политику на Балканах с политикой Англии и Турции не было. Причин тому было несколько. Во-первых, в силу того, что советско-турецкие отношения были «исключительно сдержанными». С мая 1937 по март 1938 г. в Турции не было ни советского полномочного представителя, ни военного атташе⁶⁹. Во-вторых, вероятность урегулирования отношений между Болгарией, с одной стороны, и Румынией и Грецией, с другой, без предварительного решения спорных вопросов была незначительной. 16 апреля 1938 г. Кыосеиванов заявил французскому полномочному министру в Софии Р. Ристеллоберу, что Болгария останется полностью нейтральной⁷⁰. И в третьих, советское правительство было убеждено,

что влияние англо-итальянского соглашения на международные дела не сводилось лишь к Адриатике, Балканам и Восточному Средиземноморью. Оно рассматривалось в Москве как следствие «решительного поворота» английской политики в сторону агрессивных держав после прихода к власти Н. Чемберлена. На этом пути Англия сможет усилить свое влияние на Францию и достичь главной цели – подписания договора с Германией. «Нам хорошо известно, – отмечал Б.С. Стомоняков, – что готовится англо-французское “посредничество” между Чехословакией и Германией»⁷¹.

Пессимизм Литвинова в вопросе о сближении Болгарии с Балканской Антантой обеспокоил турецкого посла в Москве З. Апайдина. Стремясь добиться изменения позиции советской стороны, Апаидин заявил Кулондру, что союзники Турции готовы частично или даже полностью поддержать справедливые притязания Болгарии на Добруджу⁷². Однако это заявление, не согласованное с турецким правительством, внесло дополнительные осложнения в деликатные советско-турецкие отношения. В Анкаре поведение Литвинова расценили как свидетельство намерений Советского Союза предпринять самостоятельные шаги для объединения балканских стран, при котором Болгария получит территориальные приращения. В связи с этим Арас направил Апайдину резкую телеграмму с указанием не поднимать больше вопроса ни о каких территориальных компенсациях Болгарии и выяснить истинные планы советского правительства⁷³. Выполняя полученное указание, Апаидин встретился с Антоновым, Литвиновым и Стомоняковым. Те успокоили турецкого дипломата, заверив его, что Советский Союз не имеет намерений вмешиваться в балканские дела⁷⁴.

Несмотря на это, аккредитованные в Москве иностранные дипломаты продолжали поддерживать версию, что Советский Союз якобы готовит акцию с целью сближения Болгарии с Балканским пактом и Венгрии – с Малой Антантой⁷⁵. Поверив в это, царь Борис жаловался германскому полномочному министру в Софии Рюмелину на то, что тесно связанный с советским посольством чехословацкий полномочный министр П. Макса располагает 40 млн. левов (3 млн. рейхсмарок) для пропаганды и подрывной деятельности. Царь высказал предположение, что в определенной степени эта деятельность инспирируется Москвой⁷⁶.

1 мая 1938 г. Р. Арас предложил царю Борису и Г. Кыосеиванову заключить соглашение между Болгарией и Балканской Антантой на следующей основе: аннулирование военных статей Нейиского договора в обмен на ликвидацию демилитаризованных зон на болгаро-греческой и болгаро-турецкой границах, установленных по Лозаннскому договору (июль 1923 г.). Турция и Греция преследовали при этом цель получить возможность

создания мощных оборонительных рубежей и не допустить возможных попыток Германии проникнуть в восточную часть Средиземного моря⁷⁷.

В начале июля Турция окончательно отказалась от своего плана достичь соглашения балканских государств с Болгарией при советском содействии. В Анкаре Арас сообщил советскому полномочному представителю А.В. Терентьеву, что в ближайшем будущем намерен обсудить с греками, югославами и румынами вопросы ремилитаризации болгаро-греческой и болгаро-турецкой границ и отмену военных статей Нейиского договора⁷⁸.

31 июля 1938 г. Кыосеиванов и Метаксас подписали в Салониках соглашение, в котором стороны отказались от «применения постановлений, содержащихся в части IV (военные, морские и воздушные силы) Нейиского договора, а также и от постановлений конвенции о границах во Фракии, подписанной 24 июля 1923 г. в Лозанне»⁷⁹.

С отменой части IV Нейиского договора завершился второй, военный, этап болгарской политики пересмотра договоров мирным путем. Достигнутый прорыв явился итогом реализации трех основных принципов болгарской внешней политики – мир, неприсоединение, нейтралитет. 16 августа 1938 г. министерство иностранных дел Болгарии издало директиву № 6. В ней четко указывалось, что, «заключив Салоникское соглашение, Болгария не взяла на себя нового обязательства о ненападении, а только подтвердила заключенные ранее соглашения, в которых участвовала как одна из договаривающихся сторон». Далее в директиве говорилось, что по отношению к Балканскому пакту позиция Болгарии остается неизменной и что вне опубликованного текста Салоникского соглашения никаких тайных договоренностей не существует⁸⁰.

Советское правительство не возражало против подготовки Салоникского соглашения, но подписание его встретило сдержанно. Газета «Известия» подчеркнула, что этот документ «усиливает стратегические позиции Англии в восточной части Средиземного моря»⁸¹. Москва считала, что подписание соглашения укрепляет антисоветские тенденции во внешней политике балканских стран, но одновременно отражает и ее антигерманскую составляющую⁸². Пытаясь акцентировать ангигитлеровскую направленность соглашения, советское правительство предало гласности некоторые факты из докладов бывшего полномочного представителя в Софии Ф.Ф. Раскольников, относящиеся к политике «третьего рейха» в Болгарии⁸³.

Болгарское правительство, подписывая Салоникское соглашение, сознавало, что оно является частью дипломатических усилий Англии, направленных против балканских устремлений Германии и Советского

Союза. Наблюдая за усилением активности английской дипломатии в Бухаресте, болгарское министерство иностранных дел в официальном документе указало, что Англия стремится завоевать на свою сторону Румынию, чтобы противостоять в одинаковой степени как германскому политическому и экономическому нажиму на Дунае, так и СССР⁸⁴.

* * *

28 января 1939 г. на приеме в посольстве Турции в Москве Литвинов выдвинул идею подписания черноморскими странами пакта о взаимопомощи. Перед турецким послом Апайдином, румынским и греческим полномочными министрами Диано и Маркетти он аргументировал это предложение тем, что Балканская Антанта фактически приостановила свою деятельность из-за неспособности Югославии и Румынии эффективно противостоять давлению со стороны фашистских государств⁸⁵.

В конце апреля – начале мая 1939 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам В.П. Потемкин посетил Румынию, Болгарию, Турцию и Польшу. Одна из задач поездки заключалась в согласовании результатов англо-франко-советских переговоров в Москве с итогами переговоров Англии и Франции с Турцией. Московские переговоры были посвящены подготовке Черноморского пакта, с помощью которого фронт против стран «оси» от Балтийского до Черного моря предстояло расширить до Средиземного.

26 апреля Потемкин в Софии встретился с Г. Кыосеивановым и прямо спросил премьер-министра, намерена ли Болгария поддержать Румынию, Турцию и Грецию или другую жертву агрессии при условии, что получит назад Южную Добруджу. Кыосеиванов попросил добиться у турецкого правительства содействия в пересмотре Балканского пакта и по мере возможности помочь в урегулировании болгаро-румынского территориального спора. В Анкаре Потемкин заявил, что «если Болгарии будет возвращена Южная Добруджа, она готова присоединиться к Балканской Антанте и даже поддержать ее в случае нападения извне». Чтобы внести ясность в вопрос, турецкая сторона сообщила советскому дипломату, что болгарские требования касаются не только Южной Добруджи, что Болгария имеет претензии и к Греции, с чем Англия и Турция не могут согласиться⁸⁶. Турецкий президент заявил Потемкину: «Для Турции вопрос о Черноморском пакте в положительном смысле решается крайне просто. Но есть две трудности, которые следует преодолеть. Во-первых, Румынии необходимо помириться с Болгарией. И, во-вторых, Черноморский договор должен согласовываться с Балканским пактом»⁸⁷. Было решено, что

Англия и Турция одновременно предпримут действия по урегулированию болгаро-румынского территориального спора, чтобы обеспечить участие Болгарии в предполагаемом общем соглашении или, в крайнем случае, ее нейтралитет.

7 мая, возвращаясь из Анкары в Бухарест, Потемкин вторично остановился в Софии. Воспользовавшись его кратким, 10-часовым, пребыванием в болгарской столице, царь Борис и Кыосеиванов организовали визит советского дипломата таким образом, что он не имел возможности встретиться с другими лицами, кроме болгарских руководителей. Борис осторожно отнесся к идее Черноморского пакта, стремясь не испортить отношения с СССР и одновременно не вызвать раздражения Германии⁸⁸. Причиной болгарской осторожности стала отставка 3 мая 1939 г. Литвинова, пост которого занял В.М. Молотов. Н. Антонов сообщил из Москвы, что с назначением Молотова советская внешняя политика переходит под непосредственное руководство Сталина, который «и в этой сфере проявит себя и будет проводить свою линию»⁸⁹. В июле 1939 г. англо-франко-советские переговоры зашли в тупик, и вопрос о Черноморском пакте потерял для СССР политическое значение. 23 августа 1939 г. СССР и Германия заключили пакт о ненападении.

* * *

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. В новых условиях имелись три варианта создания нейтрального балканского блока. Первый – румыно-югославский. Подписание 19 сентября 1939 г. в Джебеле (железнодорожная станция на румыно-югославской границе) соответствующего документа министром иностранных дел Румынии Г. Гафенку и Югославии – А. Цинцар-Марковичем предусматривало незначительные территориальные уступки Болгарии со стороны соседей, чтобы «укрепить Балканскую Антанту»⁹⁰. Но в октябре неудачный визит Сараджоглу в Москву и подписание 19 октября 1939 г. англо-франко-турецкого договора обрекли на провал задуманный вариант. Второй проект нейтрального балканского блока был делом рук Г. Гафенку. Его план предусматривал рассмотрение румынских территориальных претензий после окончания войны, а сам блок должен был оформиться под патронатом Италии⁹¹. И, наконец, третий вариант блока принадлежал англичанам и сводился к присоединению Болгарии к Балканскому пакту. СССР и Болгария не согласились ни с одним вариантом. Первые два проекта были отклонены Москвой⁹².

После заключения германо-советского пакта, отразившего намерение его участников перекроить геополитическую карту мира, отношения

между СССР и Болгарией значительно улучшились. В декабре в Софии была подписана двусторонняя конвенция по воздухоплаванию, а в январе 1940 г. в Москве – договор о торговле и судоходстве⁹³.

13 января 1940 г. в Софии состоялось подписание болгаро-турецкого коммюнике о нейтралитете. 2–4 февраля в Белграде заседала сессия Постоянного совета Балканского пакта, на которой Сараджоглу настаивал на удовлетворении болгарских претензий на Южную Добруджу. Министры иностранных дел Румынии, Югославии и Греции выступили против.

5 февраля 1940 г. Г. Кыосеиванов заявил советскому полномочному представителю в Софии А.И. Лаврентьеву, что принятое в Белграде решение о неприкосновенности национальных территорий стран-участниц Балканского пакта направлено против Болгарии. Он заметил, что надеялся на выход Югославии из Балканской Антанты и на установление тесных связей с Болгарией, поскольку обе славянские страны могут рассчитывать на активную помощь СССР. Кыосеиванов подчеркнул, что Болгария претендует не только на Южную Добруджу, но и на Западную Фракию. При этом отметил, что решение вопроса о предоставлении Болгарии выхода к Эгейскому морю у Порто Лагос или Дедеагача может быть полезным и для СССР, так как при нынешнем состоянии англо-турецких отношений опасность закрытия Проливов вполне реальна. Кыосеиванов указал, что Англия и Турция против удовлетворения болгарского требования о выходе в Эгейское море⁹⁴.

26 июня 1940 г. СССР предъявил ультиматум Румынии, требуя немедленного возвращения Бессарабии и Северной Буковины. 28 августа на эти территории вступили советские войска. Тем самым советское правительство актуализировало добруджанский и трансильванский вопросы. 30 августа состоялся Второй Венский арбитраж, по которому Германия и Италия разделили Трансильванию. От Румынии была отторгнута и присоединена к Венгрии территория в 43 600 кв. км с населением около 2 400 000 человек. По подписанному 7 сентября 1940 г. в Крайове болгаро-румынскому договору, заключенному на основании ст. 19 и 10 Пакта Лиги Наций, Болгария вернула себе Южную Добруджу⁹⁵.

16 октября 1940 г. Германия предложила Болгарии присоединиться к Тройственному пакту, а на следующий день Б. Муссолини потребовал у царя Бориса поддержать Италию в предстоящей войне в Греции. 28 октября Италия напала на Грецию с албанской территории силами двухсоттысячной армии и 400 самолетов. Болгарское правительство сохраняло нейтралитет. Турция направила войска против Болгарии в Восточной Фракии и тем ограничила свою помощь Греции. Югославия и Румыния бездействовали, оправдываясь тем, что агрессор не является балканской страной. Балканский пакт распался⁹⁶.

Советское правительство продало Греции 100 тысяч тонн пшеницы, но отказалось предоставить самолеты, орудия, снаряды, бензин и пр., мотивируя свой отказ тем, что следует политике нейтралитета. Истинная же причина заключалась в том, что вмешательство в итало-греческую войну на стороне Греции означало для СССР выступить на стороне воюющей против Германии Англии⁹⁷. Сталин не поддержал английские планы «расташить» немецкие войска, открыв против них несколько фронтов, поскольку явные для советской безопасности выгоды от этого бледнели перед перспективой взаимного истощения Германии и Англии. В таких условиях Гитлеру ничего бы не оставалось, как согласиться на перераспределение сфер интересов в Европе между Германией и СССР. Но 12–13 ноября 1940 г. переговоры Молотова с Гитлером и Риббентропом в Берлине закончились провалом.

* * *

СССР не участвовал в мирных переговорах после Первой мировой войны и посему не относился ни к тем государствам, которые выступали за пересмотр подписанных договоров, ни к тем, которые и мысли не допускали о какой-либо их ревизии. До заключения пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 г. советское правительство формулировало свою позицию в отношении Болгарии и Балканской Антанты с учетом собственной безопасности, имея ввиду германский фактор, а после – в соответствии с геостратегическими целями своей державы в районе Проливов, Черного моря, Средней Европы, Прибалтики и пр.

Примечания

- ¹ Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 176к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 22.
- ² Documents diplomatiques Français. 1932–1939 (далее: DDF). Ser. I. 1932–1935. T. IV. Paris, 1968. P. 661, 662.
- ³ Спасов Л. България и СССР. 1917–1944 г. (Политико-дипломатически отношения). Велико Търново, 2008. С. 248.
- ⁴ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). Т. 17. М., 1971. С. 127.
- ⁵ Там же. С. 44–45.
- ⁶ Там же. С. 146, 767.
- ⁷ Там же. С. 776–777.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 776. В том же духе высказался и Суриц в беседе с Н. Антоновым: «Мы не полностью уверены в Турции... Тесное сближение ее с Югославией может во-

- вlecht Турцию, а через нее и Россию, в конфликт с Италией» (ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2515. Л. 81).
- ¹⁰ ЦДА. Ф. 321 к. Оп. 1. А.е. 3136. Л. 48.
- ¹¹ Там же. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2518. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 1; А.е. 2616. Л. 11.
- ¹³ Там же. Л. 43.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 44.
- ¹⁶ Там же. Л. 43–44.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 32–34.
- ¹⁹ Подробнее о событиях в Греции см.: *Mazarakis A. Mémoires. Thessaloniki*, 1979. P. 344–347; ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 14.
- ²⁰ *Kofas J.V. The Greek revolt of 1935 and the Great powers // Études balkaniques*, 1982. № 3. P. 93.
- ²¹ DDF. Ser. I. T. IX. Paris, 1980. P. 523–524.
- ²² ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 56; The National archives of the United States (далее: NAUS). 866.00/820; *Avramovski Ž. Balkanske zemlje i vojna pobuna u Grčkoj marta 1935 godine // Vojnoistorijski glasnik*. 1975. № 3. S. 65, 68–69.
- ²³ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 53, 82; *Манчев К., Бистрицки В. България и нейните съседи. София*, 1978. С. 163; *Avramovski Ž. Balkanske zemlje i velike sili 1935–1937. Od italijanske agresije na Etiopiju do jugoslovensko-italijanskog pakta*. Beograd, 1968. S. 31–32; Ibidem. *Balkanske zemlje i vojna pobuna...* S. 70; DDF. Ser. I. T. IX. P. 522.
- ²⁴ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 45.
- ²⁵ *Ambassador Mac Veagh. Reports, Greece. 1933–1947. Princeton*, 1980. P. 40, 42.
- ²⁶ *Kofas D. Ibid. P. 93–94.*
- ²⁷ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 65. Подробнее см.: *Spasov L. L'URSS et les relations bulgaro-turques à l'époque de 1934 a 1938 // Études balkaniques*. 1983. № 3. P. 66
- ²⁸ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 66–67.
- ²⁹ Там же. Л. 66.
- ³⁰ Там же. Летом 1933 г. Советский Союз предоставил турецкому правительству оружие и военные материалы для перевооружения частей, дислоцированных в районе Проливов и в Одрине. В конце октября – начале ноября Турцию посетила советская военная делегация во главе с министром вооруженных сил К.Е. Ворошиловым (Подробнее см.: *Петров Л. България и Турция. 1931–1941. София*, 2001. С. 16, 33).
- ³¹ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2766. Л. 53, 55.
- ³² Там же. Л. 80, 81, 83; NAUS. 866.00/820; *Avramovski Ž. Balkanske zemlje i vojna pobuna...* S. 71; Петров Л. Указ. соч. С. 117.

- ³³ Vinaver V. Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski "satelit"). Beograd, 1985. S. 310–311.
- ³⁴ Ibid. P. 660.
- ³⁵ ДВП СССР. Т. 19. М., 1974. С. 187–188.
- ³⁶ Titulescu N. Documente diplomatice. București, 1967. P. 742.
- ³⁷ ДВП СССР. Т. 19. С. 232.
- ³⁸ Там же. С. 737.
- ³⁹ Там же. С. 224.
- ⁴⁰ Там же. С. 737; Campus E. The Little Entente and the Balkan Alliance. București, 1978. P. 118.
- ⁴¹ DDF. Ser. II. 1936–1939. T. II. Paris, 1964. P. 144.
- ⁴² ДВП СССР. Т. 19. С. 231–232.
- ⁴³ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 7. А.е. 32. Л. 71.
- ⁴⁴ Спасов Л. Българо-съветски дипломатически отношения. 1934–1944 г. София, 1987. С. 43.
- ⁴⁵ ЦДА. Ф. 1 к. Оп. 1. А.е. 8. Л. 75; DDF. Ser. II. T. III. Paris, 1966. P. 493.
- ⁴⁶ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 7. А.е. 220. Л. 3.
- ⁴⁷ Спасов Л. България на конференция в Монтрьо през 1936 г. // Исторически преглед. 1989. № 3. С. 8; Spasov L. Conférence à Montreux de 1936 et les pays balkaniques // Études balkaniques. 1993. № 1. P. 12.
- ⁴⁸ Зора. 21 юли 1936 г.
- ⁴⁹ Toynebee A.J. Survey of international affairs 1936. London, 1937. P. 646.
- ⁵⁰ Спасов Л. Българо-съветски дипломатически отношения... С. 47.
- ⁵¹ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 6. А.е. 2780. Л. 39–40.
- ⁵² Там же. Оп. 7. А.е. 220. Л. 14.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Винавер В. За някои международни аспекти на македонско национално прашане 1938–1941 // Гласник Институт на национална историја. Скопје, 1971. № 3. С. 97.
- ⁵⁵ Известия. 1 февруаря 1937 г.
- ⁵⁶ ЦДА. Ф. 1 к. Оп. 1. А.е. 9. Л. 125; Архив на Министерството на външните работи. Н. Антонов. Десет години (Спомени). С. 869.
- ⁵⁷ Спасов Л. България и СССР... С. 303, 304.
- ⁵⁸ Сирков Д. Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979. С. 41–42, 51; Волков В. Българо-съветски военнополитически отношения (1934–1939) // Българо-съветски политически отношения (1917–1941). Статии и документи. София, 1998. С. 146.
- ⁵⁹ Волков В.К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978. С. 134; Calafeteanu J. Orientations dans la politique roumaine a l'égard des États du Sud-Est Européen après l'Anschluss (mai-août 1938) // Revue Roumaine d'histoire. 1977. № 4. P. 726.
- ⁶⁰ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 21. А.е. 2562. Л. 18; Оп. 7. А.е. 582. Л. 83.

- ⁶¹ Там же. Оп. 7. А.е. 592. Л. 83.
- ⁶² Сирков Д. Указ. соч. С. 42; Волков В.К. Мюнхенский сговор... С. 86.
- ⁶³ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 7. А.е. 932. Л. 38; Оп. 21. А.е. 2562. Л. 18.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 21. А.е. 2562. Л. 9.
- ⁶⁵ Rendel G. The Sword and the Olive. Recollections of diplomacy and the foreign service. 1913–1954. London, 1957. P. 142, 154; Винавер В. Неудача тайних Югословенско-советских преговора 1934–1938 године // Сборник за историју. 1971. № 3. С. 79.
- ⁶⁶ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 7. А.е. 574. Л. 68.
- ⁶⁷ Там же. А.е. 932. Л. 40.
- ⁶⁸ Calafeteanu J. Op.cit. P. 729.
- ⁶⁹ DDF. Ser. II. T. IX. Paris, 1972. P. 126.
- ⁷⁰ Ibidem. P. 356.
- ⁷¹ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 84.
- ⁷² ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 21. А.е. 2562. Л. 10.
- ⁷³ Там же. Л. 12.
- ⁷⁴ Там же. Л. 12–13, 14, 18.
- ⁷⁵ Там же. Л. 16.
- ⁷⁶ Волков В.К. Мюнхенский сговор... С. 87; Бывший английский полномочный министр в Софии Дж. Ренделл в своих мемуарах сообщал, что царь Борис панически боялся Советского Союза. По мнению дипломата, именно этот страх оказал решающее влияние на формирование болгарской внешней политики (Rendel G. Op.cit.. P. 142, 154).
- ⁷⁷ Calafeteanu J. Op.cit.. P. 726.
- ⁷⁸ ДВП СССР. Т. 21. М., 1977. С. 355.
- ⁷⁹ Спасов Л. България, великите сили и балканските държави. София, 1993. С. 178–179.
- ⁸⁰ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 7. А.е. 877. Л. 6.
- ⁸¹ Известия. 3 августа 1938 г.
- ⁸² В историографии позиция СССР в связи с Салоникским соглашением характеризуется по-разному. Д. Сирков считает, что Москва находилась в состоянии благожелательного выжидания, что объективно облегчило переговоры между Болгарией и Балканской Антантой (Сирков Д. Указ. соч. С. 47). Советский историк К.В. Федоров указывал, что антисоветские нюансы Солунского соглашения обусловили сдержанное отношение Москвы (Федоров К.В. Советская политика на Балканах в период чехословацкого кризиса 1938 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1981. С. 102). Румынская исследовательница Е. Кампус, напротив, полагает, что Советский Союз хорошо воспринял Салоникское соглашение (Campus E. Op.cit.. P. 161).
- ⁸³ ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 7. А.е. 778. Л. 2.
- ⁸⁴ Там же. А.е. 877. Л. 10.

- ⁸⁵ Там же. А.е. 1115. Л. 169.
- ⁸⁶ Спасов Л. България и СССР... С. 318–319.
- ⁸⁷ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 373–374.
- ⁸⁸ Спасов Л. България и СССР... С. 320.
- ⁸⁹ Архивите говорят. Т. 14. Свидетелства за Сталинските репресии (1934–1939) / Състав. Тодор Добриянов. София, 2001. С. 408.
- ⁹⁰ Gafenco G. Préliminaires de la guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (22 août 1939) aux hostilités en Russe (22 juin 1941). Paris, 1944. P. 305.
- ⁹¹ Marzari Fr. Projects for an Italian Balkan blok of neutrals. September–december 1939 // The Historical journal. 1970. № 8. P. 780.
- ⁹² Спасов Л. България и СССР... С. 364.
- ⁹³ Там же. С. 364, 365.
- ⁹⁴ ДВП СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 782, 783.
- ⁹⁵ Спасов Л. България и СССР... С. 382–384.
- ⁹⁶ Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969. С. 203–207; Димитров Ил. Българо-италиански политически отношения. 1922–1943. София, 1976. С. 398.
- ⁹⁷ ДВП СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 28, 207; Кн. 2. Ч. 2. С. 448, 449.

Н.В. Васильева

(Институт военной истории МО РФ)

Документы первых советских дипломатов в Болгарии как источник изучения советско-болгарских отношений (1934–1937 гг.): по материалам российских архивов

Несомненно, что одним из главных событий во внешнеполитической деятельности СССР и Болгарии в середине 30-х годов XX столетия явилось установление дипломатических отношений между двумя странами. Несмотря на то, что общая канва, связанная с историей этого события и его последствий, изучена российскими и болгарскими историками, тем не менее, новое обращение к первоисточникам, и, прежде всего, к неопубликованным до сего времени документам первых советских дипломатов в Болгарии, в основном, из Архива внешней политики РФ, позволяет более детально ознакомиться с целями, задачами и содержанием дипломатических усилий советской и болгарской сторон.

Необходимо заметить, что к настоящему времени в России круг опубликованных по указанной тематике источников весьма ограничен. Несколько документов, представленных в 17–20-м томах издания «Документы внешней политики СССР», увидели свет еще в 70-е годы XX века¹, и их подбор отражал идейно-политические подходы того времени к работе с первоисточниками. Даже в первом томе специального издания «Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы», охватывающем период с ноября 1917 по сентябрь 1944 гг., опубликовано лишь одно письмо первого полномочного представителя СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольникова от 19 августа 1935 г. (без указания его фамилии), адресованное заместителю народного комиссара иностранных дел².

Несмотря на то, что Раскольников был реабилитирован Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 10 июля 1963 г., его воспоминания, в которых значительное внимание уделено описанию периода его пребывания на посту полномочного представителя СССР в Болгарии, увидели свет только в конце существования СССР в 1989 г. под названием «О времени и о себе»³. Приблизительно к этому же времени относится и пуб-

ликация в отечественной печати «Открытого письма Ф.Ф. Раскольникова И.В. Сталину» от 17 августа 1939 г.⁴

Длительный период «умолчания» о Раскольникове после появления в начале 60-х годов ряда публикаций о нем был связан с отходом от решений XX съезда КПСС и приостановкой процесса реабилитации. Организатором повторной дискредитации имени этого политического и военного деятеля был профессор С.П. Трапезников, возглавлявший тогда отдел науки и вузов ЦК КПСС. Его выступление на совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов Москвы 5 сентября 1965 г., в котором была дана характеристика Раскольникова как «троцкиста» и «предателя», было воспринято в качестве официального указания вновь вычеркнуть его имя из книг и статей. Раскольников снова был предан забвению вплоть до 1987 г.⁵

К сожалению, период советско-болгарских отношений во время пребывания в Болгарии Ф.Ф. Раскольникова и многие стороны его деятельности на посту полномочного представителя в этой стране, так же как и сотрудников советского посольства в 30-е годы, по сей день остаются не вполне проясненными.

Напомним, что инициатива установления дипломатических отношений с Советским Союзом принадлежала болгарскому правительству во главе с К. Георгиевым, пришедшим к власти в мае 1934 г. 5 июля 1934 г. болгарский министр иностранных дел К. Батолов направил в Стамбул проект телеграммы М.М. Литвинову, в которой болгарское правительство уведомляло советское правительство о признании де-юре и выражало готовность немедленно установить дипломатические отношения. Речь шла не о восстановлении, а именно установлении дипломатических отношений, так как соответствующие статьи Нейиского договора обязывали Болгарию считать аннулированными Брест-Литовский и все другие договоры, конвенции и соглашения, заключенные с Россией ранее⁶.

Советско-болгарские переговоры состоялись в Стамбуле. Они завершились 23 июля того же года подписанием двух протоколов. В основном протоколе имелись два пункта. В первом обе стороны гарантировали взаимное уважение суверенитета обоих государств и обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга путем агитации, пропаганды и различных видов вмешательства или поддержки такого вмешательства. Они также обязывались не допускать создания или пребывания на своей территории организаций, имеющих своей целью вооруженную борьбу против другой договаривающейся стороны или стремящихся к насильственному изменению существующего общественного строя, или подстрекающих к террористическим действиям и к подготовке таких действий против официальных представителей. Стороны брали на себя обязательства запре-

щать вербовку, а также пребывание на своей территории или провоз через нее вооруженных сил, оружия, боеприпасов, снаряжения и любых других видов военных материалов, предназначенных для этих организаций⁷.

Во втором пункте обе договаривающиеся стороны обязывались не включать в персонал своих посольств политических эмигрантов, находившихся за границей, даже если они стали подданными третьего государства. В протоколе также шла речь о русском церковном имуществе, находившемся на территории Болгарии. В соответствии с ним памятники и монастыри на Шипке и в Ямболе передавались болгарскому народу. Русская церковь в Софии оставалась в распоряжении дипломатического представительства СССР⁸.

23 июля 1934 г. были подписаны два протокола. В тот же день произошел обмен телеграммами между министром иностранных дел Болгарии и народным комиссаром иностранных дел СССР. В болгарской телеграмме сообщалось о решении правительства Болгарии установить нормальные дипломатические отношения с правительством Советского Союза. Советская сторона с удовлетворением приняла это предложение.

31 августа 1934 г. ЦИК СССР назначил полномочным представителем Советского Союза в Болгарии Федора Федоровича Раскольников (настоящая фамилия Ильин)⁹. Он ранее, в 1921–1923 гг., был полномочным представителем РСФСР в Афганистане, а позднее – полпредом СССР в Эстонии, затем – в Дании. Раскольников был также известен как талантливый литератор, автор публицистических работ, книг и пьес.

Первым советским военным атташе и легальным резидентом советской разведки в Болгарии в 1935 г. стал полковник В.Т. Сухоруков (назначен в декабре 1934 г.). Свою службу в военной разведке начинал в 1921 г. на Дальнем Востоке. Окончил Военную академию РККА (1924 г.), работал в Китае, в центральном аппарате Разведывательного управления Штаба РККА, два года возглавлял Отдел внешних сношений Разведывательного управления (РУ). На этом посту был награжден орденом Красного Знамени «за исключительную храбрость, мужество и умелое руководство боевыми действиями»¹⁰.

Секретарем советской миссии был М.В. Буравцев, который, по сведениям болгарской полиции, был резидентом Коминтерна. Как дипломат он до этого уже работал в Канаде, Эстонии, служил в отделе печати и информации НКВД. На должность завхоза миссии был назначен В. Яковлев. Во внешнюю разведку он направлен в 1931 г., был уполномоченным, помощником начальника отделения. Трижды награждался боевым оружием, а также серебряным портсигаром «За отличную работу» и нагрудным знаком «Почетный чекист» – «за выполнение специального задания»¹¹.

К первым легальным разведчикам болгарские спецслужбы причисляли и сотрудника ТАСС В. Григоренко¹².

Официальная церемония вручения верительных грамот состоялась 23 ноября 1934 г. в царском дворце в Софии. Вручая верительные грамоты царю Борису III, Ф.Ф. Раскольников заявил: «Установление дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Болгарией было встречено правительством и народами нашей страны с чувством глубокого удовлетворения... Сближение Советского Союза и Болгарии и установление между ними сердечных отношений отвечает интересам обоих государств и служит делу укрепления всеобщего мира»¹³.

Основным источником при подготовке данного материала являлись дипломатическая переписка, представленная письмами сотрудников советского полпредства в Софии в Наркоминдел СССР, записи их бесед с болгарскими политическими и военными деятелями, а также дипломатические дневники Раскольникова 1934–1937 гг., хранящиеся в Архиве внешней политики РФ (АВП РФ) и в некоторых других российских архивах. В работе использованы воспоминания Ф.Ф. Раскольникова и ряд других документальных материалов.

Условно можно выделить несколько групп документов, в которых центральное место занимают те или иные ключевые проблемы советско-болгарских отношений в 1934–1937/1938 гг.

Прежде всего, с точки зрения хронологии, заслуживают внимания первые сообщения, направленные в Москву, в которых дана оценка реакции болгарского населения на установление дипломатических отношений.

Так, 1 января 1935 г. Раскольников сообщил заместителю народного комиссара иностранных дел Н.Н. Крестинскому о том, что советская миссия была встречена в Болгарии с исключительной симпатией. Все газеты напечатали приветствия от рабочих, крестьян, интеллигенции. Писатели, журналисты, профессора, адвокаты непрерывно посещали советского полпреда. Раскольников подчеркивал, что нет ни одной страны в мире, где в такой степени существуют симпатии ко всему русскому, как в Болгарии. Следует обратить внимание, что советский полпред считал, что у разных слоев населения эти симпатии имеют различный политический характер. По его мнению, значительная часть рабочих и передовое крестьянство сознательно симпатизируют СССР, как государству, сокрушившему классовую эксплуатацию и успешно строящему социализм. Старое поколение болгарской интеллигенции, воспитанное на русской культуре, тяготело к России как крупнейшему культурному очагу. В военной и общественной среде была живуча признательность России как освободительнице Болгарии от турецкого ига¹⁴. «По существу, — писал Раскольников, — они

любят не нас, а царскую Россию, но эти симпатии отчасти переносятся на СССР как преемника старой России... Торговцы и промышленники тяготеют к нам, надеясь на экономические выгоды от установления непосредственных торговых связей»¹⁵. Вместе с тем Раскольников считал, что правительство К. Георгиева восстановило дипломатические отношения с СССР не из симпатий к этой стране, а для укрепления своего внутреннего положения, учитывая симпатии к СССР в разных слоях болгарского населения.

С позиций сегодняшних знаний можно констатировать, что в своих сообщениях в Москву Раскольников достаточно достоверно определил цели внешней политики Болгарии к моменту установления советско-болгарских дипломатических отношений. В том же документе от 1 января 1935 г. он указывал, что Болгария в этот период стремилась выйти из состояния изоляции, улучшить отношения с Югославией. Однако, по его наблюдению, отношения Болгарии с Грецией, Турцией и Румынией были плохими из-за территориальных проблем. Советский полпред объяснял причины, по которым Болгария не хотела присоединиться к Балканскому пакту, так как он «санкционирует статус-кво существующих границ, ... и потому, что внутри комбинации государств, подписавших Балканский пакт, она боится остаться в меньшинстве»¹⁶.

К числу неопубликованных в России документов, характеризующих первые контакты советских представителей с болгарскими властями, можно отнести запись беседы советского военного атташе полковника В.Т. Сухорукова с царем Борисом III от 28 марта 1935 г. Эта запись поступила к наркому обороны К.Е. Ворошилову и была направлена И.В. Сталину и В.М. Молотову¹⁷. Беседа продолжалась один час пять минут. Судя по записи, болгарский царь интересовался состоянием Красной Армии, ее вооружением, командным составом. Борис III выражал удивление и восхищение по поводу того, как в СССР за столь короткое время была создана такая крепкая армия. Сухоруков отвечал, как и соответствовало официальному уровню беседы, в стиле пафосной риторики: «Благодаря энтузиазму народа и мудрости гениальных руководителей народов Союза мы сделали неприступными для наших врагов на Востоке и на Западе. В Красной Армии мы имели блестящих полководцев: тт. Буденного, Блюхера, Тухачевского, Егорова и др.». Из записи беседы следует, что царь обратил внимание на «умелую внешнюю политику СССР», особенно в Азии, и задал вопрос: на чем она основана. Сухоруков ответил, что в ее основе лежат принципы национальной политики, заложенные Лениным и Сталиным, и они тщательно проводятся в жизнь. В СССР, как заметил военный атташе, «161 национальность и все живут единой, сплоченной семьей. У

нас все народы равны..., развивается собственная индустрия и культура». Царь подчеркнул, что болгарский народ питает глубокие чувства признательности и симпатии к русскому народу. Любопытно, что при этом Борис III упомянул такой факт: во время советско-польской войны тогдашний болгарский премьер Стамболийский предложил ему пропустить через болгарскую территорию вооружение и людей на помощь Польше против России, но он, Борис III, тогда не позволил ему этого сделать, «так как был уверен, что Россия была и будет великой страной»¹⁸. В заключение беседы царь просил передать сердечный и искренний привет Ворошилову, которому, по его словам, он лично симпатизирует и которого уважает¹⁹.

Из дипломатической переписки советского полпредства очевидно, что после установления официальных дипломатических отношений между СССР и Болгарией сложилась довольно парадоксальная ситуация, касавшаяся наличия в стране белоэмигрантских организаций. Как отмечалось выше, обе стороны взяли на себя обязательства не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Они согласились не допускать на своей территории организаций, имевших целью насильственное изменение общественного строя. Однако в Болгарии продолжали существовать белоэмигрантские организации. 14 марта 1935 г. М.М. Литвинов телеграфировал полпреду СССР в Болгарии о своей беседе с посланником Болгарии в СССР Д. Михалчевым, состоявшейся 10 марта. Он сообщал, что говорил о препятствиях со стороны Болгарии культурному сближению. Михалчев опровергал это, сославшись на многочисленные объявления в болгарских газетах об идущих в кинотеатрах советских фильмах и на множество книг по всем отраслям науки, имеющихся в болгарской книготорговле. В ответной телеграмме от 15 марта 1935 г. Раскольников писал, что информация Михалчева неправильна, и что за 4 месяца его пребывания в Болгарии разрешен только один советский фильм «Гроза». Фильм «Окраина» запрещен и снят с экрана после двухдневной демонстрации. «Челюскин» до сих пор остается под запретом. Советские книги действительно продаются, но газеты запрещены»²⁰.

Советский полпред обращал внимание на то, что «болгарское правительство проявляет крайнюю терпимость к террористической организации НСНП (Национальный союз нового поколения), которая формально запрещена, но продолжает существовать в прежнем составе, под руководством возвращенных из ссылки Чернова и Богачева». Раскольников считал желательным в этом случае вторичное воздействие на Михалчева и сообщение ему списка членов этой организации²¹. Тема существования белогвардейских организаций продолжала звучать и в дальнейшем. Например, 6 июля 1935 г. Раскольников сообщал в Москву: «Враждебная

линия к СССР наглядно проявляется и в белогвардейском вопросе. Болгарское правительство не намерено принимать никаких решительных мер по отношению к белогвардейским организациям и, напротив, оказывает им всемерное покровительство»²². Действительно, особую озабоченность советского руководства в Москве вызывал террористический характер упомянутой молодежной организации НСНП. Известно, что эта организация приняла решение совершить в Болгарии террористические акты против советских дипломатов, включая убийство Ф.Ф. Раскольников. Ее деятельность поддерживали лидеры Российского общевойскового союза (РОВС), в том числе активный руководитель этой организации в Болгарии капитан Фосс²³. С помощью советской агентуры в стране, прежде всего болгарина Н. Абрамова (псевдоним «Ворон»), покушение на советского полпреда было предотвращено. НКВД СССР было дано указание немедленно заявить официальный протест Болгарии в связи с готовившимся преступлением²⁴. В июле 1935 г. Раскольников сделал представление болгарскому министру иностранных дел по поводу террористической деятельности этих организаций, потребовав от болгарского правительства решительных мер по пресечению антисоветской деятельности белогвардейских групп в стране²⁵.

Переписка Раскольников с представителями НКВД СССР подтверждает, что одним из ключевых вопросов, которые ставила болгарская сторона в дипломатических контактах, было зондирование возможности покупки военного имущества в СССР, так как Болгария, связанная Нейским договором, имела ограничения в этой сфере. Например, 27 марта 1935 г. Раскольников сообщал заместителю народного комиссара иностранных дел Н.Н. Крестинскому, что в ходе его беседы 14 марта с председателем Совета министров Болгарии генералом П. Златевым последний обратил внимание на трудности, испытываемые Болгарией в поставках военных материалов, потому что соседние страны не пропускают их по суше, а также через Проливы. Поэтому, как заявил Златев, оставался единственный источник снабжения военными материалами – Советский Союз. Раскольников рекомендовал болгарскому дипломату поставить официально этот вопрос, тогда он доложит советскому правительству²⁶.

Как известно, после падения правительства К. Георгиева, усилилась прогерманская линия во внешней политике болгарских правящих кругов. Так, в письме от 8 июня 1935 г. Раскольников сообщал в Москву о приезде в Софию Г. Геринга, свидетельствовавшем о наличии германофильских настроений в болгарских официальных кругах. По имевшимся у советского полпреда сведениям, переговоры между царем Борисом и Герингом велись наедине. Сообщалось также, что гитлеровский представитель вся-

чески настаивал болгар против СССР, внушал подозрения относительно деятельности советского полпредства и предлагал Болгарии связать судьбу с Германией, обещая всяческие блага²⁷.

Эта тенденция, как явствует из сообщений советского полпредства в Москву, проявлялась и в развитии хозяйственных и торговых связей между двумя странами. Так, в письме Раскольников заместителю народного комиссара иностранных дел от 19 августа 1935 г.²⁸ сообщалось, что 16 августа советская сторона прекратила переговоры о временном торговом соглашении. Основными причинами этого, как указывал советский полпред, являлось то, что болгары настаивали на принятии своего проекта соглашения и на уплате вместо полагающегося процента иностранной валюты интересующими их товарами: железом, чугуном, солью. Сообщалось, что на основе инструкций из Москвы советские представители отклонили это предложение. Раскольников считал, что неудача торговых переговоров произошла по вине болгарского правительства А. Тошева²⁹. Раскольников писал, что на Болгарию был оказан сильный нажим Германией и Польшей. «Германия прямо пригрозила, что она сократит свои закупки в Болгарии, если та заключит торговые соглашения с СССР», – указывалось в документе. По мнению Раскольникова, если бы советская сторона согласилась принять за основу болгарский проект, то это повлекло за собою постыдное обсуждение договора на долгие, долгие месяцы. «Но мы, – сообщал советский полпред, – поступили правильно, отклонив предложение болгар. Этим мы внесли в дело полную ясность... Болгария больше заинтересована в торговле с нами, чем мы»³⁰. Далее он добавлял, что одной из причин болгарских действий был страх перед коммунизмом.

Вместе с тем, судя по документам, в том числе и советских дипломатов, болгарская сторона к этому времени еще не сделала окончательный выбор в пользу Германии, и не все было так однозначно в отношении экономических связей двух стран.

6 июля 1935 г. Раскольников сообщал в письме М.М. Литвинову, что через советского военного атташе болгарское военное министерство выразило желание закупить в СССР значительную партию вооружения для болгарской армии, в том числе зенитные орудия, снаряды к ним, горные батареи, минометы, 59 самолетов, из них – 15 бомбардировщиков, 18 истребителей, 6 штурмовых, 20 разведывательных, а также до 100 грузовых машин и пр. военную технику³¹. В этом же письме Раскольников поставил вопрос так: «Заинтересован ли СССР политически в продаже военного имущества Болгарии»? По мнению советского полпреда, нельзя было полностью отказываться от продажи оружия Болгарии, так как «этим делался подарок Германии»³². Далее он замечал, что условия, предложенные бол-

гарами, были, по его мнению, неприемлемы. Они хотели купить военное имущество не за наличный расчет, а на основе компенсационной сделки и при условии предоставления им, по крайней мере, пятилетнего кредита. Тем не менее, Раскольников считал, что «продажа нами Болгарии зенитных и горных орудий создала бы ее зависимость от нас в деле снабжения снарядами». В случае отказа, писал он, Болгария без труда приобретет нужное ей военное имущество в Германии, которая собиралась создать специальный консорциум военных заводов для планомерной организации этого дела³³.

Однако в поступившем из НКВД СССР ответе содержался фактический отказ советской стороны выступить с инициативой в вопросе о продаже вооружений Болгарии. Высказывалось сомнение, что некоторая продажа оружия в Болгарию могла бы сильно укрепить «наше влияние в Болгарии, которая, как известно, в этом отношении всецело связана с Германией»³⁴.

По информации секретаря советского полпредства в Софии М.В. Буравцева от 28 декабря 1935 г. можно судить об итогах экономических связей СССР с Болгарией спустя год после установления дипломатических отношений. В этом документе констатировалось, что советская сторона ни в одном из торгов на поставку товаров не принимала участие. Как ясно из информации, препятствием для этого были неурегулированность с расчетами, неблагоприятная, с точки зрения СССР, политическая ориентация последних болгарских правительств и некоторые другие обстоятельства. Например, как указывалось в документе, СССР не смог продавать нефть болгарам из-за международных обязательств³⁵.

Из полпредства в Москву поступали сообщения о том, что болгарский вывоз в Германию в 1935 г. превышал 60%. Эта страна занимала первое место во ввозе товаров в Болгарию. По сообщению секретаря советского посольства от 30 июня 1936 г., Болгария заказала в Германии на шесть миллиардов левов военного имущества³⁶.

Из сообщений Раскольникова в Наркоминдел СССР в 1936 г. важны те из них, в которых даются оценки позиции Болгарии в отношении соседних государств-членов Балканской Антанты. Например, 28 февраля 1936 г. он писал Крестинскому, что хотя Балканская Антанта создавалась и против Болгарии, тем не менее, теперь среди части членов этой организации росло сознание необходимости вовлечения Болгарии в ряды Антанты. Стремление втянуть Болгарию в Балканскую Антанту поддерживалось и Чехословакией. Инициатором же этого дела, по информации Раскольникова, являлась Турция, которая за кулисами вела энергичную подготовку. При этом была замечена готовность отказаться от требования гарантий не-

изменности границ и согласие на гарантию спокойствия границ³⁷. Против принятия Болгарии выступала, по сообщению Раскольников, Румыния, которая предпочитала видеть Болгарию изолированной и «не хотела допускать ее ни в какую международную комбинацию»³⁸. По мнению советского полпреда, Болгария в это время находилась на распутье. «Либо она будет окончательно втянута в германо-польский блок, либо она должна присоединиться в той или иной форме, с теми или иными оговорками к Балканскому пакту», – писал Раскольников. Но последнее, по его мнению, было возможно при условии улучшения отношений Болгарии с ее соседями и создания правительства, которое бы взяло твердый курс на открытое сближение с СССР, Францией и Балканской Антантой»³⁹.

Судя по документам, Раскольников в своих сообщениях в Москву неоднократно выражал озабоченность по поводу пассивной политики СССР в Болгарии. Особенно примечателен в этом отношении ответ Раскольникова на письмо Крестинского, в котором заместитель народного комиссара иностранных дел ответил отказом на предложение советского полпреда возложить советскими представителями венок к памятнику русским воинам на Шипке. При этом Крестинский мотивировал отказ тем, что якобы «во внешнем мире это было бы понято как солидаризация СССР с империалистическими планами бывшего царского правительства России на Балканах»⁴⁰.

В своем ответе от 4 мая 1936 г. Раскольников указывал, что его инициатива была продиктована беспокойством, что СССР не использует в Болгарии всех имеющихся возможностей для укрепления своего влияния в этой стране. Кроме того, советский полпред писал о необходимости более тесной координации работы советских представителей на Балканах с Турцией, Францией, Чехословакией и Румынией, а если возможно – и с Англией. Совершенно справедливо он указывал, что эти страны в большей или меньшей степени отрицательно относятся к проникновению Германии на Балканы, и это, по его мнению, может быть использовано для координации усилий в целях «предотвращения германской экспансии на юго-восток Европы». При этом он, как явствует из документа, понимал, что из-за существующих противоречий между отдельными балканскими странами «трудно рассчитывать на установление единой антигерманской политики не только в Болгарии, но и в Европе». Поэтому Раскольников писал, что речь идет лишь об установлении более тесного контакта, о координации отдельных действий, об использовании нашего потенциала влияния в Болгарии совместно с Францией, так как французское влияние на Балканах является наименьшим злом по сравнению с влиянием фашистской Германии»⁴¹.

Ныне можно признать, что советские дипломаты были правы, так как Германия действительно использовала в определенной мере пассивность СССР в вопросах продажи вооружений Болгарии и к 1937 г. добилась значительных успехов в деле внедрения своей военной продукции в эту страну, а также в другие малые страны.

Несомненно, что на состояние советско-болгарских отношений оказывали влияние не только негативные, дестабилизирующие факторы, связанные с усилением военно-политической активности Германии в Европе и в Балканском регионе, но и наиболее острая фаза сталинских репрессий в СССР – «большой террор» 1937–1938 гг., который нанес серьезный удар по деятельности советских дипломатов в европейских странах, включая Болгарию. Так, 4 марта 1937 г. наркомат обороны СССР сообщил народному комиссару иностранных дел М.М. Литвинову о решении отозвать в Советский Союз военного атташе в Болгарии полковника В.Т. Сухорукова⁴², который летом того же года уехал в Москву, где был арестован и до 1956 г. находился в лагерях. Этот арест имел особо тяжелые последствия, так как Сухоруков руководил разведывательной сетью практически во всех балканских странах. По ряду данных, цель этой сети состояла в установлении контроля за действиями нацистской Германии на Балканах. Сведения, которые начали добывать Сухоруков и его агенты были военно-политического и военно-технического характера. Например, как вспоминал Сухоруков, «с помощью болгарских офицеров и других специалистов, связанных с «ИГ-Фарбениндустри», мы получали информацию о состоянии промышленности гитлеровской Германии»⁴³.

Позднее Раскольников в своем знаменитом письме Сталину от 17 августа 1939 г. относительно погрома, учиненного агентурой НКВД в советском полпредстве, указывал, что этот погром был инспирирован так называемой «внутренней линией» РОВСа, т. е. спецслужбой военизированной белоэмигрантской организации. Он писал, что эта организация в лице капитана Фосса, «подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометиовавшие честных работников миссии... добилась разгрома нашего полномочного представительства в Болгарии – от шофера М.И. Казакова до военного атташе В.Т. Сухорукова».

В этом же письме Раскольников ставил в вину Сталину практическое разрушение всего аппарата Народного комиссариата иностранных дел, уничтожение его лучших кадров⁴⁴.

Из воспоминаний Раскольникова известно, что 15 апреля 1937 г. он получил телеграмму от народного комиссара иностранных дел, который по требованию правительства приглашал его немедленно выехать в Мос-

кву для переговоров относительно нового назначения⁴⁵. К этому времени первый и второй секретари полпредства также были отозваны в Москву. Вновь назначенный первый секретарь советского полпредства Н. Прасолов приехал в Софию лишь в январе 1938 г. После чего возобновились требования немедленного приезда Раскольников в Москву. Получив разрешение совместить служебную командировку с очередным отпуском с условием его проведения в СССР, советский полпред в Болгарии 1 апреля 1938 г. с женой и восьмимесячным сыном выехал из Софии в Москву, о чем он в тот же день информировал Наркоминдел. В своих воспоминаниях Раскольников писал, что, отправляясь в Москву, он по пути хотел заехать в Брюссель к профессору медицины. В вагоне Раскольников случайно прочитал газету с сообщением ТАСС, в котором говорилось, что по решению Советского правительства он отстраняется от должности полпреда в Болгарии.

17 июля 1939 г. Верховный Суд СССР заочно на основании Закона от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказавшихся вернуться в Союз ССР», объявил Ф.Ф. Раскольникова вне закона, что было равносильно смертному приговору⁴⁶.

Узнав об этом из газет, Раскольников счел себя вправе выступить открыто. 22 июля того же года он написал письмо под названием «Как меня сделали “врагом народа”», которое было опубликовано через французское агентство «Гавас»⁴⁷. В этом документе он излагал обстоятельства своей вынужденной эмиграции и доказывал на фактах абсурдность и беспочвенность приговора. Он писал, что не дезертировал с поста, а выехал из Софии совершенно открыто, не только с официального разрешения, но по прямому вызову начальства. Раскольников указывал, что 5 апреля 1938 года, когда он еще не успел доехать до советской границы, его уволили с поста полномочного представителя СССР в Болгарии, о чем он, к своему удивлению, узнал из иностранных газет. После этого, как говорилось в письме, ему стало ясно, что по переезде границы он будет немедленно арестован⁴⁸.

Далее Раскольников писал, что 10 сентября 1938 г. он посетил в Женеве М.М. Литвинова, чтобы узнать причины увольнения и выяснить свое положение. Как отмечалось в документе, 12 октября 1938 г. по вызову посла СССР во Франции Я.С. Сурица Раскольников явился в полномочное представительство СССР в Париже. Как явствует из письма, Суриц по поручению советского правительства заявил ему, что, «кроме самовольного пребывания за границей, никаких политических претензий к нему нет, и

предложил Раскольникову ехать в Москву». После этого 18 октября Раскольников направил письмо Сталину, повторив в нем все, что высказал в беседах с Литвиновым и Сурицем. Он просил Сталина объяснить ему, в чем его обвиняют, и писал, что «никогда не отказывался вернуться в СССР»⁴⁹. Таким образом, заключал он, «предъявленное мне обвинение в отказе вернуться в СССР, как противоречащее фактам, совершенно отпадает... Принудив уехать из Софии, меня объявили “дезертиром”. По приговору уволив со службы, объявили, что я отказался вернуться в СССР, игнорируя мое документальное заявление Сталину». Далее в документе указывалось: «Объявление меня вне закона продиктовано слепой яростью на человека, который отказался безропотно сложить голову на плахе и осмелился защищать свою жизнь, свободу и честь». В опубликованном письме Раскольников заявлял протест против такого издевательства над правосудием и требовал гласного пересмотра дела с предоставлением ему права защищаться»⁵⁰.

17 августа 1939 г., за две недели до начала Второй мировой войны, Ф.Ф. Раскольников написал «Открытое письмо Сталину», которое было опубликовано в эмигрантском издании «Новая Россия» 1 октября 1939 г. В конце августа того же года, находясь в Ницце, Раскольников заболел воспалением легких и в тяжелом состоянии был доставлен в больницу. Вскоре у больного возник также и менингит, от которого он и скончался 12 сентября. Прах его покоится в фамильном склепе одной из французских семей в городе Ницце.

Полагаем, что, приведенный в настоящей статье круг источников существенно дополняет источниковую базу изучения основных тенденций развития советско-болгарских отношений в начальный период их становления, а также может служить документальной основой для оценки позиции самих авторов этих документов по отношению к тем или иным аспектам этих отношений. Письма советского полпреда в Болгарии Ф.Ф. Раскольникова в Наркоминдел СССР за 1934–1937 гг., как правило, отличает глубокий анализ как внутренней ситуации в Болгарии, так и ее внешней политики в контексте отношений с СССР, соседними государствами и другими великими державами. Дополнительные документальные источники позволяют не только более глубоко осмыслить мотивы восприятия событий авторами документов – Раскольниковым и его окружением, но и лучше разобраться в причинно-следственных связях уже известных исторических фактов в общем контексте истории советско-болгарских отношений в крайне сложной международной обстановке накануне Второй мировой войны.

Примечания

- ¹ Документы внешней политики СССР. Том 17 (1 января – 31 декабря 1934 г.). М., 1971; Т. 18. (1 января – 31 декабря 1935 г.) М., 1973; Т. 19 (1 января – 31 декабря 1936 г.). М., 1974; Т. 20 (1 января – 31 декабря 1937 г.). М., 1976.
- ² Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976. С. 396–397.
- ³ Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Л., 1989.
- ⁴ Основные положения «Открытого письма Сталину» впервые стали известны советским читателям из статьи В.Д. Поликарпова «Федор Раскольников» // Огонек. 1987. № 26. Затем появилось несколько публикаций в периодической печати. Полностью письмо было опубликовано в газете «Советская культура». 1988. 27 февраля.
- ⁵ Гребельский З.В. Федор Раскольников. М., 1988. С. 82–85.
- ⁶ Мельцер Д.Б. Советско-болгарские отношения (1917–1935 гг.). Минск, 1975. С. 157.
- ⁷ Советско-болгарские отношения и связи... С. 362–363; Архив внешней политики РФ (далее: АВП РФ). Ф. 074. Оп. 13. П. 3. Д. 2. Л. 2.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Известия. 1934. 1 сентября.
- ¹⁰ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: Дела и люди. СПб., М., 2002. С. 60.
- ¹¹ Кочик В.Я. И террористы, и коммунисты // Независимое военное обозрение. 2006. 18 августа.
- ¹² Там же.
- ¹³ АВП РФ Ф. 074. Оп. 14. П. 3 Д. 5. Л. 2; Известия. 1934. 26 ноября.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 131–132.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 138.
- ¹⁷ Российский Государственный военный архив (далее: РГВА РФ). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 754. Л. 309–316.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 316.
- ²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 181. 696.
- ²¹ Там же.
- ²² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 66.
- ²³ Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. М., 2003. С. 128–129.
- ²⁴ Антонов В. Сын против отца // Независимая газета. М., 2005. 16.сентября.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 66; Кольцов П.С. Дипломат Федор Раскольников. М., 1990. С. 245–246.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 98.
- ²⁷ Там же. Л. 92.

- ²⁸ Документ опубликован в: «Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы». Т. 1. С. 396–397 без указания фамилии его автора – полномочного представителя СССР Ф.Ф. Раскольников.
- ²⁹ Премьер-министр болгарского правительства с 22 апреля по 25 ноября 1935 г.
- ³⁰ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. С. 396–397.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 19. Д. 3. П. 105. Л. 20.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Оп. 18. Д. 1. П. 104. Л. 70–72.
- ³⁵ Там же. Оп. 19. Д. 1. П. 105. Л. 2–6.
- ³⁶ Там же. Ф. 074. Оп. 18. Д. 1. П. 104. Л. 99, 139; Оп. 19. Д. 1. П. 105. Л. 82.
- ³⁷ Там же. Оп. 19. Д. 1. П. 105. Л. 45–46.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2. Л. 3–4.
- ⁴¹ Там же. Оп. 19. Д. 1. П. 105. Л. 59–60.
- ⁴² Там же. Оп. 20. Д. 7. П. 106. Л. 6.
- ⁴³ Лурье В.М., Кочик В.М. Указ. соч. С. 309; Лота В. Информаторы Сталина. Неизвестные операции советской военной разведки. 1944–1945. С. 270–271.
- ⁴⁴ Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 546.
- ⁴⁵ Там же. С. 538.
- ⁴⁶ Там же. С. 10; Кольцов П.С. Указ. соч. С. 260–261.
- ⁴⁷ См.: Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 538–541. Документ опубликован по оригиналу, хранившемуся на время публикации в указанном издании в Центральном Государственном архиве Октябрьской Революции ЭССР. Ф. 957. Оп. 1. Д. 786.
- ⁴⁸ Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 538–541.
- ⁴⁹ Там же. С. 540.
- ⁵⁰ Там же.

П. Димитрова
(Институт истории БАН)

Иван Стаменов – полномочный министр Болгарии и/или советский агент*

Начало 1990-х годов ознаменовалось крушением не только Берлинской стены, но и идеологических догм, тормозивших развитие исторической науки в странах «социалистического лагеря». В этих условиях были предприняты попытки не только переосмыслить их историческое развитие, но и устранить «белые пятна» недавнего прошлого. Важным инструментом в этом процессе становились новые архивные документы, ранее хранившиеся в фондах под грифом «совершенно секретно». Именно в то время в России начали появляться сенсационные публикации, раскрывавшие некоторые новые моменты в истории взаимоотношений между Германией и Советским Союзом непосредственно после начала Великой Отечественной войны. В ставших достоянием общественности материалах утверждалось, что еще в июле 1941 г. советское руководство предприняло попытки установить контакт с Берлином с целью прекращения военных действий. По некоторым сведениям, Сталин через бывшего посла Германии в СССР графа фон Шуленбурга направил «личное послание» Гитлеру с предложением о перемирии. Его ценой должна была стать передача Германии части советских территорий – Бессарабии, Буковины, Украины, Прибалтики, Карельского перешейка¹. В отдельных публикациях утверждалось, что советская верхушка рассчитывала на посредничество тогдашнего полномочного министра Болгарии в Москве Ивана Стаменова, намереваясь через него передать в Берлин предложение о перемирии. Замысел подобных действий объяснялся по-разному: от стремления Сталина любой ценой добиться заключения «второго Брестского мира» до попыток дезинформировать немецкую сторону и таким образом выиграть время для организации отпора врагу.

Болгарская общественность была заинтригована тем, что эти сенсационные подробности оказались связанными с именем соотечественника,

* Перевела Т.В. Волокитина

причем высокопоставленного дипломата, представителя Болгарии в одной из наиболее горячих точек Второй мировой войны. Свидетельства причастности Стаменова к вышеописанным событиям содержались в записках генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, крупного деятеля советской разведки в 30-е – 50-е годы прошлого века, имевшего непосредственное отношение к реализации указанной акции, и генерал-полковника Дмитрия Волкогонова, доктора исторических и философских наук, профессора, начальника Института военной истории Министерства обороны СССР в 1988–1991 гг., на протяжении длительного времени профессионально изучавшего интересующие нас сюжеты. Однако версии Судоплатова и Волкогонова существенно различались. По Волкогонову, опиравшемуся на рассказ маршала Москаленко в связи с «делом» Берии, болгарский дипломат рассматривался в Москве как фигура, близкая к немцам и посему удобная для осуществления посреднической миссии². В воспоминаниях Судоплатова болгарский полномочный министр охарактеризован как давнишний агент НКВД, с помощью которого предполагалось распространить советскую дезинформацию сначала в московских дипломатических кругах, а затем по каналу Стаменов – царь Борис – Гитлер довести ее до сведения Берлина.

Реакция на книгу Судоплатова была достаточно неоднозначной. На Западе, наряду с явным интересом к сведениям из «закулисы» всемогущего НКВД, обозначилось резко критическое отношение к информации советского разведчика, особенно в части его сообщений о проникновении в «атомные тайны американской стороны»³.

Сенсационные признания Судоплатова и в России не были приняты за чистую монету. Среди множества рецензий, откликов и оценок книги отметим позицию генерал-лейтенанта Вадима Кирпиченко, занимавшего в 1974–1991 гг. должности заместителя и первого заместителя руководителя Службы внешней разведки КГБ СССР. Кирпиченко усомнился в достоверности сообщенного Судоплатовым. «Анализ приведенных в книге фактов, связанных с конкретной разведывательной деятельностью, – пишет автор, – приводит к следующим выводам: примерно одна треть материалов соответствует действительности, вторая треть представляет собой полуправду и, наконец, последняя треть – чистый вымысел»⁴.

В болгарской историографии ничего подобного не случилось. Факт принадлежности Стаменова к агентуре НКВД сразу же был принят за истину, несмотря на то, что, кроме воспоминаний Судоплатова, до сегодняшнего дня не обнаружен ни один подтверждающий его слова документ. Каждый выступающий или пишущий по этому поводу ограничивается собственной интерпретацией не ставящегося под сомнение факта, вкладывая в предлагаемую интерпретацию свои политические и идейные

пристрастия. Одни представляют Стаменова как «достойного болгарского дипломата и патриота», сотрудничавшего с советской разведкой в интересах борьбы против фашизма⁵, другие удивляются, «был ли этот Стаменов послом Софии или представлял кого-то другого?»⁶.

Все вышесказанное стало для меня и моего коллеги Манчо Векова вызовом: мы решили начать поиски в болгарских архивах и попытаться более обстоятельно разобраться в эпизодах жизни и деятельности Ивана Стаменова. Исходным импульсом для нас явилась многолетняя неутомимая деятельность покойного профессора Ангела Векова, собиравшего материалы о Стаменове как представителе Болгарии в советской стране. При жизни он успел выявить в различных болгарских архивах документы, имеющие отношение к интересующим нас вопросам. Но когда мы с М. Вековым обнаружили в Центральном государственном архиве папки, в которых старательно были собраны доклады Стаменова, представленные в Министерство иностранных дел и исповеданий, во время его пребывания в СССР, то поняли, что перед нами лишь незначительная часть имевшихся архивным материалов. Это подтолкнуло нас к замыслу подготовить и опубликовать сборник документов, раскрывающих неизвестные стороны дипломатической деятельности Стаменова, и таким образом попытаться ответить хотя бы на некоторые вопросы, связанные со слухами и недомолвками вокруг этой личности. Сборник уже подготовлен и в скором времени увидит свет. В предлагаемой вниманию читателя статье попытаемся вкратце изложить некоторые факты, проливающие свет на «казус Стаменова».

* * *

Жизнь и деятельность полномочного министра Царства Болгария в СССР И. Стаменова в 1940–1944 гг. до последнего времени оставалась вне поля зрения исследователей. Для их освещения обратимся к имеющимся архивным материалам, отметив попутно их скудный и фрагментарный характер.

Иван Стаменов родился 2 октября 1893 г. в Софии. В 1911 г. по окончании классического отделения II софийской гимназии поступил на Юридический факультет Софийского университета, но начавшаяся мировая война прервала учебу. Спустя несколько месяцев после вступления Болгарии в войну Стаменов был призван в армию, где находился до 1918 г. После войны он вернулся к учебе и в 1919 г. закончил университетский курс. В феврале 1920 г. Стаменов получил назначение на должность военного следователя и на этом посту оставался вплоть до конца 1922 г. После двухлетнего перерыва, о котором нет никаких сведений, Стаменов с марта

1924 г. работал в Министерстве земледелия, где возглавил Бюро информации. Спустя год с небольшим он перешел в Министерство иностранных дел и исповеданий на должность помощника начальника Бюро информации при Дирекции печати. С апреля 1926 по 30 сентября 1931 г. работал в должности помощника директора печати при МИД Болгарии. В 1931 г. на парламентских выборах победил Народный блок, кабинет министров и одновременно Министерство иностранных дел возглавил Александр Малинов, оставшийся на этих постах недолго, до 12 октября, после чего стал председателем Народного собрания. Стаменов, вероятно, сумел использовать кратковременное пребывание Малинова наверху иерархической лестницы и родственные связи с премьер-министром по линии своей супруги Нины Беровой* в карьерных целях: 9 октября 1931 г. Стаменов получил назначение в посольство в Рим в качестве первого секретаря. В итальянской столице он провел три года, причем в последние три месяца пребывания Стаменова, после отзыва полномочного министра генерала Ивана Вылкова, он «управлял посольством».

В октябре 1934 г. Стаменов отозван из Рима, и следующие два года провел на посту первого секретаря Политического отдела Министерства иностранных дел и исповеданий. 1 января 1936 г. он снова направлен за границу, на сей раз первым секретарем посольства в Париж. После двухлетнего пребывания во Франции Стаменов вернулся на родину. Его новое место работы – Канцелярия Его Величества Царя⁷. Последнее в дипломатической карьере Стаменова назначение – в советскую столицу – состоялось 28 июня 1940 г.: указом Царя он получил повышение, став полномочным министром III-го ранга, и с 1 июля 1940 г. назначен «Чрезвычайным посланником и Полномочным министром в Москве».

Командирование этого не столь известного широкой общественности чиновника Министерства иностранных дел и исповеданий в советскую столицу на место неожиданно скончавшегося дипломатического представителя Царства Болгария Тодора Христова явилось неожиданностью не только в дипломатических кругах, но и для всей болгарской политической элиты. Вопрос об этом назначении прозвучал даже в Народном собрании, с трибуны которого депутат А. Цанков выразил удивление тем, что в Москву направлен «г-н Стаменов, молодой человек, начинающий, но не известный своей общественной деятельностью». «Сегодня в Моск-

* Отец Нины Петр Беров на протяжении многих лет занимал должность царского агронома, был близок ко двору через лидера Демократической партии Малинова, с которым имел родственные связи (оба были родом из Бессарабии).

ве, – подчеркнул Цанков, – один из важных дипломатических постов. Там находятся германский представитель фон Шуленбург, английский парламентарий г-н Криппс, там Милан Гаврилович, опытный сербский дипломат и руководитель одной из сильных партий в Белграде, наконец, там и г-н Гафенку. Как видите, это все крупные в общественном плане и авторитетные фигуры»⁸. На этом фоне назначение Стаменова, естественно, рождало недоумение, тем более что МИД располагал куда более известными и опытными кадрами. Можно предположить, что именно упомянутые Цанковым характеристики – «молодой человек», прошедший «хорошую школу, отличную школу... поскольку принадлежал к свите Его Величества Царя», – объясняли большое доверие, проявленное к Стаменову.

Новый полномочный министр Болгарии в СССР оставался на своем посту вплоть до судьбоносных для страны перемен 9 сентября 1944 г., то есть 4 года и 2 месяца, причем два года, с середины октября 1941 до августа 1943 г., он провел в г. Куйбышеве (ныне г. Самара), куда был эвакуирован весь дипкорпус и многие советские государственные учреждения. За эти четыре года в мире произошли события эпохального значения, в Болгарии сменились несколько правительств, каждое из которых стремилось на свой лад не допустить втягивания страны в мясорубку большой войны, защитить национальные интересы Болгарии, разумеется, в собственном понимании. Менялись министры иностранных дел, переезжали из одной столицы в другую дипломаты, но Стаменов неизменно оставался на своем посту. Остались нереализованными упорные стремления правительства Багрянова, пришедшего к власти 1 июля 1944 г., назначить другого дипломатического представителя в советскую столицу в целях проведения новой политики по отношению к Советам и улучшения двусторонних контактов: Москва отказалась дать «добро» на замену болгарского дипломата. Не помогло и личное письмо министра иностранных дел П. Драганова В.М. Молотову с просьбой дать агреман Д. Наумову – в то время полномочному министру в Будапеште, поскольку, как указывалось в послании, необходимо, чтобы «у нас был полн[омочный] министр, который выражал бы все нюансы, который знал бы новое положение дел в связи с появлением нового правительства»⁹.

Так обстояло дело до 11 сентября 1944 г., когда новый министр иностранных дел профессор Петко Стайнов освободил от должности 15 действовавших полномочных министров, среди которых был и Стаменов. Мандат болгарского представителя в Москве закончился 20 сентября, в день составления акта, подтверждавшего, что «освобожденный от должности указом Царя № 30 от 11 сентября 1944 года Чрезвычайный посланник и Полномочный министр в Москве г-н Иван Стаменов сложил свои полномочия».

* * *

Такова в общих чертах профессиональная карьера болгарского полномочного министра И. Стаменова, объявленного П. Судоплатовым агентом НКВД. Сразу же хочу заметить, что в выявленных и подготовленных к публикации архивных документах нет ни малейшего намека на то, что их автор был убежден в необходимости прочного союза между Болгарией и СССР, и тем более в оценке Советского Союза как «единственной гарантии защиты болгарских интересов на Балканах и в европейской политике в целом», как утверждал советский секретный агент¹⁰. Но очевидно и другое: поскольку документы, которыми мы располагаем, представляют собой официальные доклады и сообщения в Министерство иностранных дел, ясно, что «агент Стаменов» вряд ли позволил себе «пропустить» в них что-либо такое, что дискредитировало бы его в глазах начальства. Это шло бы вразрез и с характеристикой, данной Стаменову позднее агентом «Эмилем»: «Весьма разговорчив, однако при необходимости мог быть и весьма воздержан в словах»¹¹. Зададимся вопросом: а может быть, составляя донесения из советской столицы, Стаменов руководствовался единственным соображением предоставить Софии (и Берлину!) именно ту информацию, которую там ожидали?

Ответ на этот вопрос следует искать в первоисточнике сведений о причастности Стаменова к агентуре НКВД. И так как они, как отмечалось выше, принадлежат единственно Судоплатову, предлагаю внимательнее к ним присмотреться.

Советский разведчик дважды сообщает о своих контактах с болгарским дипломатом – первый раз в «Объяснительной записке в Совет министров СССР» от 7 августа 1953 г.¹², незадолго до своего ареста, и второй раз – в воспоминаниях, увидевших свет в 1994 г.¹³ Внимательное прочтение текстов позволяет зафиксировать ряд несоответствий между двумя сведениями Судоплатова, а также между ними и некоторыми установленными ныне фактами. В «раннем» повествовании о событиях лета 1941 г. указывается, что советское руководство прибегло к посредничеству болгарского дипломата из-за его «связей с немцами». В «поздней» версии генерал утверждал, что Стаменов был завербован русскими еще в 1934 г., когда он находился в Риме в должности третьего секретаря посольства Болгарии. В последнем, вышедшем уже после кончины Судоплатова издании его мемуаров¹⁴, приведена агентурная кличка Стаменова – «Наследник», и читатель узнает, что «после его назначения в 1940 г. послом Болгарии в Советском Союзе связь с ним была передана мне», то есть Судоплатову. Удивляет при этом,

что разведчик такого уровня, как Судоплатов, являвшийся заместителем руководителя внешней разведки НКВД, не изучил как следует агентурное дело своего подопечного, «начатое в 1934 г.» и долгие годы хранившееся в его сейфе¹⁵, и не запомнил, что Стаменов был первым, а не третьим секретарем посольства в Риме (тем более что должности третьего секретаря в то время вообще не существовало), и что болгарский дипломат пребывал в советской столице в ранге полномочного министра, то есть посланника, а не посла.

Объяснение Судоплатова, что расхождения в версиях связаны с «частичным рассекречиванием» документа, в котором отсутствуют «целые абзацы» (и притом именно те, в которых говорится об агентурной деятельности Стаменова), в принципе убедительно: действительно, в документе после слов «имел связи с немцами и был им хорошо известен» стоит отточие «[...]», свидетельствующее о наличии купюры¹⁶. Однако это не доказывает, что в документе опущена информация именно о принадлежности Стаменова к советской агентуре. Для того, чтобы утверждать подобное, необходимо иметь полный вариант записки. Пока же, исходя из имеющегося текста объяснительной записки, известно лишь, что Берия дважды подчеркнул свою уверенность в том, что «Стаменов как человек, связанный с немцами, сообщит о заданных ему в Германии вопросах».

Внимательный читатель не может не заметить и расхождения в деталях двух версий. В «раннем» сообщении Судоплатова он, получив задание Берии, якобы связался со своим агентом, договорился с ним о встрече у концертного зала имени Чайковского на площади Маяковского и затем на машине отвез его в ресторан «Арагви». Состоявшийся разговор был единственным, после чего Судоплатов более не получал «никаких указаний, связанных с этой работой или с использованием Стаменова». Согласно «поздней» версии, Судоплатов «вспомнил», что сначала он встретился «с послом в доме Эйтингона» (?)¹⁷, а затем уже еще раз в ресторане «Арагви». Кроме того, варьируется и место беседы в ресторане: если в «ранней» версии она проходила «за отдельным столиком в общем зале в соответствии с инструкцией Берии», то позднее Судоплатов указал, что они расположились в специальном кабинете, «оборудованном подслушивающим устройством, и весь разговор был записан».

Но если указанные несоответствия при желании можно объяснить провалами памяти, то один фрагмент повествования Судоплатова заставляет вспомнить о «чистом вымысле», если воспользоваться «классификацией» В.А. Кирпиченко. Речь идет об утверждении Судоплатова, что во время телефонного разговора Берии и Молотова последний не только санкционировал проведение встречи с болгарским дипломатом, но и предложение ус-

троить жену Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук¹⁸. Сам Судоплатов пишет, что «с разрешения Молотова» договорился об «устройстве жены Стаменова на работу» в указанный институт. Этот случай датируется концом июля 1941 г. Но вот вопрос – где в это время находится супруга дипломата? Еще 29 июня Стаменов сообщил в Софию, что накануне вечером «все женщины посольства выехали в Болгарию через Карс (Турция)»¹⁹. 5 июля, выражая беспокойство, что после 2-го числа, когда в посольство звонили из Баку, от уехавших не поступало никаких сведений, он вновь подтвердил сообщение, что «пятеро женщин и трое детей из посольства» выехали в Ленинакан²⁰. Правда, Стаменов не упоминает свою жену, но зато более обстоятелен заведующий Ближневосточным отделом МИД СССР Н. Новиков. Из записи его беседы с болгарским дипломатом от 29 июня: «Попросил Стаменова посетить меня еще в субботу (28 июня) вечером, чтобы поговорить об условиях обмена сотрудников нашего посольства в Германии и сотрудников посольства Германии в СССР и наших миссий в Румынии и Венгрии с румынской и венгерской миссиями в СССР. Но Стаменов, объяснив, что в 11 часов вечера провожает на вокзал жену, уезжающую в Болгарию, попросил отложить беседу на воскресенье на 11 часов утра»²¹. О том, что об отъезде Н. Стаменовой было известно Молотову, свидетельствует сообщение болгарского дипломата от 6 июля: «Что касается женщин посольства, которые должны были пересечь границу 3-го числа, то комиссар иностранных дел сообщил мне, что поезда движутся медленно»²². Есть надежное доказательство, что жена Стаменова в 1942 г. находилась в Болгарии. 20 ноября главный секретарь Министерства иностранных дел и исповеданий Д. Шишманов направил в Москву следующую шифротелеграмму: «Г-жа Стаменова попросила бухгалтерию перечислить ей остаток задержанной Вами зарплаты до 30 ноября. Сообщите, какой аванс имеете Вы к этому времени и согласны ли перечислить всю сумму Вашей жене»²³. И только 28 января 1944 г. Стаменов доложил в Софию: «26 числа вечером моя жена и военный атташе приехали [в Москву]»²⁴.

Из всего этого следует, насколько абсурдно утверждение, что 25 июля Молотов якобы предлагал решить вопрос об устройстве Нины Стаменовой в Институт биохимии АН СССР. И вообще, в реальность этого шага вряд ли может верить человек, хотя бы мало-мальски знакомый с советской действительностью. Не говорим уже о том, что последствия такого решения были бы крайне неприятными, равноценными тому, чтобы указать на Стаменова пальцем и объявить во всеуслышание «Вот наш агент!» Скорее, таким шагом можно было дискредитировать собственного агента, а не оказать ему услугу.

Странно звучит и утверждение Судоплатова о миссии секретаря Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Пегова, командированного в

1953 г. в Софию вместе с группой следователей Генеральной прокуратуры для выяснения обстоятельств вокруг загадочных событий лета 1941 г. и допроса в связи с этим Стаменова. Следователи, работавшие по «делу» Берии и его «плану свержения Сталина и советского правительства», прибыв в Софию и допросив Стаменова, ограничились лишь шантажом: пообещали лишить его «пенсии, которую он получал от советского правительства за свою деятельность во время войны». В Москву они вернулись, довольствовавшись устным подтверждением Стаменова, «что он был агентом НКВД и сотрудничал с советской разведкой во имя борьбы с фашизмом...» (курсив наш. – П.Д.). Зная о богатом опыте и неисчерпаемых возможностях советской судебной системы, как, впрочем, и болгарской, получать разного рода самопризнания, немного странно звучит, что советские следователи вернулись на родину «с пустыми руками». Это, правда, не помешало спустя некоторое время предъявить Судоплатову «официальное обвинение, что вместе со Стаменовым» он якобы участвовал в заговоре с целью «заключить тайный сепаратный мир с Гитлером»²⁵.

Но еще более странная картина получается при сопоставлении рассказа Судоплатова с некоторыми документами, обнаруженными профессором А. Вековым в Архиве Министерства внутренних дел. Из одного документа следует, что только несколькими месяцами позднее болгарские органы госбезопасности приступили к активной разработке «советского пенсионера» Стаменова для выяснения его «связей с Гестапо и другой враж[дебной] деятельности»²⁶.

Спустя несколько лет, в сентябре 1957 г., в болгарской госбезопасности была подготовлена Справка о бывшем полномочном министре, в которой отмечалось: «По материалам (архивным) КГБ (Комитета государственной безопасности) проходит лицо Иван Тодоров СТАМЕНОВ, 1893 года рождения, место рождения г. София, болгарин. [...] Во время работы в болгарских посольствах в Риме и Москве СТАМЕНОВ при встрече с русскими проявлял симпатии к СССР и восхищался успехами Советского Союза, но одновременно говорил и о своей преданности царю Борису*. Во время нападения Германии на Советский Союз СТАМЕНОВ выражал

* Косвенным подтверждением этой преданности явилось возмущение, с которым Стаменов сообщал в донесении от 27 апреля 1942 г., что в советской прессе «Его Величество Царь» назван «просто Борисом». Годом ранее Стаменов не упустил возможности сообщить о высокой оценке царя Бориса, данной Генеральным секретарем НКВД СССР А.А. Соболевым: «Его Величество очень хорошо информирован по политическим вопросам, он – не просто государь, который подписывает декреты» (Прим. автора).

свою антипатию к Германии и Гитлеру, но в его досье имеются непрроверженные данные о том, что в этот период он слепо исполнял все указания немецкого посла, а болгарское и германское правительства считали выгодным пребывание СТАМЕНОВА в СССР для получения интересующих их сведений»²⁷.

И ни слова о том, что в материалах КГБ существует какое-либо (по всей вероятности, другое!) досье агента НКВД Стаменова (агентурная кличка «Наследник»). А может быть, такого вообще не было, и тогда утверждения об агентурной деятельности болгарского посланника следует отнести к вымыслу Судоплатова? Или досье было скрыто от органов советской госбезопасности, так как в интересах следствия против Берии и его «заговора» удобнее считать Стаменова немецким агентом, а не советским? В таком случае рассказ советского разведчика можно было бы отнести к разряду «полуправды», поскольку с учетом отмеченных выше несоответствий его вряд ли можно считать правдой. Но где проходит граница между правдой и вымыслом?

Имеющийся в нашем распоряжении сегодня документальный материал не дает возможности точно ответить на эти вопросы. Оставаясь пока еще в окружении догадок и гипотез, можем предложить только следующую версию.

Если согласиться с тем, что, несмотря на все несоответствия, рассказ Судоплатова в основе своей верен, то вполне возможно, что в 1934 г. первый секретарь болгарского посольства в Риме попал в сферу внимания советских спецслужб. Тем более, что к тому располагало и происхождение родителей его супруги Нины Стаменовой (отец, как уже говорилось, был родом из Бессарабии, а мать – Люба Берова, русская, родилась в 1871 г. в Смоленске). Но имела ли место вербовка? Или это был инициированный самим Стаменовым шаг? Информация, что болгарский дипломат заявлял о своих симпатиях к Советскому Союзу, могла означать, что он сам сознательно искал контакты, стремился к сотрудничеству, особенно если учесть имевшиеся в его докладах прямо противоположные оценки советской политики и советской действительности²⁸. По собственной ли инициативе делал он это или по чьему-то указанию «сверху»? Наконец, вспомним таинственные два года (1922–1924), сведения о которых отсутствуют в его трудовой биографии. Стаменов мог провести их в рядах безработных, но ведь мог заниматься и чем-то другим, а следы этих «других» занятий потребовалось умышленно убрать из биографии. В таком случае, едва ли Сталин и Берия – те люди, которые более других были довольны назначением Стаменова в советскую столицу.

Что ожидало болгарского дипломата в Москве? Интересную картину тогдашних нравов нарисовали Я. Верховский и В. Тырмос. Указывая на огромное количество информации о предстоящем нападении Германии на СССР, полученной советским руководством, они отмечают, что Сталин, в сущности, не нуждался ни в «намёках Черчилля», ни в сведениях, поступавших из Токио, Берлина, Бухареста. Почему? Потому что, как считают авторы, чтобы понять планы Гитлера, достаточно было агентурной информации, добытой из иностранных посольств в Москве.

«Разработкой» посольств занималась контрразведка НКВД, руководимая двумя необыкновенными во всех отношениях людьми – Петром Федотовым и Леонидом Райхманом. Профессионализм и опыт руководителя контрразведки Федотова дополнялись инициативностью и бурным темпераментом его молодого заместителя Райхмана. Изобретательность Райхмана не знала границ – телефонные разговоры всех иностранных посольств прослушивались, радиogramмы перехватывались, а диппочта просматривалась, зарубежные дипломаты иной раз добровольно, а подчас и принудительно становились источником ценной агентурной информации²⁹.

Эта картина, напоминающая шпионский триллер, по всей вероятности, весьма правдиво отражает происходившее в советской столице на рубеже 30-х – 40-х годов прошлого века, да и не только тогда. Об этом свидетельствуют опубликованные до настоящего времени, хотя и в малом количестве, подобные документы и записи бесед³⁰.

Сегодня трудно сказать, как вписался в эту обстановку новый полномочный министр Царства Болгария. Очевидно, что Стаменов, как он сам вспоминал мимоходом и указывал в своих докладах, имел неформальные контакты с советскими чиновниками Наркоминдела, чья принадлежность к органам госбезопасности едва ли вызывала сомнение. О том, какой информацией стороны обменивались при встречах, тоже можно только гадать. И не смог ли Стаменов позднее представить эти контакты как «сотрудничество с советской разведкой во имя борьбы с фашизмом», получив за это признание индульгенцию на спокойную старость?

Это все вопросы, на которые пока не представляется возможным дать однозначный ответ. Ясно одно – в своей официальной дипломатической деятельности Стаменов, насколько это было в его силах, до конца отстаивал интересы Болгарии. Но его неофициальная деятельность продолжает оставаться загадкой. Она, или хотя бы часть ее, может быть разгадана единственно через рассекречивание и обнародование огромного массива документации того времени, которая в основном хранится в российских архивах. Именно там, как хорошо известно, сохраняются личные дела

людей, работавших на Советский Союз. В российских архивах немало болгарских документов, вывезенных из страны после 9 сентября 1944 г. Среди них, весьма вероятно, есть и такие, которые способны пролить свет и на интересующие нас вопросы. Но, к сожалению, сегодняшняя позиция российской стороны не вселяет оптимизма, что эти документы станут, наконец, доступными. Остается надеяться на завтрашний день...

Примечания

- ¹ *Fleischhauer I.* Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»: Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. Berlin-Frankfurt, 1991. S. 411.
- ² *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 172–173.
- ³ *Breindel E.* The Oppenheimer File: There is a Rush to Dismiss the Sudoplatov Book, lest it convince people that the «witch-hunters» were right // *National Review*. 1994, May 30; *McMillan P.J.* Atomic spies? The Implosion of the Sudoplatov Charges // *Journal of the Federation of American Scientists*. Vol. 47. No 3. May/June 1994; *Eadem.* Flimsy Memories (Espionage Charges against American Scientists Made by Pavel Sudoplatov // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1994, July 1; *Leskov S.* An Unreliable Witness (Pavel Sudoplatov, Who has made Espionage Charges against American Nuclear Scientists) // *Ibid.*; *Cathcart B.* Russian Ballistic Missiles: Special Tasks. The Memories of an Unwanted Witness – A Soviet Spymaster by Pavel Sudoplatov & Anatoly Sudoplatov with J.&L.Schechter // *The Independent*. 1994. July 3, Sunday, etc.
- ⁴ *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 242.
- ⁵ *Спасов И.* Българин е специален агент на Сталин, Молотов и Берия // *Дума*. 1 декември 2007 г.
- ⁶ *Владимирова П.* Мистерии и истини около един български посланник // *Дневник*. 23 февруари 2009.
- ⁷ До сего времени документально не установлен характер занятий Стаменова в царской Канцелярии. В одной из справок 1957 г. указано, что «в 1939 г. он работал в личной канцелярии царя Бориса в качестве секретаря и советника по внешним делам». Можно предположить, что именно за эту деятельность Стаменов в ноябре 1940 г. был награжден в Берлине Крестом за заслуги ордена «Германский Орел» со звездой.
- ⁸ Стенографски дневници на XXV Обикновено Народно събрание. II редовна сесия. Кн. 1. С. 313.
- ⁹ *Михов Н.* Указ. соч. С. 168.
- ¹⁰ *Судоплатов П.А.* Кремъл и Лубянка. Спецоперации 1930-1950. София, 2008. С. 221.
- ¹¹ Личный архив профессора А. Векова. Агентурное донесение от 21 апреля 1955 г. – Ксерокопия документа из Архива Министерства внутренних дел Болгарии.

- ¹² Из объяснительной записки П.А. Судоплатова в Совет министров СССР // 1941. Документы. Кн. 2. М., 1998. С. 488–491.
- ¹³ Воспоминания появились впервые на Западе: *Sudoplatov P., Sudoplatov A. Special tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness – a Soviet Spymaster*. Boston, 1994. Спустя два года они были опубликованы в России, а в 2008 г. переведены на болгарский язык.
- ¹⁴ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
- ¹⁵ Судоплатов утверждает, что 5 августа 1953 г., после ареста Берии, он был вызван для беседы в «Инстанцию» с распоряжением захватить с собой досье Стаменова и что после встречи с «коллективным руководством» – Хрущевым, Молотовым, Маленковым, Булганиным, Микояном и Ворошиловым – досье не было ему возвращено.
- ¹⁶ Из объяснительной записки П.А. Судоплатова... С. 489.
- ¹⁷ Звучит смехотворно: вряд ли «посол» иностранного государства пойдет на «тайную» встречу в дом сотрудника внешней разведки НКВД высокого ранга!
- ¹⁸ Судоплатов П.А. Кремль и Лубянка... С. 221.
- ¹⁹ Централен държавен архив (далее: ЦДА). Ф. 176к. Оп. 1ш. А.е. 172. Л. 67.
- ²⁰ Карс и Ленинакан – пограничные пункты на турецкой и советской территории, через которые с началом войны между Германией и СССР осуществлялась эвакуация дипломатов и иных граждан стран Оси, объявивших войну Советскому Союзу.
- ²¹ Документы внешней политики. Т. 24. М., 2000. С. 70.
- ²² ЦДА. Ф. 176к. Оп. 1ш. А.е. 333. Л. 116.
- ²³ Там же. А.е. 419. Л. 90.
- ²⁴ Там же. Оп. 2ш. А.е. 19. Л. 4.
- ²⁵ Судоплатов П.А. Кремль и Лубянка... С. 578.
- ²⁶ Личный архив профессора А. Векова. Резолюция от 24 февраля 1954 г. на Справке, датированной 15 февраля. – Ксерокопия документа из Архива Министерства внутренних дел Болгарии.
- ²⁷ Личный архив профессора А. Векова. Ксерокопия документа из Архива Министерства внутренних дел Болгарии.
- ²⁸ В связи с этим укажем на шифрограммы Стаменова, связанные с миссией Соболева, особенно его настойчивые утверждения о неизбежной «балтизации» Болгарии в случае, если советские предложения будут приняты, рассуждения о «советском мире», с помощью которого должно быть уничтожено «капиталистическое окружение СССР», и ряд других оценок, которые, скорее, отражали внутренние убеждения, а не демонстрировали «угодничество» перед начальством.
- ²⁹ Верховский Я., Тырмос В. Тайный «сценарий» начала войны. М., 2006. (Книга доступна в электронной библиотеке – <http://www.kodges.ru>). Наряду с хорошо известными методами вербовки иностранных дипломатов по схеме – «алкоголь, деньги, женщины», авторы описывают и виртуозные способы «чтения» диппочты, например, германской, которая особенно интересовала Кремль: «Дипломатические

чемоданчики вскрывали в Москве, в гостинице “Метрополь”, где обычно останавливались немецкие дипкурьеры. На время, необходимое для обработки чемоданчиков, курьеров “изолировали”. Их “случайно” запирали в ванной гостиничного номера, или лифт мог “случайно” застрять между этажами. И пока “неловкий” персонал гостиницы освобождал перепуганных насмерть пленников, содержание чемоданчиков фотографировалось». Но, бесспорно, самой ценной и интересной была информация, полученная при прослушивании, и записи разговоров, которые вели между собой сотрудники дипломатических представительств. С этой целью помещения посольств были оснащены специальной аппаратурой.

³⁰ См., например: Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995.

Р. Тодорова
(Институт истории БАН)

Стелла Благоева – первая женщина-посол Болгарии в СССР*

Дипломатическая карьера Стеллы Благоевой началась летом 1949 г., когда Указом Президиума Великого Народного собрания она была назначена Чрезвычайным и Полномочным послом НРБ в Москве и 23 июля вручила верительные грамоты председателю Президиума Верховного Совета СССР¹.

Стелла Димитрова Благоева родилась 3(16) октября 1887 г. в г. Видине, куда учительская семья Димитра и Велы Благоевых была вынуждена переехать из-за своих социалистических убеждений. Закончив среднюю школу в Софии, Стелла училась в Пражской консерватории и после ее окончания в 1910 г. поступила на историко-филологический факультет Софийского университета. Диплом историка получила в 1915 г. До 1925 г. преподавала историю и музыку в Первой женской гимназии в Софии.

Выросшая под влиянием идейно-политических и моральных установок родителей – основателя БРСДП Д. Благоева и активной деятельницы женского социалистического движения В. Благоевой, Стелла вполне естественно включилась в социал-демократическое движение и борьбу болгарского рабочего класса за справедливую жизнь и в 1915 г. вступила в БРСДП (т.с.). Коммунистическая закалка молодой революционерки пригодилась ей, когда по решению ЦК БКП в 1926 г. после взрыва в церкви Св. Неделя, вызвавшего в стране волну террора, Стелла с сестрой Натальей были нелегально переброшены в Москву. Жертвами террора стали муж Стеллы Коста Янков и его брат Владимир. В Советском Союзе Благоева окончила Международную ленинскую школу и вплоть до возвращения в Болгарию в 1946 г. работала в аппарате ИККИ, Загранбюро ЦК БКП, в МОПРе и Всеславянском комитете в Москве. Двадцатые годы XX века, проведенные в советской столице, связали Благоеву с видными деятелями БКП, ВКП(б) и международного коммунистического движения. На новом для себя поприще посла НРБ в СССР, она оказалась знакомой и близкой

* Перевела Т.В. Волокитина

высшему советскому партийному и государственному руководству, советской общественности и некоторым дипломатам народно-демократических стран. Как активный деятель Коминтерна Благоева, несомненно, была известна и дипломатам капиталистических стран, аккредитованным в Москве.

Как указывалось в документах Президиума Великого Народного собрания и Министерства иностранных дел в связи с назначением послом, госпожа Стелла Благоева совмещала ряд важных партийных и государственных постов в Народной Республике Болгария: являлась кандидатом в члены ЦК БКП, членом Национального совета Отечественного фронта, депутатом Великого Народного собрания и заместителем председателя Славянского комитета².

Задача, возложенная на Благоеву и выполнявшаяся ею на протяжении всего пребывания в ранге посла, заключалась, по ее словам, в «осуществлении генеральной линии БКП и правительства, согласно которой дружба с СССР являлась краеугольным камнем внешней политики Болгарии, а успешная борьба за независимость и государственный суверенитет, за мир и социализм возможна в условиях все более углубляющейся болгаро-советской дружбы, как и строительство социализма в нашей стране возможно только при всестороннем изучении и правильном применении богатого советского опыта – опыта ВКП(б)». Основываясь на Договоре о дружбе между обеими странами, посольство должно было четко и последовательно проводить эту генеральную линию партии и правительства в жизнь³.

Регулярно докладывая в Софию об обстановке, в которой осуществлялась дипломатическая работа посольства, Благоева писала об «исключительно дружественной нам стране», «любви и помощи Сталина и советского народа». Вместе с тем действовали ограничения, касавшиеся соответствия всех сторон дипломатической деятельности советским стандартам. Работа посольства была строго централизованной – любые контакты и запросы в адрес советских министерств, комитетов и других властных институтов осуществлялись только через Министерство иностранных дел и при его содействии. Благоева сообщает о сдержанности сотрудников аппарата МИД в отношениях с посольствами, это касалось даже стран народной демократии. Объяснение этому виделось в «глубоко укоренившемся среди советских граждан чувстве бдительности». В частности, им не рекомендовалось контактировать с персоналом посольств, и эта рекомендация распространялась и на посольство Болгарии. Так, даже имевшие советское гражданство болгарские политэмигранты, желавшие вернуться на родину, не могли лично явиться в посольство для оформления болгарской визы. Их паспорта доставляли в посольство сотрудники

МИД, они же получали готовые документы. Кроме того, посольство не имело права устанавливать прямую или иную связь с ЦК ВКП(б) и его аппаратом, связь, столь необходимую, по мнению Благоевой, с руководящей партией в стране. Между тем болгарские посольства в других странах, особенно народно-демократических, таким правом пользовались⁴.

Одной из основных обязанностей дипломатических представителей являлось информирование своего руководства о внутренней и внешней политике страны пребывания. Благоева характеризовала «сталинскую внешнюю политику» как растущую борьбу за «разоблачение агрессии империализма США» и отмечала, что любое внешнеполитическое событие оценивалось советским правительством с точки зрения соотношения сил двух лагерей – лагеря мира и лагеря войны»⁵. В своих отчетах болгарский посол подробно информировала об успехах советского народа в строительстве социализма, освещала важные политические и экономические решения советского правительства, рассказывала о событиях культурной жизни страны.

Благоева комментировала большой интерес корреспондентов капиталистических стран к сообщениям о выделяемых на нужды обороны средств в связи с утверждением бюджета СССР на 1952 г. С удовлетворением сообщала о провале попытки американских империалистов организовать бойкот созывавшейся в Москве международной экономической конференции весной 1952 г. Благоева информировала о присутствии Сталина на заседании Верховного Совета РСФСР 30 марта 1952 г., что развеяло слухи об ухудшении его здоровья, поскольку советский руководитель выглядел хорошо, и восхищалась «политической тонкостью» этого шага⁶.

Посол докладывала об изменениях в руководстве партии и советского правительства после смерти Сталина и, информируя о протокольных мероприятиях, проведенных ею по этому поводу, подчеркнула, что она первой из всего дипломатического корпуса была представлена новому советскому министру иностранных дел В.М. Молотову.

Центральное место, отведенное Советскому Союзу во внешней политике Болгарии, обусловило интенсивность контактов между двумя странами и, соответственно, большой объем работы болгарского дипломатического представительства. Болгарский посол – неперемный посредник при подготовке торговых и иных соглашений, в продвижении многочисленных просьб по оказанию научно-технической помощи со стороны СССР, командированию специалистов – болгарских и советских, обучению студентов и аспирантов в советской стране, организации посещений СССР представителями болгарской культуры и пр. Стелла Благоева регулярно

посещает МИД, передает просьбы и ноты болгарского правительства и учреждений и лично содействует благоприятному разрешению поставленных вопросов, сообщает о результатах. В соответствии с существующей практикой посол Благоева уполномочена подписать от имени болгарского правительства заключенные двусторонние соглашения и соответствующие протоколы (Соглашение о поставке 160 тыс. тонн пшеницы в счет займа – сентябрь 1949 г.; Протокол о продаже Болгарии бывших германских активов, перешедших в собственность СССР, и Соглашение о передаче НРБ в аренду предприятий с австрийским капиталом, находящихся в собственности СССР, – октябрь 1952 г.)

С присущей ей требовательностью Благоева часто передает в Софию критические замечания в связи с неконкретными заявками, поступавшими из Болгарии, недостаточной проработкой поставленных вопросов, волокитой при подготовке болгарской стороной ответов на отдельные запросы.

Весьма характерная часть обязанностей посла – проведение по поручению болгарского правительства постоянных консультаций с советским Министерством иностранных дел для определения позиций Болгарии по конкретным вопросам международной жизни. Например, поддержать ли принятие Израиля в Международный почтовый союз (ноябрь 1949 г.), поддержать ли израильского кандидата в члены административного совета Всемирной торговой организации (июль 1951 г.). Болгарские власти систематически запрашивали советскую сторону об участии СССР в том или ином международном мероприятии (особенно в «капиталистическом лагере»), чтобы они могли последовать советскому примеру: намеревается ли СССР направлять делегацию на погребение английского короля (февраль 1952 г.), приглашен ли Советский Союз и, если приглашен, будет ли участвовать в конференции по индоевропейскому языкознанию в Мюнхене в сентябре 1953 г.? Запрашивается мнение советского правительства в связи с намерением Швеции назначить своего военного атташе в Софию (ноябрь 1952 г.) и с поступившим от властей Ирана предложением установить с Болгарией дипломатические отношения (июнь 1952 г.). В начале 1950 г. болгарское правительство попросило у Москвы совет, как мотивировать отказ Болгарии явиться в Международный суд в Гааге в связи с запрещением болгарской стороны провести инспекцию своей южной границы.

С большим вниманием Стелла Благоева относилась к проблемам болгарских студентов и аспирантов. В 1952 г. в 11 городах Советского Союза обучались более 1300 болгарских учащихся. На ежегодных совещаниях с руководителями землячеств болгарских студентов и аспирантов посол всесторонне интересовалась положением дел, учебой и бытом. В направлявшихся в Софию докладах Благоева отмечала слабые стороны деятель-

ности Комитета по науке и культуре, отвечавшего за обучение студентов и аспирантов за рубежом, в частности: неточное определение специальностей учащихся, несвоевременную отправку запросов о предоставлении мест в советских вузах для болгар, несвоевременное прибытие зачисленных студентов к месту учебы (следовало прибыть не позднее 23 августа). Она рекомендовала проводить предварительный медицинский осмотр студентов на родине, так как некоторые приезжие имели, как выяснялось, серьезные проблемы с состоянием здоровья. Благоева поднимала вопрос о задержках выплаты стипендий и необходимости их увеличения.

Из доклада посольства узнаем, что 29 июня 1951 г. молодая поэтесса, аспирантка Института мировой литературы АН СССР Блага Димитрова успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Влияние Владимира Маяковского на болгарскую поэзию». В январе 1953 г. посольство запросило Софию, кому из закончивших обучение студентов разрешено продлить пребывание в Советском Союзе, так как для этого требовалось соответственно официальное оформление с согласия центра. В связи с этим Благоева сообщала, что «тов. [Димитр] Станишев, аспирант, которого вы вызываете, в конце января сдает последний экзамен кандидатского минимума, после чего вернется в страну». Она предупредила жену Станишева, младшего научного сотрудника и заочную аспирантку Института славяноведения АН СССР, о необходимости оформления по советским каналам заграничного паспорта. Их маленький ребенок находился у родителей жены в провинции⁷.

Посольство содействовало успешному представлению болгарской культуры в Советском Союзе. Культурная и хозяйственная выставка в Москве (9–29 сентября 1950 г.) и выставка «Болгарское народное творчество» (8 февраля – 8 марта 1952 г., Москва) вызвали большой интерес. Только последнюю выставку посетили 16 тыс. человек. С большим успехом прошли гастроли болгарских оперных и драматических артистов и режиссеров в мае–июне 1951 г., спектакли болгарской оперы в Москве в октябре 1953 г. В организации этих значительных культурных мероприятий посольство приняло активное участие.

Будучи одновременно болгарским полномочным министром в Финляндии с местом пребывания в Москве (верительные грамоты вручены 12 октября 1949 г. в Хельсинки), а с 1 августа 1952 г. и послом НРБ в Монгольской Народной Республике (место пребывания также в Москве), Стелла Благоева направляла в Софию информационные обзоры о положении и политике этих стран. (Дипломатические отношения с МНР были установлены в апреле 1950 г. при посредничестве болгарского посольства в Москве, соответственно Благоевой, которая передала предложение мон-

гольского правительства от 12 апреля и положительный ответ болгарской стороны от 20 апреля 1950 г.⁸⁾ Благоева рекомендовала назначить управляющего посольством в Хельсинки, учитывая важность развития торговых отношений с Финляндией.

В июле 1951 г. Благоева включена в состав болгарской делегации, посетившей Монголию в связи с 30-летием народной революции. Подчеркнув большое внимание хозяев к болгарским гостям, Благоева не удержалась от критики правительства, которое не направило поздравительную телеграмму в адрес монгольских руководителей и не распорядилось подготовить традиционные подарки в честь торжества. Все другие страны – участницы праздника такие телеграммы направили, и они были опубликованы, а их делегации вручили подарки⁹⁾.

Информация о так называемой «представительской работе» болгарского посла в Москве – протокольные визиты Благоевой, встречи и беседы с членами дипломатического корпуса, посещения дипломатических приемов в советской столице – свидетельствует о том, что наиболее оживленными были контакты с дипломатами стран народной демократии, некоторые из них являлись видными деятелями национальных компартий. Например, посол Китая входил в состав Политбюро ЦК КПК и был близким соратником Мао Цзедунa. Корейский посол в 1952 г. был назначен заместителем министра иностранных дел, но, по сообщению Благоевой, готовилось его дальнейшее повышение. Посол Болгарии откликалась на все приглашения и мероприятия посольств стран народной демократии. Вместе с тем Благоева сообщала, что, по существу, она является их дуаьеном, именно к ней обращаются за информацией или советом. (В январе 1953 г. министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский заявил членам советского правительства, что руководитель болгарского посольства выполняет роль «старосты» среди диппредставителей стран народной демократии). Особенно отчетливо проявилась эта роль Благоевой при организации торжественного поклонения перед гробом Сталина – все представительства стран народной демократии по рекомендации МИД СССР поддерживали постоянную связь с послом Болгарии. Болгарское посольство инициировало и многие общие мероприятия представительств народно-демократических стран в Москве – возложение венков к мавзолею Ленина, чествование дня рождения Сталина, проводы А.А. Громыко в Лондон, куда он направлялся в качестве посла, встреча советской делегации, возвращавшейся с очередной сессии ООН и др.

Контакты с дипломатами капиталистических стран в Москве ограничивались обязательными протокольными визитами в связи с прибытием или отъездом из советской столицы соответствующего дипломата, встречами

для постановки или выяснения того или иного вопроса по поручению правительств и приемами по случаю национальных праздников. Но и в этих отработанных протоколом «ритуалах» пробивались искры политического и идеологического противостояния. В лексиконе болгарского посла встречаются такие характеристики иностранных коллег, как представители «реакционного буржуазного общества», «отъявленные шпионы Уолл-стрита», «установленные американские агенты».

Весьма решительно реагировала Благоева на любые проявления пренебрежительного отношения к ней и посольству в целом как представителям народно-демократической Болгарии. Показателен в этом плане случай с только что назначенным английским послом, которому Благоева в январе 1952 г., по ее собственным словам, «преподала урок». Когда в условленный день и час ответного протокольного визита Благоеву не встретили, как полагает, в посольстве Великобритании, а заставили ждать, посоветовав при этом зайти к секретарю, Благоева твердо заявила, что не она, а секретарь посольства должен явиться к прибывшему с официальным визитом послу. Появившемуся, наконец, британскому послу Благоева выразила свое удивление в связи с нарушением дипломатического этикета в его ведомстве. Хозяин был вынужден извиняться за допущенную канцелярией посольства ошибку, в которой он обещал разобраться. Два дня спустя он попросил Благоеву принять его, чтобы еще раз принести свои извинения и получить заверения болгарского посла в том, что инцидент исчерпан. Благоева иронично назвала этот случай «наведением порядка в английском посольстве» и охарактеризовала его как «поступок воинствующей дипломатии, осуществленный с необходимым тактом под знаком международного протокола» в защиту достоинства болгарского представительства¹⁰.

С гордостью Благоева сообщала на родину, что в 1952 г. в отсутствие в Москве шведского и иранского послов «коммунистка и посол НРБ является дуаиеном всего дипломатического корпуса» и что спешившим представиться главам дипломатических миссий и вновь прибывшим послам капиталистических стран «пришлось» во время протокольных визитов выслушать оценки «современной роли США»¹¹.

Напряженная работа безо всякого к себе снисхождения подорвала и без того слабое здоровье Благоевой. За время действия ее мандата она несколько раз оказывалась в больнице. В 1953 г. посол отсутствовала в течение пяти месяцев, находясь сначала в больнице, а затем в санатории в Барвихе. После этого ей был рекомендован двухмесячный отпуск на родине.

30 января 1954 г. в адрес Стеллы Благоевой поступила шифртелеграмма с распоряжением передать в МИД СССР ноту об освобождении ее от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу и просьбой

болгарского правительства предоставить агреман Карло Луканову в качестве нового посла Болгарии. 9 февраля 1954 г. последовало новое распоряжение министерства: «завершите свою работу, передайте дела Русинову (Велко Русinov – советник посольства. – Р.Т.) и до 20 февраля возвращайтесь в Софию»¹². Возвращение посла Благоевой на родину, однако, оказалось неожиданным и трагичным. 16 февраля 1954 г. она скончалась в Москве в результате перенесенного инсульта. 20 февраля состоялись ее похороны в Софии.

* * *

Короткая дипломатическая карьера первой женщины-посла Болгарии в очередной раз подтверждает то самопожертвование, с которым дочь Димитра Благоева отдавалась любому порученному ей делу. Производит сильное впечатление ответственное отношение руководителя посольства к расходованию государственных средств и бескорыстное предоставление собственных средств для финансирования служебных дипломатических мероприятий. Архивные материалы свидетельствуют об активной и последовательной деятельности болгарского посла в Москве на приоритетном направлении – укреплении авторитета народно-демократической Болгарии. Результаты этой деятельности Стеллы Благоевой нельзя не признать успешными.

Примечания

- ¹ Архив на Министерството на външните работи на Република България (далее: АМВнР). Оп. 1Ап. А.е. 328. Л. 1–2.
- ² Българо-съветски отношения и връзки. Документи и материали. Т. 2. Септември 1944 – декември 1958. София, 1981. С. 364.
- ³ АМВнР. Оп. 3п. А.е. 346. Л. 234.
- ⁴ Там же. Л. 235–236.
- ⁵ Там же. Оп. 4п. А.е. 408. Л. 1.
- ⁶ Там же. А.е. 379. Л. 1–3.
- ⁷ Там же. Л. 2–5.
- ⁸ Там же. Оп. 2ш. А.е. 257. Л. 129; А.е. 258. Л. 220.
- ⁹ Там же. Оп. 3п. А.е. 346. Л. 113–115.
- ¹⁰ Там же. Оп. 4п. А.е. 378, Л. 112–117.
- ¹¹ Там же. А.е. 379. Л. 62.
- ¹² Там же. Оп. 2ш. А.е. 451. Л. 4, 8.

*А. Гребенаров
(Институт истории БАН)*

Македонское освободительное движение между Софией, Белградом и Москвой. 1919–1947 гг.*

После окончания Первой мировой войны македонское освободительное движение оказалось на «оживленном перекрестке». До подписания мирных договоров в Париже надежды его лидеров сводились к двум возможным вариантам. Первый – присоединение всей Македонии к Болгарии, и второй – в случае невозможности добиться реализации этого варианта – предоставить области статус независимого государства, контролируемого Великими державами. Об этом свидетельствуют воспоминания, заявления и требования отдельных македонских деятелей, групп и организаций беженцев в стране. Постепенно лозунг объединения с Болгарией снимается с повестки дня, поскольку в условиях, когда победители демонстрировали стремление сурово наказать Софию, он был практически неосуществим. 27 ноября 1919 г. суждено было развеяться и мечте о независимом (автономном) статусе Македонии, активно поддерживавшейся лидерами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), македонскими легальными организациями и болгарским государством. В тот день был подписан Нейиский мирный договор между Болгарией и странами-победительницами и тем самым положен конец сорокалетним иллюзиям в отношении Македонии.

После Большой войны освободительное движение оказывалось в разных ситуациях, испытывая влияние разнородных факторов. Среди них особое значение имели три государства – Болгария, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия) и СССР. Но и в этот период первостепенным государственно-политическим фактором для развития революционного и легального национально-освободительного движения македонских болгар являлась София. Это вполне естественно и объяснимо, так как деятели движения, равно как и булыжная часть населения

* Перевела Т.В. Волокитина

Македонии, являлись на протяжении многих лет носителями болгарского самосознания, языка, имен и культуры. Кроме того, после Мировой войны основной базой ВМРО являлась Пиринская Македония, территория которой находилась в границах Петричского округа ¹.

Белград и Москва оставались на втором плане. В зависимости от международной обстановки они иногда менялись ролями, выступая поочередно, как более активный фактор в отношении македонского движения. Подчас обе страны в одно и то же время выдвигали противоречивые и несовместимые требования к ВМРО. Бывали случаи, когда Белград и Москва действовали синхронно, оказывая сильный нажим на освободительное движение, а иной раз и на суверенитет болгарского государства. Подобные моменты становились особенно критическими для самого существования македонского освободительного движения, особенно если двусторонний нажим после вмешательства официальной Софии превращался в трехсторонний. Это, по существу, и привело движение к окончательной ликвидации в 1947 г.

В целом македонское освободительное движение от окончания Первой мировой войны до очередной перекройки политической карты мира по итогам Второй мировой прошло в своем развитии четыре этапа ². В значительной степени они связаны с переломными событиями болгарской истории: 1) сентябрь 1918 – июнь 1923 г.; 2) июнь 1923 – май 1934 г.; 3) май 1934 – сентябрь 1944 г.; 4) сентябрь 1944 – 1947 г. Часть этих событий переплелась с факторами международного характера, в которых Белград и Москва играли свои роли и оказывали свое влияние.

На каждом из указанных этапов македонское освободительное движение имело свои специфические проявления, резонанс от которых наблюдался не только в Софии, но и в Белграде и Москве. Единственным исключением стали годы непосредственно по окончании Первой мировой войны, когда Македония оказалась вне поля зрения Москвы. В то время Коминтерн пытался «экспортировать» пролетарскую революцию в Центральную Европу, в силу чего македонский вопрос и Балканы в целом оставались на периферии внимания коммунистических идеологов. Но вместо Москвы в те годы особую активность проявлял Белград. Югославские руководители всеми способами пытались ограничить любую деятельность ВМРО и легальных организаций, чтобы безнаказанно осуществлять собственную ассимиляторскую и денационализаторскую политику в Македонии, получившей после 1919 г. наименование Южная Сербия.

Надо сказать, что внушения югославской стороны ограничить и расформировать освободительное движение нашли горячую поддержку болгарских политических руководителей. В те годы они принадлежали

к кругам БЗНС во главе с Александром Стамболийским. Крестьянский лидер во имя дружественных болгаро-югославских отношений был готов пожертвовать правами болгар, населявших Южную Сербию, а также ограничить действия ВМРО и легальных македонских формирований в Болгарии. Подобные высказывания звучали с парламентской трибуны и в прессе. На государственные средства создавались «федеративные» македонские организации, задача которых заключалась в нейтрализации традиционных организаций освободительного движения. В марте 1923 г. в Нише было подписано болгаро-югославское соглашение, направленное против ВМРО³.

Революционная организация ответила на удар. Парируя «наказательные акции» Белграда и уступчивую политику земледельческого правительства в Софии, она приняла активное участие в подготовке переворота 9 июня 1923 г. и косвенно внесла свою лепту в устранение БЗНС от власти⁴. За несколько часов до начала событий ВМРО выступила с предупреждениями и угрозами вплоть до смертной казни в адрес болгарских государственных деятелей. Подобная политика заслуживает критической оценки, поскольку свидетельствует об отсутствии у революционных руководителей чувства реальности. Вряд ли можно считать уместным требование со стороны некой болгарской организации предоставить ей в пределах болгарского государства неприкосновенную территорию (с августа 1922 г. Петричский округ объявлен революционной зоной), а также право распоряжаться жизнью первых лиц страны, в том числе и премьер-министра А. Стамболийского. Очевидно, что в 1922–1923 гг. ВМРО позволяла себе подобные вольности, явно переоценивая свои значение и место в политической жизни, по всей видимости, в силу близких отношений с монархом, представителями военной элиты и лидерами оппозиционных партий и движений.

Буквально за считанные часы после переворота 9 июня 1923 г., положившего начало второму этапу развития освободительного движения, отношения между Болгарией и Югославией вступили в тяжелый кризис. В Белграде с трудом могли свыкнуться с мыслью, что свержение БЗНС и его лидера Стамболийского – свершившийся факт. Официальный Белград попытался добиться от болгарского правительства декларации, подтверждавшей верность мирным договорам. Попытка А. Цанкова внести на обсуждение в парламент в декабре 1923 г. вопрос о правах болгар в Македонии вызвала множество протестов и угроз со стороны Белграда. Югославские круги внимательно наблюдали за проявлениями македонского освободительного движения и реагировали по малейшему поводу. Умышленно тиражируя версию о подготовке ВМРО весной 1924 г. восстания, Белград

подталкивал болгарское правительство к арестам македонских деятелей, проживавших на территории страны. Из сербской столицы следили «искоса» и за легальными македонскими организациями. По поводу каждой более-менее острой статьи в их печатных органах следовало требование к Софии дать объяснение и закрыть соответствующую газету. Напуганные сговористы^{*} часто выполняли эти требования и давали указания о приостановке издания или конфискации отдельных номеров газет.

После июньских событий 1923 г. на другом полюсе по отношению к македонскому освободительному движению находилась Москва. В это время советские руководители отказались от идеи «экспорта революции» и направили свое внимание к Балканам. Разведывательные органы считали ВМРО надежным силовым субъектом/партнером, способным в определенных условиях воспламенить «искру пролетарской революции» на Балканах. В Москве известно и о финансовой слабости организации, и об ограничениях ее деятельности со стороны болгарских властей. Поэтому организации предложена моральная поддержка и щедрая материальная помощь⁵. ВМРО приняла предложение и весной 1924 г. временно «повернулась спиной» к болгарскому государству. Но окончательный итог переговоров для ВМРО стал негативным. В «двойной игре» с СССР и Коминтерном она потерпела провал и на какое-то время оказалась обезглавленной⁶. Острый кризис в освободительном движении привел к смене его руководящих кадров и внес новые элементы в тактические приемы вооруженной борьбы.

Следующее десятилетие характеризовалось нестихавшими атаками с целью «обезвреживания» движения и попытками вмешательства в его деятельность⁷. На первых ролях выступила Москва. По ее инициативе в октябре 1925 г. в Вене была создана дублирующая революционная организация – ВМРО (объединенная) с конкретной целью – лишить руководящей роли старую ВМРО в Петричском округе и Вардарской Македонии. Но в целом реализовать этот проект коммунистической ВМРО(о) не удалось. Искусственно созданная организация просуществовала около десяти лет, но на протяжении всего этого времени серьезного влияния не имела, а для населения ее деятельность обернулась негативными последствиями⁸.

Возникшими в македонском освободительном движении междоусобицами воспользовался Белград. После нового кризисного по характеру

^{*} Сговористы – члены образованной после 9 июня 1923 г. политической партии «Демократический сговор».

обострения отношений в январе 1931 г. между ВМРО (михайловистов) и ВМРО (протогеровистов) югославские власти начали оказывать моральную и материальную поддержку протогеровистскому крылу, руководимому Петром Шандановым, Крыстаном Поптодоровым и Пецо Трайковым⁹. В Белграде посчитали, что если нельзя подчинить себе все движение целиком, то следует нейтрализовать хотя бы часть ресурсов ВМРО (михайловистов), столкнув их не с военными и полицейскими формированиями в Югославии, а с недавними соратниками. Этот замысел действительно привел к желаемому результату: многие македонские деятели сложили головы в бессмысленных вооруженных стычках между собой.

В это время наметились существенные изменения и в позиции Болгарии. После парламентских выборов 1931 г. власти все более явно дистанцировались от деятельности ВМРО. Охлаждение усилилось вследствие нежелания революционных лидеров соблюдать негласные договоренности и действовать с учетом стратегических интересов нации. Напряжение особенно сильно проявилось в феврале 1933 г. во время Первого великого македонского собора, проходившего в г. Горна Джумая (совр. Благоевград). На этом форуме представители македонского освободительного движения выступили за создание «свободной и независимой Македонии», то есть за превращение ее в самостоятельную государственно-политическую единицу, включая все три части, оказавшиеся по решениям 1919 г. в пределах Греции, Болгарии и Югославии. Так обстояло дело до 19 мая 1934 г., когда новая власть, утвердившаяся в результате переворота, в считанные часы расформировала ВМРО. Спустя несколько месяцев власти посягнули и на легальные организации. Сообщения о предпринятых в Софии мерах с удовлетворением были встречены как в Белграде, так и в Москве, где приоритет отдавался сохранению статус кво на Балканах.

На протяжении 1934–1944 гг. освободительное движение македонских болгар ограничивалось пассивной ролью. После расформирования ВМРО в стране действовали только две малочисленные легальные организации: Македонский научный институт и Ильинденская организация. В Софии и провинции имелись остатки прежних македонских обществ/ братств. Лишенные права создавать верховный союзный орган движения, они вели анемичное существование. Некоторое оживление в рядах македонцев отмечалось в 1941 г., когда Болгария вступила во Вторую мировую войну и присоединила части Македонии к своей территории. В это время многие македонские интеллектуалы непосредственно участвовали в работе государственно-административных учреждений (в том числе и как члены правительства) или помогали их деятельности советами, рекомендациями и пр.¹⁰ В целом София контролировала эти процессы и препятствовала

самостоятельным проявлениям отдельных деятелей движения или восстановлению ВМРО и других македонских организаций.

В 1944–1947 гг. новые болгарские власти подвергли испытанию не только само дело, но и судьбы участников македонского освободительного движения. Уже в первые дни после 9 сентября 1944 г. без суда и следствия многие из них были убиты. За «фашистскую деятельность» были уволены из Софийского университета известные преподаватели – авторы исследований вопроса о болгарской принадлежности Македонии. Судебный произвол и репрессии, в сущности, являлись прямым отражением новой внешней политики страны, которая не могла отстаивать свои национальные позиции и приоритеты. В этот период Москва, исходя из собственных государственных соображений, принуждала Софию искать сближения с Белградом и всячески поощряла старую идею создания федерации двух государств¹¹.

В целях реализации «спущенной» из Югославии и СССР внешнеполитической директивы новые правящие круги Болгарии насильственно-административными методами принялись насаждать «македонизм» в качестве государственной идеологии: пропагандировали идеи о «македонской истории», «македонском языке» и «македонской нации». В 1946 г. после проведенной в стране переписи населения болгарские власти с гордостью доложили Москве, Белграду и Скопье, что в Болгарии проживают 169 444 македонца. Весной и летом следующего 1947 года дело дошло до закрытия Союза македонских братств, Ильинденской организации и Македонского научного института. Их архивы, редкие книги и множество уникальных этнографических материалов были отправлены в Скопье¹². Роспуск этих организаций явился логичным завершением сервильной политики Софии, которая не отстаивала своей собственной позиции по македонскому вопросу. А протяжении трех лет указанные организации были вынуждены воспевать «македонские» культуру, нацию и язык, а также и культурную автономию Пиринского края. В это время в Македонском доме в Софии, располагавшемся по улице Пиротска № 5, вместо македонского гимна «Взойди, заря Свободы» звучал припев:

*«Три солнца в небе светят,
Три души в одной живут.
Да здравствуют, да здравствуют
Сталин, Тито, Димитров!»*

Этот припев пережил любопытную историю. В 1948 г., когда отношения между СССР и Югославией ухудшились, имя Тито в последней строчке заменило слово «дупка» – дыра, отверстие, пропуск:

*«Три солнца в небе светят,
Три души в одной живут.
Да здравствуют, да здравствуют
Сталин, [...] дупка, Димитров!»*

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. болгарский народный фольклор вмешался еще раз, и припев приобрел следующий комический вид:

*«Три солнца в небе светят,
Три души в одной живут.
Да здравствуют, за здравствуют
[...] дупка, [...] дупка, Димитров!»*

* * *

Обобщая имеющиеся сведения, следует подчеркнуть, что отношение Белграда, Москвы и Софии к договорам Версальской системы и, в частности, к македонскому вопросу и македонскому освободительному движению было различным в отдельные периоды, что вполне закономерно. Так, например, позиции Югославии и Болгарии диаметрально противоположны. Их легко распознать, поскольку они сводятся к выступлению «за» или «против» статус кво. Обе стороны имеют постоянные проблемы в общении и попытках установить взаимопонимание, поскольку их внешнеполитические интересы в отношении Македонии принципиально несовместимы. В рассмотренные десятилетия Югославия никогда не шла на компромисс по македонскому вопросу. Она защищала границы и население Вардарской Македонии от влияния Болгарии и македонского освободительного движения, пытаясь изменить менталитет, язык, национальную идентичность и культуру местных жителей, называя их «чужными сербами».

Второй субъект в этом своеобразном «треугольнике» – Москва – в указанное время не была постоянна в своем отношении к Версальской системе. И если до конца 20-х годов она желала «скорейшего» разрушения ее «до основания», то в последующие годы стремление Кремля сводилось к сохранению статус кво. Это объясняло и перемену его отношения к ВМРО после 1924 г.

Более сложным представляется отношение болгарского государства к Македонии и македонскому освободительному движению. За исключением отдельных моментов потепления болгаро-югославских отношений, в целом Болгария не могла поддерживать в долгосрочном плане насильников и оккупантов исконно болгарских земель. Однако проблемы Болгарии

как страны, потерпевшей поражение в войнах первой трети XX столетия, заставляли правящие круги сообразовываться с реалиями. При этом в ряде случаев, стремясь получить благословение Белграда, а после 1944 г. и Москвы, они не демонстрировали самоуважение и национальное достоинство. По причине страха и комплексов болгарское руководство не боролось за паритет, взаимные уступки и собственную позицию в отстаивании исторической истины, когда шла речь о прошлом и актуальных требованиях македонских болгар.

Само македонское освободительное движение после войн и переворотов также не смогло найти себя и адекватно, в соответствии с новыми временами, в которых не было места гайдуцким подвигам, изменить свои программы, идеологию и цели. В силу ряда причин в целом ему не удалось стать полезным партнером болгарского государства и действовать сообща. Оно столкнулось также и с общественным порицанием за те десятки жертв, которые стали прямым следствием бессмысленных внутренних организационных междоусобиц. Находясь под наблюдением военных и разведывательных центров балканских стран и Великих держав, движение постепенно замерло и стало фактом истории, оставив о себе противоречивые воспоминания и «шрамы» в душах нескольких поколений болгар.

Примечания

- ¹ Тюлеков Д. Обречено родолюбие. ВМРО в Пиринско. 1919–1934. Благоевград, 2001.
- ² Палешутски К. Македонското освободително движение след Първата световна война (1918–1924). София, 1934 *Его же*. Македонское освободительное движение. 1924–1934. София, 1998; Гребенаров А. Македонските легални и тайни организации на македонските бежанци в България (1918–1947). София, 2006.
- ³ Василев В. Правителството на БЗНС, ВМРО и българо-югославските отношения. София, 1991.
- ⁴ Баждаров Георги (Джонев А.). Спомени. София, 2001. С. 114–118.
- ⁵ Гришина Р.П. Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве. 1922–1924 гг. (По документам российских архивов) // Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 178–198; БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946) // Архивите говорят. Т. 4, 5 / Съст. Билярски Ц., Бурилкова И. София, 1998; Македонский вопрос в документах Коминтерна. Том I. Часть I. 1923–1925 гг. / Сост. Жила Л., Поповски В. Скопје, 1999.
- ⁶ Гребенаров А. ВМРО и СССР – сближение с предизвестен край (1923–1924) / България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2009. С. 346–358.
- ⁷ Македонский вопрос в советской внешней политике (1922–1940 гг.). Документы / Сост. Поповски В., Жила Л. Скопје, 2008.

- ⁸ *Добринов Д.* ВМРО (обединена). София, 1993.
- ⁹ Извори за българската история. Т. XXVIII. Чешки и словашки извори за българската история. Т. III. София, 1994. С. 187; *Тодоров К.* Изповедта на една луда балканска глава. София, 1994. С. 336–340; *Петар Шанданов.* Спомени (Ред. Тодоровски З.). Скопје, 2002. С. 253–254.
- ¹⁰ *Гребенаров А.* Македонските легални и тайни организации... С. 268–290.
- ¹¹ *Даскалов Г.* Българо-югославски политически отношения. 1944–1945. София, 1989; *Лалков М.* От надежда към разочарование. Идеята за федерация в Балканския югоизток (1944–1948). София, 1994.
- ¹² Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952 г.) // *Архивите говорят.* Т. 31 / Съст. Ангелов В. София, 2004; Македонският научен институт (1923–2008). Документален летопис / Съст. Гребенаров А. София, 2009.

А. Златева

(Институт истории БАН)

Соппротивление болгарских творческих союзов внедрению советского опыта (1946–1953 гг.)*

«Время, в которое мы живем, если рассуждать трезво и реалистично, возможно превышает то, что может вынести чувствительная душа человека. Время как страшный и жестокий ветер сметает и стирает знаки и приметы, выглядевшие вечными и неколебимыми. Может быть нам плохо, может быть мы не согласны, но лекарства от этой болезни нет. Это – тот ветер, ветер перемен, без чего ни человек, ни сама жизнь существовать не могут»¹. Мысль писателя К. Петканова, высказанная более 60 лет назад, актуальна и сегодня. В ней кроется мудрость круговорота жизни, который действительно превращает в пепел и как будто безвозвратно поглощает сокровенные и обычные вещи, символы целых поколений. Вновь приходящие подходят к ним с другими критериями, оценивают их иногда очень избирательно, что ведет к неверному и неполному представлению об эпохе и прошлых событиях, особенно когда в толкование исторических фактов и документов исследователи впускают конъюнктурные соображения, забывая пророческие слова большого политика и государственного деятеля Драгана Цанкова: политика минуты не может изменить истории².

Открытие в последние годы архива ЦК БКП дает возможность осветить и детализировать ряд моментов новейшей истории Болгарии в указанный в названии статьи период, драматический для болгарского народа. В историографии был сделан ряд успешных попыток дать целостную характеристику кардинальных перемен в духовной сфере и культурной политике партии-государства, наступивших после Шклярской Порембы. Но в опубликованных исследованиях в области искусствоведения или истории самостоятельные работы на предлагаемую тему отсутствуют³.

* Перевела Р.П. Гришина

Процесс внедрения сталинской модели в область культуры через реализацию ждановских постановлений 1946–1948 гг. прошел условно через четыре этапа. В ходе каждого из них происходили метаморфозы, которые болгарская творческая интеллигенция должна была пережить.

Первый этап – этап «вихря» – начался осенью 1946 г., когда в Болгарии впервые узнали о постановлениях ЦК ВКП(б) по культурным вопросам: о журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа); «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и «О фильме «Большая жизнь» (4 октября). Постановления породили в среде болгарской интеллигенции двойственные чувства, особенно в связи с обвинениями против известных и уважаемых у нас советских творческих работников⁴. Большинство болгарских интеллектуалов оставалось в убеждении, что буря разыгралась далеко и не затронет болгарскую культуру, потому что БРП(к) и лично Георгий Димитров все еще умело осуществляли тактику толерантного отношения к плюрализму в сфере культуры. Они поддерживали открытие восстановленной в рамках политики ОФ Палаты народной культуры (КНК) как общественно-государственного органа с целью непринужденного воздействия на болгарских художников в духе толерантности, взаимоуважения, критичности и традиционных связей с деятелями культуры всех стран⁵. Палата превращалась в общий координационный центр отмеченных вниманием новой власти семи творческих союзов: болгарских писателей (СБП), артистов (САБ), художников (СХБ), журналистов (СБЖ), архитекторов (САБ), деятелей кино (СФД), композиторов, музыковедов и концертирующих артистов (СКМКА)⁶. По предложению первого председателя КНК Александра Обретенова по всей стране стали создаваться «Клубы искусства и науки», вокруг них группировались местные силы, «независимо от идейных убеждений», для честной борьбы против фашистских взглядов, шовинизма и национализма в духовной сфере⁷.

В то же время, несмотря на явно выраженное недовольство болгарских интеллектуалов, началось посягательство на цели и традиционные демократические формы управления творческими союзами. Началась замена их новыми для нас, но «прекрасными и испытанными в советской культурной жизни образцами», оказавшимися, к сожалению, совершенно неподходящими для болгарских условий. В качестве главного художественного метода как «единственно возможного и созидательного» все настойчивее указывался метод социалистического реализма⁸. С помощью образованной при ЦК БРП(к) Комиссии по контролю творческих союзов и партийных организаций при них началось обследование союзов; их члены подвергались взысканиям за «инакомыслие», выраженное в «группов-

щине», которая «тормозит обновление культуры по социалистическому типу», понимай – по советскому образцу⁹.

В защиту болгарской духовности, культурных деятелей и традиций выступил искусствовед Н. Мавродинов. В монографии «Новое болгарское искусство», вышедшей в 1947 г., он смело заявил: новое искусство должно быть реалистичным по содержанию и национальным по форме; многие наши молодые и зрелые мастера создают произведения оригинальные по форме, и им незачем менять форму своего искусства, но надо сделать его более реалистичным по содержанию, ощущать пульс новой жизни»¹⁰.

Второй этап – этап «тряски и ливней» – начался в конце 1947 г. и продолжился до V-го съезда БРП(к) (декабрь 1948 г.). В это время все настоятельнее пробивала себе путь идея основательной реорганизации сферы культуры с целью централизации власти и изъятия большей части управленческих приоритетов у местных художественных звеньев вплоть до полного «добровольного» самороспуска неудобных для новой власти неказенных организаций¹¹.

Символом этого этапа может послужить созданный по подобию ВОКСа Комитет по делам науки, искусства и культуры (КНИК), ставший основным инструментом осуществления решений партии в духе постановлений ЦК ВКП(б)¹². Новый институт начал играть главную роль в разработке болгарских вариантов подобных решений в период 1948–1952/53 гг., готовившихся под прямым руководством Вьлко Червенкова, и применении их на практике. Выступая перед работниками КНИК в конце 1949 г., он лично давал конкретные указания по поводу будущих «обязательных» форм работы. Среди них – «бескомпромиссная борьба со всеми разновидностями буржуазной идеологии, решительный бой в случаях контрабанды на идеологическом фронте, бдительность в борьбе с низкопоклонством – используя все средства и в непрерывной атаке!»¹³.

Сигнал был дан. Он пришел незадолго до публикации последнего ждановского постановления от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» Ваню Мурадели по либретто Георгия Мдивани и ее порочности в музыкальном и сюжетном отношениях. В ходе обсуждения постановления, которое КНИК потребовал провести во всех творческих союзах, проявилась и утвердилась в качестве элемента болгарской матрицы беспредельная любовь и верность Советскому Союзу и коммунистической партии, однозначные с преданностью БКП¹⁴.

Так начался нелегкий переход от толерантности по отношению к некоммунистической части интеллигенции и к западной культуре в сторону безусловного и всеобщего принятия советских оценок во всех областях жизни, в том числе в области искусства и литературы. Конец 1947 – на-

чало 1948 г. стало временем больших «за» и «против» советского опыта в жизни творческих союзов и «впихивания» творцов в матрицу Жданова, временем последнего глотка воздуха и последней отчаянной попытки достойного сопротивления убийственной серости и обезличиванию интеллигенции¹⁵. Толерантное, благородное и честное соревнование между творческими личностями было неактуально и неудобно для Москвы. Не без согласия и помощи Кремля – неофициально, но реально – Г. Димитров вытеснялся В. Червенковым на второй план.

Режиссируемая компартией «борьба снизу» началась с морального уничтожения личностей и талантов при использовании всех властных рычагов и способов административного воздействия. Высказывания В. Червенкова не оставляли сомнений в отношении предстоящих перемен в области болгарской культуры, и часть нашей интеллигенции быстро настроилась на новую волну, приспособилась к ситуации в соответствии с указаниями партии. Другая часть, тревожась и колеблясь из-за намеков властей и гильдии о наличии «в их биографиях буржуазных, черных пятен», предпочла ждать развития событий. Лишь меньшинство творцов, таких как Иван Руж, Л. Пипков, Г. Гочев, Н. Мавродинов, Н. Лилиев, Ал. Жендов, открыто выступили против принятых порочных решений. Обескураживающим, к сожалению, стал «личный пример» бывшего председателя КНК архитектора Ал. Обретенова, эрудита, получившего образование в Вене, который еще в конце 1947 г. успешно защищал политику толерантности в отношении интеллигенции и равного внимания к разным культурам¹⁶. Выдвинутые в Шклярской Порембе «боевые» лозунги, прямой партийный нажим и посягательство на саму Палату, наверное, разочаровали и морально сломили его, но за свою физическую и профессиональную сохранность ему пришлось заплатить очень дорого – унижением собственного достоинства. На должности одного из заместителей Червенкова в КНИК, демонстрируя исключительно удачный образец «перестроившегося творца», он все чаще стал выполнять роль партийного рупора. В ряде статей и вышедшей в 1949 г. книге «Буржуазная и социалистическая культура» Обретенов, изъясняясь в стиле и языком партийных документов, превратил эти культуры в антиподы. Противопоставив их, он утверждал, что борьба между ними неизбежна, ибо она провоцируется самой их сущностью и является одной из форм «грандиозного поединка» между двумя лагерями¹⁷.

Плодом такого вмешательства в борьбу между лагерями стало участие творческих союзов в «воинствующей пропаганде мира»: направление открытых писем-воззваний коллегам в Западной Европе и США¹⁸. В них они призывали к «непримиримой борьбе за мир» и признанию завоеваний Болгарии Отечественного фронта в области культуры. Таящие скрытую

угрозу, искусственно патетичные и назидательные, письма были составлены целиком в духе ждановских постановлений – шаблонным языком, без тщательного отбора выразительных средств. Позже такие откровения вообще стали мерой верности партии, готовности служить идеям марксизма-ленинизма, пропаганде документов ЦК ВКП(б). Круг добровольных авторов подобных «теоретических исследований» весьма расширился с середины 1948 г. В него включились такие известные в болгарском культурном пространстве художники, как Б. Райнов, Кр. Кюлявков, П. Зарев, Ст. Ц. Даскалов, Ст. Каракостов, Л. Белмустаков, Св. Босилков, Г. Попов и др. По этому поводу писатель Светлозар Димитров (Змей Горянин) в эпиграмме в журнале «Текущая политика» печально констатировал: *«Не только в двух полушариях два лагеря образовались, но и в маленькой Болгарии тоже. Один воинственно ревет о классах и надстройках, другой же тягостно молчит на нивах и на стройках»*¹⁹.

В отчетах двух крупных партийных организаций – Союза художников и Союза писателей Болгарии, несмотря на приподнятый тон и констатации того, что решения ЦК являются «долгосрочной программой их деятельности», проглядывает сопротивление навязываемому «советскому жизненному ритму» и опыту, требованию ускоренного и «быстрого процесса его усвоения». Показательны примеры непокорности партийным попыткам подавить все еще существовавшие демократические традиции: в 1948 и начале 1949 гг. в ходе нескольких очередных творческих дискуссий их участники высказывались в защиту свободного, реалистического и демократического искусства и против тотального насаждения советского опыта в практической работе²⁰.

Даже и позже, например, в ходе годовичного отчетного собрания СХБ (27–28 февраля 1949 г.) вопросы к докладчику Ал. Обретенову, тогда заместителю председателя КНИК, имели характер дискуссионных. Все еще открыто критиковались ошибки руководства новых институтов в организационном, структурном и художественном плане. Проявлялось недовольство подбором кадров и профессиональной подготовкой назначенных референтов, слабостью их связи с организациями. Следствием этого виделась опасность игнорирования руководства союзов при разработке важных перспективных и нормативных государственных документов (культурных конвенций, квартальных планов и пр.). Выражалось недоумение отказами, которые накладывал КНИК на положительные решения СХБ, когда западные коллеги приглашали восстановить членство союза в международных творческих объединениях или участвовать в художественных выставках, бисеннале, что вело к тотальному разрыву традиционных добрых взаимоотношений между ними.

В ходе отчетного собрания выражалось также сомнение относительно советской выставки в Болгарии, возводимой в культ и указывавшейся как «образец советского изобразительного искусства и метода социалистического реализма», открытой в январе 1948 г. Одновременно звучали высказывания в защиту открытой тогда же французской выставки, разгромленной услужливыми критиками-конъюнктурщиками. Главный докладчик Ал. Обретенов в конце оживленных и острых дебатов вынужден был признать, что в работах четырех советских художников действительно просматриваются формализм, натурализм, черты импрессионизма и других отрицательных явлений. При этом он поторопился примирительно добавить, что, по его личному мнению, в творчестве болгарских художников необходимо не только «сохранить национальный характер, но и влить в него новое, социалистическое содержание». Руководитель КНИК призвал художников «прекратить беспринципную фракционную борьбу» и сплотить «здоровое ядро» для создания такого нового искусства.

Приведенные факты свидетельствуют об обоснованном, «сильном и упорном» сопротивлении болгарских творческих работников попыткам отнять у них свободу личного мнения и выбора²¹.

Наступление на традиции союзов и свободу творческого выражения набирало темп под контролем партийных организаций. Они намечали мероприятия по общему политическому и идейно-эстетическому «обучению» членов союзов. В СХБ, кроме «неориентирующихся» и «неперестроившихся» буржуазных деятелей, представителей «декадентской» и «салонной» живописи (скульптор А. Николов, Ал. Мутафов, Ел. Консулова-Вазова, Ел. Карамихайлова, Б. Денев, Г. Машев, Хр. Каварналиев, П. Францалийски, Вл. Рилски, Н. Маринов, Ив. Табаков и др.), было выделено еще две группы художников, выступавших публично. Во-первых, это «великоболгарские шовинисты» – члены СХБ или оставшиеся вне его (профессора В. Захариев, Н. Ганушев, Н. Кожухаров, уволенные из Академии художеств, а также художники А. Калычев, Ем. Ракаров, Ст. Баджов, П. Морозов, М. Пулиев и др.). Во-вторых, «близкие врагов народа», уличенных в чем-либо Народным судом 1945 г., или фигурантов последовавших затем политических процессов (среди них В. Лулчева – племянница Косты Лулчева, Б. Винарова – жена «буржуазного историка» Симеонова Радева, Е. Спасова – по процессу Тр. Костова и др.).

Важным шагом к «серьезной переориентации» интеллигенции стало открытие 20 октября 1946 г. в Софии центрального Клуба деятелей культуры (ККД) при КНК, приуроченное к встрече со скульптором В. Мухиной и поэтом А. Твардовским и с работавшими в Болгарии советскими специалистами. В средствах массовой информации началась кампания

с тематическими статьями и комментариями о будущем болгарской культуры, каковая должна «неуклонно следовать испытанным советским образцам»... Можно сказать, что именно тогда представители художественной интеллигенции реально познакомились с полным текстом решений о советских творческих организациях²² (в отличие от комментариев, составленных из перепечатанных цитат). Стало ощутимо, как тенденция постепенности перехода к марксистско-ленинской идеологии в области культуры будет заменяться активным диктатом, «пришпориванием» творческих деятелей и их союзов и все более неприкрытой политизацией всей их деятельности²³.

Третий этап – «сталинское цунами» – охватывает период с 1949 г. до середины 1953 г. Своего апогея он достиг в судьбоносном 1950 г. после январского пленума ЦК БКП. В жизни творческих союзов этот этап характерен переходом к всеобщему и безусловному подражательству и восприятию советского опыта. В соответствии с решениями V съезда БКП (декабрь 1948 г.) советский опыт стал фетишем с обязательным символом-определением в виде превосходной степени «наивысший». Началось буквальное копирование формы, содержания и даже выражения советских решений. Как эхо повторялись установки и резолюции проводимых в СССР форумов и съездов, разрушавшие традиционно демократическую атмосферу в болгарских творческих союзах и все еще сохранявшуюся в них известную толерантность²⁴.

Четвертый этап охватывает время с 1953 г. до конца 1950-х гг. В нем после ждановского «цунами» нашли свое место последние «мертвые течения». Они забирали свои жертвы в науке, искусстве и литературе, как в Советском Союзе, так и во всех народно-демократических странах, даже после смерти Сталина и прошедших в 1956 г. XX съезда КПСС и болгарского апрельского съезда²⁵.

На каждом этапе болгарской творческой интеллигенции и ее союзам пришлось переживать мучительные метаморфозы. Для интеллигенции интенсивность заботливо подготовленных партией политических «взрывов» на разных этапах была различной, но сразу после V съезда она стала нарастать быстрыми темпами. Для многих творческих деятелей 1949 год оказался *моральной границей между сердцем и разумом*²⁶, порогом за которым идеология отрицает идеалы.

Имели ли болгарские творческие работники право на выбор собственного пути, если вступали на него «по-сталински», «единодушно» приняв метод социалистического реализма как ключ к «сияющим вершинам всепобеждающей советской культуры» и с верой подняв родной триколор? Категорически НЕТ, потому что после длительной увертюры перехода в

новую общественно-политическую обстановку это был «единственно возможный победный путь», указанный и принятый руководящей партией. В соответствии с решениями V съезда БКП с 1949 года в Болгарии был задействован сложный механизм ждановской матрицы, на основе которой страна безапелляционно, последовательно и упорно продвигалась к главной цели – сконструировать в духовной сфере «новую, верную, ориентированную в партийном духе» и ... унифицированную интеллигенцию; советский опыт, принимавшийся беспрекословно, стал фетишем и обязанностью. Тем не менее в организациях случались и негласные столкновения между утверждавшимися новыми «флагманами» культурного фронта, лакейски обслуживавшими политику партии, и защитниками болгарских демократических традиций и болгарские достижения в культурной сфере²⁷.

* * *

Как, какими путями и методами происходило внедрение советского опыта в область культуры?

Во-первых, в уставы художественно-творческих союзов стали вноситься изменения, вначале косметическими методами, но затем под давлением сверху в разделах, посвященных *целям и задачам*, появились принципиальные новшества, которые не соответствовали болгарским условиям, в том числе традиционной автономности профессиональных объединений. Все это вызывало серьезное недовольство членов старых организаций, доходившее до конфронтации между отдельными группировками в них. В справках, направлявшихся парторганизациями союзов в ЦК БРП(к), указывалось на наличие в союзах лиц, которые устранились от следования новой линии партии, проявляют склонность к грубой партийной групповщине, остаются на позициях «своего застывшего эстетизма»²⁸.

С ними негласно солидаризировались художники, принявшие в качестве формы протеста против политизации искусства «заворачивание в кокон», что корифеи болгарского искусства также считали видом сопротивления против утвержденного постулата о «жизненной необходимости» признать руководящую роль партии в культурном процессе²⁹.

Быстро проведенными изменениями союзы были преобразованы в бесконфликтные орудия власти – это облегчало партии не только контроль, но и вмешательство в творческий процесс и профессиональную деятельность союзов. Коррекция целей союзов происходила параллельно с другими изменениями, проводившимися под партийным давлением и нередко состоявшими в дословном заимствовании готовых установок. Возобладала практика, когда КНИК определял, а союзное руководство только под-

тверждало принятые решения; при этом общее собрание – ведущее звено в творческих организациях превращалось для власти в своеобразную завесу перед лицом общественности. В конце 1948 г. с целью непосредственного контроля за интеллигенцией и в помощь КНИК был образован при ЦК БКП сектор «Искусство и культура», располагавший огромными полномочиями в деле «эффективной реализации решений партии». В нем должно было заглухнуть любое проявление общественного недовольства, а также все рефлексии вины за это³⁰.

Во-вторых, совершенная подмена узаконивала введенную организационно-административную структуру советского образца, имевшую тяжеловесные и неэффективные в наших условиях двухступенные руководящие органы и якобы более демократические условия членства в союзах. «Добровольная» реорганизация происходила вследствие искусственного и необоснованного укрупнения союзов, требуемого КНИК под предлогом необходимости расширить их социальную – «народную» базу в противовес «чуждому буржуазному академизму». Нововведения осуществлялись через массовый прием новых членов – студентов, ученых-самоучек и даже непрофессиональных любителей (СХБ, САТС и СКМКА); а также через включение технического и вспомогательного персонала в творческие объединения (САТС) или через «добровольное» слияние родственных по характеру деятельности, но разных по существу организаций (СКМКА и САТС) с Союзом работников общественно-политических учреждений, что вело к превращению их из творческих организаций в чисто профсоюзные коллективы, к которым «пришивалось» подходящее название – служащие. Таким образом они попадали под двойное подчинение: во-первых, со стороны КНИК с точки зрения идейно-художественной и, во-вторых, со стороны Всеобщего рабочего профсоюза (ОРПС) с организационной точки зрения, притом не как автономии, а только как организационные звенья. Все это вело к ускоренной и неприкрытой политизации деятельности САТС и СКМКА.

Размывание существа творческих союзов способствовало обезличиванию и принижению их роли и значения, их чрезвычайно специфической деятельности в духовной сфере³¹.

Конец «войне докладов и мнений», разгоревшейся между творческими союзами, с одной стороны, и государственными органами, с другой, был положен Предложением КНИК от 7 декабря 1950 г., внесенным в ЦК БКП и позже утвержденным в качестве партийного решения³². Правда, некоторые крупные и сильные организации, благодаря длительному сопротивлению, все-таки уцелели. Среди них Союз писателей и Союз художников, а вследствие специфики деятельности его членов и Союз композиторов.

Артистический союз – эту традиционно самую боевитую организацию, с ее активной творческой и гражданской позицией – руководящая партия вплоть до 1965 г. удерживала в орбите ОРПС и Всеобщего профессионального союза работников искусства, созданного по советскому образцу (РАБИС)³³. Все это было сигналом для «добровольного самороспуска» независимых творческих организаций, существовавших вне списка КНИК: они точно по уставу ВОКС не имели права на существование «из-за неэффективности и свободомыслия своих членов».

Новые общественно-политические задачи, которыми партийное руководство все чаще стало нагружать казенные творческие союзы, как и навязываемые сверху новые изменения приводили к потере эффективности в работе громоздкого и без необходимости усложненного руководящего аппарата, к быстрому произрастанию бюрократизма.

Но копирование советского опыта имело до некоторой степени и положительные стороны. Так, ЦК поддержал руководство художественных организаций в деле создания секций, которые не вписывались в традиционную для творческих союзов структуру, и на практике разделение творческих деятелей по интересам происходило в форме создания отдельных клубов, объединений, задруг, союзов и пр.³⁴. Благодаря секциям чрезмерно разбухший персональный состав союзов не только смог дифференцироваться, но его члены получили возможность для лучшей и более глубокой профессиональной специализации. Хотя, нельзя не отметить, пунктуальное копирование вело к ненужному дублированию родственных по целям и задачам секций, учрежденных в каждом союзе. Членами в них из-за ограниченности числа специалистов у нас, как и из-за специфики их деятельности, часто являлись одни и те же люди (например, в секциях «драматургов», «сценаристов»). Таким образом, происходило не только личностное, но и творческое «раздробление» наиболее активной части членов союзов.

Формировались также «кабинеты молодых творческих работников» – писателей, концертирующих инструменталистов или артистов. «Кабинеты» создавались в качестве нового структурного звена для молодой творческой интеллигенции, что, однако, имело свой негатив: «прикрепление» молодых к творческим союзам в качестве обучаемых, а не состоявшихся художников, противоречило союзным уставам. Неудачным оказался и проведенный по советскому образцу в начале 1950-х гг. эксперимент по внедрению в болгарскую практику такой формы, как Дом кино (Постановление СМ № 91 от 31 января 1952 г.) Жизнь этой «добровольной творческой организации» оказалась короткой (с 12 июня 1952 по 10 мая 1954 гг.), показав, насколько чужда, непопулярна и неэффективна у

нас такая модификация творческого объединения. При содействии свыше и при субсидиях в 420 тысяч левов новоучрежденный Дом кино, вытеснив из жизни и сферы культуры десятилетиями существовавший известный Союз деятелей кино в Болгарии, не сумел ни увеличить свой состав, ни добиться творческих успехов³⁵.

Преобразования в обоих случаях производились административно – путем «самороспуска» руководства прежних литературных кружков на местах или по решению ЦК БКП и Совета министров. Архивные документы свидетельствуют, что «нововведение советских коллег» болгарские творческие деятели воспринимали трудно, не только считая это посягательством на традиционную, давно утвердившуюся форму в виде кружков, но и из-за очевидного снижения критериев при приеме кандидатов, когда большее значение приобретала политическая ориентация молодых людей, а не доказанные талант и умение. «Новое звено» сильно напоминало коллективы художественной самодеятельности, и это не могло не задевать чувство профессионализма у членов союза, будило их беспокойство из-за насаждения партийных пристрастий в организации.

Кроме того, большинство членов союзов не приняло практику КНИК спускать для обсуждения в творческих организациях уже принятые им и официально утвержденные документы о важных мероприятиях, чествованиях и т. п. в национальном культурном календаре, что не имело прямой связи с болгарскими традициями. Задетое честолюбие деятелей культуры становилось поводом для открытой критики и заявлений типа: КНИК «сильно вмешивается в дела союзов». Особое недовольство вызывало «тихое присваивание» специзданий редакциями, состоявшими из дружеских или идейных кругов, близких к КНИК или ЦК БКП. Объяснение было простым: от решения вопросов – кто и как определяет характер и содержание творчества, тематику, стиль и даже форму произведений, реально зависело и кто получит не только контракты, деньги и моральное удовлетворение, но и общественное признание со всеми его благами, которые может предоставить новая власть. Именно из-за этого обострилась борьба между отдельными группами в Союзе художников – «весьма разноликом и бунтарски настроенном», а на передний план вышла новая структурная единица – «Экономический комитет»³⁶. Руководство комитета, назначенное КНИК, быстро усвоило новые правила, формы и методы работы среди художников, строго выполняя основную задачу – прямой контроль за художниками и завуалированный экономический нажим на них.

В высших эшелонах власти прекрасно знали, что для безотказного действия новой структуры важна работа каждого, даже самого маленького на первый взгляд винтика, целенаправленно превращенного партией в

рычаг власти и принуждения. И такие рычаги были использованы в работе партии с творческими работниками. Обсуждавшееся в ЦК БКП постановление Совета министров, которым СХБ обязывался оформлять все национальные праздники, торжества, чествования, ярмарки, выставки в стране, было принято в марте 1949 г., и таким образом Союз монополизировал художественную работу для своих членов. Но это означало расширение полномочий Экономического комитета, который превратился в единственного официально уполномоченного распорядителя художественной работы в Софии и во всей стране. Через него легче было наблюдать и контролировать.

В организационном плане Экономический комитет (в документах 1949–1950 гг. именовавшийся Экономическим советом), приложив большие усилия, сумел реализовать несколько важных программ, связанных с социально-бытовыми проблемами художников: объявлялись конкурсы и проводились финансово обеспеченные заказы на памятники, посвященные болгаро-советской дружбе, бюсты партийных и государственных руководителей, героев Сопrotивления. При содействии народного совета Софии были выкуплены произведения нуждающихся художников – Владимира Димитрова-Майсторы, Йордана Гешева и др. Совет организовал и несколько выставок больных художников (З. Бояджиев, Н. Танев и др.). СХБ ходатайствовал перед Народным собранием о назначении народных пенсий заслуженным художникам, предоставлении им жилья или ателье. В 1948 г. художники участвовали в 15 выставках, в том числе 7 в провинции (Русе, Варна, Сливен, Ст. Загора, Бургас, Враца, Дупница), в 11 национальных акциях и почти 20 конкурсах. С 1 января до 15 сентября 1949 г. члены СХБ обслужили 18 крупных национальных акций, для чего было привлечено 668 художников, 93% из них – от Софии и только 7% от провинциальных групп. Более того. При подготовке Пловдивской ярмарки в оформлении 11 палат участвовало 107 художников, из них лишь из Пловдива 18, а на выборах народных советников и судебных заседателей 15 мая 1949 г. «на помощь» в города Марек, Самоков, Пазарджик были направлены из Софии специальные бригады, что вызвало недовольство местных организаций, острые споры и даже обсуждение работы «ярмарочной группы» в СХБ. В избранный в феврале 1948 г. новый Управительный совет Союза во главе с С. Сотировым были определены двое (Преслав Кыршовски и Петр Младенов) в качестве ответственных за деятельность Экономического совета – в отличие от обычно одного представителя в других секторах. Обсуждался вопрос и о большей прозрачности и контроле за его решениями, на которые, по мнению членов Союза, оказывают влияние «сильные мира сего»³⁷.

Однако в идейно-художественном отношении деятельность Экономического совета и партийной организации стала более тесно переплетаться в главном деле — давать направляющие указания руководству Союза. Умело использовалось обстоятельство, что допущенная до выполнения «партийных поручений» большая и весьма разнородная членская масса якобы тормозит профессиональное развитие Союза.

Сообщение о новой «творческой чистке» в СБХ пришло одновременно с важными решениями в связи с начавшимися в Болгарии политическими процессами. Для определенных кругов обсуждение контрактов именно в Экономическом совете, а не в специализированных секциях Союза было хорошим условием для устранения из организации неудобных партийных и личных оппонентов. И не случайно в списках «предназначенных» в 1949 г. к чистке людей оказались имена выдающихся, признанных в мире деятелей; они не участвовали в XXI Общей художественной выставке, не признавали проведенных «судов чести» и других политических мероприятий СХБ. Их-то и предложили исключить из организации. В отчетном докладе Союза за 1949–1950 гг. Экономическому совету, произнесенном «надежным советским воспитанником» Л. Белмустаковым, специально подчеркивались «громадные усилия по созданию молодежной художественной критики», которые приложили для этого Б. Райнов, В. Иванов, С. Босилков и И. Керезиев. Еще во время обсуждения вопроса о конкурсах руководство СХБ, почти всем составом, отвергло большинство мнений «новых критиков», хотя их приняли члены Совета. Сам тот факт, что в трудный переходный период он единственно мог официально делать прямые заказы, обеспечивая таким образом жизненно необходимые для художников средства существования, утверждало его имидж как «судьбоносного института» и превращало в небольшой, но крайне важный винтик большой машины власти и управления, определявший «правильное направление» в искусстве по указке партии³⁸. Оценивая его возможности, ЦК БКП отметил его в проекте документов V съезда БКП, т. е. определил на будущее его место, роль и прерогативы в системе творческих союзов. В 1950-е годы партия умело превратила Экономический совет в троянского коня внутри творческих организаций³⁹.

В-третьих. Началось буквальное копирование советских постановлений и решений по форме, содержанию, языку и стилю. В них как эхо повторялись документы проведенных в СССР форумов и съездов. Новые формы и методы работы не предлагались, а внедрялись сверху. Так, ЦК БКП, реализуя испытанные советские образцы, провел серьезные кадровые изменения в творческих союзах. Под контролем ЦК БКП союзы и их партийные организации готовили собрания, обсуждали статьи и доклады,

посвященные отдельным частям «ждановских» постановлений – методу социалистического реализма, сущности воинствующей партийности, развитию марксистской критики и самокритики, пагубному влиянию формализма, космополитизма и декадентства на искусство и др. Все настойчивее в творческой жизни интеллигенции (конференции режиссеров, актерские курсы, конференс, театральные ревью, публичные и творческие обсуждения, музыкальные концерты) воспроизводились указанные постановления. Согласно отчетам, успешными считались мероприятия «ждановского типа», в которых обретала жизнь ненужная грандомания и показуха. Столичная богема считала, что наступает время «красных чернил».

Это был шаг к унификации и обезличиванию, потере корней в гонке за огромными по масштабам химерными целями. Здесь не было собственных идей. Буквальное же копирование принятых в советской практике образцов являлось обязательным и официально считалось проявлением высокой эрудиции и оригинальности в ... переписывании. В творческих кругах с удовольствием и ехидством повторялась эпиграмма Змея Горыныча: прочтя стихотворение, восторженно сказал – он молодец, хранит он свято поэтов наших, ворует только у советских ⁴⁰.

«Верные коммунисты» упорно искали и с готовностью расправлялись с произведениями современного искусства – от импрессионизма до современности, с их авторами, «дерзнувшими выступить против или хотя бы усомниться в самом верном и самом прогрессивном художественном методе – социалистическом реализме»; и организовывали назидательно-показательные процессы в виде «всеобщих обсуждений», а фактически – моральной расправы с творческими работниками. С помощью «плеяды» «новых, верных и уже обученных сталинцев» гораздо легче было единогласно принимать партийные постулаты, облаченные в государственные решения, главный из которых гласил: «по-настоящему большое искусство можно творить единственно и только методом социалистического реализма». В качестве примеров указывались произведения из серого и однообразного потока строго академическо-фотографического формата. Патетично и без критики следовало отражать «светлую жизнь созидательной социалистической действительности» ⁴¹. Соответствующие мероприятия проводились во всех союзах, особенно впечатляющие – в СБХ. Руководство планировало выставки – союзные, коллективные, частные (в провинции – две областные (передвижные) и шесть групповых). Организовывалось множество художественных выставок, посвященных достижениям изобразительного искусства в братских странах: СССР (общая), Венгрии (искусство, народное творчество, политика), Чехословакии (графика), Румынии (общая), Польши (прикладная графика: детская и ху-

дожественная литература), а также тематические выставки, посвященные политическим событиям (жизнь и деятельность Г. Димитрова, годовщина Сентябрьского восстания 1923 г., месячник болгаро-советской дружбы, борьба за мир, экономическое восстановление страны); для их проведения были ангажированы 150 художников (25 – в культурные бригады для сел, 125 – в национальные молодежные бригады).

На международном уровне художники работали в оформлении 11 павильонов Пловдивской ярмарки и двух болгарских экономических выставок в Москве и Праге. Все мероприятия, финансово поддерживаемые БКП через КНИК, широко пропагандировались СБХ с помощью рекламных плакатов, брошюр. Следует отметить, что художники работали по большей части добровольно, внося свой вклад и давая пример сопричастия с мероприятием. 20 тысяч художественных плакатов, 40 тысяч лозунгов, 40 тысяч карикатур, 44 больших фотовыставки было выполнено только во время акции в защиту мира. Мероприятия посетили 176202 человека⁴².

В интересах исторической истины надо признать, что именно из-за наметившейся тенденции А. Жендов первым среди творческих деятелей выразил свое недовольство и написал известные письма В. Червенкову. В них он говорил о причинах неудач Общих художественных выставок, и, в частности, о наступившем застое в художественной сфере, совпавшем с созданием КНИК и навязыванием советского опыта. Его выступление отражало тревогу из-за распространившейся над болгарской культурой «идейной мглы» и конкретно – над болгарским изобразительным искусством; виновниками назывались деятели, неоднократно доказавшие верность коммунистической партии.

В обстановке всеобщей эйфории при подготовке и проведении V съезда партии Червенков сумел утаить от интеллектуальной общественности письма художника-коммуниста Жендова, еще весной 1948 г. предвидевшего новый удар по болгарской культуре. Он первым призвал к «рассеиванию идейной мглы», к восстановлению доверия деятелей культуры. Жендов указал и пути обновления и возвращения к традициям, заявив, что это возможно только разорвав «оковы казарменной дисциплины, безапелляционной произвольной цензуры, вульгаризации, ведущих художника в царство площадного вкуса и полной апатии»⁴³. Стенограмма позже проведенного в СХБ общего собрания свидетельствует о правоте констатаций Жендова⁴⁴. Красноречивы и слова Луи Арагона, произнесенные в Москве в беседе с руководителем ВОКС. Он выразил недоумение по поводу яростной кампании против формализма, вызывающей на Западе у многих единомышленников и симпатизирующих СССР людей сомнения в демократичности социалистического строя⁴⁵.

Указанные процессы в сфере культуры стали одним из решающих факторов сокращения или полного прекращения международных связей, с большим трудом восстановленных руководством творческих союзов после 9 сентября 1944 г.; более всего, – с европейскими творческими объединениями⁴⁶. А все силы направлялись на расширение культурного обмена с Советским Союзом, но не официального, а через общественные организации или отдельные государственные институты и комиссии. Подписанные в 1940-е гг. правительством ОФ двусторонние культурные конвенции с так называемыми народно-демократическими странами переутверждались после их «добровольного» пересмотра и уточнения с советской стороной (ВОКСом) при парадоксальном положении, что Болгария – единственная из стран советского блока – вплоть до 28 апреля 1956 г. не имела официального и равноправного соглашения с СССР⁴⁷.

В июне 1948 г. в Болгарии было утверждено положение о Димитровских премиях, копировавших Сталинские премии в СССР. По проверенному в СССР сценарию стали проводиться и первые национальные смотры молодых талантов, провинциальных театров и музыкальных исполнителей. Огромный размах приобрели и смотры художественной самодеятельности, проходившие целиком под контролем КНИК. В содержательном плане идея сохранения и развития болгарского начала переламывалась в них в пользу грубой тенденциозности. И не случайно овации и поддержку публики, но не жюри, получали коллективы и отдельные исполнители, верные народным традициям и менее всего демонстрировавшие на сцене «партийный пафос»⁴⁸.

В начале 50-х гг. советская и болгарская модели матрицы интенсивно сближались, вплоть до полной их унификации. Этому процессу способствовало и постепенное угасание к 1952 г. открытого сопротивления жонглированию эстетической фразеологией и подменой объективных критериев художественности. При помощи «преданных партии» творческих деятелей, «рыцарей подражательства» на сцене болгарской культуры с успехом танцевалась и «советская кадрили» смены личностей в руководстве союзов. Их состав менялся в соответствии с предложенными ЦК кандидатами. Сталинское цунами сметало и выбрасывало старых, заслуженных руководителей, тормозивших принятие партийного постулата об аргументированно не доказанном, не проясненном, но считавшемся обязательным и единственно возможным методе руководстве культурой – постулата о руководящей роли партии и «беспощадной борьбе против западного искусства». По признанию заместителя председателя КНИК Ал. Обретеннова, работы Рубенса должны были заменяться картинами, по крайней мере, Репина. Благодаря таким людям, как Б. Райнов, Ал. Обрете-

нов, Л. Белмустаков, Св. Босилков, Москва смогла руководить развитием культуры в странах советского блока по балканскому сценарию. В культурных кругах Болгарии и за границей получили печальную известность болгарские варианты советских партийных постановок, известные как «Александр Жендов» и «Роман Тютюн», а также гонения и репрессии. Им подверглись ряд деятелей, «дерзнувших противоречить матери-Партии и вождю народа», – Любомир Пипков, Константин Илиев, Станислав Стратиев, Емил Манов, Здравко Сребров, Петр Димитров, Гочо Гопин, Никола Мавродинов, Илия Бешков и др.

Заслуживает внимания тот факт, что в творческих союзах, несмотря на требования ЦК БКП, весьма долго – больше 9 месяцев – готовились доклады о вредительстве в духовной сфере и ущербе, нанесенных так называемой жендовщиной. Обсуждение этих вопросов в первичных парторганизациях СХБ и СБП проходило при «неудовлетворительной активности» даже со стороны коммунистов, что потребовало личного вмешательства Червенкова в работу нескольких общих совещаний и встреч с руководством союзов в ЦК. В ходе их маститый партийный лидер подверг острой критике «медлительность творцов», осудил их сомнения в правоте и «всепобеждающей силе единственно верного в мире художественного метода – советского». Поводом для критики стала мысль, высказанная перед жюри Общей художественной выставки И. Бешковым о том, что «истина, жизненная правда не стоит на одном месте как истукан; канонизированной – ею может воспользоваться любой неудачник, любой ленивый мозг! Истина хочет, чтобы ее уловил и открыл дух, сотворил ее глазами и руками!»⁴⁹. За эту вольность Бешков вместе с другими 280 своими коллегами был обязан зубрить марксистско-ленинскую эстетику в Партийном университете, специально созданном для деятелей культуры. Отчитываться за посещение «уроков» приходилось ежемесячно, лично и в письменном виде.

Вскоре ЦК БКП воспринял из советского опыта и другую эффективную форму воздействия – самокритику и бичевание, известную по случаям с А. Софроновым, В. Мурадели, А. Фадеевым и Д. Шостаковичем⁵⁰. Скопированные московские сценарии и режиссура оказались отличными. При этом ЦК БКП сумел нанести ущерб единству и коллегиальности союзов, вписав болгарский штрих в «созидательные советские примеры». Болгарская оригинальность состояла в том, что самокритика ряда творческих личностей (П. Зарев, Здр. Сребров, Г. Гопин, П. Димитров и др.), раскаяние других проходили в ходе открытых творческих или публичных обсуждений художественных работ, выставок, театральных постановок перед назначенными «трехчленками» либо перед случайно собранной

разнородной публикой, скандирующей заимствованные «лозунговые оценки», «подброшенные» партийными органами.

В-четвертых. Навязанное или демонстрируемое в карьеристских целях подражание советскому опыту приводило художественно-творческие организации иногда к абсурдной, но нужной им аттестации, что отражалось не только на их структуре и методах работы, но и на целях их общественно-политической деятельности. Сохраняющиеся в архивах союзные документы позволяют обобщить данные об ангажированности деятелей культуры в 1946–1953 гг. и ее отражении на их профессиональном, моральном и даже физическом состоянии⁵¹. Деятельность союзов артистов и художников в силу специфики их работы более всего оказалась на виду.

Решениями пленумов и общих собраний для определения степени союзной «верности линии партии» были приняты несколько важных критериев. В их числе – количество подробной политической информации, предложенной публике перед спектаклем или концертом, выступления с докладами в ходе поездок по стране «ударных трудовых культурных бригад». Педантично учитывалось количество выпускаемых ежедневных «говорящих» живых политических газет, стенных агитплакатов и листовок. Высокие баллы приносило творческим работникам их участие в трудовом соревновании, объявленном партией и поддержанном руководством союзов или отдельными коллективами. Почти обязательным было годовое участие в трудовых молодежных строительных бригадах, работавших на объектах первых пятилеток; о желании/нежелании участвовать в них и о состоянии здоровья не спрашивали. Такой участник должен был в бригаде взять шефство над отрядами и коллективами художественной самодеятельности, заниматься устройством постоянных «красных уголков», выставок пропагандистских материалов. Весы Фемиды склонялись в пользу тех театральных коллективов, артисты которых принимали личное участие в работе новых ТКЗХ – на полях или на ферме!! (Бургасский и Русенский театры). За большую общественно-политическую деятельность многие театры получали от местного партийного руководства звание «ударного коллектива». Несмотря на бойкие отчеты руководства СХБ и Союза артистов, перегрузка их членов приводила к реальным профессиональным и даже физическим срывам. Вопрос, поставленный об этом на отчетном собрании, «из-за отсутствия времени для дискуссии по социально-бытовым и синдикальным проблемам» не рассматривался и был перенесен на очередной съезд союза⁵².

Некритичное, дословное копирование и использование советского опыта новой художественной «элитой», пропагандирование его не только

патетически, но и весьма тривиально, не привлекало, а скорее отталкивало большую часть деятелей болгарской литературы и искусства и негативно влияло на общественную аудиторию, на качество работы творческих личностей, а отсюда и на их личный авторитет⁵³. «Обязательные» (по Жендову) произведения, погоня за количественными, а не ценностными показателями во всех сферах искусства, к тому же сильно унифицированными, все это играло негативную роль при публичной встрече художников с культурной общественностью. Когда же ЦК БКП через общественные организации стал требовать устраивать обязательные коллективные посещения театральных постановок, концертов и партийно-тематических выставок невысокого художественного уровня, такие мероприятия быстро превратились в досадную обязанность и для исполнителей, и для настоящих ценителей искусства. Они не стали широко рекламируемой печатью СССР и стран советского блока «всемирной школой эстетического воспитания»⁵⁴.

Чрезмерная централизация и фаворизация отдельных деятелей в служебной и профессиональной сфере привела в апогее 50-х гг. к беспардонному попранию всех нравственно-этических норм и моральных ценностей. Однако борьба с этим явлением тогда же ознаменовалась и первой «малой победой» над партийным диктатом. Речь идет о беспрецедентном для 50-х гг. случае с искусствоведом Л. Белмустаковым, присвоившим научный труд своего советского коллеги В. Лазарева. Неопровержимые факты заставили ЦК БКП отстранить его от всех занимаемых им постов и лишить уже присужденной ему Димитровской премии. Моральное удовлетворение от «свержения» человека-псевдосимвола партии и «самой твердой ее руки» в союзах вселяло в 1952 г. надежду на обновление и возможность нового полета для молодого поколения.

В пропаганде решений наряду с партийными СМИ участвовали национальное радио и специализированные издания, учрежденные КНК, а затем и КНИК⁵⁵. Такой синхрон не только нарушал традиционно демократическую атмосферу в болгарских творческих кругах и сохранявшуюся в них определенную толерантность, но и подготовлял почву для искусственно прививавшегося неравноправия почти «кастового» типа, вплоть до самых высоких этажей союзов.

В-пятых. Болгарская культурная жизнь из-за прямого участия ЦК БКП в ней становилась, по советскому образцу, сильно субординированной⁵⁶. С целью успешной реализации поставленных задач были расширены prerogatives созданной при Секретариате ЦК БРП(к) 15 января 1947 г. Культурной комиссии по контролю за творческими органи-

зациями; она работала под личным руководством Червенкова. При ее поддержке парторганизации союзов, непосредственно наблюдавшие за своими членами, стали в еще большей степени вмешиваться в работу творческих организаций, обследовать их и накладывать взыскания за «инакомыслие», групповщину и даже вытеснять верховное руководство союзов в решении чисто художественных вопросов. Удары «сверху» по творческим союзам или по отдельным творческим личностям ЦК БКП и лично Червенков стали наносить сразу же после совещания в Шклярской Порембе. Они наносились точно и умело, отражаясь на работе союзов и их кадровой политике, что основательно меняло микроклимат в организациях в нужном партии направлении. За выдвижением лозунгов о профессиональной толерантности, товарищеской взаимопомощи, объединении и преемственности поколений последовали: обязательные чистки для освобождения от «неудобных» членов союзов; открытые собрания по секциям, принимавшие форму судебных процессов в отношении «не соблюдающих партийную линию»; «анкеты ЦК» по определению «продуктивности творческого работника»; обследования партийных организаций и контроль за «ходячими контролерами» – трехчленными комиссиями, назначенными парторганизациями, которые превентивно посещали мастерские художников, имевших контракты с союзами и КНИК в связи с тематическими выставками; введение порядка оформления на участие в Общих художественных выставках СХБ путем подачи личных заявлений; обязательное обучение в системе марксистско-ленинского просвещения и, наконец, ежемесячные письменные отчеты перед первичными парторганизациями союзов о проявленной творческой и общественной активности.

Общественно-политические изменения, произошедшие в СССР и балканских странах после смерти Сталина в марте 1953 г., вселяли в людей надежду на демократизацию духовной сферы, на выход из состояния жизненного и творческого застоя путем преобразования матрицы. Затишье перед ожидавшейся «северной бурей» продолжалось, видимо, до конца 1953 года, чтобы придать творческим работникам силы для нового полета навстречу судьбоносной для болгарской культуры Апрельской весне 1956 года! Последующие события показали, что тогда были обозначены только вехи слегка обновленного, но по существу хорошо знакомого, весьма долгого и нелегкого пути, который должны были снова пройти новые поколения болгарских деятелей культуры. Сохраняя достоинство, веру в собственные силы и творческие возможности, они с невероятным упорством боролись за уважение болгарских традиций.

Ретроспективно глядя на развитие и деятельность художественно-творческих союзов в Болгарии в 1946–1953 гг., отметим, что интенсивность заботливо подготовленных партией политических «шоков» для интеллигенции была различной на отдельных этапах. Непосредственно после V съезда БКП и особенно в 1950–1952 гг. она росла быстрыми темпами и, по словам писателя Е. Манова, превращалась «в обрушивающуюся лавину, которая все сметает на своем пути»⁵⁷.

Лавина или оползень?

Лавина, возникшая случайно или вызванная, за один миг, как молния, все сметает на своем пути, оставляя позади разрушения, смерть, пустошь и висящее над зубцами гор «кричащее от боли» безмолвие.

Оползень медленно захватывает все, что попадает под его каток из-за нарушения его устойчивости, подрывает под ним почву в результате неправильной подсечки склона и внешней перегрузки. На вид красивая, спокойная и цветущая, но в действительности огромная клокочущая масса, неудержимо движущая вниз, увлекает за собой все, ей приграничное, разрушает берега, убивая на них жизнь.

Существует ли наиболее верное и точное слово, определяющее суть судьбоносных 1950-х годов, апогея сталинского времени? По-моему, это слово ОПОЛЗЕНЬ.

Огромный, все снесший на своем пути и оставивший страшную, неизлечимую рану в сердцах, душах и умах людей. Зловещий гул от движения этого оползня все еще отдается не только в бескрайней русской шири, но и над обоими земными полушариями.

80-е и 90-е годы XX века оказались не менее сложными в противоборстве двух эпох, в кардинальных общественно-политических изменениях европейского и мирового масштаба, чувствительно и весьма остро затронувших болгаро-российские отношения. Что лишний раз говорит о назревшей необходимости выяснения исторической истины в отношении «советской помощи». Во имя будущего необходима объективная, целостная и глубокая оценка наших двусторонних отношений в области духовной культуры, десятилетиями колебавшаяся в зависимости от конъюнктурных целей в тени двух символов: болгарской розы и пятиконечной звезды, оценка, молча корчившаяся на протяжении многих лет от возгласов от «Осанны!» до «распи его!».

Примечания

- ¹ Петканов К. Белият вятър над Странджа. София, 1983. С. 7–9.
- ² БИА-НБКМ. Ф. 12. Оп. 1. А.е. 57. Л. 104–105; газета «Народна армия». 26.IX.1991.
- ³ Сравни: Чичовска В. Политиката срещу просветна традиция. София, 1994; Мигев В. Българските писатели и политическият живот в България. 1944–1970; *он же*. Фалшификациите на официалната българска историография до 10.XI.1989 г. за периода 1953–1956 // Историята – начин на употреба. Варна. 2006; Калинова Е. Културните процеси в преходното време 9.IX.1944–1947 // Историки. Научни изследвания в чест на доц. д-р Стоян Танев. Шумен. 2008; *она же*. Интелигенция и власт между двумя волнами десталинизации в Болгарии. 1956–1961 // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008; Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1939–2002. София, 2002; Христова Н. Политика на «психотерапия». Щрихи към художествения живот в България в начало на 50-те години // Лица на времето. София, 1997; *она же*. Социалистическият реализъм и драма българского творца (40-е-среди-на 50-х гг.) BHR. 1998. № 1–2; *она же*. Българският интелектуалец пред проблема «социалистически реализъм». Драма на адаптацията (средата на 40-те и началото на 50-те години) // Русия и България. XX в. София, 2000; Денчев С., Васильева С. Държавна политика за културно-историческото наследство на България. 1878–2005. Лекции и документи. София, 2006; Живкова Н. Усмиряване на разума. Преустройството на БАН. 1944–1953. София, 2006; *она же*. Краят на автономията на БАН. 1944–1949 // Преломни времена. Юбилеен сборник в чест на проф. дин Л. Огнянов. София, 2006; Богданова Р. Верен сателит. България в съветската орбита. 1944–1956. София, 2007; *она же*. Първи опит за либерализация на тоталитарния режим в България. 1953–1956 // НВИМ. Кн. 15. София, 2003. Указанная тема поднималась и в предыдущих работах автора настоящей статьи. См.: Златева А. Die übernahme des sowjetische kulturmodells in Bulgarien. Ost-dokumentations. Wien. 1999. № 4; *она же*. Двубоят за истината. Професор Никола Мавродинов срещу партийния флагман Любен Белмустаков. 1947–1952 // Принос на Тутракан в националната и европейска история. Тутракан, 2009; *она же*. Малкото важно винтче. Стопанският комитет при СХБ на синора между сърцето и разума. Внедряване на ждановската матрица от 1946–1950 г. // Пазари, тържища, панаири по българските земи. Търговище, 2009; *она же*. Увертюра към разделната 1949 г. Демократичните традиции на българските художествено-творчески съюзи срещу сталинския модел // История на пътя. Черно море между Изтока и Запада. Варна, 2007.
- ⁴ Козак В. Енциклопедия на руската литература през XX в. София, 1996; Карако-стов С. Решенията, постановленията и резолюциите на ЦК на ВКП(б) по въпросите на литературата, театъра и изкуствата в СССР // Изкуство. 1950. № 4–5. С. 360–398; Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 91–95; Калинова Е. Преди и след спускане на «желязната завеса» // Модерният историк. Въоб-

- ражение, информирано поколение. София, 1999. С. 228–229; *Мигев В.* Българските писатели... С. 36, 65; Изкуство. 1948, № 2. С. 179–180.
- ⁵ *Кюляков К.* Камарата на народната култура // Съвременник. 1945, № 5. С. 223–228; *Златева А.* Творческите организации и ОФ власт // Страници от българската история. Събития, размисли, личности. Т. 2. София, 1993. С. 216–223; *она же.* Дирекцията на националната пропаганда, Камарата за народната култура и дейността на художествено-творческите съюзи в «новите земи». 1941–1943 (Законови и документи) // Конгреси и програмни документи след 1878 г. за историята и културата на българските земи под чужда власт. Кюстендил, 2008. С. 233–254.
- ⁶ *Чичовска В.* Международна културна дейност на България. 1944–1948. София, 1990. С. 126–127; *Златева А.* Камарата на народната култура, КНИК и «саморазтурянето» на неудобните творчески сдружения. 1945–1951 // България след 1944 г. – история, проблеми, тенденции. Шумен, 2002. С. 19–43.
- ⁷ *Златева А.* Клубове за изкуство и наука в България. 1945–1946 // Векове. 1985. № 5. С. 27–35; *Казасов Д.* Министерството на информацията и изкуствата. Дейност 9.IX.1944 – 9.IX.1946. София, 1946.
- ⁸ См. прим. 4; *Шулепова Э.А.* Создание и начало Комитета по делам искусств. 1936–1941 // Вопросы истории. Москва. 1977. № 1. С. 47–58; *Чичовска В.* Държавните културни институции в България. 1944–1948 // България 1300. Институции и държавна традиция. София, 1981. С. 475–478; *она же.* Международна културна дейност... С. 291–296; *Христова Н.* Социалистическия реализъм ... С. 161–167.
- ⁹ *Попов С.* Съветският опит и преустройството на СБП. 1944–1948 // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 216–226; *Христова Н.* Художествената култура в България след Втората световна война – от европеизация към съветизация. Там же. С. 208–215; *Златева А.* Увертюра към... С. 187–217; *она же.* «За» и «против» съветския опит в дейността на творческите съюзи в България в края на 40-те и началото на 50-те години // България и Русия през XX век... С. 404–417.
- ¹⁰ *Мавродинов Н.* Новата българска живопис. София, 1947. С. 4–5.
- ¹¹ *Златева А.* КНК, КНИК и ... С. 119–143; *Казасов Д.* Доклад на министерството на информацията и изкуствата. Стенографски дневници. 41 р.с. 14. III. 1946. С. 446–454.
- ¹² *Шулепова Э.А.* Указ. соч. С. 47–58; *Чичовска В.* Държавните културни институции... С. 475–478; *она же.* Международна културна дейност ... С. 291–296.
- ¹³ Бюлетин на КНИК. 1950, № 5; ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 59. Л. 54; *Златева А.* Зловещото ехо. Творческите съюзи и ждановските постановления от 1946–1948 гт. // Следвоенна България между Изтока и Запада. София, 2005. С. 340–366; *Христова Н.* Социалистическия реализъм... С. 161–167; *она же.* Българският духовен елит пред проблема «наше – чуждо» през XX в. // История. София, 2004. № 1. С. 59–54; *Гранитски Ив.* Литература и национална съдба. София, 2004.

- ¹⁴ ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 60. Л. 273–370; Литературен фронт. 21.П.1948; *Златева А.* Притегляне в матрицата. Творческите съюзи и културните дейци от Кюстендил и ждановските постановления от 1946–1948 г. // Известия на исторически музей Кюстендил. Т. XI. Кюстендил, 2005. С. 275–294.
- ¹⁵ По-подробно см.: *Златева А.* Творческите съюзи и културните дейци от Плевен в матрицата на ждановските постановления // 730 години град Плевен. 2002. С. 64–80; *она же.* Зловещото ехо... С. 275–294; *она же.* «Единство кръвно по сърдце и душа». Творческите съюзи от България и Румъния в матрицата на ждановските постановления от 1946–1948 г. // Сборник в чест на доц. д-р Минчо Минчев. В. Търново, 2006. С. 103–120.
- ¹⁶ Деятелност и поступки Ал. Обретенова после ликвидации КНК не разглеждани лично и, вероятно, до сие пор не са имали негативни оценки на неговата личност. См. *Калинова Е.* Преди и след спускане... С. 231; *Златева А.* КНК, КНИК... С. 19–43; *Обретенов Ал.* Буржоазна и социалистическа култура. София, 1949. С. 25–26, 29–30.
- ¹⁷ ЦДА. Ф. 133. Оп. 6. А.е. 62. Л. 76–78, 91.
- ¹⁸ Театър. 1947. № 4. С. 5.
- ¹⁹ Горянин Змей. Из дневника. Епиграма написана в 1951 г. Цит. по: Катя Кузмова-Зографова.
- ²⁰ ЦДА. Ф. 1582к. Оп. 1. А.е. 5. Л. 4; Ф. 133. Оп. 7. А.е. 60. Л. 273–371. На събрание в СБП, състояло се на 11 февруари 1949 г., на което присуствувал в качествe гост режиссер С. Герасимов, разглеждани били въпроси кинодраматургии («Что такое сценарий и каким должно быть участие писателя в кинодраматургии»). В СХБ проходила дискусия по докладу Б. Райнова «Виставка современной французской живописи и ее уроки»; *Калинова Е.* Преди и след спускане... С. 230–231.
- ²¹ ЦДА. Ф. 133. Оп. 6. А.е. 62. Л. 53–56, 94–100; В свъзи с продължилите в 1948 г. спорове в СХБ между «реалистите» и «модернистите» печална известност придобил случай с искусствоведами Н. Мавродиновым и Н. Райновым, които били уволени по обвинению Т. Павлова как защитники реакционних и формалистских взглядов – първия с поста директора Народного археологического музея, втория – из Академии художеств (ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 23. Л. 289–296, 196); см. также: *Христова Н.* Политика на «психотерапия»... С. 104–106.
- ²² ЦДА. Ф. 133. Оп. 5. А.е. 12. Л. 13; Ф. 2. Оп. 1. А.е. 115. Л. 54–87; *Калинова Е.* Преди и след спускане... С. 228–229; *Генов Г.* Погромът над творците на изобразителното изкуство след 9 IX. 1944 г. София, 2004. С. 14–16.
- ²³ *Златева А.* Художествената интелигенция в защита на българската национална кауза // Втората световна война и България. 1939–1947. Сливен, 2006. С. 89–111; *она же.* «Корабът на изкуствата» или премълчаваните усилия на независими творци за преодоляване на изолацията 1944–1947 г. // Историята – начин на употреба. Черно море между Изтока и Запада. Варна, 2006. С. 138–164; *она же.*

- Художествено-творческата интелигенция в България между Народния съд и Славянския събор в София 1945 г. // Научни приноси. Славянският свят вчера, днес и утре (език, литература, история). София, 2006. С. 275–324; *она же*. Художествено-творческите съюзи и подготовката на Петия партиен конгрес // Исторически преглед. 1979. № 4–5. С. 155–169; *она же*. Художествено-творческите съюзи в подготовката Референдума за Република през 1946 г. // Исторически преглед. 1986. № 4. С. 92–106.
- ²⁴ Златева А. Увертюра към... С. 187–217; *она же*. Зловещото ехо... С. 340–366; Богданова Р. Първи опит за либерализация... С. 145–162.
- ²⁵ Мигев В. Несъстоя се «Априлска пролет» на България-1956 // Исторически преглед. 1993. № 4–5. С. 79–81; *он же*. Пражката пролет-68 и България. София, 2005. С. 307; *он же*. Полската криза, «Солидарност» и България. 1980–1983. София, С. 359; Калинова Е. Българският вариант на съветското «размразяване» в културата (1953–1963) // България и Русия през XX век. София, 2000. С. 418–424; *она же*. Културните измерения на кризата в България през първата половина на 80-те години // Сб. в чест на доц. д-р М. Минчев. В. Търново, 2006. С. 188–203; Христова Н. Българският скандал «Солженицин» 1970–1974 г. София, 2000; *она же*. Специфика на българското дисидентство, власт и интелигенция. 1956–1989. Пловдив, 2005. С. 173–180.
- ²⁶ Выражение заимствовано у Г. Маркова. См. его книгу «Нови задочни репортажи за България. Когато часовниците са спрели». София, 1991. С. 212.
- ²⁷ Златева А. Двубоят за истината... С. 61–116; Христова Н. Езоповският език и неговите преводачи // Сб. в чест на доц. д-р Минчо Минчев... С. 179–187.
- ²⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 182. Л. 1.
- ²⁹ Златева А. Отшелникът от Урвич (Животът и дейността на габровския търговец и меценат Б. Бараков, гледани от Рим) // Модернизацията на България и Габрово. 1878–2006. В. Търново. С. 457–473; Между три века. Съдби, илюзии и свидетелства за чудото, наречено журналистика. София, 2004. С. 199–217; Волокитина Т.В. На пути к социализму «по Сталину». 1949–1953 // България в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 353–383.
- ³⁰ Златева А. Зловещото ехо... С. 340–366.
- ³¹ См. прим. 6, 14, 15.
- ³² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 182. Л. 1–2; Златева А. Малкото важно винтче ...С. 231–254.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Златева А. Дирекция на националната пропаганда ... С. 233–254.
- ³⁵ ЦДА. Ф. 481. Оп. 1, А.е. 2. Л. 29; А.е. 4. Л. 1, 6, 32; Согласно утвержденному в 1953 г. уставу, в структуру Дома кино входили: отдел управления, оперативное бюро, контрольная комиссия, 7 секций, товарищеский суд. Штатным директором был Иван Фичев.

- ³⁶ *Златева А.* Малкото важно винтче... С. 231–254.
- ³⁷ ЦДА. Ф. 133. Оп. 5. А.е. 2. Л. 1–27; А.е. 4. Л. 3–5, 90; Ф. 1582. Оп. 1. А.е. 5. Л. 1–23; Държавен вестник. 6.XII.1948.
- ³⁸ ЦДА. Ф. 133. Оп. 6. А.е. 2. Л. 1–27; Д. Луджев в монографии «Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX век», София, 2005. С. 651 анализира дейността на СБХ в изследвания период, но не третира ролята на Економическия съвет като звено и помощен орган на президентския СБХ.
- ³⁹ ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 45. Л. 19; Оп. 7. А.е. 91. Л. 1–55.
- ⁴⁰ *Горянин Змей.* Поет. 1950; *Христова Н.* Интелектуалната бохема в София през 50-те – 70-те години на XX век // Модернизацията на България и Габрово... С. 480–489.
- ⁴¹ *Златева А.* Партийната трагикомедия «Неразбраният грешник»... С. 576–603. В дадена работа подробно не разглежда въпроса за навязването в България на съветския репертуар и пълното изтесняване на българските афиши.
- ⁴² ЦДА. Ф. 481к. Оп. 1. А.е. 13. Л. 29–53; Ф. 133. Оп. 6. А.е. 2. Л. 19; Оп. 7. А.е. 25. Л. 1–85; Ф. 412. Оп. 1. А.е. 1. Л. 41–43; *Златева А.* Творческите съюзи в помощ на българското село след 9.IX.1944 г. до началото на 50-те години // Зеделското движение в България – история, развитие, личности. Пазарджик, 2004. С. 304–318; *она же.* Бригадирското движение в художествено-творческите съюзи в България. 1945–1948. Традиции и новаторство // Бригадирското движение в България. 1946–1948. Димитровград, 2008. С. 45–77.
- ⁴³ ЦДА. Ф. 1582к. Оп. 1. А.е. 74. Л. 27; Ф. 481. Оп. 1. А.е. 30. Л. 1–6; А.е. 36. Л. 54. Писмо не е запазило, но частта е публикувал Димитр Аврамов. См.: *Аврамов Д.* Диалог между две изкуства. София, 1993. С. 355–356; ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 91. Л. 1–55; *Червенков В.* За партията или против партията в изкуството. София, 1950; *он же.* За науката, изкуството и културата. София, 1953.
- ⁴⁴ ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 26. Л. 491–492; А.е. 23. Л. 2124 Ф. 481к. Оп. 1. А.е. 13. Л. 29–53; *Златева А.* Двубоят за истината... С. 61–122. В отчета на секцията за критика отбелязано, че 16 автори са печатани в 1949 г. 42 доклада, 12 изложения и реплики, 7 от които – по въпроса за «ждановщината»; ЦДА. Ф. 133. Оп. 7. А.е. 73. Л. 115–116; Ф. 551. Оп. 1. А.е. 9. Л. 17; Оп. 1. А.е. 10. Л. 11–28.
- ⁴⁵ Славяноведение. 1998. № 3. С. 50.
- ⁴⁶ *Калинова Е.* Развитие на политическата система на социализма. Културните институции в България. 1944–1958. С оглед на техните международни културни връзки. София, 1984. С. 89–96; *Кишкорова П.* Между Берлин и Петербург. Какво България? // От икономическа раздробеност към икономическо, политическо и духовно единство. Пловдив, 1998. С. 61–68.
- ⁴⁷ *Златева А.* Единство, кръвно... С. 103–120; *она же.* Участието на художествено-творческата интелигенция в културните процеси и обмен между Източната зона (ГДР) и България. Международна научна конференция «Проблеми на развитието на България през 20-те и 90-те години» // Collegium Germania. Т. 2. София, 1997.

- С. 273–284; *она же*. «Забавената или Забравена» културна конвенция. Първата официална спогодба за културно сътрудничество между НРБ и СССР. 28.IV.1965 // България и Русия между признателността и прагматизма. София, 2009. С. 633–645.
- ⁴⁸ *Златева А.* Художествено-творческите съюзи и подготовката на Петия партиен конгрес // Исторически преглед. 1979. № 4–5. С. 155–169; *Миланова С.* Съюз на българските журналисти – традиции и политика // Сборник в чест на доц. д-р М. Минчев... С. 163–178.
- ⁴⁹ *Бешков Ил.* Словоето. С. 7; В. Червенков през погледа на неговите съвременници. София, 2000. С. 224.
- ⁵⁰ *Даковски Д.* Писма от Москва // Литературен фронт. 20.03.1948; *Музика*. № 1–3. С. 3–10.
- ⁵¹ ЦДА. Ф. 123. Оп. 1. А.е. 191. Л. 2; А.е. 129. Л. 1–9.
- ⁵² Там же. Ф. 123. Оп. 1. А.е. 191. Л. 17; *Златева А.* Бригадирското движение и художествено-творческите съюзи у нас // Бригадирското движение в България. 1946–1989. Димитровград, 2008. С. 45–77.
- ⁵³ *Златева А.* Творческите съюзи в помощ на българското село след 9.IX.1944 г. // Земеделското движение в България – история, развитие, личности. Пазарджик, 2004. С. 304–318.
- ⁵⁴ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 6. А.е. 181. Л. 1.
- ⁵⁵ *Дунчев Ал.* Партийните организации в театрите и тяхната помощ в художествено-творческата работа // Театър. 1956, № 8. С. 93–97; «Работническо дело». 2–3.II.1949.
- ⁵⁶ ЦДА. Ф. 123. Оп. 1. А.е. 72. Л. 2–9; Оп. 7. А.е. 2. Л. 1–10; *Андонов М.* Постигания и слабости в репертоара на театрите в миналия сезон и изгледи за сезона 1949–1950 г. / Театър. 1949. № 1–2. С. 22–27; ЦДА. Ф. 123. Оп. 1. А.е. 1229. Л. 52; *Каракостов Ст.* Революция и сцена. София, 1975. С. 7–14, 54–59, 141–147.
- ⁵⁷ См. прим. 5.

В. Тошкова

(Институт истории БАН)

Директивная дипломатия Кремля и ее проекции в Восточной Европе. 1945–1989 гг.: болгарский «адресат»*

Усилия по созданию геополитической сферы безопасности СССР коррелировались со стратегическими замыслами и действиями Москвы по установлению полного контроля в регионе. Подходящим для этой цели механизмом явилась существовавшая субординация в отношениях между странами на партийном и государственном уровне. Процесс легитимизации иерархической зависимости прошел несколько этапов: от «надзора» Союзных контрольных комиссий (СКК) за положением в бывших сателлитах Третьего рейха – Болгарии, Румынии и Венгрии, расширения диапазона деятельности советских спецслужб в сфере влияния СССР и «координации» и «согласования» программ консолидации «социалистического лагеря» через Коминформбюро, СЭВ, Организацию Варшавского Договора (ОВД) до формирования института советских советников... Многие из указанных проблем уже получили основательную научную интерпретацию в российской и болгарской историографии¹. Результаты предпринятого авторами анализа используются нами при освещении заявленной темы. Но мы также будем опираться на дополнительные конкретные факты, раскрывающие советский директивный инструментарий, который при поддержке национальных коммунистических элит использовался с целью контроля и влияния на общество восточноевропейских стран, в том числе болгарское.

Начальная фаза послевоенного периода – вплоть до смерти И.В. Сталина – характеризовалась первыми мероприятиями Кремля, направленными на установление дисциплины отношений с восточноевропейскими «союзниками». Наглядный эффект имели «приглашения» на беседы в Москву. Сталин на этих встречах демонстрировал не только хорошее знание ситуации в отдельных странах, но и внедрял практику «согласования» важных инициатив, которым предстояло получить международное

* Перевела Т.В. Волокитина

признание. Своеобразной школой обучения послушных и преданных кадров стал Коминформ. Предпринятые Кремлем санкции к проявившим «своеволие» отдельным компартиям и их функционерам в виде решений этого коллективного органа – неотъемлемая часть истории Коминформа, закончившего свое существование в апреле 1956 г.

Механизм унификации внешнеполитических программ стран Восточной Европы контролировался Москвой и через соответствующие отделы ЦК ВКП(б)-КПСС (переименование произошло в 1952 г. на XIX съезде партии). Существенную роль в определении принципов единодействия играло министерство иностранных дел СССР. Но, как правило, в окончательном виде указания, касавшиеся координации внешней политики, особенно по линии ООН, формулировались в Кремле.

В условиях обострившейся под влиянием гражданской войны в Греции международной обстановки и наступления на разноликую внутреннюю оппозицию в странах Восточной Европы советская дипломатия предприняла попытки «отложить» принятие в ООН Всеобщей декларации прав человека². Очевидно, в Москве оценили возможные неприятные последствия появления такого документа для собственной политики в регионе. Поэтому в телеграмме А.Я. Вышинского В.М. Молотову и в ответе на указания последнего выражалось согласие с тем, что отсрочка голосования указанной Декларации до следующей сессии Общего собрания (ОС) ООН была бы наилучшим вариантом. Однако Москва располагала информацией, что подобная позиция встретила бы «серьезное сопротивление» со стороны делегаций США, Англии, Латинской Америки. В телеграмме приводились высказывания Дж. Маршалла и Э. Бевина в начале сессии, в которых подчеркивалось «большое значение» принятия Декларации именно на проходивших заседаниях. Особо указывалось: «...Нельзя поэтому сомневаться, что англо-американский блок будет всячески стараться довести это дело до конца на этой сессии». Все же Вышинский считал возможным устроить обструкцию и запросил мнение Молотова о внесении предложения об отсрочке голосования в «третий комитет» под предлогом неудовлетворительной подготовки проекта и наличия в нем «таких-то и таких-то крупных недостатков». После доработки документа в совете по экономическим и социальным вопросам предполагалось доложить о нем на IV-ой сессии ОС. В сценарии, который и сам Вышинский считал обреченным, предусматривалось, что «советская и братские делегации» при голосовании воздержатся. При отклонении советских поправок Общим собранием Вышинский предлагал огласить мотивировку, разоблачавшую «неприемлемость и фальшь проекта» и подтверждавшую «нашу принципиальную, последовательную, демократическую позицию».

Молотов остался недоволен возникшими вокруг задуманной акции трудностями. 6 декабря 1948 г. он передал Вышинскому указания Москвы, помимо требования об отсрочке голосования, в случае отказа настаивать на внесении в текст поправок, гарантирующих права населения «несамоуправляющихся и подопечных территорий». Рекомендовалось и несколько смягчить советскую позицию: голосовать «против» статей 11 и 17, «воздержаться» по статьям 1 и 26, а по остальным статьям голосовать «за»³.

Всеобщая декларация прав человека, несмотря на возражения советской делегации, была принята 10 декабря 1948 г. Содержание этого документа в Болгарии не популяризировалось. «Затемнение» в средствах массовой информации явилось также логическим следствием утверждения внутриполитических порядков, обслуживавших однопартийный режим. Отклонялись и в известной степени основательные претензии оппозиции в защиту нарушения «прав человека».

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. открыла перед новым «коллективным руководством» СССР возможности содействовать уменьшению конфронтационных проблем в отношениях восточного блока с западным альянсом. Вместе с тем советская сторона не могла (и не хотела) отказываться от коммунистической доктрины, на основе которой формировалась «революционно-имперская парадигма», сочетавшая геополитические амбиции и идеологические принципы, применявшиеся при «овладении» Восточной Европой. Некоторые российские исследователи с известной мерой критичности относятся к тем западным коллегам, которые почти абсолютизируют бескомпромиссное отрицание (в «марксистско-ленинских формулировках») американского империализма, западногерманского реваншизма, как и «угрозы» со стороны НАТО, повторявшееся в официальных высказываниях советских лидеров. По мнению Н.И. Егоровой, разрабатывая конкретную политику, советское руководство обсуждало и принимало «более реалистичные оценки и рекомендации»⁴. Не оспаривая это заключение, добавлю, что в разных случаях оба подхода Москвы к «западному противнику» сосуществуют параллельно. В рассекреченных архивных материалах наличествуют документы, иллюстрирующие указанную двойственность. Так, наряду с демонстрациями готовности к ревизии острого противостояния «империалистическому лагерю», существовали проекты организации диверсионных действий на территории некоторых капиталистических стран, использовавшихся «главными агрессорами» против СССР. Именно такая задача возлагалась на «специальный» 12-ый отдел Второго главного разведывательного управления министерства внутренних дел СССР, постановление о создании которого подписал в сентябре 1953 г. секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Мотивировкой проведения тер-

актов служила целесообразность подобных действий, направленных против «наиболее активных и злобных врагов» Советского Союза («из числа деятелей капиталистических стран, особо опасных иностранных разведчиков, главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родины»). В пункте 2-ом проекта особо подчеркивалось: «Установить, что все мероприятия МВД СССР по линии 12-го (специального) отдела предварительно рассматриваются и санкционируются Президиумом ЦК КПСС». Из сопроводительного письма к проекту, датированного 17 сентября 1953 г. и адресованного Г.М. Маленкову, узнаём, что «указание» о создании 12-го отдела было дано Комиссией ЦК по разведывательной деятельности⁵.

Стабилизация «народно-демократического лагеря» с его службами безопасности осуществлялась при прямом участии Москвы. После прекращения деятельности СКК в странах – бывших союзницах Германии профессиональная подготовка и деятельность силовых структур проводилась с помощью аппарата советских советников, как правило, по просьбе принимающей стороны. Унифицированная информация предоставлялась и при радикальных кадровых изменениях в советской столице после смерти Сталина. Отстранение Л.П. Берии в июне 1953 г. отразилось на деятельности спецслужб в странах Восточной Европы.

В Болгарии анализ деятельности МВД был проведен министром внутренних дел Г. Цанковым, и вряд ли случайно его доклад датирован 7 ноября 1953 г.⁶ Очевидно, острая критическая тональность доклада объяснялась снятием Берии. Однако документ отличал и болгарский «привкус» – подражательство с двойным прицелом: заслужить одобрение Москвы и укрепить собственные позиции в условиях внутрипартийной конкуренции. Для правильной оценки воспринятой тактики следует иметь в виду, что Г. Цанков в качестве партийного подкрепления был направлен в структуру МВД по решению Политбюро в начале 1951 г. с целью «укрепить руководящий состав, усилить и улучшить работу этого министерства». Впрочем, введение партийных кадров в МВД и особенно в органы госбезопасности – предмет внимания всех составов Политбюро вплоть до 1989 г. На основании его последних решений вся структура госбезопасности была фактически ликвидирована, ей приписали и те «грехи», вину за которые справедливо было бы возложить на высшую партийную номенклатуру.

Восхваление достижений нового «партийного» руководства МВД после 1951 г. в вышеупомянутом докладе Цанкова основывалось на неоспоримом аргументе – изучении и применении «богатого советского опыта» при содействии «советских товарищей-советников». Что касается суро-

вых обвинений в «насаждавшемся антипартийными элементами чуждом воспитании и утверждении, что органы безопасности превыше других, в том числе и партии», то объяснение им было дано в той части доклада где выражалось опасение, что спецслужбы могли быть использованы «для подрывной работы против партийного руководства, для поиска врага в первую очередь в партии и притом в ее высших руководящих органах». Объяснением подобной позиции являлись выявленные конкретные факты сотрудничества отдельных членов партии с полицией до 9 сентября 1944 г., которые «они скрыли от партии».

Наряду с упреками в адрес органов государственной безопасности в связи с несанкционированными партийным центром действиями, в докладе констатировалось, что все еще не выполнено указание Политбюро, согласно которому «органы МВД должны стать глазами и ушами партии» (в партийном лексиконе более позднего времени они уже названы «кулаком партии»). Но оба определения фактически означали одно и то же: эти службы должны выполнять приказы партии, подчиняться и отчетываться перед ЦК и Политбюро (через специально созданный военный отдел). В силу этого создаваемое на основе разрозненных фрагментов документальных свидетельств представление об органах госбезопасности как «государстве в государстве» является тенденциозным. По существу, это удобное прикрытие ответственности партийной элиты за формирование тоталитарного режима, гарантирующего безоблачное и длительное функционирование партийной бюрократии⁷.

* * *

Благодеяние правящей партийной номенклатуры, часто умело переплетавшееся с защитой «социалистических завоеваний», охранялось в Восточной Европе с помощью моральных и материальных усилий московского патрона. При попытках населения взбунтоваться против недугов скопированной у СССР социалистической модели Москва предоставляла эффективную военную помощь для наведения порядка. Один из примеров брожений, ликвидированных при советском участии, – «венгерское восстание» в октябре 1956 г. События в Венгрии вызвали реакцию Белого дома. Президент США Д. Эйзенхауэр 4 ноября 1956 г. обратился к председателю Совета министров Н.А. Булганину с требованием вывести советские войска с территории страны. Подготовленный в МИД СССР проект ответа был утвержден на заседании Президиума ЦК 7 ноября 1956 г. (Протокол № 54, пункт 2). Однако в документальном сборнике серии «Архивы Кремля» соответствующий протокол не публикуется, зато

имеется протокол заседания от 10 ноября, в котором отмечены проекты ответов Булганина А. Идену и Ги Моле⁸. Часть материалов заседания от 7 ноября, в том числе одобренный текст ответа Эйзенхауэру и решение вручить ответ американскому послу в тот же день, 7 ноября, сообщив об этом по радио, а 8 ноября опубликовать сообщение в печати, сохраняется в РГАНИ⁹. Советская позиция оформлена в традиционном стиле полного пренебрежения к чужому мнению: «...Вопрос относительно вывода из Венгрии советских войск целиком относится к компетенции Венгерского и Советского правительств». В том же духе комментируется и вторая проблема, поднятая президентом, – о соблюдении советской декларации от 30 октября 1956 г.: «...Что касается затронутой в Вашем послании Декларации Правительства Союза ССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами, то не имеется никаких оснований сомневаться в том, что Советское правительство в своей политике руководствуется и будет руководствоваться изложенными в ней принципами».

Поводом к появлению Декларации послужили кровавые события в Венгрии. Им предшествовали критические дискуссии по вопросам реформирования социализма и деятельности Венгерской партии трудящихся, организованные кружком имени Петёфи и получившие продолжение на съезде писателей 17 сентября 1956 г. Публикуя Декларацию, советское правительство стремилось убедить своих союзников, что признает как допущенные «нарушения и ошибки» во взаимоотношениях с ними, так и факт посягательства на «принципы равноправия» в отношениях между СССР и социалистическими государствами¹⁰. Но в западном мире провозглашенное в Декларации право социалистических стран проводить «собственный внешнеполитический курс в рамках общей стратегии» вызывало сомнения.

Венгерские события стали тем временным рубежом, после которого, как считают некоторые российские исследователи, надолго устанавливается практика «координации» внешнеполитической деятельности, осуществляемой странами Центральной и Восточной Европы¹¹.

* * *

Трагические примеры обеспечения единства «социалистического лагеря» насильственным путем после 1953 г. не устранили двойных стандартов в отношениях между Востоком и Западом. Попытки Москвы смягчить напряженность путем договоренностей по германскому вопро-

су (1954–1955 гг.) были встречены в США с определенным облегчением и намерением продолжить «в разумных границах» процесс разрядки в политике по отношению к СССР. Однако за шагами к примирению по-прежнему скрывались основные цели – ослабить советский контроль над Восточной Европой и положить конец «подрывной деятельности международного коммунизма»¹².

В Кремле также не отказались от «психологической войны», по крайней мере, в целях ограничения антисоветских атак «империализма». В одной из систематически готовившихся аналитических справок о воздействии западной радиопропаганды на советское население, подготовленной летом 1960 г., подчеркивалось, что общая продолжительность «враждебных передач» в СССР достигала 50 часов в сутки. Из них 40 часов занимали передачи на русском языке. В приведенных сведениях указывалось на особую активность радиостанции «Голос Америки»: ежедневная длительность вещания на СССР достигала 16 часов 30 минут (8 часов на русском языке, 2 часа – на украинском, по полтора часа – на литовском, латышском и эстонском, по часу – на армянском и грузинском). В ответ были организованы передачи из Москвы и столиц советских республик на волнах иностранных радиостанций.

Осенью 1959 г. после посещения Н.С. Хрущевым Соединенных Штатов почти полностью прекратилось глушение «Голоса Америки». По уточненным данным, глушению подвергались не более 3–5% передач. Причиной явилось содержание передач, Их авторы стремились убедить советских граждан «в превосходстве американского образа жизни, в том, что капиталистическая система якобы построена на свободе и заботе о благосостоянии человека». При этом, однако, тон передач, по мнению советских аналитиков, создавал впечатление «благожелательности» и был даже «заискивающим». Начиная с марта 1960 г. сократились ограничительные меры и в отношении Би Би Си: проводилось глушение только «антисоветских, клеветнических передач». Но уже весной 1960 г. количество антисоветских материалов в передачах заграничных «голосов» начало постепенно возрастать, что вызвало, соответственно, увеличение масштабов глушения – 25–30% передач в марте и 75–90% в мае. Майская статистика, по сведениям заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева, свидетельствовала, что из-за некоторого сокращения «клеветнических материалов» в среднем глушились 40–60% передач «Голоса Америка» и 5–20% передач Би Би Си.

В сводках о воздействии американской и английской радиопропаганды на советское население содержится и оценка популярности передач. К тому времени в Советском Союзе имелось около 20 млн. радиоприем-

ников, способных «ловить» заграничные радиостанции. Считалось, что у населения существует «определенный интерес» к передачам «Голоса Америки» и Би Би Си. Было установлено, что передачи слушали не только дома, но и в общественных местах, например, в чайханах в Азербайджане и Грузии. В Московской, Пермской и других областях широко использовались специальные приспособления в радиоприемниках для прослушивания заграничных радиостанций.

Ситуация, несомненно, беспокоила ответственных сотрудников Отдела пропаганды и агитации. В упомянутой справке Ильичева предлагалось организовать активное противодействие враждебной радиопропаганде и более эффективно ограждать население от ее влияния. Был подготовлен проект соответствующего постановления ЦК КПСС «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде»¹³.

Пропагандистская деятельность западных центров вызывала ответное усиление бдительности. Капиталистический альянс оставался для Москвы естественным врагом. Для поддержания готовности к отпору операциям «противника» в июле 1962 г. председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный подписал приказ по своему ведомству, предписывавший не ослаблять борьбу с подрывной деятельностью капиталистических разведок и их агентурой и принять меры к «решительному усилению агентурно-оперативной работы» по разоблачению и пресечению враждебных действий «антисоветских элементов» в СССР. Приказ имел высшую степень секретности – «Особая папка»¹⁴.

* * *

В соперничестве за влияние в мировом общественном мнении советская инициатива в защиту мира и разоружения давала известное преимущество Москве. Миролюбивые цели советское руководство реализовывало последовательно, «напутствуя» своих восточноевропейских единомышленников на совместные действия. Используя многократно апробированный способ общения, ЦК КПСС любезно пригласил и ЦК БКП отозваться на призыв «ряда коммунистических партий» (призывы такого рода, как правило, формулировались в Москве), прозвучавший в мае 1962 г. в Стокгольме, и принять участие в рабочей встрече для взаимных консультаций накануне Всемирного конгресса за разоружение и мир. Конгресс было намечено провести в Москве 9–15 июня. В письме уточнялось, что советские хозяева хотят согласовать позиции коммунистических партий по основным вопросам повестки дня конгресса, чтобы избежать возможных разногласий в связи с составом участников с различ-

ными политическими и религиозными взглядами. Организаторы форума стремились достичь сплочения между коммунистами и силами, готовыми бороться против угрозы термоядерной войны, за всеобщее и полное разоружение, за мир и сотрудничество между народами. Отсутствие в этом перечне целей «американского империализма» с его кознями, вероятно, объяснялось необходимостью расширить диапазон восприятия на международной арене советских мирных инициатив, которые, действительно, имели миллионы приверженцев. В письме устанавливалась норма участия представителей от каждой страны — от одного до трех человек и содержалось предупреждение, что встреча будет иметь «закрытый» характер. Запрашивалось также предварительное мнение ЦК БКП по высказанным соображениям. Болгарская сторона дала согласие участвовать во встрече сразу же, безо всякого обсуждения¹⁵.

* * *

Строго засекреченной сферой в деятельности ЦК БКП оставалась использовавшаяся антиимпериалистическая терминология. Она применялась в соответствии с одобренным Секретариатом ЦК «Положением о работе Разведывательного управления при Комитете государственной безопасности МВД» (1963 г.)¹⁶. Копирование соответствующих распоряжений советских спецслужб начиналось уже с заголовка документа, в котором без перевода использовалось русское слово «Положение» (в болгарском языке синоним — распоряжение, указание, руководство). Немыслимо было обойтись и без шаблона: перечисленные функции Разведуправления соотнобразовывались с «решениями и указаниями Центрального комитета Болгарской коммунистической партии, правительства Народной Республики Болгарии и приказами, директивами и указаниями руководства МВД и Комитета государственной безопасности Болгарии». Они ничем не отличались от задач, решаемых спецслужбами Советского Союза. «Органам» вменялось в обязанность вести «активную разведывательную и контрразведывательную работу на территории капиталистических стран» с целью раскрытия планов и намерений империалистического лагеря против социалистических стран и обеспечения безопасности Народной Республики Болгарии. Данный пункт содержал и конкретную деталь — указан был объект «основных усилий Разведывательного управления при КГБ»: США и их союзники, в первую очередь Турция и Греция, провозглашались «главными врагами социалистического лагеря». Самостоятельно была сформулирована амбициозная задача «оказания политического воздействия на различные слои населения и политические и общественные группировки

в Турции и Греции» с целью активизации движения в этих странах «за освобождение их от политической и экономической зависимости от США и других империалистических государств, за их выход из агрессивных блоков и проведение самостоятельной и нейтральной политики». Для обеспечения взаимодействия в восточноевропейском лагере предусматривались обмен материалами и проведение совместных и согласованных мероприятий с разведывательными органами Советского Союза и других социалистических стран в соответствии с действующими соглашениями. Определены были и сверхзадачи по подрыву монолитности «агрессивных военных блоков» путем отрыва от них Греции и Турции, «компрометации американцев и их учреждений и политики» в указанных странах, «углублению противоречий и разногласий» с США и их союзниками. Сходными с предписаниями, предназначенными советским контрразведывательным органам, были и задачи, поставленные в указанном «Положении» перед службой контрразведки, – «проведение активных мероприятий за границей против капиталистических разведок и контрразведок», «раскрытие планов и деятельности разведок главного противника по использованию враждебной эмиграции для подрывной деятельности против НРБ». В заключительной части документа особо подчеркивалось, что «наиболее важные мероприятия... проводятся с санкции ЦК БКП». «Положение» было внесено на одобрение в Политбюро ЦК с сопроводительной запиской заведующего Административным отделом ЦК от 20 июня 1963 г.

* * *

Интеграционные процессы в Восточной Европе, естественно, монополизированные и руководимые ЦК КПСС, вышли за пределы региона. Сочувствующим и единомышленникам социалистического содружества, носителям антикапиталистических настроений в Западной Европе, Азии и Африке оказывалась материальная поддержка через «профсоюзный фонд помощи левым рабочим организациям», созданный при «Совете профсоюзов Румынии»¹⁷.

В докладной записке Б.Н. Пономарева от 28 декабря 1963 г. не сказано о времени создания этого фонда. Автор отчитался о расходовании поступивших в фонд в 1963 г. средств на сумму 15 550 тыс. долларов. Обязательные взносы в фонд распределились следующим образом: КПСС – 13 200 тыс. долларов; КПЧ – 500 тыс.; РРП – 500 тыс.; ПОРП – 400 тыс.; ВСРП – 400 тыс.; БКП – 350 тыс. и СЕПГ – 200 тыс. Задолженность ПОРП и ВСРП, как и факт непоступления средств от компартии Китая (согласованная сумма равнялась 2 500 тыс. долларов) в записке не комментировались.

Из документа ясно, что денежную помощь получали 83 партии и организации. В подготовленном проекте ЦК КПСС предлагалось продолжить деятельность фонда в 1964 г. на прежних условиях, касавшихся общей суммы и размеров взносов отдельных партий. В дополнительной справке перечислены партии, получавшие финансовую помощь, среди которых максимальная сумма была выделена Итальянской коммунистической партии – 5 000 тыс. долларов. Итальянские социал-демократы получили лишь 265 тыс. Критерии распределения средств не указывались, хотя конкретные суммы наталкивают на размышления. Так, компартия Франции получила 1 500 тыс., Индонезии – 1 000 тыс., Финляндии – 650 тыс., США – 530 тыс., Англии – 240 тыс., в то время как Греции – 275 тыс., а Пакистана всего 1 тыс. долларов. Не исключено, что значение имело геополитическое значение этих стран для СССР, влияние их компартий в Западной Европе, задача обеспечения прочного добрососедства, а также и оценки перспектив сотрудничества в целях распространения советского влияния. В записке нет сведений о назначении указанных сумм, не ясно, как контролировалось их эффективное использование. Можно только предполагать, что эта помощь служила гарантией укрепления идеологических, но, в первую очередь, государственно-политических позиций Советского Союза, в той степени, в какой спонсированные партии были в состоянии оказывать нажим на правящие круги собственных стран.

* * *

Если ряд демонстративных мероприятий Кремля в 60-е годы был призван убедить мир в возможности новых перспектив в отношениях между Востоком и Западом и смягчить резонанс от «игры мускулами» (кубинский кризис 1962 г.), то напряженность на внутреннем «фронте» оставалась для властей настоящей головной болью. О неблагополучии в этой сфере свидетельствует рассекреченный доклад руководства КГБ при Совете министров СССР в ЦК КПСС от 24 февраля 1966 г. за подписью В.Е. Семичастного¹⁸. По-прежнему мерилом оппозиционных настроений был круг лиц, занимавшихся изготовлением и распространением «антисоветских анонимных документов». Указывалось, что в 1965 г., по сравнению с предыдущим 1964 г., он сократился более чем вдвое, и число обнаруженных «анонимок» составило 2827. При этом сведения о том, как были установлены авторы и их местонахождение, равно как и принципиальная возможность их учета, не раскрывались. Были зарегистрированы и случаи размещения вместе с анонимными письмами взрывных устройств в почтовых ящиках и в подъездах жилых домов (Мос-

ква, Ленинград). В докладе констатировалось, что после октябрьского пленума ЦК (1964 г.), на котором состоялась отставка Н.С. Хрущева, возросло число анонимных материалов «идеологически вредного содержания с клеветническими вымыслами о программе партии и решениях пленума». Было отмечено также и наличие листовок с требованиями улучшить снабжение продовольственными товарами, поднять зарплату, имелись призывы к вооруженной «новой революции», а на здании МГУ появилась надпись угрожающего характера: «Недалеко то время, когда мы уничтожим вас и всю вашу высокооплачиваемую бюрократическую камарилью». Многие листовки содержали требования ликвидации однопартийной системы и тех «факторов», которые ограничивали свободы, гарантированные Конституцией СССР. К списку критических заявлений в адрес правящего режима добавилось также сомнение, что коммунизм вообще будет построен, и недовольство избирательной системой и советской печатью. Статистика КГБ о социальном составе установленных авторов анонимных писем и листовок (828 человек) также вызывала беспокойство. Среди них оказались 206 рабочих, 189 учащихся, 61 колхозник и др. По партийной принадлежности 111 человек были коммунистами, 90 – комсомольцами. Анализ причин, вызвавших появление анонимных материалов, отличался поверхностным и шаблонным подходом. Оно объяснялось незрелостью граждан, неправильным пониманием ими происходивших событий, воздействием антисоветских радиопередач, распространением по разным каналам враждебной литературы. Вместе с тем выявлены были и «серьезные преступники», которые «сознательно» встали на путь борьбы против советской власти.

* * *

У критических анонимных материалов антисоветского и/или антисоциалистического содержания имелись аналоги в странах-союзнницах СССР. В Болгарии с ними связаны недостаточно исследованные результаты кампании по возвращению «изменников Родины». По предложению председателя КГБ Болгарии А. Солакова, обсуждавшемуся на заседании Политбюро ЦК БКП (протокол № 15 от 27 декабря 1966 г.), было решено прекратить мероприятия по возвращению изменников Родины за исключением случаев, признанных «целесообразными». Предложение мотивировалось нереалистичностью расчета на то, что после трех указов Президиума Народного собрания по «урегулированию положения вернувшихся изменников» последует добровольное возвращение покинувших страну граждан¹⁹.

В представленных в Политбюро данных число «изменников» к 1966 г. достигло 5933 и «невозвращенцев» – 372 человек. В результате агитационных мер, предпринимавшихся с 1954 г., и операций по «разложению враждебной эмиграции» в страну добровольно вернулись в 1964 г. 38 человек, в 1965 г. – 29 и в 1966 г. – 19. Однако, по оценкам КГБ, эффект от их возвращения был весьма негативным. Располагая крупными суммами валюты, они демонстрировали исключительно высокие жизненные стандарты, владели легковыми автомобилями, получали «высокие пенсии, назначенные им капиталистическими государствами». Кроме того, они претендовали на получение жилья в столице и трудоустройство. В результате усилия властей осуществить идеологический прорыв путем компрометации «западного образа жизни» оказались тщетными. Дело доходило до того, что вернувшиеся «изменники», действительно совершившие преступления после незаконного отъезда из страны, по возвращении в Болгарию получали прощение.

Спустя десять лет Политбюро ЦК БКП приняло решение (протокол № 17-«Б» от 27 июня 1977 г.) об «усовершенствовании работы по ограничению и обезвреживанию деятельности болгарской враждебной эмиграции и улучшению отбора и подготовки болгарских граждан, командируемых за границу»²⁰. Несмотря на наступившую «разрядку» международных отношений, особенно после хельсинкской встречи в 1975 г., в документе отразилось разнообразие приемов, с помощью которых разведывательные службы противника и его пропагандистские центры обрабатывали «различные категории эмигрантов для подрывной деятельности против Народной Республики Болгарии». Наряду с задачами «политического, идейного и организационного разложения, компрометации и изоляции враждебной эмиграции» в решении Политбюро были прописаны и другие меры, предусматривавшие создание дополнительных административных барьеров против потенциальных «беглецов» и «невозвращенцев».

В системе предотвращения несанкционированных выездов на этом этапе был активно задействован партийный аппарат. Согласно пункту 3 распоряжения об «отборе» и «идейно-политической подготовке» выезжающих за границу болгарских граждан предусматривалось создание «комиссий», подчиненных Отделу кадров, партийных организаций и командировок ЦК БКП и окружным комитетам партии и дававших разрешение на выезд, притом «только тем лицам, которые доказали свою политическую и моральную устойчивость, являются преданными патриотами и которые своим поведением..., идейной убежденностью могут завоевать для дела социализма новых сторонников, быть активным фактором проведения политики партии за рубежом». В это время

более гибким становится подход к эмиграции: делается разграничение между ее «враждебными» и «лояльными» по отношению к Болгарии кругами. Если в отношении первых предусматривались такие санкции, как лишение болгарского гражданства, компрометация руководителей, «насаждение недоверия к ним в спецслужбах противника», то лояльным эмигрантам разрешались «взаимные посещения» (разумеется, после проверки со стороны «компетентных органов»), им оказывалась помощь при создании «патриотических земляческих организаций». В заключительной части решения Политбюро Отделам кадров и военному и МВД предписывалось в срок до 31 декабря 1977 г. подготовить предложение «об организации и порядке выездов болгарских граждан за границу на основе опыта КПСС».

* * *

24 июля 1973 г. решением «Б» протокола № 8 Политбюро ЦК БКП одобрило новое Положение о работе Разведывательного управления при МВД²¹, отразившее в несколько усовершенствованном и слегка замаскированном виде задачи и функции этого ведомства. Диапазон разведывательной деятельности был расширен за счет необходимости получения «культурно-исторической информации». Это направление работы было создано по настоянию интеллектуальных кругов, близких к председателю Комитета по культуре, дочери Т. Живкова Людмиле. Впоследствии оказалось, что цели «инициаторов» были в большей степени карьеристскими, нежели профессиональными. Но в тот момент приводимые ими аргументы явились обоснованием необходимости подобной информации для ЦК БКП и высших органов власти «при решении задач внешней политики, обеспечении безопасности страны и построении развитого социалистического общества». Фигурировали в документе и неизменные «сотрудничество» и «самая тесная связь с советской разведкой». Воспроизводились и стереотипные формулировки о «постоянно углубляющихся интеграционных процессах между двумя разведками как внутри страны, так и за ее пределами». В разделе, конкретизировавшем задачи ведомства, определялись и объекты разведывательной деятельности – «Соединенные Штаты Америки, Китай, НАТО и в первую очередь южное крыло Североатлантического пакта». Более конкретно в отношении КНР и Народной Республики Албании говорилось о «раскрытии намерений, планов и деятельности партийного и государственного руководства» обеих стран, направленных на «раскол единства социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения и

создания антисоветской и антиболгарской группировки из числа стран Балканского полуострова».

В данных указаниях трудно можно обнаружить элементы разрядки, объявленной перспективой политики в международных отношениях. Тем более, что Положение было согласовано с Москвой. Это подтвердил министр внутренних дел Д. Стоянов, отметив, что КГБ СССР «замечаний по проекту документа не имеет». Оптимистические ожидания при выполнении «ответственных задач» Разведывательным управлением он, естественно, связал с «сотрудничеством и взаимодействием между болгарской и советской разведкой», которые достигли «еще более высокого уровня».

* * *

Мероприятия по единодействию, гарантирующие «монолитность» социалистического содружества, как правило, инициировались Кремлем. Некоторые из них имели откровенно назидательный характер. Как правило, ожидаемая в Москве реакция определялась советским послом. Нередко эту цель преследовали визиты высокопоставленных партийных функционеров. Для проведения советской линии также часто использовались регулярно созывавшиеся совещания коммунистических и рабочих партий, Политического консультативного комитета (ПКС) ОВД, СЭВ, приглашения на личные встречи с восточноевропейскими лидерами. Практиковался и обмен мнениями путем переписки. Характерный пример дисциплинарной практики Кремля отражен в протоколе № 24 под литерой «Б» Политбюро ЦК БКП от 16 ноября 1979 г.²² Поводом для обсуждения явился запрос со стороны ЦК КПСС относительно «уровня участия» болгарской стороны в XII съезде РКП. Полного текста ответа болгарской стороны в документах нет, но о его содержании можно судить по протоколу. В повестке дня заседания Политбюро указан единственный пункт – «О сообщении ЦК КПСС по поводу нашего ответа об уровне участия в XII съезде РКП». Объясняя свою позицию, Политбюро пыталось загладить «недоразумения», возникшие в связи с решением о делегировании на съезд генерального секретаря ЦК БКП Т. Живкова. Всестороннее обсуждение «соображений», обоснованных в сообщении, раскрывает суть советских возражений. Они касались независимого поведения румынских партийных руководителей, причинивших «вред» отношениям в социалистическом содружестве в связи с «отклонениями и неправильными, не классовыми позициями РКП и Социалистической Республики Румынии по ряду основных вопросов». В репликах участников заседания, отрицавших обвинения Москвы, звучали заверения в единомыслии с указаниями Кремля развернуть

критику румынской компартии. Были отвергнуты нападки в связи с якобы проводившейся БКП «какой-то своей особой линией», отличной от «обща разработанной и согласованной линии братских социалистических стран». Отвергались обвинения в том, что члены ЦК «замазывали» существующие разногласия. Утверждалось, что основной целью двусторонних встреч являлось «оказание положительного воздействия» на румын для «преодоления их ошибочных позиций». Разъяснялось также, почему Политбюро считало правильным, чтобы БКП на съезде представлял Т. Живков. Решения, зафиксированные в протоколе, создавали впечатление, что, наряду с обязательным следованием советским указаниям, болгарский ЦК и его генеральный секретарь имели намерение установить более тесные отношения с Бухарестом. По всей видимости, неафишировавшейся целью при этом было знакомство с румынским опытом установления прагматичного общения с Западом. Вместе с тем не упускалась из вида и задача сбора информации о несанкционированных Москвой румынских связях с западным союзом, который по-прежнему считался основным противником. В качестве доказательства напомним, что информация Политбюро ЦК БКП о последней встрече Т. Живкова с Н. Чаушеску была передана без редакторской правки посла Н.П. Толубеева. В целях парирования возможных упреков советской стороны в проявленном своеволии при контактах с Бухарестом в документе повторялись клятвы верности КПСС. Для спокойствия советских товарищей приводился довод, что возможное участие Т. Живкова в работе съезда не могло быть расценено как несогласованная с ЦК КПСС самостоятельная акция.

Данное обсуждение раскрыло некоторые особенности поведения партийной элиты, выразившиеся в демонстрации преданности Москве во имя сохранения своих властных позиций. «...В международном коммунистическом движении, как и во всем мире, известно, что наша партия и наша страна связаны с КПСС и с СССР, что они имеют полностью одинаковые позиции по всем вопросам и что товарищ Тодор Живков – один из самых близких друзей СССР и лично тов. Леонида Ильича Брежнева. Но поскольку ЦК КПСС отрицательно отнесся к нашей позиции, мы, как и прежде, согласились с его доводами», – подчеркивалось в документе. Однако, несмотря на явное желание болгарской стороны рассеять малейшие подозрения в неподчинении, все же создается впечатление, что руководящая партийная элита пыталась проявить собственную инициативу в целях установления более выгодных двусторонних отношений с соседними странами, не навлекая при этом на себя гнев Москвы.

Спустя десять месяцев Т. Живков предпринял очередной шаг в целях восстановления пошатнувшегося реноме наиболее преданного и послушного «друга СССР». Поводом к обстоятельному анализу руководством БКП состояния и перспектив социалистической системы стали события в Польше. В протоколе заседания Политбюро ЦК БКП от 1 сентября 1980 г. содержались хвалебные оценки «апрельской линии» БКП, «способности партии своевременно решать назревшие проблемы на этапе строительства развитого социалистического общества». Разумеется, при этом отмечались «дальновидность» и «творческий подход товарища Тодора Живкова к разработке и реализации стратегии нашего социально-экономического развития...». Чтобы еще сильнее подчеркнуть умение болгарского руководства управлять страной, острой критике было подвергнуто руководство ПОРП, проявившее колебания, не справившееся с недовольством трудящихся и поддавшееся «натиску мелкобуржуазной стихии». (При этом болгарское руководство явно учло критику поляков за допущенные ими «ошибки» в управлении экономикой, породившие широкое недовольство с «политическими претензиями» к властям, которая прозвучала из уст советского посла в Софии Н.П. Толубеева 30 августа 1980 г., т. е. накануне заседания Политбюро²³). К разряду подстрекателей были отнесены «контрреволюционные элементы», получавшие помощь от «реакционных империалистических центров». Но вина за рабочие выступления возлагалась на «серьезные слабости в политической, идеологической и организаторской деятельности ПОРП», которая не обеспечила правильного, «с классовых позиций», руководства общественной жизнью.

Выразив удовлетворение в связи со стабильностью внутривнутриполитической обстановки в Болгарии, Политбюро поручило секретариату ЦК подготовить информацию о положении в Польше и ознакомить с ней «актив партии». Решение отразило обеспокоенность «верхов», как бы общественное недовольство не охватило и Болгарию. Чувство тревоги выразил Т. Живков и в беседе с Толубеевым 30 августа. Советский дипломат выслушал монолог Живкова, уйдя от ответа на прямой вопрос болгарского руководителя, не вмешается ли Москва «в критической ситуации», как это было в Чехословакии в 1968 г. Молчанием он встретил и заявление Живкова о том, что болгарская сторона, «как всегда, ничего не предпримет без предварительного согласования с ЦК КПСС».

Принятой практике «консультаций» и «согласований» политики с «советскими товарищами» Живков следовал вплоть до вынужденной отставки 10 ноября 1989 г. После 1985 г. по различным поводам он встречался с М.С. Горбачевым. В сообщениях СМИ обыкновенно отмечалось, что встречи проходили во время «кратких рабочих визитов в СССР». Болгарская общественность также узнавала, что Политбюро ЦК БКП поддержало «общий вывод товарищей Тодора Живкова и Михаила Горбачева о принципиальном совпадении целей и задач перестройки, глубоких по своему характеру преобразований в Народной Республике Болгарии и Советском Союзе». (См. Коммюнике рабочей встречи в СССР 15–16 октября 1987 г.²⁴). Хотя запись беседы уже анализировалась в болгарской историографии, в предлагаемой нами интерпретации будут отмечены новые акценты в концепциях обоих лидеров, касающихся перестройки в НРБ и СССР. Прежде всего, обращают на себя внимание взаимные заверения, что отношения между двумя странами «самые тесные, товарищеские» (М.С. Горбачев), «особенно близкие» (Т. Живков). Впрочем, уже здесь проявились нюансы. Если Горбачев подчеркнул, что к этим отношениям в Москве относятся с полным доверием, то Живков, следуя традиции «сверять свои часы с Москвой», стремился добиться иного эффекта – опровергнуть своих болгарских критиков, рисовавших его позицию перед Москвой как неодобрение методов перестройки в СССР и желание переориентировать Болгарию на Запад из-за очевидных выгод от внедрения технологических инноваций. К слову, научно-техническое отставание социалистических стран признавал и Горбачев. На встрече генеральных секретарей в советской столице в ноябре 1986 г. уже прозвучало, что необходимы «серьезные перемены», что следует «оседлать научно-техническую революцию», что «наша внутренняя жизнь требует новых методов руководства», а внешняя политика – «приведения ее в соответствие с историческими реалиями» и «новым мышлением и действиями в международных отношениях». В заключение признавалось, что «мы теряем позиции в некоторых сферах». Откровенные оценки советским лидером состояния советской системы звучали шокирующе на фоне недавних призывов следовать передовому советскому опыту во всех сферах общественно-политической жизни. Горбачев поделился тревогой в связи с тем, что советский народ охвачен «апатией», «социальным бездействием», «отчужден» от политики и экономики. В свою очередь Живков превозносил проведенные политические реформы в Болгарии, чтобы доказать, что введение «самоуправления» во всех сферах общественной жизни и углубление «демократизации» являлись болгар-

ским вкладом в советскую перестройку. Он позволил себе утверждать, что проводит реформы всех компонентов болгарской социалистической системы и они – эти реформы – по некоторым направлениям даже более радикальны, нежели в СССР. Наряду с этим, Живков считал нужным засвидетельствовать (в который уж раз!), что отношения между БКП и КПСС и двумя народами «особенные» – это отношения «братской дружбы и сотрудничества». Более того, он заявил, что на протяжении 30 лет «мы не создавали Советскому Союзу никаких трудностей».

Вопреки заявлениям, что советский партийный центр намерен отказаться от «командно-административного и директивного руководства», усиливавшего бюрократию, в Кремле не хотели оставлять коммунистические партии без надзора. Чтобы рассеять беспокойство ЦК КПСС в связи с ходом болгарской перестройки («без широкого обсуждения на местах»), в Болгарию был направлен В.А. Медведев. Тревога Москвы была связана с тем, что в случае провала болгарских попыток «перестроиться» все обвинения могли пасть на советскую сторону, якобы настаивавшую на копировании собственного опыта. Горбачев не одобрял выдвинутую Живковым идею «отнять власть у правящей партии», но был согласен принять болгарское предложение о «еще более тесном деловом сотрудничестве во всех областях и на качественно новом уровне». Острой, хотя и понятной была реакция Горбачева на тех людей в окружении Живкова, которые хотели превратить Болгарию в «мини-ФРГ» и «мини-Японию». По сути, проявлявшееся недовольство было равнозначно предупреждению, что неконтролируемая прозападная ориентация нежелательна для Москвы и что все способы решения задач перестройки следует искать в рамках социалистической системы (хотя бы на том этапе). Атаки заставили Живкова обороняться, атакая. Он выразил возмущение, что Горбачев доверяет необъективной информации, источником которой были лица из болгарского «высшего эшелона», руководствующиеся «карьеристскими стремлениями». Искры проскакивали и при обсуждении обоими лидерами оспаривавшегося Горбачевым тезиса о «разграничении функций между партией и государством». Живков запел слишком далеко со своей идеей «ликвидировать» положение, при котором партия являлась также и «эшелоном» государственного управления. После обмена репликами, в которых сквозило неприкрытое раздражение, Горбачев вернулся к обманчиво-ласкательному тону, стремясь успокоить собеседника: «Между нами не существует никаких различий – ни политических, ни теоретических, ни идеологических, ни в чисто человеческом плане». В стенограмме фигурирует фраза, расширяющая представление о неискренности в отношениях сторон: «Мы имеем полное доверие к партийному и государственному руководству Вашей страны и лично к Вам, тов. Живков».

Традиция директивно определять темы партийных мероприятий и порядок их подготовки не была нарушена. Горбачев сформулировал задачи повестки дня заседания в честь 70-летия Октябрьской революции. Он нацелил выступления делегаций демократических стран и движений на вопросы «современных реальностей в мире» и проблему «сохранения мира». В специальном письме ко всем приглашенным участвовать в торжествах партиям содержался хорошо известный намек на необходимость придерживаться тех проблем, которые будут комментировать хозяева. С этой целью сообщалось, что советская сторона представит взгляды КПСС на «перспективы мирного развития», на свою и других сил роль «в обеспечении сохранения человечества». И, наконец, во избежание возможных неожиданностей адресатам сообщалось о просьбе хозяев предварительно высказать свои «соображения» по организации и проведению встречи.

* * *

Кульминацией в «дружеском» декретировании перестройки в Восточной Европе можно считать лето 1989 г., когда 7–8 июля в Бухаресте состоялось одно из последних совещаний ПКС ОВД. Незадолго до него Т. Живков вновь поспешил устроить «рабочую встречу» с М.С. Горбачевым. Она состоялась в Москве 23 июня²⁵. Болгарский генсек не скупился на похвалу в адрес Горбачева за мероприятия на международной арене – «ход» в отношении с Ираном, визит летом 1989 г. в КНР (хотя оппозиции не удалось нанести ожидавшийся политический удар – организовать демонстрацию на площади Тяньаньмынь), «прорыв» в отношениях с ФРГ. Живков хорошо просчитал большое самомнение советского лидера, его восприимчивость к лести и признанию международного резонанса реформаторской политики. Сам Горбачев не устал повторять, что Кремль в последние годы перехватил «стратегическую инициативу» у Запада, что США и другие страны являлись «эгоистами», в то время как советские руководители «откровенны», имеют «ясные и крупные замыслы». Для их реализации требуется «спокойствие» в мире, чтобы сократить военные расходы, осуществляющиеся за счет жизненного уровня советского народа. Ревизии была подвергнута и оценка развития Соединенных Штатов. Было признано, что еще в начале 70-х годов Америка модернизировалась и заняла лидирующие позиции в мире. Это преимущество было достигнуто «главным образом, по вине Советского Союза», руководство которого не обращало внимания на «ценные идеи и видения», рождавшиеся в социалистических странах. Указывая на допущенные ошибки и накопившееся огромное количество нерешенных проблем, Горбачев верил, что социализму можно и

нужно дать «второе дыхание, вторую жизнь». Чтобы убедить собеседника в искренности своих намерений, он раскрыл масштабы трудностей и недостатков в работе КПСС, констатировал ее отставание от задач дня.

Окрыленный признаниями советского лидера Живков доразвил тему о причинах, обусловивших отставание социалистических стран в соревновании с Западом. Не оставил без внимания и основной упрек – требование внедрения советской модели «от малого до великого» и при том «без изменения». Живков подчеркнул, что «любая попытка внести что-то новое рассматривалась как ересь». Он не постеснялся покритиковать советское руководство: «Лично меня вызывали сюда 5–6 раз, чтобы остановить какие-либо эксперименты». Болгарский руководитель откровенно высказал свою тревогу и в отношении советских реформаторских начинаний: «Перестройка политической системы кричаще опережает перестройку производительных сил». Без колебания он заявил, что Болгария не будет следовать советскому примеру: в стране вводилась система организации фирм на производстве и в торговле, и с помощью нескольких «маневров», считал Живков, «возникшие проблемы» будут решены. Шла речь и о предоставлении полной свободы каждой социалистической стране во внешнеполитических делах, не допуская при этом смены строя. Чтобы сгладить неприятное впечатление от продемонстрированного им убеждения в неправомерности отношений между НРБ и СССР, Живков напомнил, что Болгария – «единственная республика, которая не создавала, не создает и не будет создавать вам никаких трудностей». Он также настоял на том, чтобы Горбачев высказался, имеет ли претензии к Болгарии и лично к Живкову.

Горбачев, естественно, повторил прежнюю оценку, что Москва «испытывает полное доверие, исключительное доверие» к Живкову и его команде. Но вместе с тем предупредил, что и в Софии, и в Москве есть «горячие головы», которые смотрят «только на Запад». И еще – «любое нарушение наших взаимоотношений почти равно гибели». В конце беседы Горбачев многозначительно заметил, что необходимо, чтобы «старое поколение» передало свою убежденность и опыт «молодому поколению».

Намек недвусмысленно указывал: пора уступить власть, хотя и сопровождался успокаивающими словами: «Повторяю, к Вам и вашему руководству, к болгарскому народу имеем полное доверие. У нас нет никаких претензий, и мы желаем Вам успехов во всех ваших начинаниях».

Живков оставил замечание о смене поколений без комментариев. Но не упустил возможности поставить вопрос о новой «модели» сотрудничества между НРБ и СССР, «не повторяя некоторых прежних ошибок». Он хотел произвести впечатление, что, несмотря на возраст, вполне способен

модернизировать Болгарию, и предложил начать с создания «транснациональных кампаний» с участием СССР, «там, где мы к этому готовы».

Дружеские «консультации» с Горбачевым в конце июня 1989 г. несколько успокоили Живкова, решившего, что ему удалось сгладить недопонимания, раздутые его недоброжелателями. Итоги встречи с Горбачевым обсуждались на заседании Политбюро 4 июля 1989 г.²⁶, задуманном как разгром критиков Живкова и получение им индульгенции на сохранение руководящих постов. Информировав членов Политбюро о беседе, Живков самоуверенно заявил, что вернул доверие к себе и что сомнение в проводимой ЦК БКП политической линии «полностью преодолено». Стенограмма отразила нюансы в выступлениях П. Младенова и Г. Атанасова, свидетельствующие о понимании, что нападки Москвы на «политически нечистоплотных людей», критикующих перестройку «по-Живкову», имели вынужденный характер и что неудовлетворенность советского руководства положением в Болгарии сохраняется. Было отложено на будущее и обсуждение судьбы социалистического содружества с учетом процессов в Польше и Венгрии. Дистанцирование от политических реформ в Советском Союзе и боязливая экономическая переориентация на западный рынок использовались Живковым в корыстных целях. Испуганный «доносами» против его перестройки он смешал раболепие перед советским руководством с пропагандистскими лозунгами единства в социалистическом блоке путем сохранения ОВД и СЭВ, время которых, по существу, прошло. С одобрением Живков воспринял предупреждение, что если страны Балтии возьмут курс на самостоятельное (прозападное) экономическое развитие, то будут торговать с СССР на основе международных цен, включая и энергоносители.

Тема облагораживания социализма, придания ему «второго дыхания», раскрытия «его огромного потенциала новыми импульсами» получила продолжение на совещании ПКС ОВД 7–8 июля 1989 г. в Бухаресте²⁷. Исходной базой обсуждения явилась констатация, что все социалистические государства должны решать сходные задачи, «порожденные необходимостью преодолеть негативные тенденции их внутреннего развития». Согласно информации министра иностранных дел П. Младенова, представленной в Политбюро, эти тенденции были сведены к отставанию соцстран, «особенно в области новых технологий, темпах роста, валютных долгах». Неприятной оказалась и оценка западных аналитиков, согласно которой сложившаяся ситуация предвещала «закат социализма». Одновременно фиксировались и позитивные моменты в международных отношениях – постепенное складывание атмосферы «доверия» между Востоком и Западом, распространявшиеся среди европейцев настроения в пользу выхода

«из окопов холодной войны», бóльший реализм в политике американской администрации. При расстановке акцентов относительно расширения контактов с западными странами и строительства «общего европейского дома» педалировалось одно условие, скрывавшее определенные замыслы. Они проявились в высказанных М. Горбачевым ожиданиях, что удастся «сохранить общие для европейских народов интересы и ценности», вести «равноправный диалог», утверждать «единство Европы от Атлантики до Урала» при сохранении «самобытности каждой страны и социального, экономического, культурного многообразия». Прозвучавшее предупреждение не нарушать внутривнутриполитическую стабильность ни в одной из социалистических стран выдавало расчет на то, что социалистическая система или хотя бы некая форма более близких отношений, а может быть и иерархия связей, между Москвой и восточноевропейскими спутниками сможет уцелеть. Один из аргументов в защиту советских претензий – опасение, что возможное посягательство на прежние связи СССР «отразится на балансе сил в Европе, на укреплении доверия между двумя частями континента». Скрытым мотивом при этом являлся страх перед нерегламентированным разрушением политического статус кво и приобщением советских союзников к западному альянсу. Вместе с тем Горбачев, демонстрируя «новое мышление», заявил о готовности СССР «согласовать с руководствами союзных стран масштабы и порядок вывода советских воинских контингентов» из Восточной Европы. Повторен был категорический и понятный настрой на реализацию интеграционных программ с Западной Европой в сфере транспорта, экологии, наукоемких технологий, обеспечения безопасности ядерной энергетики... Разумеется, в качестве страховки не единожды прозвучало условие – «это сотрудничество должно осуществляться на основе взаимного уважения интересов, строгого соблюдения принципов международного общения». Это требование, судя по всему, должно было подавить искушение какой-либо из восточноевропейских стран адаптироваться к западной государственно-политической модели. Посему в информации П. Младенова особенно подчеркивалась та часть выступления Т. Живкова, в которой говорилось о «необходимости укреплять позиции социализма». Этот призыв был спровоцирован уже отмеченными признаками «дестабилизации и дезинтеграции некоторых наших стран как звеньев Варшавского договора», отметил Младенов.

В отчет о проведенных по ходу совещания в Бухаресте встречах, естественно, не были включены неофициальные беседы М.С. Горбачева с П. Младеновым и Д. Джуровым об отстранении Живкова. Однако и в доступных стенограммах выявляются откровения, ставящие под сомнение возможности социалистических стран преодолеть «накопившиеся

проблемы и серьезные недостатки», переросшие, по словам Горбачева, в «целые явления». Он не скрывал, что свои, «родные», критики социализма поощрялись «внешними силами», оговорившись, что под последними не следует понимать только США. Но именно они откровенно использовали «весь свой аппарат» для поддержки «экстремизма и антисоветизма». Данная констатация, однако, не мешала генеральному секретарю ЦК КПСС поддерживать тесные связи с Вашингтоном и именно с американской администрацией решить судьбу Восточной Европы во время встречи на Мальте 2–3 декабря 1989 г. Ему и его команде принадлежала начавшаяся практика разрушения старых структур, без, по собственному признанию, создания «новых механизмов». Правда, не обошлось без предупреждения, что предстоят «обновление кадров» и проведение «новой политики со свежими кадрами».

Политическую словесную эквилибристику, одобренную предложениями по спасению социализма, сильно поколебал реалистический анализ ситуации в Польше, предложенный в Бухаресте В. Ярузельским. Он дополнил критику деятельности коммунистических партий, вызвавшей «отчуждение» людей от власти, примерами из жизни ПОРП, в которых без труда просматривались общие для всей Восточной Европы проблемы. Он подчеркнул, что ПОРП «иногда» вела себя как «абсолютный монарх», который всегда и во всем прав. Интервал между кризисами в социалистической Польше неумолимо сокращался: 1956, 1970, 1980 гг. Введение военного положения в Польше Ярузельский определил как «военную победу» и «политическое поражение». Длительная «симуляция» демократичности и принципиальности при проведении выборов дезорганизовала партийные кадры и сделала их «неспособными» вести политические сражения, убеждать и привлекать на свою сторону людей, чтобы быть избранными, а не «назначенными». Остро осудил польский руководитель и отношение партийных «верхов» к «лояльным союзникам» ПОРП. Комментируя существование сильной оппозиции, он охарактеризовал ее не только как «серьезную угрозу», но и как «двойной шанс» для власти – шанс осознать свои ошибки. Ярузельский точно определил недостатки в реализации партийной власти: «Партия, находясь под зонтиком, в тепличных условиях, потеряла зубы. Мы питались политическими иллюзиями, что критика и самокритика внутри партии может заменить критику извне. К сожалению, этого не произошло. ... На то, что происходит в социалистических странах и в Польше, оказывают влияние и внешний фактор, Запад, империализм... С другой стороны, я часто охлаждаю пыл наших товарищей, которые всю вину склонны свалить на противника, ведущего с нами борьбу, – как внутреннего, так

и внешнего. ...А что сделали мы сами для того, чтобы у противника не было условий установить связь с трудящимися, с рабочим классом? Мы создаем ему условия...»²⁸ Все же свое выступление Ярузельский завершил полуоптимистично – «победит перестройка».

В присутствии Горбачева любой другой лозунг вряд ли был уместен. Старый рефлекс следования генеральной линии Кремля продолжал действовать. С другой стороны, именно советская «перестройка» с ее вектором «гласности» способствовала тому, что генеральные и первые секретари компартий европейских соцстран «обогащали» перечень недугов управления собственными проблемами. В сущности, разрешение дискутировать и даже оспаривать позиции Москвы, отстаивать взгляды отдельных «союзников» – результат очередной, подготовленной советским высшим партаппаратом встречи для «товарищеского» обмена мнениями. Совещение в Бухаресте – одно в череде встреч, на которых были поставлены задачи коренных изменений внутри- и внешнеполитического курса, продиктованные решениями ревизовать политику Сталина, Хрущева, Брежнева... По режиссуре Кремля было подготовлено свержение Т. Живкова, Э. Хоннекера, Н. Чаушеску... Неофициально была оказана помощь при рождении оппозиции в запоздавшей с перестроечными процессами Болгарии, да и не только в этой стране. Медийное «затемнение» было распространено на контакты болгарских партийных реформаторов с советской правящей элитой. Политика дирижируемого сотрудничества с формальными дискуссиями по серьезным проблемам социалистического содружества обслуживала советский замысел трансформации социалистической системы путем «демократизации» и «рыночной экономики» в обручиваемый более века капитализм. Взаимный обмен опытом явился фактором выживания и метаморфозы прежде всего значительной части высшей партийной номенклатуры.

Примечания

¹ Гибианский Л.Я. Политика Сталина в Восточной Европе. Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны. Материалы «круглого стола» / Под ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. Москва-Арзамас. 2000. С. 152–179; Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002, (2-ое изд. М., 2008); Баев Й. КГБ в България. Сътрудничество между съветските и българските тайни служби. 1944–1991. София, 2009.

- ² Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 89. Оп. 38. Д. 69. Л. 1–3. – Советская делегация – Молотову (Вне очереди). Телеграмма из Парижа № 38673 от 29 ноября 1948 г.
- ³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 38. Д. 71. Л. 1–3. – Париж. Вышинскому от Молотова (Вне очереди).
- ⁴ *Егорова Н.И.* Новая история «холодной войны» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 125.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 30. Л. 2.
- ⁶ Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 1-Б. Оп. 64. А.е. 185. Л. 23–58.
- ⁷ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 426–462.
- ⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Отв. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003. С. 207, 982.
- ⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 31. Л. 1–2.
- ¹⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 464–467.
- ¹¹ *Вахромеев А.В.* Координация внешнеполитической деятельности европейских социалистических стран // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй. От стабилизации к кризису. 1966–1989. М., 2001. С. 286–299.
- ¹² *Егорова Н.И.* Понятие «разрядка» в 1950-е годы: советская и западная интерпретации // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. Часть 1. М., 2003. С. 84.
- ¹³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 14. Л. 1–5.
- ¹⁴ Там же. Оп. 6. Д. 20. Л. 3–11.
- ¹⁵ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 64. А.е. 296. Л. 1–4.
- ¹⁶ Там же. А.е. 313.
- ¹⁷ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 38. Д. 6. Л. 1–6.
- ¹⁸ Там же. Оп. 6. Д. 30. Л. 1–8.
- ¹⁹ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 64. А.е. 359. Л. 1–11.
- ²⁰ Там же. А.е. 504.
- ²¹ Там же. А.е. 427. Л. 1.
- ²² Там же. А.е. 568. Л. 1–4.
- ²³ Там же. А.е. 603. Л. 1–55.
- ²⁴ Там же. Оп. 68. А.е. 3272. Л. 1–55.
- ²⁵ Там же. А.е. 3698. Л. 48–76.
- ²⁶ Там же. Л. 132–146.
- ²⁷ Там же. А.е. 3707-а. Л. 1–267.
- ²⁸ Там же. Л. 44–45.

А.С. Стыкалин
(Институт славяноведения РАН)

Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС

Благодаря трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг., в 2003–2008 гг. был введен в научный оборот большой комплекс новых архивных документов, позволивших заметно расширить источниковую базу исследований как внутренней, так и внешней политики СССР в 1950–1960-е годы¹. В издание включены документы, отражающие ход повседневной работы этого высшего органа партийно-государственной власти в СССР в первое послесталинское десятилетие, на котором замыкалось принятие всех ключевых решений. В трехтомник вошли краткие рабочие записи многих заседаний Президиума ЦК КПСС, выполнявшиеся заведующим отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным², стенограммы некоторых заседаний³, постановления, записки, готовившиеся для членов Президиума ЦК КПСС. В записях заседаний зафиксирован, хотя и с неодинаковой степенью полноты, ход обсуждения самого широкого круга вопросов, привлекавших внимание партийно-государственного руководства, – экономических, внутриполитических и внешнеполитических⁴. Источник помогает реконструировать конкретные обстоятельства и выявить механизмы принятия на высоком уровне ключевых решений – о выступлении Н.С. Хрущева с докладом о культе личности в конце работы XX съезда КПСС, о военном вмешательстве в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г., о путях разрешения Суэцкого кризиса 1956 г., Берлинского кризиса 1961 г., Карибского кризиса 1962 г. и т. д. Раскрывается своеобразие позиций отдельных членов партийного руководства. Следует заметить, что с течением времени это своеобразие проявлялось все меньше и меньше. После разгрома в июне 1957 г. антихрущевской оппозиции послесталинское коллективное руководство сменяется единоначалием. Ожесточенные споры, в частности, между Н.С. Хрущевым и В.М. Молотовым, уходят в прошлое. Не встречая теперь, как правило, отпора, Хрущев после устранения сдерживавшей его оппозиции вел себя все самоувереннее, все более навязывая соратникам свою волю, а сами заседания высшего

органа партии, как особенно хорошо видно из стенограмм, приобретают зачастую характер монологов, только изредка нарушаемых одобрительными возгласами других членов Президиума. И не меняли в общем сути дела осторожные попытки А.И. Микояна скорректировать некоторые крайности в суждениях и предложениях Хрущева, например, о способах разрешения Берлинского кризиса 1961 г.

Записи заседаний Президиума дают представление о приоритетах внешней политики СССР. Вопросам отношений с восточноевропейскими союзниками и другими социалистическими странами уделялось неослабное внимание, особую остроту эти проблемы приобрели осенью 1956 г., в период польского и венгерского кризисов. Начиная с весны 1955 г. одним из существенных направлений советской внешней политики становится югославское; задача нормализации отношений с режимом Тито была сопряжена с задачей восстановления единства «социалистического лагеря» и мирового коммунистического движения. С конца 1955 г., после того, как в ходе азиатского турне Хрущева индийский лидер Дж. Неру обозначил негативное отношение формирующегося движения неприсоединения к Коминформу, внимание советских лидеров в течение ряда месяцев было приковано к проблеме эффективности и целесообразности дальнейшего существования этой структуры, выступавшей в качестве главного инструмента при осуществлении массовой антиюгославской кампании после 1948 г. Документы Президиума ЦК КПСС показывают, в какой мере решение о роспуске Коминформа, принятое после долгих колебаний в апреле 1956 г., незадолго до визита Тито в СССР, было жестом в отношении Югославии, сделанным в целях устранения существенного препятствия, стоявшего на пути развития советско-югославских отношений. Сложные зигзаги советско-югославских отношений во второй половине 1950-х гг. продолжали находить отражение в документах Президиума ЦК. Однако с конца 1950-х гг., когда руководство коммунистического Китая попыталось бросить вызов ведущей роли СССР в мировом коммунистическом движении, югославский вопрос отходит на второй план, тогда как все более приоритетное значение приобретают советско-китайские отношения.

Вопросы советско-болгарских отношений неоднократно рассматривались на заседаниях Президиума ЦК КПСС, но чаще в контексте обсуждения более общих проблем советского лагеря, а также экономического сотрудничества социалистических стран. Внутривнутриполитическая ситуация в Болгарии реже становилась предметом рассмотрения, не вызывая слишком большого беспокойства, особенно на фоне проблем, связанных с некоторыми другими странами – венгерского кризиса и польских событий 1956 г.; китайского

вызова; сохраняющей свою притягательность югославской альтернативы советскому пути; разрыва с Албанией в 1960–1961 гг. и, наконец, усиления разногласий с Румынией в 1963–1964 гг.⁵ Один из редких случаев, когда внутриполитическая обстановка в Болгарии (точнее, внутрипартийная борьба в БКП) стала предметом специального рассмотрения на заседании Президиума ЦК КПСС, относится к 14 марта 1956 г. – периоду подготовки поворотного апрельского пленума ЦК БКП⁶. Как следует из очень скупых записей, речь шла о командировании в Софию одного из членов Президиума ЦК КПСС, в частности А.И. Микояна, для более подробного изучения на месте ситуации в стране⁷, и о приглашении делегации Политбюро ЦК БКП в Москву для предварительного обсуждения ряда вопросов⁸. Насколько можно понять из контекста, имелось в виду согласование с ЦК КПСС наиболее существенных вопросов, вынесенных на рассмотрение предстоящего пленума – о дальнейшем пребывании В. Червенкова во главе правительства, о мере допустимости критики в готовящихся решениях ЦК БКП всей предшествующей политики партии⁹.

Через полгода, в конце октября 1956 г., в ходе дискуссии относительно методов разрешения венгерского кризиса была неожиданно затронута возможность подключения Болгарии к осуществлению планов Москвы. В частности, 28 октября на заседании Президиума ЦК КПСС речь зашла о предполагаемой эвакуации в Болгарию, где обстановка была в целом стабильной¹⁰, ряда прежних руководителей Венгрии (Э. Гере, А. Хегедюша, Л. Пироша), чье дальнейшее пребывание на родине, вызывая острое раздражение в венгерском обществе, мало способствовало внутриполитическому урегулированию¹¹. От идеи, однако, в течение считанных часов отказались. Уже вечером того же дня бывший первый секретарь Центрального Руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Э. Гере и большая группа людей из управлявшей страной до осени 1956 г. «команды Ракоши – Гере» отбыли в Москву.

Известно, что в начале ноября, встречаясь в Бухаресте с представителями компартий Румынии, Болгарии и Чехословакии, Хрущев отверг предложение о подключении к намеченной на 4 ноября решающей советской военной акции в Венгрии двух других армий стран-участниц Организации Варшавского Договора – румынской и болгарской¹². В то же время в Москве были не прочь использовать Болгарскую народную армию (БНА) как один из инструментов в политике силового давления в отношении Запада в условиях одного из ближневосточных кризисов. Летом 1958 г., в момент обострения ситуации в Ливане и Иордании был проведен ряд крупномасштабных военных маневров, в том числе на территории Болгарии с участием как болгарских, так и советских войск¹³.

Пристегивание БНА к осуществлению тех или иных советских военных планов предполагало заботу о повышении ее обороноспособности. 11 января 1957 г. на Президиуме ЦК КПСС рассматривался вопрос о безвозмездной передаче правительству НРБ кораблей, радиоаппаратуры и дорожно-земельной техники для оборонных нужд¹⁴. Речь шла об устаревшей технике, инициатором постановки вопроса явилось Министерство обороны СССР. Вопрос вызвал дискуссию. А.И. Микоян, руководствуясь принципом экономической целесообразности, призвал коллег технику болгарам «бесплатно не давать, но в какой-то форме аренду ввести». Его поддержал другой зампред Совмина СССР, М.Г. Первухин. Постановка вопроса о передаче НРБ военной техники была признана правомерной, но предстояло продумать форму осуществления проекта. Члены Президиума ЦК КПСС сочли предпочтительным обращение болгарской стороны с соответствующей просьбой. Таковую просьбу предстояло организовать. Решением Президиума ЦК Министерству обороны СССР было поручено провести предварительный обмен мнениями с военными представителями Болгарии «с тем, чтобы в последующем рассмотреть эти вопросы в переговорах между Болгарией и СССР на правительственном уровне»¹⁵. Вопрос был решен в ходе советско-болгарских переговоров в феврале 1957 г.¹⁶.

Насколько можно судить по документам, даже в период нового осложнения советско-югославских отношений, вызванного расхождением позиций в условиях венгерского кризиса и обнародованием в 1958 г. новой программы СКЮ, в Москве не придавали задачам повышения обороноспособности БНА какой-либо антиюгославской направленности. В частности, 8 января 1962 г. при обсуждении остро стоявшего германского вопроса на заседании Президиума ЦК было замечено (в контексте рассмотрения соотношения сил в Европе), что Югославия не представляет реальной угрозы для Болгарии, как и для Румынии¹⁷. Именно во время посещения Болгарии в мае 1962 г. Хрущев публично выразил принципиальную готовность к установлению более тесных, дружеских отношений с Югославией, что, по сути, положило конец 4-летней кампании критики югославского «ревизионизма». Этому предшествовало заявление И. Броз Тито о том, что СКЮ стоит на стороне КПСС по всем основным пунктам ее разногласий с КПК.

В документах находят отражение заботы СССР о решении в Болгарии проблемы экономической занятости населения. Так, 21 июня 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждались директивы делегации КПСС на предстоящем совещании представителей компартий СССР и стран народной демократии, посвященном в первую очередь экономическим вопросам. В директивах предлагалось поддержать рекомендацию сессии СЭВ «соответствующим органам СССР, ГДР, Чехословакии и Польши рассмот-

реть вопрос об увеличении импорта табачных изделий из Болгарии» с тем, чтобы стимулировать в Болгарии занятость в табачном производстве¹⁸. И в последующие годы Москва неоднократно предлагала решать экономические проблемы, стоящие перед Софией, на путях более тесной кооперации Болгарии с другими социалистическими странами, вовлечения ее в реализацию некоторых совместных проектов. Так, 9 января 1963 г. на Президиуме ЦК КПСС поднимался вопрос о заинтересованности Болгарии в строительстве электростанции на Дунае у Железных ворот¹⁹.

Предпринятый в начале 1960-х гг. Москвой курс на дальнейшее развитие экономической интеграции стран-участниц СЭВ не получил однозначной поддержки в «социалистическом лагере», вызвав явное противодействие в Румынии и определенные сомнения в некоторых других странах, включая Болгарию (кризис реализуемой в рамках СЭВ стратегии интеграции, выработанной в Москве, обозначила сессия СЭВ, состоявшаяся в мае 1963 г. – именно на ней впервые резко проявились расхождения между СССР и Румынией). Руководство Румынии, недовольное отведенной стране роли аграрно-сырьевого придатка более развитых социалистических стран, становится на путь экономической автаркии и обеспечения себя всем необходимым собственными силами. С другой стороны, оно активизирует свою внешнюю политику и внешнеэкономические связи за пределами советского лагеря, не в последнюю очередь с Китаем. Что касается Болгарии, то ее лидеры также были недовольны реализуемыми планами экономической кооперации в рамках СЭВ, однако для преодоления издержек избрали принципиально иную стратегию. Руководство БКП во главе с Т. Живковым взяло курс на установление более близких (нежели это практиковалось в «социалистическом лагере») отношений с СССР, выдвижение Болгарии на роль особого партнера СССР. При этом оно исходило из декларируемого убеждения в том, что успехи Болгарии «по линии международного социалистического разделения труда являлись прежде всего результатом нашего двустороннего сотрудничества с Советским Союзом»²⁰. Эта стратегия нашла отражение в письме Политбюро ЦК БКП, адресованном первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совмина СССР Н.С. Хрущеву «По вопросу более тесного экономического, политического и культурного сотрудничества и сближения между Народной Республикой Болгарией и СССР» (не позднее 10 октября 1963 г.)²¹, в котором ставился вопрос о еще более полном увязывании народнохозяйственных планов Болгарии с соответствующими планами Советского Союза, о более тесном кооперировании, а в перспективе о слиянии экономики Болгарии с экономикой Советского Союза. Как отмечалось в письме, «конечно, мы не имеем в виду вступления Народной Республики Болгарии уже сейчас в семью Советских

социалистических республик. Это было бы преждевременным и, следовательно, – форсированием общественно-политического развития. Такая постановка вопроса в настоящий момент дала бы пищу врагам и клеветникам, стремящимся исказить и очернить отношения между Советским Союзом и другими социалистическими странами, спекулировать на вопросе о суверенитете и национальной независимости отдельных социалистических стран и наций». Вместе с тем «более тесное сближение между нашими двумя странами в области экономики будет постепенно создавать предпосылки для дальнейшего развития и углубления этого процесса и в других областях нашей жизни», оно будет иметь «положительное международное значение», указывая «на практике путь, по которому должны развиваться и укрепляться на нынешнем этапе всесторонние экономические, политические и культурные отношения между социалистическими государствами»²². По мнению болгарских лидеров, первым шагом на пути к более тесному кооперированию экономики Болгарии с экономикой СССР могло бы стать создание при Госплане СССР смешанного планового органа двух стран для осуществления планирования всех отраслей, по которым экономика Болгарии будет кооперирована с экономикой СССР.

Болгарская инициатива поступила в Москву именно в этот момент не случайно, ведь Болгария переживала серьезные экономические затруднения, о которых шла речь в записке Живкова в ЦК КПСС от 15 октября 1963 г.²³. Возникшие трудности не в последнюю очередь были результатом крайне неблагоприятных климатических условий прошедшей зимы, очень продолжительной и суровой. По оценкам болгарских экспертов, в стране недоставало 500 тыс. тонн пшеницы для снабжения населения, невысоки были показатели урожайности других сельскохозяйственных культур. Ожидавшаяся помощь СССР в преодолении затруднений должна была выразиться в отсрочке выплат за предоставленные ранее кредиты, предоставлении дополнительно по клиринговому расчету некоторых товаров, взаимобразном отпуске Советским Союзом 100 тыс. тонн пшеницы с возвратом осенью следующего года. Таким образом, помимо стратегического плана по сближению экономик двух стран в обращениях болгарской стороны, адресованных осенью 1963 г. ЦК КПСС, содержались еще и конкретные просьбы о помощи.

В другой записке Живкова Хрущеву, также датированной 15 октября, предлагалось активизировать разработку месторождений нефти в Болгарии. Болгарское руководство обращалось к Москве с вопросом: имеет ли Советский Союз возможность предоставить НРБ долгосрочный кредит, машины и оборудование, в том числе трубы, для того, чтобы форсировать использование уже разведанных месторождений нефти и газа в Болгарии

при условии, что возвращение кредита начнется с момента усиленной добычи нефти и газа. Как отмечалось, имеющийся в Болгарии уголь отличается крайне низкой калорийностью, что удорожает электроэнергию, а отсюда и все производственные расходы²⁴. Болгарская сторона хотела также посоветоваться с Москвой по вопросу о привлечении к разработке нефтегазовых месторождений в Болгарии некоторых западных капиталистических фирм (в частности, французских и итальянских), уже проявивших интерес к этому проекту, – обращению к СССР, очевидно, предшествовал соответствующий зондаж.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники однозначно показывают, что за предложениями о сближении (а в перспективе слиянии) экономик двух стран стояли исключительно экономические мотивации. Как ход обсуждения на пленуме ЦК БКП 4 декабря 1963 г. стратегии сближения с СССР, так и письма соответствующего содержания, адресованные в Москву, сопровождались постоянными оговорками о недопустимости форсирования любых шагов по сближению, и можно согласиться с известной болгарской исследовательницей И. Баевой в том, что Т. Живков рассматривал идею «слияния» лишь как тактическое средство в целях получения из СССР больших вливаний в болгарскую экономику; ни о каких серьезных планах превращения Болгарии в «16-ю республику» СССР речь, разумеется, не шла²⁵. Другое дело, что просочившаяся в болгарское общество строго секретная информация о переписке с СССР по вопросам экономического сближения, обрастала слухами и порождала определенную нервность в среде болгарской интеллигенции.

Как свидетельствуют записи заседаний Президиума ЦК КПСС, в Москве до сих пор весьма положительно воспринимались любые стремления руководства БКП к заимствованию советских образцов, и со своей стороны предпринимались шаги, направленные на сближение формирующихся в двух странах систем. Это касалось не только экономики, но и других областей – в частности, системы образования. Так, в июне 1958 г. при обсуждении проекта закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» встал вопрос о том, чтобы послать в Болгарию материалы о готовящейся школьной реформе в СССР – с тем чтобы создать условия для заимствования болгарскими советского опыта²⁶. Готовность Москвы к насаждению в Болгарии советских образцов не исключала, впрочем, случаев апелляции к позитивному болгарскому опыту в целях его изучения и применения. Например, на заседании 23 декабря 1963 г. на Болгарию ссылался А.И. Микоян, пытаясь отговорить Н.С. Хрущева от непродуманных реформ в образовательной сфере, предполагавших преобразование в массовом порядке общеобразо-

вательных средних школ в профессионально-технические училища: в Болгарии «11-летнее обучение, а мы вдруг возьмем и перейдем на 8-летнее, как это воспримется?» – вопрошал он соратников по Президиуму ЦК²⁷. 17 июня 1961 г. при обсуждении проблем архитектуры и градостроительства также звучали ссылки на передовой болгарский опыт²⁸.

Как бы там ни было, предложения, поступившие от Политбюро ЦК БКП в последние месяцы 1963 г., вызвали со стороны руководства КПСС адекватную и спокойную реакцию. Как можно судить на основании краткой записи заседания Президиума ЦК КПСС от 21 октября, перспектива трансформации Болгарии в одну из советских республик не была воспринята всерьез, а потому не рассматривалась (может быть, существовавшие на этот счет неясности были устранены в ходе телефонной беседы Хрущева и Живкова, предшествовавшей заседанию Президиума ЦК²⁹. На Президиуме в тот день речь шла о вещах сугубо конкретных – создании совместного планового органа, закладке в Болгарии при советской помощи нового завода по производству удобрений, привлечении итальянского и французского капитала в болгарскую экономику. В протоколе было зафиксировано мнение Президиума ЦК КПСС: «может быть, выгодно создать совместный плановый орган»³⁰. Было признано целесообразным «при отработке плана по удобрениям предусмотреть закладку завода в Болгарии»; руководство КПСС сочло также возможным «использовать итальянский капитал для строительства в Болгарии и французские предложения по оборудованию»³¹. Исходя из перспективы установления более тесной экономической связи двух стран, Н.С. Хрущев на другом заседании Президиума ЦК, 23 декабря 1963 г., говорил о целесообразности строительства паромной переправы для транспортировки товарных железнодорожных составов в Болгарию – это значительно удешевило бы транспортные коммуникации³². В декабре 1963 г. и январе 1964 г. были приняты еще два постановления Президиума ЦК КПСС об оказании НРБ экономической помощи и технического содействия в строительстве промышленных предприятий, в частности химической промышленности³³.

Конкретные проблемы советско-болгарского экономического сотрудничества стали предметом обсуждения в ходе визита в Москву партийно-правительственной делегации НРБ в феврале 1964 г. Этому предшествовал декабрьский пленум ЦК БКП 1963 г., адресовавший в ЦК КПСС новое письмо с обоснованием перспективы дальнейшего сближения (не только экономического, но и политико-идеологического) СССР и Болгарии³⁴. Оно рассматривалось на Президиуме ЦК КПСС 9 января 1964 г.³⁵. По итогам встреч, состоявшихся 16–21 февраля, была создана межправительственная болгаро-советская комиссия по экономическому и научно-техни-

ческому сотрудничеству, в ведение которой входили подготовка конкретных проектов и вынесение их на обсуждение правительств двух стран. На совместный плановый орган она не тянула, однако процесс создания каких-либо других, более полномочных общих структур (а значит процесс дальнейшего сближения экономик двух стран) решено было не форсировать. Просьбы болгарской стороны о предоставлении материальной помощи были в немалой мере удовлетворены. В частности, Болгарии был предоставлен долгосрочный кредит в 300 млн. рублей³⁶. Таким образом, красноречивый жест Живкова, продемонстрировавший готовность НРБ к далеко идущему сближению с СССР, оказался тактически оправданным – при том, что не всем болгарским предложениям был дан ход (не получила, в частности, полного развития в этот период болгарская инициатива по привлечению иностранного капитала в разработку залежей нефти). В дальнейшем болгарское руководство уже не выступало со столь рискованными декларациями, дававшими повод заподозрить его в сознательном стремлении поставить под вопрос государственный суверенитет НРБ.

Известные историкам документы не дают оснований утверждать, что Хрущев старался со своей стороны каким-либо образом искусственно подтолкнуть процесс сближения (слияния) экономик двух стран, ставя при этом сверхзадачей включение Болгарии в состав СССР. Тем не менее, в октябре 1964 г. при отстранении Хрущева соратники безосновательно поставили ему в упрек среди прочего планы присоединения Болгарии к СССР, вызвавшие в стране вспышку национализма под лозунгом «не хотим быть московской губернией»; националистам, как отмечалось, удалось объединить немало людей на антисоветской платформе³⁷. Сам Хрущев обозначил свою позицию на одном из заседаний Президиума ЦК, состоявшемся 10 сентября 1964 г., т. е. за месяц до его вынужденной отставки. Предметом обсуждения были итоги состоявшейся перед этим поездки первого секретаря ЦК КПСС (одновременно председателя Совета Министров СССР) в Чехословакию. По версии, изложенной Хрущевым на Президиуме (не подтверждаемой, насколько нам известно, другими источниками), не только болгары «просились» в СССР, с аналогичной инициативой якобы выступили и чехословацкие лидеры: «Потом мы довольно обстоятельно говорили (с А. Новотным. – А.С.) относительно сближения. Он говорит: 16-я республика. Я ему сказал, что этот разговор был у нас с Живковым, и они (т. е. болгары. – А.С.) очень настаивали». Хрущев, по его словам, не поддержал этой идеи в чистом виде, не возразив, однако, против планов конфедерации. «Сейчас в свете такого разлада в социалистическом лагере этот шаг не способствовал бы укреплению. Все-таки может быть конфедерация?» Новотный, собиравшийся в конце сентября посетить Венгрию, хотел затронуть в ходе бесед с Я. Ка-

даром вопрос о возможных формах объединения с СССР. Хрущев сначала не возражал, но потом, уже по возвращении в Москву, решил, что лучше не надо – может быть обратный результат. Он собирался переговорить с Новотным по телефону, отговорить его, чтобы тот не поднимал в беседах с Кадаром этих острых вопросов³⁸. Насколько достоверно свидетельство Хрущева, насколько адекватно он воспроизвел предложение Новотного и какой тактический замысел стоял за взрывоопасным поступком чехословацкого лидера – все это нуждается в дальнейшем изучении.

Как показывают документы, советские лидеры не упускали из виду межгосударственные противоречия и национально-территориальные споры в «социалистическом лагере», мешающие его единству. Наиболее подробно этот вопрос обсуждался 19 августа 1964 г., за два месяца до отставки Хрущева³⁹. Повод дал Мао Цзэдун – в ЦК КПСС поступила информация о его беседе с японской делегацией депутатов-социалистов. Мао в ходе беседы заявил о том, что Китай поддерживает претензии Японии в отношении Курильских островов, попутно заметив, что и в Восточной Европе «слишком много» мест, «оккупированных» СССР – части Польши, Румынии, Финляндии. Стенограмма фиксирует пространные рассуждения Хрущева о том, что социалистические страны унаследовали из прошлого множество нерешенных пограничных и территориальных спорных проблем. Он упомянул в этой связи «очень болезненный», по его словам, трансильванский вопрос, осложняющий отношения между Венгрией и Румынией. Вспомнил также о болгаро-румынских разногласиях по вопросу о Добрудже.

По мнению советского лидера, некоторые из этих спорных вопросов сохраняются и тогда, когда все страны будут социалистическими, проблема будет окончательно решена только в перспективе построения коммунизма, с отмиранием границ. Хрущев исходил из двух постулатов: 1) нельзя подвергать сомнению права сегодняшнего населения на те или иные земли, ссылаясь на старые несправедливости; 2) почти никогда невозможно сказать, к какому историческому периоду надо вернуться для восстановления справедливых границ. Но поскольку спорные вопросы между социалистическими странами сохраняются, должны быть выработаны механизмы их решения. По мнению Хрущева, спорные вопросы целесообразно решать путем опроса населения или третейского арбитража – в роли арбитров выступили бы другие социалистические страны. Курировавший отношения с социалистическими странами секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов (в прошлом посол СССР в Венгрии, он неплохо знал проблемы венгеро-румынских отношений), заметил, что если пойти по этому пути, могут возникнуть ненужные проблемы у румын. Но Хрущев был настолько увлечен своей идеей, что не придавал этому значения:

«это, безусловно, затронет румын (Андропов добавил при этом: «Затронет и Болгарию». – *А.С.*). Это ничего. Истина должна быть истиной, когда в одинаковой степени относится ко всем»⁴⁰. Для того, чтобы продемонстрировать Китаю и всему миру готовность СССР учесть демократическое волеизъявление народов при решении территориальных споров, первый секретарь ЦК КПСС предложил провести референдум среди казахов и киргизов, хотят ли они остаться в СССР или соединиться с теми казахами и киргизами, которые живут в китайском Синцзяне. В данном случае Хрущев был уверен, что они предпочтут СССР. Но советский лидер готов был пойти и дальше, выразив готовность провести также референдум среди венгров Закарпатской Украины: куда они хотят – остаться в СССР или чтобы их передали Венгрии. При этом он предвидел результат не в пользу СССР, что его, впрочем, не смущало: «Нам было бы очень хорошо их отдать. Никакой проблемы, а политический выигрыш колоссальный». Оказывается, Хрущев уже поднимал этот вопрос в беседе с Я. Кадаром в неформальной обстановке (их отношения вообще были несколько менее формальными, чем это было принято в кругу партийных лидеров социалистических стран). В отличие от Хрущева, все более утрачивавшего почву под ногами, реалистически мыслящий венгерский лидер не склонен был всерьез воспринимать фантастические прожекты своего московского покровителя, предпочтя все обратить в шутку: «мы пришли из-за Урала, дайте место за Уралом»⁴¹.

Что же касается соратников Хрущева, то они, не возражая ему при обсуждении вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа, через два месяца, 13 октября, при отстранении, припомнили ему сделанные в тот день «опасные высказывания», причем сделал это А.И. Микоян, занявший в октябре 1964 г. наиболее умеренную позицию в отношении Н.С. Хрущева⁴². Правда, Хрущев, видимо, и сам понимал несовершенство своего проекта «решения» национально-территориальных споров и сделал задний ход, что явствует из заключительных слов его монолога на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа: «Надо оговориться, третейский суд, если обе стороны на это согласны. Если одна из сторон против, то лучше всего отложить эти вопросы на будущее. Предоставить времени и истории эти вопросы решить. Вот и все»⁴³.

Введенные в научный оборот записи заседаний Президиума ЦК КПСС обещают стать серьезным подспорьем для историков при изучении процесса выработки внешнеполитического курса СССР, в том числе на восточноевропейском направлении. Это в полной мере касается и проблем советско-болгарских политических и экономических отношений в рассматриваемый исторический период.

Примечания

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1–3. Главный редактор академик А.А. Фурсенко. М., 2003–2008.

² Основу первого тома книги составили именно краткие, иногда совсем обрывочные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, по сути дела выжимки из содержания происходивших обсуждений. Их выполнял регулярно присутствовавший на этих заседаниях функционер, особо приближенный к первому секретарю ЦК КПСС – заведующий Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малин, который, насколько можно предполагать при отсутствии документальных подтверждений, был уполномочен вести такие записи партийным руководством, а скорее всего лично Н.С. Хрущевым (с согласия других членов Президиума ЦК). В ряде случаев записи вместо Малина вели сотрудники его отдела В.Н. Чернуха или А.К. Серов. Подобная процедура – ведение записей, а тем более полное стенографирование заседаний партийного руководства – означала кардинальное расхождение с практикой, сложившейся при Сталине, когда люди, стоявшие во главе СССР, а в первую очередь сам «отец народов» были слишком озабочены соображениями секретности многих принимаемых решений. После смерти Сталина обозначились некоторые перемены в работе Президиума, Секретариата и аппарата ЦК, происходившие под знаком утверждения так называемого «коллективного руководства». Для того чтобы стареющим преемникам Сталина было легче ориентироваться в огромной массе подлежавших разрешению вопросов и возвращаться к повторному рассмотрению некоторых не решенных окончательно проблем, видимо, и возникла идея коротко фиксировать на бумаге основное содержание наиболее важных дискуссий, происходивших на Президиуме ЦК, и, прежде всего, суть конкретных предложений: не будучи занесенными в протоколы, они теряли свой вес.

При всей обрывочности малинских записей они обладают весьма высокой достоверностью как источник. Эти записи не предназначались для печати, а потому, как представляется, должны быть свободны от нарочитых искажений, неизбежных при подгонке тех или иных текстов под существующий пропагандистский ранжир.

³ Первые известные стенограммы относятся к лету 1958 г. Следует иметь в виду, что с 1953 по июнь 1957 г. на заседаниях «коллективного руководства» не прекращалась подчас довольно острая борьба за лидерство. Очевидно, что члены Президиума ЦК, опасавшиеся, что отдельные их неосторожные высказывания могут быть со временем использованы против них, не были заинтересованы в ведении полных стенограмм, а иногда, в моменты обострения борьбы, даже и более коротких записей, подобных тем, что делал Малин. Показательно, в частности, отсутствие записей за 18–21 июня 1957 г., дни, когда оппоненты дали бой Хрущеву, – обо все происходившем в то время на заседаниях Президиума можно судить, прежде всего, по выступлениям на июньском пленуме. Незафиксированность дискуссии сыграла, впрочем,

благоприятную роль для Хрущева, дав ему основания говорить на пленуме о нелигитимности тех заседаний. С другой стороны, Малин чрезвычайно подробно записал ход заседания 13 октября 1964 г., где был решен вопрос об отставке Хрущева. Чью волю он тогда выполнял, зная, по всей вероятности, о безнадежном положении своего патрона? Вопрос этот остается открытым.

Практика вызова стенографистки на отдельные заседания Президиума ЦК стала складываться в середине 1958 г. по инициативе Н.С. Хрущева, в условиях, когда тот овладел всей полнотой власти в стране, не только разгромив так называемую «антипартийную группу» Маленкова – Кагановича – Молотова, но удалив в октябре 1957 г. из Президиума ЦК маршала Г.К. Жукова и совместив в конце марта 1958 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР. Стенографировались, в первую очередь, те заседания, где Хрущев выступал с заявлениями программного характера (со временем, по мере роста его реформаторских амбиций, таковых становилось все больше), и в некоторых случаях те, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы, требовавшие своего безотлагательного решения (например, связанные с ближневосточным кризисом 1958 г.) – здесь, впрочем, так и не сложилось какое-то правило.

⁴ Бюрократическая централизация, начавшая складываться еще на заре советской власти и достигшая своего апогея при Сталине, заставляла выносить на самый верх даже весьма второстепенные вопросы.

⁵ Все это сказывалось и на представительстве современной Болгарии в советской прессе. При посещении страны советскими писательскими делегациями принимающие их болгарские литераторы постоянно выражали обиду: почему советская печать столь слабо отражает происходящее в Болгарии, опыт строительства социализма в этой стране и т. д.: «неужели, для того, чтобы на Болгарию обратили вниманис, там должны произойти события наподобие венгерских» (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 57. Л. 120–124).

⁶ Волокитина Т.В. Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953–1956 годы (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008.

⁷ Эта поездка не состоялась. С 20 марта по 9 апреля А.И. Микоян совершил турне по азиатским странам.

⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 114.

⁹ См. подробнее: Волокитина Т.В. Указ. соч. С. 136–138.

¹⁰ Мигев В. Отзвуки венгерской революции 1956 года в Болгарии (Некоторые аспекты проблемы) // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии.

¹¹ Президиум ЦК КПСС. Том 1. С. 187.

¹² В мемуарах Н.С. Хрущева этот эпизод воспроизведен следующим образом: «Перед нами поставили вопрос румыны и болгары: они хотят своими воинскими частями

- участвовать в оказании помощи революционным венграм. Но мы возразили, что никто не должен в этом участвовать кроме советских войск в Венгрии. Их достаточно, участия других не требуется» (Воспоминания Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 76).
- ¹³ Стенографическая запись заседания от 4 августа 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 332.
- ¹⁴ Там же. С. 219.
- ¹⁵ См. постановление Президиума ЦК КПСС «О передаче правительству Народной Республики Болгарии кораблей, радиоаппаратуры и дорожно-землеройной техники» от 11 января 1957 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 517.
- ¹⁶ Известия. 1957. 21 февраля.
- ¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 541.
- ¹⁸ Там же. С. 144, 947.
- ¹⁹ Там же. С. 693–694. Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении организации планирования развития народного хозяйства СССР».
- ²⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. Постановления. 1959 – 1964. М., 2008. С. 609 (Из письма Политбюро ЦК БКП Н.С. Хрущеву, октябрь 1963 г.). Это не означало отсутствия в прежние годы разногласий в процессе сотрудничества, в том числе в вопросе о ценах на товары, поставляемые в соответствии с двусторонними соглашениями (См., например, краткую запись обсуждения этой проблемы 7 декабря 1957 г. на основе двух телеграмм посла Ю.К. Приходова из Софии – Там же. Т. 1. С. 286). Послу было предложено переговорить с Живковым в тактической форме и донести до него точку зрения Москвы (См. постановление Президиума ЦК КПСС от 7 декабря 1957 г. «О ценах на товары по торговым соглашениям между Советским Союзом и Болгарией» – Там же. Т. 2. С. 735).
- ²¹ Там же. Т. 3. С. 608–610.
- ²² Там же. С. 609.
- ²³ Там же. С. 610–611.
- ²⁴ 23 июля 1963 г. на Президиуме ЦК КПСС был рассмотрен вопрос о дополнительных поставках угля в Болгарию (Там же. Т. 1. С. 734).
- ²⁵ Баева И. Болгария в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. С. 441–446.
- ²⁶ Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 313.
- ²⁷ Там же. С. 809.
- ²⁸ Там же. С. 520. Надо сказать, что Советский Союз оказывал Болгарии содействие в осуществлении некоторых не только архитектурных, но и реставрационных проектов. Так, в 1957 г. на Президиуме ЦК КПСС было принято решение выделить

средства Болгарской православной церкви (не государству, а церкви!) для реставрации храма-памятника русским воинам на Шипке. Н.С. Хрущев, посетив Болгарию в июле 1955 г., выразил пожелание, чтобы храм был реставрирован и расписан (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 182. Л. 70).

²⁹ Включенный в повестку дня вопрос о советско-болгарских отношениях получил в протоколе наименование «О беседе с тов. Живковым», из чего можно сделать вывод о телефонном разговоре, состоявшемся после того, как с болгарской стороны были направлены записки, в которых предлагалось поставить на принципиально новую основу принципы болгарско-советского экономического сотрудничества (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 761).

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 794.

³³ Там же. Т. 3. С. 1040.

³⁴ Подробнее о пленуме и его итогах см.: *Баева И.* Указ. соч. С. 443–446.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 393. Л. 57, 61–63.

³⁶ Советско-болгарское заявление // *Правда*. 1964. 2 февраля.

³⁷ См.: Хрущев Никита. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. Составители А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменщиков и др. М., 2007. С. 199.

³⁸ Стенограмма выступления Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 10 сентября 1964 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 856–857.

³⁹ Там же. С. 848–852.

⁴⁰ Там же. С. 851.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 869.

⁴³ Там же. С. 851–852.

И. Марчева
(Институт истории БАН)

Болгаро-советские экономические отношения. 1944–1991 гг. (Историографические зарисовки)*

Болгаро-советские экономические отношения в 1944–1991 гг. развивались под знаком отношений политических, которые на протяжении почти всего указанного периода оставались союзническими. Не случайно Болгария считалась самым верным и лояльным сателлитом СССР. В конце исследуемого периода – в 80-е годы и особенно после 1989 г. политические отношения вступили в полосу застоя и стагнации, что немедленно отразилось и на экономических связях, хотя имевшийся у обеих сторон потенциал еще не был исчерпан. Болгаро-советские экономические отношения включали не только торговый обмен, но и производственное кооперирование, создание смешанных предприятий, научно-технический обмен. Все эти области взаимодействия являлись предметом изучения экономистов, международных и историков. В данной статье я остановлюсь на состоянии их исследования болгарскими историками после 1989 года.

Начало пересмотра итогов изучения болгаро-советских экономических отношений было положено перестройкой с ее политикой устранения «белых пятен» в истории взаимоотношений между странами-участницами восточного блока и СССР. И хотя проблемы болгаро-советских связей, особенно в 1940-е – 1950-е годы, нашли отражение в лучших работах болгарской историографии, эти достижения фактически были забыты после публикации в 1991 г. в журнале Института истории БАН доклада академика Мито Исусова, получившего общественный резонанс. Автор утверждал, что болгаро-советские, как и болгаро-русские, отношения являлись «белыми пятнами» в болгарской исторической науке и указывал на исключительную важность их постепенного устранения. Не все историографы согласились с подобной оценкой, но она отвечала общему настрою на переписывание истории, характерному для первых лет болгарского

* Перевела Т.В. Волокитина

«транзита»¹. Тем более, что в большинстве прежних исследований болгаро-советские отношения, особенно в экономической сфере, оценивались только с положительным знаком, при подчеркивании всемирно-исторического опыта СССР и огромного плодотворного значения экономической интеграции между Болгарией и Советским Союзом².

За истекшие 20 лет проделана огромная исследовательская работа по указанной проблематике, наука обогатилась новым эмпирическим материалом и анализом факторов, влиявших на двусторонние отношения, но пока еще не созданы обобщающие труды. Большую роль сыграло введение в научный оборот прежде не доступных историкам материалов высших партийных и государственных органов, курировавших болгаро-советские политические и экономические отношения. Опубликованы воспоминания представителей болгарской и советской политической и экономической элиты, часто задававших тон в оценках торгово-экономического сотрудничества между Болгарией и СССР³.

Для современной российской историографии, насколько мне известно, характерен весьма слабый интерес к экономическим связям между бывшими социалистическими странами и СССР. Имеющиеся исследования отражают традиционное представление об СССР как сырьевом доноре для всех остальных стран восточного блока⁴. Исследовательская задача осложняется и тем обстоятельством, что болгаро-советские экономические отношения проходили в своем развитии различные этапы, следуя не только за взлетами и спадами двусторонних политических контактов, но и отражая менявшиеся тенденции развития блока в целом и протекавшие в нем процессы интеграции. История восточноевропейской интеграции в рамках экономической организации восточного блока – Совета экономической взаимопомощи (1949–1991), как и болгаро-советских отношений, показывает, что нередко тесные экономические отношения между Болгарией и СССР служили для исследователей доказательством установления таких же отношений между Болгарией и другими странами-членами СЭВ. Однако в целом на современном этапе исследовательский интерес к проблеме интеграции в рамках бывшего социалистического лагеря и в национальной, и в региональной историографии также выражен слабо.

Не последнее место в перечне причин все еще противоречивых оценок болгаро-советских экономических отношений занимает источниковая база, ее «национальный» характер, а также тот факт, что она не всегда доступна исследователям из других стран. В результате картина этих отношений, учитывающая лишь один ракурс и воссоздающаяся на односторонней источниковой базе, лишена всего того богатства красок, которые должны быть в палитре мастера-профессионала.

Новые моменты и подходы

Проведенные исследования и накопленные материалы дают представление о существующих в болгарской историографии подходах к проблемам изучения болгаро-советских экономических отношений. Эти подходы несколько отличаются от зафиксированных в других восточноевропейских историографиях, а также от подходов в некоторых бывших советских республиках. Коротко говоря, они могут быть охарактеризованы в соответствии с главной, доминирующей идеей. В одном случае – это политические векторы двусторонних отношений, а в другом – чисто экономические. Так, болгаро-советские экономические отношения при новом взгляде на них чаще всего оцениваются болгарскими учеными отрицательно с точки зрения политики и положительно с точки зрения экономики.

Наиболее логичным обоснованием позиции сторонников условно определяемого мной экономического подхода является тот факт, что вслед за потерей емких советских рынков болгарская экономика оказалась в состоянии тяжелого кризиса. Вместе с другими факторами и, особенно, с планом Вашингтонского консенсуса о переходе к рыночной экономике, это ускорило деиндустриализацию страны. Контраргумент исследователей, придерживающихся так называемого политического подхода, заключается в том, что болгаро-советские отношения нанесли стране вред, поскольку привели к сверхиндустриализации как модели национальной экономики и, в конечном счете, лишили аграрную Болгарию ее естественных преимуществ. Таким образом, болгаро-советские экономические отношения вписываются в вечный спор о роли и соотношении внешнего и внутреннего факторов исторического развития страны. Оценка этого соотношения в послевоенной Болгарии переносится на его значение в восприятии советской модели экономического развития, определявшей внешнеэкономические отношения Болгарии в целом и с СССР в частности. Круг проблем и полемика сконцентрировались в теоретической плоскости и оттеснили на второй план задачу эмпирического изучения этих отношений с последующей максимально возможной беспристрастностью оценок.

В проведенных конкретно-исторических исследованиях можно выделить несколько хронологических этапов изучения истории болгаро-советских экономических отношений. Для каждого из этапов характерны определенные новые моменты. Первый этап – 40-е – первая половина 50-х годов, время ярко выраженной сталинизации страны. Вторым этапом, охватывавший 60-е – 70-е годы, именуется «эрой Брежнева». В это время болгарская экономика чувствует себя защищенной, находясь «в утробе кита», со всеми вытекавшими отсюда последствиями⁵. Последний хро-

нологический этап – 80-е годы и особенно их вторая половина, когда перестройка изменила характер политических и экономических отношений между Болгарией и СССР. Я попытаюсь последовательно охарактеризовать исследования болгарских авторов в указанные периоды и представить, по возможности, полную картину степени изученности проблемы двусторонних экономических отношений на сегодняшний день.

При обращении к периоду 1944–1958 гг. вырисовывается несколько новых моментов, касающихся в основном интерпретации проблемы. На том этапе советское экономическое проникновение в Болгарию уже оценивалось с точки зрения колониальной теории пенетрации, и в силу этого в ряде исследований была предпринята попытка доказать неравноправный характер экономических отношений, эксплуатацию болгарской экономики со стороны СССР, особенно в связи с условиями подписанного в Москве 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии. Авторы доказывали, что Соглашение было более тяжелым, нежели Салоникское перемирие 29 сентября 1918 г. после Первой мировой войны: в Салониках репарационные расходы государства точно фиксировались, тогда как в Москве была достигнута договоренность о немедленной выплате репараций, при том, что конечные сроки не были точно определены. Кроме того, в Соглашении предусматривались также многочисленные, оговоренные до деталей финансово-экономические обременения, чего не было в документе 1918 года⁶.

Авторы указывают на техническое отставание Болгарии в результате перехода с немецких на советские технические стандарты, захвата немецкого имущества советскими оккупационными властями, а также запрета Москвы участвовать в «плане Маршалла». В болгарских архивах найден документ, свидетельствующий о том, что Болгария также получила приглашение присоединиться к американской программе восстановления, но под давлением советской стороны была вынуждена отказаться⁷. В целом создается впечатление, что круг проблем двусторонних экономических отношений на раннем этапе в той или иной мере проанализирован в исторической литературе до 1989 г. Это касается, в частности, первого торгового соглашения от 14 марта 1945 г. или судьбы бывшего германского, а затем и советского имущества в Болгарии⁸. Новым в более поздних исследованиях отмеченных и ряда других проблем является привлечение материалов бывшего Центрального партийного архива при ЦК БКП и Министерства иностранных дел Болгарии, которые позволяют более доказательно оценить двусторонние отношения как неравноправные⁹. Другой вопрос, что Болгария не имела альтернативы: «железный занавес» крепко удерживал ее на советской орбите, в то время, как Запад мог опираться в своих целях

лишь на условия Мирного договора от 10 февраля 1947 г., не проявляя значительной экономической активности. Препятствием для этого являлись не только структура болгарского экспорта, но и финансовые обязательства Болгарии по отношению к этим странам, не говоря уже о трудностях восстановления экономики и снабжения населения, испытываемых всеми после войны ¹⁰.

Как и в историографиях других стран Восточной Европы, в болгарской исторической литературе политические негативы сталинизации окончательно подтвердили версию, согласно которой сфабрикованные на протяжении 1949–1951 гг. судебные процессы, затронувшие в основном деятелей народного хозяйства из окружения Трайчо Костова, имели целью ликвидировать экономическую самостоятельность страны. Результаты этих процессов получили название «большого заговора» против Болгарии. Существует и иное объяснение политических репрессий – страх Сталина перед возможностью, что Болгария встанет на путь титовской Югославии. Сторонники этой позиции не склонны связывать репрессии единственно с потерей страной своего экономического суверенитета ¹¹.

Новые моменты при рассмотрении болгаро-советских экономических отношений на следующем этапе – в 60-е – 70-е годы – с точки зрения историографии связаны с интерпретацией двух экстравагантных решений ЦК БКП 1963 и 1973 гг. о всестороннем сближении и в перспективе слиянии Болгарии и СССР. В обиходе они известны как идея превращения Болгарии в 16-ую советскую республику. Именно при рассмотрении этого вопроса наиболее ярко выявляются два вышеотмеченных подхода – политический и экономический. Впервые тон научному обсуждению задала И. Баева, указав, что болгарское руководство рассчитывало на получение экономической выгоды, четко осознавая невозможность отказаться при этом от государственного суверенитета ¹². Эти предложения рассматривались как тактический маневр в целях достижения большой экономической выгоды для болгарской экономики, особенно в 70-е годы. Полученные в то время кредиты, научно-техническая помощь и дешевые энергоресурсы, как и более тесная экономическая интеграция обеих стран облегчили возможность добиться более выгодной специализации в рамках СЭВ и единственный раз в своей истории эксплуатировать внешний ресурс, чтобы сделать рывок в экономическом развитии ¹³. Тем более, что подобную стратегию – политическую лояльность Болгарии по отношению к сильному союзнику, будь то гитлеровская Германия, СССР или Европейское сообщество/США, в обмен на экономические выгоды на протяжении всего XX столетия и позднее – можно считать характерной повторяющейся чертой ее внешней политики. Но этой политической лояльности всегда

сопутствовали попытки вписать болгарскую экономику в более широкое экономическое пространство, что, по существу, и предлагали сменявшие друг друга союзники.

Другая группа ученых считает, что болгаро-советские экономические отношения того периода нельзя оценивать положительно, поскольку их реализация сопровождалась потерей государственного суверенитета Болгарии и ущемлением национального достоинства болгар¹⁴.

Помимо данных споров, в работах, посвященных 60-м – 70-м годам, анализируются двусторонние финансовые отношения и особенно советское решение относительно долгового кризиса Болгарии конца 70-х годов. Исследования, осуществленные на основе недавно открытых документов Болгарского народного банка, обогащают представления об особо «сердечных» отношениях между двумя странами, мешавших болгарской экономике вовремя воспринять курс на повышение ее эффективности¹⁵.

Изменения болгаро-советских экономических отношений после смерти Л.И. Брежнева в 1982 г. и особенно во времена М.С. Горбачева (1985–1989) – еще один из новых и важных моментов при анализе двусторонних контактов. Они изучены на основе архивных материалов, мемуаров, статистических сведений в контексте болгарских колебаний между Востоком и Западом и советским стремлением доминировать в восточном блоке, но под руководством новых лидеров. Авторы отмечают проблемы энергоснабжения в первой половине 80-х гг., замороженные объемы поставок нефти, негативно отразившиеся на болгарской экономике, а также конфликт между Живковым и Горбачевым. В основе своей он имел экономическую подоплеку, выраженную в обвинениях советской стороны, что Болгария претендует на роль «мини-ФРГ» и «мини-Японии». Москву раздражало, что даже такая малая страна была готова поставлять в СССР машины и оборудование. В этом конфликте болгарские историки усматривают неравноправность болгаро-советских не только политических, но и экономических отношений. Выражением этого стали еще большее сокращение советских поставок нефти и особенно прямое и грубое вмешательство Москвы с целью сорвать подписанный Болгарией договор с японской фирмой «Кобе стийл» по модернизации одного из последних промышленных гигантов болгарского машиностроения – хозяйственного объединения «Тяжелое машиностроение» в Радомире¹⁶. Возможность ознакомиться с советскими материалами по этим сюжетам позволила болгарским историкам представить точку зрения Москвы на ухудшение экономических отношений между Болгарией и СССР накануне краха социализма¹⁷.

Двусторонние экономические отношения в изменившейся исторической обстановке в конце 80-х – начале 90-х годов также уже стали объектом

исторического анализа, но он ведется в контексте приобщения Болгарии к европейскому экономическому пространству. Стагнация рассматривается как явление, взаимообусловленное главным образом трансформационными процессами в обеих странах ¹⁸.

В поле зрения болгарских исследователей находится также крах СССР и появление на политической карте Российской Федерации в качестве его правопреемника. Понятно, что если историков в первую очередь интересуют двусторонние политические отношения, то экономисты концентрируют свое внимание на экономических контактах между Республикой Болгария и Российской Федерацией ¹⁹.

Болгарская историография о двусторонних экономических отношениях в 1944–1991 гг.

Как же представляет болгаро-советские экономические отношения современная болгарская историческая наука, в какой мере ценит она наработки прошлого и насколько учитывает оценки сегодняшнего дня? Начальный этап – 40-е – 50-е годы – рассматривается как период переустройства системы внешней торговли (огосударствление) и юридической основы хозяйства (национализация), но при сохранении прежней структуры экономики и ограниченных возможностях Болгарии участвовать в международном торговом товарообмене. В силу этого наблюдалась быстрая переориентация болгарской внешней торговли на нового союзника – СССР, однако при этом воспроизводилась старая структура экспорта с преобладанием аграрной продукции и товаров пищевой промышленности взамен поставок техники и промышленного сырья. До середины 50-х годов предпочтение отдавалось годовым торговым соглашениям между двумя странами, причем два первых соглашения – от 14 марта 1945 г. и 27 апреля 1946 г. вызывают критику авторов с чисто экономической точки зрения: они должны были сбалансировать отрицательное торговое сальдо в пользу Болгарии, унаследованное от соглашения 1940 г., в условиях безальтернативных торговых связей Болгарии как побежденной страны, лишенной международно-правового статуса. Попытки советских представителей в Болгарии воспользоваться сложившейся ситуацией в известной степени были парированы вмешательством Г. Димитрова, информированного внешнеторговым представителем Болгарии в Москве Б. Христовым и первым помощником Димитрова в Болгарии Тр. Костовым. Димитров обратился в Кремль, стремясь ограничить претензии советских торговых экспертов ²⁰.

Соглашения о товарообмене и платежах от 5 августа 1947 г. были заключены в новых условиях – после подписания Мирного договора

(февраль) и оказанного на руководство страны давления в связи с «планом Маршалла» (июнь) – и были рассчитаны на два года. Помимо обмена товарами, соглашения предусматривали расширение экономических контактов и предоставление инвестиционных кредитов в целях электрификации и индустриализации страны с учетом задач пятилетнего плана на 1949–1953 гг. Болгарская сторона рассчитывала получить 200 млн. долларов на строительство новых объектов, но ей было предоставлено 40 млн. с 10-летней рассрочкой погашения под 3% годовых. Подобные инвестиционные кредиты станут традиционными в болгаро-советских экономических отношениях и в последующие десятилетия как крайне выгодные. Однако «ценой» их окажутся рецидивы сталинизации в экономических отношениях сторон. В частности, была осуществлена передача бывшего германского имущества и предприятий советской стороне, на основе чего созданы совместные болгаро-советские общества «Горубсо», «Табсо» и др., просуществовавшие до 1955 г.

Еще одним проявлением сталинизации стал судебный процесс над Тр. Костовым и связанными с ним по работе сотрудниками экономических и внешнеторговых организаций, сопровождавшийся грубым вмешательством Сталина, его оскорбительными сравнениями Костова с «жуликом» и публичной пощечиной. Все это было призвано показать, кто является настоящим хозяином в отношениях между двумя странами. По просьбе болгарской стороны Сталин направил в 1949 г. в страну экономических советников, надзиравших за болгарской экономикой и ее развитием. Вслед за этими политическими катаклизмами последовали экономические, связанные с объявленным в Советском Союзе после смерти Сталина «новым продовольственным курсом». Итогом стало падение удельного веса СССР во всем внешнеторговом обороте Болгарии: впервые с середины 40-х годов он не достиг 50%²¹.

Запланированная в 1962 г. индустриализация в Болгарии, рассчитанная на 20 лет, наподобие принятой КПСС программы построения коммунизма, требовала поиска кредитов. В связи с этим в 1964 г. был подписан договор о долгосрочном займе в 300 млн. рублей, причем вновь на очень благоприятных для Болгарии условиях. Благодаря займу были построены металлургический комбинат в Кремиковцах, химкомбинаты в Бургасе и Димитровграде, азотнотуковый завод в Стара Загоре, а также несколько машиностроительных заводов, в том числе по производству вычислительной техники и электроники в Ловече и Пловдиве. Импорт дешевой нефти, черных металлов и сплавов, высококачественной хвойной древесины из Коми АССР обеспечил поступательное развитие болгарской экономики. Это позволило постепенно изменить структуру импорта и особенно эк-

спорта в торговле с СССР и другими восточноевропейскими странами. Болгария, наряду с экспортом сигарет, ранних овощей и товаров легкой промышленности, теперь поставляла изделия электроники, продукцию транспортного машиностроения (электрокары) и пр. Переход торговых операций в СЭВ на переводной рубль в 1965 г. еще больше усилил привязку страны к советской экономике.

В 70-е годы реализовывалась политика усиления интеграции обеих экономик вместе с попыткой установить и углубить экономические взаимоотношения в рамках СЭВ, на долю которого приходилось 80% болгарского экспорта и 75% болгарского импорта, в то время как удельный вес СССР в общем объеме болгарского экспорта и импорта составлял 54%. Тогда, в 1971 г., была принята Комплексная долгосрочная программа социалистической интеграции, а в 1973 г. осуществлена координация экономических планов и инвестиций и был составлен единый план многосторонней интеграции и координации пятилетних планов стран-членов СЭВ на 1976–1980 гг. с акцентом на развитие энергетики и добычи сырья. В силу этих соглашений в 70-е годы на передний план выдвинулось тесное сотрудничество между Болгарией и СССР в развитии сырьевой и энергетической базы, машиностроения и инфраструктуры. Из-за проблем транзита как следствия ухудшения болгаро-румынских отношений именно в это время был построен и введен в эксплуатацию паром для перевозки железнодорожного состава Варна-Ильичевск. Особенно ощутимым было советское участие в создании энергетической базы страны, ее расширении и модернизации. В 70-е годы заключены соглашения о развитии энергетики, предусматривавшие строительство атомной электростанции в Козлодуде советскими специалистами и на советские кредиты. Болгарская энергетическая система была включена в 1974 г. в единую энергосистему СССР и стран СЭВ. В 1973 г. Т. Живков и Л.И. Брежнев договорились о поставках в Болгарию более 15,5 млн. тонн нефти. На советские кредиты были расширены наиболее мощные теплоцентрали – ТЭЦ-София, ТЭЦ-Габрово, построены новые – в Стара Загоре, Хасково и Ямболе. Болгария также получала электроэнергию непосредственно из Советского Союза. 12 августа 1972 г. была пущена в эксплуатацию магистральная линия электропередачи «СССР – Болгария», и до конца 1975 г. наша страна получила по ней более 4 млрд. квтч. электроэнергии. Болгарские специалисты участвовали в строительстве магистрального газопровода «СССР – Болгария», по которому страна ежегодно получала 5,8 млрд. кубометров газа, и в разработке Оренбургского газового месторождения. Участие в этих международных проектах в рамках СЭВ предоставило стране возможность расширить и модернизировать не только свою энергетическую отрасль, но и сырьевую

базу химической промышленности²². Одновременно советское руководство согласилось напрямую дотировать операции по экспорту болгарской сельскохозяйственной продукции на советский рынок в размере 400 млн. переводных рублей ежегодно, оказав тем самым существенную поддержку госбюджету Болгарии и взаимной торговле, не перейдя, однако, на международные цены.

«Эпохе Брежнева» в болгаро-советских отношениях наша страна обязана тем, что и в 70-е годы Болгария оставалась оазисом стабильности, в большом объеме черпавшим из СССР кредиты и научно-техническую помощь. Благодаря этому Болгария получила единственный в своей истории шанс эксплуатировать внешний ресурс, что дало ей возможность существенно опередить другие страны европейской периферии. В условиях мирового нефтяного кризиса, благодаря особым сердечным отношениям с СССР, Болгария не только удовлетворяла собственные потребности, импортируя советскую нефть, но и осуществляла ее реэкспорт, приносящий в отдельные годы прибыль в сотни миллионов долларов. Динамичное и масштабное развитие получила и военная промышленность на основе технологического сотрудничества, главным образом, с СССР. В отдельные годы импорт продукции данной отрасли приносил до одной трети всех валютных поступлений страны. Экономические отношения включали сотрудничество в научной и технической сферах, создание совместных предприятий. Благодаря совместным научно-техническим программам, Болгария специализировалась в производстве космического питания и аппаратуры и дважды, 10 апреля 1979 г. и 1 июля 1988 г, отправила своих граждан в космос.

По существу, болгарская индустриализация осуществлялась благодаря советским кредитам, но это обстоятельство привязало экономику страны к советской технологической и технической базе, что в 80-е годы, когда резко обозначилось отставание СССР от новых информационных технологий, нашло негативное отражение и в Болгарии. Но в условиях «холодной войны» в Болгарии не было политических сил, которые могли бы преодолеть политическую, а затем и экономическую привязку страны к советскому блоку с целью избежать указанного технологического отставания. Болгария искала и другие пути, чтобы использовать достижения западной индустриализации и модернизации, расширяя торгово-экономические, разведывательные и научные контакты с западным миром в условиях разрядки. Именно на это и рассчитывала советская сторона, поддерживая сотрудничество и тесную интеграцию с Болгарией в экономической сфере. Разумеется, таким образом она оплачивала вместе с дешевой нефтью и своими огромными рынками политическую лояльность Болгарии. Болгар-

ский лидер даже похвалялся, что в лице СССР Болгария имеет собственную колонию, поскольку оттуда вывозит сырье, а поставляет машины и оборудование²³.

Именно такое состояние попытался изменить новый советский лидер М.С. Горбачев в советской экономической политике и отношениях со странами СЭВ, в том числе и с Болгарией. Падение цены на нефть сказалось на росте и без того большого внешнего долга СССР и заставило советское руководство искать другие пути развития советской экономики. Сам Горбачев выразил давно назревшее среди советских экономических экспертов недовольство тем, что даже маленькая Болгария предлагает машины СССР, а его удел – быть поставщиком сырья социалистическому сообществу. Именно падение цен на нефть стало одной из причин роста советского внешнего долга странам СЭВ, включительно и Болгарии, превысившего 15 млрд. рублей. Долг увеличивался также и вследствие неоплаченного строительства силами болгар объектов на территории СССР и введения в 1988 г. соотношения переводного рубля и доллара в расчете 1:1, когда по предложению СССР и Венгрии было решено перейти в рамках СЭВ на расчеты в конвертируемой валюте. Это, однако, было невыгодно Болгарии, поскольку болгарская электроника лишалась прибыли от продажи своей продукции странам СЭВ по ценам, гораздо более высоким, чем международные. Вместе с тем Болгария не могла рассчитывать, как прежде, на советские кредиты для развития экономики и была вынуждена закупать технологии и сырье на Западе за твердую валюту. В результате с 1987 г. начал увеличиваться внешний долг Болгарии. В то же время наблюдался рост центробежных тенденций в СЭВ, так как все страны-участницы пытались максимально использовать свой экономический потенциал, чтобы обеспечить себя твердой валютой. Болгария и СССР в этом плане не были исключением.

Конфликт между двумя странами назревал, проявляясь и в экономических контактах, и в торговых связях. Затронул он и электронику. Болгария, будучи одной из наиболее развитых стран СЭВ в компьютерной отрасли, оказалась, тем не менее, не включенной в соглашения, подписанные между СССР и ГДР и другими странами СЭВ, о развитии элементной базы. Некоторые виды болгарской производственной специализации в СССР (вино, сигареты, отдельные виды сельскохозяйственной и иной техники и фармацевтической продукции) уже исчерпали себя или были близки к этому. В то же время отдельные продукты экспорта начали конкурировать на советском рынке с товарами других социалистических стран. Особенно сильно это проявилось в области электроники, биотехнологий, химической промышленности и машиностроения. Кроме того, новые технологии

и производственные отрасли уже не являлись результатом совместных разработок, а отражали возможности каждой страны быстро усваивать новое, вводить свою специализацию и конкурировать с другими странами. Это констатировали высшие болгарские политические и хозяйственные руководители 9 февраля 1988 г. на совещании по подготовке новой стратегии экономических связей с СССР и другими восточноевропейскими странами. Одним из направлений указанной стратегии болгарская сторона считала установление прямых контактов между Болгарией и советскими республиками – Казахстаном, Узбекистаном и др. Проблема заключалась в том, что ни Болгария, ни эти республики не располагали ликвидными средствами для развития контактов, а по новым правилам, продиктованным Москвой и принятым странами СЭВ, бартерный обмен был невозможен²⁴.

Одновременно вмешательство советской стороны сорвало выгодную для Болгарии сделку с японской фирмой «Кобе стийл», о чем сказано выше. Действия советской стороны объяснялись тем, что сотрудничество с японцами срывало производственные контакты промышленного предприятия в Радомире с подобным советским предприятием в Новокраматорске, где предполагалось выполнять заказы военной промышленности. В связи с этим конфликт оказался персонифицированным – между премьер-министром Н. Рыжковым и инициатором интеграции с Японией О. Дойновым. Немного позднее, во время встреч в сентябре 1987 г., конфликт возник и между одним из ближайших соратников Горбачева В. Медведевым и Т. Живковым. Поводом явилось недовольство советской стороны активизацией торгово-экономических контактов Болгарии с Японией и ФРГ во второй половине 80-х годов²⁵. Но поскольку указанные конфликты возникли на фоне декларируемого Кремлем отказа от «доктрины Брежнева» и поддержки самостоятельного курса социалистических стран, недоверие и стагнация экономических связей между Болгарией и СССР не только сохранялись, но и усиливались.

После 1989 г. начался процесс постепенной переориентации болгарской экономики на рынки Евросоюза, и вскоре она оказалась вытесненной с советского рынка. Так, если в 1990 г. относительный удельный вес СССР во внешнеторговом обороте Болгарии составлял 64,0%, то к 2007 г. – 1,4%. Соответственно резко сократилась доля СССР/РФ в болгарском импорте – с 56,4% в 1990 г. до 10% в 2007 г.²⁶

После вступления Болгарии в январе 2007 г. в Евросоюз в качестве полноправного члена ее отношения с Российской Федерацией во внешне-экономической сфере стали зависеть от общеевропейской политики.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Запрянова А., Нягулов Бл., Марчева И.* Историческата наука между приемствеността и промяната // Исторически преглед. 2005. № 1–2. Рец.: *Валева Е.* Развитие исторической науки в Болгарии на современном этапе // Славяноведение. 2007. № 6. С. 16–30.
- ² Образцом такого подхода может служить серия «Летопись дружбы», выходившая в 70-е – 80-е годы.
- ³ *Чакъров В.* Вторият етаж. София, 1990; *Панков Г.* Епизоди от един живот. София, 2005; *Ядков Д.* Булгартабак. София, 2003; *Живков Т.* Мемоари. София, 1997.
- ⁴ Централно-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1–3. М., 2000–2002; *Шахназаров К.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993; *Медведев В.* Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994.
- ⁵ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 125.
- ⁶ *Никова Г.* Московското съглашение за примирие и преследванията в България на по-даниците на Германия и нейните сателити // Исторически преглед. 1994–1995. № 3; *Вачков Д., Иванов М.* Българският външен дълг. 1944–1989. Банкрутът на комунистическата икономика. София, 2008. С. 15–16.
- ⁷ *Никова Г.* Планът Маршал, европейските сили и България // Исторически преглед. 1993. № 4–5: *Она же.* Българското стопанство между Германия и Съветския съюз. Ликвидиране на германското технологическо влияние в България // Исторически преглед. 2000. № 3–4; *Калинова Е.* Победителите винаги имат право (Съдбата на германските имущества в България и съветските претенции спрямо Германия след Втората световна война) // Колегиум Германия. София, 2000. Т. 3. С. 201–226: *Она же.* Преориентацията на българската външна политика (септември 1944 – 1949 // XX век. Опит за равностметка. София, 2003. С. 282–292.
- ⁸ *Златев Зл.* Българо-съветски икономически отношения (1944–1958 г.). София, 1986. С. 21–30, 87–97.
- ⁹ *Никова Г.* Съветското икономическо проникване в България след Втората световна война // Исторически преглед. 1996. № 2; *Она же.* Българското стопанство между Германия и Съветския съюз...; *Марчева И.* Търговските преговори между България и СССР (1944–1948) // България в сферата на съветските интереси. Българо-руски научни дискусии. София, 1998. С. 30–38.
- ¹⁰ *Никова Г.* Разделението на европейското икономическо пространство и България // Исторически преглед. 2000. № 5–6; *Она же.* Финансовите задължения на България към Великобритания, Франция и Швейцария след Втората световна война // Исторически преглед. 1991. № 8.
- ¹¹ Обе позиции представлени в: *Никова Г.* «Големият заговор» в България (1949–1953) // Лица на времето. София, 1997. Т. 2. С. 69–98; *Исусов М.* Сталин и България.

- София, 1991; *Огнянов Л.* Сталинизацията на БКП през 1948–1949 // *Сталинизмът в Източна Европа*. София, 2005. С. 196–227; *Даскалов Р.* От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София, 2009. С. 373–375.
- ¹² *Баева И.* «Сближението» между България и СССР (1963–1973) // *Ново време*. 1993. № 1. С. 89–111.
- ¹³ *Баева И.* България и Съветският съюз след Втората световна война – прагматизмът на българската позиция // *България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии*. София, 2000. С. 425–433.
- ¹⁴ *Стоянов Л.* «Като един организъм, който се оросява от една кръвоносна система» (За юлския пленум на ЦК на БКП от 1973 г.) // *България между признателността и прагматизма. Сборник доклади от международна научна конференция*. София, 2009. С. 658–668.
- ¹⁵ *Вачков Д., Иванов М.* Указ. соч. С. 127–184.
- ¹⁶ *Баева И.* Българо-съветските отношения в годините на «перестройката» // *България в сферата на съветските интереси...* С. 118–127; *Марчева И.* Българската икономика през 80-те години на XX век между Изтока и Запада // *Проблемът Изток – Запад. Историческа перспектива*. София, 2003. С. 685–692; *Иванов М.* Съветската помощ, «спряното кранче» на Горбачов и българската криза от втората половина на 80-те години // *Преломни времена. Юбилеен сборник в чест на 65 годишнината на проф. Л. Огнянов*. София, 2006. С. 849–854; *Кандиларов Е.* България и Япония – от студентската война към XXI век. София, 2009. С. 265–274.
- ¹⁷ *Никова Г.* Живковата икономическа реформа, перестройката и стартът на скритата приватизация в България // *Исторически преглед*. 2003. № 5–6. С. 120–147; *Марчева И.* Конфликтът М. Горбачов – Т. Живков (Или още веднъж за съветско-българските отношения в контекста на перестройката през втората половина на 80-те години на XX век) // *Историята – професия и съдба. В чест на чл.-кор. д-ст.н. Георги Марков*. София, 2008. С. 577–593.
- ¹⁸ *Марчева И.* Проблеми на външноикономическата преориентация на България в края на 80-те и началото на 90-те години // *Следвоенна България между Изтока и Запада. Национална научна конференция*. София, 2005. С. 79–92.
- ¹⁹ См., например: България и Русия в миналото, настоящето и бъдещето. Доклади от конференция, състояла се в София на 20–22 май 2009 г. София, 2009.
- ²⁰ *Марчева И.* Търговските преговори между България и СССР (1944–1948) // *България в сферата на съветските интереси...* С. 30–38.
- ²¹ *Никова Г.* «Големият заговор» в България... С. 69–98; *Марчева И.* Тодор Живков – пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953–1964. София, 2000. С. 66–98.
- ²² *Марчева И.* Социално-икономическо развитие през 50–80-те години на XX век // *История на българите (под ред. акад. Г. Марков)*. София, 2009. Т. 3. С. 516–548.
- ²³ *Баева И.* Българо-съветските отношения... С. 118–127; *Марчева И.* Българската икономика през 80-те години... С. 685–692.

- ²⁴ *Марчева И.* Проблеми на външноикономическата преориентация... С. 79–92.
- ²⁵ *Иванов М.* Указ. соч. С. 840–854; *Марчева И.* Проблеми на външноикономическата преориентация... С. 79–92; *Она же.* Конфликтът Михаил Горбачов – Тодор Живков... С. 577–593; *Кандиларов Е.* Указ. соч. С. 265–274.
- ²⁶ *Царевски В.* Развитие на търговско-икономическите отношения между България и Русия // България и Русия в миналото, настоящето и бъдещето... С. 84; *Хубенова-Делисивкова Т.* Съвременни аспекти на развитието на българо-руските икономически отношения // Там же. С. 123.

Г. Никова
(Институт истории БАН)

Вновь между Германией и СССР: Болгария в 70-е – начале 90-х годов XX века*

Во время Великой депрессии¹ Болгария оказалась в экономической, а затем и военно-политической зависимости от Германии. В известной мере история повторилась и в 70-е – 80-е годы прошлого столетия, когда мир охватил новый циклический кризис². Принято считать, что последний кризис XX века был порожден перепроизводством промышленной и, в первую очередь, машиностроительной продукции. Ее объем превысил возможности внутреннего потребления и международных рынков и не соотнобразовывался с запасами энергетических и сырьевых источников. Кризису способствовали и амбиции стран СЭВ, претендовавших на индустриальную «эмансипацию». В сущности, кризисные явления сигнализировали о назревшей необходимости реструктурирования как в сфере международного разделения труда, так и в национальных экономиках, а индустриализация перестала рассматриваться как единственный признак модернизации.

Мирно завершившийся последний в XX веке циклический кризис привел к новому перераспределению рынков за счет стран – бывших членов СЭВ и ориентированных на них государств³. Идеи социализма и кейнсианства⁴ надолго впали в немилость. Наступил поворот в социально-экономической философии⁵, практике управления, системе ценностей и пр. Кардинально изменилась и политическая карта мира. Десятки государств исчезли или сменили свои названия. Изменились соотношение сил, организация международной безопасности и пр. Началась постиндустриальная эра с бурно развивающимися виртуальными информационными технологиями.

В рассматриваемый в статье период болгарская экономика была интегрирована с экономиками СССР и других стран Восточной Европы. Она испытывала зависимость не только от политики Советского Союза, но и

* Перевела Т.В. Волокитина

СЭВ. Первые импульсы к нормализации дипломатических и торговых отношений с Западной Германией поступили от болгарской стороны. Начавшаяся в середине 70-х гг. рецессия промышленного производства усилила и западногерманский интерес к взаимному сотрудничеству. После встречи Т. Живкова и М.С. Горбачева в октябре 1987 г., когда болгаро-советские отношения ухудшились, инициатива полностью перешла к руководству ФРГ. В отличие от тяжелых исторических последствий сближения Болгарии с «третьим рейхом», усиление связей с ФРГ на новом этапе способствовало «более мягкой» адаптации Болгарии к радикально изменившемуся миру.

* * *

Наступившая в Восточном блоке разрядка после прихода к власти Н.С. Хрущева открыла перед Болгарией возможность возобновить торговые отношения с ФРГ⁶. 6 мая 1956 г. оба государства подписали рассчитанный на 5 лет торговый протокол, действие которого распространялось и на Западный Берлин⁷. С середины 50-х гг. ФРГ занимала первое место среди торговых партнеров Болгарии, не считая СЭВ. Болгария импортировала дефицитное промышленное сырье и технические сооружения, но не имела подходящей продукции на экспорт, чтобы уравнивать товарообмен. Пассивный торговый баланс тормозил полноценное развитие торговых отношений, несмотря на усилия, предпринимавшиеся болгарской стороной⁸.

Реализуемые через деятельность СЭВ социалистические принципы разделения труда наглядно продемонстрировали свои отрицательные стороны и выявили необходимость реформ уже во второй половине 60-х годов. Несмотря на координацию планов и специализацию, в производстве огромного количества видов оборудования, узлов и деталей⁹ возникла сверхпродукция, перекрывшая потребности торговых партнеров. Благодаря жесткому планированию, до конца 70-х годов странам-членам СЭВ удавалось обеспечивать высокий среднегодовой прирост в тяжелой промышленности – около 8%. В производстве стали прирост был на 15% выше, чем в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС), и на 10–15% выше, чем в США. При поддержке высоких темпов промышленного развития ежегодно возрастал и энерго-сырьевой дефицит. Кроме того, эффективность использования черных металлов была значительно ниже, а энергоемкость их производства во много раз выше мировых показателей¹⁰.

В 70-е годы болгарская экономика развивалась высокими темпами при положительном внешнеторговом балансе¹¹. Углублявшиеся политические и экономические отношения с рядом стран Азии, Африки и Латинской

Америки расширили возможности участия в строительстве комплексных объектов. Договоры о поставках в эти страны предусматривали не только экспорт оборудования, сооружений и строительных материалов, но и предоставление рабочих мест для быстро увеличивавшегося контингента инженерно-технических специалистов. Тогдашний министр промышленности член Политбюро ЦК БКП Т. Цолов сравнил строительство комплексных объектов в то время с «теплым хлебом, который всем по вкусу»¹².

Однако страны СЭВ, в том числе и Болгария, приступив к освоению мирового рынка комплексных поставок, оказались в условиях жесткой конкуренции и ухудшавшейся экономической конъюнктуры. В начале 70-х годов в мировой экономике наблюдались первые признаки нового циклического кризиса – валютная нестабильность, быстрый рост цен на энергоносители и сырье, перепроизводство и рецессия в промышленности. Стабильность мировых финансовых рынков пошатнулась в результате того, что основная конвертируемая валюта – доллар США – теряла покрытие золотом¹³. После очередной арабо-израильской войны ОПЕК ограничила добычу нефти и подняла цены на нее. Это политическое решение положило начало прочной тенденции удорожания топлива. Причина заключалась в обгоняющих темпах промышленного производства.

Для Болгарии трудности на том этапе были еще более ощутимыми, поскольку машиностроение являлось для страны сравнительно новой отраслью и его продукция низко оценивалась партнерами по СЭВ. Болгарская экономика несла потери от поставок оборудования и других промышленных товаров на советский рынок. Они не были конкурентоспособными, так как местные предприятия получали сырье по более низким ценам. Огромный по масштабам импорт топлива и промышленного сырья из СССР покрывался продукцией сельского хозяйства и легкой промышленности. Но цены именно на эту продукцию оставались низкими и не менялись, в то время как нефть и топливо периодически дорожали.

Ссылаясь на энергетический кризис, Л.И. Брежнев в 1973 г. во время визита в Болгарию уведомил Т. Живкова о намерении советского правительства существенно поднять цены на нефть и газ. Болгарский руководитель признал это право советской стороны, но вновь поднял вопрос о реальной корректировке цен на сельскохозяйственную продукцию. Он заявил: «Болгария, как известно, страна с хорошо развитым сельским хозяйством и, тем не менее, выделяет сотни миллионов валютных левов, чтобы покрыть дотации на экспорт продукции сельского хозяйства в свежем и переработанном виде. Мы каждый год поднимаем этот вопрос в СЭВ, но рассмотрение его постоянно откладывается под предлогом необходимости предварительного изучения. В СЭВ за ним уже закрепились

название «болгарский вопрос», и им пренебрегают». Для того, чтобы завоевать расположение Брежнева и заручиться его поддержкой, Живков был готов дать любые обещания. Он подбросил, по его словам, «идею сближения Болгарии с СССР, чтобы обе страны стали единым организмом». Явно находясь под впечатлением идеи «единого организма» Брежнев заявил, что «уже завтра он поставит ее на обсуждение в Политбюро ЦК КПСС и даст указания Совету министров, Госплану и отделам ЦК»¹⁴.

Началась длительная «одиссея» по подготовке Генеральной схемы специализации и кооперирования НРБ и СССР до 1990 г. Из-за несовпадения интересов сторон переговоры длились несколько лет. Советский проект отводил Болгарии незавидную роль производителя сельскохозяйственной продукции, товаров широкого потребления и лишь отдельных узлов, деталей и оборудования. Болгарское руководство и лично Т. Живков связывали подписание долгосрочного соглашения с получением кредита, способного компенсировать потери от значительных «ножниц» цен на энергоносители и продукцию сельского хозяйства. Чтобы компенсировать растущий валютный дисбаланс, Болгария вынуждена была на 30% увеличить поставки товаров, в то время как другие страны-члены СЭВ ограничились 20%. Брежнев согласился предоставить Болгарии требуемый кредит только в 1978 г. Болгария получала дополнительное количество нефти, но цены на сельскохозяйственную продукцию оставались на прежнем уровне. По мере ухудшения состояния здоровья советского руководителя СССР начал дрейф к «застою»¹⁵.

Энергетический кризис заставил и СЭВ приступить к разработке Комплексной программы по обеспечению основными видами топлива, газом и промышленным сырьем на период до 1990 г. Программа предусматривала совместное строительство дополнительных мощностей, прежде всего, на территории СССР¹⁶: Криворожского и других железорудных горнообогатительных комбинатов, Усть-Илимского целлюлозно-бумажного комбината, Кiemбаевского асбестового горнообогатительного комбината, завода ферросплавов, завода фуражных дрожжей в Мозыре и др., Хмельницкой и Южноукраинской АЭС. Планировались разработка Ямбургского газового месторождения, строительство магистрального газопровода до западной границы СССР протяженностью 4800 км. Указанные объекты финансировались и строились европейскими партнерами СССР по СЭВ. Их проектная стоимость превышала 9 млрд. переводных рублей. Основную часть инвестиций – 7,5 млрд. – предстояло освоить в 1976–1980 гг.¹⁷.

Проблемы, связанные с ценами на энергию и сырье, производственной специализацией и инвестициями, склонили болгарское руководство к более активному поиску рынков за пределами СЭВ и собственных «ниш» в

промышленном производстве, которые располагались, главным образом, в сфере новых технологий. В первую очередь Болгария активизировала свои экономические отношения с Японией – ведущей страной в области электроники. В 1970 г. создаются постоянно действующие двусторонние комиссии по экономическому, промышленному и техническому сотрудничеству с Японией, Финляндией и ФРГ¹⁸. В 1973 г. НРБ и ФРГ восстановили дипломатические отношения, а через год были открыты посольства в Софии и Бонне.

В 1974 г. прирост промышленной продукции в развитых странах Запада сократился до 1,2%, в то время как прежде этот показатель равнялся 6,3%. Стагнация была вызвана не только энергетическим и валютным кризисом, но и перепроизводством в промышленности и более всего в машиностроении. Только в 1970–1973 гг. промышленная продукция, произведенная странами ЕЭС, увеличилась на 20%. Показатель же стран СЭВ был на 10% выше и достиг 30%¹⁹. В целях преодоления стагнации Япония и государства Западной Европы начали проводить экспансионистскую торгово-инвестиционную политику на рынках стран Восточной Европы и «третьего мира». Поощряемые государственной политикой западные концерны увеличили не только экспорт оборудования, установок и технологий, но и инвестиции на строительство совместных объектов кооперированного производства. Этот внешнеэкономический курс предоставил возможность и странам СЭВ преодолеть ограничения по экспорту стратегических товаров и новых технологий, возникшие в связи с объявленным Вашингтоном эмбарго. Одновременно с увеличением неликвидных задолженностей в конвертируемой валюте усиливались центробежные политические настроения в Восточном блоке.

Особенно активно проводила вышеуказанную экспансионистскую политику Западная Германия, экономика которой занимала ведущие позиции в ЕЭС. Помимо ГДР, она проявляла подчеркнутый интерес к своим традиционным партнерам – Венгрии и Болгарии. В 1974 г. болгарское руководство разработало расширенную программу сотрудничества с ФРГ по линии промышленного кооперирования в области электроники и электротехники, машиностроения и металлургии, легкой промышленности, производства мебели. Программа предусматривала реконструкцию и модернизацию существующих предприятий, покупку лицензий, строительство новых объектов на базе производственного кооперирования и расчеты произведенной продукцией, совместное строительство комплексных объектов в третьих странах. Заложенные в программе широкие параметры сотрудничества встретили полное одобрение германской стороны²⁰.

Социал-демократ В. Шелль стал первым заместителем федерального канцлера и министром иностранных дел, посетившим Болгарию. Он прибыл в Софию 25 марта 1974 г. В 1975 г. состоялся ответный визит в ФРГ министра иностранных дел Болгарии П. Младенова. В мае 1975 г. София встречала западногерманского министра экономики, а 7 июня председатель Государственного совета Т. Живков впервые принимал Г. Коля, в то время занимавшего пост председателя ХДС. Посетили Болгарию Г.-Д. Геншер²¹, а также делегация Бундестага во главе с его председателем А. Регнер²².

По приглашению канцлера Гельмута Шмидта болгарский государственный и партийный руководитель Т. Живков 24–28 ноября 1975 г. впервые нанес официальный визит в Бонн. Стороны подписали соглашение о культурном сотрудничестве и межправительственное соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, рассчитанное на 10 лет. Долгосрочное соглашение практически включило все вышеперечисленные предложения болгарской стороны²³.

Во второй половине 70-х годов именно с ФРГ внешнеэкономические отношения Болгарии развивались наиболее динамично. Активно действовала болгаро-германская комиссия по экономическому, промышленному и техническому сотрудничеству, руководимая министром внешней торговли Х. Христовым и министром экономики ФРГ О. Ламбсдорфом. В заседаниях комиссии были широко представлены политические и деловые круги Германии.

В октябре 1977 г. Болгария вновь принимала Г.-Д. Геншера во главе представительной делегации ФРГ. В июле 1978 г. П. Младенов нанес ответный визит. Стороны заключили специальное соглашение о сотрудничестве в области металлургии, машиностроения, внутризаводского транспорта, складского строительства, производства трубопроводов и пр. Было предусмотрено также и более активное сотрудничество в области химического производства, мебельной и пищевой промышленности, туризма и др. В ноябре 1978 г. представители болгарской Торгово-промышленной палаты и Восточного комитета экономики ФРГ подписали в Кельне двустороннее соглашение, нацеленное на стимулирование взаимовыгодных экономических, торговых и транспортных связей между обеими странами²⁴.

В начале мая 1979 г. канцлер Г. Шмидт нанес ответный визит Т. Живкову. Переговоры в Софии между двумя государственными лидерами дали новый импульс развитию двусторонних отношений. В ноябре 1979 г. в Софии впервые прошла Неделя культуры ФРГ. На протяжении 1975–1980 гг. состоялись официальные поездки в ФРГ первого заместителя председателя Совета министров Т. Божинова, председателя Болгарской

промышленной и экономической ассоциации О. Дойнова, председателя Национального аграрно-промышленного комплекса В. Цанова, министра машиностроения и электроники Т. Чакрыова, министра химической промышленности Г. Панкова. В свою очередь Софию посетили федеральный министр пищевой промышленности, сельского хозяйства и лесов Й. Эртель, председатель Восточного комитета экономики О. фон Амеронген, президент Федерального союза германской торговли Г. Гартвиг²⁵.

В 1975–1980 гг. болгарские торговые и промышленные объединения подписали рамочные соглашения о сотрудничестве с концернами «Тиссен», «Даймлер Бенц», «Фридрих Крупп», «Хехст», «Сименс» и др. В списке реконструкции и модернизации по западногерманским технологиям и с соответствующим оборудованием значились 55 болгарских предприятий всех отраслей производства. Было подписано 32 договора о кооперировании производства. Более 120 западногерманских фирм приняли участие в Пловдивской ярмарке. В 1980 г. «Техноэкспортстрой» и «АЭГ-Телефункен» осуществили первую совместную поставку строительных кранов в Турцию. На корабельных верфях в Варне был спущен на воду первый корабль для ФРГ – «Гельвеция». На следующий год Болгария запустила в серийное производство и экспортировала первые 50 тракторов «Мургаш», сконструированных специально для обработки виноградников, расположенных в обрывистой горной местности Германии²⁶.

В 1980 г. торговля между НРБ и ФРГ достигла рекордного объема в 620,5 млн. левов, из которых на долю болгарского экспорта пришлось 288 млн., а импорта – 392,5 млн. левов. Удельный вес Западной Германии в общем объеме болгарской внешней торговли оставался достаточно скромным – 3,6%. Но при том ФРГ занимала пятое место в общем товарообороте Болгарии и первое среди капиталистических стран. Промышленная продукция в болгарском экспорте в ФРГ превысила 80%, из которых на долю химической промышленности приходилось более 30%, металлургии – 13%, легкой промышленности – 14% и машиностроения – 13,2%. Возникшее пассивное сальдо почти полностью компенсировалось доходами от туристических, транспортных и прочих услуг. В 1980 г. Болгарию посетили 128 тысяч туристов из Западной Германии. Они отдыхали на морских, зимних и бальнеологических курортах. Значительную прибыль давала и национальная авиакомпания «Балкан»²⁷.

Осенью 1980 г. Государственный комитет по науке и техническому прогрессу достиг договоренности с фондами Александра фон Гумбольдта и Карла Дуйсбурга об увеличении числа стипендий для болгар, специализировавшихся в области гуманитарных и технических наук. В ноябре 1981 г. Комитет провел встречу с представителями Германской службы

академического обмена (ДААД). Стажироваться в институтах, лабораториях и центрах при крупных фирмах ФРГ получили возможность уже в том же году 142 болгарских специалиста. Высшие учебные заведения Болгарии и институты БАН установили прямые контакты с родственными институтами Германии.

Болгарское государственное и партийное руководство и лично Т. Живков неоднократно обращались к правительству ФРГ с просьбой содействовать включению Болгарии в единую систему таможенных преференций Европейского экономического сообщества. Германские представители выносили этот вопрос на обсуждение ЕЭС, но их благоприятная для болгар позиция не была поддержана²⁸.

В 1981 г. в силу вступили еще 30 договоров о кооперировании и инженерном сотрудничестве с фирмами «Крупп», «Лурги», «Манесманн», «Келкнер», «ГХХ», «Тиссен», «Хехст», «АЭГ-Телефункен», «Байер», «БАСФ», «Дойче Бобког» и «Гартман и Браун». Новые рамочные договоры, как и ранее, охватывали широкий спектр производств в сфере машиностроения, химической промышленности, фармацевтики и косметики, текстильной, швейной, обувной и пищевой промышленности. В 1982 г. в ФРГ прошли Дни болгарской экономики, науки и техники. Были организованы семинары по вопросам маркетинга болгарских металлорежущих станков, продукции электротехники и электроники. Однако созданные смешанные общества в Германии не смогли окрепнуть и достичь в своей деятельности желаемых результатов. В 1982 г. болгарские объединения вели переговоры с концерном «Крупп» о совместном строительстве заводов железобетонных изделий в Кувейте, ферросплавов в Греции, автомобильных покрышек в Алжире. Была достигнута договоренность с концерном «Тиссен» о совместном строительстве металлургического завода в Нигерии, а с «ГХХ» – такого же завода в Ливии. Однако поступившие рекламации на плохое качество поставляемой совместной продукции и неритмичность поставок привели к аннулированию некоторых договоров. Начиная с 1981 г. продажи болгарского оборудования, химикатов и других промышленных товаров уменьшились, наметилась тенденция к увеличению дисбаланса в двустороннем товарообмене²⁹.

В начале 80-х годов, несмотря на предпринимавшиеся меры, экономическая и политическая конъюнктура в мире ухудшилась. Кризис подобен природной стихии, которую трудно предотвратить и обуздать. 1980 год был отмечен падением активности и курса доллара, ростом инфляции. В промышленно-развитых странах Запада число безработных превысило 24 млн. человек. Обострение ирано-иракского конфликта привело к повышению цен на нефть, добываемую странами ОПЕК. Только за два года

они возросли с 13 до 32–37 долларов за баррель. Внешняя задолженность стран «третьего мира» превысила 800 млрд. долларов. Невозможность погасить инвестиционные и торговые кредиты вызвала спад внешнеторговой активности.

В отличие от Японии и стран-членов ЕЭС, Соединенные Штаты продолжали проводить ограничительную политику в отношении стран социалистической ориентации. После событий в Польше в 1980 г. Вашингтон объявил бойкот коммунистическим режимам, стремясь ввести кредитную и экономическую блокаду. США оказывали нажим на своих партнеров, добиваясь их присоединения к бойкоту и ограничения отношений с Восточной Европой. Но, вопреки давлению, страны-члены ЕЭС, особенно ФРГ, не отказались от намерения активизировать экономические отношения с Восточной Европой и «третьим миром», хотя в то же время несколько сократили промышленное производство.

В поисках рынка для своей промышленной продукции и закупок дефицитного сырья Болгария, как и другие страны Восточной Европы, по примеру стран Запада перешли к экспансионистской торгово-экономической политике в отношении стран «третьего мира»³⁰. Из-за более низкой конкурентоспособности их оборудования, сооружений и комплексных объектов экспансия стран СЭВ сопровождалась гораздо более активным кредитованием (понятно, что государственным), причем кредиты чаще всего предоставлялись на невыгодных условиях и при негарантированной ликвидности³¹.

Отсутствие кредитов привело к свертыванию в 1980 г. некоторых проектов из Комплексной программы по обеспечению основными видами топлива, газом и промышленным сырьем. Сроки введения в эксплуатацию значительной части объектов на территории СССР растягивались до 1995 и даже до 2000 г. На эти же сроки отодвигались, естественно, и выплаты за произведенную на указанных объектах продукцию³².

Но только на экономическом совещании партийных и государственных руководителей стран-членов СЭВ и на последовавшей за ним 38-ой чрезвычайной сессии Совета в Москве в июне 1984 г. негативные тенденции в развитии экономики были признаны реальностью. С тревогой указывалось на снижавшиеся темпы развития промышленности и взаимной торговли, на трудности в вопросах обеспечения населения продовольствием, а экономики – энергоносителями, топливом и сырьем, на технологическое отставание производственной базы при по-прежнему высокой энергоемкости производства³³.

Намеченные меры по преодолению кризиса были традиционными, неконкретными и по своему неадекватными ситуации: «более рациональное

использование мощностей в машиностроении и химической промышленности», «улучшение согласования экономической политики», «координация планов» и т. п. В целях «усиления технологической независимости от Запада» предусматривалась разработка и принятие долгосрочной Комплексной программы научного и технического сотрудничества. Для преодоления энергетического кризиса было решено, что СССР сосредоточит усилия на добыче топлива и сырья, а развитие других производств возмут на себя остальные страны-члены СЭВ. На них возлагалась также задача обеспечить капиталовложения для реконструкции и модернизации советской добывающей промышленности в размере 45–55 млрд. рублей³⁴. Было признано необходимым выработать стратегию расширения сотрудничества с развивающимися странами. В связи с их большой кредитной задолженностью было принято рискованное решение о реинвестициях в экономику этих стран в расчете на то, что таким образом им удастся погасить свои долги³⁵.

К середине 80-х годов СЭВ поддерживал торгово-экономические отношения со 101 страной мира, в том числе с 29 странами Азии, 51 страной Африки и 21 – Латинской Америки. Общий объем инвестиций в их экономику к началу 1986 г. достиг 38,6 млрд. руб., а ежегодная помощь – около 3,6 млрд. руб. К тому времени там было введено в эксплуатацию и строилось около 5000 промышленных и иных объектов. Некоторым странам – Эфиопии, Никарагуа и Лаосу – помощь оказывалась безвозмездно или с использованием преференциальных цен³⁶. В условиях перепроизводства, неравноценной конкуренции и растущей кредитной задолженности СЭВ начал терять внешние рынки. Только в 1985 г. удельный вес развивающихся стран в общем объеме товарооборота стран-членов Совета сократился на 6,8% по сравнению с предыдущим 1984 г.³⁷

Изменение политического курса Москвы с приходом к власти М.С. Горбачева в 1985 г. лишь продлило агонию социалистической экономики, но не было в состоянии ни остановить дальнейшее технологическое отставание, ни предотвратить финансово-экономический коллапс. Комплексная программа более тесного научно-технического сотрудничества в области электроники, автоматики и биотехнологий и ускоренного развития атомной энергетики, рассчитанная до 2000 г., была принята только в конце 1985 г. Целевая установка новой программы осталась старой – усилить «независимость от Запада»³⁸. Несмотря на растущие трудности с размещением продукции, курс на преимущественное развитие тяжелой промышленности и ее основной отрасли – машиностроения – остался неизменным.

Неблагоприятные тенденции, проявившиеся в болгарской экономике, не ослабили, тем не менее, интереса Федеративной Республики Германии

к НРБ. Новый канцлер Г. Коль, следуя сложившейся традиции, в 1984 г. пригласил Т. Живкова вновь посетить Бонн. Приглашение совпало по времени с началом размещения американских ракет средней дальности «Першинг» в Западной Европе. Под нажимом Москвы болгарский руководитель вынужден был отложить визит, но в 1985 г. в Западную Германию отправилась первая парламентская делегация во главе со Станко Тодоровым. В 1986 г. председатель Бундестага Ф. Йеннингер нанес ответный визит. В ФРГ прошли Дни болгарской культуры. Посетил Бонн и болгарский министр юстиции. Обе стороны подписали договор о взаимном поощрении инвестиций. В 1982–1986 гг. министры иностранных дел П. Младенов и Г.-Д. Геншер неоднократно обменивались визитами. Гостями Болгарии в это время были федеральные министры: экономики – Бангеман, транспорта – Долингер, внутренних дел – Баум, премьер-министр Баварии Й. Штраус и земли Рейнланд-Пфальц Б. Фогель. Вторично посетил Софию и В. Брандт. В мае 1987 г. в Болгарию приезжал председатель совета министров земли Нижняя Саксония Э. Альбрехт. В апреле 1987 г. в Мюнхене был учрежден Баваро-болгарский торговый банк³⁹. Канцлер Г. Коль подтвердил свое приглашение, и на сей раз болгарская делегация в главе с Т. Живковым прибыла в Западную Германию. Во время визита с 3 по 5 мая 1987 г. гостей ждал теплый, радушный прием. Состоялись встречи с видными западногерманскими политиками и хозяйственными деятелями. Была достигнута предварительная договоренность о заключении двусторонних соглашений о научно-техническом сотрудничестве и недопустимости двойного налогообложения. Коль обещал содействие германского правительства в создании в г. Видине свободной таможенной зоны и в установлении прямых контактов Болгарии с западногерманскими землями. Министр экономики ФРГ получил приглашение посетить Болгарию еще в августе 1987 г. Живков во время одной из бесед выразил настойчивое желание, чтобы болгарская экономика всесторонне была связана с германской: «Мы должны перейти от прежней классической торговли, базирующейся главным образом на купле-продаже, к новым современным формам экономического сотрудничества – промышленному кооперированию, созданию у нас и в третьих странах совместных консорциумов, совместных банков и других институтов, взаимным инвестициям и длительному присутствию на рынках обеих стран». Германский канцлер, однако, нашел способ тактично вернуть собеседника с небес обратно на землю: «болгаро-германские отношения могут служить примером сотрудничества, но они не могут заменить хороших отношений ФРГ с СССР»⁴⁰.

Реакция Москвы не заставила себя ждать. 16 октября 1987 г. Живков был приглашен в Кремль, где состоялась его самая драматичная беседа

с М.С. Горбачевым⁴¹. Демократ Горбачев задал риторический вопрос: «Мы спрашиваем себя, как возможно без широкого обсуждения вопроса в Болгарии осуществить переустройство и в центре, и на местах, одним махом все изменить». Горбачев заявил, что болгарские реформы «игнорируют доминирующую роль тяжелой индустрии», затрагивают вопрос о собственности, являющейся «ядром социалистических производственных отношений», и «принципиальное положение о руководящей роли партии». Он ясно дал понять, что следует покончить с иллюзиями об активном сотрудничестве с ФРГ и Японией. Советский генсек настаивал на отстранении из окружения Живкова лиц, желающих превратить Болгарию в «мини-ФРГ» и «мини-Японию», поскольку «все ответы на вопросы и все решения задач» надо искать «не где-либо, а в социализме, в его динамичном развитии»⁴².

Диктат Москвы охладил энтузиазм болгарского лидера. Начиная со второй половины 1987 г. и вплоть до 10 ноября 1989 г., когда Живков был отстранен от власти, поездки болгарских делегаций в ФРГ почти прекратились. Официальные визиты в это время осуществили только министр экономики С. Овчаров и министр иностранных дел П. Младенов.

Немцы, однако, не потеряли своего интереса к Болгарии, через которую надеялись проникнуть и на огромный советский рынок. Известные политики Г.-Д. Геншер, Й. Штраус, Б. Фогель, Ф. Йеннингс вновь посетили Болгарию. В ноябре 1988 г. впервые с официальным визитом прибыл в Софию и президент Р. фон Вайцзеккер. В тот же год в ФРГ вновь прошли Дни болгарской культуры. В 1989 г. в Софии подписано и первое двустороннее соглашение об охране природы. В связи с этим документом министр окружающей среды Телфер трижды побывал в Болгарии. Два раза приезжал и министр экономики М. Бангеман. В это время заключены договоры о долговременном сотрудничестве между болгарскими предприятиями и «АЭГ», о создании смешанных акционерных обществ «АСКО – Деница» и «АСКО – ЦУМ». С официальными визитами в Софии побывали федеральные министры: транспорта и жилищного строительства – Шнейдер, юстиции – Энгельгардт, научных исследований – Ризенхубер, а также премьер-министры земель Саарланд и Нижняя Саксония О. Лафонтен и Э. Альбрехт. Подписаны соглашения о социальной защите, о сотрудничестве в области научных исследований и технологий, об открытии культурных институтов в Софии и Мюнхене. Впервые обе страны обменялись военными атташе. Было прекращено глушение передач радиостанции «Дойче велле» на болгарском языке. Особенно активную деятельность развил германский посол К.-В. Левальтер. По его инициативе 1 мая 1989 г. в Софии был открыт филиал германского «Гете-Института»,

популяризирующего немецкий язык и культуру. Основной акцент в работе филиала был сделан на преподавании немецкого языка.

Радикальный политический перелом после 1989 г. поставил болгарское общество перед новыми трудными проблемами. Началось переустройство всей общественной жизни. В феврале 1991 г. Болгария вышла из Варшавского Договора еще до его самороспуска. В июне 1991 г. был расформирован СЭВ. Прекратил свое существование и СССР. Рухнули интегрированная экономика и система безопасности бывших социалистических стран. Это заставило их новые демократические правительства сформулировать основную задачу внешней политики – вступление в Европейский Союз и НАТО.

В начале трудного перехода к новым реалиям созданные ранее стабильные контакты Болгарии с правительством и деловыми кругами ФРГ оказались в высшей степени полезными. Г. Коль и Г.-Д. Геншер остались друзьями Болгарии. Геншер побывал в Софии с рабочим визитом 2 января 1990 г., несмотря на перенесенный летом 1989 г. инфаркт. Он приезжал в Болгарию и позднее, даже уйдя с поста министра иностранных дел. Очень полезным оказалось и пребывание в стране посла Левальтера, мандат которого истек в 1991 г. Дружественно настроенный к Болгарии Левальтер был одним из наиболее активно действовавших иностранных дипломатов, аккредитованных в то время в стране.

После объединения восточной и западной частей страны в конце августа 1990 г. Германия вернула себе былые позиции европейской и мировой державы. В 1990 г. Болгария и ФРГ заключили двустороннее соглашение об отправке в Германию 4000 болгарских рабочих по трудовым договорам. В сентябре 1991 г. президент Ж. Желев подписал в Бонне первый Болгаро-германский договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве в Европе. В 1992 г. оба правительства согласились на отсрочку выплат в счет погашения отпущенных банками ФРГ кредитов для модернизации болгарских предприятий, построенных во второй половине 70-х и особенно в 80-е годы. В том же году была подписана долгосрочная программа культурного сотрудничества и двусторонний договор о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, оборотом наркотиков, терроризмом и нелегальным транзитом людей через границы. Началась реализация программы помощи реформам в Болгарии⁴³.

Обе стороны подписали договор о поощрении развития малых и средних предприятий Болгарии. В 1994 г. правительство ФРГ дополнительно выделило 17 млн. германских марок для реформирования болгарской образовательной системы. Соглашение о сотрудничестве подписали и министерства обороны двух стран. Согласно его статьям, Германия безвозмездно осуществила поставки в Болгарию военной техники и запасных

частей. В 1995 г. германское правительство предоставило 4 млн. немецких марок для улучшения технического состояния подразделений министерства внутренних дел Болгарии, нацеленных на борьбу с организованной преступностью. ФРГ вновь превратилась в ведущего экономического партнера Болгарии. Она занимает первое место в товарном обмене страны с развитыми промышленными странами и третье по объему инвестиций⁴⁴.

К сожалению, по-иному развивались освященные вековыми традициями болгаро-русские отношения. В годы радикального перелома они следовали траектории маятника и перешли из одной крайности в другую – от всесторонней интеграции до почти полного замораживания. Причины взаимного охлаждения на начальном этапе трудного перехода имели двусторонний и комплексный характер. Некоторые вообще не зависели ни от одной из сторон, а явились результатом длинной волны конъюнктуры, предопределившей переломы в человеческой истории. Но именно традиции и есть та благодатная почва, на которой вырастают прекрасные цветы взаимности, дружбы и уважения. Задача историков – сохранить память не только о позитивных, но и о трудных, тупиковых моментах общения наших народов, чтобы не повторить ошибок в будущем.

Примечания

- ¹ Общеизвестно, что Великая депрессия началась в 1929 г., но время ее окончания оценивается исследователями по-разному. Мы исходим из того, что практически кризис был преодолен лишь по окончании Второй мировой войны.
- ² Еще в 1927 г. Н. Кондратьев опубликовал статью о цикличности развития мировой экономики. На основании анализа статистических данных он установил, что периодически отмечается резкий спад основных показателей состояния мирового хозяйства. Период войн и перераспределения рынков сменяется временем инноваций и экономического подъема. Российский экономист стал основоположником теории цикличности и длинной волны конъюнктуры. За это открытие Академия наук Франции в начале 1950-х гг. предложила присудить Н. Кондратьеву Нобелевскую премию. К сожалению, до получения этой авторитетнейшей награды ученый не дожил, став жертвой сталинских репрессий. Труды Кондратьева долгое время оставались непризнанными на родине.
- ³ В 1970-е годы в СЭВ входило 10 стран: Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. С 1965 г. в работе органов Совета регулярно участвовала Югославия, а в 80-е гг. и Никарагуа. В качестве наблюдателей на сессиях СЭВ присутствовали представители развивающихся стран социалистической ориентации – Йемена, Северной Кореи, Лаоса, Анголы, Эфиопии, Афганистана, Мозамбика, Кампучии и др.

- ⁴ Во время Великой депрессии Дж. М. Кейнс рекомендовал президенту Фр. Д. Рузвельту принять ряд мер, поощрявших антимонопольное законодательство и потребительский спрос, в качестве главного условия восстановления рынка и производства. Фактически английский экономист осуществил крупнейшую революцию XX века в политэкономии. На идеях кейнсианства основано современное социальное государство, в котором через кредитно-налоговую политику обеспечивается процветание среднего класса – не только массового потребителя и производителя материальных и духовных ценностей, но и основного налогоплательщика и «стержня» самого государства. Кейнсианство содействовало более быстрому экономическому восстановлению Западной Европы после Второй мировой войны. До конца 1970-х гг. его идеи преобладали в Западной Европе и США. Последователи Кейнса – некейнсианцы – уделяли большее внимание реальной экономике, поощряли умеренное планирование и сохранение регулирующих функций государства и наднациональных институтов в структурообразующих отраслях. Фактически в то время в развитых странах Запада преобладала смешанная рыночная экономика социальной направленности. Некоторые экономисты даже пришли к заключению, что, независимо от идеологической и политической конфронтации, между капиталистической и социалистической экономическими системами уже нет принципиальных различий. Обе системы характеризуются высокой степенью укрупнения и наднациональной концентрации хозяйственных субъектов и обобществлением собственности. Разумеется, немаловажное значение имеет тот факт, что западные концерны созданы по акционерному принципу, при сохранении статуса частной собственности, в то время как при «реальном социализме» собственность полностью государственная. Именно в 1970-е гг. широкую популярность приобрела и теория конвергенции, то есть постепенного слияния двух общественных систем.
- ⁵ После вступления Р. Рейгана на президентский пост наступила так называемая консервативная революция. «Рейганомика» поставила на модельный подиум шотландскую модель А. Смита и возвела в культ ценности экономического либерализма. Новая монетаристская теория заметно потеснила кейнсианство. На долгие годы экономика оказалась в условиях рыночной стихии, при которой благодетельствована лишь тонкая прослойка финансовой и хозяйственно-политической элиты.
- ⁶ После Второй мировой войны болгарская промышленность, на предприятиях которой преобладала немецкая техника, продолжала испытывать острую нехватку запасных частей и других потребительских товаров. Это заставило болгарское правительство еще в 1947 г. заключить соглашения о товарообмене и платежах со всеми секторами оккупированной Германии. В 1950 г. Болгария подписала протокол о товарообмене и с новым правительством Западной Германии. После этой «политической ошибки» в системе министерства внешней торговли в 1951 г. была проведена сокрушительная по своим масштабам смена кадров: во время чисток дело дошло даже до машинисток и уборщиц.

- ⁷ На дипломатическом языке это означало, что Болгария признала принадлежность Западного Берлина ФРГ. В данном случае болгарское правительство не сообразовывало свои действия с позицией СССР, который категорически отказывался признать эту принадлежность.
- ⁸ Никова Г. Берлинската криза от 1961 г. и България // Bulgarian historical review. 2006. № 1. Р. 404.
- ⁹ К середине 80-х годов специализированное производство охватывало 16 тысяч видов оборудования, узлов и деталей.
- ¹⁰ Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 57. Л. 1–15; А.е. 230. Л. 103; А.е. 198. Л. 108.
- ¹¹ Рост национального дохода и капиталовложений составил около 8%.
- ¹² ЦДА. Ф. 630. Оп. 3. А.е. 10. Л. 9; Ф. 1Б. Оп. 67. А.е. 1305. Л. 16; Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 8123. Л. 3; А.е. 7770. Л. 1–7.
- ¹³ Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 155. Л. 214. С 1974 г. начали вводиться новые принципы соотношения курсов валют на международном рынке, появилась «плавающая валюта».
- ¹⁴ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 66. А.е. 1373. Л. 27, 35–40.
- ¹⁵ Там же. Л. 26–28.
- ¹⁶ Подписаны были также долгосрочные соглашения о геологоразведочных работах в Монголии и на Кубе, о разработке залежей минерального сырья и о совместном строительстве горнообогатительных комбинатов.
- ¹⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 66. А.е. 149. Л. 5; А.е. 239. Л. 37–42. В то время переводной рубль был дороже доллара.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 8090. Л. 31–45, 87; Болгария активизировала торговые связи также с Великобританией, Италией, Францией, Грецией и другими западными странами (Никова Г. «Флиртът» на България със Западна Германия през 70-те и 80-те години на XX век // Историята – професия и съдба. В чест на член-кореспондент д-р.н. Георги Марков. София, 2008. С. 549–561).
- ¹⁹ ЦДА. Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 8090. Л. 177.
- ²⁰ Там же. А.е. 6773.
- ²¹ Г.-Д. Геншер в 1982–1992 гг. – вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ.
- ²² Данные о дипломатических визитах и подписании двусторонних договоров размещены на сайте посольства ФРГ в Софии.
- ²³ ЦДА. Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 6773.
- ²⁴ Там же. А.е. 6774. Л. 10–16.
- ²⁵ Там же. А.е. 6775. Л. 17.
- ²⁶ Там же. А.е. 6774. Л. 26–33.
- ²⁷ Там же. Л. 25. А.е. 6775. Л. 10, 24–25.
- ²⁸ Там же. А.е. 6775. Л. 10. Болгария неоднократно поднимала этот вопрос и в 80-е годы, но в отличие от Венгрии желаемых таможенных преференций не получила.

²⁹ Там же. А.е. 6774. Л. 42; А.е. 6775. Л. 21.

³⁰ Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А.е. 234. Л. 9–10.

³¹ Там же. А.е. 225. Л. 2.

³² Там же. А.е. 239. Л. 37–42.

³³ Там же. А.е. 225. Л. 1–5.

³⁴ Там же. А.е. 230. Л. 98.

³⁵ Там же. А.е. 225. Л. 13–70.

³⁶ Там же. А.е. 234. Л. 9–10.

³⁷ Там же. А.е. 239. Л. 168–170.

³⁸ Там же. Л. 18.

³⁹ Там же. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 219. Л. 27–30.

⁴⁰ В сущности, в то время Г. Коль не мог позволить себе поддерживать выраженное Живковым желание выйти из-под советской экономической опеки. Германский вопрос все еще не был решен и в очень большой степени зависел от воли Москвы (Подробнее см.: *Никова Г. Живковата икономическа реформа, перестройката и стартът на скритата приватизация в България // Исторически преглед. 2003. № 5–6. С. 108 и сл.*).

⁴¹ Там же. После избрания Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС это была его третья по счету встреча с Живковым. После нее почти два года советский руководитель отказывался от встреч с Живковым. В последний, четвертый раз он пригласил болгарского лидера в Кремль только «жарким» летом 1989 г.

⁴² *Никова Г. Живковата икономическа реформа...* С. 112.

⁴³ В рамках этой программы до 1997 г. Болгария получила от Германии около 50 млн. марок.

⁴⁴ В 1998 г. болгаро-германский торговый обмен исчислялся 2437,9 млн. немецких марок.

М. Билга

(Институт истории БАН)

Болгарская диаспора в Советском Союзе и деятельность Комитета болгар за рубежом (1982–1991 гг.)*

Комитет болгар за рубежом (КБЗ) – правопреемник Славянского комитета, основной задачей которого являлась работа с болгарами, находившимися за рубежами страны. Новое наименование преследовало цель рассеять в болгарском обществе негативные воспоминания о деятельности Славянского комитета. КБЗ не являлся общественной организацией, так как, подобно своему предшественнику, не имел статуса юридического лица и не был зарегистрирован в качестве независимого объединения в соответствии с Законом о частных лицах и семье. Никакой правовой основы для его деятельности, кроме решения Секретариата ЦК БКП от 23 марта 1982 г., не имелось. Фактически КБЗ являлся государственной организацией, выражавшей интересы партийной и государственной власти, хотя пытался создать себе имидж общественного объединения.

Главная задача Комитета состояла в том, чтобы оказывать поддержку болгарам во всем мире и не допустить их поглощения другими национальностями. Однако, формулируя эту задачу, ЦК БКП менее всего имел в виду болгар в Советском Союзе. В книге «Болгария – моя святыня» профессор-историк М. Дыхань писал: «Необходимо отметить, что о советских болгарях на их прародине – в Болгарии почти не вспоминали. За 73 года [советской власти] болгарские правительства (и до, и после 1944 г.) ни разу не осмелились официально поинтересоваться национально-культурной судьбой своих кровных детей в “самой братской” стране – СССР»¹. Такова была официальная болгарская политика, которая начала постепенно меняться только в конце 80-х годов XX столетия, но прежде...

Руководство Комитета болгар за рубежом в точности выполняло указания, спускавшиеся «сверху», и это в полной мере относилось к «советским» болгарам. В материалах Комитета, хранящихся в Центральном государс-

* Перевела Т.В. Волокитина

твенном архиве в Софии, редко можно встретить документы, касающиеся этой части болгарской диаспоры. Объяснение тому содержится в датированном ноябрем 1983 г. письме председателя Комитета П. Матева в Отдел внешней политики и международных связей ЦК БКП: «Комитет болгар за рубежом не работает с лицами болгарского происхождения, проживающими в СССР»². Матов одновременно отметил, что с некоторыми из них связи установлены через издание Комитета журнал «Родолюбие», имеющий около 1500 абонентов в СССР. Комитет систематически получал письма с просьбой о содействии в розыске родных в Болгарии, о подписке на болгарские газеты и журналы, включении в туристические группы, посещающие Болгарию, и др. КБЗ старался удовлетворить эти просьбы. По мнению председателя Комитета, «при имеющихся многосторонних братских связях между Болгарией и советской страной лица болгарского происхождения, проживающие в СССР, несомненно, имеют возможности получать болгарскую литературу, посещать спектакли болгарских театральных коллективов, выставки болгарских деятелей культуры, получать разнообразную информацию о Болгарии. Но, несмотря на это, ностальгия заставляет людей искать связи с такой организацией в Болгарии, которая смогла бы откликнуться на их просьбы»³. В связи с этим Матов просил Отдел ЦК принять решение о масштабах и характере деятельности КБЗ среди болгарской диаспоры в СССР. Письменного ответа в документах архивного фонда Комитета найти не удалось. Известно, что по всем важным вопросам руководство Комитета обращалось в ЦК, но на многие из них ответ давался не в установленном порядке, то есть в письменном виде, а по «звезде» – прямой телефонной связи ЦК с министерствами и ведомствами. Такой порядок «телефонного права» распространялся на контакты не только с КБЗ.

В контексте приведенного выше письма П. Матева в ЦК БКП следует подчеркнуть, что далеко не все имевшиеся возможности установления контактов с болгарскими в СССР использовались. Важно иметь в виду, что Комитет выполнял, главным образом, принятые государственными «верхами» решения. Например, одно из лучших средств пропаганды – гастрольные болгарские музыканты и других творческих коллективов не охватывали районы Советского Союза с компактно проживавшими там этническими болгарскими, хотя, по словам Матева, возможности для этого имелись. Не случайно в письмах с мест нередко задавался вопрос, почему болгарские коллективы не приезжают к ним, а ограничиваются посещением крупных советских городов?

До конца 80-х гг. Советский Союз значился среди стран, в которые рассылался журнал «Родолюбие». Однако сведений о том, что издание распространялось среди болгарского населения, в информационных ма-

териалах Комитета нет, хотя это, безусловно, являлось ключевым моментом переписки между Комитетом и диаспорой. В цитиrowавшемся выше письме Комитета в ЦК сообщалось, что журнал получают во многих болгарских селах Бессарабии и отдельные абоненты-болгары по всему Советскому Союзу. Некоторых читателей издатели даже просили высказать свои предложения и мнения по интересующим их темам, с тем, чтобы впоследствии провести открытое обсуждение на страницах журнала. По существу, тема подписки на «Родолубие» была основной в письмах, полученных от бессарабских болгар. Некоторые письма касались переадресации подписки или записи новых абонентов. Так, с просьбами о подписке на журнал в Комитет писали А. Катев из Кишинева, художник Д. Пейчев и др. Адреса граждан СССР болгарского происхождения, обращавшихся в Комитет, вероятнее всего, вносились в картотеку. КБЗ располагал адресами и других, более известных представителей болгарской диаспоры в Бессарабии. Поэтому нельзя категорически утверждать, что в Комитете не интересовались состоянием диаспоры. Более того, соответствующая достоверная информация поступала по разным каналам, она касалась разных районов СССР, но самая подробная шла из Бессарабии. В архиве Комитета подобные документы сохраняются с начала 60-х годов, причем информация периодически обновлялась или дополнялась.

Один из таких документов – памятная записка П. Матева от 22 октября 1984 г. с изложением беседы с поэтом, переводчиком, членом Союза писателей СССР Н. Стояновым из Кишинева. Беседа состоялась 17 октября. Стоянов сообщил, что в Молдавии, на Украине и в Крыму проживают около 600 тыс. болгар, что в Союзе молдавских писателей по решению Центрального руководства ССП создана болгарская писательская группа из семи человек. Члены группы – регулярные подписчики болгарской литературной периодики. Стоянов просил Матева направлять соответствующие издания на его адрес, а он, Стоянов, будет передавать их другим членам группы. Двумя годами ранее Стоянов уже обращался с аналогичной просьбой о присылке ему книг на домашний адрес, что дает основания предположить: книжные бандероли не доходили до абонента. Матев предложил на заседании Комитета «принять решение об удовлетворении просьбы тов. Н. Стоянова и поручить организационно-пропагандистскому отделу регулярно следить за отправкой литературы», поскольку до сего времени это осуществлялось «спорадически»⁴. Разумеется, о состоявшейся беседе было сообщено в Отдел внешней политики ЦК БКП. Указанная встреча сыграла положительную роль в развитии взаимных связей. Известно, что подобные встречи проходили неоднократно, но документов о них не сохранилось.

Основным источником информации о контактах Комитета с диаспорой остаются письма «советских» болгар в КБЗ. Из переписки узнаем о желании некоторых этнических болгар принять участие в акции дарения – сборе средств на строительство Дома КБЗ, о чем, вероятно, они узнали из журнала «Родолубие». Первые несколько писем с вопросом, как технически передать деньги, датированы еще концом 1983 г., то есть сразу после того, как была объявлена эта кампания⁵. Тогда из Комитета ответили, что желающие принять участие в акции могут обратиться в Посольство НРБ в Москве или в Генеральное консульство в Киеве. Позднее были получены и другие письма с аналогичными вопросами⁶. В конце 1984 г. в КБЗ вновь обратился В. Стоянов из г. Болграда, автор одного из первых писем. Стоянов еще раз выразил желание участвовать в акции. Он сообщил, что Генеральное консульство в Киеве пообещало дать письменный ответ на его запрос после предварительного изучения вопроса. 11 апреля 1985 г. заместитель председателя КБЗ М. Бангиев обратился в Генконсульство в Киеве, переслав туда и письмо Стоянова. Бангиев сообщал, что КБЗ и Фонд «13 веков Болгарии» направили в Посольство в Москве свидетельства о дарении, поскольку «в принципе имеется согласие тех наших соотечественников, работающих и живущих в СССР и желающих купить эти свидетельства..., что такие документы им будут посланы и соответствующим образом учтены»⁷ в Фонде. Бангиев просил киевское Генконсульство дать четкий ответ. Через две недели он получил ответ, что письмо КБЗ направлено в Генеральное консульство НРБ в Одессе, поскольку Стоянов проживает на территории этого консульского округа. Ответ из Одессы был получен в начале июня 1985 г. В нем говорилось: «Считаем, что было бы правильным и полезным, чтобы постоянно проживающие в СССР болгарские граждане участвовали в акции дарения на строительство Дома болгар за рубежом «Родная крыша». Что касается советских граждан болгарского происхождения, то, по нашему мнению, их дарения до официального согласования вопроса с советскими товарищами принимать не следует»⁸. Так вопрос о возможном участии болгар из Болграда и Болградского района в акции дарения, несмотря на нехватку средств на строительство, был закрыт. Находясь в плену политических догм эпохи социализма, болгарские руководители в середине 80-х годов строили политику в отношении этнических болгар в Бессарабии однобоко, в духе интернационализма, характерного для всего периода социалистической Болгарии, без внимания к национальным чувствам.

Обобщая материалы переписки Комитета и диаспоры, следует заметить, что информация, содержавшаяся в письмах бессарабских болгар, отличалась разнообразием. В первые годы деятельности КБЗ письма

содержали в основном просьбы о подписке на журнал «Родолюбие», который обращавшиеся оценивали исключительно высоко (называли журнал «нитью между ними и Болгарией») ⁹.

После апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС и особенно после XXVII съезда партии в Советском Союзе начался период «широкой» демократизации с целью достичь качественно нового состояния советского общества, «перестроить» его. Провозглашенная задача либерализации всех сфер общественной жизни стимулировала и «советских» болгар, которые в новых условиях расширили диапазон своих требований к КБЗ. Под влиянием перестройки в Советском Союзе, наметившей переход к «демократическому социализму», Комитет заявил о готовности и впредь оказывать содействие этническим болгарам.

Высылая болгарам в Советский Союз разнообразные материалы (периодические издания, художественную и научную литературу, учебники, пластинки), Комитет отчасти выполнял задачу сохранения национальной идентичности болгар за рубежом, но эта работа не идет ни в какое сравнение по эффективности с деятельностью КБЗ среди болгарской диаспоры на Западе. Основная причина заключалась в политической конъюнктуре и условиях работы ¹⁰, и именно против этого выступали многие авторы писем.

Среди материалов КБЗ имеется письмо (не исключено, что оно не было единственным) с конкретными вопросами о возможности обучения в аспирантуре в Болгарии. Его автор И. Базан, болгарин, учитель по профессии. Однако его желание оказалось неосуществимым. Советские власти контролировали обмен студентами и аспирантами, руководствуясь статьями культурного соглашения между Болгарией и СССР, которое ставило этнических болгар, проживавших в Советском Союзе, в неравное положение. Не случайно среди внушительного количества советских студентов, обучавшихся в Болгарии, не было ни одного этнического болгарина. Преодолевая различные идеологические стереотипы и догмы, действуя в духе перестройки, Измаильский институт и Шуменский высший педагогический институт заключили в 1988 г. долгосрочный договор о сотрудничестве. Он базировался на Протоколе об обмене группами студентов для прохождения производственной практики на основе безвалютного обмена между министерством высшего и среднего специального образования СССР и министерством народного просвещения НРБ. Первые студенты из Измаила, изучавшие болгарский язык и литературу, приехали в Шумен весной 1988 г., а их болгарских коллег встречали в Измаиле осенью 1989 г.

По линии так называемого «межгосударственного (безвалютного) обмена» первые болгары из Бессарабии (всего 6 человек молодежи), на-

правленные Государственным комитетом народного образования СССР (Госкомнаробраз), прибыли в Болгарию в 1989–1990 учебном году.

В переписке КБЗ встречаются письма, адресованные лично П. Матеву. Один из авторов – упоминавшийся уже А. Катев, этнограф из Кишинева, серьезно увлекавшийся поэзией. Из письма, написанного им в ноябре 1984 г., выясняется, что Катев был лично знаком с Матевым. Помимо профессиональных вопросов, Катев сообщил, что он, как и еще примерно 10 тыс. болгар, проживающих в Кишиневе, испытывают трудности в поисках определенных болгарских изданий (например, серии «Болгарские праздники и обычаи») в книжных магазинах «Дружба», распространяющих болгарскую литературу. Подчеркнув, что «каждая новая книга, изданная в Болгарии, – это замечательная культурная информация для наших бессарабских болгар»¹¹, Катев попросил председателя Комитета содействовать в отправке в Кишинев конкретных изданий, так как многократные обращения в Центр болгаристики результата не дали.

По письмам в Комитет можно судить о переменах в духовной жизни болгар в Бессарабии. В КБЗ располагали полной информацией прежде всего о трудностях, связанных с введением преподавания родного языка в школах (в связи с этим постоянный характер приобрели обращения с просьбами выслать учебники болгарского языка и литературы). В конце 1985 г. в письме в КБЗ В. Стоянов из Болграда высказал свое мнение о распространении болгарского языка в Бессарабии в связи с публикацией в журнале «Родолюбие» (№ 12 за 1984 г.) статьи «Болгары за рубежом и болгарский язык». Стоянов поделился наблюдением, что некоторые этнические болгары предпочитают для общения и обучения русский язык, но что «большинство болгар нашего края считают, что родной язык надо знать и беречь». Однако возможности его изучения весьма ограничены, поскольку разрешенная факультативная форма обучения из-за отсутствия преподавателей все еще не введена. По мысли Стоянова, единственной возможностью приобщения к родному языку оставалось распространение периодических изданий. И такое письмо не было единственным.

После введения преподавания болгарского языка в школах (в 1986–1987 учебном году факультативно, а затем как учебный предмет) просьбы прислать учебники все учащались. Вопрос обеспечения учебными пособиями – прерогатива министерства просвещения, и в силу этого отправка учебников по линии Комитета шла с задержками (соответствующие запросы направлялись и в министерство) и в ограниченном количестве. Ситуация требовала от КБЗ и связанных с ним организаций более решительных действий. С началом 1988–1989 учебного года число обращений в Комитет по поводу учебников продолжало возрастать, при том, что письма те-

перь направлялись от имени руководителей местных хозяйств или школ, а запрашиваемое количество экземпляров все увеличивалось.

В Комитет поступала также информация о возобновлении интереса к болгарскому народному творчеству, об издании на болгарском языке специальных страниц-приложений к региональным газетам в Украинской и Молдавской ССР. Будучи в марте 1987 г. в Болгарии, И. Базан из г. Тараклии обещал сотрудникам КБЗ высылать такие издания с приложениями на болгарском языке. В архиве Комитета отложились такие страницы-приложения со своими заглавиями: «Друг» (газета «Дружба», г. Болград), «Дружба» (газета «Свет Октября», г. Тараклия). В последнем издании страница разделена на две части – гагаузскую и болгарскую. Имелись страницы-приложения и в других региональных газетах Бессарабии, но в документации Комитета сохранились только указанные. Это, однако, не означало, что в Комитете не были знакомы с другими изданиями, поскольку во второй половине 1980-х гг. немалое число болгар из Украинской и Молдавской ССР посещали Болгарию и встречались с сотрудниками КБЗ.

О новых тенденциях в работе Комитета свидетельствовал и план его работы на 1988 г., внесенный на рассмотрение Народного собрания. В нем имелся самостоятельный раздел, посвященный будущей деятельности Комитета в отношении болгар Советского Союза¹². Но помимо предложений КБЗ, позднее на протяжении года прошел ряд встреч и бесед, определивших направления работы организации на перспективу.

Первые сигналы о необходимости изменить политику по отношению к диаспоре в Советском Союзе поступили из болгарского консульства в Одессе. На территории Одесского консульского округа находились все болгарские села Бессарабии, и сотрудники консульства были хорошо знакомы с актуальными вопросами возрождения болгарской идентичности. 18 апреля 1988 г. Генконсульство в Одессе направило в КБЗ и в Отдел культурного сотрудничества МИД НРБ письмо¹³, в котором сообщалось, что после введения уроков болгарского языка в школах Одесской области УССР и в Молдавской ССР возрос интерес к болгарской художественной литературе. В связи с этим в Генеральное консульство часто обращаются директора школ, учителя, библиотекари и др. с просьбой о предоставлении книг на болгарском языке. Консул И. Георгиев сообщил, что Одесский областной комитет компартии Украины поддержал требование увеличить фонд болгарской литературы. Консульство предлагало увеличить количество присылаемой в округ литературы с тем, чтобы удовлетворить имеющиеся запросы.

Решения январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС о демократизации, гласности и кадровой политике нашли отражение в либерализации под-

хода к национальному вопросу в СССР. Это обусловило необходимость поиска нового ракурса в работе КБЗ с болгарами Украины и Молдавии. Эта задача могла быть решена, прежде всего, путем конструктивных обсуждений заинтересованных ведомств. 27 апреля 1988 г. в министерстве иностранных дел Болгарии состоялась встреча начальника Первого отдела (СССР) В. Велчева и сотрудника посольства Болгарии в Москве и Генеральных консульств в Киеве и Одессе Пейкова, с одной стороны, и заместителя председателя КБЗ Б. Аврамовой и главного секретаря Комитета А. Трынского, с другой. В памятной записке представителей КБЗ П. Матеву сообщалось, что в центре обсуждения был вопрос о работе Комитета с советскими гражданами болгарской национальности. Представители МИД НРБ были проинформированы о работе Комитета и о существовавшей практике согласования каждого вопроса с Отделом внешней политики и международных связей ЦК БКП. Велчев ознакомил Аврамову и Трынского с некоторыми подвижками в вопросе о «советских» болгарях, сообщив, в частности, что в ЦК КПСС создана специальная комиссия с участием сотрудника болгарского посольства, которой поручено «изучить и проанализировать вопросы, связанные с положением болгарского этнического элемента в Молдавской ССР»¹⁴. Велчев рассказал также и о реализации договора между министерствами просвещения СССР и НРБ.

В ходе встречи представители КБЗ подняли вопрос об изменениях, которые следовало внести в дальнейшую работу Комитета с этническими болгарами в Советском Союзе. Этот вопрос предварительно обсуждался Велчевым с первым заместителем министра иностранных дел М. Ивановым, в результате чего МИД принял решение: журнал «Родолюбие» распространять по подписке, включив его в советский каталог болгарских изданий, предлагавшихся гражданам СССР; вопросы изучения болгарского языка, обеспечения учебниками и другими учебными пособиями решать по государственной линии, направляя поступающие в КБЗ заявки и просьбы в министерство науки, культуры и просвещения; обращения болгар СССР в Комитет по вопросам иного характера направлять во Всенародный комитет болгаро-советской дружбы.

После этой встречи Б. Аврамова подготовила проект решения, дублировавший позицию МИД НРБ по работе с живущими в СССР болгарами. Было решено информировать ЦК БКП и Всенародный комитет болгаро-советской дружбы о позиции МИДа.

19 мая 1988 г. П. Матев сообщил в ЦК БКП о состоявшейся встрече и проекте решения. От имени руководства Комитета он предложил также не спешить с полным прекращением содействия, которое КБЗ оказывал отдельным соотечественникам в СССР в снабжении литературой и други-

ми информационными материалами о Болгарии, в том числе и журналом «Родолюбие». Матев выразил согласие своего ведомства с организацией отправки учебников и пособий по болгарскому языку в школы Украины и Молдавии по государственной линии, договорившись об этом с министерством просвещения. Он отметил, что об этом следует уведомить болгарских дипломатических представителей, чтобы они не обращались с подобными требованиями в Комитет. Вопрос о дальнейшей работе Комитета с советскими болгарскими остался открытым.

Меньше чем через неделю, 25 мая, в Праге состоялось координационное совещание представителей социалистических стран по работе с эмигрантами. Болгарскую делегацию на совещании представляли П. Матев, А. Трынский и Н. Инджов. Советскую делегацию возглавлял первый заместитель председателя общества «Родина» Н. Панков. 16 июня председатель КБЗ сообщил в ЦК БКП о личной встрече с советским коллегой. Матев передал слова Панкова, что «работа с болгарскими Молдавии и Одесской области..., гарантированная нашей братской, социалистической, интернациональной дружбой, может быть благословлена и регламентирована только на встрече руководителей наших стран», и что «советская сторона положительно отнесется к подобному заявлению»¹⁵. Более того, Панков проинформировал собеседника, что поляки проводят работу с соотечественниками в СССР через организацию «Полония», о чем договорились на встрече Ярузельский и Горбачев. Панков попросил Матева прислать ему неофициальную справку, отражающую интерес болгар в СССР к углублению связей с НРБ, которую он намеревался передать в соответствующий отдел ЦК КПСС с предложением позитивно решить вопрос. Таким образом, советская сторона продемонстрировала готовность решить этот, десятилетиями откладывавшийся вопрос — о месте и роли болгарского государства в судьбе болгарской диаспоры в Советском Союзе.

В середине июля 1988 г. Отдел внешней политики и международных связей ЦК БКП сформулировал свою позицию по поставленным КБЗ вопросам. Комитету и министерству иностранных дел следовало подготовить конкретные и обоснованные предложения с учетом проведенных в Праге консультаций. После обсуждения на высоком партийном и государственном уровнях они могли быть представлены советской стороне для принятия совместного решения. Что касается работы КБЗ с советскими гражданами болгарской национальности, то до принятия решения ЦК БКП предлагалось руководствоваться в практических делах вышеизложенными рекомендациями МИД НРБ, прозвучавшими на встрече 27 апреля: поступающие в КБЗ вопросы переадресовывались во Всенародный комитет болгаро-советской дружбы или министерство просвещения (в

зависимости от их характера), а подписка на журнал «Родолюбие» осуществлялась по советскому каталогу. Иными словами, болгарские власти нашли «заместителей» Комитету и приняли неудачные решения по «неудобному» вопросу, продемонстрировав свою неготовность или нежелание действовать оперативно. Ситуация усугублялась тем, что в то время отношения между Живковым и Горбачевым становились все более напряженными из-за различного видения методов и темпов проводившихся в Болгарии реформ.

Учитывая поставленную ЦК БКП задачу, представители Комитета и МИД на совместной встрече 21 сентября 1988 г. выработали предложения о дальнейшей деятельности КБЗ. 6 октября они были представлены в ЦК БКП. По существу, новые предложения мало чем отличались от сформулированных ранее – 15 июля 1988 г. – предложений ЦК. Новым было только одно дополнение, а именно, что «отныне» КБЗ не будет заниматься «перепиской и другими связями с советскими гражданами болгарской национальности». Эта позиция согласовывалась с решениями пленума ЦК КПСС по национальному вопросу. Болгарская сторона исходила из того, что «в зависимости от установки о контактах с другими странами советских граждан тех национальностей, которые не имеют административно-территориальной обособленности, к этому вопросу можно будет вернуться снова, но в любом случае необходимо учитывать, что для советских граждан болгарского происхождения наша страна является родиной их прадедов, а их собственная родина – Советский Союз»¹⁶. Также указывалось, что КБЗ «пересмотрит свою первоначальную позицию относительно работы с советскими гражданами болгарского происхождения и воспримет вышеизложенные соображения»¹⁷. Тем самым Комитет продемонстрировал не только безоговорочное следование спущенным «сверху» решениям, но и соучастие в проволочке вопроса национального значения. Вместо того, чтобы принять конкретную программу действий, сообразованную с интересами Болгарии и политическими реалиями в национальной сфере в Советском Союзе (позволявшими эффективно работать в этом направлении), болгарские государственные деятели предпочли обойти этот вопрос, «распылить» его между несколькими ведомствами, одновременно придав ему политическую окраску. Решения ЦК БКП предопределили всю дальнейшую деятельность Комитета в контексте указанной проблематики.

Несмотря на принятые решения, Комитет по-прежнему продолжал оказывать поддержку и содействие диаспоре Украины и Молдавии. В первой половине 1989 г. в этих двух советских республиках были созданы болгарские культурно-просветительские общества. Представитель Одесского общества профессор М. Дыхань в том же году попытался

заручиться содействием болгарских организаций. Посетил он и КБЗ. В беседе с Б. Аврамовой Дыхань поднял конкретные вопросы – о присылке в Одессу книг, учебников, пропагандистских материалов, о кадрах преподавателей болгарского языка, которых остро не хватало в районах проживания этнических болгар, о возможности материальной поддержки Комитетом общества в Одессе. В интервью газете «Вечерняя Одесса» Дыхань заявил, что некоторые болгары в области не хотят изучать родной язык, и это требует усиления пропагандистской работы среди данной части населения¹⁸. Итог встречи был очевиден: вопрос о работе КБЗ с болгарскими гражданами считался уже решенным болгарским руководством, следовательно, было предопределено и решение (негативное) Комитета об оказании содействия Одесскому обществу, несмотря на прежние обещания.

Вопреки демонстрировавшемуся правящими кругами Болгарии желанию быстрых реформ в стране, общество вступило в кризис. Он получил не только политическое и экономическое, но и этническое измерение вследствие насильственной смены имен этнических турок в Болгарии. Бесчеловечные проявления «возрождающего процесса» вызвали в мае 1989 г. массовые демонстрации турок и потребовали решения «турецкого вопроса». Были внесены поправки в некоторые законы, отразившие выполнение международных договоренностей о свободном пересечении границ. Эти перемены позволили болгарским политикам в известной степени разрядить ситуацию с турецким меньшинством в стране, а болгарские турки получили возможность переселиться на этническую родину. Массовая эмиграция дестабилизировала болгарскую экономику, отношения с соседней Турцией обострились, а Болгария предстала перед мировым сообществом как одна из стран, где попирались права человека.

Осенью 1989 г. кризис достиг апогея. Отъезд турок вызвал хозяйственный хаос в районах их проживания. Независимое объединение «Экогласность», выступавшее в защиту окружающей среды, развернуло подготовку акции протеста против государственных проектов природопользования, намереваясь приурочить ее к предстоящему во второй половине октября – начале ноября в Софии Международному экофоруму. Аккредитованные в Болгарии иностранные журналисты сообщили всему миру о критических настроениях в стране и массовом недовольстве действиями властей, рупором которого выступала «Экогласность». Оживились и «оппозиционеры» в руководстве БКП. На карту было поставлено дальнейшее пребывание БКП у власти, и недовольные Живковым его соратники приняли решение устранить своего лидера и таким образом удержать власть партии в стране.

После отстранения Живкова 10 ноября 1989 г. от руководства партией и государством ЦК БКП приступил к реализации решений, которые ожидалось обществом и оппозицией. Из Конституции НРБ было удалено принципиальное положение о «руководящей роли БКП», осуждению подвергся «возрожденный процесс», а чрезвычайный съезд БКП заявил об отказе от советской модели и переходу к демократическому социализму.

Болгары за рубежом связывали с переменами в Болгарии большие надежды на решение вопросов собственного существования. Но отчасти они обманулись в ожидании быстрых результатов. На фоне масштабных и актуальных задач по стабилизации страны эмигрантская проблематика оказалась на периферии внимания власти. Организация, «заботившаяся» до того времени о болгарях за рубежом, все еще существовала, но была достаточно скомпрометирована в их глазах. На эффективность работы Комитета влияла и внутренняя обстановка в нем. После проведенной частью сотрудников в конце 1989 г. забастовки обстановка в коллективе стала мешать достижению позитивных результатов. В сущности, работа Комитета была сведена к минимуму. Но перемены в стране, свобода слова и демократические реформы открыли возможность для новых подходов. Пытаясь укрепить организацию, руководство КБЗ поставило вопрос и о многочисленной общности этнических болгар в Советском Союзе. На собрании коллектива 2 ноября 1990 г., на котором председателем Комитета был избран доцент Д. Гоцев, выступил старый член КБЗ и его правления профессор С. Радев (генконсул в Одессе в 1990–1992 гг.), заявивший, что работа должна быть продолжена, так как «болгары за границей ждут от нас... дел и подвигов во имя всего болгарского». По словам Радева, перемены в Болгарии и во всей Восточной Европе уже позволяют «привлечь под эгидой Комитета болгар за рубежом и сотни тысяч болгар, живущих в Советском Союзе», о чем «по известным причинам» прежде «не могло вообще идти речи»¹⁹. На собрании присутствовал и И. Дундаров – председатель восстановленного в мае 1990 г. Союза бессарабских и таврических болгар имени генерала Данаила Николаева. Он сообщил о скептическом отношении к деятельности СБЗ со стороны болгарской общности в Советском Союзе²⁰, отметил неспособность Комитета работать с этими болгарями, так как большинство сотрудников – старые кадры, «люди из номенклатуры»²¹. Дундаров поддержал идею, выдвинутую в президентском окружении, о создании качественно новой организации для работы с болгарями за рубежом, предложив включить в Инициативный комитет во главе с В. Мутафчиевой академика Н. Генчева, профессора К. Шарову, профессора Т. Бояджиева, известную поэтессу и писательницу Б. Димитрову и др. Это предложение было встречено с недовольством старыми сотрудниками Комитета.

На фоне всей, хотя и ограниченной, деятельности Комитета, в конце его существования были сделаны попытки минимально компенсировать многолетнее замалчивание вопроса о болгарях в Советском Союзе и особенно в Бессарабии. Создается впечатление, что желание руководства КБЗ заключалось в том, чтобы, подчеркнув «пробелы» в работе в прошлом, создать предпосылки для продолжения деятельности в будущем, то есть искать мотивацию в бывших «ошибках». По сути дела, цель КБЗ заключалась в том, чтобы добиться максимальной поддержки со стороны болгарской диаспоры за рубежом и вернуть организации, хотя бы частично, прежний авторитет. В первую очередь была подготовлена информация о состоянии болгарской диаспоры в мире и некоторых связанных с ней проблемах. «В духе времени», когда отрицалось все наследие «старого режима», указывалось, что «в вынужденном до недавней поры практически полном забвении не только контактов с этим населением, но даже и упоминания о нем кроется причина ужасающей пустоты в информации об этих болгарях»²².

В 1991 г. вопрос о работе с болгарями за рубежом получил новый импульс. В сентябре началась подготовка созыва общей конференции, призванной решить, какая организация в будущем будет защищать интересы болгар за границей. Председатель КБЗ в письме президенту и главе правительства изложил свои представления о работе с болгарской диаспорой. Одним из главных направлений этой деятельности Гоцев считал «обеспечение и отстаивание естественных культурно-этнических прав болгар в соседних странах и СССР»²³.

В работе конференции, проходившей с 29 ноября по 1 декабря 1991 г., участвовали болгары почти уже распавшегося Советского Союза. Молдавию представляли 15 человек, Украину — 8 (в том числе по 1 представителю от болгар Крыма и Таврии)²⁴. Всем делегатам была предоставлена возможность высказаться. Выступал и поэт из Кишинева М. Бычваров. При обсуждении вопроса о роли КБЗ в работе с болгарями за границей он сообщил, что знаком с деятельностью Комитета еще с середины 60-х годов, с 1963 г. получал журнал «Славяне», а затем «Родолубие». Свои первые стихи он направил в Комитет, но этот факт был в 1970 и 1974 г. отражен только краткими заметками. Ни «Славяне», ни «Родолубие», да и никто другой в Болгарии никогда не публиковал его стихов. Он попросил ответить, почему ни один сборник стихов «нашего», т. е. болгарского, автора не увидел свет в Болгарии, и привел пример с книгой поэта П. Бурлака-Вылканова, которая 20 лет (!) ждет своего часа в болгарском издательстве.

Оживленное обсуждение вызвал вопрос о характере конферен-

ции – подготовительная она или учредительная? Делегация Молдавии поддержала предложение считать конференцию подготовительной, так как молдавские участники не готовы к учредительному собранию и «имеют по данному вопросу ... особое мнение»²⁵, которое они изложат в письменном виде. Это выступление указывало на известную неловкость создавшегося положения из-за наличия сил, которые «не имели права» участвовать в управлении создававшейся организации болгар. В органы управления уже учрежденной Международной ассоциации болгар (МАБ) вошли представители и Украины, и Молдавии. Созданная как организация всех болгар мира МАБ оттеснила Комитет болгар за рубежом. Однако после второго общего собрания осенью 1992 г. деятельность МАБ, не оправдавшая ожиданий учредителей и не поддержанная правительством Союза демократических сил, замерла. Работой с болгарской диаспорой начало заниматься Государственное агентство болгар за рубежом.

* * *

Однопартийный режим коммунистической партии осуществлял всесторонний контроль за деятельностью организаций в стране, особенно тех, которые имели отношение к болгарам за рубежом. Согласно существовавшей практике, Отдел внешней политики и международных связей ЦК БКП наблюдал и непосредственно курировал работу КБЗ, требуя, чтобы она действовала в унисон с политикой коммунистического руководства²⁶. По сравнению со Славянским комитетом, КБЗ проводил более серьезную и эффективную организационную работу (ежегодные съезды, симпозиумы болгар за рубежом, выставки и пр.), но, безусловно, оставался проводником идеологизированной и политизированной государственной политики в отношении болгарской диаспоры вплоть до начала демократических перемен в конце 80-х – начале 90-х годов.

В контактах и связях в болгарами Советского Союза Комитет проявлял осторожность, хотя его сотрудники осознавали абсурдность игнорирования интереса именно к наиболее многочисленной болгарской диаспоре. Еще в октябре 1983 г. вопрос о «советских» болгарях и работе с ними был поставлен П. Матевым для решения на самом высоком уровне²⁷. Председатель Комитета требовал легитимизировать деятельность организации и сделать ее работу более глубокой. Одна из причин подобной инициативы заключалась в том, что население Бессарабии постоянно напоминало о себе. По словам Матева, «они хотели книг, понимали, что другого хотеть не могут». Комитет посылал книги, особенно в круги болгарской интеллигенции в Бессарабии, которые получали болгарские издания также через

знакомых и коллег. Сравнивая деятельность КБЗ и организации, которая занималась болгарской диаспорой после демократических перемен в Болгарии в конце 1989 г., можно сделать следующий вывод: деятельность Комитета, включавшая рассылку книг, журналов и других материалов, хотя и в ограниченных количествах, была централизованной и хорошо финансировалась социалистическим государством; после политических перемен, несмотря на лучшие условия и возможности, государство уже не занималось в достаточной степени проблемами болгарской диаспоры, особенно в финансовом отношении.

Примечания

¹ Дихан М. България – моя светиня. Одесса, 2004. С. 117.

² Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 141. Оп. 11. А.е. 62. Л. 61.

³ Там же. Л. 61–62.

⁴ Там же. А.е. 51. Л. 18.

⁵ О том, что имелось специальное письмо-обращение, написанное в конце 1983 г., свидетельствует ответ главного секретаря Комитета Н. Вапцарова одному из адресатов (начало января 1984 г.) с разъяснениями об участии в акции дарения.

⁶ ЦДА. Ф. 141. Оп. 11. А.е. 327. Л. 7–13, 25.

⁷ Там же. А.е. 328. Л. 23.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Там же. А.е. 330. Л. 2–3.

¹⁰ В состоявшейся 27 мая 2005 г. беседе автора статьи с П. Матевым, длительное время занимавшим пост председателя КБЗ, последний подчеркнул, что основная причина ограниченных контактов Комитета с «советскими» болгарями заключалась в отсутствии в СССР организации болгар, с которой КБЗ мог бы сотрудничать. Будучи «первым» человеком организации, как бы «общественной» по характеру, хотя и с сильным политическим акцентом, Матев был полностью осведомлен о национальной политике Советского Союза, исключавшей формирование обществ и организаций какой-либо народности. Руководствуясь обязанностью следовать «социалистической доктрине», согласно которой права человека рассматривались как внутренняя проблема государства, Матев и руководимый им Комитет предпочитали «обходить» вопрос о целенаправленной работе с болгарской диаспорой в СССР, ограничивались действиями, не затрагивавшими «социалистическую доктрину» (Личный архив автора).

¹¹ ЦДА. Ф. 141. Оп. 11. А.е. 327. Л. 30–31.

¹² Этот раздел плана автор не нашла среди документов Комитета. По свидетельству одного из бывших сотрудников КБЗ, он был намеренно изъят из материалов, что

нередко имело место при формировании архивного фонда организации. Перемены, происходившие в Советском Союзе, «заряженные» идеями демократии и гласности, воспринимались болгарским руководством избирательно. К болгарской диаспоре в Советском Союзе оно подходило с позиций государства, сделавшего акцент при решении вопросов этнического характера на собственной территории. «Подвешенный» вопрос о недемократических методах при смене имен этнических турок в Болгарии в конце 1984–1985 гг. заставил болгарское руководство отказаться от более решительных действий в защиту «внешних» болгар, хотя сигнал о возможности решения этого вопроса поступил от советской стороны. В 1988 г. концептуальные вопросы, связанные с диаспорой, были все еще «совершенно секретными», и, по всей вероятности, именно по этой причине соответствующие документы были изъяты из архива Комитета.

¹³ ЦДА. Ф. 141. Оп. 11. А.е. 331, Л. 56.

¹⁴ Там же. А.е. 55. Л. 13. Полный текст памятной записки см.: Там же. Л. 12–15; А.е. 70. Л. 101–103.

¹⁵ Там же. А.е. 70. Л. 65.

¹⁶ Там же. Л. 134–135.

¹⁷ Там же. Л. 135.

¹⁸ Вечерняя Одесса. № 244. Октябрь 1989 г.

¹⁹ ЦДА. Ф. 141. Оп. 11. А.е. 16. Л. 8. С. Радев говорил о 2 млн. болгар в Советском Союзе. Цифра явно завышена.

²⁰ Дундаров, в частности, сказал: «Пусть вам не доверяет никто из советских болгар, а сейчас с ними надо работать» (Там же. Л. 25.).

²¹ Там же.

²² Личный архив доцента Димитра Гоцева.

²³ Там же.

²⁴ Полный список участников и организаций, ими представляемых, опубликован в Информационном бюллетене Международной ассоциации болгар, № 1. Январь 1991 г.

²⁵ Из стенограммы протокола Учредительной конференции. Личный архив Благовеста Нягулова.

²⁶ Информация Временного инициативного комитета (сентябрь 1991 г.) о правде прошлого и перспективах будущего КБЗ. Личный архив автора.

²⁷ В беседе автора статьи с П. Матевым 27 мая 2005 г. он сказал дословно следующее: «Один-два раза я пытался было поднять вопрос о болгарях Украины и Молдавии, но наталкивался на ледяную стену. Сказали нам, чтобы мы помалкивали». Личный архив автора.

Л.В. Ревякина

(Институт истории БАН)

Болгария и Россия: восстановление отношений. 1991–2009 гг.

После распада «социалистического лагеря» (1989 г.), а затем и Советского Союза (декабрь 1991 г.) российское правительство старалось не допустить вытеснения России из восточноевропейского региона. Но в странах Восточной Европы борьба против коммунистических режимов собственных стран переросла в борьбу со всем советским наследием, и прежде всего с коммунистической идеологией. Оказалось, что для болгар, как и для других народов Восточной Европы, марксизм-ленинизм после 45 лет господства, остался чуждой идеологией. России трудно было понять столь отрицательный внезапный порыв к прошлому, т. к. для России большевизм – это детище русской истории, а от «своего» трудно отказаться. Правда, во второй половине 80-х годов процесс «обновления» шел параллельно: в российской печати (газетах и журналах), которые широко распространялись и раскупались в Болгарии, происходило довольно широкое обсуждение недостатков коммунистической идеологии и социалистического строительства и, казалось, существует взаимопонимание между широкой общественностью двух стран в отношении проводимой М.С. Горбачевым перестройки. Но затем ситуация осложнилась тем, что в Болгарию из эмиграции вернулись руководители распущенных в 1947 г. партий и началось их восстановление. Это усилило антисоветские, а впоследствии антироссийские настроения в стране.

После прихода к власти новых политических сил в Болгарии развернулись эмоциональные дебаты о роли Российской империи в освобождении страны, о роли СССР в ее развитии. Новая политическая элита стремилась продемонстрировать перед Западом, что Болгария навсегда сошла с орбиты Москвы. Раздавались призывы к разрыву отношений с СССР. Российское руководство оказалось неподготовленным к такому развитию событий. Оно не допускало мысли, что Болгария дистанцируется от России после того, как еще советское руководство содействовало смене власти в Болгарии, а новые руководители России выступили за прозападную ориентацию бывших социалистических стран и самой России.

В августе 1992 г. был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Республикой Болгарией и Российской Федерацией (РФ), утвердивший принципы равноправия, уважения суверенитета, независимости и взаимной выгоды как основу двусторонних отношений. Слом старых социалистических структур, в том числе ликвидация Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), разрушение существовавших в течение десятилетий схем сотрудничества довели отношения между Россией и Болгарией до состояния почти полной стагнации. Казалось, что и Москва, и София не могли в новых условиях определить вектор развития двухсторонних отношений, хотя первоначально обе страны шли в одном и том же направлении: ориентировались на западную модель развития и даже надеялись на быструю интеграцию в Североатлантический пакт и другие европейские структуры.

Советское руководство предполагало, что отсутствие у Болгарии альтернативных источников по доставке энергоресурсов и существующие исторические и культурные связи приведут со временем к восстановлению отношений между двумя странами, хотя и не в прежнем объеме. Действительно, нехватка энергоресурсов вынудила Болгарию обратиться за помощью к России. В октябре 1994 г. в Москве был подписан межправительственный договор о возобновлении поставок в Болгарию нефти и газа. Заместителя главы правительства и министра регионального развития и благоустройства Е. Бакырджиева, подписавшего договор с болгарской стороны, в софийском аэропорту встречали аплодисментами. 19 мая 1995 г. в Софии было учреждено болгаро-российское общество «Топэнерджи» на условиях, что оно не будет зависеть от политики правительств двух стран. Однако вплоть до конца 90-х годов болгаро-российские отношения не шли дальше контактов в области энергетики. Даже во время визитов в Москву президента Петра Стоянова (март 1997 г.) и премьера Ивана Костова (июнь 1998 г.) фактически центральным в повестке дня переговоров оказался вопрос о доставке газа в Болгарию и на Балканы, хотя обсуждались и ставшие актуальными для Болгарии темы расширения торговли, погашения Россией стомиллионного долларового долга. Проявилась и обеспокоенность российских руководителей в связи с намерением Болгарии присоединиться к НАТО и Европейскому Союзу(ЕС)¹.

К концу 90-х годов вопрос о необходимости восстановления торговых отношений с Россией встал перед Болгарией довольно остро. Если до распада «социалистического лагеря» 80% внешней торговли Болгарии приходилось на страны СЭВ, из которых 70% – на Россию, то к указанному времени товарообмен между Болгарией и Россией катастрофически сократился – с 14,5 млрд. долларов в 1989 г. до 1,3 млрд. долларов в 1998 г.,

при этом 1,2 млрд. долларов приходились на российский экспорт (нефть, газ и топливо для АЭС в Козлодуде), а на болгарский только 100 млн. долларов. Болгария потеряла емкий и хорошо ей известный российский рынок. Роспуск СЭВ и последовавшая отмена существовавшего ранее бестамовенного режима между Болгарией и СССР, постоянно меняющиеся таможенные правила, акцизная и пошлинная политика, усложнившиеся транспортные связи, вводимые новые санитарные и ветеринарные требования серьезно осложняли торговые отношения. Кроме того, пробиваясь вновь на российский рынок, Болгария сталкивалась с наступившими там переменами: возросшими требованиями к качеству товаров, конкуренцией с товарами из других стран.

Обсуждение поставленных П. Стояновым и И. Костовым вопросов принесло свои плоды: расширение, хотя и медленное, экономических отношений. Была создана Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Нефтяная компания «Лукойл» приняла участие в конкурсе на покупку комбината «Нефтохим-Бургас» (1999 г.) и сумела выиграть тендер, купив 58% акций за 101 млн. левов. Это была первая серьезная инвестиция России в болгарскую экономику. Постепенно стало увеличиваться число совместных и самостоятельных фирм, создаваемых в обеих странах. В 2001 г. в Болгарии было зарегистрировано 257 российских и 367 совместных фирм, 214 представительств совместных предприятий; в России, соответственно, – 359 совместных предприятий и представительств болгарских фирм, деятельность которых была связана с табачной, пищевой и фармацевтической промышленностью². Но взятый в 1999 г. болгарским правительством курс на вступление Болгарии в НАТО и Европейский Союз блокировали начавшийся позитивный процесс в развитии двусторонних связей.

В целом до 2002 г. контакты между обеими странами носили сугубо официальный характер. Начало нового этапа в двусторонних отношениях связано с победой на парламентских выборах 2001 г. Национального движения «Симеон Второй» правительство возглавил Симеон Сакс-Кобургготский (июнь 2001 г.), а в должность президента в январе 2002 г. вступил Георги Пырванов. Во время визитов в Москву Симеона (июнь 2002 г.) и Г. Пырванова (сентябрь 2002 г.) были обсуждены ставшие уже неотложными проблемы расширения товарообмена, российского долга Болгарии, участия России в модернизации военной техники, производимой в Болгарии с советских времен, модернизации 5-го и 6-го блоков АЭС «Козлодуй», расконсервирования начатого еще в советское время строительства АЭС «Белене». Болгарский премьер-министр выразил желание превратить Болгарию в энергетический центр на Балканах.

Российская сторона восприняла визит Симеона Сакс-Кобургготского как поворотный момент в отношениях с Болгарией. Это предположение укрепилось во время визита президента Г. Пырванова. Впервые после 1989 г. в Россию прибыла внушительная делегация, в состав которой были включены министры и депутаты, видные болгарские деятели культуры, образования и науки, представители местной власти, бизнесмены и журналисты. Предметами обсуждения в Москве стали создание сети газо- и нефтепроводов в Болгарии, намерение «Лукойла» построить нефтепровод от Бургаса до греческого порта Александропулиса, возобновление строительства АЭС «Белене», подписание соглашения, регламентирующего использование российских лицензий при производстве в Болгарии военной и специальной техники. Ключевым словом при обсуждении вопросов о развитии сотрудничества становится «прагматизм».

Показателем наступившего поворота в болгаро-российских взаимоотношениях стал визит президента В.В. Путина в Болгарию в 2003 г. в связи с чествованием 125-летия Освобождения Болгарии от османского ига. До этого российские президенты более 10 лет не посещали Болгарию. Г. Пырванов и В.В. Путин подписали совместную декларацию о дальнейшем углублении дружественных отношений и о партнерстве, а также пакет из девяти документов, затрагивавших почти все стороны российско-болгарских отношений – энергетику, торговлю, выплату долга Россией, туризм, культуру. Были установлены связи между парламентами, местными властями, деловыми кругами. Возобновила свою работу Межправительственная болгаро-российская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Делегации болгарских бизнесменов начали регулярно посещать Россию. В проведенной в Москве в мае 2003 г. национальной торговой выставке приняли участие более 30 болгарских фирм. Изменилась к лучшему и атмосфера отношений между двумя странами, заметно активизировались контакты, особенно в области культуры. Российские музыканты стали чаще приезжать с концертами в Болгарию. В программы кинофестивалей и кинопанорам регулярно включались российские фильмы, участился их показ и по телевидению. Возобновились взаимное участие в конкурсах, фестивалях, выставках, творческих встречах писателей и художников. Вновь появились города-побратимы. К 2005 г. их было уже 64.

В июле 2004 г. во время пребывания президента Пырванова в Москве был создан Бизнес-форум «Болгария-Россия». Немного позже при российской торгово-промышленной палате (РТПП) создается представительство РТПП на Балканах. К 2004 г. инвестиции России в болгарскую экономику составили около 500 млн. долларов, а Болгарии в российскую экономи-

ку – 70 млн. долларов (оборудование, технологии и материалы, главным образом для табачной и пищевой промышленности). Был отмечен и рост товарообмена. В 2004 г. он достиг 1 млрд. 850 млн. долларов, но в основном за счет энергоресурсов из России (нефть, газ, топливо для АЭС в Козлодуде). Болгарский экспорт в Россию достиг 150 млн. долларов: 20% составляли машины и оборудование, 17% – медикаменты, 23% – парфюмерия и косметика, 2% – вино.

Большой вопрос, продолжавший волновать Москву в эти годы, – намерение Болгарии вступить в НАТО. Во время встреч с руководителями Болгарии российская сторона пыталась отговорить их от этого шага. Но после принятия страны в альянс (апрель 2004 г.) Россия, хотя и без энтузиазма, была вынуждена принять этот шаг, заявив, что рассматривает его как избранный Болгарией способ обеспечения своей национальной независимости и стабильности в Юго-Восточной Европе. В то же время российское руководство отметило, что не считает вступление Болгарии в НАТО барьером для расширения ее отношений с Россией. Каждая страна в своих отношениях с другими странами имеет право проводить самостоятельный курс, а не бездумно следовать за кем-либо. Российская сторона заявила, что в отношениях с Болгарией будет исходить из рационального начала и руководствоваться принципами прагматизма, стабильности и безопасности.

Одержавшая в 2005 г. победу на парламентских выборах и сформировавшая коалиционное правительство Болгарская социалистическая партия (БСП) продолжила курс на политическое и экономическое сближение с Россией. Первым серьезным свидетельством этого стала победа «Атомстройпроекта» (октябрь 2006 г.) в конкурсе на возобновление строительства АЭС «Белене» – сооружении двух блоков мощностью 1000 МВт каждый. В конце 2007 г. успехом увенчались продолжавшиеся более 12 лет переговоры между Россией, Болгарией и Грецией о строительстве нефтепровода Бургас-Александропулис. Серьезного прорыва в углублении двустороннего сотрудничества удалось добиться во время визита президента Путина в Болгарию в феврале 2008 г. в связи со 130-летием Освобождения Болгарии от османского ига и открытием «Года России в Болгарии». Болгарское правительство подписало договор о присоединении к российско-итальянскому проекту строительства газопровода «Южный поток». При этом было заявлено, что осуществление трех проектов – газопровода «Южный поток», АЭС «Белене» и нефтепровода Бургас – Александропулис будет содействовать превращению Болгарии в распределительный энергетический центр на Балканах, а Россия после введения в действие «Южного потока» станет самым крупным экономическим партнером Болгарии.

В ходе визита Путина в Болгарию были решены и другие актуальные вопросы сотрудничества. Было подписано соглашение о строительстве железнодорожно-паромной переправы между российским портом Кавказ и Варной. 3 марта 2009 г. переправа была открыта, но пока в режиме испытаний. С введением ее в постоянное действие товарообмен между двумя странами будет осуществляться напрямую. Подписан был новый меморандум (условия предыдущего от 2002 г. не были выполнены) о ремонте вертолетов МИ-17, МИ-24 и самолетов МИГ-29. Были обсуждены условия погашения остатка российского долга Болгарии в размере 38,5 млн. долларов. Рассматривался вопрос и о необходимости согласования в ближайшее время возможностей использования русских лицензий при производстве оружия в Болгарии. По инициативе болгарской стороны были обсуждены перспективы участия России в строительстве объектов инфраструктуры в Болгарии и на Балканах (коридоры № 8 и 10)* и привлечения болгарских строительных фирм к возведению объектов в Москве и особенно в Сочи в связи с подготовкой к зимней Олимпиаде 2014 года.

Трудности расширения двусторонних отношений заключаются в том, что последние являются объектом интересов Европейского Союза. Комиссия Союза по международным отношениям (European Council of Foreign Relations) настаивает, чтобы каждая страна-член ЕС в своих отношениях с Россией исходила не из своих национальных и экономических интересов, а из общих интересов ЕС. В Евросоюзе с неодобрением отнеслись к присоединению Болгарии к «Южному потоку», хотя он и является российско-итальянским проектом. Болгарская оппозиция на протяжении нескольких недель с завидным упорством повторяла, что, подписав соглашение по «Южному потоку», Болгария сыграла роль «троянского коня» в Европейском Союзе. Президент Г. Пырванов и премьер С. Станишев были вынуждены разъяснять экономические выгоды проекта для Болгарии, убеждать общественность, что подписание документа никоим образом не скажется на выполнении Болгарией обязательств по договору о строительстве га-

* Речь идет о так называемых энергетических коридорах. Коридор № 8 тянется от болгарского порта Бургас через Скопье (Македония) и албанский порт Дуррес к итальянским портам Бари и Бриндизи, откуда нефть легко транспортировать в Испанию, а затем в Великобританию и страны Северной Европы. Коридор № 10 ответвляется от коридора № 8 на границе Северной Македонии и Косово, проходит через Белград и Загреб и в настоящее время заканчивается в Любляне, откуда нефть можно транспортировать в Германию, Францию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

зопровода «Набуко», задуманном по инициативе США в качестве противовеса увеличению энергетической зависимости Европы от России.

В последние три года наблюдается динамизм и в торговле между Болгарией и Россией, особенно если иметь в виду, что она развивается на фоне стратегической ориентации Болгарии на ЕС. В 2007 г. товарооборот исчислялся в 4 204,3 млрд. долларов. При этом российский экспорт в Болгарию увеличился на 27,8% и составил 3789,7 млрд. долларов, а импорт Болгарии в Россию возрос на 24,5% и достиг 414,5 млрд. долларов. Вопреки серьезному дисбалансу в товарообмене, экспорт Болгарии в Россию увеличился и выглядит более привлекательно: 30% составляют машины и оборудование, 22% – вина. Что касается болгарских вин, то их ввоз в Россию в 2007 г., в сравнении с 2006 г., возрос на 70%. В 2008 г. товарооборот между Россией и Болгарией вышел на уровень 8 млрд. долларов. По подсчетам экономистов к 2012 г. он достигнет 12 млрд. долларов. Сегодня Россия в рейтинге болгарских внешнеторговых партнеров занимает третье место после Германии и Италии, а по импорту находится на первом месте. Вопрос об изменении структуры торговли, в частности, ее номенклатуры, остается злободневным.

Опыт последних лет показал, что добиться активизации сотрудничества между странами легче на межрегиональном уровне. К настоящему моменту свои экономические интересы в Болгарии реализуют 4663 российские фирмы, а в РФ – более 350 российско-болгарских фирм. На расширение межрегиональных связей была направлена и проведенная с 8 по 12 октября 2008 г. в рамках «Года России в Болгарии» масштабная выставка «Россия и Болгария: новые перспективы сотрудничества». Россия 20 лет не организовывала подобной выставки в Болгарии. Участие в ней приняли около 100 предприятий и организаций из Брянской, Ленинградской, Пензенской, Ростовской, Самарской и Ульяновской областей, Забайкальского и Красноярского краев, Чувашии и Ханты-Мансийского автономного округа. Около 70% российских фирм и предприятий впервые предложили свою продукцию болгарскому рынку. Были представлены последние достижения в атомной и «классической» энергетике, нефтегазовом комплексе, металлургии и машиностроении, химической и фармацевтической промышленности, сельском хозяйстве и пищевой индустрии, экологии, в высоких технологиях, военномышленном комплексе, здравоохранении, медицине, образовании, туризме.

Непосредственно в дни проведения выставки был подписан ряд протоколов о намерениях в области сотрудничества. Губернатор Пензенской области В. Бочкарев предложил болгарским компаниям принять участие в совместной с российскими предприятиями переработке древесины.

Ленинградская и Варненская области подписали протокол о намерении сотрудничать в судостроении. Представители Центра космических исследований Самарской области «Прогресс» провели переговоры с Болгарским центром космических исследований о совместных разработках. Заключен был контракт на сумму 600 млн. левов на поставку предприятию «Балканкар» автопогрузчиков Сердобского машиностроительного завода (Пензенская область). Болгары проявили интерес к продукции Ростовской области: комбайнам, спецтехнике. Представители Брянской области провели переговоры об условиях поставок спецтехники автозавода, Клинецкого завода автомобильных кранов, а также кранов и грейдеров завода «Брянский арсенал». Компания «Эласт» Ханты-Мансийского автономного округа, представившая технологию переработки использованных шин, получила предложение о создании в Болгарии совместного предприятия. Достигнута была договоренность с областным и городским руководством г. Кырджали о проведении двусторонней встречи с целью установления сотрудничества с крупными предприятиями Кырджалийского округа – Олово-цинковым комбинатом, «Бетонитом», «Монег Юг», которые долгие годы сотрудничали с советскими предприятиями, а продукция «Монег Юг» и «Бетонита» и сейчас присутствует на российском рынке. Болгарская Veko group, специализирующаяся на инвестициях в сооружение горнолыжных комплексов, проявила интерес к проекту развития природного парка «Эргак» в Центральных Саянах – объекта горнолыжного, пешего и автомобильного туризма. Администрация Красноярского края подписала соглашения со специально приехавшими на выставку в Софию представителями хорватской инженеринговой и македонской строительной компаниями о финансировании строительства жилищного комплекса «Надежда» в г. Красноярске.

Федеральное агентство по науке и инновациям заключило 33 соглашения с учебными и научными институтами, организациями и промышленными предприятиями Болгарии. Особый интерес представители институтов Болгарской академии наук и вузов проявили к совместным исследованиям в области наноматериалов и нанотехнологий, медицины и здравоохранения, к созданию новых материалов и смазочных композиций, производству искусственных алмазов и наноуглеродов для машиностроения.

Состоявшаяся 8 и 9 октября 2008 г. в Софии, во время проведения выставки, XII сессия болгаро-российской Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, кроме обсуждения ряда вопросов по осуществлению энергетических проектов (нефтепровод Бургас-Александрополис, АЭС «Белене» и газопровод «Южный поток»), приняла решение по ряду вопросов, которые обсуждались в

феврале 2008 г. во время визита В.В. Путина, но остались «в подвешенном состоянии». Российская сторона заявила о готовности погасить оставшийся долг Болгарии в размере 38,5 млн. долларов. На министерства финансов двух стран было возложено практическое решение этого вопроса. Было достигнуто согласие и по вопросу о лицензиях для военнопромышленного комплекса Болгарии. Россия, которая в последние 10 лет настаивала, чтобы Болгария, продолжая производить оружие по советским лицензиям, выплатила ей роялти тариф за использование технологий в размере 15 млн. долларов, объявила на заседании Комиссии, что отказывается от финансовых претензий за прошедший период и предложила поддерживать связи между двумя странами в этой области на уровне фирм. Болгария приняла это предложение. Российская делегация также подтвердила данное ранее согласие удовлетворить просьбу болгарского правительства и увеличить поставки газа в Болгарию на 500 млн. куб. м. в год, начиная с 2009 г., а также предоставить возможность болгарским фирмам участвовать в осуществлении проектов строительства инфраструктуры в ходе подготовки к предстоящей зимней Олимпиаде в Сочи.

Не все политические силы в Болгарии одобряли политику правительства С. Станишева на сближение с Россией. Болгарская правая и праволиберальная оппозиция после подписания Болгарией в феврале 2008 г. договора об участии Болгарии в проекте «Южный поток» и в связи с оживлением российско-болгарских отношений сформулировала свою стратегическую цель – не допустить сближения между Россией и Болгарией, закрепить развитие Болгарии в рамках НАТО и ЕС.

Накануне открытия сессии Межправительственной комиссии в Софию прибыл специальный представитель США по энергетической безопасности Бойден Грей. Во время встреч с президентом Г. Пырвановым, премьер-министром С. Станишевым, министром иностранных дел И. Калфиным и министром энергетики П. Димитровым обсуждалось участие Болгарии в российских проектах «Южный поток», АЭС «Белене», сооружении нефтепровода Бургас – Александропулис. Глава государства и премьер-министр заверили Грея, что «Южный поток» не является альтернативой газопроводу «Набуко», а Станишев подчеркнул огромное значение газопровода «Набуко» для уменьшения зависимости страны от единственного, российского, источника газа и исключительно высокую активность Болгарии в реализации европейского проекта. По ходу обсуждения вопроса об АЭС «Белене» Б. Грей заметил, что к строительству в Болгарии новой ядерной мощности проявляют интерес американские компании³.

Антироссийская активность оппозиции сдерживается общим положительным настроением болгарского общества на сотрудничество с Россией. По

данным, опубликованным 15 сентября 2008 г. журналом «Форин полиси», 66% болгар питают теплые чувства к России и не считают опасной для страны энергетическую зависимость от северной соседки. Для сравнения заметим, что аналогичный средний показатель в европейских странах не превышает 45%.

Одной из новых политических проблем, возникшей между двумя странами в 2008 г., стало отношение Болгарии к августовскому грузино-российскому конфликту. Россия не возразила против болгарской позиции в поддержку оценок ЕС касательно конфликта, включительно и по вопросу о сохранении территориальной целостности Грузии. Однако не все болгарское общество разделяло выводы правительства. Интересный комментарий опубликовал в связи с этим журналист Св. Терзиев в газете «Сега»: «Три недели государство мучилось над проблемой, как сформулировать свое мнение относительно нового конфликта на Кавказе, чтобы не занять ни ту, ни другую сторону. Русские – наши исторические друзья, а грузины являются кандидатами в союзники по НАТО»⁴.

Пришедшая к власти после парламентских выборов в июне 2009 г. правая партия «ГЕРБ» заявила о своем намерении пересмотреть подписанные прежним правительством С. Станишева совместные с Россией проекты в области энергетики.

По поводу газопровода «Южный поток» было заявлено, что договор должен быть внимательно проанализирован и оценен с точки зрения его выгоды для Болгарии; что приоритетом для Болгарии является европейский проект «Набуко» и что следует уточнить, нуждается ли Болгария в двух газопроводах. После консультаций с ЕС и США новое правительство подтвердило свое участие в проекте. Существует и шанс ускорить его осуществление. Российская сторона предложила увеличить мощность газопровода (с 35 млрд. куб. м. до 65 млрд. куб. м. в год) и обещала ходатайствовать перед Европейской комиссией, чтобы проект получил общеевропейский статус.

Что касается договора о строительстве нефтепровода Бургас – Александруполис, то не только правительство, но и население районов, где будет проложен нефтепровод (Бургас, Поморие), считают, что предложенный Международной проектной комиссией (МПК)^{*} вариант разгрузки нефти на плавающих платформах не гарантирует экологической безопасности этого туристического района страны. Ученые Болгарской академии наук

^{*} В состав Комиссии входят российские, греческие и болгарские фирмы. Цель Комиссии – разрешение вопросов, связанных с реализацией проекта.

также считают проект экологически опасным. Болгария потребовала от МПК повышения его экологической безопасности. В настоящее время ведется изучение проекта, проводятся консультации с местными властями, создаются контрольные органы. Болгарское правительство также заявило, что считает проект невыгодным для Болгарии, т. к. страна будет получать только дивиденды от перекачки нефти. Москва не оспаривает экологических претензий болгарской стороны к проекту и считает, что они могут быть устранены. МПК уже предоставила вариант разгрузки нефти на пристани Росенец, которую сейчас используют танкеры, доставляющие нефть для нефтеочистительного предприятия «Лукойла» в Бургасе. Вместе с тем в Москве выразили предположение, что за экологическими претензиями Болгарии скрываются иные мотивы. Возможно, это повод отказаться от проекта или попытка получить больше экономических выгод⁵.

Что касается продолжения строительства АЭС «Белене», которое было «разморожено» в 2007 г., правительство заявило, что сомневается в необходимости для Болгарии иметь еще одну АЭС, что оно не в состоянии финансировать строительство и его продолжение возможно лишь как реализация «частного проекта», без каких-либо обязательств со стороны государства. Большое значение для Болгарии имеет и политическая сторона дела: руководство страны стремится, чтобы этот проект стал европейским. Обсуждается участие в нем французских, итальянских и российских компаний. Было заявлено, в частности, что российские компании будут приглашены участвовать в проекте наравне с другими заинтересованными компаниями как инвесторы проекта. В данный момент российские фирмы продолжают выполнять полученные заказы, их специалисты работают на строительной площадке в Белене.

На правительственном уровне болгарская сторона обсуждает сейчас вариант строительства вместо АЭС «Белене» седьмого реактора мощностью 1000 МВт на площадке АЭС «Козлодуй». Министр экономики Т. Трайков заявил, что в этом случае Болгария будет ориентироваться на американских и европейских инвесторов, хотя специалисты считают, что введение в эксплуатацию реактора с американским ядерным топливом создаст в будущем трудности с его утилизацией. Кроме того, американское ядерное топливо дороже русского, его доставка еще больше поднимет цену и не ясно, как все это отразится на общей стоимости будущего реактора.

10–11 декабря в Софии состоялось XIII сессия болгаро-российской Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В результате обсуждения трех вышеуказанных совместных энергетических проектов было решено, что ни один из них «заморожен» не будет. Однако конкретные сроки окончательного решения имеющихся про-

блем определены не были. По проекту «Южный поток» стороны договорились о начале переговоров на корпоративном уровне. При рассмотрении вопроса об АЭС «Белене» министр энергетики РФ С. Шматко подтвердил заинтересованность российской стороны участвовать в строительстве и готовность в последующие 1–2 года взять на себя основные расходы по финансированию проекта. Вице-президент «Атомстройпроекта» Г. Тепкян подтвердил готовность России инвестировать средства в АЭС «Белене», независимо от того, будут это 100% или 1%. Тр. Трайков заметил, что акционерное участие частного бизнеса было бы предпочтительным вариантом. На заседании Комиссии Г. Тепкян также заявил, что если болгарское правительство объявит тендер на участие в строительстве нового ядерного реактора в Козлодуде, «Атомстройпроект» примет в нем участие⁶.

Более сложным остается вопрос о нефтепроводе Бургас – Александропулис. Болгарские власти, ссылаясь на протесты населения, решили провести на местах референдумы, и в случае отрицательного результата осуществление проекта будет остановлено. Нефтепровод Бургас – Александропулис имеет, таким образом, шанс превратиться в «долгострой». Интерес к этому проекту может усилиться в случае ухудшения ситуации вокруг турецких проливов Босфор и Дарданеллы, через которые нефть из Каспийского региона транспортируется в Европу.

Комиссия обсуждала также вопрос о введении в постоянную эксплуатацию паромного сообщения Варна – Кавказ и создании совместного предприятия по его обслуживанию.

В конце декабря 2009 г. Т. Трайков обсудил в Москве вопрос о проектах АЭС «Белене» и «Южный поток». Итог визита министр прокомментировал по возвращении в Софию: строительство АЭС «Белене» будет продолжено, «Атомстройпроект» станет акционером без предварительного участия в конкурсе. В обмен на пакет акций российская сторона в несколько раз увеличит объем финансирования. Трайков заявил, что если «Атомстройпроекту» удастся реализовать в Болгарии «образцовый проект», это станет прорывом России в Европейский Союз. В отношении «Южного потока» министр сообщил о согласии Болгарии увеличить мощность газопровода до 65 млрд. куб. м. в год.

В настоящий момент руководители обеих стран подчеркивают, что отношения Болгарии и России строятся на принципах экономических, политических и геополитических интересов. Но подобные заявления «общего» характера не могут скрыть отсутствия ясной концепции двусторонних отношений. Когда они формируются и реализуются стихийно, как система ответов на возникающие вопросы, любые заявления о стремлении к прагматизму выглядят неубедительно.

Примечания

¹ Континент. 1997, 12 март; Демокрация. 1998, 4 юни.

² Проданов В. България и Русия между икономизацията и политизацията // Международни отношения. 2002. № 5–6. С. 81.

³ Дневник. 2008, 8 октомври.

⁴ Сегга. 2008, 28 август.

⁵ Независимая газета. 2009, 4 декември.

⁶ Дума. 2009, 11 декември.

П. Пейковска
(Институт истории БАН)

Российская пресса первого десятилетия XXI века о Болгарии*

В формировании имиджа Болгарии за границей и, в частности, в России, существенную роль, наряду с влиянием семьи, школы и, конечно, личных впечатлений, играют также материалы, опубликованные или транслированные в зарубежных средствах массовой информации. Именно это было главной причиной, побудившей предпринять пилотное исследование, показывающее, как присутствует болгарская тематика в российской прессе первого десятилетия XXI века. Объектом исследования были избраны две центральные газеты Российской Федерации – «Российская газета», официальный печатный орган правительства РФ, ежедневное издание с 20-летним стажем, и «Известия», общественно-политическая и деловая (также ежедневная) газета с почти столетней историей. В качестве источника использовались только авторские тексты журналистов, целиком посвященные Болгарии или, в редких случаях, нескольким странам, где, однако, Болгарии отведен самостоятельный раздел и, соответственно, где болгарская тематика отражена также и в названиях. (Это означает, что мы не включили в исследование отдельные, беглые упоминания о Болгарии и болгарях в материалах на темы, не имеющие прямого отношения к Болгарии). Эти журналистские тексты взяты из электронных версий «Российской газеты» и «Известий», так как они богаче и разнообразнее печатных изданий и к тому же играют важную роль в формировании образа Болгарии у российской молодежи. Как показывает статистика использования соответствующих сайтов, именно электронные версии данных газет имеют читательскую аудиторию в возрасте от 20 до 35 лет (для «Российской газеты» известна и среднемесячная посещаемость сайта – впечатляющая цифра в один – полтора миллиона читателей)¹.

Для конкретного количественного анализа журналистских материалов о Болгарии, опубликованных в двух российских газетах, и для толкования его результатов необходимо иметь в виду, насколько сравнимы полученные чис-

* Перевела Е.Л. Валева

ленные данные и каковы факторы технического характера, повлиявшие на их формирование. Здесь в первую очередь следует отметить периодичность выхода обоих изданий, которая, хотя и незначительно, но различается: «Известия» выходят шесть раз в неделю (за исключением воскресений), а «Российская газета» – пять раз (без суббот и воскресений). Во-вторых, отметим некоторое несоответствие, связанное с хронологическим охватом исследования (с 1 января 2001 г. по 31 марта 2009 г.). Здесь преимущество имеют «Известия», располагающие постоянно обновляемой электронной версией, в то время как у «Российской газеты» полный электронный вариант появился лишь 1 июля 2003 г., что сужает ее хронологические параметры (в данном случае мы учитывали журналистские тексты, опубликованные с начала 2004 г.). В-третьих, следует упомянуть и то обстоятельство, что «Российская газета» имеет центральный и федеральный выпуски, а также еженедельное воскресное приложение «Российская газета – Неделя». В свою очередь, «Известия» печатают с различной периодичностью такие тематические приложения, как «Туризм», «Недвижимость» и др., и имеют к тому же региональные вклады.

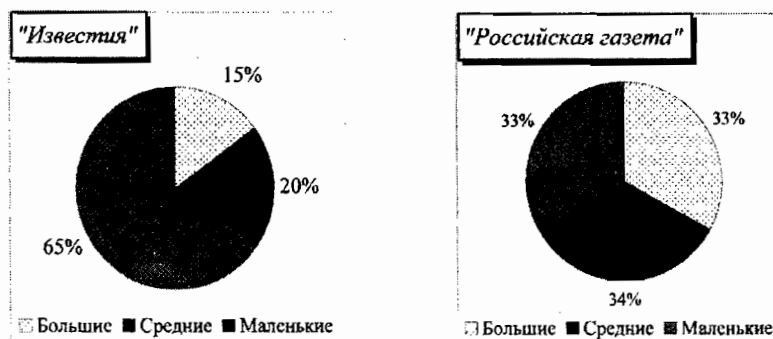
В результате изучения электронных версий «Известий» и «Российской газеты» в вышеуказанных хронологических рамках и по названным критериям было отобрано 266 журналистских текстов с болгарской тематикой, из них 160 в «Известиях» и 106 в «Российской газете». «Известия» опубликовали интересующие нас материалы почти исключительно в центральном издании газеты, лишь один – в региональном издании, а в приложениях тексты по Болгарии полностью отсутствуют. В «Российской газете» 42% журналистских текстов появилось в федеральном выпуске, 27% – в центральном, 4% – в приложении «Российская газета – Неделя» и 28% – только в электронном виде.

На вид и качество представленной в журналистских материалах информации в значительной степени влияет жанр, в котором они написаны. В данном случае преобладали жанры, в которых информация не носила оценочного характера. Это так называемые «новости» – краткие информационные сообщения (для которых характерна стандартизация текста, обусловленная стремлением журналиста преподнести новость как объективное и беспристрастное отражение произошедшего события) и информационные корреспонденции (в которых фактическая сторона дела изложена более детально). Значительно меньше было «оценочных» журналистских текстов, таких, как аналитические корреспонденции, статьи, комментарии. И только пять текстов представляли собой интервью. Интересно отметить, что, например, сама газета «Известия» подразделяет публикуемые в ней журналистские тексты на две группы – «новости» (news) и статьи (articles), что отражено в электронном адресе каждой из них; новости составляют там около 60% всех материалов. С точки зрения

объема журналистские тексты можно разделить на три категории: маленькие – менее 1000 знаков (с интервалами), средние – 1000-3500 знаков и большие – свыше 3500 знаков. Последние материалы являются авторскими и отражают главным образом внешне- и внутривосточные события. «Известия» опубликовали их под рубриками «В мире», «В России», «Туризм» и «Спорт», а «Российская газета» – под рубриками «В мире», «Политика» и «Визит». Небольшие тексты в «Известиях» помещены в рубрике «Новости», а в «Российской газете» – в рубрике «Новости дня». График 1 показывает, что в «Известиях» болгарской тематике посвящены в основном краткие сообщения, в то время как в «Российской газете» у больших, маленьких и средних по объему материалов почти одинаковая относительная доля.

График 1.

Относительная доля рассмотренных текстов по размеру.

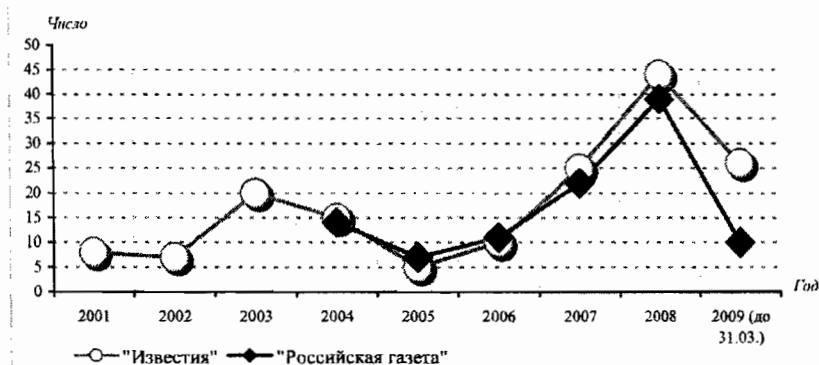

Сравнительные исследования о международном обмене информацией² однозначно свидетельствуют о том, что иностранные СМИ в принципе отслеживают и отражают события в малых государствах с умеренным вниманием. Более значительный интерес к ним наблюдается в случае особо важного события, сопровождающегося международным отзвуком, как например, парламентский кризис, выборы, вооруженный конфликт или стихийное бедствие. Здесь, естественно, возникает вопрос, как можно трактовать полученные количественные результаты, если мы не располагаем исследованиями, чтобы сравнить, как часто и в каком объеме рассматриваемые газеты освещали другие страны. Самое общее впечатление таково, что с точки зрения уделяемого российской прессой внимания Болгария занимает особое место среди малых государств Восточной Европы и что в последнее десятилетие «Известия» и

«Российская газета» отводили Болгарии значительное место. Изменение количества статей с болгарской тематикой, опубликованных за год в этих двух российских периодических изданиях, отражает динамику их интереса к Болгарии. Представив ее в виде графика (см. *График 2.*), мы увидим, что кривые, отображающие общее число опубликованных за год в каждой из обеих газет статей о Болгарии и болгарях, показывают одинаковую динамику – восходящую с двумя пиками. Первый пик, более низкий, отмеченный в 2003 г., связан с широким отражением визита тогдашнего президента Российской Федерации В.В. Путина в Болгарию в начале марта (сами российские СМИ охарактеризовали это событие как «начало новых отношений» между Болгарией и Россией «после десяти лет разлуки») ³. Второй пик, вдвое выше первого, отмечен в 2008 г. и связан с отражением событий, посвященных «Году России в Болгарии». Значительное количество обнародованных за три месяца материалов с болгарской тематикой дает основание прогнозировать тенденцию к еще большему росту числа публикаций в 2009 г. – «Году Болгарии в России» и, соответственно, предвидеть новую, даже более высокую точку в кривой. Самая низкая точка интереса обеих российских газет к Болгарии была отмечена в 2005 г., когда Европарламент одобрил вхождение Болгарии в Евросоюз.

График 2.

Число статей о Болгарии и болгарях в газетах «Известия» и «Российская газета» за 2001–2009 (по 31 марта).

В тематической структуре журналистских материалов о Болгарии и болгарях (см. *Табл. 1.*), опубликованных в «Известиях» и «Российской газете», преобладали информационные сообщения и корреспонденции на политические (преимущественно внешнеполитические) и экономические

темы. В «Известиях» самую большую относительную долю составляли тексты по экономике (29%), на втором месте находились тексты по внешней политике (25%) и на третьем – тексты по внутренней политике (11%). В «Российской газете», напротив, преобладала относительная доля внешнеполитической тематики (35%), за ней следовала экономика – 18%, «Бедствия и происшествия» – 13% и внутренняя политика – 12%. Определенное, хотя и неприоритетное место занимали культурно-историческая и спортивная проблематика, тема «Болгария как туристическое направление» (в том числе столь актуальные визовые вопросы). Производит впечатление, что оба издания уделяют мало места негативным явлениям в структуре отношений между странами. Бросается в глаза полное игнорирование вопроса о болгарских диаспорах в России и, соответственно, о русских диаспорах в Болгарии. Характер подобной тематической структуры с отмеченными акцентами объясняется главным образом тем, что анализируемые источники являются общественно-политическими ежедневными изданиями.

Таблица 1.

Статьи о Болгарии и болгарях в газетах «Известия» и «Российская газета» за 2001–2009 (по 31 марта) по тематическим группам

	«Известия»	«Российская газета»
Внутренняя политика	17	13
Внешняя политика	40	37
Экономика	47	19
История и культура	15	9
Туризм	8	7
Бедствия, происшествия	14	14
Преступления	7	2
Спорт	10	4
Болгарские диаспоры в России	1	0
Русские диаспоры в Болгарии	0	1
Остальные	1	0
Всего	160	106

Более половины статей с внешнеполитической направленностью затрагивали вопросы двусторонних болгаро-российских отношений; за ними следовали материалы об отношениях Болгарии с Европейским Союзом, о присоединении Болгарии к НАТО и размещении американских военных баз

в Болгарии, об отношениях Болгарии с Ираком (в связи с нахождением там болгарского военного контингента) и с Ливией (в связи с делом болгарских медицинских сестер). Журналисты «Известий» и «Российской газеты» с особым вниманием следили за процессом присоединения Болгарии к Европейскому Союзу. При этом Болгарию почти всегда рассматривали вкупе с Румынией: в том плане, что вхождение обеих стран представляет собой последний этап расширения Евросоюза за долгий период времени, причем расширения за счет бывших союзников СССР, а также и в том, что в результате этого расширения границы Евросоюза выходят на Черное море, имеющее стратегическое значение. Неоднократно подчеркивалось, что среди стран-членов ЕС Болгария единственная использует кириллицу в своих официальных документах в Евросоюзе. Значительно более скромное место на страницах обеих газет занимала тема присоединения Болгарии к НАТО и размещения на ее территории американских военных баз. В 2006 г. российских политиков волновал вопрос, намеревается ли Пентагон использовать болгарские аэродромы для нанесения ударов по Ирану. В журналистских материалах приводилось мнение болгарских аналитиков, что, соглашаясь на размещение американских баз, Болгария стремится сбалансировать растущее экономическое присутствие России в стране. В противовес этой позиции делался акцент на усилиях российских дипломатов доказать, что в вопросах торговли нефтью и газом речь идет только о бизнесе. Летом 2008 г. корреспондент «Российской газеты» был допущен на секретный болгарский военный объект, предназначенный для американских солдат. «Цель – Ирак и Афганистан, ... не более 2500 человек, ... здесь были советские танкисты...»⁴, – писал он в своем репортаже с места события.

Российские журналисты рассматривали события в болгаро-российских политических взаимоотношениях в контексте процессов европейской интеграции. Признавалось, что Болгария является объектом геостратегических интересов не только России, но и США. Отмечались и появившиеся после вхождения Болгарии в Европейский Союз качественно новые возможности для развития двусторонних отношений путем использования интегрированных ресурсов при решении специфических проблем. Относительно болгаро-российских политических взаимоотношений наиболее распространенной была та позиция, что Болгария уже не является страной, которую в Москве когда-то называли «шестнадцатой республикой Советского Союза». Этот тезис в синтезированном виде часто присутствовал в заглавиях корреспонденций, когда цитировалась известная в прошлом поговорка «Курица – не птица, Болгария – не заграница» или ее парафраз: «Курица – не птица, Болгария – уже заграница». «За прошедшие десять лет страна уже мало похожа на шестнадцатую республику СССР, как ее еще иногда

называли в Москве. Современная Болгария стремится вступить в ЕС и НАТО. Готова разместить у себя на территории американские военные базы и полностью разделяет позицию США в отношении Ирака. ...Но есть и прочная связь с Россией – нитки газопроводов»⁵, – писали «Известия» в начале марта 2003 г. по поводу официального визита российского президента В.В. Путина в Болгарию. В журналистских текстах в качестве исторического символа, объединяющего болгарский и русский народы, называлась Шипка, где велись одни из наиболее важных боев в ходе русско-турецкой войны 1877–78 гг. и где за освобождение Болгарии плечом к плечу сражались тысячи русских солдат и болгарских ополченцев. Неслучайно вышеупомянутое начало нового этапа в двусторонних болгаро-российских взаимоотношениях связано с чествованием 125-летия русско-турецкой освободительной войны в 2003 г. Неслучаен и тот факт, что «Год России в Болгарии» отмечался в год чествования 130-летнего победоносного окончания войны. Оба эти юбилея нашли достойное отражение в различных рубриках обеих российских газет. Другими соединяющими Болгарию и Россию звеньями, о которых писали «Известия» и «Российская газета», являются «Алеша» – памятник неизвестному русскому солдату в г. Пловдив и принадлежность обоих народов к восточному православию и их общая славянская письменность. Несмотря на стремление политиков, деятелей культуры и СМИ напомнить о традиционных и некогда популярных символах единения, газета «Известия» отметила, что «славные страницы российско-болгарской истории и битвы на Шипке сегодня мало интересуют россиян. ...Только Филипп Киркоров – звезда российской эстрады болгарского происхождения – может по праву называть себя “последним мостиком болгаро-советской дружбы”»⁶.

Журналистские тексты, посвященные вопросам экономики, отражают отношения Болгарии с Европейским Союзом (как например, освоение средств еврофондов), но в первую очередь болгаро-российские торгово-экономические отношения (трансбалканский нефтепровод Бургас-Александруполис, газопровод «Южный поток», строительство атомной электростанции в г. Белене, объем товарооборота между Болгарией и Российской Федерацией и попытки преодолеть отрицательное сальдо). Производит впечатление почти полное отсутствие столь актуальной в последние годы темы, как покупка недвижимости в Болгарии российскими гражданами.

Анализ содержания журналистских материалов о внутриполитическом положении Болгарии приводит к выводу, что основным объектом внимания были парламентские (2001 и 2005 гг.) и президентские выборы (2001 и 2006 гг.), раскол в болгарской православной церкви и вообще ее роль в

жизни страны. С большим интересом российские журналисты следили за приходом к власти и правлением партии Национальное движение «Симеон Второй» (НДСВ), уделив особое внимание программе нового правительства, где обещалось улучшить жизнь каждого болгарина за 800 дней. В этой связи они искали параллели в современной российской истории (в частности, упоминалась программа Г. Явлинского «500 дней»), с любопытством наблюдая, как болгары реализуют эту идею и вообще «можно ли осуществлять экономические рыночные преобразование монаршей по сути властью»⁷. О самом Симеоне Саксен-Кобург-Готском писали, что, придя к власти в стране в качестве премьер-министра, он осуществил мечту русских монархистов. После избрания Георгия Пырванова президентом газета «Известия» квалифицировала правление в Болгарии как «социалистическую монархию», а 2001 год в политической жизни Болгарии охарактеризовала как год, прошедший под девизом «Вперед – в прошлое»: в кресле премьера экс-монарх, а в кресле президента – «бывший коммунист Георгий Пырванов»⁸. Касаясь болгаро-российских двусторонних отношений, «Российская газета» обобщала, что именно в период правления НДСВ отношения между Софией и Москвой «серьезно улучшились, а лучше сказать, вышли из небытия»⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что обе проанализированные российские ежедневные газеты весьма скудно отражают историю и культуру Болгарии, хотя более существенные журналистские материалы, касающиеся болгарской истории и культурных событий в Болгарии, можно найти на страницах «Известий»; там же больше текстов на эти темы и в количественном отношении. Чаще всего это краткие информационные сообщения об интересных моментах образовательной реформы в Болгарии, о кириллице в интернете, о событиях, связанных с русской культурой, и об интересных археологических находках в стране. В ряде аналитических материалов делается акцент на отношении болгар к памятникам исторического присутствия России в Болгарии и к сохранению исторической памяти о знаменательных проявлениях русско-болгарской дружбы. Обе газеты посвятили специальные авторские статьи «Алеше» – одиннадцатиметровой гранитной фигуре русского солдата, возвышающейся на Холме освободителей в Пловдиве. По поводу 50-летнего юбилея памятника, отмечавшегося в 2007 г., и разгоревшейся общественной дискуссии о том, что именно символизирует «Алеша» и нужен ли он городу и Болгарии, «Российская газета» писала: «Алешу защитил Верховный суд... Когда-то русский воин спас город. Сегодня город спасает его»¹⁰.

Среди болгар, поименно упомянутых в журналистских текстах в «Известиях» и в «Российской газете», преобладали исключительно политики: в обоих российских изданиях во главе списка наиболее известных в Рос-

сии болгарских политиков стоял президент Г. Пырванов, за ним следовали премьер-министр С. Станишев и министры иностранных дел С. Паси и И. Калфин. «Российская газета» опубликовала два интервью с Г. Пырвановым и одно с Паси, а «Известия» – два со Станишевым и одно – с чемпионом мира по шахматам В. Топаловым.

Таблица 2.

Болгары, упомянутые в журналистских текстах «Известий» и «Российской газеты»

Упомянутые личности	Число упоминаний		Всего
	„Известия”	„Российская газета”	
Политики	78	64	142
Другие общественные деятели	3	6	9
Другие известные личности	4	4	8
Бизнесмены	5	0	5
Деятели культуры	6	1	7
Спортсмены	8	1	9
Исторические личности	1	1	2
Болгары в России	1	0	1
Всего	106	77	183

На репрезентативную выборку журналистских материалов по Болгарии, опубликованных в двух российских газетах, сильное влияние оказывали злободневные политические и экономические события. Несмотря на преобладание информационных текстов, в которых при изложении фактов соблюдалась строгая объективность, имелись и полные теплоты и трогательные сердце корреспонденции, как например, «Болгарии русская мать»¹¹, «Болгария отблагодарила адмирала Ушакова за победу над османской армадой»¹².

Периодичность публикаций о Болгарии в двух российских газетах показывает, что, независимо от существенных изменений, наступивших в мире за два последних десятилетия, Болгария продолжает интересовать российские СМИ. Число публикаций на экономические темы почти сравнялось с количеством материалов на темы политические, что отражает новые реалии в двусторонних болгаро-российских взаимоотношениях. Рост числа публикаций во время проведения «Года России в Болгарии» и «Года Болгарии в России» приводит к выводу, что активная

позиция Болгарии в области политической рекламы оказывает положительное влияние на повышение интереса российских СМИ. Умеренный тон отражения перемен во внешнеполитической ориентации Болгарии за последнее десятилетие свидетельствует об изменении не только отношения к Болгарии, но и отношения к ЕС и НАТО в самой России. Неразработанную, но благодатную тему для СМИ представляют собой русская диаспора в Болгарии и, соответственно, болгарская в России.

Примечания

- ¹ <http://www.rg.ru/reklama.html> (29 марта 2009 г.)
- ² См. *Foreign News in the Media: International Reporting in 29 Countries // Reports and Papers on Mass Communications*, No. 93. Paris, 1985, UNESCO.
- ³ Предыдущий визит главы российского государства состоялся в 1992 г.
- ⁴ *Саможнев А., Воробьев В.* Болгария готовится к «Львиному удару» // *Российская газета – Неделя*, № 4436 от 10 августа 2007 г. – <http://www.rg.ru/2007/08/10/bulgaria.html> (25 марта 2009 г.)
- ⁵ *Литовкин Д.* Возвращение братушек. Путин привез в Болгарию весну и новые отношения // *Известия*. март 2003 г. – <http://www.izvestia.ru/russia/article30751> (5 апреля 2009 г.)
- ⁶ *Тоноян В.* Восстановление памяти. Президент Путин везет в Софию энергетическую оттепель // *Известия*. 28 февраля 2003 г. – <http://www.izvestia.ru/russia/article30697> (5 апреля 2009 г.)
- ⁷ *Осипов Г.* На зависть Явлинскому. Фишки. Болгария // *Известия* 24 июля 2001 г. – <http://www.izvestia.ru/world/article3050> (17 марта 2009 г.)
- ⁸ *Дунаев Вл.* Социалистическая монархия. Президентом Болгарии стал бывший коммунист // *Известия*. 19 ноября 2001 г. – <http://www.izvestia.ru/world/article9800> (17 марта 2009 г.)
- ⁹ *Кузьмин Вл.* Не царское это дело? Предвыборные обещания не исполнились // *Российская газета – Федеральный выпуск*. № 3321 от 15 октября 2003 г. – <http://www.rg.ru/2003/10/15/bolgariy.html> (14 марта 2009 г.)
- ¹⁰ *Война с памятником* // *Российская газета – Неделя*, № 4284, <http://www.rg.ru/2007/02/02/sovetskie-pamyatniki.html> (14 марта 2009 г.)
- ¹¹ *Известия*. 18 февраля 2009 г. – <http://www.izvestia.ru/retro/article3125595> (9 марта 2009 г.)
- ¹² *Известия*. 10 августа 2006 г. – <http://www.izvestia.ru/news/news112820> (9 марта 2009 г.)

С.И. Муртузалиев

(Дагестанский государственный университет)

Дагестан и Болгария – исторические параллели.

Проблемы России и Северного Кавказа в эмпирическом зеркале болгар (2006 г.)

Взаимоотношения народов России и Болгарии имеют многовековую историю, в которой определенную «нишу» занимает Дагестан. Более тридцати лет назад именно этот фактор сыграл свою роль в том, что автор занялся изучением средневековой истории Болгарии.

Думаю, следует пояснить свой приход в болгаристику и выбор темы настоящей статьи – они тесно взаимосвязаны – это взгляд определенной группы кавказоведов на общие черты в истории наших народов. Общность исторических коллизий и черт оказали влияние на формирование положительного восприятия друг друга. В частности, выбор Болгарии и Дагестана в качестве объекта исследования не случаен, потому что они, во-первых, представляют собой территории христианско-исламского дуализма (по численности последователей этих конфессий, а главное – по той роли, которую эти религии играют в их жизнедеятельности). Во-вторых, Дагестан и Болгария имеют много общего в природно-климатических условиях, влекущих за собой конвергентное сходство в орудиях труда, в бытовой утвари, в орнаментике. В-третьих, событийная история, стремящаяся к максимально точной фиксации исторических фактов, дает основания говорить о том, что к середине – второй половине IV века н. э. протоболгары, т. е. «первичные болгары» (представители одной из разновидностей тюркского этноса)*, жили на Северном Кавказе и отчасти в Закавказье.

Самое раннее письменное упоминание имени болгар (Vulgares – Вулгар) приводится в анонимной Хронике и датируется 354 г.¹ В «Церковной

* «Протоболгары» – условный научный термин, применяющийся для отличия их от болгар – южнославянской этнической общности – народности и нации.

истории» сирийского «историка» Захария Ритора (середина VI в.) говорится об одной из ветвей протоболгар (предположительно вх'ндур-болгары), которые жили в предгорьях и на равнинах северного Дагестана в районе рек Сулак, Акташ и Ярыксу². «Следы дагестанских болгар теряются сразу же после окончания Тридцатилетней войны между Хазарским каганатом и Арабским халифатом (737 г.)», но, как полагает И.Г. Семенов, те из болгар, которые остались в Дагестане, были ассимилированы местным населением³. Этим событиям предшествовало возвышение Тюркского каганата (середина VI в.) и поход кагана Силджибу (Истеми), покорившего племена болгар, хазар и беленджер; создание обширного военно-племенного союза, получившего у византийских авторов название «Великая Булгария»⁴.

На развалинах Западно-Тюркского каганата в 30-е годы VII в. в северо-восточной части Северного Кавказа образовался Хазарский каганат, территория которого со временем расширилась, а племенной союз хазар и болгарских племен положил начало классовому государству. Около середины VII в. «Великая Булгария» распалась под ударами хазар. По мнению ряда исследователей, «разделение болгар и отход части их на север, в Поволжье, могли иметь место во второй половине VII в., между 650 и 679 гг., когда болгарские земли на Северном Кавказе были заняты хазарами»⁵.

Другая часть протоболгарских племен, теснимая хазарами, ушла в 70-х гг. VII в. из Приазовья и обосновалась в междуречье Дуная, Днестра и Прута, в районе, именуемом в источниках термином «Онгл». Воинственные пришельцы подчинили жившие по Дунаю славянские племена, а в начале 80-х гг. ими было покорено и славянское объединение «Семь родов». В 681 г. византийский василевс вынужден был заключить с воинственным протоболгарским ханом Аспарухом (681–700 гг.) мир, означавший признание нового независимого Болгарского государства – Первого Болгарского царства⁶.

В VIII – начале X вв. исторические пути болгар и хазар вновь пересекаются, но теперь значительную роль в их жизни играют Византия и арабы – с последних начинается мир исламской цивилизации. К числу идейных преемников Халифата и практиков в деле реализации политики обращения части завоеванного населения в ислам можно отнести Османскую империю, история которой неразрывна с судьбами народов Болгарии и Дагестана. Влияние преемницы Арабского халифата, разумеется, внесло новые специфические черты в развитие рассматриваемых народов, что было обусловлено эволюцией самого ислама и культурно-историческими особенностями осваиваемых мусульманами территорий.

Таким образом, мы кратко очертили начальный этап пересечения магистральных (исторических) путей развития болгар (протоболгар) и хазар,

волею судеб живших на территории Дагестана и сыгравших определенную роль в формировании дагестанских народностей. Думается, именно в этом кроется одна из многих современных причин взаимного интереса наших народов друг к другу и болгаро-дагестанских связей, которые были довольно активными во второй половине прошлого столетия. Напомню, что Смолынский округ и Дагестан в 60–80-е гг. XX в. были побратимами. В Дагестане и Болгарии многие и сегодня хорошо помнят об активном обмене различными делегациями специалистов, рабочих, деятелей культуры. В Дагестане проходили съемки одного из фильмов об общих предках и памятниках протоболгарской культуры в рамках программы «Болгария – 1300 лет истории». Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов, вдохновленный встречами с болгарями, написал «Болгарские тетради» и т. д. (перечень может быть продолжен).

Переходя ко второй части нашей темы, считаю более верным говорить о проблеме восприятия болгар российскими этносами, а не только русскими, так как Россия многонациональное государство и во взаимоотношениях с болгарями участвовали не только русские, но и представители многих других народов, населявших Россию. Не случайно в XIX в., на освобождаемой территории Болгарии российских воинов именовали «братьями» и «братушками», далеко не всегда добавляя «русские». Этот стереотип восприятия с нашей и с болгарской стороны сохранялся вплоть до перестроечных времен и именно таковыми по своей сути были отношения между нашими странами – СССР и Болгарией.

Обратившись к рубежу XX–XXI вв., в числе многих факторов, влияющих на разрастание этнополитической и межконфессиональной напряженности в Дагестане и Болгарии, можно выделить следующие: 1 – геополитическое положение (близость к зонам социальных и межнациональных конфликтов) и резко возросшее значение бассейнов Каспийского и Черного морей; 2 – депрессивность регионов; 3 – незавершенность государственного строительства в постсоциалистический период реформирования, новые политико-экономические и социально-культурные ориентации; 4 – возросшее влияние конфессиональных факторов и т. д.

Применительно к Болгарии следует напомнить, что после 10 ноября 1989 г. преобразования в Болгарии осуществлялись в три этапа, которые имели свою специфику, как во внутренней, так и внешней политике страны:

- первый этап охватывает период с конца 1989 по июль 1991 г. (принятие новой Конституции Республики Болгария);
- второй этап – с июля 1991 по декабрь 1996 г. (уход в отставку правительства социалистов во главе с Жаном Виденовым);

• третий этап – май 1997 г. (образование правительства демократов во главе с Иваном Костовым) – январь 2002 г. (передача президентских полномочий лидеру социалистов Георгию Пырванову).

Новые, перспективные моменты в болгаро-российских связях, наметившиеся в результате визита тогдашнего Президента РФ В.В. Путина в Республику Болгария (2003 г.), открыли возможность изменить ситуацию в отношениях между Москвой и Софией. Но уровень информированности россиян о «болгарах» и, соответственно, болгар о «нас» резко понизился.

В период работы Международного семинара «Университетские чтения и исследования по болгарской истории» (11–13 мая 2006 г.) автором был проведен запланированный опрос (заранее была составлена, переведена на болгарский язык и распечатана анкета «Северный Кавказ в представлении болгар и иностранцев» – 100 экземпляров, из которых 14 опросных листов респонденты не вернули, или они оказались испорчены). На вопросы ответили 86 болгар в г. Смолян (где проходил семинар) и в столице Болгарии – Софии. В работе семинара участвовали ученые, преподаватели и аспиранты из различных вузов и городов Болгарии. Мы вправе допустить, что был получен определенный срез видения болгарским обществом некоторых проблем Северного Кавказа (далее: СК) и Дагестана.

Обращаем внимание на то, что опрос проводился только среди тех респондентов, которые не занимаются специальным изучением России и Кавказа. Объясняется это основной целью нашего анкетирования, состоявшей в выяснении следующего блока вопросов: что знают болгары (не кавказоведы, не политики и не политологи) о некоторых актуальных в тот период времени проблемах Северного Кавказа, Дагестана и Чечни, как они оценивают политику Российской Федерации, проводимую на Северном Кавказе, какими источниками информации пользуются и, конечно же, каковы перспективы развития братских взаимоотношений между нашими народами и государствами.

Была опрошена и незначительная часть иностранных участников семинара – анкеты вернули только 10 человек. Принимая во внимание весьма ограниченное количество иностранных респондентов и то, что они были из разных государств (Англия, Греция – 2 чел., Канада, Польша, Чехия – 3 чел., Германия, США – 2 чел.), их ответы, разумеется, нельзя сопоставлять с ответами болгар. Однако как частное видение (единичное субъективное) кавказско-российских проблем они представляют определенный интерес и поэтому включены в наш анализ полученных данных.

Основную часть респондентов составляют болгары в возрасте от 26 до 50 лет и старше: от 26 до 35 лет – 30,2%, в возрасте от 36 до 50 лет – 34,9

%, старше 50 лет – 25,6%. В сумме это составляет 90,7% от общего числа опрошенных. Молодежь в возрасте 15–25 лет составила 9,3%. Мужчины представлены 46,5%, женщины – 53,5%.

Из 86 респондентов 72% имеют высшее образование, из них 53,5% являются преподавателями, научными работниками и служащими. Предприниматели и рабочие (и те и другие – жители Софии) распределились поровну, соответственно – по 9,3%. Образовательный ценз и возраст опрошенных позволяют говорить о том, что основной массив полученных ответов ($53,5\% + 9,3\% + 9,3\% = 72,1\%$) представлен взвешенными оценками уже сформировавшихся и социально состоявшихся людей.

Заметим, что 90% иностранцев (не болгар) указали, что имеют высшее образование и только 10% (1 чел.) – неполное высшее, но в графе «социальное положение» 50% респондентов сообщили, что являются преподавателями и служащими, тогда как 20% заполнили графу «учащиеся» и 30% – «студенты». Вероятно, это результат или невнимательного заполнения анкеты и/или часть анкетированных получала второе образование.

Анализ полученных ответов показал, что современную ситуацию на Северном Кавказе 67,4 % болгар оценили как неустойчивую (иностранцы – 60%), 7% – как критическую (иностранцы – 30%) и только 2,3% – как стабильную (иностранец – 1 чел.). Остальные 25,6% не имели информации и не знали.

Современную ситуацию (2006 г.) в Дагестане 55,8 % болгар оценили как неустойчивую (иностранцы – 50 %), 7 % – как критическую (иностранцы – 10%) и 7% – как стабильную (иностранец – 1 чел.). Остальные 30,2% не имели информации и не знали.

Современную ситуацию в Чечне ни болгары, ни иностранцы не считали стабильной: 46,5% болгар оценили её как неустойчивую (иностранцы – 30%), 37,2% – как критическую (иностранцы – 60%). Остальные 16,3% не имели информации или затруднились ответить. Таким образом у 83,7% болгар ситуация в Чечне оценивалась как весьма опасная, такого же мнения придерживалось и 90% иностранцев.

В вопросе об отношении к войне России в Чечне 48,8% болгар считали, что России надо было ввести войска в Чечню (иностранцы – 30%), а 48,8% считали, что России не следовало начинать военные действия в Чечне (иностранцы – 50 %), остальные 2,3% затруднились ответить (иностранцы – 20%).

Считали, что России надо вывести оставшиеся части войск из Чечни 46,5% болгар (иностранцы – 50%), и что «не надо выводить» – 39,5% (иностранцы – 20%), остальные – и болгары и иностранцы – не обладали

информацией: болгары 11,6% (иностранцы – 30%), затруднились ответить – 2,3% болгар.

По мнению 39,5% болгар, чеченцы воевали с Россией за свою свободу и независимость (иностранцы – 40%), что война ведется в интересах чеченской политико-экономической элиты – 25,6% болгар (иностранцы – 10%); часть считала, что воевал не чеченский народ, а бандиты и террористы – 32,5% болгар (иностранцы – 30%); затруднились ответить – 2,3% болгар (иностранцы – 1 чел.). Заметим, что из всех респондентов только один (!) иностранец считал, что чеченцы воевали с Россией в интересах США и других зарубежных стран.

25,6% болгар (иностранцы – 30%), считали, что республикам СК нужно отделяться от Российской Федерации; против отделения высказались 44,1% болгар (иностранцы – 40 %); не знали и не определились в этом вопросе – 30,2% болгар и 20% иностранцев.

Господствующей религией в России считали православие 97,7% болгар и 100% иностранцев, только 2,3% болгар указали на ислам. На вопрос: «Должна ли господствующая религия стать общегосударственной?» 23,2% болгар ответили «да», считают, что не должна – 72% болгар (иностранцы – 90%).

Только 9,3% болгар и 20% иностранцев считали, что ислам стабилизирует ситуацию на СК, а что ислам расшатывает (дестабилизирует) обстановку в регионе – 37,2% болгар (иностранцы – 60%), что не играет никакой роли – 9,3% болгар; не знали ответа – 39,5% болгар (иностранцы – 20%).

На дискутируемый в России уже около 20 лет вопрос: «Надо ли преподавать основы религиозных дисциплин в светских учебных заведениях (училищах, гимназиях, институтах, университетах)?» 41,9% болгар ответили «да» (иностранцы – 30%), большинство же ответило отрицательно – 51,1% (иностранцы – 70%); не знали и затруднились ответить – 6,68% болгар.

Думается, российским властным структурам пора задуматься и прекратить «конфессиональные игры», не пытаться подменить государственную идеологию религией, не насаждать её в учебных учреждениях. В поликонфессиональном государстве это может явиться миной замедленного действия.

Информацию о СК подавляющее большинство болгар получало из передач болгарского телевидения (далее – TV) – 65,1%, из российского – 16,2% (иностранцы – 30%), европейского – 4,65% болгар (иностранцы – 60%), из передач BBC/CNN – 4,65% болгар (иностранцы – 0%), из передач канадского TV – только одна канадка.

Другим источником информации о СК для подавляющего большинства болгар – 83,7% служила болгарская периодическая печать (газеты, журналы), из российской периодики – 6,97% болгар и 50% иностранцев, из европейской – 2,3%, из канадской периодики – одна канадка.

Искали (смотрели) информацию о СК на болгарских Интернет сайтах – 51,1% болгар, на российских сайтах – 14% болгар и 30 % иностранцев, на европейских – 4,65% болгар (иностранцы – 40%), на других сайтах – 7% болгар, на сайтах США – 30% иностранцев.

Подавляющее большинство болгар – 65,1%, считало, что Болгарии и России надо сближаться, возрождать связи, прерванные в период распада СССР и перестроек (иностранцы – 60%), а что надо оставить всё на уровне, который существовал на момент опроса (2006 г.), – 18,6% болгар (иностранцы – 30%), затруднились ответить – 16,2% болгар (иностранцы – 10%). Отрадно заметить, что все респонденты – и болгары, и иностранцы были против полного прекращения всяких контактов.

В связи с этим было интересно выяснить мнение болгар о востребованности изучения русского языка, который до середины 1990-х годов болгары начинали изучать еще в детских садах и школах, но затем ситуация изменилась – его изучают только в отдельных классах и то по настоянию родителей, трезво оценивающих ситуацию и осознающих многовековые глубокие корни, связывающие народы Болгарии и России.

За изучение русского языка «проголосовали» 79% болгар (иностранцы – 50%), только 14% болгар высказались против (иностранцы – 1 чел.), не определились – 6,68% болгар и 40% иностранцев.

Сегодня в Болгарии и в Дагестане, как и во всем мире, идет процесс возрождения религий, требующий научного осмысления пройденного ими исторического пути, всех нюансов и последствий включения их народов в орбиту православной и исламской цивилизаций. От того, как народы и лидеры Болгарии, России и, в частности, Дагестана сумеют воспользоваться исламским и христианским наследием, духовными ценностями этих конфессий, наладить диалог между представителями различных этносов и религий, в немалой степени будет зависеть их будущее, стабильность, гражданский мир и согласие.

Примечания

- ¹ История на България. София, 1981. Т. 2. С. 60.
- ² *Тълкова-Заимова В., Павлов Пл.* Северните «варвари» и Черноморието // *Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали.* Велико Търново, 1993. Т. 2. С. 23.
- ³ *Семенов И.Г.* История стран и народов Западного Прикаспия (I-е тысячелетие новой эры). Казань, 1994. С. 161–162.
- ⁴ История на България. С. 69.
- ⁵ *Гаджиев М.Г., Даудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 180–181.
- ⁶ Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 37–42.

Т.С. Бушуева

(Институт российской истории РАН)

Восточная и Юго-Восточная Европа между Россией и Западом после 1989 г.

В течение последних 50 лет пояс государств от Балтики до Адриатики дважды подвергался кардинальным трансформациям. Первая из них произошла в конце 40-х гг. XX столетия, когда после окончания Второй мировой войны в этих странах совершался поворот от западной модели общественного развития (характерной для межвоенного периода) к восточной или советской. Именно тогда стали закладываться основы новой, социалистической модели развития, позволившие объединить страны восточной и юго-восточной Европы в один с Советским Союзом геополитический регион. В каждой из этих стран утверждалась однопартийная политическая система или же фиктивно многопартийная; проводились преобразования в экономике – национализация собственности, индустриализация промышленности, кооперирование в сельском хозяйстве; навязывалась одинаковая идеология. Иными словами, шло становление новой восточноевропейской региональной идентичности в форме «социалистического лагеря» или «содружества».

Вторая кардинальная трансформация началась с конца 1980-х гг. За это время регион претерпел изменения по количественным параметрам: увеличилось в полтора раза число входящих в него стран за счет распада двух федеративных государств (югославского и чехословацкого). В настоящий момент и страны по отдельности, и регион в целом, являют собой уже качественно новое, по сравнению с периодом до 1989 г., образование. Почти все эти годы регион оставался ареной противостояния мировых держав, и вплоть до начала 1990-х гг. именно здесь проходила линия соприкосновения двух общественно-политических систем и военно-политических блоков – НАТО и Варшавского Договора (ОВД).

Состояние посткоммунистического мира – тема необъятная. Она привлекает к себе пристальное внимание исследователей, посвятивших ей значительное число работ. Однако для объективного исторического исследования еще не сложились условия, так как основные документы, необхо-

димые для раскрытия темы, в архивных фондах засекречены до истечения необходимого срока давности¹.

В данной статье остановлюсь лишь на некоторых фактах и тенденциях, касающихся наиболее важных вопросов.

В середине XX в. русский философ И.А. Ильин говорил: «Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой... Откуда же эта нелепая идея, будто государственное устройство можно переносить механическим заимствованием из страны в страну?».

Тем не менее, идея заимствования государственного устройства была весьма актуальной на протяжении всего XX столетия. Это был сложный период в развитии восточноевропейских стран и их отношений с Москвой. Советская модель распространялась в регионе, который существенно отличался от Советского Союза. И потому отнюдь не случайно, что процесс десталинизации сопровождался возвращением к концепции «национального пути к социализму». Можно говорить и о неполной реализованности советской модели в регионе, прежде всего имея в виду слишком короткий временной срок, отпущенный этому режиму историей.

Если попытаться определить основные ключевые моменты, характерные для развития отношений России и стран Восточной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемое двадцатилетие, то следует остановиться на наиболее важных составляющих общего процесса.

Первое и самое важное – исчезновение с исторической арены Советского Союза. Процесс сопровождался крайне болезненным и проблемным переходом к рыночной экономике. Вместе с тем, очевиден тот факт, что разрушение СССР имело не только внутренние, но и внешние причины. Велико было влияние политической стратегии администрации США в распаде СССР и режимов в социалистических странах². Последствия распада Советского Союза сказались, прежде всего, на гонке за мировое военное лидерство на глобальном уровне – теперь уже между Россией и США. Как известно, у США есть свое понимание демократии и безопасности, пронизанное исключительно собственными властными интересами по отношению к разным странам, в том числе и к России, и к Восточной Европе. Сегодня первенство США обеспечивается их достижениями в области новых технологий, однако, хотя Россия и занимает еще достаточно низкое место в списке наиболее конкурентоспособных стран мира, вместе с тем именно ее экономика обеспечена наличием огромного потенциала для дальнейшего развития.

В связи с исчезновением СССР пространство, занимавшееся прежде странами Варшавского Договора и республиками бывшего Советско-

го Союза, стало ареной острых противоречий, выступило в качестве нового поля конкуренции как геополитического (глобального), так и регионального масштаба. Здесь на первое место выдвигается военная составляющая: в связи с роспуском Варшавского Договора в этой зоне создаются материальные предпосылки для мотивированного вмешательства, в том числе и военного, в районы, находящиеся в непосредственной близости к России. Поскольку рыночные отношения в пост-социалистических странах находятся в еще недостаточно развитом состоянии, и, следовательно, соперничать с отлаженным механизмом экономики традиционных рыночных государств они объективно не могут, вероятность различных видов экспансии со стороны сильных государств в ближайшее время остается высокой. Следствием конкуренции на глобальном и региональном уровнях, а также в различных сферах жизни общества (экономической, политической, духовной) могут стать столкновения интересов различных государств и конфликты малой и средней интенсивности в различных регионах мира, в том числе, как в непосредственной близости, так и на самой территории России. В силу тяжелого внутреннего положения высока вероятность превращения России в арену противоборства различных сил и государств. Именно Россия становится пространством, где сходятся все без исключения глобальные противоречия энергетического, демографического, экологического, продовольственно-сырьевого, технологического и духовно-идеологического характера.

Конкуренция, как один из главных факторов развития мировой цивилизации, тесно связана с использованием силы, и прежде всего, военной. В 1989 г. начался вывод советских войск из стран Восточной и Центральной Европы. В результате резко сократились возможности советского давления на реформаторское движение и вообще на политическую ситуацию в восточноевропейских странах. Прекратилась активная политика СССР в отношении этих стран и, наоборот, усилилась и расширилась американская поддержка реформистских сил в Восточной Европе. В 1989–1990 гг. произошли «бархатные революции» в Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Албании. В декабре 1989 г. вооруженным путем был свергнут режим Чаушеску в Румынии. Радикальные изменения в странах Восточной Европы стали одним из факторов окончания холодной войны. Разрыв традиционных экономических и политических связей Советского Союза со своими бывшими союзниками больно ударил по национальным интересам СССР в этом регионе. Весной 1991 г. произошел официальный роспуск Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора.

На смену советскому фактору в регионе пришел западный фактор.

Вторая составляющая общего процесса – роль Запада в переходном процессе в данном регионе. Тема эта многоплановая. А потому ограничусь лишь констатацией ряда ее аспектов:

- в области *дипломатической* – это высокий уровень взаимодействия между правительствами США и Западной Европы, с одной стороны, и правительствами стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза, с другой стороны, практически по всем важнейшим экономическим, политическим и социальным вопросам, а также вопросам безопасности;

- в области *военной* – это продвижение НАТО в Восточную Европу, резко нарушившее баланс сил в регионе, применение военных сил США и Западной Европы в бывшей Югославии;

- в области *экономической* – растущие объемы западных инвестиций и торговли с Восточной Европой и бывшим Советским Союзом, а также неравномерное, но значительное распространение западной экономической практики и принципов;

- в области *институциональной* – принятие в члены Европейского Союза восточноевропейских и балтийских государств, а также растущее присутствие в данном регионе Совета Европы, ОБСЕ и других международных институтов;

- в области *культурной* – начиная от западного телевидения, кино, музыки и других продуктов широкого потребления до научного обмена и связей в области образования;

- в области *символической* – часто нематериальное, но, тем не менее, исключительно важное влияние Запада в качестве примера для подражания, или, иными словами, Запад как состояние «нормального существования».

Вице-президент фонда Карнеги по вопросам глобальной политики Т. Каротерс подчеркивал: «Когда западные организации, предоставляющие помощь, сразу после падения Берлинской стены и распада Советского Союза ринулись в Восточную Европу и страны бывшего Советского Союза, их воодушевляла идея о том, что они призваны стать учителями. Однако, начав свою деятельность, они обнаружили, что им не только мало что известно о характере переходных процессов, но и что сам процесс обучения будет значительно более взаимозависимым, чем они ожидали. В ходе работы им пришлось заново учиться тому, что они знали лишь теоретически... Это были простые, но основополагающие понятия, такие как приоритет интересов личности над институциональными интересами, мужество и терпение перед лицом несчастья, бесценность настоящей принципиальности. Другими словами, оказание помощи становлению

гражданского общества оказалось процессом взаимного обучения сторон, продолжающим углубляться по прошествии лет»³.

Третья составляющая – революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности восточноевропейских стран. Двадцать лет тому назад реальная политика, дала начальный толчок процессу становления новой региональной идентичности в этих государствах, иными словами, они сменили ориентацию и повернулись на Запад.

2–3 декабря 1989 г. на Мальте встретились Дж. Буш и М.С. Горбачев. В ходе четырех встреч (две из них проходили один на один) лидеры сверхдержав обсудили комплекс сложнейших проблем мировой политики, в том числе и события в странах Восточной Европы. Горбачев заметил тогда: «В Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться, то как нам действовать? Так же как действует президент Буш?» И далее он продолжал: «Иногда приходится слышать, что в нынешней ситуации мы не выполнили нашей миссии в отношении друзей. Я в таких случаях отвечаю: во-первых, к нам не обращались, а во-вторых, процессы происходят в конституционной форме ... Мы не хотим вмешиваться и не вмешиваемся в идущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне, решают, как им быть»⁴. Тем не менее, Горбачевым достаточно активно озвучивалась концепция «общеевропейского дома».

Оценка событий конца 1980-х гг. нуждается в более глубоких интерпретациях с учетом фактора региональной идентичности. Прежде всего, *в сфере хозяйства*, где в основном завершен переход к рыночной экономике и где определилась необходимость активной социальной политики в духе социал-демократических программ; *в сфере политической жизни*, которая в этом регионе приобретает признаки стабильности через очередную смену власти политических сил лево- и правополитической ориентаций; *в сфере идеологии*, где произошел окончательный отказ от марксизма-ленинизма, возврат к ценностям как либерально-демократического, так и традиционного характера; *в сфере внешней политики*, где фактически осуществлена переориентация на западные структуры (НАТО, Европейский Союз и др.), хотя признавалась необходимость баланса интересов с соседними странами региона, а в наиболее смелых проектах – и со странами, расположенными восточнее.

Спустя десятилетия оказалось, что трудности не исчезли, а лишь приобрели новую форму. Анализ доступных сегодня архивных материалов показывает, что не все политики представляли степень сложности проблем в связи со сменой региональной идентичности. Из этого анализа не-

льзя не сделать выводы и о том, что слишком многие возможности в данном плане, в первую очередь связанные с потенциалом общеевропейской идеи, так и не были использованы. Быть может, их время еще наступит, несмотря даже на то, что процесс был омрачен агрессией против одного из суверенных государств Европы – Югославии.

Четвертая составляющая – славянские народы в XXI в.: диагноз и прогнозы. Можно напомнить, что в самый тяжелый период Второй мировой войны, когда немецкие войска рвались к Москве, советское руководство активно обратилось к идеям славянского единства. С тех пор прошли десятилетия. В посткоммунистическую эпоху славяне разбежались по своим «национальным квартирам». Наибольшую озабоченность вызывают очаги вражды, возникшие в славянском мире, и прежде всего, незатухающий югославский кризис. В глобальной системе международных отношений происходит становление «нового мирового порядка». Он пришел на смену Ялтинско-Потсдамской системе, которая, несмотря на все ее противоречия, все-таки обеспечивала статус кво между Востоком и Западом. Первым глобальным конфликтом на рубеже XXI в. стал Косовский кризис и бомбардировки военно-воздушными силами НАТО территории Союзной республики Югославии. Именно он показал всю опасность реально и временно сложившейся однополярной структуры международных отношений. По поводу однополярности можно напомнить, как накануне Второй мировой войны стремление СССР скрепить «большевистским обручем» Балканский регион натолкнулось на жесткую позицию болгарского монарха.

Но жизнь всегда оказывается сложнее расчетов политиков. В реалиях XXI в. все больше людей из стран Восточной Европы задаются вопросом: что такое Европа и ждут ли их там? Экономические проблемы все настойчивее и тревожнее стучатся в дверь. Особое значение приобретает вопрос о месте славянских народов в Европе, а точнее – на шкале европейской цивилизации. В XIX в. русский генерал М.Д. Скобелев так говорил о славянах: «Я рисую себе в будущем вольный союз славянских племен. Полная автономия у каждого, одно только общее – войска, монета и таможенная система. В остальном – живи, как хочешь, и управляйся, как можешь. Мой символ краток – любовь к Отечеству, свобода, наука и славянство... На этих четырех китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья». Скобелев понимал славянство как «...служение в современных условиях исключительно своему народу. Россия – для русских, а славянство – для славян. Следует взять у Запада все полезное, воспользоваться уроками его истории, его наукою, но затем развязаться с холопством перед Европой, вытеснив у себя всякое главенство

чуждых для нас элементов... Но презирать врага – самая опасная тактика. Но считаться с ним необходимо. Между чужими есть и друзья нам, но не следует сентиментальничать по поводу этой дружбы. Она до тех пор, пока у нас с ними враги общие. Изменись положение дел, и дружбы не будет». Будущим идеалом государственного устройства славянских народов был для него «союз автономий с громадной и сильной Россией в центре». Однако так мыслилось в отношении реалий XIX столетия. Сегодня, конечно, условия совершенно иные.

И, наконец, пятая составляющая – Россия, ее приоритеты и принципы во внешней политике в XXI столетии.

На рубеже XX–XXI вв. человечество вступило в один из самых сложных и противоречивых периодов мировой истории, характеризующийся крайней неопределенностью перспектив развития геополитической обстановки и ожиданием крупных перемен во всей системе мироустройства. Российская Федерация, представляя собой объект повышенного интереса и определенных притязаний со стороны других стран, оказалась в начале третьего тысячелетия в центре радикальных геополитических изменений экономического, социально-политического и военного характера. Новая расстановка военно-политических сил в мире, особенно в Европе, нарушила прежние основы стабильности, изменила характер, масштабы и содержание опасностей и угроз, приобретающих все более комплексный характер. Уже сегодня обозначились новые вызовы и опасности для России, в том числе и в Азии.

В истории все тесно связано и переплетено.

Вспомним о размышлениях русского военного геополитика А.Е. Снесарева, настаивавшего на освобождении России «от мессианства и лжепатриотизма». Он отмечал, что самой историей и судьбой нашей Родине определена счастливая многообещающая роль посредника, защитника, примирителя. «Лучший способ миротворчества для России – это выступить в роли третьей, почти нейтральной, стороны, участвуя в мирных и охранительных союзах и культивируя мирное честное сотрудничество». И далее: «Реальная политика должна руководствоваться прагматизмом, здоровым эгоизмом, государственными интересами, силой, разумом, международными обязательствами», «принцип международного баланса с внутренне присущим ему миротворческим содержанием предполагает очень осторожное отношение к вмешательству во внутренние дела других государств». Снесарев предупреждал, что «любой важный государственный вопрос должен решаться на естественноисторической основе, в рамках реальной, а не донкихотской политики, с точки зрения национально-государственных интересов России через призму общественной пользы».

Он подчеркивал, что «Россию спасут хорошо продуманная политика, глубокие разумом и сильные творчеством ее руководители, их искусство вести умную сообразную обстановке политику»⁵.

В заключение важно отметить, что историю России определила и определяет вечная идея Третьего Рима, которая легла в основу всей русской культуры. Это первая русская национальная идея, и она не утратила свое первичное значение и по сей день. Эта идея не просто была принята Россией, она создала саму Россию, определила ее уникальное и универсальное значение в мировой истории. Забвение этой идеи есть забвение самой России.

Россия подошла к началу третьего тысячелетия, имея за собой великое и трагическое прошлое. От него нельзя отказаться, и нет такого права забыть его, потому что историческая память, сопричастность к деяниям предков – необходимое условие жизнестойкости народов.

Знать и изучать прошлое – значит предвидеть будущее. У нас у всех сегодня один разумный путь – восстанавливать страну как современную мировую державу. Мировая держава – это абсолютная ответственность за происходящее в мире; бремя русских в новой тревожной ситуации начала XXI в. – не дать миру покончить с собой.

Примечания

- ¹ Имеются в виду засекреченные материалы в фонде М.С. Горбачева, а также в Российском государственном архиве новейшей истории.
- ² Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря.
- ³ Caroters Thomas. Aiding Democracy: The Learning Curve. Carnegie Endowment, 1999.
- ⁴ Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем 2 декабря 1989 г.
- ⁵ Снесарев А.Е. Афганские уроки. М., 2000. С. 431.

Содержание

К читателю	3
Приветствие академика РАН Г.Г. Литаврина	6
Приветствие заместителя директора Института истории БАН профессора В. Стоянова	8
I. РУССКИЕ И БОЛГАРЫ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ДРУГ ДРУГА	
Русские и болгары: представления и стереотипы восприятия друг друга	13
<i>Венедиктов Г.К.</i>	
Особенности условий общения болгар и русских в Бессарабии в 1820-е годы	15
<i>Даскалова Б.</i>	
Научное значение книги Ю. Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам»	31
<i>Медведева О.В.</i>	
Первый российский консул в болгарских землях Г.В. Ващенко о местном населении. 1830-е годы	36
<i>Строковская Т.Е.</i>	
К истории издания произведений болгарского книжника Климента Охридского в России в XIX в.	56

Фролова М.М.

- Повесть А.Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская» (1843 г.)
в контексте русско-болгарских отношений в конце Х в. 66

Макарова И.Ф.

- Очевидцы о русском расколе в Нижнем Подунавье
(середина XIX в.) 90

Горина Л.В.

- История Болгарии в трудах князя М.А. Оболенского 107

Тодев И.

- О «Записках» и «Донесениях» графа Н.П. Игнатьева 113

Хевролина В.М.

- Н.П. Игнатьев и болгарский народ 116

Воробьева Н.Н.

- Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. 121

Григорова Д.

- «Румелийский переворот» и русское общество (1885 г.) 126

Смолянинова М.Г.

- Восприятие болгар русской интеллигенцией в XIX в. 135

Анисимов М.Ю.

- Болгария в воспоминаниях военного писателя Б.Л. Тареева 158

Лабанури Д.О.

- Мемуары Христо Шалдева как источник по истории
болгарских студенческих объединений в России в начале XX в. 165

Шкундин Г.Д.

- Русские и болгары в годы Первой мировой войны:
проблемы взаимовосприятия 185

Косик В.И.

«Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!» К истории русской эмиграции на Балканах	208

Гришина Р.П.

Болгарская коммунистическая политэмиграция в Югославии и СССР (1920-е годы) Проблемы адаптации болгар к новой среде	220

Горяинов А.Н.

О работе болгарских политэмигрантов в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина в Москве (1920-е – 1930-е годы)	245

Живкова Н.

Профессор Асен Златаров и страна Советов	256

Валева Е.Л.

Проблемы взаимоотношений СССР и Болгарии (1939–1940 гг.) в оценках болгарских и советских дипломатов	263

Волокитина Т.В.

«Друзья» и «враги» в советской пропаганде военных лет: балканское измерение	275

Мигев В.

Советский Союз глазами болгарской общественности (1930-е гг. – 1989 г.)	304

Миланова С.

Деформация представлений о болгаро-советской дружбе в годы социализма	314

Баяева И.

Образ СССР/России в Болгарии на закате «государственного социализма» и в годы перехода к новой общественной модели (1985–2009 гг.)	328

II. РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА. XVIII–XXI вв.

Развитие двусторонних отношений. Историческая ретроспектива. XVIII–XXI вв.	345
<i>Стоилова Т.</i>	
Болгарские земли как стратегическое направление внешней политики России в XVIII в.	347
<i>Готовска-Хенце Т.</i>	
Русско-турецкая освободительная война 1877–1878 гг. и молодое славянофильское поколение в чешских и болгарских землях	359
<i>Исаева О.Н.</i>	
От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878–1913 гг.)	377
<i>Манасиева И.</i>	
Болгаро-советские отношения в конце 1917–1918 гг. в контексте «украинского вопроса»	389
<i>Спасов Л.</i>	
СССР, Болгария и Балканский пакт. 1934–1940 гг.	404
<i>Васильева Н.В.</i>	
Документы первых советских дипломатов в Болгарии как источник изучения советско-болгарских отношений (1934–1937 гг.): по материалам российских архивов	428
<i>Димитрова П.</i>	
Иван Стаменов – полномочный министр Болгарии и/или советский агент	443

Тодорова Р.

Стелла Благоева – первая женщина-посол Болгарии в СССР	457

Гребенаров А.

Македонское освободительное движение между Софией, Белградом и Москвой. 1919–1947 гг.	465

Златева А.

Сопrotивление болгарских творческих союзов внедрению советского опыта (1946–1953 гг.)	474

Тошкова В.

Директивная дипломатия Кремля и ее проекции в Восточной Европе. 1945–1989 гг.: болгарский «адресат»	501

Стыкалин А.С.

Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС	527

Марчева И.

Болгаро-советские экономические отношения. 1944–1991 гг.	542

Никова Г.

Вновь между Германией и СССР: Болгария в 70-е – начале 90-х годов Х века	557

Билга М.

Болгарская диаспора в Советском Союзе и деятельность Комитета болгар за рубежом. 1982–1991 гг.	574

Ревякина Л.В.

Болгария и Россия: восстановление отношений. 1991–2009 гг.	590

Пейковска П.

Российская пресса первого десятилетия XXI века о Болгарии	603

Муртузалиев С.

Дагестан и Болгария – исторические параллели. Проблемы России и Северного Кавказа в эмпирическом зеркале болгар (2006 г.)	613

Бушueva Т.С.

Восточная и Юго-Восточная Европа между Россией и Западом после 1989 г.	621

Научное издание

**Россия – Болгария:
векторы взаимопонимания.
XVIII–XXI вв.
Российско-болгарские
научные дискуссии**

Обложка М.И. Леньшиной

На обложке:

Гравюра неизвестного автора
«Русские солдаты в болгарской семье». 1878 г.

(Из книги «Българските земи от древността до наши дни
в атласи, карти, гравюри и книги». София, 2006)

Подписано в печать 13.07.2010
Бумага офсетная. Формат 60х84/16
Объем 37 усл. п.л.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-7576-0219-8

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

**Россия – Болгария:
векторы взаимопонимания.
XVIII–XXI вв.**

Российско-
болгарские
научные
дискуссии